

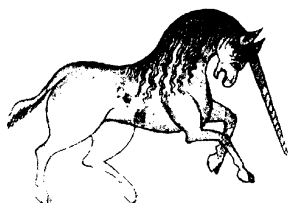
А.А. ГОРСКИЙ
В.А. КУЧКИН
П.В. ЛУКИН
П.С. СТЕФАНОВИЧ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

А.А. Горский, В.А. Кучкин,
П.В. Лукин, П.С. Стефанович

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Очерки политического
и социального строя

МОСКВА «ИНДРИК» 2008

ББК 63.3(2)43

УДК 94(47)

Г 70

Ответственные редакторы:

А. А. Горский, В. А. Кучкин

Рецензенты:

член-корр. РАН, д. и. н. Б. Н. Флоря, к. и. н. В. Б. Перхавко

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда

(исследовательский проект № 02-01-00184а,

издательский проект № 06-01-16206д)

Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.

Древняя Русь: очерки политического и социального строя. — М.: «Индрик», 2008. — 480 с.

Коллективная монография посвящена политико-административному делению Древнерусского государства и русских княжеств IX–XIII вв., социальному составу и функциям древнерусского веча, отношениям боярства и князей, древнерусской децимальной системе, представленной институтами десятских и сотских, в IX–XV вв. В книге используется максимально возможный круг источников, дается оценка степени их достоверности и репрезентативности. Изучение проводится на широком историческом фоне с применением разнообразных исследовательских методик. Научное издание.

 Iversens & Brizli
Современные сборка, дизайн

ISBN 978-5-85759-483-4

© Коллектив авторов, 2008

© Издательство «Индрик», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>А. А. Горский. Земли и волости</i>	9
Введение	9
«Земли» и «волости» в источниках XI — первой трети XII в.	11
«Земли» и «волости» в источниках середины XII — XIII в.	19
Итоги	32
<i>П. В. Лукин. Вече: социальный состав</i>	33
Введение	33
Дружина и люди	44
О летописной терминологии	64
Вече и город	81
О социальном составе веча	108
<i>П. С. Стефанович. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда</i>	148
Введение	148
Клятва верности	164
Виды клятвы и терминология	164
Князь и княжий муж: «прять в сердце», «сложить голову», «служить животом»	170
Крестоцелование как присяга верности?	182
Иностранные известия о присяге знати	198
Сравнение	202
Право отъезда	209
Боярские «переходы»	209
Боярские «карьеры» и «генеалогии»	218
Сравнение	261
Итоги	267

В. А. Кучкин. Десятские и сотские Древней Руси	270
Десятские	270
Сотские	329
Итоги	423
Заключение	426
Список сокращений	429
Указатель лиц	430
Указатель географических названий	459

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является итогом многолетней работы коллектива сотрудников Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН, изучавших социальный и политический строй Руси IX–XV вв. В 2002–2004 гг. проводившиеся исследования были поддержаны Российским государственным научным фондом.

Проблемы социально-политического строя в целом и Древней Руси в частности относятся к числу наиболее сложных в исторической науке. Их решение во многом затрудняется тем, что далеко не всегда учитываются показания всех сохранившихся источников, в исследования зачастую привносятся научные абстракции, влияющие на подход к конкретному материалу, а обобщения делаются без надлежащей тщательной проработки деталей.

Авторы монографии не преследовали задачи осветить все вопросы, связанные с указанной проблематикой. Свои исследования они вели по трем направлениям: политико-административное деление Древнерусского государства и русских земель в IX–XIII вв.; формы коллективной общественной и политической деятельности, в частности социальный состав и функции веча в те же столетия; состояние различных социальных слоев и групп в русском обществе IX–XV вв. Усилия были направлены на изучение положения боярства, бывшего на протяжении длительного исторического периода руководящим классом русского общества, служившего князьям и определенным образом оформлявшего с правителями свои отношения; на выяснение характера деятельности, имущественного и правового положения сотских и десятских (по мнению многих исследователей, являвшихся представителями крестьянских общин).

В отличие от предшествовавших работ на указанные темы, авторы данной монографии ставили своей целью максимальное использование разнообразных сохранившихся исторических сведений по разрабатываемым вопросам, учет их источниковедческих характеристик, определение степени достоверности и репрезентативности. Лишь после такой предварительной эвристической и аналитической работы можно было обобщать и объективно оценивать те или иные явления прошлого и приходиться к подтверждаемым историческими источниками заключениям.

Предлагаемый труд рассматривает четыре круга вопросов. Во-первых, это эволюция территориально-политической структуры Древней Руси. В историо-

графии при ее характеристике используются такие понятия, как «племена», «княжества», «земли», «волости», «города-государства». Ставится задача прояснить, какие из этих терминов реально существовали в Древней Руси, когда возникли, каково было их наполнение в разные периоды. Все это должно помочь уяснить издавна дискутируемые вопросы о времени складывания Древнерусского государства, его административном делении и наступлении эпохи т. н. «удельной системы», или «феодальной раздробленности» (которую точнее было бы определять как эпоху «государственной раздробленности»).

Другая большая тема — участие рядового древнерусского населения в политической жизни. Здесь исследование построено на анализе понятия «вече», содержании и эволюции этого понятия, распространенности в различных центрах Древней Руси. Вопрос о вече — один из самых спорных в историографии русского Средневековья. Мнения колеблются от объявления его главным органом государственного управления (выше княжеской власти), инструментом народовластия, до признания аристократического характера веча или представления о нем как форме привлечения низов населения для решения интересов тех или иных групп господствующего слоя.

В третьем разделе исследуются правовая и обрядовая стороны отношений князя и дружины (позднее — боярства). До сих пор в отечественной историографии внимание преимущественно уделялось экономическим основам господства знати, формам военно-дружинной организации, участию знати в государственном управлении. Практически не изучался вопрос о том, каким образом оформлялось вступление в княжескую дружину. С другой стороны, по данным XIV–XV вв. известно, что бояре и вольные слуги имели, по крайней мере теоретически, право покинуть одного князя и перейти на службу к другому (т. н. право отъезда). Давали ли служилые люди клятву верности князю и применялось ли право отъезда в домонгольское время — этим проблемам посвящены две соответствующие части третьего раздела книги. Автор раздела прибегает к сравнительно-историческому анализу, используя данные о клятве верности дружинников (вассалов) и о порядке ухода с княжеской (королевской) службы в раннесредневековой Европе и скандинавских странах XI–XIII вв.

Четвертый раздел посвящен главным образом десятским и сотским, фиксируемым в источниках начиная с конца X в., с эпохи Владимира Святославича. В то же время здесь рассматриваются вопросы, связанные с существованием десятков и сотен, происхождением и положением рядовых членов этих объединений.

Введение

Проблемы политической структуры Руси домонгольского периода постоянно находились в фокусе внимания исторической науки. При этом многие вопросы — такие как форма государства, время его складывания, характер территориально-политического деления, его эволюция, время «распада» Киевской Руси — остаются предметом дискуссии. Представляется, что эта дискуссионность в значительной мере связана с недостаточным вниманием к исторической терминологии, с неотделенностью в историографии реальных древнерусских терминов от привнесенных наукой.

Так, к догосударственным общностям восточных славян (полям, древлянам, вятичам и др., называемым в «Повести временных лет») постоянно прилагается термин «племена». Между тем мало того, что они не именуются «племенами» в источниках, — к этим образованиям неверно прилагать термин «племя» и в научном смысле, т. к. они были общностями, основанными не на кровнородственных, а уже на территориально-политических связях, образовавшимися в ходе расселения славян VI–VIII вв.¹

Для составных частей Руси X–XIII вв. обычным в историографии является термин «княжество». При этом им могут именоваться образования самого разного статуса: и догосударственные общности, и составные части Руси XI в., и политические единицы XII столетия, традиционно относимого уже к эпохе «раздробленности». Между тем в источниках термин «княжество» не встречается ранее конца XIV в.², а этимологически близкий к нему термин «княжение» до XIV столетия крайне редко применялся в значении «подвластная князю область»³.

В исторической реальности домонгольской Руси существовали два термина, применяемые в историографии, — «земли» и «волости». Исследование семантики

¹ См. об этом: Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160–177.

² См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 1400, 1404.

³ См.: Там же. Стб. 1397–1393; СДРЯ. Т. 4. М., 1991. С. 360–361 (основное значение — «княжеская власть, правление»).

их употребления в источниках и может прояснить проблему характера и эволюции территориально-политической структуры⁴.

* * *

Среди исследователей, затрагивавших вопрос о содержании терминов «земля» и «волость», выделяются две группы. По мнению представителей одной из них (меньшей), это понятия тождественные: иногда употреблялся даже гибрид (разумеется, отсутствующий в источниках) — «земли-волости» или «волости-земли»⁵. Большинство историков различало «земли» и «волости», при этом насчет их соотношения высказывалось несколько точек зрения: 1) «волость» — составная часть «земли»⁶; 2) «волость» пришла на смену «земле» после сложения государства⁷; 3) оба понятия существовали параллельно, имея разное наполнение⁸. В отношении времени появления земель и волостей также высказывались различные мнения. Некоторые авторы полагали, что «земли» существовали еще в «докняжеский» («дорюриков») период⁹, другие относили их появление к эпохе Рюрикови-

⁴ Речь пойдет, разумеется, о понятиях «земля» и «волость» в территориальном значении, в смысле территориально-политических единиц (о других значениях данных терминов см.: СДРЯ. Т. 1. М., 1988. С. 445–446, 462–470; Т. 3. М., 1990. С. 371–376).

⁵ См.: *Грушевский М. С.* Киевская Русь. СПб., 1911. С. 443–445, 453–454; *Грушевский М.* Історія України — Руси. Київ, 1913. Т. 1. С. 373–374, 422–427, 529; Львів, 1905. Т. 2. С. 50–51; *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. 191–202, 214; *он же.* Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 31–35, 62, 67, 97, 123, 137, 155, 162, 164, 167; *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 132–154; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 7–9, 25–26, 34, 50–52; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 33, 229–233.

⁶ *Самоковасов Д. Я.* Исследования до истории русского права. Вып. 1. М., 1896. С. 81–88; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 167, 172–174; *он же.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 325, 327, 372; *Vernadsky G.* *Kievan Russia.* New Haven, 1951. P. 132, 173–176, 196; *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 58–54; *он же.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 163–164; *он же.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII вв. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 361, 367–369.

⁷ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 73–85, 92–93.

⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 222–225, 235–235, 259; Кн. 2. М., 1960. С. 24–29; *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб., 1872. С. 14, 17–18.

⁹ См.: *Владимирский-Буданов В. Ф.* Обзор истории русского права. Ч. 1. СПб.; Киев, 1907. С. 11–15; *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 85–90; а также указ. работу Н. И. Костомарова.

чей¹⁰; аналогично и возникновение «волостей» одни исследователи относили к глубокой древности¹¹, другие же — ко временам Киевского государства¹².

Большинство авторов при этом не проводили анализа употребления терминов «земля» и «волость» в источниках, используя их иллюстративно. Попытки такого анализа были предприняты только тремя исследователями — Л. В. Черепниным, В. М. Рычка и А. П. Толочко. Л. В. Черепнин зафиксировал даты, под которыми впервые упоминаются отдельные «земли» внутри Руси, определяемые по стольным городам¹³. В. М. Рычка попытался проследить эволюцию понятия «волость», придя к выводу, что на первых этапах формирования Древнерусского государства «волостью» называлась территория, тянувшая к городу, в конце XI — первой половине XII в. наряду с этим значением бытовало широкое — «волость» = земля-княжество, а с начала или середины XII в. появилось узкое значение термина «волость» в смысле части земли-княчества¹⁴. А. П. Толочко пришел к выводу, что волость — не территориально-административная единица, а форма княжеского землевладения, условное княжеское держание¹⁵. Однако, во-первых, ни один из названных авторов не привлек все упоминания изучаемого термина, во-вторых, каждый уделил серьезное внимание только одному из двух понятий, обозначавших в раннесредневековой Руси крупные территориальные единицы (Л. В. Черепнин — «земле», В. М. Рычка и А. П. Толочко — «волости»).

«Земли» и «волости» в источниках XI — первой трети XII в.¹⁶

1. Земли

Наиболее часто термин «земля» встречается в XI — начале XII в. в сочетании с определением «Русская»: в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, «Повести временных лет», «Сказании о Борисе и Глебе», церковном уставе Владимира Святославича, Русской Правде краткой редакции, «Поучении» Владимира Мономаха,

¹⁰ См. указ. работы С. М. Соловьева, С. В. Юшкова, Л. В. Черепнина, а также: *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. М., 1987. С. 199–201.

¹¹ В основном те же авторы, которые отстаивали «докняжеское» происхождение «земель», — Н. И. Костомаров, В. И. Сергеевич, В. Ф. Владимирский-Буданов, а также Н. П. Хлебников (*Хлебников Н. П.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871. С. 25–26, 34–98).

¹² См. указ. работы С. М. Соловьева, Л. В. Черепнина, а также: *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1913. С. 59–63, 73–75; *Рычка В. М.* Про адміністративно-територіальний устрій давньоруських земель у XI–XII ст. // *Український Історичний журнал.* 1983. № 2.

¹³ *Черепнин Л. В.* Исторические условия... С. 59.

¹⁴ *Рычка В. М.* Указ. соч.

¹⁵ *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. Гл. 3.

¹⁶ В качестве верхней хронологической грани раздела берется 1132 г. — дата смерти киевского князя Мстислава Владимировича, условно считающаяся датой начала эпохи «раздробленности».

жалованной грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода 1130 г. Под «Русской землей» имеется в виду территория, подвластная русским князьям — Рюриковичам; термин выступает как тождественный понятию «Русь» в его территориальном значении¹⁷. Аналогичным образом применяется термин «земля» к «зарубежным» политическим образованиям — он прилагается к независимым государствам: «Греческая земля» (Византия), «Лядская земля» (Польша), «Угорская земля» (Венгрия), «Болгарская земля», «Агнянская земля» (Англия), «Волошская земля» (Италия)¹⁸. Такое же значение имел термин «земля» в переводных произведениях (там встречаются земли Египетская, Ромейская, Ханаанская, Греческая, Перская, Халдейская, Иерусалимская)¹⁹.

В то же время в Начальном летописании «землями» в ряде случаев называются восточнославянские догосударственные общности до их перехода под власть князей Рюрика рода: «Словенская земля» (территория ильменских словен), «Польская земля» (территория полян), «Деревская земля» (территория древлян)²⁰. Здесь можно допустить две возможности: 1) перед нами экстраполяция летописцами термина, в их эпоху (конец XI — начало XII в.) обозначавшего независимые политические образования, на славянские догосударственные общности во времена, когда они еще не вошли в состав «Русской земли» (т. е. были, по представлениям летописцев, еще самостоятельными); 2) данное словоупотребление являет собой отголосок реального применения к территориям этих общностей понятия «земля» в IX–X вв. Первое объяснение представляется более вероятным. Территории догосударственных общностей определяются в ПВЛ и при помощи «отэтнонимических» названий — «Деревы», «в Полях», «Словени»²¹. При этом существуют летописные записи XII в., фиксирующие старое, «догосударственное» название территории при описании современных событий. Они дают только «отэтнонимические» наименования — «Вятичи», «Деревы», «Дреговичи», «Кривичи», «Радимичи»²². В XII столетии ими обозначались части территорий бывших догосударственных общностей, входившие в то или иное «княжество»: например, «Вятичи» — часть территории бывшей общности вятичей, входившая во владения

¹⁷ См.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 1, 17, 35, 38, 42, 47, 54–55, 70, 79, 110, 119, 131, 137–138, 149–150, 157, 163–164, 171–172, 174, 189, 208, 213, 218–219, 222, 226, 229, 252–254, 256, 262–264, 266, 274, 277–273; Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 92; Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 43, 54–57, 53, 65, 53–70; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 15, 18–19, 21–22; Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 71 (Заголовок «Правды Ярославичей»); ГВНП. № 18. С. 140.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4–5, 22, 29, 35, 38, 46, 73, 110, 145, 149–150, 173–174, 256; Успенский сборник XII–XIII вв. С. 54.

¹⁹ Данные о лексике переводных произведений XI — начала XII в. взяты из картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. Института русского языка РАН (далее — картотека ДРС).

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 8, 21, 56–58, 60, 74.

²¹ Там же. Стб. 8, 10, 54–55, 121.

²² Там же. Стб. 247–248; Т. 2. М., 1962. Стб. 282, 292, 299, 310–311, 336, 342, 268, 371, 374, 384, 455, 459, 468, 502, 509, 537, 637.

черниговских князей²³. Скорее всего, именно эта терминология отражает древнюю практику, а применение к догосударственным общностям термина «земля» нужно рассматривать как модернизацию летописцев.

Наконец, в одном случае в ПВЛ «землей» названа составная часть Руси. Под 1096 г. сказано, что князь Олег Святославич в ходе междоусобной войны «перяя всю землю Муромску и Ростовьску»²⁴.

2. Волости (вар.: власти)

«Повесть временных лет». Под 975 г. упоминается о совете воеводы Свенельда киевскому князю Ярополку относительно его брата Олега, княжившего в «Деревах»: «...пойди на братья свои и прими волость его»²⁵. Под 977 г. дважды говорится, что Ярополк «перяя власть» Олега²⁶. Под 980 г. упоминается, что Рогволод «имяше волость свою Полотьскѣ»²⁷. Ярослав Владимирович после смерти в 1033 г. своего брата черниговского князя Мстислава «перяя власть его всю»²⁸. Племянники-«сыновцы» Всеволода Ярославича в период его киевского княжения «начаша ему стужати, хотяще власти»; в результате Всеволод «раздаваше волости имъ»²⁹. В 1096 г. Олег Святославич обращается к Изяславу Владимировичу: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего» (Муром. — А. Г.)³⁰. После поражения и гибели Изяслава его брат Мстислав предъявляет аналогичное требование Олегу: «иди ис Суждаля Мурому, а в чужей волости не съди»³¹. В 1097 г. Давыд Игоревич советует Святополку Изяславичу не отпускать теребовльского князя Василька Ростиславича «в свою волость»³². После ослепления Василька Святополк, оправдываясь перед другими князьями, говорит: «Поведал ми Давыдъ Игоревичь, яко Василко брата ти убилъ Ярополка и тебе хочеть убити, и зяты волость твою — Туровъ, и Пинескъ, и Берестии, и Погорину»³³. Пленный Василько говорит Василию (автору летописной повести о событиях 1097–1099 гг.): «мои Теребовль моя власть и ныне и пождаваше»; «якоже и бысть: вскорѣ бо прия власть свою» — замечает автор повести³⁴. Тем временем «пойде Давыд, хотя перяети Василкову волость»³⁵. После поражения и бегства Давыда Святополк «нача

²³ См.: *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 107–108.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 237; ср.: Т. 2. Стб. 227.

²⁵ Там же. Т. 1. Стб. 74; ср.: Т. 2. Стб. 62.

²⁶ Там же. Т. 1. Стб. 75; ср.: Т. 2. Стб. 52–63.

²⁷ Там же. Стб. 63; ср.: Т. 1. Стб. 73.

²⁸ Там же. Т. 1. Стб. 150; ср.: Т. 2. Стб. 73.

²⁹ Там же. Стб. 207–208; ср.: Т. 1. Стб. 216.

³⁰ Там же. Стб. 236–237; ср.: Т. 2. Стб. 225–227.

³¹ Там же. Т. 1. Стб. 237; ср.: Т. 2. Стб. 227.

³² Там же. Т. 3. Стб. 258; ср.: Т. 2. Стб. 232.

³³ Там же. Стб. 237; ср.: Т. 1. Стб. 263.

³⁴ Там же. Стб. 265; ср.: Т. 2. Стб. 239–240.

³⁵ Там же. Т. 1. Стб. 267; ср.: Т. 2. Стб. 241.

думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко се есть волость отца моего и брата» (перемышльское и теребовльское княжества)³⁶. В 1100 г. на съезде в Уветичах сильнейшие князья предложили Володарю и Васильку: «буди вам едина власть — Перемышль»³⁷.

Новгородская первая летопись (известия, не совпадающие с ПВЛ). В начале летописи объявляется намерение поведать о том, как «гради почаша бывати по мѣстом, преже Новгородская волость и потом Киевская»³⁸. В рассказе о призвании варяжских князей говорится, что «словѣнѣ свою волость имѣли, и кривици свою, а мере свою»³⁹.

Запись на Остромировом евангелии (1056–1057 гг.). «Изяславу же князю тогда прѣдръжашу обѣ власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимира»⁴⁰ (т. е. киевское и новгородское княжения).

«**Сказание о Борисе и Глебе**». В рассказе о распределении Ярославом столов между сыновьями говорится, что он посадил «Изяслава Киевѣ старѣишаго, а Святослава Чърниговѣ, а Всеволода Переяслави, а прокыя по инѣмъ волостѣмъ»⁴¹.

«**Поучение**» **Владимира Мономаха**. Автор пишет о том, как братья предложили ему: «потѣсняси к нам, да выженемъ Ростиславича (Володаря и Василька. — А. Г.) и волость ихъ отимемъ»⁴².

Письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу. Предлагая примирение, Владимир обещает: «тои волость възмешь с добромъ»⁴³.

Южнорусское летописание 20-х гг. XII в. В рассказе о смерти Владимира Мономаха (1125 г.) говорится, что его сыновья после похорон «разыдохася каждо въ свою волость с плачемъ великомъ, идеже бяше комуждо раздаять волости»⁴⁴.

В ряду перечисленных упоминаний термина «волость» особняком стоят два фрагмента Новгородской первой летописи, где «волостями» названы территориальные образования IX в. В первом из этих упоминаний следует видеть ретроспекцию современного летописцу термина на период начала государства. Фраза сходна с записью на Остромировом евангелии: обе они, очевидно, отражают новгородскую точку зрения на существование на Руси двух главных волостей — новгородской и киевской с явным стремлением к возвеличиванию Новгорода. Во втором фрагменте отразилось современное летописцу представление о волости как территории, находящейся под чьей-либо властью, но поскольку, по легенде о при-

³⁶ Там же. Т. 1. Стб. 269; ср. Т. 2. Стб. 244.

³⁷ Там же. Т. 1. Стб. 274.

³⁸ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 104. Не исключено, что этот текст не восходит к использованному в НПЛ (по мнению большинства исследователей) т. н. «Начальному своду» конца XI в., а являет собой более позднюю вставку новгородского редактора.

³⁹ Там же. С. 105.

⁴⁰ Остромирово евангелие. Л., 1988. Л. 294б.

⁴¹ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 62.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241.

⁴³ Там же. Стб. 254.

⁴⁴ Там же. Т. 2. Стб. 289.

звании Рюрика, князей в это время у словен, кривичей и мери не было, то автор изобразил дело так, что владеют этими волостями сами «людие» («владети сами себе») ⁴⁵.

В остальных 22 упоминаниях термина *волость/власть* он связывается с конкретным князем (или князьями) — владельцем. В 19-ти случаях этот князь — вассал киевского князя и «волостью» названа управляемая им территория. Дважды речь идет о территориях, принадлежащих киевскому князю, но составляющих часть государства (Остромирово евангелие, ПВЛ под 1097 г. о «волости» Святополка). Всего в одном случае князь-владелец волости — не Рюрикович (Рогволод).

Почти во всех случаях имеются в виду территории, князь-владелец которых сидит непосредственно в политическом центре данной волости. Исключений — четыре. Запись на Остромировом евангелии характеризует Новгород как «власть» Изяслава, хотя он в 1056–1057 гг. княжил в Киеве. Ростов и Муром в 1096 г. не имели (до начала войны Олега с Мономашичами) своих князей и характеризуются в воспроизведенных летописью переговорах как волости соответственно Мономаха (в это время княжившего в Переяславле) и Святослава Ярославича (который владел при жизни Муромом как князь черниговский). В прошлом (Новгород с первой половины X в., Ростов и Муром в эпоху Владимира Святославича) все эти центры имели свои собственные княжеские столы. Волостью Святополка под 1097 г. названы все его владения, кроме стольного Киева; поставленный среди них первым Туров был прежде центром его княжения (а еще ранее там княжил Святополк Окаянный) ⁴⁶. Таким образом, во владении одного князя могло быть несколько волостей: сам он сидел в центре наиболее значительной из них, другие управлялись его посадниками ⁴⁷. Вероятно, территория получала право именоваться «волостью» после того, как в ней появлялся княжеский стол, и сохраняла это право и в том случае, если в дальнейшем ею владел князь, непосредственно в ее центре не сидевший.

Термин «волость» в приведенных известиях часто сочетается с глаголами, обозначающими действие: волости можно «прियाть», «переть», «раздавать», «заять», «держать», «отнять», «взять», в волости можно «посадить» (князя). Отметим, что в сочетании с термином «земля» встречается только один из этих глаголов («держать») ⁴⁸.

В переводных памятниках XI — начала XII в. термин «власть» (полногласная форма в них не употребляется ⁴⁹) также встречается как обозначение части территории государства ⁵⁰, но чаще в этих случаях употребляется этимологически тож-

⁴⁵ НПЛ. С. 106.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207.

⁴⁷ Так, под 1095 г. как раз упоминается «посадник Ольгов» в Муроме (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229).

⁴⁸ В жалованной грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода: «Се азь Мьстиславъ Володимиръ сынъ, държа Руську землю...» (ГВНП. № 81. С. 140).

⁴⁹ См: *Михайловская Н. Г.* Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв. Нормативный аспект. М., 1980. С. 138.

⁵⁰ 5 случаев, служит для перевода греч. *ἀρχή* и *ἐπαρχία* (данные картотеки ДРС).

дественный с ним термин «область»⁵¹ (в оригинальных произведениях он встречается в таком значении, напротив, гораздо реже, чем «волость»⁵²).

Приведенный материал показывает, что «волость» конца X — начала XII в. — это прежде всего княжеское владение. Показательно, что если князь-владелец называется или подразумевается во всех случаях (кроме двух «ретроспективных» фрагментов Новгородской первой летописи), то главный город волости назван лишь 5 раз и практически ни разу (исключение — «ретроспективное» упоминание новгородской и киевской волостей в начальной статье Новгородской первой летописи, возможно являющееся поздней вставкой) «волость» не определяется притяжательным прилагательным, образованным от названия ее центра⁵³. Понятие «волость» (этимологически восходящее к глаголу «владеть»⁵⁴) в данный период связано с владетельными правами исключительно князя, а не города или иного субъекта⁵⁵. Под волостью имеется в виду не только сельская округа стольного города, но и (и в первую очередь) он сам.

В период до первой трети XII в. включительно центрами волостей, т. е. населенными пунктами, где в течение того или иного времени бесспорно существовали столы князей-Рюриковичей, побывал 21 город. Далее они приводятся с датами первого упоминания в источниках княжеского стола и датами, под которыми относящаяся к ним территориальная единица поименована «волостью» (если такое упоминание есть)⁵⁶.

⁵¹ Соответствует греч. *παροικία*, *ἐπαρχία*, *τοποτηρησία*, *ἄρχη* (данные картотеки ДРС).

⁵² Два раза в ПВЛ («Ростовская область» под 1071 г. и «область Полоцка» под 1092 г.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175, 215) и еще несколько случаев в «Житии Феодосия Печерского» и «Сказании о Борисе и Глебе» (Успенский сборник XII–XIII вв. С. 58, 68, 84, 121–122).

⁵³ Притяжательное прилагательное, образованное от названия города, употребляется в одном случае упоминания в ПВЛ термина «область» («Ростовская область»). Возможно, термин «область» был более «территориальным» в отличие от понятия «волость», которое в XI — начале XII в. было не принято употреблять без указания на князя-владельца.

⁵⁴ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 344. В некоторых случаях трудно отделить территориальное значение термина от значения «власти над территорией». Так, известия 977 и 1036 гг. о том, что князя «перяли власть» своих братьев, можно трактовать и как овладение территорией, и как переход от одного лица к другому власти над ней: в ту эпоху грани между этими понятиями фактически не было.

⁵⁵ Таким образом, источники не подтверждают мнение И. Я. Фроянова и его последователей о «волости» как «государстве-общине» во главе с городом; «волость» в источниках XI — начала XII в. — это княжеское владение.

⁵⁶ В перечень не включены Вышгород и Белгород, хотя в этих городах были одно время княжеские столы. Дело в том, что Вышгород и Белгород были «домениальными» городами киевских князей (см.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 68), поэтому княжение в этих центрах их сыновей (Ярополк Изяславич при киевском княжении Изяслава Ярославича и Мстислав Владимирович при киевском княжении Владимира Мономаха) следует рассматривать как особый политический феномен (соправительство). Не учитываю также Псков, поскольку традиционное представление о княжении там сына Владимира Судислава не опирается на прямые известия ранних летописных сводов: в ПВЛ сказано только о заточении Судислава Ярославом во Пскове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151).

- Новгород. Стол — 40-е гг. X в. ⁵⁷. «Волость» — 1056–1057 гг. ⁵⁸.
Овруч. Стол — 970 г. ⁵⁹. «Волость» — 975, 977 гг. ⁶⁰.
Туров. Стол — 988 г. ⁶¹. «Волость» — 1097 г. ⁶².
Полоцк. Стол — 988 г. ⁶³. «Область» — 1092 г. ⁶⁴.
Владимир-Волинский. Стол — 988 г. ⁶⁵. «Волость» — 1054 г. ⁶⁶.
Тмуторокань. Стол — 988 г. ⁶⁷.
Ростов. Стол — 988 г. ⁶⁸. «Волость» — 1096 г. («область» — 1071 г.) ⁶⁹.
Муром. Стол — 988 г. ⁷⁰. «Волость» — 1096 г. ⁷¹.
Смоленск. Стол — 988 г. ⁷². «Волость» — 1054 г. ⁷³.
Чернигов. Стол — 1024 г. ⁷⁴. «Волость» — 1036, 1054 гг. ⁷⁵.
Киев. «Волость» — 1054 г. ⁷⁶.
Переяславль. Стол — 1054 г. ⁷⁷. «Волость» — 1054 г. ⁷⁸.
Перемышль. Стол — 1086 г. ⁷⁹. «Волость» — 1093, 1097, 1100 гг. ⁸⁰.
Теребовль. Стол — 1097 г. ⁸¹. «Волость» — 1093, 1097 гг. ⁸².
Курск. Стол — 1095 г. ⁸³.

⁵⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44–45.

⁵⁸ Остромирово евангелие. Л. 294б.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69. В известии о посажении Святославом Игоревичем своего сына Олега в «Деревах» Овруч не назван, но он выступает в качестве столицы Олега в рассказе о событиях 977 г. (Там же. Стб. 75).

⁶⁰ Там же. Стб. 74–75.

⁶¹ Там же. Стб. 121.

⁶² Там же. Стб. 263.

⁶³ Там же. Стб. 121.

⁶⁴ Там же. Стб. 215.

⁶⁵ Там же. Стб. 121.

⁶⁶ Там же. Стб. 161; Т. 2. Стб. 151; Успенский сборник XII–XIII вв. С. 62.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Стб. 175, 237.

⁷⁰ Там же. Стб. 121.

⁷¹ Там же. Стб. 237.

⁷² ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Пг., 1915. С. 71–72.

⁷³ Ср.: Там же. Т. 1. Стб. 161; Успенский сборник. С. 62.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147.

⁷⁵ Там же. Стб. 150.

⁷⁶ Успенский сборник. С. 62. Киев, столица всей Руси, определяется как «волость» впервые тогда, когда Ярослав создает особые столы в Чернигове и Переяславле, т. е. когда владение Киевом перестало означать власть над всем Средним Поднепровьем.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161.

⁷⁸ Успенский сборник. С. 62.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206.

⁸⁰ Там же. Т. 2. Стб. 207–208; Т. 1. Стб. 269, 274.

⁸¹ Там же. Стб. 257.

⁸² Там же. Т. 2. Стб. 207–208; Т. 1. Стб. 258, 265, 267, 269.

⁸³ Там же. Т. 1. Стб. 229.

Бужск. Стол — 1100 г.⁸⁴.
Дорогобуж. Стол — 1100 г.⁸⁵.
Берестье. Стол — 1101 г.⁸⁶.
Минск. Стол — 1116 г.⁸⁷.
Городен. Стол — 1127 г.⁸⁸.
Клеческ. Стол — 1127 г.⁸⁹.

Таким образом, к концу княжения Владимира Святославича (1015 г.) на Руси достоверно известно 9 волостей, Ярослава Владимировича (1054 г.) — 10, Всеволода Ярославича (1095 г.) — 12, Мстислава Владимировича (1132 г.) — 19.

Суммируя данные об употреблении в источниках XI — начала XII в. терминов «земля» и «волость», можно сказать, что, по представлениям современников, в это время существовала «Русская земля», состоявшая из «волостей», управляемых представителями киевской династии. Встречающееся в историографии отождествление понятий «волость» и «земля» для этого периода фактически неверно, поскольку объединяет термины разного уровня — обозначение территории, составляющей часть государства, и обозначение государства в целом⁹⁰.

⁸⁴ Там же. Стб. 274.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Стб. 274–275.

⁸⁷ Там же. Т. 1. Стб. 290–291; Т. 2. Стб. 283.

⁸⁸ Там же. Т. 1. Стб. 297.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Как исключение, связанное с конкретными обстоятельствами, следует расценивать указанный выше случай, когда термин «земля» употреблен в ПВЛ в качестве обозначения двух волостей — «перяя всю землю Муромску и Ростовьску» (выше Муром и Ростов названы «волостями»: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 237; ср.: Т. 2. Стб. 227). Здесь, по-видимому, сыграли роль два обстоятельства: 1) обширность территории, захваченной Олегом; 2) отсутствие у этих волостей в тот момент владельца (управлявший ими Изяслав Владимирович только что погиб в бою с Олегом). Не относится ко всей Руси также употребление термина «земля» в ст. 36 и 39 Пространной редакции Русской Правды: «будеть ли свод по землям...»; «А из своего города в чюжою землю свода нетуть» (Правда Русская. Т. 1. С. 107–108). Очевидно, имеются в виду территории, тянувшие к данному городу (ср.: ПРП. Вып. 1. М., 1952. С. 154–156). Поскольку речь шла о юридических нормах, употреблен был не термин «волость», который в начале XII в. (к этому времени относится составление Пространной редакции — см.: *Милов Л. В.* О происхождении Пространной Русской Правды // *Вестник МГУ. Сер. история.* 1989. № 1) был всегда связан с конкретным князем, а более общее понятие. Термин «земля», в отличие от случаев его употребления для обозначения независимых государств, дан здесь без территориального определения. Аналогично в «Сказании о Борисе и Глебе» «землями» без определений названы территории, на которых Владимир посадил своих сыновей (Успенский сборник XII–XIII вв. С. 43). Возможно, впрочем, что здесь сказалось представление об этих территориях как относящихся в довладимирову эпоху к самостоятельным догосударственным общностям.

«Земли» и «волости» в источниках середины XII — XIII вв.*1. Земли*

В XII — первой трети XIII в. продолжает употребляться понятие «Русская земля», причем наряду с широким значением (все территории под властью русских князей — Рюриковичей) распространяется узкое — Южная Русь (Киевское княжество с Переяславским и частью Черниговского)⁹¹. В то же время в источниках появляется целый ряд «земель». Рассмотрим известия о них, расположив «земли» в порядке хронологии первого упоминания.

Полоцкая земля. Под 6636 (1128) г. в летописании Северо-Восточной Руси «Полоцкой землей» названы владения Рогволода, полоцкого князя X в., независимого от Киева: «Рогволоду держашю и владѣюшу и княжашю Полотьскою землею»⁹². Нет оснований сомневаться, что здесь ретроспективно использован термин, который прилагался к Полоцкому региону в современную летописцу эпоху.

Новгородская земля. Новгородская первая летопись старшего извода под 6545 (1137) г.: «Святѣславъ Олговиць съвѣкупи всю землю Новгородскую... идоша на Пльсковъ прогонити Всеволода»⁹³. Речь идет о сборе войск с новгородской территории. Позднее в новгородском летописании XII–XIII вв. этот термин не встречается, предпочтение отдается понятию «область» или «волость» Новгородская⁹⁴. В южнорусском летописании под 6686 г. приводятся слова князя Мстислава Ростиславича перед походом на Чудь: «Братие, се обидятъ ны погании, а быхомъ узрѣвше на Богъ и на святой Богородици помочь, помъстили себе, и свободилѣ быхомъ Новгородскую землю от поганыхъ». Говоря под тем же годом о смерти Мстислава, летописец подчеркивает, что «плакашеса по немь вся земля Новгородская»⁹⁵ (т. е. все население Новгородской земли).

Черниговская земля. Южнорусское летописание под 6550 (1142) г.: «Изяслав (князь переяславский. — Л. Г.) ѡха ис Переяслава в борзѣ в землю Черниговскую»⁹⁶. «Слово о князьях» (вторая половина XII в.), говоря о черниговском князе Давыде Святославиче (ум. 1123 г.), называет его князем «всеи земли черниговской»⁹⁷. Под 6766 г. в Галицко-Волынской летописи говорится, что литовский воевода Хвал «велико убиство творяше земле Черниговской»⁹⁸.

⁹¹ См. о ее пределах: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 28–46; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 56–66; *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995.

⁹² ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 299.

⁹³ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 25.

⁹⁴ Там же. С. 22, 37, 44, 56, 72, 77, 78, 80, 82, 83, 95. В новгородских источниках XIV в. термин «Новгородская земля» обычен (см.: ГВНП. М.; Л., 1949. С. 16, 17, 19, 20–22, 29, 30, 33).

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 607–610.

⁹⁶ Там же. Стб. 611.

⁹⁷ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 340.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 840.

Суздальская земля. Южнорусское летописание под 6555 (1148) г.: сын Юрия Долгорукого Ростислав «роскоторавься съ отцемъ своимъ, оже ему отецъ волости не да в Суждалиской земли»⁹⁹. Под 1162 г. там же сказано, что Андрей Боголюбский изгнал своих родственников, «хотя самовластець быти всѣи Суждальской земли»¹⁰⁰.

Под 1169 г. к тому же региону в рассказе об изгнании Андреем епископа Федора прилагается термин «Ростовская земля»¹⁰¹. Позднее в летописных и иных памятниках разных регионов Руси также встречаются (и довольно часто) оба термина. При этом «Суздальской» земля называется: как объект военных действий — 5 раз¹⁰², в связи с «радостью» или «печалью» ее населения — 5 раз¹⁰³, как территория, находящаяся под верховной властью князя (Ярослава Ярославича, 60-е гг. XIII в.), — 4 раза¹⁰⁴, как место приезда церковного иерарха — 3 раза¹⁰⁵, как регион, куда был направлен с малолетним князем тысяцкий, — 1 раз¹⁰⁶, как объект княжения (Всеволода «Большое Гнездо») — 1 раз¹⁰⁷, как объект монгольской переписки 1257 г. — 1 раз¹⁰⁸. «Ростовской» земля именуется главным образом тогда, когда речь идет о церковных делах (что естественно, т. к. именно Ростов оставался епархиальным центром северо-востока Руси)¹⁰⁹; при этом в одном известии о поставлении епископа земля названа «Ростовской и Суздальской и Володимирской»¹¹⁰. Иных случаев три. В 1174 г., во время междоусобной войны между братьями и племянниками убитого Андрея Боголюбского, на Михалка Юрьевича, «затворившегося» во Владимире (городе, который Андрей сделал столицей княжества вместо Суздаля), его противники «приѣхаша же со всею силою Ростовская земля»¹¹¹. В этой ситуации «Ростовской землей» названа (во владимирском летописании) часть княжества без ее столицы, часть, находившаяся под контролем племянников Андрея, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, чьими главными сторонниками были ростовские бояре. После изгнания Михалка старший из братьев Мстислав сел в Ростове, а младший Ярополк — во Владимире; и летописец (владимирский) счел возможным записать, что «сѣдѣша Ростиславичема в княженьи земля Ростовская»¹¹², — т. е. изменение роли Ростова, ставшего нена-

⁹⁹ Там же. Т. 1. Стб. 366.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 520.

¹⁰¹ Там же. Стб. 355 (2 раза), 357; ср.: Т. 2. Стб. 551, 554.

¹⁰² Там же. Т. 2. Стб. 618, 620, 779, 785; Т. 1. Стб. 462, 464; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 174–175 (Житие Александра Невского).

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566, 659; Т. 1. Стб. 440, 472; *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 178.

¹⁰⁴ ГВНП. № 1–3. С. 10–13.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630; Т. 1. Стб. 472, 485.

¹⁰⁶ Древнерусские патерики. М., 2000. С. 10.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 475.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 357, 391, 438, 476.

¹¹⁰ Там же. Стб. 408.

¹¹¹ Там же. Стб. 373; ср.: Т. 2. Стб. 597.

¹¹² Там же. Т. 1. Стб. 374; ср.: Т. 2. Стб. 598.

долго «старшим» столом, повлекло за собой именование по нему земли. В третий раз земля названа «Ростовской» в рассказе об антиминольском восстании в Северо-Восточной Руси 1262 г., причем города, из которых изгнали сборщиков дани, перечислены в таком порядке: Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль¹¹³. Данное известие принадлежит ростовскому летописцу, очевидно поэтому и земля поименована по Ростову.

Галицкая земля. Южнорусское летописание под 6660 (1152) г.: войска киевского князя Изяслава и венгерского кроля Гезы «вшедше в землю Галичкую»¹¹⁴. Под тем же годом приводятся слова Гезы, что в случае, если галицкий князь преступит крестоцелование, то «любо азъ буду в Угорьской земли, любо онъ в Галичкои», «любо голову слою, любо налъзу Галичьскую землю»¹¹⁵. Позже термин встречается под 1153 г. («плачь великъ по всеи земли Галичестви») ¹¹⁶, 1187 г. (князь Ярослав «созва мужи своя и всю Галичкую землю» и заявил, что «азъ одиноу худою своею головою ходя, удержал всю Галичкую землю») ¹¹⁷, 1188 г. (Владимир Ярославич «княжашу... в Галичкои земли») ¹¹⁸. В Галицко-Волынской летописи XIII в. «земля Галицкая» упоминается семь раз — шесть как объект военных действий ¹¹⁹ и однажды как обозначение населения земли ¹²⁰.

Волынская (Вельнская) земля, она же «Владимирская». В южнорусском летописании под 6682 (1174) г. сообщается: «По сем же приде Ярославъ Лучськый на Ростиславичъ же со всею Велинско (*вар.*: Волынской) землею»¹²¹. Речь идет о войсках Волынской земли. Неясно, названы ли так силы только Луцкого княжества Ярослава Изяславича или термин «вся Волынская земля» употреблен потому, что в походе Ярослава участвовали и войска из Владимиро-Волынского княжества, где правил его племянник Роман Мстиславич. Позже, в Галицко-Волынской летописи XIII в., по отношению к Волыни употребляется термин «Владимирская земля», т. е. земля обозначается по стольному городу. Под 6713 г. говорится, что «бѣда бо бѣ в земле Володимерьстѣи от воеванья литовьского и ятвяжьскаго»; из контекста видно, что «Владимирская земля» включает в себя г. Червень (где тогда княжил младший брат владимирово-волынского князя)¹²². Под 6791 г. сказано, что татары «учиниша пунту землю Володимерьскую»¹²³. Название «Волынская земля» вновь встречаем только в источниках XIV в., причем севернорусских. Митрополит Петр (ум. 1326 г.), согласно его Житию, исходил «Волыньскую землю, и Киевьскую, и Создальскую землю, уча везде

113 Там же. Т. 1. Стб. 476.

114 Там же. Т. 2. Стб. 448.

115 Там же. Стб. 451–452.

116 Там же. Стб. 458.

117 Там же. Стб. 656–657.

118 Там же. Стб. 659.

119 Там же. Стб. 746, 755, 771, 775 (2 раза), 793.

120 Там же. Стб. 759.

121 Там же. Стб. 576–577.

122 Там же. Стб. 721.

123 Там же. Стб. 893.

вся»¹²⁴. В Новгородской первой летописи говорится о приезде в Новгород послов от митрополита Феогноста «из Вельньской земли» и последующем поставлении новгородского архиепископа «въ Вельньской земли» (1331 г.)¹²⁵. Под 6857 (1349) г. в той же летописи сообщается, что поляки «взяша лествю землю Во-льньскую»¹²⁶. В редакции Жития митрополита Петра, созданной митрополитом Киприаном (конца XIV в.), упоминается «земля Вельньская», родина героя произведения, и «князь Вельньская земли»¹²⁷. Включает ли понятие «Во-льньская земля» только Владимиро-Во-льньское княжество или также и Галицкое, находившееся с конца 30-х гг. XIII в. под властью той же княжеской ветви — во-льньских Романовичей (что дало историкам основания говорить о «Галицко-Во-льньской Руси» как едином целом)? Из известий Новгородской первой летописи это не вполне ясно, но свидетельства Жития Петра несомненно говорят в пользу второго варианта. «Князь Во-льньской земли» (бывший инициатором выдвижения Петра в митрополиты) — это Юрий Львович, владевший одновременно и Во-льнью, и Галичиной. Соответственно, автор первой редакции Жития, говоря об учительской деятельности Петра, имеет в виду под «Во-льньской землей» объединенное Галицко-Во-льньское княжество, а не только «во-льньскую половину» владений Юрия¹²⁸. Следовательно, происшедшее в середине XIII в. объединение «Во-льньской» и «Галицкой» «земель» под властью одной княжеской ветви дало основания рассматривать их совокупность как одну «землю»¹²⁹.

Смоленская земля. Под 6698 (1190) г. в южнорусском летописании говорится, что киевскому князю Святославу Всеволодичу «бьяшетъ... тязя с Рюриком и съ Давыдомъ (смоленским князем. — А. Г.) и Смоленскую землю»¹³⁰.

Белзская и Червенская земля. В Галицко-Во-льньской летописи под 6733 г. рассказывается, что владими-ро-во-льньский князь Даниил Романович «воевавшю с ляхи землю Галичкую и около Любачева, и плъни всю землю Бельзескую и Чер-венскую»¹³¹. Столы в Белзе и Червене занимал тогда двоюродный брат Даниила Александр Всеволодич, независимый от владимирского князя. Таким образом, данная территория названа «землей» тогда, когда она являла собой самостоятельное княжество.

¹²⁴ Макарий, митрополит московский и коломенский. История русской церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 415.

¹²⁵ НПЛ. С. 99, 343–344.

¹²⁶ Там же. С. 361.

¹²⁷ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 205, 207–208.

¹²⁸ Подкрепляет толкование «Во-льньской земли» XIV в. как совокупности Во-льни и Галичины «Список русских городов, дальних и ближних» (конец XIV в.): города Галицкого княжества (Галич, Перемышль, Тереволь и др.) названы там в числе городов «Во-льньских» (НПЛ. С. 476).

¹²⁹ Кстати, в Галицко-Во-льньской летописи употребление термина «Галицкая земля» обрывается в начале 40-х гг. XIII в., т. е. практически сразу после закрепления Галичины за владими-ро-во-льньским князем Даниилом Романовичем.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 270.

¹³¹ Там же. Стб. 746.

Перемышльская земля. В Галицко-Волынской летописи под 6734 г. говорится, что галицкие бояре, боясь расправы со стороны своего князя Мстислава Мстиславича, «отидоша в землю Перемышлескую, в горы Кавокаськія, рекше во Угорьскія»¹³². Перемышль не был тогда центром отдельного княжества, и термин «земля» в данном случае не несет территориально-политического оттенка: речь идет просто о территории близ Перемышля.

Рязанская земля. Впервые названа так в разных летописях при описании нашествия на нее Батыя («придоша иноплемьеници, глаголемии татарове, на землю Рязанскую»¹³³; «бысть первое приходить ихъ на землю Рязанскую»¹³⁴; «и почаша воевати Рязанскую землю»¹³⁵); вторично — в летописании Северо-Восточной Руси как объект монгольской переписи 1257 г. («исщетоша всю землю Сужальскую, и Резанскую и Мюромскую») ¹³⁶.

Пинская земля. Под 6755 г. в Галицко-Волынской летописи сказано, что литовский военачальник Скомонд «повоева землю Пинскую»¹³⁷.

Муромская земля. Названа в летописании Северо-Восточной Руси в числе объектов монгольской переписи 1257 г.¹³⁸

Приведенные сведения позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, употребление термина «земля» по отношению к составным частям Руси прослеживается со второй четверти XII в. Это хорошо коррелирует с тем фактом, что в XI — начале XII в. на Руси «землей» считалось только одно отечественное политическое образование — «Русская земля», т. е. Древнерусское государство в целом. Появление нескольких «земель» хронологически совпадает, таким образом, с обретением отдельными русскими княжествами фактической самостоятельности по отношению к Киеву.

Во-вторых, можно подвести черту в давнем споре, соответствовали или нет «земли» территориям восточнославянских догосударственных общностей¹³⁹. В

¹³² Там же. Стб. 747.

¹³³ НПЛ. С. 74.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.

¹³⁵ Там же. Т. 1. Стб. 460.

¹³⁶ Там же. Стб. 475.

¹³⁷ Там же. Т. 2. Стб. 793–800.

¹³⁸ Там же. Т. 1. Стб. 475.

¹³⁹ В пользу территориального соответствия «племен» и «земель» удельной эпохи высказывались М. Н. Погодин, В. Пассек, с оговорками — Н. П. Барсов (*Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории.* Т. 4. М., 1850. С. 326–328; *Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь // Чтения ОИДР.* 1870. Кн. 3. С. 74–75; *Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи.* Варшава, 1885. С. 84–85, 93–94), против — С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, М. А. Дьяконов, М. К. Любавский, С. М. Середонин, А. Е. Пресняков (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен.* Кн. 2. М., 1851. С. 25; *Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования.* Т. 1. СПб., 1872. С. 14; *Дьяконов И. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси.* М.; Л., 1923. С. 56–57; *Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией.* М., 1909. С. 87–89; *Середонин С. М. Историческая география.*

этой дискуссии можно было, казалось бы, поставить точку в 1951 г. после выхода в свет работы А. Н. Насонова¹⁴⁰. Проведенное им тщательное историко-географическое изучение русских княжеств (земель-«полугосударств», по терминологии автора) сделало ясным, что их границы XII–XIII вв. не совпадали с пределами догосударственных образований¹⁴¹. При этом, помимо мелких расхождений, имеются факты очевидных несовпадений (отмечаемые в историографии еще с позапрошлого века): так, в Киевскую землю вошли бывшие территории двух т. н. «племен» — полян и древлян, а в Черниговскую — трех (северян, вятичей и радимичей); территория кривичей оказалась поделенной между Полоцкой и Смоленской землями. Тем не менее тезис о соответствии «земель» и «племенных» союзов не исчез из историографии¹⁴².

Новый шаг в изучении вопроса о «землях» был предпринят не так давно В. В. Седовым, попытавшимся «наложить» земли XII в. на составленную им археологическую карту восточного славянства. При этом В. В. Седов исходил из тезиса, что «земли» не тождественны княжествам: «...эти термины несут различную нагрузку и их нельзя не разграничивать. Земли — это историко-территориальные образования, в тесном смысле земли... подобными единицами Древней Руси были Новгородская, Ростово-Суздальская, Киевская, Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Галичская и Муромо-Рязанская земли» (ниже автор пишет о Муромской и Рязанской землях как отдельных и добавляет к списку Псковскую землю). В. В. Седов пришел к выводу, что «земли» в основе соответствовали догосударственным этнографическим группам восточного славянства: Новгородская земля — территории словен, Псковская — псковских кривичей, Ростово-Суздальская — мери (автор считает, что этот финский этноним в IX–X вв. был перенесен на расселившуюся в Волго-Клязьминском междуречье славянскую группировку), Киевская (в широком смысле, с Вольнью и Турово-Пинским княжеством) — дулебов (В. В. Седов полагает, что поляне, древляне, дреговичи и вольняне были потомками дулебов), Черниговская — руси (по мнению автора, так именовалась общность, из которой вышли северяне, вятичи и радимичи), Полоцкая и Смоленская — кривичей, Галицкая — хорватов, Муромская — муромы (как и в случае с мерей, этот этноним В. В. Седов считает перенесенным к последним векам I тыс.

Пг., 1916. С. 154; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 62, 94–97, 137).

¹⁴⁰ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

¹⁴¹ Этот следующий из исследования А. Н. Насонова вывод был в концентрированном виде сформулирован Л. В. Черепниным: *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.: Л., 1958. С. 53–61. В дальнейшем границы земель уточнялись в ряде работ: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966; *он же.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980; *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975.

¹⁴² *Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; *он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 474.

н. э. на восточнославянскую группировку). Рязанская — особой группой славян, являвшихся потомками носителей боршевских древностей верхнего Подонья¹⁴³.

Таким образом, спор оказывается фактически сведен к вопросу: совпадали или нет «земли» XII–XIII вв. с тем, что принято в науке именовать «княжествами», т. е. с политическими образованиями¹⁴⁴? Если на этот вопрос следует положительный ответ, то вопрос о возможном восхождении «земель» к этнополитической структуре славян догосударственной эпохи снимается, т. к. границы княжеств XII–XIII вв. догосударственному этнополитическому делению не соответствовали.

Приведенный выше материал источников говорит в пользу тождества «земель» и крупных самостоятельных княжеств. Во-первых, если бы *земли* были древними этногеографическими образованиями, они бы именовались так и в XI — начале XII в. Между тем, как сказано выше, для этого периода применение термина «земля» по отношению к отдельным частям государства Русь не прослеживается; более того, даже по отношению к термину «волость», которым в эту эпоху именовались составные части государства Русь, не употреблялись притяжательные прилагательные, образованные от названий их центров (см. выше). Вторых, исключая упоминание «Перемышльской земли» 1226 г., термин «земля» в XII–XIII вв. применяется именно и только для фактически самостоятельных *политических* образований (в том числе того, которое лишь временно являлось таковым — княжества Белзского и Червенского). В ряде случаев *земли* фигурируют как объекты княжения конкретных князей (Андрея Боголюбского, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, галицких Ярослава Владимировича и Владимира Ярославича, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Ярославича). Изменение статуса столов внутри *земли* могло повлиять на ее именование («Ростовская земля» как объект княжения Ростиславичей в силу перехода к Ростову «старшинства»). Даже в случае, когда имелось древнее название территории, *земля* могла определяться (в местных источниках) по стольному городу (*Владимирская земля*, а не *Волинская*). В случае объединения двух земель под властью одной княжеской династии они начинали рассматриваться как одна земля (Галицко-Волинское княжество как *Волинская земля*). Очевидно, термин, обозначавший суверенные государства, был перенесен на русские княжества по мере того, как они начинали рассматриваться современниками в качестве фактически независимых¹⁴⁵.

Соответственно, говорить о непосредственной территориальной преемственности *земель* XII–XIII вв. по отношению к догосударственным этнополитическим общностям нет оснований. *Земли* формировались на основе территорий *волос-*

¹⁴³ Седов В. В. Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования // ИЗ. Т. 2 (120). М., 1999; то же в кн.: Седов В. В. Древнерусская народность. М., 1998. С. 230–253.

¹⁴⁴ Очевидная слабость тезиса о несовпадении «земель» и «княжеств» — в условности самого термина «княжество» в приложении к домонгольской эпохе: в источниках ведь никаких «княжеств» нет, есть только «земли».

¹⁴⁵ В связи с этим примечательно, что наиболее слабые из «земель» — Рязанская, Пинская и Муромская — начинают определяться этим термином только в источниках XIII столетия.

тей — составных частей единого Древнерусского государства XI — начала XII в. — по мере закрепления последних за той или иной ветвью княжеского рода Рюриковичей. Волости, в свою очередь, формировались в X в. (в основном в конце столетия, при Владимире, который распределил все восточнославянские территории между своими сыновьями¹⁴⁶) на основе территорий бывших догосударственных общностей, по мере их перехода под власть Киева. Но в течение X — начала XII в. состав и пределы волостей менялись в связи с деятельностью князей, усобицами, разделами и дележами территорий, которые осуществлялись без учета прежних, догосударственных этнополитических границ. Поэтому и *земли* — крупные самостоятельные княжества XII в. — уже мало походили в своей конфигурации на «Славинии» IX–X вв.

2. Волости

Упоминания волостей XII — первой трети XIII в. можно разделить на две большие группы. В первую входят те, где волость определяется по князю-владельцу. Таких упоминаний о волостях мною зафиксировано 142 — это 83% от числа всех упоминаний термина. В 18 случаях под волостью имеется в виду все княжество, в других случаях называемое «землей»¹⁴⁷. В 40 речь идет о конкретных подвластных тому или иному князю территориях внутри «земли»¹⁴⁸. В 25 — о «неопределенной», конкретно не ограниченной части «земли» (в основном это упоминания о том, что такой-то князь «повоевал волость» такого-то князя)¹⁴⁹. 44 раза имеется в виду часть Киевского княжества¹⁵⁰ (как «земля» в источниках не обозначенного). Еще 4 раза речь идет о Переяславском княжестве¹⁵¹ (которое также не именуется «землей»). Наконец, 11 упоминаний говорят об «уряжении» князьями волостей вообще, без территориальной конкретизации¹⁵². Из всех известий первой группы 50 прямо указывают на распределение волостей как на княжескую прерогативу¹⁵³.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 347, 436; Т. 2. Стб. 301, 383, 388, 451–452, 478, 486, 549, 599, 696; НПЛ. С. 54; Смоленские грамоты XII–XIII вв. М., 1963. С. 24. При этом в шести случаях княжество названо «волостью» до того, как оно поименовано «землей».

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302, 315, 335, 435, 442, 448; Т. 2. Стб. 308, 330, 337, 343, 347, 366, 372, 458, 460, 471, 493–494, 498, 517, 525, 533, 571, 602, 614, 679, 744, 746; НПЛ. С. 43, 54–55, 64; Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. М., 2002. С. 92; Смоленские грамоты... С. 24. В двух случаях, когда речь идет о Торжке, владельцем волости выступает не князь, а «Новгород» (НПЛ. С. 54–55).

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413, 434; Т. 2. Стб. 311–312, 332, 375, 455, 458, 476, 488, 571, 579, 592, 695–698, 702.

¹⁵⁰ Там же. Т. 1. Стб. 329; Т. 2. Стб. 306, 373, 375, 386, 396, 399, 405, 453, 478, 488, 533, 543, 562, 683–686, 696, 701.

¹⁵¹ Там же. Т. 1. Стб. 395; Т. 2. Стб. 305, 478.

¹⁵² Там же. Т. 1. Стб. 320; Т. 2. Стб. 310, 312, 343, 378, 499, 523, 534, 604, 700; НПЛ. С. 29.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 320, 329; Т. 2. Стб. 310, 312, 343, 347, 366, 372–373, 375, 378, 399, 405, 471, 478, 488, 494, 523, 525, 533, 534, 543, 571, 604, 683–686, 701, 744; НПЛ. С. 29.

Вторая группа включает в себя упоминания «волостей» с «территориальным» определением. Таких упоминаний 29. При этом лишь про 18 из них (10% от всех упоминаний термина «волость» в «территориальном» значении) можно сказать, что указание на город предпочтено упоминанию князя-владельца. Из этих 18 в пяти случаях речь идет о «Новгородской волости»¹⁵⁴, в пяти — о Смоленской¹⁵⁵, двух — Черниговской¹⁵⁶ и Торопецкой¹⁵⁷, по одному разу — Владимиро-Волынской¹⁵⁸, Киевской¹⁵⁹, «Русской» (в смысле Киевской)¹⁶⁰, Рязанской¹⁶¹. В остальных же 12-ти случаях определения по городу, а не по князю были вынужденными.

Когда в южнорусском летописании под 6643 (1135) г. говорится, что Всеволод Ольгович, его братья и сыновья Мстислава Владимировича Изяслав и Святополк «поидоша воююче села и городаы Переяславской власти»¹⁶², территориальный эпитет вызван тем, что именно переяславское княжение было причиной конфликта названных князей с правившим в Киеве Ярополком Владимировичем: военные действия начались, когда киевский князь объявил о передаче Переяславля своему брату Юрию (Долгорукому)¹⁶³. В обращении Всеволода Ольговича к Вячеславу Владимировичу — «сѣдѣши во Киевской волости, а мнѣ достоишь, а ти поиди в Переяславль, отчину свою» (6650 (1142) г.) — имеется в виду, что Вячеслав занимает Туров, стол в пределах Киевского княжества, владениями в котором распоряжается Всеволод (как киевский князь); в результате Туров был отдан сыну Всеволода Святославу¹⁶⁴. В приведенном под 6650 (1142) г. заявлении братьев Всеволода Ольговича (в то время княжившего в Киеве) — «мы просим у тебе Черниговьской и Новгородской волости, а Киевскоѣ не хочемъ»¹⁶⁵. — речь идет о трех видах владений Всеволода: тянущих к Чернигову, Новгороду-Северскому и Киеву. Помещенное под 6666 (1158) г. воспоминание о том, что отец жены Глеба Всеславича Ярополк Изяславич (ум. 1086 г.) «вда всю жизнь свою Небльскую волость, и Дерѣвскую и Лучьскую и около Киева»¹⁶⁶ Киево-Печерскому монастырю, также говорит о составных частях владений одного князя¹⁶⁷. Когда Святослав

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339, 550, 561 («его волость», в смысле Новгорода); НПЛ. С. 56, 64 («волость Новгороду»). Еще в одном случае Торжок назван «их», т. е. «новгородцев», «волостью» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 386).

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350; Т. 2. Стб. 339, 456, 691, 693.

¹⁵⁶ Там же. Т. 2. Стб. 602; НПЛ. С. 71.

¹⁵⁷ НПЛ. С. 64, 73.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 306.

¹⁵⁹ Там же. Стб. 314.

¹⁶⁰ Там же. Стб. 461.

¹⁶¹ Там же. Стб. 614.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 296.

¹⁶³ Там же. Стб. 295–297.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 310.

¹⁶⁵ Там же. Стб. 311.

¹⁶⁶ Там же. Стб. 492.

¹⁶⁷ Это известие примечательно тем, что под «волостями» имеются в виду частные княжеские владения в указанных районах. Понятием «жизнь» обозначались именно част-

Ольгович говорит (статья 6667 – 1159 г.), что гневался на Изяслава Давыдовича за то, «оже ми еси Черниговской волости не исправиль», но теперь, когда Изяславу грозит опасность, «Бог мя избави волости тоя»¹⁶⁸, речь идет о передаче Святославу (княжившему в Чернигове) части владений Изяслава (ранее перешедшего на княжение в Киев) в пределах Черниговской земли: территориальный эпитет необходим, чтобы было ясно, какие владения Изяслава имеются в виду – киевские или черниговские. О черниговских владениях Изяслава речь идет и в приведенных под тем же годом Святослава: «всю волость Черниговскую собою держит и съ своимъ сыновцемъ»¹⁶⁹. Когда под 6682 (1174) г. говорится, что Олег Святославич, князь новгород-северский, во время конфликта со Святославом Всеволодичем Черниговским «воевашеть Святославлю волость Черниговскую волость»¹⁷⁰, второе определение является пояснением, какие владения Святослава были повоены – около Чернигова (Святославу еще принадлежали территории на северо-востоке Черниговской земли – т. н. «Вятичи»). В указании под 6683 (1175) г., что князья-Ростиславичи «роздѣливше волость Ростовскую»¹⁷¹, определение по князю не могло присутствовать, поскольку речь шла о занятии новыми

ные владения (см.: СДРЯ. Т. 3. М., 1990. С. 261): ясно, что монастырю жаловались не волости в смысле государственно-административных единиц, а княжеские «домениальные» земли. По-видимому, аналогичный случай применения понятия «волость» к частному землевладению видим в берестяной грамоте из Старой Руссы, датированной 1160–1180 гг., где «волостью» названа мелкая территориальная единица в округе этого города – «Городищане»: «Съ грамота от Яриль ко Онание. Въ волости твоєї толика вода пити в городищаньх. А рушань скорбу про городищане. Аже хоцьши, ополош дворяна, быша нь пакостил» (*Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М., 1982. С. 150. № 10; о датировке грамоты см.: *Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). М., 2000. С. 149–150, 406). В комментарии к публикации говорилось, что «здесь слово „волость“ употреблено в значении „частное владение“» (*Арциховский А. В., Янин В. Л.* Указ. соч. С. 151). Позднее была предложена другая интерпретация – что речь идет о государственно-административной единице (*Назаров В. Д.* К методике анализа новгородских источников XII–XIII вв. (О стратификации общества Новгородской республики) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения.* М., 1990. С. 95–96). Но, во-первых, понятие «волость» стало обозначением мелких территориальных единиц только в ордынскую эпоху (см. об этом ниже). Во-вторых, даже в конце XV в. Городище под Старой Руссой являлось всего лишь отдельным селом, а не волостью (*Арциховский А. В., Янин В. Л.* Указ. соч. С. 151), т. е. было «мельче» волости даже по понятиям того времени. Поэтому интерпретация А. В. Арциховского – В. Л. Янина остается вероятной: скорее всего, перед нами случай употребления слова «волость» для обозначения частного владения. Можно, таким образом, полагать, что свойственное домонгольской эпохе представление о «волости» как владении конкретного лица делало возможным применение этого понятия к частновладельческим землям.

¹⁶⁸ Там же. Стб. 498.

¹⁶⁹ Там же. Стб. 500.

¹⁷⁰ Там же. Стб. 579.

¹⁷¹ Там же. Стб. 597.

князьями земли, оставшейся без князя (после гибели Андрея Боголюбского). В упоминании под 6693 (1185) г. о «туге во всем Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверскомъ и по всей волости Черниговской»¹⁷² после поражения Игоря Святославича от половцев территориальное определение понадобилось, чтобы подчеркнуть, что печаль охватила не только владения Игоря и его ближайшей родни (Посемье и Новгород-Северский), но и всю Черниговскую землю (в данном случае термин «волость» выступает как синоним понятия «земля»). Аналогично следует понимать сообщение под 6695 (1187) г., что с того времени Кончак стал часто воевать «в Черниговской волости»¹⁷³, — во время набегов страдали владения разных князей, поэтому определение по князю было здесь неуместно. Наконец, упоминание «волости Смоленской» в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича Смоленской епископии¹⁷⁴ вызвано законодательным характером документа — ведь действие установления предполагалось и при преемниках Ростислава.

* * *

Итак, сущность понятия *волость* в середине XII — первой трети XIII в. оказывается той же, что и в предшествующую эпоху — под ним подразумевается в подавляющем большинстве случаев княжеское владение¹⁷⁵. Почти не изменилось и соотношение *волости* с *землей*. В небольшом количестве случаев термин *волость* выступает как альтернативный понятию *земля*, но, как правило, *волость* — это, как и в XI — начале XII в., *часть* «земли». Однако поскольку понятие *земля* стало «мельче» — «землями» теперь начали именоваться ставшие самостоятельными крупные княжества, соответственно «измельчало» и понятие *волость*: им стали обозначаться части территорий того или иного крупного княжества-«земли», находившиеся под властью определенного князя. На региональном уровне была воспроизведена структура бывшего единого государства: *земля*, внутри нее — *волости*.

Примечательно, что источники домонгольского периода не фиксируют хорошо известного начиная с ордынской эпохи значения понятия *волость* как мелкой территориально-административной единицы, охватывающей только сельские поселения¹⁷⁶. Действительно, в домонгольский период позднейшим «волостям» со-

¹⁷² Там же. Стб. 645.

¹⁷³ Там же. Стб. 653.

¹⁷⁴ ДКУ. С. 144.

¹⁷⁵ Источники не дают, таким образом, оснований для трактовки «волости» как «государства-общины» во главе с городом и в данный период.

¹⁷⁶ В рассказе Новгородской первой летописи о междоусобной войне 1216 г. в словах князя Мстислава Мстиславича — «любо изищу мужи новгородстии и волости, паки ли а головою повалю за Новѣгородъ» (НПЛ. С. 54) — можно было бы усмотреть упоминание некоего множества «новгородских волостей» (по аналогии с «мужами»), но из контекста видно, что речь идет об одной волости — Торжке (там обосновался противник Мстислава и новгородцев Ярослав Всеволодич), крупной территориальной единице в пределах Новго-

ответствуют «погосты»¹⁷⁷. Нередко встречающееся в историографии применение термина «волость» в отношении мелких территориальных единиц этой эпохи, охватывающих только сельскую местность, таким образом, неправомерно: до середины XIII в. «волость» выступает как княжеское владение, центральным компонентом которого является город.

Большинство земель сложилось на основе крупных волостей предшествующей эпохи, закрепившихся за определенными ветвями княжеского рода Рюриковичей. Ранее всех обособилась в династическом отношении Полоцкая земля: еще в конце X в. волость со столом в Полоцке была передана Владимиром своему сыну Изяславу и закрепилась за его потомками¹⁷⁸. Галицкая земля сложилась после объединения волостей с центрами в Перемышле и Теребовле, закрепившихся в конце XI — начале XII в. за сыновьями старшего внука Ярослава Владимировича — Ростислава Владимировича¹⁷⁹. С вокняжением в Ростове сына Владимира Мономаха Юрия («Долгорукого») в начале XII в.¹⁸⁰ берет начало обособление Суздальской земли (Юрий перенес в Суздаль столицу княжества), где стали княжить его потомки. 1127 годом можно датировать окончательное обособление Черниговской земли. В этом году произошло разделение владений потомков Святослава Ярославича, закрепленных за ними Любецким съездом князей 1097 г.¹⁸¹, на Черниговское княжество, доставшееся сыновьям Олега и Давыда Святославичей (с 1167 г., после прекращения ветви Давыдовичей, в нем княжили только Ольговичи), и Муромское, где стал править их дядя Ярослав Святославич¹⁸². Позже

родской земли во главе с городом, причем временами стольным; ниже Мстислав говорит: «поищемъ муж своихъ, вашей братьи, и волости своеи; да не будетъ Новыи тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ» (Там же. С. 55). И в первой речи Мстислава на самом деле употреблено единственное число: имеется в виду стремление «изыскать новгородской волости», т. е. Торжка. Упоминание «волостей» под 1211 г. в Московском своде конца XV в., в тексте, возможно восходящем к летописанию первой половины XIII столетия: «созва (Всеволод Большое Гнездо. — А. Г.) всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей» (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 108) — может быть редактурой сводчика XV в. (ср. добавление в Никоновской летописи начала XVI в. в древний текст о разорении Глебом Рязанским боярских сел под Москвой упоминания «властей» — ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 3; ср.: Т. 1. Стб. 383).

¹⁷⁷ См., например, уставную грамоту Ростислава Мстиславича Смоленской епископии 1136 г., где «волостью» именуется Смоленское княжество в целом, а в качестве ее административно-податных единиц перечисляются небольшие города и погосты (ДКУ. С. 141–146). О формировании системы сельских «волостей» вместо системы погостов со второй половины XIII в. см.: *Чернов С. З.* Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С. 126–127.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

¹⁷⁹ Там же. Стб. 257; Т. 2. Стб. 308.

¹⁸⁰ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 67–69, 72–73.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

¹⁸² Там же. Стб. 296, 301; Т. 2. Стб. 290.

Муромское княжество разделилось на два — Муромское и Рязанское — под управлением разных ветвей потомков Ярослава¹⁸³. Смоленская земля закрепилась за потомками Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха, вокняжившегося в Смоленске в 20-е гг. XII в.¹⁸⁴. В Волынской земле стали править потомки другого внука Мономаха — Изяслава Мстиславича¹⁸⁵. Во второй половине XII в. за потомками Святополка Изяславича закрепляется Туровское княжество, в XIII в. именуемое «Пинской землей» по своей новой столице.

Что касается Новгородской земли, то здесь в XII в. усилившееся местное боярство стало оказывать решающее влияние на выбор князей и ни одной из княжеских ветвей не удалось закрепиться в Новгороде¹⁸⁶. Специфику политического строя Новгородской земли подтверждают наблюдения над термином *волость*: при употреблении по отношению к новгородской территории он ни разу (кроме случаев, когда речь идет о Торжке, который с конца XII в. находился в совместном владении Новгорода и владимирских князей¹⁸⁷) не сочетается с указанием на князя-владельца: речь идет только о «новгородской волости», «волости Новгорода» или «новгородцев»¹⁸⁸.

Два княжества XII — начала XIII в., игравшие заметную роль на Руси, не именуются в источниках *землями* — Киевское и Переяславское. Причина этого, по-видимому, в существовании в это время понятия «Русская земля» в узком значении: под ней, как говорилось выше, часто понимали Киевское княжество с Переяславским и частью Черниговского (а в некоторых случаях — только территорию, непосредственно подчиненную киевским князьям). Возможно, Киевское и Переяславское княжества не именовались отдельно «Киевской землей» и «Переяславской землей», т. к. целиком входили в состав «Русской земли» (в то время как Черниговская земля — только частично)¹⁸⁹.

¹⁸³ См.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X–XIII вв. М., 1977. С. 108–109, 114–115, 120–122.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 298.

¹⁸⁵ Окончательно такое положение определилось после того, как старший сын Изяслава Мстислав отнял Владимир-Волынский у своего дяди Владимира Мстиславича (1156 г., см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484–485).

¹⁸⁶ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 94–115.

¹⁸⁷ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 96–97.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 386; Т. 2. Стб. 339, 550, 561; НПЛ. С. 56, 64. Сходный с новгородским политический строй сложился в Пскове, но степень независимости Пскова от Новгорода в XII — первой половине XIII в. остается спорной (см.: Янин В. Л. «Болотовский» договор: о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // ОИ. 1992. № 5. С. 8–12; а также письмо В. А. Булова по поводу этой статьи и ответ В. Л. Янина — Там же. 1993. № 6).

¹⁸⁹ Ср.: Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 35–38. Примечательно, что термин «Киевская земля» появляется в источниках в начале XIV в. (Макарий, митрополит московский и коломенский. Указ. соч. Кн. 3. С. 415 — Житие митрополита Петра), т. е. тогда, когда понятие «Русская земля» в узком значении утратило актуальность.

Киевский стол номинально продолжал считаться «старейшим», а Киев — столицей всей Руси; князья разных ветвей считали себя вправе претендовать на киевское княжение. При этом Киевское княжество стало объектом «коллективного» владения: представители сильнейших ветвей постоянно претендовали на *часть* (владение частью территории) в его пределах¹⁹⁰. Что касается Переяславля, то им на протяжении XII в. владели потомки Мономаха, но представлявшие разные ветви; накануне Батыева нашествия Переяславское княжество (потерявшее к тому времени былое значение) считали своим владением князья суздальской ветви потомков Мономаха¹⁹¹.

Итоги

Анализ употребления в древнерусских источниках понятий «земля» и «волость» в территориально-политическом смысле позволяет прийти к следующим выводам.

1. В догосударственный, «докняжеский» период «земель» и «волостей» не существовало.

2. Понятия «земля» и «волость» не были тождественны.

3. Оба понятия сложились в ходе формирования государства. В XI — начале XII в. «землей» называлось государство в целом («Русская земля»), «волостями» — его составные части со стольными городами, управлявшиеся князьями-Рюриковичами, зависимыми от киевского князя.

4. В XII в. крупные везовы начинают именоваться «землями», что говорит об обретении ими статуса независимых государств и подкрепляет мнение о переходе от единого государства к «раздробленности» именно в этом столетии (а не во второй половине XI в.). «Волостями» именуется теперь преимущественно составные части этих «земель», управлявшиеся теми или иными князьями. Позднейшее значение слова «волость» — мелкая территориально-административная единица, включающая в себя только сельские поселения, — в домонгольскую эпоху еще не прослеживается.

5. Понятие «волость» в домонгольский период не имеет отношения к общине — городской или сельской; трактовка «волости» как «государства-общины» во главе с городом противоречит источникам.

6. Применение терминов «земля» и «волость» к политическим образованиям со столицами в Киеве и Новгороде имело в XII — первой трети XIII в. свои специфические особенности, что подтверждает представление о наличии у них в этот период особых, отличных от других русских земель статусов.

¹⁹⁰ См.: *Пауто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 73–76; *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 154–162; *Черетин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X–XIII вв. // Изв. Т. 89. М., 1972. С. 364–365; *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV вв.: пути политического развития. М., 1996. С. 7, 20–22. Ср. отмеченные выше 44 случая упоминания «волостей» в пределах Киевского княжества.

¹⁹¹ См.: *Горский А. А.* Русские земли. С. 7, 23; *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодич в истории Руси первой трети XIII века. Нижний Новгород, 2006. С. 50–133.

*Моим родителям
Владимиру Петровичу Лукину
и Ларисе Иосифовне Ахматовой*

Введение

История древнерусского вече — одна из традиционных тем отечественной историографии. Значимость ее очевидна. Естественно, невозможно изучать какой-либо политический феномен, не определив его социальную природу. Не поняв, кто именно участвовал в вече на разных этапах истории, невозможно делать какие-либо выводы о его функциях, взаимоотношениях с другими институтами, месте в картине мира средневекового русского человека. Поэтому не случайно, что именно социальный состав древнерусского вече является одним из самых спорных вопросов в историографии. Собственно, проблема социального состава древнерусского вече возникла одновременно с рождением русской исторической науки. Так, Н. М. Карамзин специального внимания этому вопросу не уделял. Он вовсе не отрицал роли вече или политической деятельности горожан в истории Древней Руси, но его значительно больше интересовала история «единодержавия». О составе вече Н. М. Карамзин думал так: «...граждане столицы, пользуясь свободой Веча, не редко останавливали Государя в делах важнейших: предлагали ему советы, требования; иногда решили собственную судьбу его, как вышние законодатели. Жители других городов, поведомых областному и называемых обыкновенно *пригородами*, не имели сего права. Вероятно, что и в столицах не все граждане могли судить на Вечах, а только старейшие или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое духовенство также участвовало в делах правления»¹. Но это было лишь поверхностное наблюдение, основанное не на внимательном изучении источников, а на общих впечатлениях, полученных Н. М. Карамзиным при чтении летописей.

По мнению М. П. Погодина, на вече было представлено некое «низшее сословие военное», отличавшееся от «дружины, состоявшей из бояр и отроков», но также принадлежавшее к «племени Варяго-Русскому» и жившее в городах: «Военное сословие, составляя главную часть народонаселения городского, принимало, вместе с дружиною, участие в общих княжеских и своих делах. Это участие

* Раздел написан при поддержке РФНФ (проекты № 05-01-01074а и № 08-01-00440а), Gerda Henkel Stiftung (Германия) и Фонда содействия отечественной науке.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. III. С. 466.

также не было подчинено никаким установленным правилам, а обнаруживалось случайно, смотря по обстоятельствам, преимущественно в так называемых *вечах*². Нетрудно заметить, что за исключением тонкого наблюдения о, выражаясь современным языком, неинституциональном характере веча, все остальные тезисы М. П. Погодина базируются на внеисточниковых посылах (о «варягорусском» населении древнерусских городов, о «низшем военном сословии»).

С. М. Соловьев также уделял веху лишь немного внимания, и его замечания носят довольно туманный характер (что, впрочем, осознавал и он сам): «Как в других городах, так и в Новгороде вече является с неопределенным характером, неопределенными формами». При оценке состава веча С. М. Соловьев руководствовался своей теорией о родовом и государственном быте: «В начальном периоде нашей истории мы видим, что князь собирает на совет бояр и городских старцев, представителей городского народонаселения; но ... когда народонаселение в городах увеличилось, роды раздробились, то место собрания старцев, естественно, заступило общенародное собрание, или вече»³.

Ситуация резко изменилась в 60–70-е гг. XIX в., когда была сформулирована т. н. земско-вечевая или общинно-вечевая теория. Классическим трудом стало опубликованное в 1867 г. сочинение автора этой теории В. И. Сергеевича «Вече и князь», впоследствии неоднократно переиздававшееся и перерабатывавшееся в основном как часть более общего исследования «Древности русского права», позднее — «Русские юридические древности». В. И. Сергеевич полагал, что «участие в вечевых собраниях понималось в древности как право, принадлежащее свободному человеку». И далее отмечал: «На вечевых собраниях имеет право участвовать все свободное население волости»⁴. Однако он все же оговаривался, что «под свободными людьми, имеющими право участия в народных думах, надо разуметь ... не все население поголовно, а свободных людей, которые не состоят под отеческою властью и не находятся в иной како-либо частной зависимости»⁵, и исключал, таким образом, из состава участников веча холопов и закупов.

Земско-вечевая теория пользовалась практически безраздельным господством в русской исторической науке во второй половине XIX — начале XX в. Ее, с теми или иными вариациями, придерживались почти все исследователи, занимавшиеся как общими политико-правовыми проблемами, так и историей отдельных русских земель (чуть ли не каждая работа такого рода начиналась с изложения истории веча в данной области). Более того, ее влияние испытывали и историки других стран. Так, известный польский историк Освальд Бальцер, доказывая, что в славянских собраниях, за исключением несвободных, участвовали все «группы свободного населения, не исключая ... даже крестьянские слои», ссылаясь

² Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о Русской истории. М., 1856. Т. 7. С. 142, 153.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 2. Т. III. С. 30.

⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. II. Вече и князь. Советники князя. С. 52, 55.

⁵ Там же. С. 53.

не на источники, а на «русские отношения»⁶, известные ему по работам сторонников земско-вечевой теории. А один из известнейших немецких историков середины XX в. Отто Бруннер, усматривая специфику «русского городского строя» по сравнению с «европейским» в том, что на Руси не было «разделения между городом и сельской местностью», «отсутствовала юридическая разница между городским и сельским населением», а вече представляло не «городскую общину», а «земскую общину», опирался, прежде всего, на переведенную на немецкий язык работу одного из последователей В. И. Сергеевича — М. А. Дьяконова⁷.

Для большинства русских историков досоветского периода проблема социального состава вече казалась совершенно ясной, раз и навсегда решенной В. И. Сергеевичем и поэтому, как правило, специально не рассматривалась. Куда большее внимание уделялось, например, отношениям вече и князя. Между тем многие положения земско-вечевой теории остались лишь постулированы, но не доказаны. Прежде всего это касается тезиса об участии в вече всего свободного населения волости, которое подразумевает широкие социально-политические права как горожан, так и сельских жителей. Попыток доказать это почти не было. Обычно исследователи исходили из общих соображений. Так, Н. И. Хлебников писал: «...право голоса на вече и вообще право влияния на решение судеб области имели все жители области... Вообще, центральный или старейший город потому имел преобладающее влияние на судьбу области, что его стены в древности были местом сходимости всего племени; точно так же и теперь, вероятно, жители области имели право являться на вече...»⁸. Даже такой осторожный и чрезвычайно внимательный к источникам исследователь, как А. Е. Пресняков, вместо тщательного анализа летописных сообщений заявлял: «Главный город стал представителем земли; его вече — верховной властью волости. В идее — это народное собрание всей волости; и пригорожане, на что имеются прямые указания, и, вероятно, хотя указаний нет, вообще свободные жители земли могли участвовать на вече: под „кыянами“ надо разуметь часто не жителей только Киева, а Киевской земли»⁹.

В советское время сформировались три основные концепции о социальной сущности вече и соответственно три точки зрения на его состав. Их приверженцы вели между собой жаркие споры. Однако все три концепции исходили в той или иной степени из «внеисточниковых» теорий.

Во-первых, высказывалась идея о типологической близости древнерусских и западноевропейских городов и, соответственно, о наличии в первых развитых коммунальных органов, главным из которых, по мнению приверженцев этой концепции, было вече. Русские города, так же, как и западноевропейские, вели борьбу

⁶ Balzer O. O kształtach państw pierwotnej Słowiańszczyzny Zachodniej // Pisma pośmiertne Oswalda Balzera. We Lwowie, 1937. T. III. S. 93–94.

⁷ Brunner O. Europäisches und russisches Bürgertum // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Wiesbaden, 1953. Bd. 14. H. 1. S. 17–21.

⁸ Хлебников Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 275.

⁹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 401.

за городские вольности; так же, как и в некоторых западноевропейских странах, в борьбе с «феодалами» (боярами) князья, стремившиеся к усилению своих позиций, опирались на города. С этой точки зрения рассматривался и социальный состав веча. С разными оттенками во взглядах эту концепцию в целом разделяли такие крупные советские историки, как Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто. Например, В. Т. Пашуто в монографии по истории Галицко-Волынской Руси пришел к выводу о существовании там «бюргеров-местичей» — «городской торгово-ремесленной верхушки», «стремившейся освободить город из-под власти крупных бояр или мелкого князя и включить его под юрисдикцию какого-либо крупного князя»¹⁰. В более поздней работе этот же исследователь распространил свои выводы о том, что «вече — это совещание горожан»¹¹ (под «горожанами» в летописи, по его мнению, подразумевались бюргеры) на все древнерусские земли. Для демонстрации сходства русских и западноевропейских городских органов управления всячески подчеркивался регулярный, юридически оформленный характер веча, которое оценивалось как собрание с четкой процедурой и регламентом работы. М. Н. Тихомиров даже критиковал В. И. Сергеевича за то, что благодаря его труду складывается «представление о крайне беспорядочном характере вечевого деятельности»¹². Современный сторонник этой теории, Ю. А. Лимонов, в работе, посвященной социально-политическому строю Владимиро-Суздальской Руси, прямо говорит о существовании «коммунальных органов власти Ростова, Суздаля и Владимира»¹³.

Во-вторых, в свое время еще С. В. Юшков, споря с Б. Д. Грековым, пришел к выводу о том, что «вече, ведущее свое происхождение от племенных сходок, продолжало существовать и в Киевском государстве в дофеодальный период (т. е., по С. В. Юшкову, в X–XI вв. — П. Л.). По мере развития феодализма, вечевого собрания продолжали созываться»¹⁴. Однако сущность их, по мнению автора, меняется. Они становятся «совещаниями основных феодальных групп или групп, так или иначе связанных с феодалами». В XII в. «веча были массовыми собраниями руководящих элементов города и земли по наиболее важным вопросам»¹⁵. Особенную популярность приобрела эта концепция в 1960–1970-е гг., по мере распространения теории «государственного феодализма», которая, с одной стороны, признавала Древнюю Русь раннефеодальным государством, но с другой, отмечала специфику древнерусского феодализма. Наиболее четко ее сформулировали применительно к Новгороду В. Л. Янин, применительно к Киеву — П. П. Толочко. В. Л. Янин, например, оценивал новгородское вече так: «Новгородский вечевогой

¹⁰ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 161.

¹¹ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 50.

¹² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 222.

¹³ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 139.

¹⁴ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 194.

¹⁵ Там же. С. 197, 216.

строй является образцом феодальной демократии в ее русском боярском варианте»¹⁶.

В-третьих, в 1970-е гг. работавший в Ленинградском университете историк И. Я. Фроянов выдвинул «альтернативную» концепцию общественного строя Древней Руси, основанную на представлении об общинном характере древнерусской государственности, о подобных античным полисам городам-государствах на Руси, где высшая власть принадлежала всему народу, собиравшемуся на вече — собрания «волощан»: всех свободных жителей волости, как горожан, так и селян. Так, И. Я. Фроянов говорит о «схожести» и «стадиальной близости» «социально-политических процессов, протекавших в древнем Шумере, гомеровской Греции и языческой Руси»¹⁷, находит в Древней Руси такие атрибуты античных полисов, как хора, *ager publicus*, демос¹⁸ и т. д. С его точки зрения, главными элементами политической власти «городских волостей» в Древней Руси можно считать «народное собрание-вече, являвшееся верховным органом власти, верховного правителя-князя, избиравшегося вечею, и совет знати»¹⁹. И. Я. Фроянова впоследствии активно поддержали его ученики (А. В. Майоров, Ю. В. Кривошеев и др.).

Меньшую зависимость от априорных идеологизированных концепций испытывала в середине — второй половине XX в. зарубежная историография. Польский историк Хенрик Ловмянский высказывал взгляды, в принципе близкие к представлениям Б. Д. Грекова и М. Н. Тихомирова, но без свойственного им акцентирования уровня развития «коммунальных» органов на Руси. Немецкий историк Клаус Цернак предпринял новаторское сравнительно-историческое исследование славянских «народных собраний» и основное внимание уделял древнерусскому вече, которое он рассматривал как чисто городской политический институт²⁰. В деятельности веча, считал он, участвовали представители «верхнего» и «нижнего» слоев (*Oberschicht*, *Unterschicht*) горожан, которые он связывал с терминами «мужи» и «люди»²¹. Выход книги К. Цернака спровоцировал в евро-

¹⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 4.

¹⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 231.

¹⁸ Там же. С. 239.

¹⁹ Там же. С. 242.

²⁰ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 33). Wiesbaden, 1967.

²¹ Ibidem. S. 80, см. также: Idem. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1973. Bd. 18. S. 12. Эта идея после работы К. Цернака получила популярность в зарубежной историографии, причем не только немецкой. Так, американский историк Хенрик Бирнбаум пишет о киевском вече, ссылаясь на К. Цернака: «В Киеве общее городское собрание или вече ... включало в себя представителей как высших классов (мужи), так и простого народа (люди) киевского общества» (Birnbau H. Kiev, Novgorod, Moscow. Three Varieties of Urban Society in East Slavic Territory // Urban Society of Eastern Europe in premodern Times / Ed. by V. Krekić. Berkeley; Los Angeles; London, 1987. P. 33).

пейской медиевистике жаркую дискуссию, в которой проблема социального состава веча была одной из ключевых²².

Новый всплеск интереса к этой теме произошел на рубеже XX–XXI вв., когда появляется ряд новых публикаций. Польский историк Петр Боронь продолжил традицию сравнительно-исторического изучения славянских «народных собраний»²³. Шведский ученый Юнас Гранберг предпринял терминологическое исследование древнерусского веча и показал необоснованность представлений о нем как о политико-юридическом институте с четко определенными статусом и полномочиями²⁴. Работы украинской исследовательницы Т. Л. Вилкул представляют собой попытку применить к изучению веча «деконструктивистские» методы (об этом см. ниже), однако, в том, что касается состава участников древнерусских собраний, ее выводы по существу почти полностью совпадают с представлениями сторонников «феодальной» концепции²⁵.

Бурные дискуссии в историографии и нерешенность до сих пор рассматриваемой проблемы связаны, на наш взгляд, как с объективными, так и с субъективными причинами. К числу первых следует отнести недостаток данных, содержащихся в источниках. Крайне небогатая источниковая база зачастую не позволяет делать далеко идущих выводов относительно общественного строя средневековой Руси. При этом в центре внимания наших основных источников — летописей, — как правило, находятся князья, их успехи и неудачи. Все остальные социально-политические институты оказываются на периферии и попадают в поле зрения летописцев лишь в связи с деятельностью главных героев — князей.

И все же, думается, не это до последнего времени являлось главным препятствием для всестороннего исследования общественного строя Древней Руси, в частности того сложного комплекса явлений, о котором пойдет речь в этом разделе. Главным и наиболее серьезным недостатком значительной части упоминавшихся выше трудов был *априоризм* — иллюстрация источниками заранее сформулированной концепции. Такая иллюстрация могла быть более или менее адекватной источникам, но всегда приводила к определенной подгонке реальности под уже имевшееся у историка представление о том, какой она должна быть. При этом не так важно, какая именно это была концепция: основывающаяся на идее земско-вечевой Руси или на представлении об извечности самодержавного начала в истории России, как это было в XIX — начале XX в.; на марксистской теории раннефе-

²² См. об этом: [Zernack K.] Stellungnahme zu den Brief von V. T. Pašuto an H. Ludat // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1969. Neue Folge. Bd. 17. Heft 1; Zernack K. *Fürst und Volk*.

²³ Boronь P. *Słowiańskie wiece plemienne*. Katowice, 1999 (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. # 1841).

²⁴ Granberg J. *Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology*. Göteborg, 2004 (Dissertations from the Department of History, Göteborg University 39).

²⁵ См.: Вилкул Т. Л. *Вече в давній Русі у другій половині 11–13 ст.* Автореф. дис. ... к. и. н. Киев, 2001; Вилкул Т. Л. *Дружина-вече // Государство и общество. История, экономика, политика, право*. СПб.; Ижевск, 2002 и другие статьи.

одальной монархии или на рассуждениях о городах-государствах в Древней Руси, чуть ли не подобных античным, — в советское время. Существенно, что очень часто ученые, разбирая весьма отрывочные и иногда двусмысленные летописные известия, находили в них именно то, что хотели найти, а те данные, которые противоречили априорной, внеисточниковой концепции, либо толковали в «нужном» ключе, либо объявляли недостоверными, внутренне противоречивыми или, например, не свидетельствами о реальных социально-политических отношениях, а риторикой. Эта порочная методика подверглась справедливой критике уже в начале прошлого века, получив точное наименование — «потребительское отношение к источнику». А. Е. Пресняков именно тогда призвал отечественных историков «вернуть права источнику и факту»²⁶. Однако в обстановке, сложившейся в России после 1917 г., этому призыву нельзя было в полной мере последовать. В результате зачастую исследователи находили в Древней Руси именно то, что и полагалось найти, подгоняя не вполне «подходявшие» данные под уже сложившуюся *a priori* картину. Некоторые конкретные примеры такой подгонки будут отмечены ниже, здесь же необходимо подчеркнуть, что подобный подход неизбежно вел к двум другим существенным недостаткам.

Во-первых, часто при обсуждении проблемы вече применялся не комплексный анализ летописных данных с учетом контекста, а лишь отдельные упоминания, подходящие для той или иной концепции, без внимательного изучения контекста. В итоге складывалась иллюзорная непротиворечивая модель (а точнее, несколько моделей) древнерусского общества, основанная на том или ином понимании сущности вече, в том числе его социального состава. В настоящее время в отечественной литературе присутствуют по меньшей мере три концепции, основанные на трех взаимоисключающих подходах к социальной структуре вече и к проблеме участия недружинных слоев общества в социальной-политической жизни Древней Руси. В весьма существенной степени это связано с неверным в корне, «выборочным» использованием летописных известий.

Во-вторых, чрезвычайно распространенным, особенно в последнее время, стало историографическое явление, которое можно охарактеризовать как терминологический фетишизм. Отгалкиваясь от совершенно правильной идеи о необходимости тщательной фиксации встречающихся в средневековых источниках понятий, некоторые ученые подменяют исследование *социальной реальности* древнерусского общества терминологическим анализом. Иными словами, сначала каким-либо понятием («вече», «совет», «кияне», «люди» и т. д.) в результате *выборочного* изучения источников предписывается вполне определенное значение, а затем сквозь призму этого будто бы раз и навсегда определенного значения рассматриваются источники. Следует повторить, что это характерно для историков, придерживающихся самых разных взглядов. Например, если ученый, встретив однажды в тексте летописи термин в соответствующем значении, решает, что летописные «кияне» — это везде и всегда все население Киевской земли, то он автоматически приходит к выводу, что там, где в летописи встречаются «кияне», речь идет

²⁶ Цит. по: Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 13.

именно о социально-политической деятельности всех «волощан». Наоборот, сторонник других взглядов исходит из того, что социально-политическая деятельность недружинных слоев населения может быть связана лишь со словом «вече», соответственно он, отмечая, что понятие это в древнерусском летописании встречается относительно редко, приходит к «убедительному» выводу об отсутствии в источниках каких-либо данных, ее подтверждающих. В свое время по совершенно конкретному поводу (а именно в связи с событиями в Киеве в 968 г.) Х. Ловмянский очень верно заметил: «Терминологический вопрос не должен заслонять ясно обрисованной действительности»²⁷. Другой польский исследователь Кароль Модзелевский выразился недавно еще более резко: «Лексическое совпадение само по себе еще не доказывает того, что мы имеем дело с одним и тем же институтом. Изучение социальной истории ... не сводится к перелистыванию словарей»²⁸.

Еще более вредной разновидностью такого подхода является псевдостатистический количественный подсчет упоминаний разного рода понятий. Например, ставится вопрос о том, сколько раз упоминается «вече», скажем, в статьях XII в. Ипатьевской летописи и Новгородской I. При этом заранее не определяется, а что мы собственно понимаем под «вечем», и еще существеннее, что понимал под «вечем» человек XII в.²⁹

Наконец, в некоторых недавних работах была предпринята попытка поставить под вопрос всю традиционную проблематику древнерусской социально-политической истории, в том числе историю веча, исходя из «деконструктивистского» прочтения источников. По мысли сторонников этого подхода, летописи, представляющие собой «исторические нарративы», не могут дать прямой информации о прошлом, поскольку их составители в своей работе руководствовались не принципом историописания *sine ira et studio*, как это представляла себе позитивистская историография XIX — начала XX в., а определенными риторическими ходами, «нарративными стратегиями», находящимися в противоречивых отношениях с реальностью, которую они призваны отражать. Важным направлением практической работы «деконструктивистов», помимо выявления способов искажения, замалчивания или дополнения реальности авторами «нарративов», является поиск элементов, которыми те пользовались для конструирования создаваемой ими реальности. В этой роли обычно выступают повествовательные штампы, заимствованные из литературных книжных источников, чаще всего переводных (Св. Писание, святоотеческая и богослужебная литература, агиография и т. д.). В «деконструктивистской» критике традиционной «реконструктивистской» моде-

²⁷ *Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e.* Warszawa, 1970. T. IV. S. 106.

²⁸ *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa.* Warszawa, 2004. S. 325.

²⁹ В данном случае не ставится вопрос о том, насколько вообще допустим статистический подход, во-первых, к столь случайной и неравномерной выборке, как упоминания терминов в древнерусских источниках, во-вторых, к выборке столь малой. Часто приходится видеть, как в научных работах встречаются замечания вроде: 5 из 10 упоминаний — это 50%, тогда как 10 (или даже 20, 30, 40) упоминаний могут находиться в рамках статистической погрешности.

ли историописания есть рациональное зерно. Возможные литературные влияния, наличие повествовательных штампов («топосов») и их происхождение, безусловно, должны учитываться. Однако попытки применения постсоветскими авторами соответствующих принципов на практике вызывают чаще всего, увы, недоумение. Обращает на себя внимание прежде всего явное внутреннее противоречие: отрицание «экстратекстуальной реальности» сопровождается тем не менее описанием этой реальности, с той лишь разницей по сравнению с традиционной «реконструктивистской» методикой, что оно становится абсолютно произвольным. Апелляции к именам таких мыслителей, как Мишель Фуко, Хейден Уайт или Поль Рикер, в этом контексте играют роль оформления³⁰, а основой «деконструктивистской» методологии становятся выдвигание опять-таки априорной концепции (причем чаще всего заимствованной из арсенала традиционной историографии) и манипуляции с источниками, действительно создающие впечатление сознательной «нарративной стратегии», которую «деконструктивисты» столь настойчиво ищут в средневековых текстах (примеры таких манипуляций будут приведены ниже при анализе конкретных фактов). Что касается самой возможности использования нарративных источников для изучения социально-политической истории Древней Руси, то здесь нужно учитывать следующие обстоятельства.

В распоряжении древнерусских книжников не было никакой модели веча или схожего явления, которую они могли бы заимствовать для его «конструирования». В переводной литературе иногда упоминаются те или иные совещания, но они не имеют ничего общего со славянскими «народными собраниями». Ярким проявлением этого является тот факт, что само слово «вече» почти не встречается в переводной литературе, а редкие его упоминания лишь с трудом могут быть сопоставлены с известным по летописям значением³¹. Действительные же параллели древнерусскому вечу могут быть обнаружены в источниках, в основном латиноязычных, содержащих информацию о западных славянах, — в которых и риторические ходы, и «нарративные стратегии» были иными, чем в древнерусских летописях, зато отраженная в них социальная реальность была весьма близка к восточнославянской. Некоторые данные документальных источников, в основном более поздние, дают принципиально ту же картину состава участников вечевых собраний, что и летописные «нарративы»³². Важен и еще один момент. Как будет показано ниже, информация о социальном составе веча относится в летописях в основном к категории т. н. «невольных свидетелей»³³, достоверность которых существенно выше политически и идеологически значимых для их составителей.

³⁰ Разумеется, эти и другие авторы вряд ли могут нести прямую ответственность за то, как их интерпретируют на постсоветском пространстве.

³¹ См.: Лукин П. В. Упоминания веча/вечников в ранних славянских памятниках // ОИ. 2006. № 4.

³² См.: Он же. Город и вече: социальный аспект. Историографические заметки // Cahiers du Monde russe. 46/1–2. Janvier-juin 2005. La Russie vers 1550. Monarchie nationale ou empire en formation. P. 165–166.

³³ См. об этом, например: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 38.

Здесь не используется и ретроспективный подход, но совсем по другой причине. Изучение того, чем стало домонгольское вече в XIV–XV вв., например, в Новгородской и Псковской «республиках» или в русских городах Великого княжества Литовского, бесспорно, необходимо, тем более что в отличие от раннего времени сведения о городских собраниях могут быть обнаружены не только в нарративных памятниках, но и в других источниках. Но тут возникает опасность изображения домонгольского веча на основе более поздних данных о городских собраниях, которые могли быть значительно более «институционализированными». Впрочем, как совершенно справедливо писал Марк Блок, ссылаясь на выдающегося английского исследователя социальной истории Фредерика Мэтланда, историкам во многих случаях может быть полезно читать историю и «наоборот»³⁴, так что в будущем ретроспективное исследование веча, возможно, будет предпринято. Так, уже сейчас ясно, что многие подозрения адептов «деконструкции» развеялись, если бы они имели представление, скажем, о полоцких «сеймах» в XV в. или о собраниях псковских «черных людей» в XVI в.

Разумеется, нужно отдавать себе отчет в том, что само понятие о социальных группах и связанная с этим проблематика даже в Западной Европе, не говоря уже о России, возникли вовсе не в Средневековье, а значительно позже³⁵. В данном случае не будет предпринята попытка подогнать древнерусское общество под социологическую модель общества Нового или Новейшего времени, но ставится задача изучения состава участников веча, исходя из тех представлений о стратификации, которые существовали в изучаемый период. Такие группы, как «бояре», «дружина», «купцы», «граждане», бесспорно, были в глазах современников реальностью того времени — речь пойдет именно о них, а не о «феодалах», «бюргерах», «патрициате» или «городском плебсе», общественных группах («классах»), хорошо известных многим историкам, но совершенно не знакомых жителям домонгольской Руси. В свое время французский историк Люсьен Февр остроумно заметил, что слово «социальный» было избрано для подзаголовка журнала «Анналы», одним из основателей которого он был, именно потому, что в результате долгого употребления оно перестало что-нибудь значить³⁶. Он, конечно, употреблял слово «социальный» не в качестве синонима слова «классовый», а для акцентирования того факта, что в исторических исследованиях речь идет о человеческом обществе, основанном на самых разнообразных личностных и групповых связях. Именно в этом, самом широком значении «социальная» терминология используется и здесь.

Может быть предъявлено обвинение и в том, что здесь предпринимается реконструкция скорее не реального социального состава веча, а его изображения, которое существовало в сознании летописцев. И такой упрек был бы справедлив, если бы, в принципе, можно было отделить в этом вопросе некую абстрактную

³⁴ Там же. С. 28–29.

³⁵ См.: *Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю.* Открытие социального (парадокс XVI в.) // *Одиссей*. 2001. М., 2001.

³⁶ См.: *Февр Л.* Как жить историей // *Он же.* Бои за историю. М., 1991. С. 25.

«реальность» от сознания авторов источников. Можно согласиться с точкой зрения Марка Блока, писавшего о том, что предмет истории «в точном и последнем смысле, — сознание людей»³⁷. И это действительно отнюдь не только для Средневековья. Ведь совершенно ясно, что такие вполне «реально» существующие группы населения, как «капиталисты», «рабочий класс», «интеллигенция» и пр., — продукты определенного сознательного обобщения весьма разнородных явлений. Социальная структура — это всегда некоторая модель, понятным для данного общества способом интерпретирующая действительность. Задача, иными словами, такова: необходимо, с одной стороны, определить, какие группы населения, с точки зрения летописцев, участвовали в вече, с другой — постараться понять, из каких людей эти группы состояли.

В последнее время в области исследования социальной истории Древней Руси появляются работы, ориентирующиеся на источники и факты, а не на априорные концепции³⁸. К сожалению, древнерусское вече, и особенно его социальное изменение, остаются до сих пор в этом плане неисследованными.

* * *

Конкретные вопросы, которые будут поставлены в этом исследовании, могут быть сформулированы так:

1. Участвовали ли в социально-политической жизни Древней Руси какие-либо слои населения, отличные от княжеско-боярско-дружинной элиты?

2. (Если на первый вопрос будет дан положительный ответ), как эти слои и формы их участия в социально-политической жизни древнерусского общества характеризовались в летописях?

3. Какова самая общая социальная характеристика этих слоев, прежде всего, идет ли речь обо всем населении древнерусских земель (волостей), включая сельское население, или только о горожанах?

4. Можно ли говорить о разных формах участия в социально-политической жизни разных общественных слоев или источники свидетельствуют о господстве бессловности, общинности в Древней Руси?

Попытка поочередно ответить на эти четыре вопроса будет предпринята в этом разделе. При этом главное внимание будет уделяться не эволюции общественно-политических институтов и их функций или региональным особенностям, а их социальной сущности. Основой исследования будут служить ранние летописные известия, сохранившиеся в Новгородской I старшего и младшего изво-

³⁷ Блок М. Апология истории. С. 86.

³⁸ См., например: Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины). М., 1979. Т. 103; Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989; Кучкин В. А. Десятские средневековой Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4; Он же. Ранние свидетельства о сотских и сотнях // Древняя Русь. 2006. Март. № 1 (23); Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.

дов³⁹, Лаврентьевской (и родственных)⁴⁰, Ипатьевской (и родственных)⁴¹ летописях; а также восходящие к ранним летописным источникам данные, которые могут быть извлечены из относительно поздних Новгородской Карамзинской⁴², Новгородской IV⁴³, Софийской I⁴⁴ летописей и т. н. Московского летописного свода конца XV в.⁴⁵ По мере возможности и необходимости будут привлекаться и другие источники, в которых могут быть обнаружены сведения о социальном составе веча. Хронологические рамки очевидны: от первых известий о социально-политической деятельности недружинных слоев древнерусского общества (X–XI вв.) до монголо-татарского нашествия (1237–1242 гг.).

Дружина и люди

Уже в начальном летописании есть свидетельства об участии в социально-политической жизни Древней Руси недружинных слоев населения. Под 980 г.⁴⁶ в ПВЛ повествуется о войне между Владимиром и Ярополком Святославичами. Воевода Блуд, стремясь ввести Ярополка в заблуждение, сказал ему: «Кияне слятся к Володимеру, глаголюще: „Приступи къ граду, яко предамы ти Ярополка“»⁴⁷. «Кияне» здесь противопоставляются дружине Ярополка, так как выше указывается, что он «затворися Киевѣ с людьми своими и с Блудомъ»⁴⁸ и, очевидно, вместе с ними впоследствии бежал в Родню⁴⁹.

В НПЛ под 1015 г., а в ПВЛ под 1016 г. сообщается о конфликте между нанятыми новгородским князем Ярославом Владимировичем варягами и местным населением⁵⁰. Если совещания князя с дружиной носили, судя по летописи, так сказать, камерный характер (в тереме, в шатре и т. д.), то в НПЛ указывается, что

³⁹ ПСРЛ. Т. III. М., 2000.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. М., 1997; ПСРЛ. Т. 41. М., 1995 («Летописец Переяславля Суздальского»).

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. М., 1998.

⁴² ПСРЛ. Т. XVII. СПб., 2002.

⁴³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949.

⁴⁶ Вопрос о хронологии ПВЛ чрезвычайно запутан (краткий очерк истории проблемы см.: Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца за IX — начало XIV в. // Мир истории. 2002. № 8 (<http://www.historia.ru/2002/08/grishina1.htm>)). Здесь и далее при переводе дат ПВЛ от «Сотворения мира» в даты от Рождества Христова условно используется мартовское летосчисление.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 77.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 76.

⁴⁹ См. подробнее: Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 90–91.

⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 174–175; ПСРЛ. Т. I. Стб. 140–141. Подробную источниковедческую характеристику см. в: Лукин П. В. События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений // ОИ. 2007. № 4.

Ярослав собрал новгородцев на вече «на поле» — видимо, для того, чтобы, опираясь на их поддержку — без промедлений выступить в поход⁵¹. Кем бы ни была упомянутая в НПЛ «тысяча славных воев»⁵², представляется, что в новгородском вече участвовали не только дружинники, но представители более широких слоев населения. Во-первых, «тысяча славных воинов» была «иссечена» Ярославом после убийства ими варягов. Во-вторых, если и предположить, что «избыток новгородцев» — это бежавшие из Новгорода остатки «воинов славных тысячи», остается непонятным, откуда взялись 3000 новгородских «воев», отправившихся в поход на Святополка.

Под 1068 г. в летописи читается рассказ о восстании в Киеве. Анализ его показывает, что участники киевского веча, собравшегося после поражения русского войска от половцев, не могли быть киевскими дружинниками. В ПВЛ рассказывается, что после веча «киевские люди» «...раздѣлишася надвое: половину ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на князь двор. Изяславу же сѣдѣи на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтиса со княземъ, стояще долѣ, князю же из оконца зрящю и дружинѣ стоящю оу князя...»⁵³. Из этого отрывка становится ясно, что «люди киевские» и «дружина» — разные группы населения. Действительно, хотя летописец использует такие расплывчатые понятия, как «люди киевские» или просто «люди», он явно отделяет их от княжеской дружины, которая действует совершенно самостоятельно. Так, дружинники советуют Изяславу убить сидящего в погребѣ полоцкого князя Всеслава Брючиславича (на что князь, согласно летописи, не дает согласия), а «люди» препятствуют этому и освобождают узника, а заодно и свою «дружину» (т. е., видимо, каких-то киевлян, заключенных ранее Изяславом в «погреб») ⁵⁴.

Весьма показателен рассказ ПВЛ под 1071 г. о появлении волхва в Новгороде: «И бысть мятежь в градѣ, и вси яша ему (волхву. — П. Л.) вѣру, и хотяху погубити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рек: „Иже хочеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли веруеть кто, то ко кресту да идеть“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и стаха оу епископа, а людье вси идоша за волхва»⁵⁵. Тут очевидно прямое противопоставление княжеской дружины и «людей» — новгородских горожан. Ни о каком участии сельского населения в источнике, вопреки Б. Д. Грекову⁵⁶, нет ни слова.

Под 1096 г. летописец рассказывает о попытке русских князей заключить мирное соглашение: «Святополкъ и Володимерь посла к Олгови, глаголюща сице:

⁵¹ См.: Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974. С. 44.

⁵² См. подробнее: Лукин П. В. События 1015 г..

⁵³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 171.

⁵⁴ Подробнее см.: Лукин П. В. Вече. С. 102–106; Он же. Древнерусские «вои». IX — начало XII в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 43–47.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 181.

⁵⁶ Очерки по истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. М., 1953. Ч. 1 (раздел о политическом строе в гл. 2, автор — Б. Д. Греков). С. 178.

„Поиду Киеву, да порядъ положимъ о Русьстѣи земли предъ епископы и пре игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и пре людьми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“. Олег же въсприимъ смыслъ буи и словеса величава, рече сице: „Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ“⁵⁷. Это сообщение очень существенно и будет еще обсуждаться ниже. Пока важно отметить, что князья Святополк Изяславич и Владимир Мономах обращаются к другому князю Олегу Святославичу с предложением «положить порядъ», т. е. заключить союз, для борьбы с внешней угрозой — половцами. Гарантами соглашения должны выступить три группы населения: высшее духовенство (епископы и игумены), дружинная элита («мужи отецъ нашихъ») и «люди градские». Именно эти слои населения, очевидно, и имели право, судя по этому известию, на участие в политической жизни⁵⁸. И среди этих слоев фигурируют и люди градские, которые явно отделяются от бояр и вообще дружинного слоя.

Под 1097 г. в ПВЛ включена Повесть об ослеплении Василька Теребовльско-го. В ней, в частности, рассказывается, что, после того, как Давыд Игоревич и Святополк Изяславич захватили Василька Теребовльского, «наоутрия же Святополкъ созва боляръ и Кыянь и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдь, яко „Брата ти оубиль, а на тя свѣчался с Володимеромъ (Мономахомъ. — П. Л.), и хотя ты оубити и грады твоя заяти“. И рѣше боляре и людьє: „Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своеє. Да аще есть право молвилъ Давыдь, да приметь Василко казнь; аще ли неправо глаголаъ Давыдь, да приметь мечь. — Радзивилковская и Академическая летописи; далее: Р, А) от Бога и отвѣчает пред Богомъ“⁵⁹. Этот отрывок как бы переводит в практическую плоскость теоретическую схему участия различных слоев киевского общества в социально-политической жизни, которая отразилась в указанных выше словах Владимира Мономаха и Святополка Изяславича, обращенных к Олегу Святославичу. Действительно, перед принятием важнейшего решения Святополк советуется не только с боярами, но и с «кыянями», «людьми» (в данном случае это, понятно, синонимы)⁶⁰.

Более того, по всей видимости, после того, как в поход на Киев отправились вступившиеся за Василька Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи, именно «кыяне» сыграли важнейшую роль в примирении князей. Согласно лето-

⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229–230.

⁵⁸ В. Н. Латкин писал даже о вече в 1096 г., что, думается, все же преувеличение (см.: Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. 24).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 259–260.

⁶⁰ Однако Л. В. Черепнин, полагавший, что «князь имел здесь дело не с боярской думой или не только с боярской думой, но и с городским советом» (Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 31), слишком свободно, на наш взгляд, толковал скудные данные источника, в тексте которого не упоминаются ни дума, ни совет и вообще не идет речь ни о каких «институтах». Ничто, кстати, не мешает допустить, что Святополк созвал «боляр и кыянь» на вече. См.: Плахоніч А. «Сего не бывало в Руськѣи земли»: вплив візантійського права та пережитки кровної помсти в князівському середовищі // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 3. С. 197.

писи, «...Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, (и — РА) не даша ему Кыяне (побегнути — РА), но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и възмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣвствомъ, побарающа по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую“. Всеволожая же и митрополит придоста к Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу Кыян...»⁶¹. Итак, «кыяне» не выпускают князя из города и выступают инициаторами мирных переговоров с противниками Святополка. При этом они *посылают* в качестве послов вдову Всеволода Ярославича и киевского митрополита Николу. Л. В. Черепнин справедливо указывал на то, что «под „кыянами“ здесь могут подразумеваться только люди, обладавшие официальными полномочиями и правом отправлять столь авторитетное представительство...»⁶².

Под 1123/1124 г.⁶³ в Ипатьевской летописи и Московском летописном своде сообщается об осаде Владимира Волынского, где княжил тогда сын Владимира Мономаха Андрей, большой коалицией князей во главе с Ярославом Святополчичем (А. Н. Насонов показал, что эта статья МЛС восходит к раннему южнорусскому источнику, более полному, чем сохранившийся в составе Ип. Киевский свод⁶⁴): «...Ярославецъ ... разгордѣвсѣ подъѣха под град толико сам третей, рано в недѣлю, и прѣтяше князю Андрѣю и людемъ градскимъ ... Надѣяшеть бо ся на множество вои. Андрѣи же имяше надежу на бога, и моляшеться прилѣжно съ дружиною и с людьми градскими...»⁶⁵. «Градские люди» Владимира Волынского отделяются здесь от княжеской дружины. Между тем именно от них вместе с князем зависит, будет ли сдан город противнику, или продолжится сопротивление.

Следующий эпизод переносит нас в Новгород. Речь идет о событиях 1136 г., когда новгородцы прогнали из города князя Всеволода Мстиславича. По сообщению НПЛ, «...новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и всадиша въ епископлъ дворь, съ женою и съ дѣтьми и съ тѣщею»⁶⁶. Софийская I летопись передает последнюю фразу несколько иначе: «...и садиша и въ епискупль дворь съ княгинею и съ боялары, и с тещею»⁶⁷. Таким образом, вышеупомянутые новгородцы, псковичи и ладожане противопоставляются боярам. Однако здесь имеются в виду личные бояре Всеволода,

⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 263–264.

⁶² Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 31.

⁶³ Здесь и далее перевод летописных дат от «Сотворения мира» в даты от Рождества Христова в Ип. (в части «Киевского свода»), Лавр. и НПЛ осуществляется с учетом исследования Н. Г. Бережкова (*Бережков Н. Г. Хронология русского летописания*. М., 1963).

⁶⁴ См.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 288.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 28–29; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 287. Ип. вместо «съ дружиною и с людьми градскими» дает чтение «съ всеми людьми своими».

⁶⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 24.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. С. 222.

его дружинники, а не бояре вообще. Среди новгородцев могли быть представители местного, новгородского боярства, которое очень рано выделилось из дружинной организации⁶⁸.

О дальнейшей судьбе изгнанного из Новгорода Всеволода под 1138 г. рассказывается в Лаврентьевской летописи: «Мстиславичъ Всеволодъ, внукъ Володимеръ ... приде к стрывеи своему Ярополку Киеву, и да ему Вышегородъ, и ту сѣдѣ лѣто едино. И придоша по нь Плесковичи, сдумавше с Новгородци Коснятинъ тысячьскыи, а ис Плескова — Жирята с ыною дружиною. И иде с дружиною своею, и пребысть тамо мало, и сконьча животь свои»⁶⁹. И снова мы видим отдельно дружину Всеволода Мстиславича и новгородцев с псковичами. Здесь также не приходится утверждать, что «новгородцы» и «псковичи» этих сообщений — не представители общественной элиты. Но в данном случае важно отметить, что они не принадлежат к княжеской дружине.

Однако под 1137/1138 г. в НПЛ сообщается о неудачной попытке Всеволода вернуться в Новгород (именно после нее он ушел во Псков) следующее: «...приде князь Мъстиславичъ Всѣволодъ Пльскову, хотя сѣсти опять на столе своемъ Новѣгородѣ, позванъ отаи новгородьскыи и пльсковьскыи мужи, приятели его: „поиди, княже, хотять тебе опять“. И яко услышано бысть се, яко Всѣволодъ Пльсковѣ съ братомъ Святопѣлкомъ, и мятежь бысть великъ Новегородѣ: не въсхотѣша людеь Всѣволода; и побѣгоша друзии къ Всѣволоду Пльскову, и възяша на разграбление дома ихъ, Къснятинъ, Нѣжятинъ и инѣхъ много, и еще же ищуще то, кто Всеволоду приятель боярь, тѣ имаша на нихъ нѣ съ полуторы тысяце гривень, и даша купцемъ крутитися на воину; нѣ сягоша и невиноватыхъ»⁷⁰. Под «приятелями» Всеволода имеется в виду, очевидно, часть новгородских бояр, симпатизировавшая этому князю. Они и стали жертвами «мятежа». Вполне возможно, что среди его зачинщиков были и другие представители новгородской знати — противники Всеволода, но из текста, думается, следует, что в этом проявлении социально-политической активности участвовали не только бояре, но и другие слои новгородского населения. Об этом свидетельствует, в частности, позиция «купцов», которых Б. Н. Флоря обоснованно считает представителями «свободного непривileгированного населения Новгорода»⁷¹, — они получили средства на покупку вооружения⁷².

⁶⁸ См.: Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 111–112, примеч. Ю. Г. Алексеев справедливо отмечает в связи с этим, что «новгородская летопись 12 в. ... не знает четкой социальной терминологии, отражающей деление свободных граждан» (Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 245) — правда, историк, думается, напрасно использует совершенно анахроничное понятие «граждане».

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304–305.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 24–25.

⁷¹ Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы». С. 70. Ср.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 71; Łowmiański H. O składzie społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi // Kwartalnik historyczny. 1960. R. LXVII. Nr. 2. S. 443.

⁷² О значении глагола «крутитися на» («собираться, готовиться к чему-л.») см.: СДРЯ. М., 1991. Т. IV. С. 306–307.

В историографии предпринимались попытки проанализировать с социальной точки зрения состав участников новгородских событий 1136–1137 гг. Еще С. М. Соловьев предположил, что «к стороне Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и находили его приятелей; а к противникам его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также из главного обвинения: не блюдет смердов»⁷³. Однако впоследствии справедливо отмечалось, что упрек в «неблюдении смердов» не раскрывает социального состава участников событий, поскольку, как отмечал И. М. Троицкий, разорение податного сельского населения самым отрицательным образом отражалось и на горожанах, которые вполне могли предъявить соответствующее обвинение князю⁷⁴. По мнению М. Н. Тихомирова, главной силой, борющейся против Всеволода, были купцы и ремесленники, «озлобление» которых против князя «было явным и открытым»⁷⁵. Свообразием отличается позиция И. Я. Фроянова. Он, во-первых, считает, что «Всеволод после своего изгнания не сам возвратился, а был возвращен новгородцами», причем «по инициативе веча»⁷⁶. На самом деле ничто не говорит об участии в движении, направленном против Всеволода, только незнатных новгородцев. Действительно, жертвами его стали бояре — но бояре как таковые, а именно сторонники князя. Однако, как это часто бывает, в ходе бурных событий материальные потери понесли не только они, но и «невиноватые» (кстати, в летописи, вопреки И. Я. Фроянову, не говорится, что все эти «невиноватые» были боярами).

Под 1144 г. в Лавр. сохранилось известие о свадьбе в Переяславле Русском полоцкого князя Рогволода Борисовича и дочери Изяслава Мстиславича: «...Изяславъ отда дщерь свою Полотску за Борисовича Роговолода, и Всеволодъ князь Киевскыи приде с женою, и со всѣми боляры, и с Кыяны Переяславлю на свадьбу»⁷⁷. Летописец совершенно четко выделяет среди гостей, пришедших из Киева

⁷³ Соловьев С. М. История. М., 1993. Кн. 1. С. 405–406. См. также: Пауцто В. Т. В ущерб истине (по поводу книги о русском вече) // История СССР. 1968. № 5. С. 236.

⁷⁴ Троицкий И. М. Возникновение Новгородской республики // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. 1932. Ч. 2. № 5. С. 368–369. См. также: Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 269, сноска.

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 206. В другой работе М. Н. Тихомиров писал: «...противниками Всеволода были „люди“, а сторонниками — „добрые мужи“. Указание на купцов, которые получили деньги на экипировку для войны с Всеволодом за счет бояр, „приятелей“ Всеволода, показывает, что часть купечества шла вместе с „людьми“» (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 193). Большое внимание «мужам» и «людям» в этой летописной статье уделяет и немецкий историк Клаус Цернак (см.: Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 139, 144). На самом деле сторонники Всеволода называются в летописи не «добрыми мужами», а просто «мужами». Важнее, однако, другое: понятия «мужи» и «люди» сами по себе не несли никакой социальной нагрузки (об этом, в частности, см. ниже, II параграф).

⁷⁶ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 191–192.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 311.

вместе с князем Всеволодом Ольговичем, «всех бояр» (т. е. не только дружинников Всеволода, но и уже осевших к этому времени на Киевщине бояр, если таковые уже были ⁷⁸) и «кыян» — т. е. представителей киевского населения, не входивших в состав боярства.

Под 1147/1148 г. в Ип. содержится известие о попытке сына Юрия Долгорукого Глеба завладеть Переяславлем Русским, в котором сидел сын тогдашнего киевского князя Изяслава Мстиславича Мстислав. Воевода Юрия Долгорукого Жирослав советовал Глебу: «Поиди Переяславлю, хотяъ тебе Переяславци». Тогда Глеб двинулся к Переяславлю. Далее летопись сообщает: «Свитаючи же дни, Мъстиславоу же (Изяславичу) лежащо и дружинѣ его, пригнавшѣ сторожеве, рекоша емоу: „Не лежи, княже, Глѣбѣ ти пришьѣ на тя“. В борзѣ събравъ дружиноу, выстоупи проти[ву] емоу из города. И стоявъ Глѣбѣ до заоутрея, воротися опять. Мъстиславъ же, совокоупивъся съ дружиною и с Переяславци, гна по немъ, и оугони оу Носова на Роудѣ, изоимаша нѣколико дружины его...» ⁷⁹. Помимо того, что здесь также «переяславцы» отделяются от княжеской дружины, обращает на себя внимание их активное участие в политических делах. Они, по слухам, предпочитают одного князя другому, потом, наравне с дружиной, участвуют в боевых действиях против Глеба Юрьевича. В общем, бросается в глаза их определенная самостоятельность по отношению к князю и его окружению.

С таким же разделением местного населения и княжеской дружины сталкиваемся и при описании под 1149 г. в Ип. праздничной встречи братьев Изяслава и Ростислава Мстиславичей в отчине последнего — Смоленске: «Видившеся брата въ здоровьи и пребыста оу велицѣ любви и в весельи с моужи своими, (и съ ⁸⁰) Смолняны, и тоу даристася дарьми многыми» ⁸¹. «Мужей своих» Мстиславичей — представителей боярско-дружинной знати — летописец отличает от «смолян», в состав которых смоленские «мужи» Ростислава не входят.

Под 1149 г. в Лавр. излагаются обстоятельства ссоры Изяслава Мстиславича и Ростислава, сына Юрия Долгорукого: «Приде Изяславъ Киеву, и ради быша людѣ, токмо дьяволь сѣтоваше, вложи бо нѣкоторым мужем его в сердце, и начаша глаголати ему, рекуще, яко: „Ростиславъ Гюргевичъ подмолвил на тя люди, и Берендичи, и Кияны, а хотѣлъ сѣсти Киевѣ, а пусти и к отцю, то твои ворогъ, и отец его, держиши и на свою голову“» ⁸². Виновники разлада между князьями, «некоторые мужи» Изяслава, — очевидно, его дружинники. Они обвинили Ростислава

⁷⁸ Именно в этот период, как показано в исследовании А. А. Горского, шел процесс т. н. «разложения» дружины, приводивший, видимо, в частности, к тому, что бояре постепенно отрывались от дружинной организации и там, где князья часто менялись (например, в Киеве), оказывались в большей степени связанными с городами и землями, чем с конкретными князьями (см.: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 81–82).

⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 359, 360.

⁸⁰ Конъектура основана на Хлебниковском списке (далее — Х). Чтение «с моужи своими Смолняны» невозможно, поскольку «мужи» (т. е. в данном случае дружинники) Изяслава не были смолянами.

⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 369.

⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 320.

Юрьевича в том, что тот «подмолвил» на киевского князя «людей», в число которых входят берендеи и «кияне», выступающие в этом известии в качестве определенной группы населения (наряду с тюрками-берендеями), по-видимому, отличающейся от княжеской дружины. Поддержка этих «киян» была явно необходима князю для борьбы за власть.

Под 1150 г. в Ип. рассказывается о том, как после поражения в бою Изяслав Мстиславич вынужден был оставить Киев, и туда немедленно вошел его главный противник Юрий Долгорукий. При этом дружина Изяслава и значительная часть «киян» вели себя совершенно по-разному. Когда Юрий приблизился к городу, «Кияне же мнози поѣхаша в насадехъ къ Гюргеви, а друзии почаша в насадах дружину его перевозити на сю сторону в Подолье. Вячеславъ же съ Изяславомъ рекоста, видивша то: „На нею (видевша то наю не — X) веремя нынѣ есть“. И рече Изяславъ отцю своему Вячеславу: „Поѣди ты, отце, в свои Вышегородъ, а я поѣду в свои Володимирь, я же паки по сихъ днехъ, како ны Богъ дастъ“. И, то рекша, поѣхаста, Вячеславъ поѣха Вышегороду, а Изяславъ въ свои Володимирь. И повелѣ Изяславъ дружинѣ свои събратися оу Дорожичь, а самъ дожда ночи, поѣха ис Киева»⁸³.

Ниже читаем: «Кияне, оубоявъшесе Володимера Галичского, оувядоша князя Дюргя въ Киевъ»⁸⁴. Заметим: дружины Изяслава в Киеве уже нет, а кияне действуют, причем весьма активно. Именно они «вводят» нового князя в город.

Под 1151 г. в Ип. идет речь о походе Изяслава и Владимира Мстиславичей в союзе с венграми на Киев против Юрия Долгорукого: «Изяславъ же, скупивъся с братомъ Володимеромъ и съ Оугры, поиде къ Киеву, повабившимъ его мужемъ Вячеславимъ, и Берендѣемъ, и Кианомъ... Изяславъ же пришедь, и ста выше Пересопници, и пожже Зарѣчеськь. И ту приде ему вѣсть, оже Володимирь Галичской идеть на нь. Изяславъ же, то слыша, поча доумати съ дружиною своею»⁸⁵. «Кияне» в этом тексте, во-первых, представляют собой единую группу (как и бе-

⁸³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 402. И. А. Линниченко по этому поводу заметил: «Следует, кажется, предположить, что Юрия перевозила только преданная ему партия, мнози Кияне, а не вси — так говорит летопись, когда рассказывает о совокупном действии всех Киевлян» (Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 45). Однако это предположение безосновательно: во-первых, летопись отнюдь не всегда употребляет выражение «все кияне», когда говорит о «совокупном действии всех киевлян», но часто просто слово «кияне»; во-вторых, в этом же рассказе подчеркивается, что поехали навстречу Юрию «многие кияне», в то время как «другие» киевляне стали перевозить его дружину через реку на Подол. «Многие» и «другие» киевляне вместе — это, думается, и есть «вси кияне». М. С. Грушевский верно, по-видимому, предположил, что помогать Юрию могли «не только доброжелатели, но и люди, не принадлежавшие к его партии», так как Владимирко галицкий уже подходил к Киеву, «и киевлянам было желательно, чтобы Юрий раньше овладел Киевом и в своих интересах оборонил его, иначе Володимирко, не интересовавшийся Киевом, мог подвергнуть его разорению» (Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 185).

⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 403.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 409.

рендеи), а во-вторых, отделяются как от «мужей Вячеславлих» (т. е. от дружины князя Вячеслава Владимировича), так и от дружины Изяслава Мстиславича. Естественно, пригласить Изяслава в Киев не могли и «мужи» Юрия Долгорукого. Кроме того, в летописи у «киян» просматривается последовательная политическая линия на поддержку Изяслава, это те же самые «кияне», что и в цитированных выше летописных известиях. Таким образом, и здесь «киян» надо понимать как людей, не принадлежащих к дружинному окружению князей.

Такое разделение, как показывает дальнейший анализ летописных сообщений, характерно не только для Киева. В продолжении повествования о войне Изяслава Мстиславича с Володимирком Галицким и его союзниками, Андреем Боголюбским и Владимиром Андреевичем дорогобужским, Ип. сообщает о том, как Изяслав пополнил свое войско после неудачного для него столкновения у реки Уши: «И оугада Изяславъ съ дружиною своею поити чересь ночь к Мичьску, и нача велѣти всимъ воимъ своимъ огни велики (класти — X). И тако накладъше огни, а сами поидоша чересъ ночь къ Мичьску, и ту оусрѣтоша и дружина многое множество, иже съдахуть по Тетереви, и ту поклонишася Изяславу. И Мичане с ними рекуче: „Ты наш князь“»⁸⁶. Пополнение, полученное Изяславом, четко разделяется на две части: сидящие по Тетереву дружинники⁸⁷ и «мичане» — жители Мичска, которых летописец с дружиной не связывает.

То же видим и в описании захвата Белгорода, где сидел сын Юрия Долгорукого Борис, братом и союзником Изяслава Владимиром Мстиславичем: «В то же время Борисъ пьашеть в Бѣлѣгородѣ на сѣньници съ дружиною своею и с попы Бѣлогородьскими. Даче бы не мытникъ оустерегль и моста не переметаль, то яли быша. И тако полци, приѣхавъше к мостку, кликнуша въ трубы, въструбиша. Борисъ же, то слышавъ, бѣжа из Бѣлагорода. Бѣлогородци же потекоша противу к мостку, кланяюшася и рекуче: „Княже, поѣди, Борисъ ти побѣжал“»⁸⁸. Ясно, что белгородцы не имеют никакого отношения к дружине Бориса Юрьевича, весело проводившей время вместе со своим князем и впоследствии, очевидно, бежавшей с ним из осажденного города. Так же как и киевляне, эти белгородцы, согласно ле-

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 412–413.

⁸⁷ По мнению И. А. Линниченко, дружина по Тетереву — это «общинные поселения по Тетереву» (*Линниченко И.* Вече. С. 46, примеч.). Похожих взглядов придерживался и С. М. Соловьев, излагавший в своей «Истории» это летописное известие так: Изяслав Мстиславич «в ночь двинулся к городу Мичьску, где встретило его множество народа с берегов Тетерева с криками: „Ты наш князь!“» (*Соловьев С. М.* История. Кн. I. С. 455). Исследователи, по-видимому, исходили из того, что слово «дружина» в данном случае употреблено в широком значении. Однако такая трактовка кажется маловероятной. Непонятно, почему тетеревские «общинники» (кстати, связь тетеревской дружины с «общиной» вообще является домьслем И. А. Линниченко) действуют самостоятельно и представляют собой существенную военную силу? Почему, наконец, эти люди именуются не просто по месту жительства, а именно «дружиной», *сидящей* по Тетереву? Н. М. Карамзин же почему-то увидел в дружине по Тетереву «усердных Киевлян», ждавших Изяслава «на берегах Тетерева» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II. С. 149).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 415.

тописи, четко ориентируются на «Володимирово племя», а точнее — на потомков Мстислава Великого, не желая быть у других князей, выражаясь языком древнерусского книжника, «аки в задничи».

Ниже в Ип. рассказывается о вторичном занятии Изяславом киевского стола. Когда в городе стало известно о бегстве Юрия Долгорукого и приближении Изяслава, «Кияне же оуслышавше Изяслава, изидоша противу ему с радостью... Многo изымаша дружины Гюргевы по Киеву. Изяславъ же от святоѣ Софѣи поѣха и с братею на Ярославль дворъ, и Оугры позва со собою на обѣдъ и Кияны, и ту обѣдавъ с ними на величмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша оу велицѣх весельи»⁸⁹. Здесь вновь появляются киевляне, которые бурно приветствуют нового князя и которых тот затем приглашает на обед, вместе со своими венгерскими союзниками. При этом упомянутые в этой статье «кияне» не могут быть, с одной стороны, дружинниками самого Изяслава, вошедшими в Киев вместе со своим князем, с другой, разумеется, — дружинниками Юрия, захваченными в плен победителями⁹⁰.

Под 1158 г. в Ип. содержится подробный рассказ о борьбе за власть в Полоцкой земле между двумя представителями полоцкой княжеской династии, Рогволодом Борисовичем и Ростиславом Глебовичем, сидевшим тогда в Полоцке. Первым объектом борьбы стал Друцк — город в Полоцкой земле, где княжил сын Ростислава Глеб: «...иде Рогъволодъ Борисовичъ от Святослава от Олговича искать собѣ волости... И приѣхавъ къ Случьску, и нача слатися ко Дрючаномъ. Дрючане же ради быша ему, и приѣздяче к нему, вябяхут и к собѣ, рекуче: „Поѣди, княже, не стряпаи, ради есме тобѣ, аче ны ся, и /з/ дѣтми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя“. И выѣхаша противу ему боле 300 людии Дрючанъ и Полчанъ. И вниде в городъ с чествью великою, и ради быша ему людие, а Глѣба Ростиславича выгнаша, и дворъ его разграбиша горожане, и дружину его»⁹¹ ⁹². Дрючане проявляют заметную политическую активность: они изгоняют одного князя и приглашают другого. При этом они отделяются от княжеской дружины, которая вместе с самим князем Глебом подвергается разграблению.

Под тем же годом сообщается о том, как Рогволод вновь был приглашен в Полоцк полочанами, полоцким вечем: «...свѣтъ золь свѣщаша на князя своего Полочане на Ростислава на Глѣбовича. И тако приступиша хрестное цѣлование ... и послашася в таинѣ к Рогъволоду Борисовичю Дрютьску, рекуче ему: „Княже нашъ ... мы людие твое, а ты еси нашъ князь, а Ростислава ти емше, вдамы в ручѣ, а еже

⁸⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 416.

⁹⁰ Необходимо еще раз повторить, что *пока* остается в стороне вопрос о социальном составе «киян», «белгородцев», «новгородцев» и т. д., о том, какие именно слои населения скрывались под этими наименованиями: горожане или все «волочане» в целом, все свободные люди или потерявшие уже непосредственную связь с дружинной организацией бояре и т. п. Здесь *пока* важно зафиксировать все случаи упоминания в летописи социально-политической активности людей, не имеющих прямого отношения к дружине как таковой. Об остальном будет идти речь ниже.

⁹¹ МЛС дает чтение: «...и дружины его имѣние все поимаша» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 64).

⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 493–495.

хощеши, то створиши ему". Рогволодь же цѣлова к нимъ хрестъ на томъ, яко не помянути ему всего того, и отпусти я въ свояси. И бяху приятеле Ростиславу от Полчанъ, оже хотяти и яти, и начаша Ростислава звати льстью оу братьщину к святѣи Богородици к Старѣи на Петровъ днь, да ту имуть и. Он же ѣха к ним, изволочивъся в бронѣ подъ порты, и не смѣша на нь дързнути. На оутрии же днь начаша и вабити к собѣ, рекуче: „Княже, поѣди к намъ, суть ны с тобою“. Рѣчи: „Поѣди же к намъ в городъ“, бяшетъ бо князь в то веремя на Бѣлцици. И рече Ростиславъ посломъ: „А вчера есмь оу васъ вчера (в X опушено) былъ, а чему есте не молвили ко мнѣ, а что вы было рѣчи?“ Обаче без всякого извѣта ѣха к нимъ оу городъ. И се погна изъ города дѣтський его противу ему: „Не ѣзди, княже, вѣче ти в городъ, а дружину ти избиваютъ, а тебе хотять яти“⁹³. В этом интереснейшем рассказе (он еще будет цитироваться и разбираться ниже) нужно пока отметить следующее: действующие в нем полочане — участники «совета злого», «братщины» и веча, собранного с целью изгнать Ростислава из Полоцка, однозначно отделяются от княжеских дружин. Дружина Ростислава, к которой принадлежал явившийся к князю в Бельчицу детский, хотя и находилась в Полоцке (по крайней мере, ее часть), в вече явно не участвовала и в число «полочан» данной статьи не входила; наоборот, «полочане» ее избивают. Дружина же Рогволода Борисовича в это время, естественно, была со своим князем в Друцке. Следовательно, полочане, полоцкие вечники этой летописной статьи — представители недружинной части населения.

Под 1160 г. уже в Новгороде встречаемся с противопоставлением княжеской дружины и местного населения. Согласно НПЛ, новгородцы отрешают от власти князя Святослава Ростиславича и подвергают аресту его дружину: «Прияша новгородьци Ростиславици Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгыню въпустиша въ манастырь святыя Варвары, а дружину его въ погрѣбъ въсажаша...»⁹⁴. Впоследствии Святослав Ростиславич вновь изгнанялся из Новгорода. В Ип. об этом сообщается под 1167 г.: «...начаша Новгородьци вѣче дѣяти в таинѣ по дворомъ на князя своего на Святослава на Ярославича (ошибка, на самом деле — Ростиславича. — П. Л.). И приехавше на Городище приятели его начаша повѣдати: „Княже, дѣють людье вѣче ночь, а хотять тя яти, а промышляли о собѣ“. Князь же, испытавъ извѣсто о собѣ и о нихъ, яви дружинѣ своеи. И реша ему дружина: „А топерво суть к тобѣ хрестъ целовали вси по отни смерти, но обаче невѣрни суть всегда ко всимъ княземъ. А промышляимы о собѣ, али начнуть о насъ людие промышляти“»⁹⁵. В тайном от князя вече участвуют исключительно новгородцы, отделяющиеся от княжеской дружины. Вполне вероятное предположение В. Т. Пащуто о том, что новгородцы собирались во «вместительных дворах знати»⁹⁶, никак не ограничивает в социальном отношении состава участников этих собраний, обобщенно названных летописцем вечем. Конечно, вред ли все свободные

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 494–496.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 30–31.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 537.

⁹⁶ Пащуто В. Т. Черты политического строя. С. 29.

новгородцы собирались тайно по дворам, но никаких данных о необходимости кворума при проведении веча не существует, и в совещаниях могли участвовать не только представители знати. Кстати, косвенно это признает и В. Т. Пашуто, когда пишет о тайных совещаниях «сторонников знати». Разумеется, «сторонники» — это не только сама знать, но и более широкие круги городского населения.

Аналогичное многим цитированным выше сообщениям известие о «кыянах» читается под 1167 г. в Ип. В нем говорится о том, как после разрешения конфликтов между князьями Мстислав Изяславич, сын Изяслава Мстиславича, вокняжился в Киеве. Когда он, наконец, «въ Киевъ вниде», «ту выидоша Кияне вси, и /въ/зма рядъ със (sic! — П. Л.) братьею, и с дружиною, и с Кияны въ ть днь»⁹⁷. Новый князь отдельно заключает «ряд» (договор) с тремя социально-политическими силами: князьями, дружиной и «кыянами». Конечно, первое, что вспоминается при анализе этого отрывка, — упоминавшееся выше известие ПВЛ под 1096 г. о предложении Владимира Мономаха «положить поряд» «о Русьстѣи земли пред епископы и пре игумены и пред мужи отець нашихъ и пре людми градьскими»⁹⁸. «Кияне», с которыми киевский князь находится в договорных отношениях, и тут предстают социальной группой, отличающейся от дружины.

Под 1170 г. «кыяне» вновь упоминаются в Ип. — в обсуждении вышгородским князем Давыдом Ростиславичем и дружинниками умершего дорогобужского князя Владимира Андреевича судьбы его вдовы, которая с телом мужа ехала через Вышгород в Киев. Давыд, по летописи, не пустил княгиню в Киев, заявив ей: «Какко ты могу, ятры, пустити. А пришла ми вѣсть ночьсь, оже Мьстиславъ въ Василевѣ». С другой стороны, он «дружинѣ его (Владимира Андреевича. — П. Л.) рече: „А кому васъ годно, а идеть“». Дружинники ответили: «Княже, ты самъ ведаеши, что есмы издѣяли Кианомъ, а не можемъ ѣхати, избьють ны»⁹⁹. Выясняется, что дружина Владимира Андреевича, опасаясь «кыян», отказывается провожать вдовую княгиню в Киев. Причины боязни очевидны: Владимир Андреевич с дружиной участвовал в походе 1169 г. на Киев, принесшем немало бедствий его жителям, поэтому, естественно, на радушную встречу надежд не было. Кто такие «кыяне»? Это не могли быть дружинники тогдашнего киевского князя Глеба Юрьевича: приближенным брата Андрея Боголюбского, самим участвовавшим в разграблении «матери городов русских», не за что было мстить дорогобужцам. Это не могли быть и дружинники прежнего, изгнанного из Киева князя — Мстислава Изяславича, поскольку они частью ушли из города вместе с ним, частью были пленены победителями, о чем прямо говорится в летописи несколько выше¹⁰⁰, и, следовательно, не могли представлять никакой опасности для дружинников Владимира Андреевича. Таким образом, упоминающиеся в этой статье «кыяне» не принадлежали к непосредственному дружинному окружению какого-либо из князей.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 534.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 547.

¹⁰⁰ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 544.

Ниже в Ип., в известии об уходе в 1170 г. Романа Мстиславича, узнавшего о смерти своего отца, из Новгорода, княжеские дружинники прямо противопоставляются новгородцам — «приятелям» Романа: «...приде вѣсть к Романови о отни смерти. Романъ же яви дружинѣ свои и приятелемъ своимъ Новгородьцемъ. И сгадавше, дружина и рѣкоша ему: „Не можемъ, княже, оуже здѣ быти, а поиди къ братьи къ Володимирю (Волынскому)“. Онъ же послуша дружинѣ своѣи, поѣха къ братьи»¹⁰¹.

Весьма богатую информацию дают летописные сообщения о борьбе за власть во Владимирской земле, развернувшейся в 70-е гг. XII в. в Северо-Восточной Руси после гибели Андрея Боголюбского между его братьями, Михалком и Всеволодом Юрьевичами, и племянниками, Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, действовавшими в союзе с рязанским князем Глебом.

О начале этого противостояния сообщается в Лавр. и Ип. под 1174/1175 г. В Лавр. читаем: «(И пойдоста преди два: Михалкъ Гургевич — РА), и Ярополкъ Ростиславичъ, оутвердившеся межи собою, давше старѣишинство Михалку, и цѣловавъше (честный — РА) крестъ оу епископа Черниговскаго из руки, и приѣхаста на Москву. И слышавше Ростовци, негодоваша, рекоша Ярополку: „Ты поѣди сѣмо“, а Михалку рекоша: „Пожди мало на Москвѣ“. Ярополкъ же поѣха отаи брата к дружинѣ Переяславлю. Михалко же видѣвъ брата ѣхавша, и ѣха Володимерю. А дружина вся видѣвше князя Ярополка цѣловаша, и оутвердившеся крестнымъ цѣлованьемъ с ним, ѣхаша к Володимерю на Михалка. Михалко же затворися в городѣ, не сущимъ Володимерцемъ Володимери: ѣхали бо бяху по повельнью Ростовецъ противу князема с полторы тысячѣ, и ти тако цѣловаша крестъ. Приѣхаша же со всею силою Ростовская земля на Михалка к Володимерю и много зла створиша, Муромцѣ, и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города. Володимерци бяхутся с города, святѣи Богородицѣ помагаючи /и/м. И стояша около города 7 недѣль. И святая Богородица избави град свои. Володимерци же, не терпяче глада, рѣша Михалку: „Мирися, а любо, княже, промыслиа о собѣ“. Он же отвѣщавъ, рече: „Прави есте. Ци хотите мене дѣля погынуги?“. Поѣха в Русь, и проводиша его Володимерци с плачемъ. И потомъ Володимерци оутвердившеся с Ростиславичема крестнымъ цѣлованьемъ, яко не створити има в городѣ никакого зла, выдоша съ кресты противу Мстиславу и Ярополку из города. И вшедшим в городѣ (Ростиславичем. — П. Л.), оутѣшиста Володимерцѣ, и роздѣливше волость Ростовскую, сѣдоста княжить. А Ярополка князя посадиша Володимерци с радостью в городѣ Володимери на столѣ въ святѣи Богородицѣ, весь порядъ положше: не противу же Ростиславичема бяхутся Володимерци, но не хотяше покоритися Ростовцем, (и Суждальцемъ, и Муромцем — РА), зане молвахуть: „Пожжемъ и /Владимир/, паки ли /а/ иногѣ посадника в немъ посадим, то суть наши холопи каменъници“. Потом же Ростовци посадиша оу себе Мстислава Ростовѣ на столѣ дѣдни и отни с радостью великою»¹⁰². Здесь фигурируют следующие общности, названия которых имеют не социальное, а территориальное значение: ростовцы,

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 561–562.

¹⁰² ПСРЛ. Т. I. Стб. 372–374; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 596–598.

суздальцы, владимирцы, муромцы, рязанцы. Статус двух последних категорий определить невозможно; о ростовцах и суздальцах будет говориться ниже, в § 2. Что касается «владимирцев», то в тексте фигурируют две их категории. Первая — это владимирская дружина. Она по повелению ростовцев выезжает из Владимира навстречу Ярополку Ростиславичу и присягает ему. Этих владимирцев не было в городе во время осады. Защищали свой город другие владимирцы, очевидно не принадлежащие к дружине. Они демонстрируют весьма большую политическую активность: решительно поддерживают любезного им князя, сопротивляются другому, участвуют в военных действиях и определяют их исход, вступают в договорные отношения с князем, заключая с ним «поряд». Подробно об их социальной характеристике также пойдет речь ниже, в III параграфе, однако сейчас надо еще раз подчеркнуть, что летописные известия свидетельствуют о социально-политической активности во Владимире недружинных групп населения¹⁰³.

После утверждения Ростиславичей в Северо-Восточной Руси отношение к ним местного населения быстро начало ухудшаться. Вот как об этом повествует Лавр. под 1175 г.: «Сѣдѣща Ростиславичема в княженьи земля Ростовская, роздаяла бяста по городомъ посадничество Русьскимъ дѣдѣцкимъ, они же многу тяготу людем симъ створиша продажами и вирами. А сама князя молода бяста, слушаа боляръ, а боляре оучахуть я на многое имѣнье: святое Богородици Володимерское золото и серебро взяста... И почаша Володимерци молвити: „Мы есмы волная (есмо волнии а — РА) князя прияли к собѣ, и крестъ цѣловали на всемъ, а си яко не свою волость творита, яко не творящеса сѣдѣти оу нас, грабита не токмо (волость — РА) всю, но и церкви. (А — РА) промышляите, братья“. И послашася к Ростовцем и Суждалцем, являюще им свою обиду. Они же словомъ суще по них, а дѣломъ далече суще, а боляре князю тою держакуню крѣпко»¹⁰⁴. В этом тексте действуют три силы: «русские детские» (т. е. дружинники, пришедшие с Ростиславичами из Южной Руси); местные бояре, поддерживающие Ростиславичей, и владимирцы. Это, конечно, те же владимирцы, что упоминались в предыдущей статье: они продолжают занимать те же самые политические позиции и ссылаются на данную ими Ярополку Ростиславичу присягу — крестное целование. Таким образом, и здесь речь идет о политической активности владимирцев, не относящихся к боярско-дружинной элите.

¹⁰³ Это отмечал еще А. Н. Насонов: «В 1175 г., когда владимирцы сделали первую попытку после смерти Андрея получить желательного им князя, они остались совершенно изолированными. „Вся сила Ростовской земли“ направилась против них, и даже часть владимирцев, часть городской дружины в количестве полутора тысяч оказалась на стороне их врага... тем не менее оставшееся население сделало все же попытку обороны» (Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // «Века». Исторический сборник. Пг., 1924. 1. С. 16). Неясно, правда, почему А. Н. Насонов говорит в данном случае о «городской дружине», которая, по его мнению, представляет собой «вооруженное население города» (Там же. С. 15). Но если из города выступило все вооруженное население, кто же тогда его защищал? См. также: Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 121.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374–375; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 598–599.

В летописном рассказе о злоупотреблениях Ростиславичей во Владимирской земле вновь упоминаются ростовцы и суздальцы, которым на правах «пригорода» являют свою обиду владимирцы. Отметим, что ростовцы и суздальцы не отождествляются полностью с боярами, напротив, о боярах говорится особо. А ниже мы видим бесспорное доказательство того, что среди политически активных суздальцев были не только бояре. «Потом же прислашася к Михалкови князю Суждалци, рекуще: „Мы, княже, на полку томъ со Мстиславом не были, но были с ним боляре, а на нас лиха сердца не держи, но поѣди к нам“. Михалко же ѣха в Суждаль (с братом Всеволодом — РА), и и-Суждаля Ростову, и створи людем весь нарядъ, оутвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ с ними, и честь возма оу них, и дары многы у Ростовецъ»¹⁰⁵. Эти суздальцы, вступающие в переговоры с князем, утверждающиеся с ним крестным целованием, получающие от него «весь наряд», т. е., иными словами, состоящие с князем в договорных отношениях, ясно противопоставляют себя боярам.

Статья же Лавр. под 1176 г. неопровержимо свидетельствует о том, что так же обстоит дело и с ростовцами.

После смерти Михалка Юрьевича «приведоша Ростовци и боляре Мстислава Ростиславича из Новагорода, рекуще (ему — РА): „Поиди, княже к нам, Михалка Богъ пояль на Волзѣ на Городци, а мы хочем тебѣ, а иного не хочем“. На живого князя Михалка повели бяхуть его. Он же (Мстислав. — П. Л.) приѣха Ростову, совокупивъ Ростовци и боляре, (и — РА) гридъбу, и пасынки, и всю дружину, поѣха к Володимерю. Всеволодъ же поѣха противу ему с Володимерци и с дружиною своею, и что бяше бояръ осталось оу него, а по Переяславци посла Мстиславича Ярослава, сыновця своего»¹⁰⁶. Здесь «ростовцы», очевидно, отделяются сначала от бояр, а потом и от «всей дружины». «Вся дружина» здесь упомянута явно в социальном значении, поскольку перечислены ее составные части. Это старшая дру-

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 378–379. А. Н. Насонов на основании этого упоминания, а также проведенного им текстологического анализа рассказов разных летописей о событиях 70-х гг. XII в. на северо-востоке Руси приходит к выводу о том, «что суздальское боярство, присоединившись к Ростову, не вело за собой свой город, не было руководителем местной вечаевой жизни... (Насонов А. Н. Князь и город. С. 21). См. также: Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 38. Ю. В. Кривошеев предложил совершенно произвольную трактовку этого места. По его мнению, «...речь суздальцев ... надо понимать следующим образом. „Мы“, т. е. наша городская дружина, в том бою не участвовала, а была там со Мстиславом его личная княжеская дружина, его бояре, которые, возможно, пришли с ним еще из „Русской земли“. Под „суздальцами“ в данном случае следует понимать не дружину города, а все население, включая и социальную и имущественную верхушку городской общины, и „людые“, простых общинников... население Суздаля не было расколото на общественные „верхи“ и „низы“» (Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси. СПб., 1999. С. 33). Даже если не обращать внимания на такие фантомы, как «городская дружина» и «простые общинники», бросается в глаза решительное противоречие данной трактовки прямому смыслу источника. Суздальцам было совершенно не нужно оправдываться перед Михалкой Юрьевичем за участие «боляр» Ростиславичей, да еще пришедших вместе с ними из «Русской земли», в боевых действиях на стороне собственных князей.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 380.

жина — бояре, и младшая — гридьба и пасынки¹⁰⁷. Речь идет уже, очевидно, об осевшем в Северо-Восточной Руси дружинном слое, поскольку Мстислав Ростиславич приходит в Ростов со своей собственной дружиной (согласно НПЛ, Мстислав из Новгорода «иде Ростову съ дружиною своею»¹⁰⁸), которая не смешивается с местной, ростовской. Владимирцы тут, как и выше, отделяются не только от дружины Всеволода Юрьевича — владимирского князя, но и от той части местных бояр, которая осталась ему верной. Таким образом, и здесь речь идет о владимирцах как об определенной группе недружинного населения, активной в социально-политическом отношении.

В целом можно заключить, что политическая активность недружинных групп населения была характерна не только для, если пользоваться выражением самого летописца, «мезинных людей владимирских», но и для старших городов — Суздаля и Ростова.

То же можно заметить и в сообщении Лавр. о попытке примирения Всеволода Юрьевича с Мстиславом Ростиславичем: «Князь же Всеволодъ благосердъ сы, не хотя крове проляти, посла къ Мстиславу, глаголя: „Брате, оже ты привели старѣишая дружина, а поѣди Ростову, а оттолѣ миръ възмевѣ: тобе Ростовци привели и бояре, а мене былѣ с братомъ Богъ привелѣ и Володимерци, а Суздаль буди нама обче. Да кого всхотять, то имѣ буди князь“. Он же (Мстислав. — П. Л.) послушавъ рѣчи Ростовское и боярьское величавы будужи, и хрестянаго цѣлованья забывъ...»¹⁰⁹. Термин «старейшая дружина» может быть здесь понят двояко: он относится либо только к боярам, либо к боярам и ростовцам (во втором случае «дружина» может иметь широкое значение). Так или иначе, «ростовцы», фигурирующие в этой статье, четко и недвусмысленно отделяются от бояр. Слово «бояре» не может быть здесь уточнением к «ростовци», поскольку «ростовци и бояре» — явная параллель к «Богъ привелѣ и Володимерци», где ни о каком уточнении не может быть и речи¹¹⁰.

До сих пор еще ничего не говорилось о Юго-Западной Руси. Под 1188/1189 г. в Ип. читается известие о борьбе Владимира Ярославича, сына Ярослава Осмомысла, и Романа Мстиславича за Галич. Мужичи галицкие отделяются от дружины галицкого князя Владимира: «И се оувѣдавъ Романъ, ажъ моужичи Галичкыи не добро живоуть с княземъ своимъ про его насилье, зане гдѣ оулюбивъ женоу или чью дочерь, поимашеть насильемъ. Романъ же слашеть безъ опаса к моужемъ Галичкимъ, подъятка ихъ на князя своего, да быша его выгналъ изъ отчины своея, а самага быша прияли на княжение. Моужичи же Галичкыи приимше свѣтъ Романовъ, совокоупивше полки своя, и оутвердившеся крестомъ, и восташа на князя свои, и не смѣша его изымати, ни оубити, зане не вси бяхоуть в доумѣ тои, бояхоу

¹⁰⁷ См.: Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 129–130. Интересно, что составитель ЛПС опустил выражение «всю дружину», видимо, для того, чтобы в тексте четче различались «ростовцы» и дружинная знать (см.: ПСРЛ. Т. XLI. С. 106).

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 35.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 380–381.

¹¹⁰ См. об этом также: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 35–36. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 382.

бо ся приятельвъ Володимѣревых... Онъ же оубоявъся, поймавъ злато и сребро много, с дружиною, и женоу свою пойма, и два сына, и еха во Оугры ко королеви. Галичане же Романовноу Федероу отгнаша оу Володимѣра, послашася по Романа»¹¹¹. Из текста прямо следует, что «мужи галицкие» («галичане»), организуящие изгнание одного князя из Галича и приглашение другого, не принадлежат к дружине галицкого князя Владимира Ярославича, вместе с которой тот впоследствии спасается бегством в Венгрии. Здесь пока не затрагивается вопрос о социальном статусе этих «мужей галицких», которые могли быть в значительной степени или прежде всего боярами, утратившими непосредственную связь с дружинной организацией, важно пока отметить, что они отделяются от «дружины».

К концу XII — началу XIII в. социальная структура древнерусского общества претерпевает определенные изменения. Все реже упоминается в источниках термин «дружина», что связано с т. н. ее «разложением», все чаще по отношению к непосредственному княжескому окружению применяется понятие «двор». По словам В. Д. Назарова, «старая сетка понятий („дружина“, „отроки“, „детские“, „мечники“ и т. п.) уже не отражает достаточно точно ряда новых явлений в жизни господствующего класса и государственной организации»¹¹². Особенно часто понятие «двор» встречается в новгородском летописании, так как, по справедливому мнению А. А. Горского, «для новгородского общества двор был внешней силой, появляющейся в городе вместе с князем»¹¹³. Поэтому часто встречающееся в НПЛ противопоставление княжеского «двора» и новгородцев вполне естественно и не дает никаких данных о социальном составе этих новгородцев¹¹⁴. В это же время дружина начинает часто определяться не по князю, а по территории, появляются такие выражения, как «дружина володимерская», «белозерская» и т. д. А. Е. Пресняков писал об этом: «По мере обособления земель-княжений под более устойчивой княжеской властью эта последняя не только усиливалась, но и приобретала местный, территориальный характер. Административная, организующая деятельность ее не могла не наложить руку на строй военных сил, притом так, что дружинные войска становятся местными...»¹¹⁵.

Однако в летописных статьях первой трети XIII в. есть упоминания, которые проливают свет на социальную структуру общества этого периода, и в них «княне», «владимирцы» и т. д. так же, как раньше отделялись от княжеских дружинников, теперь отделяются от местного боярства¹¹⁶. Приведем лишь два примера: один, относящийся к Владимиру-на-Клязьме, другой — к Киеву.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

¹¹² Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 122–123; См. также: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 80.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 40, 64.

¹¹⁵ Пресняков А. Е. Княжое право. С. 213.

¹¹⁶ Это же мы отчасти видели и в сообщениях о межкняжеской борьбе в Северо-Восточной Руси в 70-е гг. XII в., но то был еще переходный этап в положении знати: ведь,

Под 1227 г. Лавр. сообщает о поставлении во Владимире нового епископа — Митрофана и добавляет: «...сущю ту благородному князю Гюргю и з дѣтми своими, и братама его, Святославу, Иоану, и всѣм бояром, и множество народа»¹¹⁷. Структура владимирского населения, принявшего участие в этой церемонии, определена достаточно ясно: князья, «все бояре», т. е. знать Владимирской земли, и «множество народа».

Ниже в той же летописи читаем в рассказе о землетрясении в Киеве: «Ту (в Киево-Печерском монастыре. — П. Л.) сущю митрополиту Кирилу, и князю Володимеру, и бояром, и Кияном множеству, и людем шедшимся: праздник бяше от дне святаго отца Федосья»¹¹⁸. Итак, на торжественной службе в главном русском монастыре того времени присутствуют представители трех категорий киевского населения: князь, бояре и «множество киян». Слово «люди» здесь, очевидно, охватывает всех присутствующих в целом.

Однако, пожалуй, наиболее отчетливо такая трехчастная структура политической активной общества выступает в т. н. «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г.». Т. Л. Вилкул полагает, что, так как в ней «древнерусские схемы ретранслированы на греческую почву», это «значительно затрудняет исследование» древнерусских социально-политических явлений¹¹⁹. С Т. Л. Вилкул трудно согласиться. Благодаря «Повести» возникает возможность интерпретации используемых ее автором древнерусских социальных терминов в сопоставлении с теми византийскими реалиями, которые они были призваны обозначать: ведь автором «Повести» был русский человек, который, судя по используемым им терминам, в значительной степени проецировал знакомые ему русские реалии на византийское общество, не знавшее таких понятий, как, например, «чернь» и «бояре». Правда, украинская исследовательница, ссылаясь на работу Н. А. Мещерского, замечает, что в «Повести» «использованы иностранные источники»¹²⁰. Если бы это было так, это было бы еще полезнее для решения рассматриваемой проблемы, поскольку мы в таком случае располагали бы переводом и можно было бы сделать точные выводы относительно того, какие именно группы константинопольского общества древнерусский книжник считал «чернью», «добрыми людьми» и т. д. Но, увы, приходится констатировать, что в статью Т. Л. Вилкул вкралась досадная ошибка. Хотя Н. А. Мещерский и не исключал «возможность использования автором повести некоторых иноязычных источников, а может быть, и устных рассказов византийцев и крестоносцев», исследователь совершенно однозначно писал, что «язык повести не носит каких-либо следов иноязычного оригинала», что это «произведение, безусловно, не переводное и не компилятивное из каких-либо иностран-

как уже отмечалось, тогда вся ее совокупность еще именовалась «дружиной» (см. выше, а также: Горский А. А. Русь. С. 113).

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 449.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 454.

¹¹⁹ Вилкул Т. Л. Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII—XIII в.) // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 6. С. 62, сноска.

¹²⁰ Там же.

ных оригиналов, а самобытное творение русского автора»¹²¹. Таким образом, по Н. А. Мещерскому, речь может идти об источниках *сведений* автора «Повести», а не об источниках самой «Повести», что, понятно, исключает возможность текстуальных заимствований.

Кроме того, основной источник сведений автора «Повести» известен. Еще П. М. Бицилли обратил внимание на то, в какой форме приведены в ней иноязычные имена и географические названия, и сделал вывод о том, что главным информантом автора был немец¹²². Эти наблюдения уточнил и развил немецкий исследователь Д. Фрейданк, отметивший, что, во-первых, смещение в «Повести» титулов с именами однозначно свидетельствует об *устном* характере информации, во-вторых, форма антропонима «Дедрик» говорит о том, что информант был не просто немцем, но носителем нижненемецкого диалекта (верхненемецкий вариант этого имени в древнерусской передаче выглядел бы как *Дѣтрих). По мнению Д. Фрейданка, таким информантом мог быть епископ Хальберштадтский Конрад фон Крозигк¹²³, однако это лишь догадка.

Древнейший текст «Повести» сохранился в Синодальном списке НПЛ, но существует мнение о том, что в ряде случаев чтения, более близкие к протографу, могут быть обнаружены в других имеющихся списках. Везде, впрочем, текст «один и тот же и не представляет никаких отличий, кроме незначительных отличий стилистического характера»¹²⁴. В этом произведении, в частности, излагаются события, произошедшие в Константинополе после смерти императора Исаака Ангела, и говорится: «По Исаковѣ же (Исаака Ангела) смерти людие на сына его вѣсташа про зажьжение градное и за пограбление монастырьское; и събрачеса чернь, и волочаху добрые мужи, думающе с ними, кого цесаря поставятъ. И вси хотяху Радиноса; онъ же не хотяше царства, нъ крѣяшеса от нихъ, измѣнивъся въ чьрны ризы; жену же его, имъше, приведоша въ святую Софию и много нудиша ю: „повѣжь намъ: кде есть муж твои“; и не сказа о мужи своемъ. Потомъ же яша челоуѣка, именъмъ Николу воина, и на того възложиша вѣнць бес патриарха, и ту быша с нимъ въ святѣи Софии 6 днии и 6 ноции. Цесарь же Исаковиць бѣшеть въ Влахернѣ, и хотяше вѣвести Фрягы отаи бояръ въ град; бояре же, увѣдавъше, утолиша цесаря, не даша ему напустити Фрягъ, рекуче: „мы с тобою есмь“. Тгда бояре, убоявъшеса вѣвѣдения Фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломъ (будущий император Алексей V Дука. — П. Л.), яша цесаря Исаковиця...»¹²⁵. В этом фрагменте есть одно разночтение между списками «Повести», имеющее значение для нашей

¹²¹ Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. 1954. Т. 10. С. 130.

¹²² См.: Бицилли П. М. Новгородское сказание о IV Крестовом походе // Он же. Избранные труды. Россия и Запад. М., 2006. С. 606 (1-е издание — в «Исторических известиях» в 1916 г.).

¹²³ См.: Freydank D. Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novgorodensis) // Byzantinoslavica. 1968. R. XXIX. № 2. S. 347–348.

¹²⁴ Мещерский Н. А. Древнерусская повесть. С. 122, 124.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 47.

темы. В сообщении об интронизации «черню» в Софийском соборе Николы Канава во всех списках «Повести» говорится, в частности: «...и ту быша с нимъ въ святѣи Софїи». Другой вариант дает Комиссионный список НПЛ мл.: «и ту бысть снемъ». По мнению Н. А. Мещерского, «последнее чтение значительно более соответствует смыслу контекста и потому может быть признано за первоначальное»¹²⁶. Как нам представляется, серьезных оснований для такого предположения нет. Вариант «бысть снемъ» вряд ли может быть признан *lectio difficilior*, а поэтому наличие чтения «быша с нимъ» в обеих группах списков с гораздо большей вероятностью свидетельствует об индивидуальной ошибке Комиссионного списка НПЛ мл. Что касается «смысла контекста», то он в обоих случаях одинаков: и там, и там речь идет о собрании «черни» в Софии Константинопольской в течение 6 суток.

В другой работе Н. А. Мещерский предложил свое толкование терминологии автора «Повести». Со многим в его интерпретации можно согласиться, но кое-что вызывает сомнения. Исследователь справедливо отметил, что «в поле зрения автора „Повести“ отчетливо проступают три социальные прослойки населения византийской столицы и, в соответствии с этим, — три политические группировки». По мнению Н. А. Мещерского, эти прослойки таковы: «бояре» («придворно-военная аристократия, императорская гвардия»); «добрые мужи»/«добрые люди»/«людие» («несомненно, средние слои более или менее зажиточных горожан»); «чернь» («демократические слои населения», в том числе ремесленники и люмпен-пролетариат)¹²⁷. В отношении «бояр» и «черни» Н. А. Мещерский, думается, прав. Вопросы возникают со второй «прослойкой». «Все люди» автором «Повести» явно отождествляются не с «добрыми», а с «черню»: «Мюрчюфль же посла къ Николѣ и къ людъмъ въ святую Софію: „язь яль ворога вашего Исаковица, язь вашъ цесарь; а Николѣ даю пьрвыи въ боярехъ, сложи съ себе вѣнць“. И вси людие не даша ему сложити вѣнця, нѣ боле заклѣшася: кто отступитъ от Николы, да будеть проклѣть»¹²⁸. «Добрые мужи»/«люди», которых «чернь» силой заставляет принять участие в поставлении «своего» цесаря, могли быть не только высшим слоем «всех людей», но и частью «бояр». Кроме того, Н. А. Мещерский не обратил внимания на особую позицию императора («цесаря») и его родственников, которая отнюдь не совпадает с политической линией «бояр». Русский автор «Повести» представляет, очевидно, себе дело так, что население Константинополя состоит из следующих трех категорий: «цесаря» (императора) и его родственников; «бояр»; «черни», которая ниже называется также «всеми людьми». Изучение социальной терминологии «Повести о фрягах» должно быть продолжено прежде всего в сопоставлении с иностранными источниками, византийскими и западными. Однако в данном случае важно, что ее автор описывает

¹²⁶ Мещерский Н. А. Древнерусская повесть. С. 129.

¹²⁷ Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // Византийский временник. М., 1956. Т. 9. С. 177. См. также: Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 246.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 47.

константинопольское общество в свойственных собственной культуре понятиях. В результате оно соответствует уже отмеченной нами структуре политически активного населения Древней Руси соответствующего периода: князья — знать — «люди» («кияне», «владимирцы» и т. д.).

Итак, на первый вопрос, поставленный в начале работы, можно дать твердый положительный ответ: по данным источников, в социально-политической жизни Древней Руси, несомненно, принимали участие группы населения, отличные от княжеско-боярско-дружинной элиты.

О летописной терминологии

Как указывалось выше, и в дореволюционной, и в советской, и в постсоветской историографии весьма распространенной была идея о том, что политически активные недружинные слои древнерусского общества скрываются в летописях под наименованиями территориального характера («кияне», «новгородцы», «галичане», «перяславцы») или под обозначением «люди». И. Я. Фроянов на основании последнего слова сконструировал даже такое чуждое русским летописям (прекрасным памятникам не только с исторической, но и с литературной точки зрения) и уродливое понятие, как «людство». Формы же политической деятельности этой части населения, как правило, связывались с термином «вече»¹²⁹. Необходимо проверить эту концепцию в ходе тщательного анализа летописных известий и их контекста.

Выше уже отмечались действительно многочисленные случаи, когда в летописях под «киянами», «перяславцами» и проч. подразумевались какие-то недружинные слои древнерусского общества. Сейчас нужно рассмотреть вопрос о том, *всегда ли* такое содержание вкладывалось в эти термины, или хотя бы господствовало ли оно *безраздельно*. Если этот тезис будет подтвержден, методика тех исследователей, которые на основании упоминаний в летописном тексте «киян» или «новгородцев» без дополнительного исследования делают выводы о социально-политической активности недружинных групп населения, окажется оправданной; если же нет, то такой подход придется признать бездоказательным.

Первое свидетельство, проливающее свет на эту проблему, встречается еще в ПВЛ. Сообщая о начале действий Святополка Окаянного, летописец пишет: «Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отаи призва Путшу и Вышегородскыѣ боярьцѣ, и рече им: „Прияете ли ми всѣмъ сердцемъ?“ Рече же Путша с Вышего-

¹²⁹ Так, И. Я. Фроянов пишет: «В сообщениях о перестановках князей главными героями часто фигурируют „кияне“, „перяславцы“, „смоляне“, „полочане“, „новгородцы“, „владимирцы“, „ростовцы“, „суздальцы“ и т. п. В них угадываются массы горожан, вбирающие и простых свободных» (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 134). Правда, ниже И. Я. Фроянов забывает о горожанах и говорит уже об участии в социально-политической жизни всего волостного населения (см.: Там же. С. 150–184). См. также: Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 34–38.

родьци: „Можемъ главы своя сложити за тя“¹³⁰. Здесь «вышегородцами» прямо называются вышегородские «*болярцы*», а отнюдь не представители широких слоев городского населения.

Под 1125 г. в Ип. сообщается о нападении половцев на Переяславль Русский и о его отражении Ярополком Владимировичем: «Ярополкъ же князь оукръпився и иде по нихъ с Божьею помощью, не жда от брата помощи, ни от другаго, толко с Переяславци постиже я. Видѣвше ихъ мало, воротишася опять и поидоша, исполнившеся противу. Тогда же благовѣрнаго князя корень и благовѣрная отрасль Ярополкъ призва имя Божие и отца своего, съ дружиною своею дързну»¹³¹. По всей видимости, переяславцами здесь именуется дружина князя Ярополка. Дополнительным подтверждением этого может служить известие Лавр. о том же событии, в котором «переяславцы» называются «своими» по отношению к князю¹³².

Под 1132 г. в НПЛ сообщается о походе новгородцев во главе с Всеволодом Мстиславичем на чудь: «...иде Всѣволодъ на Чюдъ; и створися пакость велика: много добрыхъ мужъ избиша в Клинѣ новъгородьць...»¹³³. Новгородцы тут — «добрые мужи». Не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, кто такие эти последние, можно утверждать, что, во всяком случае, — не все рядовое население Новгородской земли. В той же летописи ниже под 1207 г. читается рассказ о сборе Всеволодом Большое Гнездо войска для нападения на Черниговскую землю; в его состав вошли рязанские и новгородские отряды. Среди прочего говорится об «обеде», данном Всеволодом у себя в шатре: «И позва е Всѣволодъ на обѣдъ, и сѣдоша 6 князь въ шатрѣ, а Глѣбъ и Ольгъ у Всеволода в шатрѣ, и новгородьци»¹³⁴. Ясно, что в княжеском шатре не могли поместиться все новгородские воины, но только их руководители, вероятно принадлежавшие к социальной элите.

Под 1147 г. в Ип. в рассказе об уже упоминавшейся выше межкняжеской войне «белозерцами» прямо называется белозерская дружина: «Пришедшу же Святославу (Ольговичу. — П. Л.) в Колтескъ городокъ, и тоу присла емоу Гюргии (Долгорукий. — П. Л.) в помочь тысячу Бренидеець, дружины Бѣлозѣрьское¹³⁵. Святославъ же, перебравъ дружиною, и хотѣ ѣхати съ Бѣлозерьци на Давыдовичу (т. е. на Изяслава и Владимира Давыдовичей. — П. Л.) къ Дѣдославлю»¹³⁶.

Под 1147/1148 г. также в Ип. видим совершенно бесспорное отождествление «кыян» и «смолян» с княжескими дружинами соответственно Изяслава и Ростислава Мстиславичей: «Изяславъ же съ братомъ своимъ Ростиславомъ оттоуду възвѣратистася и поидоста Киевоу, рекша свои дружинѣ Кыяномъ и Смолянном...»¹³⁷.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 132.

¹³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 290.

¹³² См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 295.

¹³³ ПСРЛ. Т. III. С. 22.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 50.

¹³⁵ МЛС дает чтение: «...помочь тысящу бронник дружины Бѣлозерьские» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 39).

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 338.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 359.

Под 1151 г. в упоминавшемся уже рассказе Ип. о войне Изяслава Мстиславича и Володимирка Галицкого фигурируют «галичане»: «Изяслави же стрѣлци перегоняхоуть чересь рѣку (Ушу. — П. Л.) на ону сторону и Галичане на сю. И ту Изяслави стрѣлци яша оу Галичанъ мужа...»¹³⁸. Галичане в данном случае — все войско, включающее, естественно, и дружину. То же видим и в известии Ип. о сражении у реки Сан между галицким князем и венграми под 1152/1153 г.¹³⁹. Ни о каких массах рядового населения речи здесь не идет.

Под тем же годом в сообщении Ип. о походе Юрия Долгорукого и рязанского князя Ростислава Ярославича против Изяслава Мстиславича присутствуют «рязанцы» и «муромцы» также в значении всего войска: «Тогда же Ярославичъ Ростиславъ с братьею и с Рязанци и с Муромци поидоша с Гюргемъ, а не отрекоша ему»¹⁴⁰. Лавр. и МЛС добавляют к ним еще «ростовцев», а МЛС еще и суздальцев (в том же значении)¹⁴¹.

Чрезвычайно показательным является словоупотребление в рассказе Ип. под 1154 г. о битве Изяслава Мстиславича и союзных ему князей с галицким князем Ярославом Осмомыслом на Серети: «Галичский же мужи ... рѣша князю своему: „Ты еси оу нас князь одинъ, оже ся тобѣ што оучинить, то што намъ дѣяти? А поѣди, княже, к городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ. А кто нас будеть живъ, а прибѣгнеть к тобѣ, а тогда ся затворимъ в городѣ с тобою“. И тако послаша князя своего прочь, а сами поѣхаша битися. И ступишася полци, и бысть сѣца зла, и бишася от полудне до вечера. И бѣ межи ими смятение, и не видяхуть, котори суть побѣдили. Изяслав женяшетъ Галичаны, а братья его бѣжаша. И тако побѣже Святополкъ, Володимирьский князь, и по немъ и Володимерь Мъстиславичу, и Мъстиславъ Изяславичь, а Изяславъ ту и ста на полчища на ночь, а Галичане въбѣгоша тогда в город свои Теробовель. Изяславъ же изоима Галичская мужи, а Галичане изоимаша Изяславича на розгонѣ»¹⁴². В этом тексте галицкие мужи и галичане — синонимы, причем речь явно идет о дружине. Впрочем, термин «мужи» также неоднозначен, и окончательно удостовериться, кого имел в виду летописец под «мужами» в данном случае, помогает Лавр. Там галицкие мужи прямо именуются «боярами Володимерковича», т. е. Ярослава Осмомысла: «И пришедшо же ему к Теробовлю, здумаша боляре Володимерковича, и рѣша князю своему...»¹⁴³.

В хорошо знакомом нам значении всего войска, включающего и дружину, фигурируют «ростовцы» и «суздальцы» в летописных известиях под 1154 г. о неудачном походе Юрия Долгорукого на Киев: «...поиде Дюрги с Ростовци и съ Суждалци и съ всими дѣтми в Русь, и бысть мор в коних, въ всих воих его, яко не былъ николиже»¹⁴⁴.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 411.

¹³⁹ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 448.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 455.

¹⁴¹ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 338; Т. 25. С. 56.

¹⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 466–467.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 340.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 468; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 341.

Под 1157 г. в Ип. содержится информация о волнениях в Киеве после смерти Юрия Долгорукого. Согласно летописи, киевляне, разграбив дворы князя, «избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче»¹⁴⁵. «Суздальцы», посаженные Юрием Долгоруким по городам и селам Киевщины, видимо, не могли быть никем иным, кроме как дружинниками суздальского князя, которым он отдал в управление или во владение те или иные населенные пункты¹⁴⁶.

Под 1169 г. та же летопись сообщает о разграблении Киева войсками захватившей город коалиции князей: «И взяша имѣнья множество... Изнесоша всѣ Смолняне, и Соуждалци, и Черниговци, и Олгова дружина»¹⁴⁷. Вполне вероятно, что смоляне, суздальцы и черниговцы здесь — то же, что и дружина новгород-северского князя Олега Святославича, а именно дружинники, а не представители «широких народных масс».

Под 1174 г. читаем в Ип. известие, в котором речь идет уже о «владимирцах». После убийства Андрея Боголюбского заговорщики, организовавшие его, обратились к «владимирцам» с тем, чтобы, заключив с ними соглашение («кончати»), претворить политический кризис. Эти «владимирцы» определенно именуются в тексте «владимирской дружиной»: «А сами возьмеше (заговорщики. — П. Л.) на ся оружя княже милостное, почаша совокупити дружину к собѣ, ркуче: „Ци жда на насъ приѣдутъ дружина Володимира (Володимерскаа — Х)“, и скупиша полкъ. И послаша къ Володимѣрю: „Ти что помышляите на насъ, а хочемъ ся с вами кончати; не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ, суть в тои же думѣ“. И рекоша Володимѣрци: „Да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ“, и разиодшася, и вьлегоша грабить»¹⁴⁸.

Под тем же годом Лавр. повествует об уже упоминавшемся совещании во Владимире после гибели Андрея Боголюбского, в котором приняли участие «ростов-

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 489.

¹⁴⁶ Такое мнение является и наиболее распространенным в историографии, начиная еще с Н. М. Карамзина. См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II. С. 168; *Соловьев С. М.* История. С. 481; *Грушевский М. С.* Очерк истории. С. 201; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 162. Высказывались, однако, и другие соображения. Б. Д. Греков, например, исходя из того, что в летописи упоминается разграбленный «товар» суздальцев, предположил, что в данном известии «говорится о суздальских купцах, а не боярах» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 263). Но понятие «товар» многозначно и может означать любую собственность, к тому же неясно, как могли оказаться суздальские купцы на постоянном жительстве в киевских селах. И. Я. Фроянов полагает, что «суздальцы» — это «разношерстная публика, включавшая бояр, княжих мужей помельче и простых воинов Суздальщины, помогавших Юрию Долгорукому добывать киевский стол» (*Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 302). И вновь неясно, что же делали эти «простые воины Суздальщины» (т. е., по трактовке И. Я. Фроянова, мелкие торговцы, ремесленники, земледельцы) в Киевской земле, почему не вернулись, поживившись, обратно на родину?

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 545.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 589–590.

цы», «суздальцы», «перяяславцы»¹⁴⁹: «Оувѣдѣше же смерть князю Ростовци, и Суждалци, и Перяяславци, и вся дружина от мала и до велика, съѣхашася к Володимѣрю, и рѣша: „Се ся оуже тако створило: князь наш оубьенъ, а дѣтеи оу него нѣту, сынокъ его в Новѣгородѣ, а братья его в Руси, по кого хочемъ послати в своихъ князех?.. пошлемъ къ Глѣбу (Ростиславичу, князю рязанскому. — П. Л.), рекуще: „Князя нашего Богъ пояль, а хочемъ Ростиславичю Мстислава и Ярополка, твоею шюрину“»¹⁵⁰.

В историографии это последнее известие толковалось по-разному. В XIX в. было распространено мнение о владимирском совещании в 1174 г. как о вече. Еще Н. М. Карамзин писал, что «скоро по кончине Великого Князя съехались Ростовцы, Суздальцы, Перяяславцы и все люди воинские в город Владимир на Вече...». Историк, таким образом, обходил вопрос об оценке социального состава участников этого мероприятия. С одной стороны, считая его вечем, он называл его «народным собранием», правда, с участием лишь «Российских знаменитых граждан» (не поясняя, кто это такие). С другой, он отмечал участие в этом «вече» и «всех воинских людей»¹⁵¹, под которыми, видимо, подразумевал «всю дружину» летописного сообщения. В. И. Сергеевич определенно писал о совещании 1174 г. как о вече представителей городов «Ростово-Суздальской волости», при этом термин «дружина» не комментировал¹⁵². В советское время появились и другие мнения. С. В. Юшков называл владимирское совещание «феодальным съездом»¹⁵³. В. Т. Пашуто был убежден, что в этом летописном сообщении речь идет о «съезде представителей городов и боярства», который при этом «нельзя считать общенародной вечевой сходкой»¹⁵⁴. Таким образом, историк полагал, что ростовцы, суздальцы и перяяславцы — это одно, а «вся дружина» — другое. При этом он не пояснял, почему первые должны быть обязательно представителями городов, а «вся дружина» не может быть обобщающим понятием. Мнение В. Т. Пашуто в общем

¹⁴⁹ В литературе это совещание до сих пор часто датируется 1175 г. (см., например: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 179; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 133; Вилкул Т. Л. Дружина-вече. С. 13). Однако 6683 г. и в Лавр., и в Ип., где рассказывается об этом событии — ультрамартовский (см.: Бережков Н. Г. Хронология. С. 78–79; 191–192). Совещание было проведено после убийства Андрея Боголюбского, которое произошло 29 июня и до свадьбы уже нового владимирского князя Ярополка Ростиславича, состоявшейся, согласно обеим летописям, 3 января, что, как показал Н. Г. Бережков, ошибочно и, по-видимому, представляет собой искажение первоначального 11 февраля. Так или иначе, если учитывать, что владимирцы не пускали в город Ярополка в течение 7 недель (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 373; ПСРЛ. Т. II. Стб. 597), совещание, несомненно, имело место ранее января, а следовательно, — в 1174 г. от Р. X.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 371–372; ср. ПСРЛ. Т. II. Стб. 595–596.

¹⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III. С. 374.

¹⁵² См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. С. 23; см. также: Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. С. 97.

¹⁵³ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма. С. 208.

¹⁵⁴ Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 44.

повторил Л. В. Черепнин за исключением того, что «от мала до велика» он трактовал как младшую и старшую дружину. Ростовцы и проч. — это, с его точки зрения, «руководящая социальная верхушка четырех городов»¹⁵⁵, хотя в источнике упоминаются представители только трех общностей. Ю. А. Лимонов высказался еще определеннее (но также не приводя никаких доказательств): «...уже сразу после убийства Андрея был собран собор, или съезд. На нем феодалы Владимиро-Суздальской земли решили вопрос о кандидатурах на местный стол»; более того, исследователь счел возможным уточнить, что «перяславцы» данного известия — это «перяславские феодалы, часть „младшей дружины“»¹⁵⁶. И. Я. Фроянов предположил, что «владимирский съезд 1175 г. являлся вечерним собранием общеволостного масштаба. Перед нами редчайшее показание летописи о созыве веча, где сошлись представители всей земли-волости»¹⁵⁷. В обоснование этого вывода И. Я. Фроянов приводит ряд соображений, однако лишь одно из них основывается на апелляции к источнику. Он ссылается на параллельную статью МЛС, где говорится: «Увѣдѣше же княжу смерть Ростовци и Суздальци и Переяславци и въся область его и снидошяся въ Володимирь...»¹⁵⁸. По мнению И. Я. Фроянова, «это свидетельствует, бесспорно, о вечевом сходе», поскольку, как считает автор, ссылаясь на работу М. Н. Тихомирова о крестьянских и городских восстаниях в Древней Руси, МЛС содержит «вполне доброкачественные материалы по истории 12 в.»¹⁵⁹. Однако источники делятся не на добро- и злокачественные, а на ранние и поздние, достоверные и недостоверные (разумеется, не *an sich*, а применительно к конкретной теме). Что касается МЛС, то в нем, как отмечалось выше, действительно, сохранились известия, восходящие к ранним источникам (правда, установил это не М. Н. Тихомиров, а А. А. Шахматов; подробно же рассмотрел этот вопрос А. Н. Насонов). Но в МЛС восходят к древним летописям отдельные статьи, а не весь текст за XII в. Статья МЛС за 6654 г., которую привлекал М. Н. Тихомиров¹⁶⁰, как показал А. Н. Насонов, восходит к «очищенному тексту южнорусского источника», сходного с Ип., но дающего иногда более верные чтения¹⁶¹. Статья же за 6683 г., по наблюдениям А. Н. Насонова, основана на источнике, близком к Троицкой летописи¹⁶², и, следовательно, отражает более позднюю традицию, чем Лавр. Тем самым текст об участии во владимирском совещании «всей области», скорее всего, представляет собой домысел (или вольную трактовку не вполне ясного текста, сохранившегося в Лавр.) составителя МЛС или его протографа. Ю. В. Кривошеев весьма противоречиво истолковал это место: «...на вече „всей

¹⁵⁵ Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 37.

¹⁵⁶ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 101, 133.

¹⁵⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 179.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 84.

¹⁵⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 179, 180.

¹⁶⁰ См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 152.

¹⁶¹ См.: Насонов А. Н. История русского летописания. С. 288.

¹⁶² Там же. С. 287. Ср., однако: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 255.

земли" происходила яростная борьба ... представителей городов („дружины от мала до велика“) за свою самостоятельность»¹⁶³. Автор, таким образом, отказывается от трактовки данного события, предложенной И. Я. Фрояновым (в «вече» участвуют не представители «земли-волости», а горожане), но почему-то не пишет об этом открыто и, напротив, пытается создать впечатление о том, что он полностью согласен с учителем.

Конечно, термин «дружина» неоднозначен¹⁶⁴, и здесь он, возможно, употреблен в своем самом широком значении: «товарищи, сообщники, спутники»¹⁶⁵. Не исключено также, что «вся дружина» в данном случае — не собирательное наименование ростовцев, суздальцев и переяславцев, а нечто от них отдельное. Текст, действительно, допускает разные толкования. Однако при его анализе, представляется, нужно иметь в виду решения, которые приняли собравшиеся. Они призвали на княжение Ростиславичей — племянников убитого князя. Из дальнейшего изложения в летописи перипетий борьбы за власть во Владимирской земле становится ясно, что в поддержку Ростиславичей выступало, главным образом, боярство¹⁶⁶. Здесь нужно согласиться с Л. В. Черепниным, писавшим: «Трудно сказать, что это было за собрание: феодальный ли съезд или широкое вечевое совещание с представителями ряда городов Северо-Восточной Руси. Но как видно из дальнейшего летописного повествования, господствующее положение на совещании заняла феодальная верхушка (под последней историк имеет в виду ростовских и суздальских бояр. — П. Л.)»¹⁶⁷. Во всяком случае, показательна позиция переяславцев: ведь впоследствии переяславцы упоминаются в качестве сторонников Михалки и Всеволода Юрьевичей¹⁶⁸. Видимо, в данном случае имеются в виду все-таки представители переяславской боярско-дружинной знати, тогда как Юрьевичи получили поддержку прежде всего от других слоев населения. Подтверждением этого вывода может служить и ответ Ярополка и Мстислава Ростиславичей на приглашение, которое им передали послы, прибывшие из Владимира: «Помози Богъ дружинѣ, оже не забываютъ любве отца нашего»¹⁶⁹. Князя благодарят именно дружину, о каких-либо представителях недружинного населения они не говорят.

Выше уже цитировалось летописное повествование под 1174/1175 г. о вокняжении Ярополка Ростиславича во Владимире и отмечалось, что в нем фигурирует две категории «владимирцев», одна из которых, действительно, не имеет отношения к дружине. Но другая, представители которой не оказывали сопротивления

¹⁶³ Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 50.

¹⁶⁴ См. об этом: *Łowmiański H.* O składowie społecznym. S. 437–438; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 80, 111–112, примеч.; *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. S. 298–300.

¹⁶⁵ См.: СДРЯ. М., 1990. Т. III. С. 91–92.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372–381.

¹⁶⁷ *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 269. См. также: *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 213.

¹⁶⁸ См. особенно: ПСРЛ. Т. XLI. С. 103–106.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372.

Ярополку и, даже напротив, выехали ему навстречу, тоже называется «владимирцами»! По словам летописца, «Михалко же (Юрьевич. — П. Л.) затворися в городѣ, не сущимъ Володимерцемъ Володимери: ѡхали бо бяху по повелѣнью Ростовецъ противу князема с полторы тысячѣ, и ти тако цѣловаша крестъ»¹⁷⁰. Ясно (в том числе и из последующего изложения, в ходе которого выясняется, что во Владимире оставались люди, защищавшие город), что полторы тысячи владимирцев — это не широкие народные массы Владимирской земли. Выше же указывается, что Ростиславичам присягала именно дружина¹⁷¹. Даже если среди этих полутора тысяч владимирцев были не только представители боярско-дружинной элиты, она явно задавала тон.

Под 1185/1186 г. в Лавр. рассказывается об осаде Пронска — эпизоде войны между рязанскими князьями. На помощь укрывшимся в городе младшим Глебовичам, Всеволоду и Святославу, прислал войско из Владимира Всеволод Большое Гнездо. Однако Пронск все равно был сдан Святославом старшим рязанским князьям. Последствия не заставили себя ждать: «А что дружины Всеволожи (Всеволода Глебовича. — П. Л.), повязаша всѣх, жену же его и з дѣтми, а свою ятровь ведоша в Рязань, и боярь его, и имѣнье ихъ розоимаша, и Володимерци много повязаша, иже бяху послани в засаду къ нимъ... Всеволодъ же Гюргевичъ слышавъ то, оже передался Святославъ (Глебович. — П. Л.) на лъсти, а дружину его выдалъ, нача збирати вои, река: „Даи мою дружину добром, како то еси оу мене поялъ, аще ся миришь с братьею своею, а мои люди чему выдаешь?“»¹⁷². «Владимирцы» этого сообщения — «засада», присланная на помощь союзникам Всеволодом Юрьевичем, — ранее прямо называются «владимирской дружиной»¹⁷³, а в приведенном фрагменте сам Всеволод Большое Гнездо называет их «моей дружиной» и «моими людьми», что не оставляет никаких сомнений в социальной принадлежности членов этого отряда.

Впрочем, самым выразительным аргументом против тенденции видеть в летописных «княжах», «владимирцах» и т. д. непременно представителей «широких народных масс» может служить следующий отрывок (под 1186 г.) из того же рассказа Лавр. о борьбе между рязанскими князьями: «...приходи епископъ Черниговскыи Перфурии ко Всеволоду Гюргевичю Володимерю, мира прося оу него, абы оумирити его с Рязанци съ Глѣбовичи, занеже есть Рязань Черниговскыи епископъ»¹⁷⁴. Нетрудно заметить, что рязанцами здесь называются отнюдь не «широкие народные массы» и даже не знать, а рязанские князья — Глебовичи.

Сложность и неоднозначность рассматриваемых понятий хорошо может быть проиллюстрирована фрагментом статьи Лавр. за 1196 г., где идет речь о походе

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 373.

¹⁷¹ См.: Там же. Ю. В. Кривошеев называет этих владимирцев городской дружиной, подчиненной владимирскому вече и отправленной им навстречу Ростиславичам. Ни о чем подобном в источнике не говорится (см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 33).

¹⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 402–403.

¹⁷³ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 401.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 404.

ряда князей на черниговских Ольговичей, организованном Всеволодом Большое Гнездо: «...посла Давыдъ и-Смолинска сыновца своего Мстислава, свата великого князя Всеволода, в помочь зятю своему на Витепескъ, и побѣди его Василко (Володаревич, сын минского князя Володаря Глебовича. — П. Л.) с Черниговци...»¹⁷⁵. «Черниговцы» тут — общее наименование всего черниговского войска. Даже если допустить, что в его составе были недружинные формирования, ясно, что летописец включал в понятие «черниговцы» князей и знать.

Наконец, постоянно «галичанами» в Галицко-Волынской летописи именуются галицкие бояре, что было отмечено В. Т. Пашуто. Наиболее яркий и показательный пример — статья Ип. под 1234 г.¹⁷⁶, в которой рассказывается о том, что после поражения Даниила Романовича от половцев «...бояре Галичѣстии ... воздвигоша крамолоу». Боярин Судислав, узнав об этом, заявил Даниилу: «Княже, льстивъ глаголь имѣютъ Галичанѣ, не погоуби се, поиди прочь!»¹⁷⁷. «Бояре галицкие» и «галичане» здесь, бесспорно, синонимы¹⁷⁸.

Таким образом, под «киянами», «перяславцами» и т. д. летописцы далеко не всегда имеют в виду недружинные слои населения. Поэтому в каждом случае необходимо продельвать тщательный анализ контекста, в котором фигурируют такого рода термины.

Русь не была в этом отношении уникальным явлением. В Чехии X–XII вв. понятие «Воеті» («чехи») также могло обозначать не весь народ в целом, но лишь элитные группы. Так, согласно т. н. «Второй старославянской легенде (Легенде Никольского)», относящейся к рубежу X–XI вв.¹⁷⁹, св. Вацлав участвует в г. Болеславе, куда он прибыл по приглашению своего коварного брата, вместе со своими дружинниками в «игре»: «И абие причинився съ дружиною своею, и всѣдъ на конь нача играти», при этом «глаголя къ нимъ: азъ ли бых не оумѣл съ вами чехи на

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 413.

¹⁷⁶ Здесь и далее даты в Галицко-Волынской летописи в составе Ип. переводятся на летосчисление от Р. Х. с учетом исследования: Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1901. Т. ХLI. Кн. 3.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

¹⁷⁸ Так традиционно понимается этот фрагмент в историографии, см.: Грушевський М. С. Історія України-Руси. Киев, 1993. Т. 3. С. 52; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 216. Однако А. В. Майоров пришел к другому заключению. Он пишет: «Источник, как нам (курсив мой. — П. Л.) представляется, рисует совсем иную картину, где наряду с боярами, несомненно, действуют простые галичане, и отношение их к Даниилу такое же, как у бояр. Это значит, что против Романовича выступила вся община...» (Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 571). Этот вывод прямо противоречит летописному тексту. В статье Ип. под 1234 г. не упоминаются ни «простые галичане», ни тем более «община» (которая, несмотря на широчайшее использование этого термина И. Я. Фрояновым и его учениками, вообще в текстах домонгольского времени не встречается).

¹⁷⁹ См.: Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 69 (комментарий А. И. Рогова).

комони обрести противник наших? Но не хочу»¹⁸⁰. «Чехи» здесь — дружинники, ближайшее окружение князя. В 1164 г., по сообщению хроники Винценция (одного из продолжателей Козьмы Пражского, нотариия и каноника Пражского костела, составившего свой труд между 1168 и 1174 гг.¹⁸¹), в Праге было созвано собрание знати для решения вопроса о войне с Византией, соперничавшей тогда с Чехией за влияние в Венгрии: «...были назначены поход и собрание знати в Праге» (*expeditio et conventus primatibus Prage indicitur*). Выслушав речь короля, «чехи ответили, что они готовы быть с ним везде, где бы он ни захотел, и за /землей/ савроматов» (*Voemi ... quocunque voluerit, et ultra Sauromatas se cum eo esse paratos referunt*)¹⁸². В этом случае чехами названа знать (*primates*). Как отмечал О. Бальцер, термины типа *Voemi* можно считать «терминологически нечеткими общими понятиями», относящимися чаще всего к захватившей власть знати¹⁸³. Разумеется, отсюда не следует, что эти термины *всегда* означали знать. Нередко они использовались в широком значении, наиболее яркий пример такого словоупотребления встречаем у Ярлоха (Герлаха), аббата премонстранского монастыря в Милеве, еще одного продолжателя Козьмы, окончившего свою хронику в 1215–1222 гг.¹⁸⁴. Под 1175 г. он рассказывает о совместных действиях чешских князей против Австрии: «Они ... собрав весь народ, подчиненный своей власти, а именно чехов и моравов, знатных и незнатных, рыцарей и селян, напав со всеми ними на Австрию, опустошали, жгли и грабили, и даже не жалели церкви Божии» (*Qui ... congregantes omnem populum ditioni suae subiectum, Voemos, scilicet /et/ Morauos, nobiles et ignobiles, milites et rusticos cum his omnibus ingressi Austriam devastant, incendunt atque predantur, nec etiam ecclesiis dei parcunt*)¹⁸⁵. Ясно, что «чехи» и «моравы» этого сообщения — все войны, вне зависимости от социального статуса, в том числе сельские жители (*rustici*). В Чехии, как и на Руси, правильная интерпретация таких понятий непременно требует изучения контекста и исключает априорные дефиниции.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с другими летописными понятиями. Можно ли однозначно трактовать такие термины, как «люди» или «мужи»?

Относительно «людей» нужно отметить, что, хотя, действительно, это слово часто употребляется в летописи применительно к недружинным слоям населения, оно не носит ни в коей мере характера *terminus technicus*. Наиболее часто встречающееся его значение в древнерусском языке, в том числе и в летописях — это просто люди, в самом широком смысле, без социальных характеристик. О том,

¹⁸⁰ Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile / usp. J. Vajs. V Praze, 1929. XVIII. S. 108.

¹⁸¹ См.: Лангева Л. П. Источники по истории Чехии (до середины XIX в.) // Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период / Труды Исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. М., 1999. С. 59.

¹⁸² Letopis Vincencia, kanovníka kostela Pražského // Fontes rerum bohemicarum (далее — FRB). V Praze, 1875. Т. II. Pars II. S. 455.

¹⁸³ Balzer O. Pisma pošmiertne. S. 209–210.

¹⁸⁴ См.: Лангева Л. П. Источники. С. 59.

¹⁸⁵ Letopis Jarlocha, opata kláštera Milevského // FRB. Т. II. Pars II. S. 471.

можно ли обнаружить в летописях некий слой «людства» в понимании И. Я. Фроянова и его учеников, пойдет речь ниже. Пока же можно привести следующий характерный пример, убедительно демонстрирующий общий характер летописного понятия «люди». В уже цитированном сообщении Лавр. о землетрясении в Киеве «людьми» названо все население Киева: и князь с митрополитом, и бояре, и собственно «кияне»¹⁸⁶.

С другой стороны, в литературе встречается мнение, что в летописи «мужами» называются дружинники¹⁸⁷. или в широком смысле — высшие слои общества¹⁸⁸. Иногда это так, но вовсе не обязательно, о чем вкратце шла речь в историографии¹⁸⁹. Несводимость понятия «мужи» к общественной элите становится очевидной уже при изучении начального летописания. Под 907 г. ПВЛ сообщает о походе Олега на Византию¹⁹⁰ (в данном случае существенен не спорный вопрос отражения реальности в этом известии, а терминология источника). После победы «заповѣда Олегъ даяти на 2000 корабль, по 12 гривень на человекъ, а въ корабли 40 моужъ»¹⁹¹. Воины Олега, среди которых были, конечно, не только дружинники, но и представители разных славянских и неславянских «племен», называются тут «мужами».

В летописном рассказе под 1071 г. о движении под руководством волхвов в районе Белоозера «мужами» именуется трое восставших, участвовавших в движении, организованном волхвами и подавленным Янем Вышатичем. По приближении карательного отряда восставшие «...сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша к Яневи...»¹⁹².

В рассказе о сопротивлении жителей Минска Ярославичам в 1067 г. под «мужами» явно имеются в виду просто горожане мужского пола: «...и Мъняне затворишася в граде. Си же братья взяша Мънескъ, исѣшкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты...»¹⁹³.

В летописных статьях более позднего времени обнаруживается еще больше примеров. Вот лишь некоторые.

¹⁸⁶ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 454.

¹⁸⁷ См., например: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма. С. 31–33; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 339.

¹⁸⁸ См.: Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 74. Немецкий исследователь вообще увидел в киевских «мужах» потомков «старой землевладельческой знати, осевшей в городе» (см.: *Ibidem*). Этот тезис К. Цернак выводит, естественно, не из источников, где ничего подобного усмотреть нельзя, а из работ П. Б. Струве и М. Н. Тихомирова, причем последний говорит вовсе не о «старой землевладельческой знати», а о формировании городского патрициата из оседавшего в городах по мере разложения дружинной организации боярства (см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 161–166).

¹⁸⁹ См.: Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters. Kopenhagen, 1964. S. 470–472, 491–495; Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 48–49.

¹⁹⁰ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 29.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 30.

¹⁹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 176.

¹⁹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 166.

В НПЛ под 1189 г. содержится информация о международном конфликте с участием Новгорода: «...новгородьце ... на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ...»¹⁹⁴. «Мужи» здесь — явно просто люди в самом широком смысле слова. На самом же деле отправиться за море могли скорее не бояре, а купцы.

В той же летописи под 1190 г. рассказывается об отражении псковичами набега чуди: «...избища (sic! — П. Л.) пльсковици Чюдь поморьскую: пришли бо бяху въ 7 шнекъ и оболочилися около порога въ озеро, и удариша на не пльсковици и не упустиша ни мужа...»¹⁹⁵. Ясно, что чудские мужи — это просто люди.

В известии НІV о Липицкой битве¹⁹⁶ говорится о потерях суздальцев: «Не 10 бо оубито, ниже 100, но 1000 тысящами, а всихъ избитыхъ 9000 и 200 и 30 и 3 мужу»¹⁹⁷. Но в том же источнике сообщается о том, как была собрана огромная суздальская армия, «вся сила Суздальской земли»: «...бѣше бо погнано ис поселѣи до пѣшца»¹⁹⁸. Ясно, что среди тысяч погибших были люди самого разного социального статуса, в том числе и упомянутые здесь сельские жители. Все они именуются «мужами».

В рассказе НПЛ о Невской битве в перечне убитых «мужей» упомянут «Дрочило Нездыловъ сын кожевника»¹⁹⁹.

Но, пожалуй, выразительнее самый общий характер таких слов, как «мужи» и «люди», выглядит на примере известия Лавр. под 1169/1170 г. о нападении половцев: «И ѣхаша за Киевъ воевать ... и взяша села безъ оутеча с людми, с мужи и с женами, конѣ, и скоты, и овцѣ погнаша в Половцѣ»²⁰⁰. Слово «мужи» употреблено здесь в значении «мужчины», и относится оно даже не к горожанам, а к жителям сел, разоренных кочевниками.

Изучение изданных к 2004 г. берестяных грамот показывает, что общий характер понятий «мужи» и «люди» был свойственен не только для «нарративов», но и для обыденной речи. Слово «мужи» встречается 15 раз в 14 грамотах, самая ранняя из них относится к концу XI — первому десятилетию XII в., самая поздняя — ко второй половине XIII вв.²⁰¹ Лишь в четырех случаях, и то при максимальном допущении, речь может идти о представителях общественной элиты (грамоты № 109, второе упоминание; № 724; возможно, № 160 и № 295). При этом в № 109 фигурирует не просто «муж», а «княж муж», участвующий в предусмотренной законодательством процедуре «свода», а в № 724 — Ѡ андрѣѡ

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 39.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Подробный разбор этого известия см. ниже.

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 194–195.

¹⁹⁸ Там же. С. 188.

¹⁹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 77.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 358.

²⁰¹ См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 247 (№ 902), 257 (№ 109, дважды), 299 (№ 160), 320–321 (№ 794), 350–354 (№ 724), 361–362 (№ 509), 402–403 (№ 548), 416–420 (№ 531), 433–434 (№ 296), 453 (№ 150), 471 (№ 600), 473 (№ 295), 502–504 (№ 775).

мѹжь²⁰². Поскольку упомянутый в грамоте Андрей — это, по всей видимости, князь Андрей Боголюбский, здесь подразумевается также «князь муж», т. е. дружинник. Таким образом, остается только два упоминания «мужей» без эпитетов в качестве представителей высших слоев общества, да и то эти упоминания сомнительны. Зато есть бесспорные контексты, в которых понятие «муж» выступает в совершенно других значениях. Чаще всего мужами именуются лица мужского пола вне зависимости от социального статуса (грамоты № 902; № 109, первое упоминание; № 794; № 296). В грамоте № 509, относящейся к 50–70-м гг. XII в., «мужи» — это лица, обязанные неким платежом, который они вносят через отрока, т. е. вряд ли представители привилегированной категории населения: а отрокоу въданте по коунѣ моужь²⁰³. В грамоте № 548 (середина 50-х гг. XII в. — начало 1210-х гг.) «мужами» in согроге названы, очевидно, жители какой-то территориальной единицы: [а] ѡзо не едино былѣ ѡрмирь а инноу моуже•го• -----[ъ]²⁰⁴ (последнее слово А. А. Зализняк предположительно интерпретирует как «уличан, рушан и т. п.»). В грамоте № 531 слово «муж» употреблено в значении «супруг»: а воудоу люди на томо тобе не сетра (sic! — П. Л.) а моужевн не жена²⁰⁵. В грамоте № 600 (10–40-е гг. XIII в.) действуют два моужа хотыняне. Хотыняне, как отмечает А. А. Зализняк, «вероятно, жители местности при реке Хотынке (притоке Мшаги, притока Шелони)». Это сельские жители, занимающиеся, как следует из грамоты, ловлей бобров (оурекуываютьса вевры²⁰⁶). Наконец, самый показательный пример — грамота № 775, датирующаяся, правда, несколько более поздним временем, второй половиной XIII в. Она представляет собой просьбу некоего Дрочила, занимавшегося торговыми делами, к Поникарпу прислать денег. И в этом послании автор пишет о себе так: а ѡ муже небогатое кланяюса²⁰⁷. Если бы слово «муж» без добавления эпитетов подразумевало бы принадлежность к социальной элите, такое обращение лишалось бы всякого смысла (здесь, конечно, надо переводить вслед за А. А. Зализняком: «А я, человек небогатый, — кланяюсь», где муж — просто человек мужского пола вне зависимости от социального статуса).

Слово «людые» в разных графических вариантах («людье», «люди» и т. п.) упоминается в берестяных грамотах около 40 раз²⁰⁸. О том, что это понятие далеко не всегда имело отношение к низшим слоям населения, свидетельствует хотя бы уже упоминавшаяся грамота № 724, в которой идет, по-видимому, речь о конфликте Новгорода и Андрея Боголюбского из-за сбора дани с Заволочья. В ней слово «людые» употребляется, в частности (оставили ма вьгли людые), применительно к отряду, занимавшемуся во главе с автором послания сбором дани (отправлен он был, судя по всему, новгородским князем Святославом Ростислави-

²⁰² Там же. С. 350.

²⁰³ Там же. С. 361.

²⁰⁴ Там же. С. 402.

²⁰⁵ Там же. С. 416.

²⁰⁶ Там же. С. 471.

²⁰⁷ Там же. С. 502.

²⁰⁸ См.: Там же. С. 756, 825.

чем), и, что еще важнее — к членам другого отряда, которым командовал «муж» Андрея Боголюбского (*дане ѿлли людье*²⁰⁹) — т. е., по-видимому, к членам его «двора». Высказывалось предположение о том, что в грамоте № 119 (*отъ рѣзнѣга въдале есмь гюргевицюу без девати коунѣ :ѣ: гревнѣ възьмши въдаже прочь людьмъ*) под «людьми» надо понимать дружинников²¹⁰. В берестяных грамотах «людьми» могли называться и свидетели, в число которых могли, естественно, входить лица разного социального статуса, в том числе и высокого (см., например, грамоты № 531 и 502²¹¹).

Таким образом, нужно полностью согласиться с замечанием Л. В. Черепнина о том, что на основе таких «трафаретных в общем формул ... не всегда можно установить, какие социальные группы имеет в виду летописец»²¹².

Существовали и понятия с более определенным значением. Таким был и сам термин «вече», использовавшийся в летописях, как выясняется, для обозначения политических собраний горожан²¹³. Однако стоит ли придавать, как это делают многие исследователи, большое значение упоминаниям именно слова «вече» (или отсутствию такого рода упоминаний)? Например, М. Б. Свердлов на основании того, что в 997–1097 гг. вече (повторю еще раз, слово «вече») упоминается 6 раз, делает вывод об эпизодическом и несущественном характере этого явления; а заметив, что в XII в. понятие «вече» не употребляется в новгородском и Северо-Восточном летописании, пишет о «полном отсутствии сведений о вече как органе самоуправления на северо-востоке Руси»²¹⁴. В результате он приходит к выводу о том, что вече «как орган феодального государства» существовало только на северо-западе Руси, а известное сообщение Лавр. под 1176 г. об изначальности веча на Руси историк назвал «политической конструкцией» и «неправомерным распространением новгородской вечевой практики»²¹⁵.

Справедливо критикуя И. Я. Фроянова за тенденциозность (в частности, за то, что он игнорирует сложный социальный состав веча), М. Б. Свердлов сам допускает вполне тенденциозные толкования. Стремясь доказать, что в северо-восточной Руси веча не существовало или оно не играло значительной роли, он пишет о «полном отсутствии сведений о вече как органе самоуправления на северо-востоке Руси». Но в то же время, по его мнению, в случае с Новгородом, где вече бесспорно существовало, «отсутствие упоминаний о вече в новгородском летописании до XIII в. можно расценивать как обычное для летописца умолчание об органах государственного управления, о которых они сообщают крайне

²⁰⁹ Там же. С. 350.

²¹⁰ Там же. С. 273.

²¹¹ Там же. С. 405–406, 416–420.

²¹² Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 27.

²¹³ См.: Лукин П. В. О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Кучкина. М., 2004.

²¹⁴ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества на Руси. Л., 1983. С. 53.

²¹⁵ Там же. С. 54.

мало»²¹⁶. Итак, один и тот же факт может свидетельствовать одновременно о двух взаимоисключающих феноменах! Естественно, такая аргументация не выглядит убедительной.

В действительности отсутствие веча (если, повторим, иметь в виду реальность, а не слово) в Северо-Восточной Руси — историографический миф. Выше уже отмечалась высокая степень социально-политической активности недружинных слоев населения Владимира, Суздаля, Ростова, Переяславля Суздальского, например, в 70-е гг. XII в. Именно во владимирском летописании появилась знаменитая фраза, характеризующая вечевые порядки Древней Руси: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, (и Полочане — РА), и вся власти якоже на дому (думу — Р) на вѣча сходятся, на что же старѣишии сдумають, на томъ же пригороди стануть»²¹⁷. Из последующего изложения становится ясно, что в число неупомянутых в перечне «всех волостей» летописец включал Ростов и Суздаль. Мнение М. Б. Свердлова о том, что «это была политическая конструкция, а не обобщение реально существовавших межгородских отношений, порожденных вечевой практикой»²¹⁸, прямо противоречит смыслу летописных известий о борьбе за власть во Северо-Восточной Руси в 70-е гг. XII в. К тому же и слово «вече» появляется во владимирском летописании, но уже в статьях, относящихся к периоду после монголо-татарского нашествия²¹⁹. Очевидно, мы имеем дело, так же как и в Новгороде, с разными предпочтениями разных летописцев: один описывал ситуацию словами «владимирцы реша...», другой употреблял слово «вече», третий — «совет». По-разному проявления коллективной политической активности могли характеризоваться даже в одной летописной статье. Прекрасным подтверждением может служить цитирувавшаяся выше статья Ип. под 1158 г., где рассказывается об изгнании из Полоцка Ростислава Глебовича. В ней действия полочан вначале определяются как «совет зол» на князя Ростислава, потом передаются описательно, с помощью глаголов («сступиша», «послашася» и т. д.), и, наконец, приехавший к Ростиславу дружинник определяет происходящее как «вече» (опять-таки «на князя» — синонимично «злomu совету на князя»)²²⁰.

Несостоятельны и тезисы о «молчании» веча в Новгороде в XII в. или в Северо-Восточной Руси. Достаточно привести несколько самых ярких примеров.

Говоря об отсутствии упоминаний новгородского веча в XII в. М. Б. Свердлов ссылается на НПЛ, в статьях которой за соответствующее столетие слово «вече», действительно, не встречается. Однако в Ип. есть не просто упоминания о вече в Новгороде, но и совершенно определенное указание на то, что во второй по-

²¹⁶ Там же. С. 53, 54.

²¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377–378.

²¹⁸ Свердлов М. Б. Генезис и структура. С. 54. Мнение о том, что летописец в этой статье выступал в роли публициста, высказывал уже В. О. Ключевский, но куда более осторожно (см.: Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция XVIII // Он же. Сочинения в 9 томах. М., 1987. Т. I. С. 329–331).

²¹⁹ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 476, 526 (последнее известие содержится в А).

²²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 494–495.

ловине XII столетия это было обычное, рядовое явление. Согласно статье Ип. 1159/1160 г., «оттолѣ начашася Новгородци мясти, и вѣче часто начаша творити»²²¹. Ю. Гранберг, полемизируя с мнением К. Цернака о том, что вече здесь выступает в качестве института, с помощью которого новгородцы «самостоятельно решали вопрос о приглашении и изгнании князей»²²², интерпретирует это место так: «Новгородцы с этого времени стали волноваться и часто собираться»²²³. Тем самым игнорируется прямое указание источника на то, что новгородцы не просто собирались, а «вѣче часто начаша творити».

Под 1160 г. в Ип. содержится подробный рассказ об изгнании из Новгорода Святослава Ростиславича: «Вѣче створиша Новгородци, и посластася къ князю своему Святославу Ростиславичю, и рекоша ему: „Не можемъ дву князю держати, а пошли, выведи брата Давыда с Нового Торгу“... И не дотуда ста злоба ихъ, но паче на горшее зло подвигошася: мало верема переждавше, и створше вѣче на Святослава ... и се поиде множество народа людии, и емше князя, запроша в ыстебкѣ, а княгиню послаша в монастырь, а дружину его исковаша...»²²⁴. Здесь весьма красочно описывается и вече с многолюдным составом участников²²⁵, и социально-политическая активность новгородцев вообще.

Этому рассказу соответствует краткое сообщение вообще весьма лаконичной НПЛ: «Прияша новгородьци Ростиславиця Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгиню въпустиша въ манастырь святыя Варвары, а дружину его въ погрѣбъ въсажаша»²²⁶. Совершенно ясно, что события, охарактеризованные в Ип. как «вече», здесь описываются иносказательно, с помощью глаголов: «прияша», «поправиша», «впустиша», «всажаша». По сути же, речь идет об одном и том же.

Такие же результаты дает сопоставление известий Синодального и Комиссионного списков НПЛ под 1193 г. об избрании нового архиепископа:

Синодальный список	Комиссионный список
«Преставися Гаврила, архиепископ новгородьскыи, мѣсяця мая въ 24, на святого Смена, иже на Дивнѣи горе, и положень бысть в притворе святыя София, посторонь брата, нареченаго въ чърнецтве Григории. Новгородьци же съ княземъ Ярославомъ и съ	«Преставися архиепископ новгородчкыи Гаврила мая въ 24, на память святого отца нашего Симеона, иже на Дивнѣи горѣ, и положень бысть честно въ притворѣ святыя Софѣя, посторонѣ брата, и нареченаго въ черничьстве Григорей. И паки по временѣ семь новгородци же съ княземъ Ярославомъ, съ игумены и съ софѣяны и с попы и думаша собѣ: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантуря, а и сии хотяху паки Гричина; в нихъ паки распря бысть немала, и ркоша къ себѣ: «да сице поло-

²²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 510.

²²² Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 93.

²²³ Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 76.

²²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 510.

²²⁵ См.: Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 45.

²²⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 30.

<p>изгумены и съ софьяны и съ попы сѣдумавъше, изволиша богомъ избрана Мартурия, и послаша по нь съ чьстью (курсив мой. — П. Л.). И иде с передними мужи, и прия и съ любвью князь Святослав и митрополить...»²²⁷</p>	<p>жим три жребиа на святъи тряпезь въ святъи Софъи». И абие положиша и повельша пѣти святую литургию, и по совершении службы и послаша с вѣца слѣнца, да котораго дастъ богъ, и вынся божию благодатью жребии Мантуриевъ (курсив мой. — П. Л.); и послаша по него, и привезоша и из Русѣ, и посадиша его въ епископѣль дворѣ; и послаша о немъ къ митрополиту, и митрополит пакы прислаше по него съ великою чьстью. Сице же оному пошедши съ предними мужи, и въсприяше его с любовью князь Святославъ и митрополит...»²²⁸</p>
--	---

НПЛ младшего извода прямо свидетельствует о том, что избрание Мартирия совершилось на вече. Следовательно, описательные формулы («новгородцы сдумавше / думаха о себе») и термин «вече» взаимозаменяемы и используются для характеристики одного и того же явления.

Выясняется также, что коллективные проявления политической активности недружинных слоев населения могли характеризоваться не только словом «вече», но и скрываться под другими терминами, например под наименованием «совет». Оба термина во многих случаях являются синонимами²²⁹. Для Древней Руси, где еще не сформировалась четкая политико-правовая терминология, было характерно окказиональное использование такого рода понятий.

Похожая терминологическая неопределенность была, как отмечал О. Бальцер, характерна и для иных регионов славянского мира²³⁰. Другой польский историк, Францишек Буяк, рассматривая судебные собрания («веча») в Великой Польше, которые в латиноязычных источниках обычно назывались *colloquia*, писал, что этот термин «не был обязательным в формулярах документов» и это отнюдь не доказывает, «что веч в этом уделе не было». Напротив, «на основе документов, выданных на вечах и содержащих судебные решения, мы можем сделать вывод о том, что документы, ничем не отличающиеся от таких решений, кроме отсутствия слова *colloquium*, были выданы на вече»²³¹. Хотя в данном случае мы

²²⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 40.

²²⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 231–232. А. А. Гиппиус полагает, что дополнительная информация НПЛ младшего извода была вставлена с целью прославления умершего архиепископа Мартирия, скорее всего, непосредственно после его кончины (Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 26), т. е. хотя и представляет собой вставку, но раннюю.

²²⁹ См. об этом подробнее: Лукин П. В. К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. См. также: Дьяконов М. А. Очерки. С. 94.

²³⁰ См.: Balzer O. O ksztatach. S. 91.

²³¹ Буяк F. O wiecach w Polsce do końca wieku XIII ze szczególnym uwzględnieniem Wielkopolski // Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby. Kraków, 1938. Т. 1. S. 47–48.

имеем дело не с «народными собраниями», а с сословными судебными органами, в которых были представлены знать, чиновники и рыцари, терминологическая неопределенность (при том, что их деятельность отражена не в нарративных памятниках, а в актовом материале!) бросается в глаза и здесь.

Терминологическая лабильность вообще характерна для Средневековья, по крайней мере, для Восточной Европы. Хороший пример — составленная в XIV–XV вв. на немецком языке Помезанская правда, отнюдь не «нарратив», а законодательный памятник, регулирующий отношения в покоренной завоевателями Помезании, самой западной из 11 прусских земель. По мнению исследователей, в ней сохранились существенные черты прусского архаического строя. В частности, в ряде ее статей обнаруживаются «следы вечевых установлений»²³². Однако если во введении о вече говорится *explicit* [Diss sint rechte, die in der Pomezischen wayden getaillet...], то в статьях — через описательные конструкции [die Pomezanen sprechen..., die Pomezenen haben funden...]²³³.

Проведенные наблюдения приводят к мысли о необходимости отказа от «терминологического фетишизма». Нет смысла изучать социально-политическую деятельность «клян» или «владимирцев» вообще, нужно всякий раз анализировать, какие именно социальные группы скрываются под такого рода наименованиями. Нет смысла изучать «вече» или «совет» как абстрактные категории, «институты» в традиции историко-правовой науки XIX в., надо исследовать действительные социально-политические отношения и уже в связи с этим разбирать применяющиеся к ним в источниках понятия.

Иными словами, если в летописных известиях о проявлениях коллективной активности «клян», «новгородцев», «перяславцев» и т. д., или в сообщениях о «вече» нет конкретной информации о социальной природе этих феноменов, они не могут нам помочь пролить свет на участие в политической жизни Древней Руси тех или иных слоев населения.

Вече и город

В летописях есть более определенные и конкретные данные, характеризующие недружинные слои населения, принимавшие участие в социально-политической жизни Древней Руси.

Под 968 г. в начальном летописании рассказывается об осаде Киева печенегами, когда Святослав Игоревич находился в Переяславце на Дунае, а в Киеве оставалась его мать княгиня Ольга с внуками Ярополком, Олегом и Владимиром. В трудную минуту именно «людь в градѣ» решают судьбу Киева²³⁴. После благопо-

²³² Пашуто В. Т. Помезания. «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII–XIV вв. М., 1955. С. 73.

²³³ Там же. С. 73, 124–125, 132–133, 138–139.

²³⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 118; ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–66. См. подробнее: Лукин П. В. Вече. С. 88–90.

лучного исхода осады «послаша Кияне к Святославу, глаголюще: „Ты, княже чужая земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавишь...“»²³⁵.

Хотя вече здесь прямо не упоминается, совершенно очевидна здесь политическая активность «киян». Они коллективно принимают решение об обороне города и после ее успешного окончания подвергают решительной критике не заботящегося о своей земле князя Святослава. «Кияне», или, как они еще называются в тексте, «люди в граде», и «люди оная страны Днепра», по всей видимости, отличаются летописцем от бояр и дружины. Под 969 г. отразившийся в НПЛ мл. «Начальный свод» и ПВЛ рассказывают о том, как Святослав уже в спокойной обстановке объявляет о своем желании вновь отправиться из Киева в Переяславец матери и боярам, а не «киянам» или «людям». Отсюда можно сделать вывод, что летописец четко различал дружинную элиту и иные слои общества, называя их тут «киянами» или «людьми»²³⁶.

Можно предположить, что под «киянами» (= «люди из града») имеются в виду киевские горожане. Принимало ли участие в событиях 968 г. население киевской округи, сказать сложно. В источнике говорится только о «киянах» и о «людях оная страны Днепра». Кто такие эти последние, неизвестно. Возможно, это часть киевлян, успевшая до осады перебраться на другой берег реки, возможно, «недружинная» часть войска Претича, воеводы Святослава. Ясно лишь, что мы имеем дело с коллективным участием в политической жизни киевских горожан, ставшим следствием их общественной инициативы.

Именно с горожанами отождествляются активно и самостоятельно действующие в политическом отношении «кияне» в упоминавшемся выше известии начального летописания под 980 г. о войне между Владимиром и Ярополком Святославичами. В связи со стремлением воеводы Ярополка Блуда погубить своего князя, летописец замечает, что, пока тот находился в Киеве, это было сделать невозможно из-за горожан: «...гражены же не бѣ лъзѣ оубити его»²³⁷.

В рассказе ПВЛ под 997 г. о белгородском киселе белгородцы, участники веча, прямо называются горожанами²³⁸.

Также о «гражданах» идет речь и в упоминавшихся выше известиях начального летописания о событиях в Новгороде в 1016 г. по НПЛ или в 1015 г. по ПВЛ, связанных с конфликтом между новгородцами и нанятыми князем Ярославом Владимировичем варягами. Еще Л. В. Черепнин указывал: «По тону рассказа видно,

²³⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 67.

²³⁶ Х. Ловмянский считает, что требования киевлян по отношению к Святославу «были сформулированы на том самом вечевом форуме, что и в прошлый раз» (т. е. во время печенежской осады), и предполагает, что ключевую роль на этом форуме играл «глас киевского народа» (*Łowmiański H. Początki. T. IV. S. 106–107*). Ниже он отмечает, что «по крайней мере, с 968 г. в вечах не принимает участие сельское население, включают они только жителей города...» (*Ibidem. S. 108*). Несколько забегаая вперед, отмечу, что польский историк совершенно справедливо, на мой взгляд, понимал вече эпохи Киевской Руси и раздробленности как явление чисто городское.

²³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 77; Ср.: ПСРЛ. Т. III. С. 126.

²³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 128. См. об этом подробнее: Лукин П. В. Вече. С. 92–95.

что это не просто совещание с командным составом, а более широкое собрание новгородских „гражан“»²³⁹. Действительно, в самом начале указывается, что Ярослав «разгнѣвася на гражаны»²⁴⁰, т. е., по-видимому, речь шла о конфликте князя со всеми новгородцами, а не только с перебитыми им «славными воями». Логично допустить, что в вече принимали участие и согласились помочь Ярославу именно новгородские горожане (возможно, вместе с оставшимися в живых «славными воинами») ²⁴¹.

Выше уже рассматривалось известие ПВЛ под 1096 г., где идет речь о попытке русских князей заключить мирное соглашение²⁴². Среди групп населения, имеющих право принимать участие в политической жизни, представлены и «люди градские».

В этом перечислении отсутствует всякое упоминание сельских жителей или некоей совместной общности свободных городских и сельских жителей — «волощан». Напротив, Олег Святославич, явно желающий в оскорбительном тоне ответить на предложение князей, заявляет, что ему негоже приносить присягу перед лицом епископов и смердов. Конечно, в данном контексте «смерды» — просто ругательство. Но иногда и брань может быть красноречивой. Из слов Олега понятно, что он считал смердов людьми низкого положения, об этом же говорит и реплика летописца о том, что Олег «въсприим смысл буи и словеса величава». Как бы ни оценивать социальный статус смердов, ясно, что это негородские жители, занимающиеся сельским хозяйством. Иными словами, летописец как бы подчеркивает абсурдность сопоставления боярско-дружинной элиты и «людей градских» со смердами²⁴³. Одновременно он очевидным образом одобряет предложение Святотолка Изяславича и Владимира Мономаха, признавая тем самым заключение княжеского союза при гарантии со стороны духовенства, дружины и горожан делом совершенно естественным и осуждая Олега «Гориславича» за неуместную брань. Это означает, что летописец считал участие «людей градских» как определенной группы населения в социально-политической жизни нормальным явлением²⁴⁴. Это известие с такой очевидностью показывает участие в древнерусской

²³⁹ Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 44.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 174.

²⁴¹ См. подробнее в разделе о «воях».

²⁴² См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 229–230.

²⁴³ Только как курьез можно расценить замечание И. Я. Фроянова о том, что это летописное сообщение якобы «намекает на то, что за „людьми градскими“ скрывались демократические элементы Киева», так как «недаром Олег уподобил их смердам» (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 130). Если буквально придерживаться логики И. Я. Фроянова, можно прийти к выводу, что княжеские бояре и дружинники — это тоже «демократические элементы», ведь, вполне возможно, бранное «смерды» относится и к ним. Все это, разумеется, вовсе не означает, что те слои киевского общества, которые историк называет «демократическими элементами», не принимали участия в социально-политической жизни, речь идет о том, что сделанный им вывод не следует из цитированного им источника.

²⁴⁴ Л. В. Черепнин полагал, что в этом рассказе выступает киевский городской совет, в который входили «и бояре, и городской патрициат, и представители духовенства» (Череп-

социально-политической жизни горожан, не принадлежащих к дружинной элите, что сторонники идеи о чисто феодальном составе веча (С. В. Юшков, П. П. Толочко и др.) не обратили на него никакого внимания.

В «Повести об ослеплении Василька Теревольского», находящейся в составе ПВЛ под 1097 г., сообщается, что после того, как братья Василько и Володарь Ростиславичи осадили Владимир Волынский, где «затворился» Давыд Игоревич, они «...послаша к Володимерцем, глаголя: „Не вѣ ли приходом на град вашъ, а не на вас, но на врагы своя, (на — Ип, Х) Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо сугь намовлили Давыда, и тех естъ послушалъ Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хочете за сих битися, да се мы готови, а любо даите врагы наша“. Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови люде: „Выдаи мужи сия, не бьемься за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли, — то отворим врата граду, а сам промышляи (о — РА) собѣ“»²⁴⁵. Ясен в общем и целом состав участников веча — это «гражане», близкие, видимо, к киевским «людям градским». Вновь нет ни малейших указаний на то, что в вече принимали участие жители сельской округи или какие-либо «волощане», речь идет именно о горожанах; это прекрасно сформулировали в своем обращении братья Ростиславичи, заявив, что они пришли «не на град ваш», а на своих врагов, приближенных Давыда Игоревича. По настоянию горожан-вечников Давыд вынужден был выдать их врагам²⁴⁶.

нин Л. В. Пути и формы. С. 30). Однако в летописном известии ни совет как «институт», ни само это слово не упоминается. Неясно и что понимает исследователь под «городским патрициатом». В недавно вышедшей работе на это известие обратил внимание В. Я. Петрухин. По его мнению, «для восстановления порядка — ряда Ярослава — братья (т. е. Владимир и Святополк. — П. Л.) готовы собрать *собор* из представителей разных слоев населения Руси, включая горожан... Общерусский *собор* должен был собраться впервые...» (Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ, князья, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 197). Почему автор так настойчиво употребляет термин «собор» (а не, например, «совет» или «вече», которые равно подходили бы сюда), остается непонятным.

²⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 268.

²⁴⁶ В монографии 1995 г. И. Я. Фроянов почему-то называет Туряка, Василя и Лазаря «представителями владимирской общины». Единственным «доказательством» этого является то, что «пребывание в тот момент Туряка, Лазаря и Василя в Луческе, попытки Лазаря и Василя укрыться в Турийске намекают на связь этих людей с владимирской земщиной» (Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования... С. 542). Не говоря уже об использовании ученым явно анахроничной терминологии («земщина»), непонятно, какую связь он усматривает между пребыванием недругов Василька Теревольского в Луческе и Турийске и их принадлежностью к владимирской «общине». На самом деле то, что эти люди не принадлежали к владимирской «общине» (используя неудачный термин И. Я. Фроянова), достаточно очевидно, так как выдача их, судя по летописи, зависела не от владимирских горожан, а от князя, который согласился на нее только под угрозой владимирцев сдать город. Интересно, что в более ранней работе И. Я. Фроянов пишет о Василе и Лазаре как о «мужах» Давыда» (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 165). А. В. Майоров считает Туряка, Василя и Лазаря владимирскими боярами, но боярами не княжескими, а «видными представителями земщины» (Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 118). В доказательство данного положения автор приводит тот факт, что в ПВЛ они не называются «Да-

Вряд ли был другим состав участников еще одного вече во Владимире Волынском, о котором говорится в том же источнике²⁴⁷.

В упоминавшемся выше известии Ип. под 1123/1124 г. об осаде Владимира Волынского Ярославом Святополчичем также идет речь о именно о *горожанах*. Летопись описывает, как в ходе осады Ярослав «...молвяше тако Андрѣви и горожаномъ: „То естъ градъ мой, оже ся не отворите, ни выидете с поклономъ, то оузрите — завѣтра приступлю къ граду и възму городъ“»²⁴⁸. Горожане здесь занимают активную позицию, выражающуюся в поддержке Андрея и Владимира Мономаха, и участвуют в обороне Владимира Волынского. Ярослав же грозит поэтому не только Андрею, но и горожанам. При этом, как бесспорно следует из цитированного выше параллельного известия МЛС, эти горожане (по версии МЛС., — «люди градские») отделяются от княжеской дружины²⁴⁹. В Ип. «дружина» и «люди градские» объединяются общим наименованием; там говорится о совете князя «съ всеми людьми своими».

Под 1145 г. в Ип. читается повествование о приглашении галичанами Ивана Ростиславича Берладника и об изгнании его Володимирком Володаревичем²⁵⁰: «...послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ и въведоша к собѣ в Галичь. Володимиръ же слышавъ, съвкоупи дружиною и прииде на нь к Галичю, и ста около города, и, выѣздяче из города, бѣяхоуся крѣпко, и мнози падахоу от обоихъ. И бишася оль 3 неделѣ. В неделю же мясопоусною на ночь выстоупи на нѣ Иванъ с Галичаны и много бишася, и побиша оу Ивана дружины много, и застоупиша и от града, и нелзѣ бѣше възвратитися емоу оу градъ. И пробѣже сквозѣ полкъ к Доунаю, и оттоуда полемъ прибѣже ко Всеволодоу Киевоу. Галичане же всю недѣлю бишася по Иванѣ с Володимиром и ноужею отворишася...»²⁵¹. Выявляется высокая степень социально-политической активности, самостоятельности галичан: они сами призывают Ивана Берладника и добровольно воюют за него, продолжая оказывать сопротивление даже после его бегства. При этом галичане, во-первых, судя по тексту летописи, отделяются как от дружи-

видовыми мужами». Но это само по себе ни о чем не свидетельствует, ведь из летописного текста ясно видно, что речь идет о лицах, дорогих для князя и чужих для «гражан» Владимира-Волынского; именно князь пытается их спасти, а владимирцы относятся к их судьбе совершенно равнодушно.

²⁴⁷ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 271–272. Ср. неосновательное мнение В. Т. Пашуто о чисто «простонародном» составе этого вече (*Пашуто В. Т. Черты политического строя*. С. 27). См. подробнее: *Лукин П. В. Вече*. С. 124–125.

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.

²⁴⁹ См.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 28–29.

²⁵⁰ В литературе до сих пор встречается ошибочная дата событий в Галиче — 1144 г. (см., например: *Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России*. М., 1986. С. 34; *Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы*. М.; СПб., 1995. С. 547). Между тем 6652 г. в Ип. — мартовский, а противостояние Ивана Берладника и Володимирка имело место в январе–феврале, что дает 1145 г. от Р. Х. (см.: *Бережков Н. Г. Хронология*. С. 146).

²⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316–317.

ны Берладника, так, естественно, и от дружины Владимирка; с другой стороны, они четко связываются именно с «градом». Никаких сведений об участии в этих событиях сельских жителей или «волощан» нет.

Под 1146 г. Ип. сообщает о вече в Звенигороде Галицком, собравшемся во время осады города киевским князем Всеволодом Ольговичем: «...въторый день створиша вѣче Звенигородъчи, хотяче ся передати. И бѣ оу нихъ воевода Володимиръ моужь Иванъ Халдѣевичъ, изома оу нихъ моужи 3, и оуби я, и когождо ихъ, перетень наполь, поверже я ись града — тѣмь и загрози имь. И начаша ся Звенигородъчи оттолѣ бити безъ лсты. Видивъ же то Всеволодъ, нача dospѣвати, яко взяти городъ. Въ 3 же день пристоупиша вси ко граду, по зорямъ бишася до позьноѣ вечернѣ, и зажгоша городъ въ трехъ мѣстехъ, гражане же Божию помощью оугасиша»²⁵². Обращает на себя внимание следующее: в вече, несомненно, участвуют горожане (о сельских жителях никаких упоминаний нет); с другой стороны, в вече не участвует Иван Халдеевич — воевода Владимирка Галицкого — и не соглашается с его решениями. В. Т. Пашуто замечает по поводу этого известия: «Состав веча не раскрыт, но упомянуты три городских „мужа“, пытавшиеся его собрать. Мужы — это не простолюдины»²⁵³. Это замечание основано на недоразумении. Источник упоминает не «городских мужей», а просто «мужей». Однако, как отмечалось выше, вопреки часто встречающемуся в историографии мнению²⁵⁴, которого придерживался и В. Т. Пашуто, слово «муж» было не социальным термином, а понятием общего характера с очень широким значением. Кроме того, даже если допустить, что эти «мужы» относились к общественной элите, ясно, что вече состояло не только из них; их участие в собрании²⁵⁵ никак не ограни-

²⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

²⁵³ Пашуто В. Т. Черты. С. 28. Похожее мнение, правда, без ссылки на В. Т. Пашуто, высказал и Ю. Гранберг: «По-видимому, несколько, вероятно, выдающихся горожан организовали вече (собрание), на котором желание сдать было публично выражено. Но воевода князя действовал быстро и казнил трех лидеров — т. е. вероятнее всего, организаторов веча. Решение сдать было, видимо, принято не на вече собравшимся населением, но скорее было инициировано небольшой группой людей, которые с помощью созыва веча надеялись завоевать поддержку всего населения» (*Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 76*).

²⁵⁴ Комментируя это летописное известие, К. Цернак подчеркивает, что во время осады «Звенигородом управлял воевода Владимирка, муж Иван Халдеевич» (*Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 109*). Немецкий исследователь расставляет акценты, представляется, не вполне верно. Фразу «и бѣ оу нихъ воевода Володимиръ моужь Иванъ Халдѣевичъ» нужно переводить: «И был у них воеводой Владимиров муж Иван Халдеевич», ударение здесь делается не на том, что последний был «мужем», а на том, что он был «мужем Владимира» — т. е. дружинником галицкого князя.

²⁵⁵ Возможно, они даже руководили вечем (или были его зачинщиками, инициаторами), на что намекает фраза в Московском летописном своде конца XV в., уточняющая, что эти 3 мужа «бѣша начальницы вѣчю тому» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 36; о значении слова «начальникъ» см: СДРЯ. М., 2002. Т. V. С. 213–214). Эти слова, вероятно, заслуживают доверия, так как данная статья МЛС относится, как установил А. Н. Насонов, к «очищенному тексту южнорусского источника», близкому к Ип., но сохранившему в ряде случаев лучшие чтения (*Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 288*).

чивает круг его участников. Ближе к истине (если считать «мужей» частью элиты) был К. Цернак, когда писал о подавлении «путем кровавой расправы с тремя знатными людьми попытки городских жителей ... в соответствии с решением веча сдать город киевской партии»²⁵⁶. Итак, вече определено в этом сообщении выступает в качестве формы коллективной политической деятельности горожан²⁵⁷.

Ниже в той же летописи рассказывается о войне между Мономахичами и Ольговичами, последовавшей после убийства киевлянами Игоря Ольговича. В частности, сообщается о разорении Изяславом и Ростиславом Мстиславичами городов Черниговской земли: «Изяславъ же Мъстиславич с братомъ своимъ Ростиславом ... пришедше ко Всеволожу полкы своими и взяшя Всеволожь градъ на шить, и ина в нѣмъ бъята два города вошла. Слышавше инии гради Оуненѣжъ, Бѣлавежа, Бохмачъ, оже Всеволожь взять, и побѣгоша Черниговоу, и инии гради мнози бѣжаша. Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, посласта по них, и пост/иг/оша на поли. И тоу взяша ты три города, а инии оу/и/доша. Изяславъ же повелѣ зажечи грады ты»²⁵⁸. Здесь собственно о социально-политической активности населения никаких сведений не содержится, но это известие важно для нас тем, что в нем «город» выступает в качестве единой общности, как синоним слова «горожане» («граждане») ²⁵⁹. «Города» (разумеется, в смысле «горожане») входят здесь в другой город; затем другие «города» узнают о взятии Всеволожа и т. д. Такое значение понятия «город» — весомый аргумент против теорий об исконной общинности Древней Руси, отсутствию в ней четкого разделения между городом и селом.

Сообщение Ип. под 1154/1155 г. о том, как вокняжившийся в Киеве Ростислав Мстиславич после смерти своего брата Изяслава и дяди Вячеслава планировал поход против другого претендента на киевский стол Изяслава Давыдовича черниговского, также свидетельствует о политической значимости горожан. Ростислав советовался с другими князьями и со своими «мужами», стоит ли ему «поити Чернигову». «Мужи же бороняхуть ему, — по словам летописца — поити Чернигову, рекучи ему: „Се Богъ поялъ строя твоего Вячеслава, а ты ся еси с людьми Киевѣ не оутвердилъ, а поѣди лѣпле в Киевѣ, же с людьми оутвердиши. Да аче стрый придеть на тя Дюрги, понѣ ты ся съ людьми оутвердилъ будеши, годно ти ся с ним оумирити, оумиришися, паки ли а рать зачнеши“»²⁶⁰.

Таким образом, по благоразумному совету своей дружины (М. С. Грушевский даже предполагал, что это могли быть киевские бояре, «хорошо знавшие настроенные населения»²⁶¹) Ростислав Мстиславич должен был «утвердиться» с «людьми в

²⁵⁶ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 109–110.

²⁵⁷ Характерно, что И. Я. Фроянов, правильно отмечая участие в звенигородском вече именно горожан, не делает отсюда никаких выводов и даже не ставит вопроса о проверке своей идеи об участии в вече «волостного населения» (см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 165, 183).

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 358.

²⁵⁹ Интересно, что этого значения слова «город» («град») нет в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» (см.: СДРЯ. М., 1990. Т. II. С. 357–358, 378–379).

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 473–474.

²⁶¹ Грушевский М. С. Очерк истории. С. 195.

Киеве» и только после этого начинать какие-либо серьезные военные предприятия. «Люди в Киеве» — очевидно, уже не раз встречавшиеся нам киевские «люди градские». В этом описании раскрывается механизм принятия важнейших политических решений киевскими князьями того времени: решения принимает княжеско-дружинная элита, но горожане могут им не подчиниться и повлиять на них.

Под 1156/1157 г. НПЛ излагает обстоятельства избрания нового новгородского епископа, в котором принимает участие «всь град людий», т. е., если буквально понимать текст, с одной стороны, не только новгородские бояре, но, с другой стороны, только горожане. Характерно при этом, что в торжественной церемонии участвовали исключительно городские священники («вси попове городьстии») и не было сельских²⁶².

В междоусобице в Новгороде, описанной в НПЛ под 1157 г., также, очевидно, участвовало лишь городское население. Причиной столкновений стало, по летописи, желание части новгородцев изгнать князя Мстислава Юрьевича: «Бысть котора зла въ людьхъ, и вѣсташа на князя Мѣстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити из Новагорода, търговьи же поль сташа въ оружии по немь; и съвадишася братья, и мость переимаша на Вълхове, и сташа сторожи у городньныхъ воротъ, а друзии на ономъ полу, малы же и крѣви на прольшаша межи собою»²⁶³. Расслоение тут носит не социальный, а территориальный характер: противостоят друг другу Софийская и Торговые стороны Новгорода. Ясно, однако, что сельское население Новгородской земли никакого участия в борьбе вокруг княжеского стола не принимало.

Выше уже упоминалось известие Ип. под 1158 г., в котором идет речь о противостоянии в Полоцкой земле между Рогволодом Борисовичем и Ростиславом Глебовичем, начавшейся с борьбы за Друцк, где княжил сын Ростислава Глеб. Дручане, проявляющие заметную политическую активность (они изгоняют одного князя и приглашают другого), прямо называются в тексте летописи «горожанами»²⁶⁴.

То же самое относится и к вечу в Полоцке, обсуждавшему в том же году вопрос об изгнании одного князя и приглашении другого. В Ип. рассказывается, как полочане пытались обманом заманить к себе на вече тогдашнего князя Ростислава Глебовича²⁶⁵. Ясно, что приглашать князя к себе в город могли только горожане, а не «широкие народные массы» Полоцкой земли.

Под 1166/1167 г. в Ип. читается известие о борьбе за Стародуб между двумя представителями черниговских Ольговичей: Олегом Святославичем и Ярославом Всеволодичем. При этом инициативу в данном случае проявили не князья, а сами стародубцы: «Оле҃гъ ... поѣхѧ къ Стародубу. Стародубци бо прислалися бяху ко Олгови. Оупереди помочь Ярославлѧ в городъ, и горожаномъ нѣлзѣ бѣ мысли

²⁶² ПСРЛ. Т. III. С. 29–30.

²⁶³ ПСРЛ. Т. III. С. 30.

²⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 493–494.

²⁶⁵ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 495.

своя створити. Олегъ же воротятся опять гнѣвы, много (людей²⁶⁶) взя в полонъ»²⁶⁷. И вновь в политическую борьбу вмешиваются именно горожане.

Ниже в Ип. рассказывается о поездке Ростислава Мстиславича в Новгород и Смоленск: «...иде (Ростислав. — П. Л.) Смоленську. И начаша и срѣгати лутшии мужи Смолняны за 300 версть, и за тѣмъ оусрѣте и сынъ Романъ, и епископъ Мануиль, и Внѣздъ, и малѣ не весь градъ изиде противу ему»²⁶⁸. Первыми встречали князя «лучшие мужи Смоляне», но затем в торжественной церемонии участвовал весь «град», т. е. смоленские горожане. Сельские жители вообще не упоминаются. Вполне возможно, конечно, что они выходили «за 300 верст» от Смоленска навстречу князю, существенно, однако, что с точки зрения летописца, они оказываются не только вне реальных договорных отношений с князем, о чем говорилось выше, но и не принадлежат к социальным группам, имеющим право на участие в политической жизни даже на символическом, ритуальном уровне.

Под 1167 г. в Ип. содержится уже цитированное известие о тайном вече «по двором» в Новгороде, в ходе которого было решено изгнать из Новгорода князя Святослава Ростиславича²⁶⁹. Конечно, у себя на дворах могли собираться лишь новгородские горожане. Вряд ли на этом вече могла быть представлена «масса волящан», чье пришествие в город обесмыслило бы всякую тайну.

Еще одним свидетельством, подтверждающим распространность в древнерусском языке понятия «город» в значении «горожане», может служить сообщение Ип. под 1169 г. о вторжении изгнанного из Киева Мстислава Изяславича во владения Владимира Андреевича дорогобужского: «Мъстиславу же города прѣдаяхуса. И възведе городъ Шюемскъ, и посла Володимирию посадника Паоука, кормилця Володимирия. Тамо же посла и ины города, многы повоеовавъ (sic! — П. Л.) и пожегъ, воротися въ свояси»²⁷⁰. Здесь «город» — не только населенный пункт, но и общность горожан. Мстислав Изяславич выводит («възведе»²⁷¹) город Шумск, «посылает» захваченные города — естественно, это относится к людям, а не к стенам и зданиям. Горожане проявляют определенную политическую самостоятельность: они сами «предаются» князю.

Обратный пример как будто можно увидеть в летописных рассказах (1169 г.) об изгнании из Владимира-на-Клязьме епископа Федорца: «...вся земля Ростовская не възхотѣ благословения, оудалися от него. И тако и сѣи нечтывиыи нѣ възхотѣ послушати хр/ис/толюбиваго князя Андрѣя (Боголюбского. — П. Л.), велящю ему ити ставиться къ митрополиту Киеву. Нѣ възхотѣ, паче же Богу не хотящю его и святоѣ Богородици, извърже его изъ земли Ростовскоѣ»²⁷². Здесь фигурируют не ростовские или владимирские горожане, а вся Ростовская земля. Но в

266 Конъектура по МЛС (см.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 74).

267 ПСРЛ. Т. II. Стб. 525–526.

268 ПСРЛ. Т. II. Стб. 528.

269 См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 537.

270 ПСРЛ. Т. II. Стб. 546.

271 См.: СДРЯ. Т. II. С. 17.

272 ПСРЛ. Т. II. Стб. 551; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 355.

этом отрывке говорится не о принятии политического решения как такового, с чем мы встречались много раз выше, а о нравственно-религиозном отторжении паствы от своего пастыря, которая, разумеется, состояла как из городских, так и из сельских жителей. Собственно «организационный» вопрос решается самим князем²⁷³.

В благочестивых летописных рассуждениях под 1169/1170 г. о «грехах» новгородцев, осмелившихся противиться Андрею Боголюбскому: «Тако и сия люди Новгородская наказана Богъ и смѣри я дозѣла за преступленне крестное, и за гордость ихъ наведи на ня, и милостью своею избави град ихъ»²⁷⁴, объектом обвинения являются не все жители Новгородской земли, а жители «града», новгородцы-горожане. Именно они ответственны за преступление крестного целования в отношении князей.

Под 1174 г. в Ип. и Лавр. рассказывается о грабежах в Боголюбове после гибели Андрея Боголюбского: «Горожанѣ же Боголюбци розграбиша домъ княжь; и дѣлатели, иже бяху пришли к дѣлу: золото и серебро, порты и паволокы, имѣние, ему же не бѣ числа. И много зла створися въ волости его: посадниковъ и тивунъ новыя дома пограбиша, а самѣхъ и дѣтскихъ его, и мечники избиша, а дома ихъ пограбиша ... грабители же и ись селъ приходяче грябяху, тако же и Володимѣри»²⁷⁵. Существенно, что, хотя среди грабителей были как городские, так и

²⁷³ Ю. А. Лимонов на основании предшествующих слов летописца: «...чюдо сътвори Богъ и святая Богородица новое Володимири городѣ. Изгъна Богъ и святая Богородица Володимирская злаго и пронирыливаго и гордаго лествца лживаго владыку Федорѣца из Володимири от святоѣ Богородици церкви Златоверхои» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 551), пришел к выводу о том, что здесь зафиксировано первое проявление стремления владимирцев к городским вольностям, поскольку, по его мнению, «чудо, которое „створи Бог и святая Богородица“, заключалось в изгнании Феодора из Владимира, а только уж потом из „всей земли Ростовская“» (Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 125–126). Действительно, из дальнейшего перечисления в летописи «вин» Федорца следует, что больше всего пострадали от него владимирские горожане (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 551–552), но в то же время, как мы видели, в тексте прямо говорится о том, что им недовольна была вся Ростовская земля, специально же о владимирцах ничего не сказано.

²⁷⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 362; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 561.

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 592; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 369–370. В Лавр. в числе грабителей названы также «дворане», отделяющиеся от боголюбских горожан. Вообще, в литературе вопрос о том, кто кого грабил в Боголюбове, решался неоднозначно. Н. М. Карамзин, например, изящно обошел все сложные места: «Народ, как бы обрадованный убиением Государя, везде грабил дома Посадников и Тиунов, Отроков и Мечников Княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству...» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III. С. 370). То есть историк там, где в одной летописи говорится о горожанах и сельских жителях, а в другой — еще и о дворянах, воспользовался расплывчатым и неопределенным понятием «народ»; «делателей» он вообще не упомянул. С. М. Соловьев передал это место так: «...явились на княжий двор жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось от заговорщиков, потом бросились на церковных и палатных строителей, призванных Андреем в Боголюбов, пограбили их» (Соловьев С. М. История. Кн. 1. С. 543). Из слов С. М. Соловьева непонятно, по отношению к кому

сельские жители, с точки зрения летописца, это не были представители единого «людства», но две различные категории населения. Конечно, грабежи в Боголюбове, вне зависимости от того, видеть ли в них чисто уголовные преступления²⁷⁶ или проявления социального протеста²⁷⁷, не могут быть отнесены к «легитимной» социально-политической деятельности. Для нас этот фрагмент важен прежде всего тем, что в нем проводится четкое разделение между горожанами и сельскими жителями.

Ниже в Лавр. излагаются события, связанные с началом войны в Северо-Восточной Руси между Юрьевичами и Ростиславичами²⁷⁸. Выше уже говорилось, что в этом сообщении действуют две категории владимирцев. Первая — это владимирская дружина, о которой сказано, что, когда в городе «затворился» Михалко Юрьевич, ее там не было. Ниже упоминаются другие «володимерци», не принадлежащие к боярско-дружинной элите Северо-Восточной Руси; они активно выступают на стороне Юрьевичей, но в конечном счете их сопротивление было сломлено. Эти «владимирцы», которых ростовцы именовали «холопами-каменщиками»²⁷⁹, несомненно, — горожане. Никаких свидетельств об участии в указанных

дворяне-грабители «остальные» — к горожанам или заговорщикам (видимо, верно второе, но изложение является весьма туманным). С другой стороны, исследователь ясно и четко (и, представляется, совершенно правильно) определил в «делателях» жертв грабежей. М. Н. Тихомирову казалось, что «конструкция фразы не очень ясна. Кто грабил, — спрашивал ученый, — горожане и дворяне, ограбившие „делателей“, или сами „делатели“?» (*Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 230, примеч.). По мнению Л. В. Черепнина, «основным участником восстания было городское население, прежде всего ремесленники. Лаврентьевская летопись указывает, что в разгроме княжеского двора приняли участие и дворяне. Поднялись также окрестные сельские жители» (*Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 268). Историк, очевидно, полагал, что «делатели» — участники грабежей, иначе откуда он взял ремесленников, ведь они в летописном тексте не упоминаются? На самом же деле текст статьи Ип. кажется совершенно прозрачным: горожане, а потом сельские жители разграбили княжеский двор, мастеров-строителей (слово «делатели» употреблено, конечно, в винительном падеже, так как оно находится в ряду других существительных в винительном падеже) и т. д.

²⁷⁶ См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. III. С. 369; *Соловьев С. М.* История. Кн. 1. С. 543; *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1989. Т. 1. С. 325.

²⁷⁷ Так, М. Н. Тихомиров оценивал эти грабежи как «стихийные выступления горожан и смердов» (*Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 232), имея в виду последними грабителей, приходивших из сел, однако эти последние в летописи «смердами» не называются. Л. В. Черепнин, что правильнее, писал просто о сельских жителях (см.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 268).

²⁷⁸ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 372–374; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 596–598.

²⁷⁹ Наименование ростовцами владимирцев «холопами-каменщиками» обсуждалось в историографии. А. Н. Насонов полагал, что это выражение «ростовцы употребляют как эпитет, долженствующий подчеркнуть их презрительное отношение к подчиненному им пригороду ... и, конечно, не челядь во Владимире выступала с ... независимыми политическими притязаниями» (*Насонов А. Н.* Князь и город. С. 14–15; см. также: *Лимонов Ю. А.* Владимир-Суздальская Русь. С. 136). Социальную реальность видел в этом наименовании

событиях сельских жителей нет, кроме того, эти «владимирцы» требуют от Ростиславичей, чтобы они не сотворили зла именно в *городе*, а не, например, в волости — а это было бы логично, если бы владимирцы представляли собой единую бессловную общность «волощан». Обращает на себя внимание и договорный характер отношений между князем и горожанами: хотя владимирцы потерпели поражение, Ростиславичи их «оутѣшита» (т. е. «принесли утешение», «успокоили»²⁸⁰), после чего Ярополк Ростиславича владимирцы «посадиша ... в городѣ Володимери на столѣ въ святѣи Богородицѣ, весь порядъ положше»²⁸¹. При этом, правда, социально-политические запросы (и, очевидно, возможности) горожан затрагивают только то, что касается их непосредственных интересов (князья не должны «творить зла» в их городе, должно быть обеспечено равенство с другими городами и т. д.). Характерно в этом отношении, что князья делят «волость Ростовскую» без согласия горожан. Впрочем, конкретное содержание отношений между князьями и городами в Древней Руси — задача для отдельного исследования.

В этом же контексте нужно, видимо, рассматривать и цитированную уже сентенцию Лавр. под 1175 г. о вечевом строе, которую в силу ее принципиальной значимости стоит привести целиком. После поражения Ростиславичей произошло следующее: «Мѣстислав же бѣжа Новугороду, а Ярополкъ Рязаню, а Ростиславлюю мать их с снохома приаша Володимерци. Михалко же приѣха Володимерю (со братомъ своимъ Всеволодомъ — РА), да города святое Богородици, яже бѣ отъялъ Ярополкъ. И бысть радость велика в Володимери градѣ, видяще оу себе великого князя всея Ростовскыя земли. Мы же да подивимся чюдному (чюдо новому — РА) и великому, и преславному матере Божья, како заступи град свои от великих бѣдъ, и гражаны своя оукрѣпляетъ, не вложи бо имъ Богъ страха, и не оубояшася, князя два имуще въ власти сеи, и боляръ ихъ прѣщенья ни во чтоже положиша. За 7 недѣль безо князя будуще в Володимери градѣ, толико възложыше всю свою надежу и оупованье к святѣи Богородицѣ и на свою правду. Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, (и Полочане — РА), и вся власти якоже на дому (думу — Р) на вѣча сходятся, на что же старѣишии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть»²⁸². А здѣ городъ старьи Ростовъ, и Суждаль, и вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но „како нам любо, — рекоша, — тако створим. Володимеръ е пригородъ нашъ“, противящеся Богу и святѣи Богородицѣ, и правдѣ Божьѣ, слушающе злыхъ человекъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистью: граду сему и живущимъ в немъ. Постави бо преже

Н. Н. Воронин. По его мнению, оно свидетельствует о том, что среди владимирцев главную роль играли простые горожане, «народ» (см.: *Воронин Н. Н.* К характеристике владимирского летописания 1158–1177 гг. // *Летописи и хроники.* 1976 г. М., 1976. С. 28, 33).

²⁸⁰ См.: *Срезневский И. И.* Материалы. Т. III для словаря древнерусского языка. Стб. 1324.

²⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374.

²⁸² Ср. в «Летописце Переяславля Суздальского»: «Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти на думу на вѣча сходятся, на что ж старѣишии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть» (ПСРЛ. Т. XLI. С. 104).

градо-сь великии Володимерь, и потомъ князь Андрѣи, сего же Михаила (и брата его Всеволода — РА) избра (Богъ и — РА) святая Богородица... Не разумѣша правды Божья исправить Ростовци и Суждалци, давнии творящесе старѣишии. Новии же людье мѣзинии Володимерьстии²⁸³. оуразумѣвше, яшася по правѣду крѣпко, и рекоша вси собѣ: „Любо Михалка князя собѣ налѣземъ (и брата его Всеволода — РА), а любо головы своѣ положим за святую Богородицу и за Михалка“. И оутѣши и (ихъ — РА) Богъ и святая Богородица чудотворная Володимерьская, егоже бо человекъ просить у Бога всѣмъ сердцьмъ, то Богъ его не лишить. Се бо Володимерци прославлени Богомъ по всеи земльи, за ихъ правду Богови имъ помогающю»²⁸⁴.

В историографии, начиная с В. И. Сергеевича, господствовало мнение о том, что это сообщение рисует изначальность и всеобщность вечевого строя на Руси. Однако и сам В. И. Сергеевич, и многие последующие исследователи весьма неопределенно писали о его социальной сущности. С одной стороны, ученый отмечал в связи с этим известием: «Веча собираются во в с е х волостях. Они составляют думу волости. Решения, принятые на вече главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу, принимаются к исполнению пригородами»²⁸⁵. Таким образом, он вроде бы считал, что в вече участвует только население «старшего» города, чьи решения обязательны для всех остальных жителей волости. Но в другом месте В. И. Сергеевич, словно забывая о собственном постулате, пишет: «...волость, с точки зрения вечевой жизни, составляет одно целое. На вечевых собраниях имеет право участвовать все свободное население волости»²⁸⁶ (т. е., получается, и пригорожане, и сельские жители). При этом, как это ни парадоксально, В. И. Сергеевич ссылается на *те же самые слова* владимирского летописца: «...и вся в л а с т и на вече, как на думу сходятся». Такое же противоречие, но в несколько смягченном виде обнаруживается и у М. Ф. Владимирского-Буданова. «Вече, как власть государственная, состоит из граждан старшего города: классическое место летописи ... означает не собрание всей волости (власти), а старших городов», — пишет он. При этом ниже утверждается нечто совсем иное: «Участие пригорожан на вече старшего города возможно; всякий свободный человек, где бы он ни жил, может (имеет право) быть членом вече старшего города, ибо идея всенародного участия во власти сохраняется». Правда, М. Ф. Владимирский-Буданов оговаривается, что «так как фактически собрание всех жителей государства, при обширности территории, становится невозможным, то действительное участие пригорожан бывает лишь случайно и не необходимо»²⁸⁷. Но ведь это касается только жителей отдаленных пригородов (например, Пскова и Ладоги для Новгорода). А как же селяне? Ведь среди них могли быть тоже свободные лю-

²⁸³ ЛПС всюду добавляет к владимирцам переяславцев (см.: ПСРЛ. Т. 41. С. 105).

²⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377–378.

²⁸⁵ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. С. 1.

²⁸⁶ Там же. С. 55.

²⁸⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 53, 54.

ди, и теоретически жители близлежащих сел вполне могли собираться на городское вече (как, к примеру, в Древней Греции жители Аттики участвовали в афинском народном собрании). М. Ф. Владимирский-Буданов этот вопрос не ставит. Именно к рассматриваемой фразе Лавр. относится уже цитировавшееся замечание А. Е. Преснякова: «Главный город стал представителем земли; его вече — верховной властью волости. В идее — это народное собрание всей волости; и пригорожане, на что имеются прямые указания, и, вероятно, хотя указаний нет, вообще свободные жители земли могли участвовать на вече: под „кыянами“ надо разуметь часто не жителей только Киева, а Киевской земли»²⁸⁸. Иными словами, об участии сельских жителей в вече указаний нет, но тем не менее они в вече, «вероятно», участвовали, так как это следует из априорной «идеи». Почему под «кыянами» надо понимать жителей Киевской земли и, главное, насколько часто, А. Е. Пресняков также не пояснил.

В советское время эта летописная статья трактовалась по-разному, но также весьма неопределенно. С. В. Юшков предположил, что она является не «доказательством изначального и повсеместного существования веча», а доказательством «зависимости пригородов от главного города»²⁸⁹. К этому мнению присоединился и Б. Д. Греков, писавший, что слово «изначала» якобы «относится не столько к существованию вечевого строя ... сколько к обычной обязанности пригородов подчиняться городам, к господству ростовской и суздальской знати над владимирцами — людьми „мезинными“»²⁹⁰. На самом деле слово «изначала» относится и к древности веча (отдельный вопрос, конечно, сколь далеко простиралась память летописца), и к подчинению пригородов старшим городам. Ни тот, ни другой исследователь не пытались применить данное известие к рассмотрению проблемы социального состава веча.

В. Т. Пашуто называл этот текст «интересным», но «недостаточно понятным», при этом, по существу, присоединяясь к концепции Грекова — Юшкова²⁹¹. Правда, ниже В. Т. Пашуто замечает: «...известие о вечевых порядках как таковое не может быть поставлено под сомнение, другое дело, какова их классовая природа»²⁹², но далее о «классовой природе» вечевых порядков, зафиксированных в данной летописной статье, нигде не пишет. По мнению Л. В. Черепнина, здесь «рисуеться картина уже уходящих в прошлое порядков, при которых вече главного города выносит решения, обязательные для населения пригородов... Это — стари-

²⁸⁸ Пресняков А. Е. Лекции. С. 401.

²⁸⁹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма. С. 198. Этот же исследователь выдвинул предположение, которое очень бы помогло доказательству «феодалной» природы веча, если бы соответствовало источникам. По его мнению, «власти» этой статьи — не волости, а собственно власти, т. е. «власти старших городов» (см.: Там же. С. 199). Но в той же статье уже упоминается «власть» — именно в значении «волость». См. убедительную критику гипотезы С. В. Юшкова: Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 96; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 156–157.

²⁹⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 362.

²⁹¹ Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 45.

²⁹² Там же. С. 46.

на. В новых условиях ... решающим для пригородов являются не вечевые постановления старейшего города; теперь бояре навязывают им свою волю... Такова боярская „правда“. Ей противостоит „правда“ городская. Ссылаясь на старину, владимирские посадские люди пытаются не просто возродить патриархальные порядки, а в новых условиях укрепить вече...»²⁹³. И. Я. Фроянов присоединяется к В. И. Сергеевичу, никак не отмечая противоречивости его позиции²⁹⁴. В новейшей монографии эту летописную статью подверг подробному анализу М. Б. Свердлов. Прежде всего, он обнаруживает в ней контаминацию: сначала в рассказе идет речь о «правде» владимирцев, а затем летописец «излагает политическую ситуацию на Руси 70-х годов XII в. как политическую программу — *правду* ростовских и суздальских бояр, смешивая косвенную и прямую речь этих бояр...». В итоге историк приходит к выводу о том, что сентенция об изначальности вечевых порядков принадлежит ростовским и суздальским боярам, а не владимирскому летописцу: «Ростовские и суздальские бояре указывают на новгородцев, которые „изначала“ сходятся на вече как на „думу“—совет, а то, что они решат, другие города их волости исполняют. Для доказательства этой мысли, которая должна идеологически с историческими свидетельствами обосновать подчинение Владимира боярам Ростова и Суздаля, современная для второй половины XII в. практика Новгородской боярской республики распространяется на весь период существования Новгорода. Добавляются к ней также известные тогда случаи вечевых собраний в Смоленске, Киеве, Полоцке середины XII в. В таком обобщении вече распространяется на все русские волости. Это, по словам летописца, — правда бояр, „злых развратников“, которые противятся Божьей правде». С другой стороны, М. Б. Свердлов не сомневается в активном участии в политических коллизиях после гибели Андрея Боголюбского во Владимире «городского торгово-ремесленного населения», но не связывает его с понятием «вече»²⁹⁵.

Лишь Н. Н. Воронин пришел к однозначному выводу: «Это прославление владимирских горожан и утверждение справедливости их борьбы за новые порядки, за свою „правду“, т. е. права...». При этом исследователь полагал, что критику летописца вызвали именно «вечевые порядки», «так как, руководимые боярством „старшего города“, они стали орудием интересов боярства...»²⁹⁶. О вече именно *городов* писали Г. В. Штыхов и Ю. А. Лимонов²⁹⁷. Однако эти исследователи не рассматривали вопроса, имеется ли в виду в данной статье, как предполагалось в историографии ранее, и участие в вече негородского населения.

Известие рассматривалось и в зарубежной историографии. К. Цернак, считая, что оно принадлежит перу «сторонника старых городов, которые руководили «всеми волостями» и в том числе Суздальской волостью через принятие осново-

²⁹³ Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 38.

²⁹⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 158.

²⁹⁵ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 624–626.

²⁹⁶ Воронин Н. Н. К характеристике. С. 35.

²⁹⁷ См.: Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978. С. 29; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 129.

полагающих решений на вече», полагает, что он «вступаете прежде всего за партию знати, так как он подчеркивает, что все бояре в Суздале и в Ростове хотели обеспечить свои права, не упоминая при этом также горожан, которые ведь в перечисленных летописцем вечевых волостях ... несомненно имели отношение к вече»²⁹⁸. Х. Ловмянский, развивая мысли В. И. Сергеевича, высказался более определенно по поводу состава веча: «Очевидно, источник говорит о собрании на вече волости, или земля, хотя решение принадлежало главному городу, который пользовался авторитетом у „пригородов“. De facto население всей земли не приходило на вече, самое большее, присылало своих представителей: участвовали, таким образом, в собраниях жители главного города и, предположительно, его округи. Тем не менее и в этом составе вече представляло всю землю, было ее органом»²⁹⁹. Ю. Гранберг предположил, что исходным является чтение «и вся власти якоже на дому на вѣча сходятся», а появление «думы» стало следствием редактирования позднейшими летописцами, «которые не полностью понимали этот пассаж». Более того, шведский историк выдвигает гипотезу о том, что весь этот фрагмент может быть интерполяцией, и из-за этого, по его мнению, понять, что значит в данном случае «вече», очень трудно³⁰⁰. В обоснование данного тезиса Ю. Гранберг приводит два довода: весь рассказ носит провладимирский характер, а фрагмент с упоминанием веча принадлежит стороннику Ростова и Суздаля; во всем тексте употребляется плюсквамперфект, здесь же — настоящее время. Оба аргумента, думается, неубедительны. О смысле фразы будет сказано ниже, а что касается времени, то ничего удивительного в употреблении Praesens нет: ведь описывается ситуация, продолжающаяся (в глазах летописца) с давних пор до современной ему эпохи. Чтения же «на дому/на думу» с формальной точки зрения равноправны: первое фиксируется в Лавр. и А, второе в Р и Летописце Переяславля Суздальского (в ЛПС: «Новгородци бо изначяла, и смолняние, и кыяне, и полочяне, и вся власти на думу на вѣча сходятся, на что ж старѣишии судмають, на том же пригороди стануть»³⁰¹). Однако смысл фраза при чтении «на дому» утрачивает (не объясняет его, между прочим, и сам Ю. Гранберг), поэтому принять следует все же чтение «на думу».

Это важнейшее свидетельство заслуживает подробного анализа. Очевидно, что на судьбу княжения в волости и земле значительное влияние оказывают горожане. Владимирцы прямо именуются в тексте «гражданами», они противопоставляются «всем боярам», т. е. знати Северо-Восточной Руси, в том числе, как мы видели выше, и владимирской. В основе социально-политических прав «владимирцев» лежит городская «правда», связанная с правом на вече, т. е. на коллективное обсуждение и принятие решений по вопросам, непосредственно затрагивающим городские интересы. В вече теоретически участвуют волости («власти»), практически же, как прямо следует из летописного текста, все решается в городе и

²⁹⁸ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 96–97.

²⁹⁹ Lowmiański H. Początki Polski. T. IV. S. 78.

³⁰⁰ Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 93, 94.

³⁰¹ ПСРЛ. Т. XLI. С. 104.

горожанами. Само классическое упоминание веча появляется в связи с характеристикой прав именно горожан. Кроме того, кто принимает решения на вече? «На что старейшии сдумают», — пишет владимирский книжник. Что подразумевается под словом «старейшие»? «Старейшие» города (т. е. главные, в противоположность «пригородам»), а не волости! Владимирский летописец возмущается тем, что ростовцы и суздальцы покушаются на права «града» и «гражан», а не «волощан» или «людства». Сельские жители не являются субъектом принятия политических решений. Рассуждение летописца о вечевом строе логичным образом вытекает из описания им вполне реальной социально-политической деятельности древнерусских горожан, и прежде всего жителей городов Ростовской земли; это отнюдь не «политическая конструкция» или «неправомерное распространение новгородской вечевой практики» (по М. Б. Свердлову). Летописец спорит не с правилом о подчинении пригородов городам (в том числе городскому вече) и тем более не с идеей вечаемого строя, а с тем, что Владимир — пригород по отношению к Ростову и Суздалю. С другой стороны, «боярская правда» (т. е. претензии ростовцев и суздальцев), вопреки Л. В. Черепнину, состоит не в том, чтобы отменить старинные вечевые традиции, а в том, чтобы истолковать их в свою пользу: объявив свои города «старыми», а Владимир — пригородом. Именно поэтому летописец и ссылается на общерусскую вечевую практику, отмечая, что ее неправомерно, в своих корыстных целях используют ростовцы и суздальцы, забывая, что Владимир — не пригород, а полноправный «град», основанный еще «великим Владимиром». Вопреки Ю. Гранбергу, утверждение летописца о том, что вече старших городов имеет право принимать решения за пригороды, не значит, что он был сторонником Ростова и Суздаля: недаром, по-видимому, эти города не фигурируют в «вечевом» перечне. Летописец стремится доказать, что Владимир-на-Клязьме — не пригород Ростова и Суздаля, а самостоятельный вечевой город, такой же, как Киев, Смоленск, Новгород, Полоцк.

В смысле противопоставления пригорода старшим городам надо, видимо, понимать и такие пейоративные эпитеты владимирцев, как «холопы-каменщики» и «люди мезинные»; собственно социального значения они не имели (хотя это не означает, что состав населения Владимира и Переяславля Залесского, с одной стороны, и Ростова с Суздалем, с другой, был однороден в социальном отношении)³⁰².

³⁰² Так оценивал это выражение А. Н. Насонов; его, по словам историка, «владимирский автор, противопоставляя ростовцам ... употребляет в том смысле, что они (владимирцы. — П. Л.) являются новыми в их самостоятельном политическом бытии...» (Насонов А. Н. Князь и город. С. 14). Другого мнения придерживался Н. Н. Воронин, полагавший, что суть обсуждаемого текста состоит в противостоянии ростовского боярства и «нового торгово-ремесленного населения» новых «пригородов» (Воронин Н. Н. К характеристике. С. 35). К мнению Н. Н. Воронина, правда, без ссылки на него присоединился К. Цернак. Летописец, с точки зрения немецкого исследователя, «целиком поглощен своей идеей показать „старую правду“ „старых городов“ как привилегию знати. Поэтому горожане в этой связи (т. е. в связи с вечем. — П. Л.) упоминаются только во Владимире, они меньшие люди („мезинные люди“), которые поддерживают новое» (Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen.

После разгрома в 1185 г. половцами «Игорева полка» всю Южную Русь охватили «скорбь и туга», в Посемье начались волнения. Тогда, по свидетельству Ип., киевский князь Святослав Всеволодич «...посла сына своего Олга и Володимера в Посемье; то бо слышавше, возмязошася городи Посемьские, и бысть скорбь, и туга люта, якоже николи же не бывала во всемь Посемьи, и Новѣгородѣ Сѣверьскомь, и по всеи волости Черниговьскои: князи изымани, и дружина, изымана, избита. И мятяхоуться, аки в мутви, городи востовахоуть»³⁰³. Итак, «скорбь и туга» охватывают все южнорусское население, но восстания поднимают только горожане, узнавшие о гибели и пленении своих князей и дружины. Видимо, горожане, которых волновало свое будущее, обладали достаточным уровнем политического самосознания для того, чтобы стремиться его определить самостоятельно. Для успокоения городов и отправил в Посемье Святослав своих сыновей. Вновь мы сталкиваемся с тем, что реальная, осмысленная политическая жизнь, пусть даже в «нелегитимных» ее формах, происходит именно в городах, и в ней участвуют горожане.

Под 1185/1186 г. Лавр. сообщает о междоусобице среди рязанских князей, эпизодом которой была упоминавшаяся выше осада старшими Глебовичами Пронска, где сидел Святослав Глебович, в то время как его брат Всеволод отправился во Владимир на совет с Всеволодом Большое Гнездо: «И Святославъ затворися в градѣ, и бишася крѣпко. И переяша воду оу них. Изнемагаху же людье в градѣ безводьемь. И послаша в градѣ к брату Святославу, глаголюще: „Не мори ся голодомъ с дружиною, и людии не помори, но лѣзи сѣмо къ нам. Ты нам брать свои, ци снѣмы тя, толико не приставаи к брату Всеволоду“»³⁰⁴. Осажденные «люди» Пронска отделяются от дружины и бояр, но решение о сдаче города принимают князь с боярами. Можно предполагать, что в данном случае горожане были согласны с боярами, так как «изнемогли безводьем» (эта история напоминает ситуацию в Белгороде, описанную в ПВЛ под 997 г., разница лишь в том, что в Пронске не нашлось старца, который предложил бы остроумный выход, вроде хитрости с киселем). Таким образом, решение в принципе принимают князь и дружина, горожане вмешиваются только в случае несогласия.

S. 97). Внутренне противоречива позиция Ю. А. Лимонова: «Выражение „новии же людье мезиннии“ надо понимать не как люди бедные, неимущие, малосостоятельные, а как не знатные, не родовитые, молодые ... в смысле новые» (Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 135). Из слов Ю. А. Лимонова непонятно, что же конкретно означает «мезинность» владимирцев: статус жителей пригорода по отношению к ростовцам и суздальцам или их незнатность, неродовитость по сравнению со знатными и родовитыми ростово-суздальскими боярами. Между тем еще А. Н. Насонов, отметивший фиксировавшееся выше отделение «ростовцев» и «суздальцев» от бояр, убедительно доказал, что смысл этого противостояния заключался именно в борьбе между старшими городами и пригородами, на которую, разумеется, наслаивались и социальные противоречия, поскольку Суздаль был главным местом сосредоточения боярства Северо-Восточной Руси, а во Владимире бояр было немного (см.: Насонов А. Н. Князь и город. С. 14–15, 21–22).

³⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 645–646.

³⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 402.

Выше уже обращалось внимание на «Повесть о взятии Царьграда фрягами», включенную в НПЛ под 1204 г. (хотя события, в ней описываемые, относятся отчасти к концу 1203 г.³⁰⁵). В ней, в частности, говорится: «Цесарь нѣмечьский посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста, яко нѣ воевати на Цесарьградъ, нѣ якоже рече Исаковиць (сын императора Исаака Ангела, будущий император Алексей IV Ангел. — П. Л.): „всь град Костянтинь хотять моего-царства“»³⁰⁶. Для нас несущественно, каковы в действительности были обстоятельства воцарения Алексея IV Ангела. Важно, что, согласно русскому источнику, его «хотела» не вся Византия или «Греческая земля», а именно город Царьград, причем «весь». То есть в представлении древнерусских книжников подлинное значение в социально-политических вопросах имела позиция горожан, а не «широких народных масс» как таковых.

Под следующим годом в НПЛ сообщается о смене по инициативе Всеволода «Большое Гнездо» князей в Новгороде: оттуда ушел Святослав Всеволодич, а заменил его старший сын владимирского правителя — Константин. Когда тот прибыл в Новгород, «радъ бысть весь градъ своему хотѣнью»³⁰⁷. Решение было принято самим владимирским князем, однако подчеркивается, что это происходит по «хотению» новгородцев, причем хотение это — новгородских горожан, а не сельских жителей и не всей Новгородской «области».

Под 1210–1211 гг. в Галицко-Волынской летописи идет речь о захвате венграми Галича и содержится резкая характеристика правления в Галицкой земле венгерского палатина Бенедикта Бора, который «бѣ бо томитель бояромъ и гражданомъ»³⁰⁸. Население Галича, по летописи, делится на 2 категории: бояр и горожан³⁰⁹.

Под 1205 г. в Р и А (в Лавр. это известие не сохранилось) содержится информация о пострижении в монахи жены Всеволода Большое Гнездо и, в частности, сообщается: «И бысть епископъ Иоанн, и Симонъ игумень, отецъ его духовный, и инии игумени, и черници (чернци — А) вси, и бояре вси, и боярыни, и черници изо всѣхъ монастыревъ, и горожане вси проводиша ю со слезами многими до монастыря...»³¹⁰. В политически важной церемонии участвуют следующие группы на-

³⁰⁵ См.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 247.

³⁰⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 46. «Повесть» отмечает участие именно горожан и в политической борьбе в Константинополе накануне захвата его крестоносцами — «фрягами» (см.: ПСРЛ. Т. III. С. 47–48).

³⁰⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 50.

³⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 722.

³⁰⁹ Любопытно, как А. В. Майоров, сторонник теории «общинности» Древней Руси, толкует это место: «...наместник венгерского короля в Галиче палатин Бенедикт был, по словам летописи, „томителем „бояромъ и гражданомъ“, т. е. чинимые им насилия, касавшиеся в первую очередь бояр, затрагивали и простых граждан, общину в целом» (*Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 367). Между тем никакой «всей общины» в источнике нет, а есть отдельно «бояре» и «граждане» (естественно, когда их интересы совпадали, летописец мог применять к ним общее наименование «галичане»).

³¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424.

селения: князья, духовенство, бояре и *горожане*. Ни сельские жители, ни «людство» (или какие-либо гипотетические представители владимирской волостной общины) здесь не фигурируют.

Под 1207 г. в Лавр. говорится о приезде Константина Всеволодича из Новгорода во Владимир и торжественной встрече его: «...Костянтинъ князь приѣха из Новагорода къ отцу своему, и срътоша и на рѣцѣ Шедашцѣ вся братья его, Георгии, Ярославъ, Володимерь, Святославъ, Иоанн, и вси мужи его, и горожане вси от мала и до велика. И братья его видѣвше, с радостью поклонишася ему, и цѣловаша и любезно вси люде, и вѣхаша в градъ Володимерь, и поклонися отцу своему Костянтинъ»³¹¹. И вновь мы видим, что в церемонии встречи (а широко известна та особая символическая роль, которую играли такого рода ритуалы в эпоху Средневековья) участвуют князья, бояре и *все горожане*, причем «от мала до велика», т. е. люди самого разного положения.

В 1208/1209 г., согласно Лавр., Всеволод Большое Гнездо учинил расправу над Рязанью, поводом для которой стало выступление рязанцев против его сына Ярослава, отправленного владимирским правителем туда на княжение. Рязанцы отказались покориться и даже «прислаша ... буюю рѣчь по своему обычаю и непокорьству». Тогда «повелѣ великий князь всѣм людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повелѣ зажещи град». Та же участь постигла и Белгород. После этого «възвратися в Володимерь великий князь Всеволодъ со всѣми своими полкы, и с сыномъ своимъ Ярославом, поимъ по собѣ всѣ Рязанци и епископа ихъ Арсения»³¹². Вопреки прямому смыслу известия, в историографии иногда выдвигалось предположение о том, что в плен были уведены не все жители Рязани. Так, А. Л. Монгайт считал, что наказание распространялось только на рязанскую знать, «в состав которой входили и бояре, и мужи»³¹³. Однако описание жестокой акции Всеволода в Лавр. (захват в плен *всех рязанцев* и сожжение города — столицы одной их русских земель) кажется бесспорным подтверждением того, что упоминающиеся здесь рязанцы — это, во-первых, горожане, а во-вторых, не только бояре и дружинники, а именно все горожане. Особенно примечательно, что «все рязанцы» — это именно рязанские горожане (а не сельские жители, «волощане» или «людство»), которые являются в принципе субъектом политической деятельности, вступают в переговоры с князьями; их и наказывает Всеволод Большое Гнездо.

Владимирский летописец, что очень существенно, возмущен не тем, что рязанские горожане имеют политические права, а тем, что они проявляют непокорство. Пользуясь терминологией источника, он недоволен не тем, что рязанцы вообще «присылают речь» владимирскому князю, а тем, что она «буяя».

В сообщении НПЛ под 1207 г. о вече в Новгороде, после которого новгородцы разгромили дворы посадника Дмитра Мирошкинича и его «братьи», также выяв-

³¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 428–429. Между прочим, «людьем» здесь называется все население Владимира, в том числе и князья с боярами, а вовсе не «народные массы».

³¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

³¹³ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 345.

ляется решающая роль горожан. Вечники «идоша на дворы ихъ грабежьмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щить»³¹⁴. Основу вечников составляли явно горожане, т. к. отобранное у Дмитра и его сторонников добро было разделено *по всему городу*³¹⁵. Об участии сельских жителей в вече и последующих событиях упоминаний нет, хотя, возможно, их требования учитывались вечниками³¹⁶. Так, одно из обвинений по адресу Дмитра и его «братья» состояло в том, что они повелили «по волости куры брати»³¹⁷, что могло затрагивать интересы сельского населения. Правда, не исключено, что в отмене «куриной» подати могли быть заинтересованы сами горожане, имевшие хозяйства в предместьях Новгорода. Как отмечает М. М. Фрейденберг, именно так обстояло дело в далматинских средневековых городах-коммунах. Там «очень существенная часть населения (городского! — П. Л.), во всяком случае никак не меньше 50%, — это земледельцы или попросту крестьяне, живущие в городских стенах». Причем их земельные владения находились за городской чертой, даже когда крестьяне переселились в город, они сохраняли «и землю, и свои прежние занятия»³¹⁸.

Итак, очевидно, что решающую роль на этом вече играли именно горожане. А тому, что новгородское летописание в принципе очень четко разделяло понятия «город» и «волость», прекрасной иллюстрацией может служить следующий фрагмент из сообщения НПЛ под 1215/1216 г. о голоде в Новгородской земле: «О горѣ бѣше: по тѣргу трупиє, по улиямъ трупиє, по полю трупиє, не можаху пси изѣдати челоувѣкъ; а Вожане помроша, а останъке разидеся; и тако по грѣхомъ нашимъ, разидеся власть наша и градъ нашъ»³¹⁹. Город тут явно отделяется от волости («власти»).

³¹⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 51.

³¹⁵ Н. М. Карамзин понимал выражение «по зубу» как имеющее отношение к «новгородскому денежному счету», полагая, что речь в летописи шла о «рыбьих зубах», т. е. моржовых клыках, которые наряду с гривнами делили между собой новгородцы (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III. С. 564–565, примеч.). Однако, скорее всего, «по зубу» означает здесь просто поровну, как это и понималось впоследствии исследователями (так, например, М. Н. Тихомиров писал об этом выступлении новгородцев: «Имущество распродается, деньги собраны в казну и распределены между жителями („по зубу“)...» (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 244). См. также: СДРЯ. Т. III. С. 405.

³¹⁶ См. об этом: Очерки по истории СССР (глава о «Новгородской феодальной республике», автор — А. Л. Монгайт). С. 353.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Фрейденберг М. М. Городская община X–XI вв. в Далмации и ее античный аналог // *Études balkaniques*. Sofia, 1977. № 2. P. 120–121. См. также подробнее об этом известии: Лукин П. В. О социальном составе новгородского вече XII–XIII вв. по летописным данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. Политические институты Древней Руси. М., 2006.

³¹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 54.

К 1211 г. относится рассказ в Галицко-Волынской летописи о пленении звенигородского князя Романа Игоревича и об обращении Даниила Романовича и его венгерских союзников к жителям осажденного ими Звенигорода Галицкого с предложением о сдаче: «И послаша ко гражданамъ рекоуще: „Предаетесь, князь вашъ ять бысть“. Онѣмо же имоущимъ вѣры, донележе извѣсто бысть имъ, и предашася Звенигородѣци»³²⁰. Звенигородские горожане самостоятельно, в отсутствие князя защищают город и, поняв, что сопротивление бессмысленно, опять же самостоятельно принимают решение о его сдаче. И снова у нас нет никаких свидетельств о роли сельского населения в обороне Звенигорода и при обсуждении его судьбы. Можно, конечно, предполагать, как и выше, что в город сбежалось известное число жителей округи, но это будут лишь гадания, сам источник об этом ничего не говорит.

Некоторые интересующие нас сведения можно извлечь из «Повести о битве на Липице», особенно из той ее версии, которая сохранилась в составе летописей, основывающихся на т. н. Новгородско-Софийском своде: НК, СІ и НІV. В ней, как показал Я. С. Лурье, был использован, кроме новгородского (отразившегося в НПЛ), еще и смоленский источник, связанный со смоленскими Ростиславичами и воспевавший Мстислава Удатного³²¹. В. А. Кучкин высказывает также предположение о том, что «некоторые подробности, связанные с пребыванием после битвы Юрия во Владимире, а Ярослава в Переяславле и с их действиями там, заимствованы из ростовского источника». Причем, по мнению исследователя, «и смоленский, и ростовский источники ... были достаточно ранними»³²². Таким образом, данные этих летописей о Липицком сражении не являются поздними домыслами, а восходят к современному событию источникам.

После поражения на Липице Юрий Всеволодич бежал во Владимир, где оставался к тому времени лишь «несупротивный народ», поскольку все, кто был в состоянии носить оружие, видимо, сражались в составе разгромленного войска. По словам автора «Повести», «к вечерю же прибѣгоша людье, инъ ранень, а инъ нагъ; такожде тоя ноши. И заутра сзъвавъ людии Юрьи и рече имъ: „братье Володимеръци! Затворимся въ градѣ, не какожде ли отобьемся ихъ“. Молвять людие: „княже Юрьи! С ким ся затворимъ? Братиа наша избита, а инии поимани, а прокъ нашъ прибѣгълъ безъ оружиа, то како станемъ или съ чѣмъ?“ Юрьи же рече имъ: „то все азъ вѣдаю, а не выдаите мя брату моему Костянтиноу, ни Володимерю, ни

³²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 726.

³²¹ См.: Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. 1979. Т. XXXIV; он же. Повесть о битве на Липице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Здесь цитируется расширенный по сравнению с НПЛ рассказ о Липицкой битве по НІV, поскольку она «в целом ... содержит более исправный текст», чем СІ. Некоторые лучшие чтения последней в данном случае несущественны (см.: Кучкин В. А. Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 72).

³²² Там же.

Мстиславу, да быхъ вышелъ по своей воли из града". Они же тако обѣщася»³²³. Юрий, очевидно, в сложившейся критической ситуации созывает всех уцелевших владимирцев, при этом явно не только знать. Однако в совещании участвуют именно горожане, выступающие по отношению к князю практически как равноправные партнеры; Юрий Всеволодич даже называет их «братьями». Необходимо, конечно, учитывать экстраординарный характер ситуации, но все равно представленная в «Повести» сцена весьма выразительна. В конце ее князь оказывается вынужденным подчиниться воле владимирских «людей» — горожан³²⁴.

И те же владимирские горожане, как об этом говорится ниже, устраивают торжественную встречу своему новому князю — Константину Всеволодичу: «А из Володимеря же выидоша съ кресты и граждане вси противу Костянтиноу»³²⁵.

В ряде сообщений владимирского летописания за XIII в. мы вновь сталкиваемся с проявлениями коллективной активности владимирских *горожан*.

Так, после смерти Константина Всеволодича на его похороны стекаются, по словам Лавр., все владимирские горожане (но не сельские жители): «По преставлении же его слышавше вси люде града Володимеря, стекошася на дворъ его, и плакашася по нем плачем велым...»³²⁶.

Под 1219 г. НПЛ повествует о попытке князя Всеволода Мстиславича отстранить от власти новгородского посадника Твердислава. Сначала князь «приде въ Новгородъ, и възвади весь городъ, хотя убити Твърдислава». Среди новгородцев произошел раскол. Одни явились ко князю «въ оружии и сташа пълкомъ на княжи дворъ». Твердислава же поддержали «пруси и Людинъ коньць и загородци», которые «сташа около его пълкомъ и урядивъше на 5 пълковъ». В конце концов конфликт удалось уладить мирным путем³²⁷. Пытаясь свергнуть посадника, князь взволновал («възвади»³²⁸) «весь город», т. е. всех горожан (но не всю Новгородскую землю или «волощан»). Формы социально-политической активности новгородцев носят отчетливо городской характер — это коллективное взаимодействие

³²³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 194.

³²⁴ Ю. А. Лимонов пишет по этому поводу: «Летописец превосходно рисует картину полной зависимости князя от „братьев“ горожан, от веча, воля которого — закон не только для жителей, но и для правителя. Лучшую иллюстрацию зависимости князя от коммунального строя города трудно представить» (Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 124). Также о «вече» во Владимире пишет Ю. В. Кривошеев, ссылаясь при этом не на источник, а на сочинение Н. И. Костомарова «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада» (см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 83). С этим замечанием можно согласиться, оговорившись лишь, что ни коммунальный строй, ни собственно вече в летописном тексте не упоминаются; конечно, какое-то совещание горожан здесь следует предполагать, но говорить о развитом коммунальном строе все же на данном материале не приходится. Речь, думается, надо вести о социально-политической активности горожан, четко юридически не определенной.

³²⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 196.

³²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 443.

³²⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 60.

³²⁸ См.: СДРЯ. Т. II. С. 14.

(в том числе и военное) в концах (городские районы) и улицах («пруссы» — жители Прусской улицы). Кончанская и уличанская организации, будучи чисто городскими, не имеют никакого отношения ни к гипотетической волостной общине, ни к «широким народным массам» всей Новгородской земли.

Ниже под 1228 г. НПЛ вновь сообщает о вече в Новгороде и о бурных событиях, последовавших за ним. При этом прямо говорится, что в вече принимает участие «весь город», т. е. в число вечников входят все горожане, а сельские жители в этом собрании не участвуют³²⁹.

«Весь город» фигурирует и в рассказе НПЛ под 1230 г. о двух вечеревых собраниях в Новгороде. Сначала Степан Твердиславич «створи вѣцѣ на посадника (Внезда Водовика. — П. Л.) на Ярославли дворѣ», а потом уже посадник «възъвари городъ вьсь», и его сторонники «пойдоша съ вѣча и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиница на вѣчи убиша...»³³⁰. «Весь город» — это, очевидно, все новгородские горожане или, по крайней мере, их значительная часть³³¹.

К 1229 г. относится и одно из двух упоминаний в Галицко-Волынской летописи слова «вече». Применяется оно, правда, не к русскому городу, а к польскому. В это время Даниил и Василько Романовичи принимали участие в междоусобице в Польше и в ходе нее осадили город Калиш: «Наоутрия же Даниль и Василко посласта люди свои. Онем же стоящимъ и тереблящимъ лѣсы около града, гражданомъ же ни каменя смѣющимъ врещи на нѣ ... Пакославъ же (польский воевода. — П. Л.) рече Данилови: „Измѣнивъ ризы свое, поеди с нами“. Данилови же не хотѣвшю, рече емоу братъ: „Иди да слыши вѣче ихъ“»³³². Казалось бы, это известие не имеет прямого отношения к русским реалиям. Однако на самом деле оно может предоставить информацию о том, что понимал под вечем сам летописец. В. Т. Пашуто заметил в связи с этим, что «в волынской летописи» вечем «названо совещание мужей Калиша („вече их“), которые стоя на укреплениях города, обсуждали условия сдачи с воеводами осаждавших»³³³. Однако ни о каких «мужах Калиша» в летописном тексте речи не идет, в нем фигурируют «граждане». В общем, нет никаких сомнений, что для летописца вече — это именно совещание горожан.

Под 1230 г. в Лавр. сообщается о поставлении игумена Кирилла ростовским епископом и о его торжественной встрече ростовцами: «Изидоша же на срѣтенье Кирилово князь, и княгыни, и боляре, и вси мужи Ростовьскыя, и игумени, и попове, и святыя зборныя церкви клирось, и вси граждане от мала и до велика»³³⁴. Социальная структура участников этой церемонии ясна: князя, бояре, «все мужи

³²⁹ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 67.

³³⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 69.

³³¹ См.: Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 46–47. Ниже, при описании очередного голода в Новгородской земле, вновь в летописи проводится четкое разграничение между «городом» и «волостью»: «И разидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестрь, а останькъ почаша мерети» (ПСРЛ. Т. III. С. 69).

³³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 756.

³³³ Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 33.

³³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 453.

ростовские», духовенство и все горожане. Возможно два понимания этого текста. Либо «все граждане от мала и до велика» — обобщающее понятие, тогда «мужи ростовские» — это, видимо, собственно горожане. Либо «все граждане» — отдельная категория, но тогда непонятно, кто такие «мужи ростовские». Проблема проясняется при знакомстве с известием Лавр. под следующим, 1231 г., которое сообщает о поставлении Кирилла во епископы киевским митрополитом и его возвращении в Ростов. Вновь описывается очередная торжественная встреча, из чего становится ясно, что в предыдущей статье под «мужами ростовскими» имелись в виду горожане, а «все граждане от мала до велика» были общим наименованием: «Изидоша же вси из града богохранимаго Ростова князь Василко, и княгини его, и бояре, и вси мужи Ростовский, игумены же, и попове, и черньци, и пресвѣтлыи клирость зборныя церкви святыя Богородица...»³³⁵. Так или иначе, состав участников этих важнейших, в том числе и в политическом значении, церемоний очевиден: это князья, бояре, духовенство и горожане. Никаких упоминаний сельских жителей или «волощан» нет.

Наконец, к 1238 или 1239 г. относится сообщение Галицко-Волынской летописи о том, как Даниил Романович, узнав, что сидевший в Галиче Ростислав, сын Михаила Всеволодича черниговского, отправился в поход на Литву, неожиданно вернулся в Галич: «...приде вѣсть Данилоу ... яко Ростиславъ сошелъ естъ на Литву со всеми бояры и сноузники. Семоу же прилоучившоуся, изииде Даниль со воии со Холма и бывшую емоу третии день оу Галичи. Любяхоуть же и граждане. Подъехавшоу же емоу подъ городъ и рече имъ: „О моужи градъстии, доколѣ хочете терпѣти иноплемьныхъ князии державоу?“ Они же воскликноувше рѣша, яко: „Се естъ держатель нашъ Богомъ даны!“ И поустишася, яко дѣти ко отчю, яко пчелы к матцѣ, яко жажюци воды ко источнику. Пискоупоу же Артѣмью и дворьскому Григорью възбраняюшоу емоу, оузрѣвшима же има, яко не можеа оудержати града, ико (sic! — П. Л.) малодушна блюдящася о преданьи града, изиидоста слезнами очима и ослабленомъ лицемъ, и лижющая оуста своя, яко не имѣюща власти княженъя своего, рѣста же с ноужоу: „Прииди, княже Данило, прими градъ!“ Данило же вниде во градъ свои... Бояре же пришедше падше на ногу его просяще милости, яко: „Согрѣшихомъ ти, иного князя держахомъ“»³³⁶. В историографии часто и правильно подчеркивается политическое могущество галицкого боярства в XIII в. Однако это известие — неоспоримое доказательство того, что в Юго-Западной Руси, так же как и в других русских землях, существовала и еще одна социально-политическая сила, пусть и уступающая по влиянию бо-

³³⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 457. Ниже в рассказе об освящении церкви св. Богородицы в Ростове вновь упоминается о присутствии именно горожан, а не «волощан»: «Игумены же, и попы, и дьяконы, и черноризци, и вси граждане снидошася в святую церковь на честныи то праздник; ту сущим и благородным князем Василко, и Всеволод, и Володимеръ, и Борисъ Василковичъ, и княгини Василкова, и много множество людий». (ПСРЛ. Т. I. Стб. 459). Выясняется, что понятие «много множество людий» обнимает здесь не все население Ростовской земли, а только ростовских горожан.

³³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777–778.

ярско-дружинной знати. Это горожане, «мужи градские». Политические предпочтения этих двух слоев галицкого общества коренным образом отличаются друг от друга: одни ориентируются на Даниила, другие выступают против него. М. С. Грушевский писал об этом: «На жаль, Галицька літопись, що так багато займає ся політикою й партіями бояр, дуже мало говорить про відносини до князів громади й її політичне становище, а ще й затемнює справу, уважаючи загальної назви „Галиччани“ для означення й галицького боярства і громади. За всім тим одначе можна вибрати кілька місць, що зовсім недвозначно виясняють нам політичне становище галицької громади». Самым «выразнішим» из этих мест считает украинский историк данное сообщение³³⁷. Все это в принципе совершенно верно, за исключением нечеткого и расплывчатого понятия «громада». Более точна, на мой взгляд, позиция В. Т. Пашуто. Он увидел в галицких событиях противостояние боярам не абстрактной «громады», а в полном согласии с показаниями летописи — горожан, поддержавших Даниила Романовича³³⁸.

Эти оценки оспорил А. В. Майоров: «Нам представляется, действительные события, связанные с откликом галичан на появление Даниила, по своему масштабу были далеко не так значительны, не столь единодушным был и сам этот отклик. Конечно, среди горожан были какие-то сторонники волынского князя, позвавшие его в Галич. Это они громче всех кричали с городских стен о своем „держателе“, „Богом данном“... Но город тем не менее продолжал сопротивляться, поскольку войти в него без борьбы князь так и не смог. Это значит, что отнюдь не все галичане желали возвращения Даниила и готовы были ему подчиниться. Во главе с епископом и дворским — руководителями общины — оставшиеся жители стойко держались перед превосходящими силами противника, но были вынуждены уступить в неравной борьбе... Ошибкой было бы думать, что сопротивление Даниилу оказывала какая-то жалкая горстка отщепенцев, противопоставивших себя всей общине. Ведь в таком случае едва ли кто мог реально помешать князю войти в свой город, и ему не пришлось бы прибегать к военной силе, умиротворяя сопротивлявшихся „ноужею“. Есть все основания предполагать, что оборона Галича продолжалась не один день, что военные действия растянулись на значительный срок и носили исключительно упорный характер»³³⁹. Вся эта цепь догадок, помимо общих соображений, основывается на *единственном* аргументе: толковании слов летописца о том, что епископ и дворский вышли к Даниилу со «слезами очима и ослабленомъ лицемъ, и лижущая оуста своя». По мнению А. В. Майорова, слово «ослабленный» надо понимать как «слабый, лишенный силы, твердости», что якобы свидетельствует об изнуренности «лидеров галицкой общины» в ходе длительной осады³⁴⁰. Но это объяснение абсолютно искусственно. Длительная осада, наряду с «неравной борьбой», поддержкой основной массой горожан епископа и дворского и т. д., является ничем не подтвержденным предположением исследова-

³³⁷ Грушевський М. С. Історія. С. 475.

³³⁸ Пашуто В. Т. Очерки по истории. С. 217.

³³⁹ Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 579–580.

³⁴⁰ Там же. С. 581.

теля. Еще И. И. Срезневский отметил, что «ослабленные» означает в этом контексте «расстроенные»³⁴¹. Причина расстройства очевидна: епископ и дворский открыто действовали против князя, горожане их не послушали, а теперь им пришлось оправдываться перед победителем.

Исключительной роль города и горожан в социально-политической жизни Древней Руси выглядит не только в летописях. В «Житии Авраамия Смоленского», где рассказывается о гонениях на святого, инициатором преследований является собрание «всего града»: «Събраша же ся вси отъ мала и до велика весь градъ нань, инии глаголють заточити, а инии къ стѣнѣ тоу пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозѣ градъ»³⁴².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в социально-политической жизни Древней Руси в домонгольское время, кроме князей и боярско-дружинной знати, принимали участие горожане, выступающие в источниках как под наименованиями типа «княне», «новгородцы» и проч., так и под собственным именем — «гражан»/«людей градских». В отличие от ряда анализировавшихся во II параграфе терминов, летописных «гражан» нет никаких оснований относить к «условным и ситуативным абстракциям»³⁴³. Как убедительно показал Х. Ловмянский, в древнерусских источниках «под горожанами подразумевали ... все население града и подгородья»³⁴⁴. Немецкий ученый Херберт Людат полагает даже, что такая семантика была характерна уже для праславянского существительного *gord, поскольку все его фонетические варианты в славянских языках имели «повсюду в раннеисторический период двойное значение, „крепость“ и „прикрепостной город“». Более того, по его данным, славянское словоупотребление не было здесь уникальным. В средневековой Германии «к рубежу XII и XIII вв. слово „burg“ обозначало не только укрепление, но и относящееся к нему ремесленное поселение». Свидетельством этого является и современное немецкое «Bürger» (древнегерманское «burgaete») (горожанин), которое, как отмечает Х. Людат, «историко-генетически соответствует древнерусскому „горожанинъ“»³⁴⁵.

Данных о самостоятельной политической активности в каких-либо формах сельского населения в летописях нет. Одновременно не находит подтверждения в источниках концепция о существовании такой социально-политической общности, как «волощане» или «людство» (в смысле всего свободного населения городов и сел), и, как следствие, выглядят необоснованными все рассуждения относи-

³⁴¹ Срезневский И. И. Материалы. СПб., 1895. Т. II. Стб. 724. См. также: СДРЯ. М., 2000. Т. VI. С. 169.

³⁴² Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему // Памятники древнерусской литературы. Вып. 1 / Пригот. к печати С. П. Розанов. СПб., 1912. С. 10.

³⁴³ Вилкул Т. Л. Дружина-вече. С. 22.

³⁴⁴ Lowmiański H. O składzie społecznym. S. 439; см. также: Ludat H. Die Bezeichnung für «Stadt» im Slawischen // Syntagma Friburgense. Historische Studien Hermann Aubin dargebracht zum 70. Geburtstag. Lindau; Konstanz, 1956. S. 115; Rahbek Schmid K. Soziale Terminologie. S. 89, 130–131.

³⁴⁵ Ludat H. Die Bezeichnung für «Stadt». S. 115–117.

тельно общинного народовластия, городов-государств, полисов и т. п. применительно к средневековой Руси. Древнерусское вече как городское по преимуществу собрание представляет собой, в известной мере, исключительное явление среди славянских «народных собраний». Даже в Западном Поморье, где в XII в. города были безусловными центрами политической жизни, в собраниях могли участвовать и сельские жители³⁴⁶. Лишь польские данные представляют очевидную параллель древнерусскому вечу. К сожалению, их очень немного. Наиболее ярким является рассказ Галла Анонима о *concio* во Вроцлаве во время внутридинастической борьбы в Польше на рубеже XI и XII вв. На собрание были созваны «главные и старейшие лица города, а затем и весь народ» (*maiores et seniores civitatis deinde totum populum*). Участники *concio* далее именуются «все множество вроцлавян» и «горожанами» (*multitudo tota Wratislaviensium, cives*)³⁴⁷. Древнерусских же сведений неизмеримо больше. Вопрос о том, с чем связаны эти особенности — с эволюцией восточнославянских «народных собраний» по мере развития средневековой государственности или со спецификой исторического развития Руси в принципе, — приходится пока оставить открытым.

О социальном составе веча

Поскольку выше были зафиксированы многочисленные проявления социально-политической активности древнерусских горожан («людей градских», «мужей градских»), самым ярким из которых, безусловно, следует признать совместное обсуждение и принятие решений на вечевых собраниях, естественно, возникает вопрос о более точной социальной характеристике этого понятия — горожане. Или, может быть, нужно говорить о единой городской общине, нерасчленимой на отдельные социальные слои, с их особым статусом и местом в политической жизни?

В уже цитировавшемся рассказе о белгородском киселе, в котором впервые в ПВЛ появляется вече³⁴⁸, среди белгородцев — участников веча упоминаются «людье» и «старцы» («старейшины градские»). Кто такие эти последние, сказать сложно. В литературе высказывалось мнение о том, что подобные термины могли быть литературно-повествовательными штампами³⁴⁹. Вопрос заслуживает специального рассмотрения. Очевидно, однако, что белгородские вечники не являются аморфной, нерасчлененной на социальные группы массой. Вече предстает широким собранием белгородцев: и «старцев», и протых «людей».

³⁴⁶ См.: Ронин В. К., Флоря Б. Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 128–129.

³⁴⁷ *Galli Anonymi. Cronicae et gesta. ducum sive principum polonorum* / Ed., praef. notisque instr. С. Maleczyński. Cracoviae, 1952 (MPH. Nova series. Т. II). II. 16. S. 81–82. См. подробнее: *Lowmiański H. Początki Polski*. Т. IV. S. 95–96.

³⁴⁸ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 127–128.

³⁴⁹ См.: *Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.*

В 1113 г. после смерти князя Святополка Изяславича, как сообщает летопись, в Киеве произошло восстание, в ходе которого «свѣтъ створиша Кияне» и отправили посольство к Владимиру Мономаху, приглашая его на княжение. И восставшие, и участники «совета» одинаково называются «киянами»³⁵⁰. Состав участников этого совета может быть уточнен на основании свидетельства «Сказания о чудесах свв. Романа и Давыда», согласно которому после смерти Святополка «многую мятежу и крамолѣ бывъши в людѣхъ и мѣлѣв не малѣ, и тѣгда съвѣкупивъше ся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедше причѣтѣмь всѣхъ людии и моляхоу Володимира, да въшедѣ оуставити крамолу соущою въ людѣхъ»³⁵¹. Выясняется, что в киевском совете участвовали широкие круги киевлян (на церковном языке составителя агиографического сочинения — «причт всех людей»), но тон задавали «большие и нарочитые мужи», т. е. наиболее важные, знатные, почитаемые киевляне. Относительно терминологии ПВЛ очень точно замечает Ю. Г. Алексеев: «Очевидно, одни „кияне“ грабят дворы и угрожают новыми грабежами, другие — посылают за Мономахом. Летописец это, без сомнения, понимает, но выразить за отсутствием соответствующего социального термина не может: те и другие для него и его современников „кияни“, „людье киевстии“, поскольку они не дружина, не смерды, не холопы и т. д.»³⁵².

В Ип. под 1140/1141 г. содержится информация о выступлении новгородцев против своего князя, Святослава Ольговича, и в связи с этим упоминается вече: «...почаша вѣставити Новгородци оу вѣчи на Святослава про его злобоу». Встал вопрос о новом новгородском князе. Брат Святослава киевский князь Всеволод послал в Новгород своего представителя Ивана Воитишича, «прося оу них моужь лѣпшихъ» для ведения переговоров. Иван Воитишич, «поймавѣ ѣ, приведедѣ къ Всеволодоу». К этому времени новгородцы «вѣсташа ... в вѣчи» и начали избивать «приятелѣ Святославлѣ про его насилье»³⁵³. Состав веча точно не определяется, однако представляют новгородцев «лепшие мужи», а впоследствии и епископ³⁵⁴. (это, разумеется, не значит, что только они участвовали в вече, но указывает на их лидирующую роль в городе³⁵⁵). Ниже, под 1142 г., в сообщении той же летописи о вокняжении в Новгороде Святополка Мстиславича «лепшие мужи», с которыми вел переговоры киевский князь, называются «новгородцами», т. е. выступают

³⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275–276. См. подробнее: Лукин П. В. Вече. С. 126–128.

³⁵¹ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 69. См. об этом также: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 136–138.

³⁵² Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 244–245. Л. В. Черепнин полагает, что речь идет о киевском городском совете, органе управления, состоящем «из феодалов и городского патрициата» (Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 31), однако никак не аргументирует этот тезис.

³⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 307.

³⁵⁴ См.: Там же.

³⁵⁵ См.: Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 45; ср.: Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 28. См. также: Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 87; Лукин П. В. О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 45–46.

полномочными представителями всего города: «...посла Всеволодъ Святополка в Новъгородъ, шюрина своего, смольвяся с Новъгородьци, которыхъ то былъ при- яль. И пояша и Новгородци, и съде и на столѣ»³⁵⁶.

Похоже об этих событиях рассказывает НПЛ. Новгородцы «послаша епископа ... и много лепшихъ людии» ко Всеволоду «по сына его». После бегства Свято- слава «отаи въ ночь» из Новгорода разгневанный киевский князь «прия слы вся и епископа и гость»³⁵⁷. И по версии НПЛ, новгородцев представляют епископ с «лепшими мужами», под которыми, очевидно, надо понимать новгородских бояр. Однако в числе новгородцев, задержанных в Киеве, упоминаются «гости», т. е. купцы, правда, можно допустить, что в данном случае имеются в виду не члены посольства, а новгородские купцы, находившиеся в Киеве по торговым делам, вне зависимости от посольства.

Однако из продолжения этого рассказа НПЛ под 1142 г. становится ясно, что купцы также, наряду с епископом и «лепшими мужами», представляют Новгород и несут ответственность за действия новгородцев: «Епископъ и купьце и слы нов- городския не пушаху из Руси, и они не хотяху иного князя, развѣ Святопѣлка (Мстиславича. — П. Л.)...»³⁵⁸. Обращает на себя внимание и то, что в перечне за- хваченных Всеволодом новгородцев купцы стоят выше «слов», т. е. «лепших лю- дей». Это, конечно, не случайно, тем самым подчеркивается их высокий социаль- но-политический статус.

Под 1146–1147 гг. в Ип. и Лавр. включены повествования о коротком княже- нии в Киеве Игоря Ольговича и о его трагическом конце.

Вначале сообщается о попытке заболевшего Всеволода Ольговича обеспе- чить после своей смерти власть над Киевом за своим братом Игорем: «И ста подъ Вышегородомъ въ Островѣ, и Всеволодъ же призва к собѣ Кияне, и нача молвити: „Азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мои Игорь, имѣтеса по нь“. Они же рекоша: „Княже, ради ся имемъ“, и пояша Игоря в Киевѣ. Иде (Игорь. — П. Л.) с ними под Оугорьский и съзва Киянѣ вси, они же вси цѣловаша к нему крестъ, рекоуче: „Ты намъ князь“, и яшася по нь лъстью»³⁵⁹. Тут упоминается два собрания «киян», одно из них создано умирающим князем, другое — потенциаль- ным наследником.

Историки по-разному оценивали социальный состав и сущность собраний в Вышгороде и под Угорским. По мнению Н. М. Карамзина, на обоих собраниях бы- ли представлены одни и те же люди, которых он характеризует неопределенным понятием «народ»³⁶⁰. С. М. Соловьев полагал, что под Вышгородом Всеволод со- бирал лишь «лучших киевлян», а под Угорским состоялось собрание «всех граж-

³⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 309–310.

³⁵⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 26.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320–321; ср. ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.

³⁶⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 124. Это же мнение с не- которыми незначительными вариациями см.: Хлебников Н. Общество и государство. С. 268; Линниченко И. Вече. С. 38.

дан»³⁶¹. Нетрудно заметить, что в летописи фигурируют не «лучшие», а просто «кыяне». Такого же мнения придерживался В. И. Сергеевич, однако он подходил к источнику более внимательно и осторожно: «В приведенном известии различено собрание в с е х киян и не всех... Все собираются ... под Угорским... Под Вышегородом, конечно, не могли быть собраны все кыяне; туда приехали, по всей вероятности, только лучшие люди. Но это были предварительные переговоры. Киевляне, в них участвовавшие, не считали их окончательными. Они повели Игоря в Киев, где были уже собраны все»³⁶². Различные взгляды были и у историков в советское время. А. Н. Насонов полагал, что в Остров Игорь вызвал «немногих, т. е. знать»³⁶³. М. Н. Тихомиров вообще не различал оба собрания, в том числе с точки зрения их социального состава³⁶⁴. Точно так же не различал совещания под Вышегородом и под Угорским Л. В. Черепнин, хотя он и иначе оценивал состав их участников: «Уже смертельно больной, Всеволод „призва к собе кыяне вси“ (речь, вероятно, идет о правящей феодальной знати и верхушке горожан) и добился от них присяги Игорю»³⁶⁵. Но, во-первых, в летописи не упоминается ни феодальная знать, ни городская верхушка, во-вторых, в изложении Л. В. Черепнина явно контаминированы сообщения о двух собраниях: на самом деле Всеволод призывал к себе не «всех киян» (Л. В. Черепнин неверно цитирует источник, это уже было замечено И. Я. Фрояновым³⁶⁶, а просто «киян»). По мнению В. Т. Пашуто, «кыяне», которых приглашал Всеволод, были «городскими советниками». «Киянѣ вси» под Угорским представляли собой «совещание, участники которого ... присягали новому князю». При этом историк призывает «учитывать условность летописных выражений вроде „вси“, „от мала до велика“, „бесчисла“ и пр.»³⁶⁷. В. Т. Пашуто, на наш взгляд, совершенно правильно разделяет два собрания, но его рассуждение о городских советниках представляет собой не гипотезу, а догадку, не вытекающую из источника. Точно так же конкретно им не показано, в чем состоит «условность» приведенных им выражений. Они «условны» в той же мере, что и «лучшие» или «лучшие» мужи. Если доверять одним выражениям, то нужно принимать во внимание и другие, и наоборот. П. П. Толочко вообще заменяет показания источника собственными рассуждениями, поскольку «за скупыми рассказами летописи» «скрываются сложные противоречия внутри феодальной верхушки Киева, борьба боярских группировок за своих кандидатов на великокняжеский стол». Выражение «вси кыяне», якобы «одинаково относящееся ко всем совещаниям, связанным с передачей власти Игорю Ольговичу», «не следует понимать буквально». «Киянѣ вси» собрания под Угорским — это «боярско-дружинная верхушка», но никак «не

³⁶¹ Соловьев С. М. История. Кн. 1. С. 422.

³⁶² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. С. 15.

³⁶³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002. С. 52, примеч.

³⁶⁴ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 194.

³⁶⁵ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения. С. 254.

³⁶⁶ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки. С. 167, сноска.

³⁶⁷ Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 40.

киевские низы». Почему? А потому что киевляне там, согласно летописи, целовали к Игорю крест «лестью». Ведь простым киевлянам «незачем было притворяться, у них не могло быть планов на измену»³⁶⁸. Украинский историк, очевидно, исходит из презумпции невинности низов общества: они не могут лгать, совершать измену, преступать крестное целование. Помимо этого в общем-то курьезного момента, обращая на себя внимание и полный произвол в том, как П. П. Толочко поступает с источниками. Он явно лучше источника знает, выражаясь словами Л. Ранке, *wie es eigentlich gewesen ist*.

И. Я. Фроянов полагает, что «кияне, призванные Всеволодом Ольговичем, — это доверенные посланцы киевского веча, т. е. официальные представители городской общины, а не приватные лица, заключившие с князем узкосословное соглашение». Даже если это были знатные лица, «то и в этом случае они выступали не сами собой, а по поручению киевской общины». Собрание под Угорским, с точки зрения И. Я. Фроянова, было вечем, «на что указывает летописная фраза „и съзва Кияне вси“, позволяющая заключить, что под Угорским сошлись массы горожан „от мала до велика“, или от простых до знатных людей»³⁶⁹. С позицией автора можно согласиться, если не считать употребления чуждого для XII в. термина «община» и домыслов об ее «официальных представителях»³⁷⁰.

Непредвзятое изучение летописного известия позволяет, кажется, прийти к следующим выводам. Участники первого собрания обозначены просто как «кияне», второго — как «кияне вси», однако ясно, что в них участвовали одни и те же люди, поскольку оба собрания представляли собой единый процесс передачи власти, который должен был получить санкцию местного населения. Второе собрание имело, по-видимому, более широкий состав, но никаких существенных, социальных различий в них, судя по летописи, не просматривается. Выражение «кияне вси» или, по МЛС, «все кияне», показывает, что созданы были широкие круги городского населения, и отнюдь не только элита.

Далее в летописи рассказывается о том, как после смерти Всеволода Ольговича настроение киевлян переменялось: «Игорь же ѣха Киевоу, и съзва Кияне вси на гору на Ярославль дворъ, и цѣловаше к нему хрестъ. И паки скоупишася вси Кияне оу Тоуровы божициѣ и послаша по Игоря, рекоуче: „Княже, поѣди к нам“. Игорь же поемъ брата своего Святослава, и ѣха к ним, и ста съ дружиною своею, а брата своего Святослава посла к нимъ оу вѣче». Киевляне «почаша ... складывати виноу» на тиунов Всеволода Ольговича и требовать, чтобы Святослав целовал им крест за себя и за брата, «аще комоу нас боудеть обида, да ты прави». Святослав согласился, тогда состоялось взаимное крестоцелование: «Святославъ же

³⁶⁸ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 215–216.

³⁶⁹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования. С. 266–267.

³⁷⁰ О событиях в Киеве довольно пространно писал К. Цернак, но он подошел к ним формально, применив неудачный чисто терминологический метод (по его мнению, «мужи» — это везде и всегда представители общественной элиты, а «люди» — рядовое население). Это обесценивает его выводы (см.: Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 78–79).

съсѣдъ с коня, и на томъ целова хрестъ к ним оу вѣчи. Кияне же вси, съсѣдше с конь, и начаша молвити: „Братъ твои князь и ты“, и на томъ цѣловавше вси Кияне хрестъ и с дѣтми, оже подъ Игоремъ не лстыти, подъ Святославомъ». Затем Святослав «пойма лутшѣи моужѣ Киянѣ» и отправился с ними к Игорю, который, в свою очередь, «съсѣдъ с коня и цѣлова к нимъ крестъ на вси воли и на братьнии». И сразу после этого летописец сообщает: «...ѣха на обѣдъ (Игорь. — П. Л.), они же оустремишася на Ратьшинѣ (т. е. тиуна. — П. Л.) дворъ грабить и на мѣчъники, и посла к ним Игорь брата своего Святослава с дружиною, и одва оутиши». Выясняется, что все-таки «не оугодень бысть Кияномъ Игорь»; более того, в Переяславль Южный к Изяславу Мстиславичу «приехаша от Киян моужи, нарекоуче: „Ты — нашъ князь, поѣди, Олговичъ не хоцемъ быти акы в задничи; кде оузримъ стягъ твой, тоу и мы с тобою готови есмь“»³⁷¹.

В историографии высказывались различные предположения о социальном составе описанных здесь собраний. По Н. М. Карамзину, в обоих собраниях после смерти Всеволода Ольговича участвовали одни и те же люди, которых он называет киевлянами или «гражданами»³⁷². Фактически то же самое читаем и у В. И. Сергеевича. Хотя он и отмечает, что два собрания (из которых, кстати, в летописи только второе именуется вечем) были созваны разными лицами, состав их, с его точки зрения, был однороден³⁷³. По мнению В. О. Ключевского, на вече присутствовали горожане, а так как они были на конях, значит «то были переговоры военного общества, вооруженного города со своими вождями»³⁷⁴. В советское время оценки изменились. С. В. Юшков был убежден в том, что в собраниях участвовала «основная киевская феодальная группа, тесно связанная с Мономаховичами», поскольку «вечники были на конях и, конечно, вооружены»³⁷⁵. А. Н. Насонов, отметив, что в летописи говорится об участии в собрании у Туровой божницы «всех киян», тем не менее предполагал, что его решение «было подсказано „смыслеными“, т. е. местной знатью»³⁷⁶ (хотя слово «смысленые» взято из совсем другого летописного сообщения). М. Н. Тихомиров вслед за историками дореволюционной эпохи писал об одинаковом составе собраний на Ярославовом дворе и у Туровой божницы; и там, и там участвовали «киевляне». Он лишь оговаривается, что в ходе этих событий «...аристократическая „Гора“, где сидел князь, вошла в конфликт с ремесленным „Подолом“»³⁷⁷. «Боярская Гора» поддерживала Ольговичей, а «ремесленный и торговый Подол» выступил против Игоря. Именно

³⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321–324.

³⁷² См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 126–127. Очень близкие оценки см.: Соловьев С. М. История. Кн. 1. С. 422–423; Линниченко И. Вече. С. 38–39; Грушевский М. С. Очерк истории. С. 167, сноска.

³⁷³ См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. С. 15.

³⁷⁴ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. М., 1909. С. 44.

³⁷⁵ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 350.

³⁷⁶ Насонов А. Н. «Русская земля». С. 52, примеч.

³⁷⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 194.

поэтому «вече собиралось в разных местах»³⁷⁸. С М. Н. Тихомировым согласился Л. В. Черепнин. Вечевые собрания на Ярославовом дворе и у Туровой божницы, думал он, различались по своему составу: «...на одном преобладали бояре, на другом — горожане»³⁷⁹. В. Т. Пашуто пришел к выводу о том, что ни первое собрание, ни второе не были общекиевскими собраниями. Первое им не могло быть, потому что «ни на Ярославем дворе (несмотря на его большие размеры), ни в храме Софии, ни в других избираемых для ратуши местах собрать общенародное совещание было нельзя». Кроме того, уверен В. Т. Пашуто, «в нем и не было нужды, если принять во внимание налаженность городского административного аппарата»³⁸⁰. К сожалению, никаких данных ни о размерах Ярославова двора, ни о численности населения Киева в этот период В. Т. Пашуто не приводит, что делает этот довод неубедительным. Зато киевская «ратуша» (в отличие от веча и «всех киян») не фигурирует ни в одном средневековом источнике. Загадочным остается и пассаж о «налаженности городского административного аппарата» — она нигде и никем не была продемонстрирована. По поводу собрания у Туровой божницы ученый приводит два аргумента, имеющие некоторое отношение к летописному тексту: малая вероятность наличия у всех киевлян лошадей, «если сравнительно недавно, в 1068 г., их снабжали конями из княжеских табунов»; упоминание «от киян мужей», в частности тысяцкого Улеба и Ивана Воитишича, именно они могли быть инициаторами движения против Ольговичей. Поэтому, по мнению В. Т. Пашуто, «совещания на Ярославем дворе и у Туровой божницы были созваны представителями враждующих, черниговской и волынской, группировок»³⁸¹. П. П. Толочко попытался совместить концепции М. Н. Тихомирова — Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто. Если в собрании на Ярославовом дворе, по его мнению, была представлена боярско-дружинная верхушка, то вече у Туровой божницы было более представительным. П. П. Толочко признает, что «здесь преобладали горожане». «И тем не менее, — продолжает автор, — у нас нет основания утверждать, что руководили этим вече демократические низы. Брат Игоря, прибывший на вече, вел переговоры с „лучшими мужами“, им же присягал и великий князь»³⁸². И. Я. Фроянов, по сути дела, вернулся к старой, досоветской трактовке событий, дополнив ее собственными теоретическими рассуждениями. С его точки зрения, «оба веча нужно рассматривать как две картины одного и того же акта»; «хозяйном положением на них было рядовое свободное людство». Бояре если и играли «заметную роль», то лишь «в качестве лидеров, занятых в сфере управления обществом». Есть в комментарии И. Я. Фроянова и некое противоречие. Ведь согласно его теории, «свободное людство» — это «волощане», жители главного города, пригородов и сел. А здесь он пишет, что важнейший вопрос для всей волости — избрание князя — ре-

³⁷⁸ Он же. Крестьянские и городские восстания. С. 151.

³⁷⁹ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения. С. 254.

³⁸⁰ Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 40.

³⁸¹ Там же. С. 41.

³⁸² Толочко П. П. Древний Киев. С. 216. И П. П. Толочко, и И. Я. Фроянов почему-то называют киевского князя «великим», хотя такого титула у него не было.

шался «всеми киянами», которые есть не что иное, как нерасчленяемая масса ... горожан!³⁸³.

Представляется, что и на Ярославовом дворе, и у Туровой божицы собрались одни и те же люди — «вси кияне». В пользу этого говорит, во-первых, то, что в обоих случаях участники называются одинаково: «все кияне», во-вторых, по словам летописца, киевляне собрались у Туровой божицы «паки», т. е. снова. Это слово может иметь отношение только к предыдущему собранию и, кажется, полностью исключает любые рассуждения о разных группах «киян», якобы участвовавших в двух собраниях³⁸⁴. В летописных рассказах нет ни намека на какую-либо вражду между различными группами киевского населения. Формулировка «вси кияне» выглядит совершенно ясной, охватывающей полноправное свободное население Киева. Но в литературе, как говорилось выше, высказывались и соображения о том, что под этим понятием могли скрываться «феодальные верхи». В подтверждение этого тезиса, помимо общетеоретических и не имеющих опоры в источниках соображений, обычно приводятся два довода, основанных собственно на летописи: у киевлян, участников собрания близ Туровой божицы, были кони; «всех киян» на переговорах с Игорем Ольговичем представляют «лучшие мужи». Первый довод опроверг еще М. Н. Тихомиров, полемизировавший с С. В. Юшковым. Он отметил противоречие источникам довода о том, что оружие и кони могли быть только у бояр и дружинников, и обратил внимание на сообщение о грабежах в Киеве: «Спрашивается, против кого же восстали киевляне в 1146 г., кого „погубили“ княжеские тиуны в Киеве и Вышгороде? Неужели они грабили представителей феодальных верхов, которые в ответ разгромили дворы тиунов и мечников?»³⁸⁵. К этому можно добавить и следующее: в параллельном Ип. тексте МЛС (а рассматриваемые статьи МЛС относятся, как установил А. Н. Насонов, к «очищенному» тексту южнорусского источника)³⁸⁶ упоминания того, что не только Святослав, но и киевляне слезли с коней, нет (тогда как, например, упреки киевлян по адресу тиунов Тудора и Ратши переданы там значительно полнее, чем в Ип.)³⁸⁷. Убеждает в правильности версии МЛС и сообщение о киевском вече под следующим годом (оно будет рассмотрено ниже), из которого однозначно следует, что в нем участвовали и киевляне, не имевшие коней. Что касается «лучших мужей», то, действительно, они представляли «всех киян», но все-таки основные решения принимались последними, коллективно. Вполне возможно, справедливо

³⁸³ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования. С. 270, 271.

³⁸⁴ Это справедливо отмечено И. Я. Фрояновым (см.: Там же. С. 270), а недавно, но без ссылки на предшественника, Ю. Гранбергом (см.: *Granberg J. Veche in the Chronicles*. P. 221–224).

³⁸⁵ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 155–156. К. Цернак, также не согласившись с С. В. Юшковым, предположил, что на конях могли сидеть не все вечники, а только те, кто выступал на собрании (*die Wortführer*) (см.: *Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen*. S. 109–110, Anm.). Однако в Ип. ясно сказано, что с коней слезли «вси кияне».

³⁸⁶ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 288.

³⁸⁷ См.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.

(если не считать модернизирующей терминологии) предположение В. О. Ключевского о том, что эти «лучшие люди» — «депутаты веча, выбиравшиеся из городской знати особенно всякий раз, как являлась в них нужда...»³⁸⁸.

В состав «киян» не входят не только дружины Игоря и Святослава Ольговичей, но и киевская дружина покойного Всеволода, о чем также прямо свидетельствует сообщение Ип. о грабежах, учиненных киевлянами: «И розьграбиша Кияне съ Изяславомъ (домы — X) дружины Игоревы и Всеволождъ, и селы, и скоты, взяша имѣнья много в домехъ и в манастырехъ. Святославъ же вбѣжа в Черниговъ съ маломъ дружины»³⁸⁹. Вырисовывается социальный состав «всех киян» — это киевские «люди градские», ведущую роль среди которых играют «лучшие мужи». Социальная природа последних неясна. Возможно, это уже давно «осевшие» в Киеве, потерявшие непосредственную связь с дружинной организацией и сблизившиеся с горожанами представители знати; может быть, богатые купцы. Впрочем, это лишь предположения. Однако определенно высвечивается высокая степень социально-политической активности киевских горожан (проявляющаяся в договорных отношениях с князьями, целовании с ними креста, совместном обсуждении политических вопросов и т. д.), во главе которых находятся «лучшие мужи».

В следующем году новый киевский князь Изяслав Мстиславич задумал совершить поход на своего противника, Юрия Долгорукого, и, согласно Ип., «... (сзѣва — X) бояры своя и всю дружину свою, Кияне», призвав их к оружию. Киевляне, однако, отказались: «Княже, не ходи с Ростиславом на стрья своего, лѣпле ся с нимъ оулади; Олговичем вѣры не ими, ни с ними ходи в поуть». В ответ «Изяславъ же рече имъ: „Цѣловали ко мнѣ хрест (Давыдовичи. — П. Л.), а доумоу еси с ними доумаль, а всяко сего поути не хочу отложить, а вы доспѣваите“. Кияне же рекоша: „Княже, ты ся на нас не гнѣвай, не можемъ на Володимере племя роуки въздаяти, оня же Олговичи, хотя и с дѣтми“»³⁹⁰. Изяслав в результате вынужден был обратиться к добровольцам.

К кому обращается Изяслав Мстиславич? Социальная стратификация его собеседников следующая: это представители боярско-дружинной знати и «кияне», очевидно, те самые «вси кияне», киевские горожане, о которых говорилось выше³⁹¹. Последние имеют свои собственные политические представления, далеко не всегда соответствующие интересам даже такого популярного в их среде правителя, как внук Владимира Мономаха.

Относительно высказывания киевлян об их желании идти на Ольговичей «хотя и с дѣтми», в литературе есть точка зрения, что слово «дети» нельзя понимать здесь буквально (как и во всех остальных подобных случаях). Еще многие истори-

³⁸⁸ Ключевский В. О. Боярская дума. С. 44. См. также: Грушевский М. С. Очерк истории. С. 167.

³⁸⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 328.

³⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 344; ср.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 41.

³⁹¹ Это совершенно справедливо отмечал еще В. О. Ключевский (см.: Ключевский В. О. Боярская дума. С. 44–45).

ки XIX в. полагали, что «дети» — это неполноправные члены большой патриархальной семьи, подчиненные домовладыке. В. Е. Данилевич, например, писал: «...ясно, что родители являлись на вечах представителями всей жившей при них семьи и решали дела даже за совершеннолетних детей...»³⁹². Существовала такая точка зрения и в советское время³⁹³, а недавно ее повторили сторонники диаметрально противоположных концепций древнерусского веча. А. В. Майоров, исходя из идеи И. Я. Фроянова о господстве в Древней Руси «большесемейных коллективов, состоящих не менее чем из трех поколений ближайших родственников», выдвинул предположение, что «дети» — это не малолетние, а «вполне взрослые люди, способные носить оружие и участвовать в боевых действиях наравне со своими отцами». Правовое положение таких совершеннолетних «детей» в древнерусской «большой семье» отличается, по мысли А. В. Майорова, «высокой степенью зависимости от родителей, прежде всего от отцов». Эта зависимость распространялась «не только на имущественное положение детей, но и касается личности последних, их гражданской свободы и в некоторых случаях даже самой жизни»³⁹⁴. А сторонницей идеи о том, «що в періоди політичної стабільності склад віча значною мірою збігався зі складом княжої дружини»³⁹⁵, украинской исследовательницей Т. Л. Вилкул было высказано мнение, что «дітьми» в принципе называли «політично неповноправне населення міста»³⁹⁶. Подобное толкование делает, правда, непонятным эмоциональный пафос такого рода заявлений. Почему собственно высшим проявлением решимости киевлян отправиться на войну становятся восклицания, которые можно перевести на современный язык так: «Мы готовы отдать жизни не только свои, но и ... неполноправных членов наших кланов» (вариант: «неполноправных жителей нашего города»)?³⁹⁷.

Вскоре обнаружилось, что черниговские князья-союзники Изяслава (Давыдовичи и Святослав Всеволодич) нарушили крестное целование и отложились от него. В этом безвыходном положении Изяслав Мстиславич вновь обращается к

³⁹² Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца 14 столетия. Киев, 1896. С. 180.

³⁹³ См., например: Штыхов Г. В. Города. С. 30.

³⁹⁴ Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 272. При этом А. В. Майорова не смущает то обстоятельство, что он сопоставляет семейные отношения средневекового христианского общества с традиционно-патриархальными отношениями, принятыми у первобытных народов Азии и Африки, живущих в условиях родоплеменного общества. В самом сопоставлении, конечно, ничего плохого нет, но оно должно носить фундаментальный характер, т. е. должны сравниваться структурообразующие элементы общества, и прежде всего социальная организация. Тем самым А. В. Майорову (и другим последователям И. Я. Фроянова) необходимо доказать господство или, по крайней мере, широкое распространение на Руси XII–XIII вв. родоплеменных отношений, что, думается, будет весьма затруднительно.

³⁹⁵ Вилкул Т. Л. Віче. С. 12.

³⁹⁶ Там же. С. 11.

³⁹⁷ См. также скептическую оценку этой концепции: Łowmiański H. O składzie społecznym. S. 443.

киевлянам за помощью: «...Изяславъ посла Киевоу к братоу своему Володимироу ... и к митрополиту Климови и къ Лазореви тысячкому, и рече им: „Созовите Кияны на дворъ к святѣи Софѣи, ать мой посоль молвить рѣчь мою к ним и скажетъ льсть Черниговскихъ князии“. Кияном же всимъ, съшедшимся от мала и до велика к святѣи Софѣи на двор. Въставшем же имъ въ вѣчи, и рече имъ Изяславль посоль: „Цѣловаль вы князь свои, яз бяхъ вамъ явилъ се: „Доумаль есмь со братомъ своим Ростиславом и съ Володимиромъ, с Изяславомъ Давыдовичема поити на стрья своего на Гюргя, и васъ есмь /с/ собою вабилъ. И вы мнѣ есте рекли: „Не можемъ на Володимере племя роуки възняти, на Гюргя, но, оже на Олговичи, хотя и с дѣтми идем с тобою“. Се же вы являю: се Володи/ме/рѣ Давыдовичъ, и Изяславъ, и Всеволодичъ Святославъ, емоуже азъ много добра створихъ, цѣловали ко мнѣ крестъ. Ныне же цѣловали потаи мене хрест к Святославоу Олговичю, а къ Гюргеви ся послали, а надо мноу леть оучини/ли/, хотѣли мя бо яти, любо оубити про Игоря, но Богъ мя заступилъ и хрестъ честныи, егоже ко мнѣ человали. Ныне же, братѣ Кияне, чего есте хотѣли, чим ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ к Черниговоу на Олговичи, dospѣвайте от мала и до велика, кто имѣть конь, кто ли не имѣть коня, а в лоды: ти бо соутъ не мене одного хотѣли оубити, но и вас искоренити“. Кияне же рекоша: „Ради, оже ны Богъ тебе избавилъ от великия лъсти, братью нашу, идемъ по тобѣ и с дѣтми, акоже хочещи“»³⁹⁸.

Представление о широком составе этого веча было общепринятым в историографии XIX — начала XX в. Еще С. М. Шпилевский писал: «На двор святой Софии приглашает Изяслав всех киевлян, они все туда и собираются — „все от мала и до велика“»³⁹⁹. М. Ф. Владимирский-Буданов уточнил, что речь должна идти о всех *горожанах*: «Вече состоит из всех граждан города. Главную массу участников веча составляют простые граждане, „люди“»⁴⁰⁰. Такая же точка зрения существовала и в позднейшей историографии⁴⁰¹. Однако высказывались и другие соображения, в основном сторонниками теории «феодального» характера веча. Так, С. В. Юшков, не приводя никаких аргументов, писал, что этим собранием «руководила ... феодальная верхушка»⁴⁰². В. Т. Пашуто предположил, что речь в летописных повествованиях идет о «расширенном совещании городского совета во дворе храма Софии»⁴⁰³. Но, как отмечалось выше, никаких упоминаний киевского городского совета и тем более его расширенных совещаний в источниках нет, тогда как там прямо говорится о собрании всех киевлян «от мала до велика». Точно так же не основано на источниках мнение И. Я. Фроянова о «массовой сходке ... полноправ-

³⁹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 347–349.

³⁹⁹ Шпилевский С. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV // Юридический журнал. 1861. № 5. С. 219–220.

⁴⁰⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 55.

⁴⁰¹ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 196–197; Он же. Крестьянские и городские восстания. С. 156–158; Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 35. См. также: Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 85.

⁴⁰² Юшков С. В. Общественно-политический строй. С. 350.

⁴⁰³ Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 42.

ных членов киевской общины»⁴⁰⁴. Такая абстракция, как «киевская община», только затемняет показания источника.

В вече, созванном на дворе у Софийского собора по поручению Изяслава Мстиславича его братом, митрополитом и тысяцким, присутствуют «все кияне от мала до велика» (дружина здесь вообще отдельно не упоминается). Т. Василевский трактует выражение «от мала до велика» как «малые и великие» и понимает под ними «низшие и высшие группы общества». «Малых» при этом, по его мнению, «известие под 1147 г. отождествляет с детьми». А относительно «детей» польский историк думает, вслед за многими представителями старой русской историографии, что «этот термин, скорее всего, употреблялся также в социальном значении и относился к самым низшим слоям населения...». В качестве аргумента Т. Василевский упоминает позднейших «детей боярских», представлявших собой не возрастную, а социальную категорию⁴⁰⁵. Гипотеза польского ученого не кажется убедительной. Формула «от мала до велика», вопреки встречающемуся в литературе мнению, действительно, отнюдь не всегда является топосом, использовавшимся летописцами, когда надо было охарактеризовать большое количество людей. Иногда эпитеты «малый» и «великий» явно обозначают реальные категории населения, как, например, в договорной грамоте 1270 г. Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем: «А что, къянже, тебе было гнѣва на посадника и на весь Новгородъ, то ти, княже, все нелюбие отложить и от мала и от велика, не мщати ти ни судомъ, ни чим же»⁴⁰⁶. В грамоте Новгороду тверскому князю Михаилу Ярославичу аналогичная статья сформулирована так: «А нелюбие, княже, тобѣ отложить и от старѣшихъ, и от мншихъ, и от всѣхъ»⁴⁰⁷. «Старейшие» и «меньшие» заменяют в ней «великих» и «малых», понятно, что обе пары эпитетов — отнюдь не топосы, а отражающие социальную реальность термины активных источников. Однако что касается «детей», то, во-первых, такая социальная категория (не путать с «детскими!») источникам неизвестна. Термин «дети боярские» в значении социальной категории, причем не «самой низшей», а относящейся к служилым людям, появляется значительно позже. В раннее время «дети боярские» — это просто дети бояр⁴⁰⁸. Во-вторых, «дети» в рассматриваемом летописном повествовании не только не отождествляются, но прямо отделяются от всех «киян от мала до велика», участников веча. Из него становится абсолютно ясно, что в вече участвуют не только те киевляне, у которых есть кони, но и те, у кого их нет. Все это убедительно свидетельствует о том, что состав веча был гораздо шире «феодальной верхушки» и охватывал, видимо, широкие круги киевских горожан.

⁴⁰⁴ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования. С. 284.

⁴⁰⁵ Wasilewski T. Studia nad składem społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi // Studia wczesnośredniowieczne. Wrocław; Warszawa, 1958. Т. IV. S. 359, 359, przyp.

⁴⁰⁶ ГВНП. С. 13.

⁴⁰⁷ ГВНП. С. 18; ср. также: ГВНП. С. 27.

⁴⁰⁸ См.: Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 351. Обоснованную критику предположения Т. Василевского см. также: Łowmiański H. O składzie społecznym. S. 443.

Примечательно также, что вечники стояли; это также косвенно говорит в пользу того, что на Софийском дворе могло собраться весьма много людей.

На том же вече выступил некий «един человек» и заявил: «По князи своемъ ради идемъ, но первое о семь промыслимы, аоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославичѣ, высѣкше Всеслава ис пороуба злии они и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему; а се Игорьъ, ворогъ нашего князя и нашъ, не в пороубѣ, но въ святомъ Федорѣ, а, оубивше того, к Чернигову поидем по своемъ князи, кончаимы же ся с ними». «Народ» ринулся к Федоровому монастырю. Не помогли и уговоры Владимира Мстиславича; киевляне ему «рекоша: „Мы вѣдаемъ, оже не кончати добромъ с тѣмъ племене/мъ/ ни вамъ, ни намъ“»⁴⁰⁹.

«Един человек» в выступлении апеллирует к событиям 1068 г. и осуждает их активных участников — киевских «людей градских», освободивших, вопреки воле Изяслава Ярославича и дружины, Всеслава Брячиславича и провозгласивших его князем. Это место вызвало дискуссию. Л. В. Черепнин предположил, что пейоративный эпитет «злии человеци» мог быть использован по адресу киевлян, действовавших в 1068 г., лишь «представителем класса феодалов и скорее всего сторонником князя Изяслава Мстиславича»⁴¹⁰. К. Цернак, руководствуясь априорной идеей о принципиально разном социальном содержании древнерусских понятий «мужи» и «люди», а также «человек», пришел к противоположному и столь же необоснованному выводу о том, что на вече, «несомненно», выступал «простой человек»⁴¹¹. А И. Я. Фроянов вообще пришел к ни на чем, кроме общих соображений, не основанному подозрению, что «речь „единого человека“ в той части, где говорится о зле, содеянном киевлянами в 1068 году» — «изобретение самого летописца»⁴¹². Однако, как заметил еще В. И. Сергеевич, никаки причин «заподозрить летописца в сочинительстве» нет. И вокняжение Всеслава, и учиненная в следующем году Мстиславом Изяславичем жестокая расправа должны были запомниться киевлянам⁴¹³. Иными словами, «един человек» считает вечников 1068 г. «злыми людьми» именно потому, что их действия нанесли ущерб («зло») городу, т. е. горожанам.

Важная особенность рассказа Лавр. заключается в том, что, по ее версии, Изяслав Мстиславич отправил в Киев для созыва вече не безымянного посла, а двух «мужей-киян», неких Добрынку и Радила. Их социальный статус точно не обозначается, но показательно, что они называются не «мужами князя» или «своими мужами» (по отношению к Изяславу), а «мужами-киянами». Владимир Мстиславич объявляет присутствующим на вече: «Се прислалъ брат мои 2 мужа Кыянина, ато молвять братѣ свои»⁴¹⁴, из чего следует, что Радил и Добрынка вполне мог-

⁴⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 349.

⁴¹⁰ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения. С. 257.

⁴¹¹ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 79.

⁴¹² Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования. С. 285.

⁴¹³ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. С. 21.

⁴¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 316.

ли иметь то же положение, что и вечники. Нет у них и отчеств («вичей»). Нельзя исключать того, что Изяслав для поиска поддержки среди киевлян отправил кого-нибудь из отправившихся с ним ранее добровольцев из «людей градских». Впрочем, это лишь предположение⁴¹⁵. Кроме того, согласно Лавр., киевляне на вече сидели: «И придоша Кыянь много множество народа, и сѣдоша у святое Софьи (слышати — А)»⁴¹⁶.

Под 1149 г. в Ип. говорится о прибытии в Новгород Изяслава Мстиславича, где его «оусрѣте сынъ его Ярославъ с боярь Новгородьцкыми». После литургии в Софийском соборе князя «посласта подвоискѣи и биричѣ по оулицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ от мала и до велика». Когда пир закончился, люди «веселишася радостью великою, честию разидошася въ своя дома». На следующее утро «пославъ Изяславъ на Ярославль дворъ, и повелѣ звонити, и тако Новгородци и Псковичи снисдошася на вѣче. И рече имъ: „Се, братье, сынъ мои; вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидить стрьи мои Гюрги, на /нь/ есмь пришел семо, оставя Роускою землю вас дѣля и ваших дѣля обидъ, а гадаите на нь, братье, како на нь поити, а любо с ним миръ възмемъ, паки ли с ним ратью кончаимы“. Они же рекоша: „Ты нашъ князь, ты наш Володимиръ, ты нашъ Мьстиславъ, ради с тобою идемъ своихъ дѣля обидъ“»⁴¹⁷.

Бросается в глаза взаимосвязь таких феноменов, как пир («обед») и вече. Это еще раз доказывает важность рассмотрения социального состава участников не только собственно политических мероприятий, но и с современной точки зрения не имеющих прямого отношения к политике: религиозных церемоний, торжественных встреч церковных иерархов и князей, пиров, обмена дарами и т. д.⁴¹⁸. Да и само рационалистическое разделение сфер деятельности было чуждо средневековому миропониманию и в данном случае весьма условно. Среди новгородцев выделяются новгородские бояре. Однако состав участников и пира, и, очевидно, вече шире. На «обед» по приказу князя зовут всех новгородцев «от мала до велика», т. е. не только бояр. При этом биричей и подвойских рассылают по новгородским улицам, а не по волости или селам, что говорит об участии в этом пиршестве именно горожан. Такой же состав, надо думать, имеет и вече, созданное наутро после того, как новгородцы повеселились на «обеде» «радостью великой» и разошлись по домам. Ведь, когда летописец имеет в виду новгородских бояр, он их в этой статье и называет боярами, а вечников он именует новгородцами, т. е. более общим понятием. Подтверждает это предположение и указание МЛС, согласно которому на вече «снисдошася Новгородци вси»⁴¹⁹. В вече участвуют и предста-

⁴¹⁵ В МЛС также фигурируют Радил и Добрынка, а не безымянный посол. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 41.

⁴¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 316.

⁴¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 369–370.

⁴¹⁸ См. подробнее: *Лукин П. В.* Праздник, пир и вече: К вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // *Одиссей. Человек в истории.* 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. О проблеме в целом см.: *Гуревич А. Я.* От пира к нуле // *Одиссей.* 1999. М., 1999.

⁴¹⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 45.

вители «пригорода» — псковичи. Интересно, что в походе на Юрия Долгорукого участвуют не только новгородцы и псковичи, но и карелы⁴²⁰, однако ничего не говорится об их участии в вече, что, видимо, связано с их статусом новгородских данников, а не младших партнеров, как у псковичей.

Под 1151 г. в Ип. идет речь о повторном занятии Изяславом Мстиславичем Киева, где в тот момент вокняжился его дядя Вячеслав, и о позиции киевлян: «Кияне же слышавше, оже Изяславъ идеть, и тако изидоша противуо Изяславу многое множество, и рекоша Изяславу: „Гюрги вышель ис Киева, а Вячьславъ сѣдять ти в Киевѣ, а мы его не хочемъ“». Затем киевляне еще раз обратились к Изяславу: «Ты наш князь, поѣди же къ святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего»⁴²¹. Действующие в этой статье «кияне» характеризуются летописцем как «многое множество», а ниже еще как «народа сила», «людии полкъ», просто «множество»⁴²². Это, очевидно, достаточно широкие круги городского населения Киева, интересы которых, судя по летописи, не всегда совпадают с интересами даже любимого ими князя. Ссылаясь именно на «многое множество киян», Изяслав удаляет из Киева своего дядю Вячеслава Владимировича. Здесь не обсуждается вопрос, насколько это летописное изложение соответствует действительности. Вполне возможно, Изяслав просто воспользовался позицией киевлян как предлогом для того, чтобы выдворить конкурента из столицы; в данном случае важно то, как социально-политическая активность горожан изображается в источнике. Впрочем, по наблюдениям лингвистов, прямая речь светских лиц в Киевском своде в составе Ип. в отличие от ряда других летописных сводов (в том числе Галицко-Волынского в составе той же Ип.) по ряду показателей соответствует живой речи раннедревнерусского периода (XI — начало XIII вв.) и, следовательно, вполне может быть отражением реальности, а не конструкциями летописца⁴²³.

Под тем же годом от Р. Х. в Ип. рассказывается об участии в «обеде», данном Вячеславом Владимировичем в честь своего племянника Изяслава, уже «всех киян»: «Вячьславъ же оуѣха в Киев, и ѣха к святѣѣ Софьи, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего, и позва сына своего Изяслава к собѣ на обѣдъ, и Кияны всѣ, и королевы мужи, и Оугры, и с их дружиною, и пребыша в величи любви»⁴²⁴. И здесь «все кияне» отделяются от дружин Изяслава и Вячеслава. Присутствие на пире «всех киян» не должно смущать, так как, видимо, действительно, это было весьма масштабное мероприятие: в нем участвовали не только «мужи» венгерского короля, т. е. знать, но и «Угры» — рядовые члены венгерского войска⁴²⁵.

⁴²⁰ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 370. См. также: *Черепнин Л. В.* Пути и формы. С. 44. Ср. точку зрения В. Т. Пашуто о «зависимости решения вече от сговора князя с антисуздальской группировкой» (*Пашуто В. Т.* Черты политической истории. С. 28). Неясно, впрочем, каков все-таки, по мнению исследователя, был социальный состав вечевого собрания.

⁴²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 396–397.

⁴²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 397.

⁴²³ См.: *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004. С. 50–51.

⁴²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 418–419.

⁴²⁵ См. также упоминавшееся уже известие о «братчине» и вече в Полоцке в 1158 г. См. подробнее: *Лукин П. В.* Праздник, пир и вече. С. 141.

Под 1155 г. в НПЛ сообщается о приглашении на княжение в Новгород сына Юрия Долгорукого Мстислава. Интересы новгородцев при этом представляют епископ и «передние мужи», т. е. лица, принадлежащие к общественной элите⁴²⁶.

В сообщении Ип. под 1158 г. об отстранении от власти в Полоцке Ростислава Глебовича и возвращении в город Рогволода Борисовича, в частности, говорится, что изгнанный Ростислав в отместку начал «воевать» Полоцкую волость «и много зла створи волости Полотьской, воюя, и скоты, и челядью»⁴²⁷. Челядь здесь приравнивается к скоту, и явно не участвует ни в вече, ни в братчине, о которых в этой летописной статье идет речь выше, и, таким образом, не принадлежит к социально-политической общности «полочан».

Под 1167 г. в НПЛ содержится известие о «поряде» между новгородцами и киевским князем Ростиславом Мстиславичем, совершенном в Луках: «...приде Ростислав ис Киева на Луку, и позва новгородьце на порядок: огнищане, гридь, купце вьячшее...»⁴²⁸. От имени новгородцев договор с князем заключают «огнищане, гридь и вьячшие купцы». Огнищане и гридь — видимо, другое наименование новгородской знати, сохранившееся со времен ее принадлежности к дружинной организации⁴²⁹. Высказывались, однако, и другие мнения. А. Н. Насонов предположил, что огнищане и гриди здесь — особые группы новгородского населения, связанные с князем⁴³⁰. Эта точка зрения была развита В. Д. Назаровым, считающим, что «огнищане и гриди суть особая воинская институция дружинного типа, находящаяся под юрисдикцией Новгорода в целом и не подчиняющаяся напрямую князю, сидевшему на новгородском столе». Однако соотношение между огнищанами и боярами прояснено им недостаточно четко: «По статусу бояре и огнищане были равны, в определенном смысле вторые — часть первых»⁴³¹.

А. А. Горский справедливо заметил, что, если огнищане и гриди связаны с князем, тогда непонятна роль «купцов». «Поряд» с новгородцами имел какой-либо смысл, только если его заключали реальные представители новгородцев, а не дружинники новгородского князя или гипотетические новгородские «воины дружинного типа» (не встречающиеся, заметим, ни в одном из описаний сражений, в которых участвовало новгородское войско, состоявшее всегда из двух частей: княжеской дружины/двора и новгородского ополчения); это прекрасно должен был понимать Ростислав⁴³².

⁴²⁶ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 29.

⁴²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 495–496.

⁴²⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 32.

⁴²⁹ См.: *Троцкий И. М.* Возникновение. С. 353–354; *Goehrke C.* Groß-Novgorod und Pskov/Pleskau // *Handbuch der Geschichte Russlands.* Stuttgart, 1981. Bd. 1. Bis 1613. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. 1 Halband. S. 457; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 44; *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» С. 67–68.

⁴³⁰ *Насонов А. Н.* «Русская земля». С. 44.

⁴³¹ *Назаров В. Д.* К методике анализа новгородских источников XII–XIII вв. (О стратификации общества Новгородской республики) // *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто.* Москва. 18–20 апреля 1990 г. М., 1990. С. 94.

⁴³² См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 101.

Интересные соображения относительно огнищан и гридей этой летописной статьи были высказаны Б. Д. Грековым и Х. Ловмянским. По мнению Б. Д. Грекова, огнищане соответствуют боярам, а термином «гридь» в XII–XIII вв. «стали обозначать ... тот слой средних землевладельцев, который образовался путем смешения осевшей на землю дружины с теми землевладельцами, которые ни у кого никогда в составе дружины не бывали». Вслед за И. М. Троицким⁴³³ Б. Д. Греков предположил, что впоследствии скандинавский термин «гриди» заменил чисто русский «житья люди» с тем же значением — промежуточного слоя «между боярством и купечеством»⁴³⁴. Х. Ловмянский, в принципе поддержав Б. Д. Грекова, заметил, что характеристика советским историком гридей «соответствует скорее огнищанам», а гриди «представляли собой новгородский гарнизон, набравшийся среди жителей Новгорода»⁴³⁵. Так или иначе, нет никаких оснований сомневаться в том, что огнищане и гриди — это группы новгородской элиты, не связанные в XII–XIII вв. непосредственно с князем.

Особого внимания заслуживают «вявшие» купцы. Еще А. Е. Пресняков высказывал точку зрения о том, что «купцами» в источниках домонгольского времени могли называть всех горожан в целом⁴³⁶. Позднее это мнение было поддержано и развито другими исследователями⁴³⁷. Недавно его подкрепил и обосновал применительно как раз к Новгороду Б. Н. Флоря. Он полагает, что в XII в. в Новгороде понятие «купцы» могло распространяться не только на собственно купцов, но и на все торгово-ремесленное население⁴³⁸. Любопытно, что так же обстояло дело в том же столетии и в городах Западного Поморья (Щецине, Волине и др.). Как отмечает польский историк Л. Лециевич, «в письменных источниках ремесленники не выступают ни разу» в этих центрах, тогда как купцы упоминаются. Между тем ремесленники там, несомненно, были; «из них ... состоял ... *ropulus*-простонародье», принимавший участие в тамошних собраниях⁴³⁹. В русских летописях также отсутствует общее понятие «ремесленники», хотя представители отдельных ремесленных специальностей упоминаются⁴⁴⁰.

⁴³³ Троицкий И. М. Возникновение. С. 359, сноска.

⁴³⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 342–343.

⁴³⁵ *Łowmiański H.* Początki. Т. IV. S. 174, przyp.

⁴³⁶ См.: Пресняков А. Е. Образование. С. 327, примеч.

⁴³⁷ См.: Троицкий И. М. Возникновение. С. 350–352; Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 104–105; Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 246, примеч.; *Mühle E.* Die städtischen Handelzentren der nordwestlichen Rus. Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991. S. 156; Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 99.

⁴³⁸ См.: Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы».

⁴³⁹ *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław etc., 1962. S. 156–157.

⁴⁴⁰ См.: *Leuschner J.* Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. Berlin, 1980 (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I. Giessener Abhandlungen zu Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 107). S. 34, Anm.

Можно сделать вывод, что в этом летописном известии представлена руководящая группа новгородского общества. Она состояла из знати, выросшей из дружинной организации, и верхушки торгово-ремесленного населения. Когда же в Новгороде обострились социально-политические противоречия, собиралось вече, в котором участвовал «весь град», т. е. все свободные горожане.

Под 1174 г. в Ип. и Лавр. читается сообщение о вторичном вокняжении Ярослава Изяславича в Киеве и наказании им киевлян, промедливших с выкупом. Князь «попрода весь Киевъ: игумены, и попы, и черньцѣ, и черницѣ, Латину, и гостѣ, и затвори, всѣ Кыяны»⁴⁴¹. Из общей массы киевлян особо выделяется духовенство (игумены, чернецы и черницы, священники, монахи-затворники⁴⁴²) и купцы («гости»). Очевидно, это связано, так сказать, с большей кредитоспособностью этих групп населения. Обращает на себя внимание, что «весь Киев» включает в себя и некую «латину». Обычно считается, что это были купцы из католических западных стран⁴⁴³. Нельзя, однако, исключать, что так могли называться и русские купцы, торговавшие с западными, «латинскими» странами (по типу «гречников», более поздних «сурожан»).

Историки усматривали в этом известии одно из свидетельств падения самостоятельной политической роли киевских горожан, в том числе и веча, в конце XII — начале XIII в.⁴⁴⁴ Однако для нас главное в данном сообщении заключается в том, что и в это время сохраняется термин «все кияне», подразумевающий свободных горожан, обладающих, между прочим, определенным достатком («нищих и убогих» «попродать», надо думать, было невозможно).

Под 1176 г. в Лавр. читается упоминавшийся выше рассказ о попытке примирения Всеволода «Большое Гнездо» с Мстиславом Ростиславичем⁴⁴⁵. Термин «старейшая дружина», как уже говорилось, здесь, вероятно, используется в широком значении и имеет отношение к отмечавшимся выше представлениям ростовцев о своем городе как о «старейшем». Это следует из того, что ниже «ростовцы» последовательно отделяются от бояр, также ростовских. Иными словами, против владимирцев и поддерживаемых ими Юрьевичей борется не только ростовская

⁴⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 579; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 366–367.

⁴⁴² О таком значении слова «затворъ» см.: СДРЯ. Т. III. С. 351 (как затворников понимал это понятие еще С. М. Соловьев; см.: *Соловьев С. М.* История. Кн. I. С. 540). Однако высказывались и другие соображения. Так, Е. Е. Голубинский полагал, что «затворы» — это келья монахов, и предлагал перестановку: «...черницы затворы, латину и гости» (*Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 2002. Т. I. Период первый. Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. С. 564–655). По мнению И. А. Линниченко, «затворы здесь означают склады товаров» (*Линниченко И.* Вече. С. 53).

⁴⁴³ Так считал еще Н. М. Карамзин. См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. III. С. 368, 520. В. Б. Антонович полагал, что это была «колония», населенная итальянцами, «которые в то время вели уже довольно обширную торговлю по берегам Черного моря» (*Антонович В. Б.* Киев в княжеское время // *Он же.* Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995. С. 600).

⁴⁴⁴ См., например: *Линниченко И.* Вече. С. 52–54.

⁴⁴⁵ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 380–381.

знать, но и ростовские горожане⁴⁴⁶. При этом, конечно, возглавляют последних бояре, о чем свидетельствует, в частности, упоминание лидеров «ростовцев» Матяя Шибутовича и Добрыню Долгого⁴⁴⁷ — явно лиц боярского статуса.

Под 1177 г. в Лавр. описываются выступления владимирцев после окончательной победы Всеволода Юрьевича над Ростиславичами и пленения им враждебных ему князей: «И на третии день бысть мятежь великъ в градѣ Володимери: всташа бояре и купци». Мятежники потребовали расправы с плененными врагами, заявив: «Княже, мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своѣ складываемъ, а ты держишь ворогы своѣ просты. А се ворози твои и наши Суждалци и Ростовци — любо и казни, любо слѣпи, али даи нам». «Благоверный» и «богобоязненный» Всеволод казнить пленников на захотел и «повелѣ всадити ихъ в порубѣ людии дѣля, абы оутишился мятежь». Однако вскоре волнения возобновились: «По малѣ же дѣнии всташа опять людье вси и бояре, и придоша на княж дворъ многое множество съ оружьемъ, рекуще: „Чего ихъ додержати, хочемъ слѣпити и“⁴⁴⁸. В первом мятеже участвуют «бояре» и «купцы». Кто такие эти последние, торговцы или свободное непривилегированное торгово-ремесленное население Владимира в целом? Исследователи в основном склонялись к первому варианту⁴⁴⁹. Описание другого мятежа наводит на мысль, что верен, скорее, второй: в нем подчеркивается, что участники обоих «мятежей» были одни и те же («всташа опять»), а аналогом «купцов» выступают «людье вси». Несколько иначе состав участников второго мятежа, но по сути схоже, характеризуется в других летописях, родственных Лавр⁴⁵⁰.

⁴⁴⁶ А. Н. Насонов писал в связи с этим даже так: «...конечно, ростовское боярство не могло быть руководителем и вдохновителем вечевых сходок старого города Ростова» (*Насонов А. Н. Князь и город. С. 22*). Это, думается, преувеличение, и ростовское боярство, несомненно, играло важную роль в коллективной социально-политической деятельности ростовцев, что постоянно подчеркивается летописцем; но историк прав в том, что политическую активность проявляло не только боярство, но и другие слои городского населения. См. также: *Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 129–130*. Ю. В. Кривошеев доказывает, что здесь действовали не отдельные социальные слои, а «происходила борьба именно городских общин» (*Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 34*), причем ссылается не на источники, а на общие соображения.

⁴⁴⁷ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 381, 382.

⁴⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385; ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 605.

⁴⁴⁹ См.: *Насонов А. Н. Князь и город. С. 15*; *Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 139*. И. Я. Фроянов же, вопреки прямым показаниям летописи, пытается затушевать лидирующую роль «бояр и купцов», ссылаясь при этом на поздние источники, в том числе на Воскресенскую и Никоновскую летописи (см.: *Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования. С. 676–677*).

⁴⁵⁰ Р и А дают чтение «людье и бояре и вси велможи и до купецъ». В ЛПС: «людие и бояре, велможа, купци» (ПСРЛ. Т. 41. С. 109). Здесь не затрагивается сложная проблема реальности второго «мятежа» и вообще достоверности разных летописных рассказов о событиях во Владимире (см. об этом: *Красова А. Борьба за Владимиро-Суздальскую Русь в 70-х гг. XII в. Заключительный этап: Опыт реконструкции // Ruthenica. Киев, 2004. Т. 3. С. 116–117*; *Вилкул Т. Л. Конструирование нарратива в параллельных летописных сообще-*

Как бы то ни было, мы опять сталкиваемся с тем же явлением, которое уже отмечалось выше: в различных формах коллективной социально-политической активности принимают самостоятельное участие все свободные горожане, но руководящая роль принадлежит местной элите.

В высшей степени существенное свидетельство, также относящееся к Северо-Восточной Руси, читается под 1211 г. в МЛС в рассказе о предсмертных распоряжениях Всеволода «Большое Гнездо»: «...посла князь великий Всеволод по сына своего Костянтина в Ростовъ, дал ему по своем животѣ Володимеръ, а Ростовъ Юрью дая. Он же не ѣха к отцу своему в Володимеръ, хотя взяти Володимеръ к Ростову; онъ же посла по него вторицею зова и к собѣ; и тако паки не иде къ отцу своему, но хотяше Володимира к Ростову. Князь же велики Всеволод созва всѣх бояръ своихъ с городовъ и съ волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимеръ по собѣ, и води всѣх къ кресту, и цѣловаша вси людие на Юрьи...»⁴⁵¹. Как показал А. Н. Насонов, в МЛС «отразился владимирский летописный текст в первоначальном („чистом“) виде, т. е. таким, каким он был до того, как подвергся ростовской обработке», представленной в Лавр. Нужно, однако, учитывать, что «сохранился он в сложном по составу Московском своде 1479 г. только отдельными фрагментами наряду с извлечениями из других источников»⁴⁵². Данный фрагмент, как убедительно продемонстрировал А. Н. Насонов, восходит к этому раннему источнику⁴⁵³.

В. Т. Пашуто увидел в этом собрании пример древнерусского «собора», в котором были представлены, по его мнению, следующие «сословные группы»: «бояре (вероятно, кормленщики) из городов и волостей, церковная знать (епископ, игумены, попы) и, здесь особо выделенные, купцы и дворяне». «Специальное упоминание дворянства и купечества, — полагал историк, — свидетельствует об их возрастающем политическом значении»⁴⁵⁴. Можно полностью согласиться с последним замечанием; также вероятно, что бояре, созданные Всеволодом, управляли городами и волостями на правах кормления (хотя сам этот термин более поздний). Остальные выводы В. Т. Пашуто требуют корректировки. Во-первых, владимирское собрание не называется «собором»⁴⁵⁵. Во-вторых, неясно, почему

ниях о вече // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 213–219). В данном случае важно само значение термина «купец» в летописной статье.

⁴⁵¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 108.

⁴⁵² Насонов А. Н. История русского летописания. С. 169.

⁴⁵³ См.: Там же. С. 210–211. Поэтому, вопреки А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузов (см.: Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 18), сомневаться в достоверности этого известия не приходится.

⁴⁵⁴ Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 14.

⁴⁵⁵ Мнение В. Т. Пашуто о «соборе» получило определенную популярность в историографии. См., например: Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 144. Л. В. Черепнин предполагал даже, что это был «какой-то прообраз представительного органа, отдаленно напоминающего будущий земский собор...». По мнению исследователя, «эта форма сослов-

историк отнес «попов», т. е. священников, к церковной знати. Попы — это рядовое белое духовенство. В-третьих, В. Т. Пашуто опустил в своем перечне «всех людей», об участии которых недвусмысленно сказано в летописном тексте. Между тем внимательно изучавший владимирское летописание А. Н. Насонов, сопоставив это известие с другими, где шла речь о коллективных формах участия в политической деятельности жителей Северо-Восточной Руси, еще в 1924 г. определил «всех людей» этого сообщения как «представителей от всех городов» Владимирской земли⁴⁵⁶. Отождествление «всех людей» с горожанами представляется совершенно справедливым. Как мы видели, под этим именем в известии Лавр. о «мятежах» во Владимире, несомненно, скрывались владимирские *горожане*. Но нет никаких оснований предполагать, что это были какие-то делегаты от *разных городов* (по примеру английского парламента⁴⁵⁷). Заслуживает внимания комментарий Ю. А. Лимонова о том, что в «соборе» «участвовали представители имущих слоев населения всей земли, а также вече Владимира»⁴⁵⁸. Совещание 1211 г., скорее всего, было явлением традиционного для Древней Руси, условно говоря, «вечевого» типа, просто состав его участников оказался раскрыт в источнике более точно, чем обычно. Общая его структура тем не менее традиционна. Во главе находится руководящая верхушка (бояре, духовенство, пришедшие на смену младшей дружине «дворяне» и купцы), которой принадлежит главенствующая роль. Под купцами, очевидно, здесь нужно понимать купечество как таковое⁴⁵⁹. В со-

ного представительства при князе противопоставлялась князем вечевому строю» (*Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 55–56; см. также: он же. Пути и формы. С. 39*). Тезис Л. В. Черепнина недавно повторил В. Я. Петрухин (см.: *Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 227*). А Дж. Феннел писал, что «...Всеволод созвал во Владимире собор (явившийся, видимо, предшественником великих земских соборов 16 и 17 веков) — собор, представлявший *все сословия* (курсив наш. — П. Л.)» (*Феннел Дж. Кризис. С. 84*). Тем самым владимирский князь, получается, надолго опередив свое время, пошел в развитии сословного представительства дальше, чем русские цари XVI–XVII вв.

⁴⁵⁶ *Насонов А. Н. Князь и город. С. 25. Насонов А. Н. История русского летописания. С. 166–167. Близкую точку зрения высказывал несколько ранее и А. Е. Пресняков, писавший о «соборе» 1211 г. как о «съезде „всех бояр с городов и волостей“, духовенства с епископом во главе и всей дружины при собрании горожан — купцов и „всех людей“». При этом, правда, он почему-то противопоставлял этот съезд «вечу стольного города» (как будто бы в вече могли участвовать *только* незнатные горожане) и полагал, что «перечень общественных групп на этом съезде вызывает сомнение, потому что текст дошел до нас в поздней редакции» (*Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 55*). Еще раньше о собрании в 1211 г. как о вече писал В. Н. Латкин (см.: *Латкин В. Н. Земские соборы. С. 24–25*).*

⁴⁵⁷ Ср.: *Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 171, примеч.*

⁴⁵⁸ Там же. С. 106.

⁴⁵⁹ А. Е. Пресняков предположил, что под «купцами» в данном случае имеются в виду горожане (см.: *Пресняков А. Е. Образование. С. 327, примеч.*). В новейшей литературе к нему присоединился Ю. В. Кривошеев, предположивший, что купцы здесь — это «городское торгово-ремесленное население в целом ... так как многие жители, и особенно городские, занимались в той или иной мере торговыми сделками» (*Кривошеев Ю. В. Русь и мон-*

брании, однако, участвуют и «все люди», — вероятнее всего, владимирские горожане⁴⁶⁰.

Под 1179 г. в Ип. сообщается о приглашении в Новгород Мстислава Ростиславича «Храброго»: «Прислаша Новгородци мужѣ свои ко Мьстиславоу, зовоуче и Новоугородоу Великомоу». Уходить из «Русской земли» он не хотел. Но в конце концов, «послушавъ братьи своеи и мужѣи своихъ, поиде съ бояры Новгородцкыми»⁴⁶¹. Известие еще раз подтверждает известный нам механизм принятия политических решений в Новгороде. В принципе, все определяется «новгородцами», но от их имени представляют новгородские бояре, которые, что любопытно, именуются «мужи свои». «Своими» обычно называются в источниках бояре и дружинники по отношению к князю, которому они служат; новгородские же бояре являются «мужами» всего Новгорода.

Аналогичная по сути информация содержится в разбиравшемся выше рассказе НПЛ под 1193 г. о поставлении нового архиепископа Мартирия в Новгороде⁴⁶². И вновь, согласно летописи, решения в Новгороде принимают все горожане, но координируют, направляют, возглавляют процесс лидеры новгородского общества — «передние мужи». НПЛ младшего извода прямо свидетельствует о том, что избрание Мартирия совершилось на вече, его жребий вынул слепец, участвовавший, несмотря на физический недостаток, в собрании⁴⁶³. Обратим внимание, что в вече участвует все новгородское духовенство, в том числе и простые священники («попы»).

То же мы видим и в известии НПЛ под 1197/1198 г.: «Идоша из Новагорода (во Владимир, к Всеволоду Большое Гнездо. — П. Л.) переднии мужи, сътський»⁴⁶⁴.

голы. С. 70). Как отмечалось выше, такая трактовка, в принципе, возможна. Но, если ее принять, остается непонятным, почему «купцы» упомянуты перед «дворянами». В. Д. Назаров думает, что «купцы» здесь «обозначают представителей привилегированных корпораций торговцев — наподобие Ивановского ста в Новгороде и более поздних корпораций суконников и гостей» (Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне». С. 119, примеч.). Однако это только догадка.

⁴⁶⁰ По-другому думает Ю. В. Кривошеев. «Скорее всего, — рассуждает он, говоря о „соборе“ 1211 г., — вече на Руси, как и близкие им скандинавские тинги, были всеобщими, посещение их было добровольным и, более того, необходимым для всего свободного населения „всей земли“ (Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 68). Сопоставление древнерусского веча со скандинавским тингом — задача специального исследования, безусловно, необходимого. Однако уже сейчас можно сказать, что тезис Ю. В. Кривошеева не выдерживает критики: абсолютно невероятно, чтобы во Владимир собрались неисчислимые толпы населения со всей огромной Северо-Восточной Руси. Нет и ни единого свидетельства об участии сельского населения Владимирской земли в политических собраниях.

⁴⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 606–607.

⁴⁶² См.: ПСРЛ. Т. III. С. 40.

⁴⁶³ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 232.

⁴⁶⁴ Это место может быть прочитано двояко: либо как в издании А. Н. Насонова (тогда оказывается, что «передние мужи» и сотские — одни и те же люди); либо между двумя этими категориями нужно поставить запятую (в таком случае посольство состояло из двух частей, «передних мужей» и сотских). То обстоятельство, что в Академическом и Толстов-

и пояша Ярослава съ всѣю правдою и чьстью, и приде на зиму Ярославъ по Крещении за недѣлю и седе на столъ своемъ, и обуяся съ людьми, и добро все бысть... и ради быша Новгородъ вси от мала и до велика»⁴⁶⁵. Новгородцев в переговорах с Всеволодом представляют «передние мужи» (представители новгородской знати) и сотские. Социальный статус этих последних до сих пор неясен, в силу нерешенности проблемы происхождения и функционирования децимальной организации в Древней Руси⁴⁶⁶. Несмотря на то, что от имени Новгорода переговоры о приглашении князя ведут представители общественной элиты, окончательное решение (по крайней мере, так следует из текста летописи) остается за новгородскими «людьми», которые ниже называются «все от мала до велика Новгороде». Именно со всеми новгородскими горожанами должен был «обуяться», т. е. заключить договор («ряд»), Ярослав Владимирович. По мнению А. В. Петрова, «редкий глагол» «обуяться» использован здесь летописцем «для передачи определенного смыслового оттенка», а именно для того, чтобы подчеркнуть: «меньше самовластия и больше согласия с вечем» и «городской общиной» «надлежало проявлять неуживчивому князю»⁴⁶⁷. Но А. В. Петров ошибается. Глагол «обуяться» (собственно, «заключить друг друга в объятия, обняться»⁴⁶⁸) несколько раз встречается в летописях в прямом и переносном смыслах (так, под 1181/1182 г. читаем в сообщении Ип. о примирении Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодича: «И оутвердившеса крестомъ честнымъ, и тако живяста оу любви, и сватьствомъ обоумешеса»⁴⁶⁹), и всегда он употребляется при описании радостной встречи или примирения, не подразумевающих каких-либо уступок одной из сторон⁴⁷⁰.

Под 1180/1181 г. в Ип. зафиксировано участие «всех смольнян» во встрече нового князя, Давыда Ростиславича. Из контекста летописного сообщения становится ясно, что речь идет о горожанах: «Онъ (Давыд Ростиславич. — П. Л.) же слышавъ, бысть печалень велми, плача поѣха борзо к Смоленскоу. И оустрѣте и епископъ Костянтинъ съ кресты, и со игоумены, и с попы, вси Смольняни»⁴⁷¹.

Под 1187 г. в Ип. сохранилось повествование о смерти галицкого князя Ярослава Осмомысла. Перед смертью Ярослав созывает некое совещание, которое в

ском списке НПЛ (т. н. НПЛ «младшего извода») данной фразе соответствует выражение «переднии мужи и сочьскии», а в Комиссионном — «прежнии мужи и сочкыи» (см.: ПСРЛ. Т. III. Стб. 236), свидетельствует в пользу второго варианта.

⁴⁶⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 43.

⁴⁶⁶ См., например: *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 148–170; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 66–67; *Кучкин В. А.* Ранние свидетельства.

⁴⁶⁷ *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 162.

⁴⁶⁸ СДРЯ. М., 2002. Т. V. С. 553.

⁴⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 624.

⁴⁷⁰ См. примеры из Ип., отмеченные в «Словаре древнерусского языка...»: встреча между венгерским королем и Изяславом Мстиславичем (ПСРЛ. Т. II. Стб. 447), встреча Юрием Долгоруким в Киеве его племянника Ростислава Мстиславича (ПСРЛ. Т. II. Стб. 480).

⁴⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 616.

историографии иногда именуется «собором» всей Галицкой земли⁴⁷²: «И ко преставлению своему в болезни тяжьць познася /Ярослав/ хоудь, и созва моужа своя, и всю Галичкую землю: позва же и зборы вся, и монастыря, и нищяя, и сильныя, и хоудыя, и тако глаголаше, плачяся ко всъмь: „Отци и братья и сыновѣ! Се оуже отхожю свѣта сего соуетьнаго, и идоу ко творчю своему, а сгрѣшихъ паче всихъ, якоже инь никто же сгрѣши. А отци, братья, простите и отдаите!“ И тако плакашеться по три дньи передо всеми зборы и передо всеми людми, и повелѣть раздавати имение свое монастыремъ и нищимъ. И тако даваша по всемоу Галичю по три дньи, и не могоша раздавати. И се молвяшеть моужемъ своимъ: „Се азъ одиноу хоудю своюю головою ходя, оудержалъ всю Галичкую землю, а се приказываю мѣсто свое Олгови сынови своему меншему, а Володимѣроу даю Перемышль“. И оурядивъ ю, и приводи Володимѣра ко хрестоу, и моужи Галичкыя на семь, яко емоу не искать подь братомъ Галича...»⁴⁷³. В. О. Ключевский полагал, что Ярослав, «почувствовав близость смерти, позвал к себе в стольный город дружину, „мужей своих“, духовенство всех соборов и монастырей, нищих, словом, всю Галицкую землю, и три дня прощался со всеми»⁴⁷⁴. Этот комментарий вызывает вопросы. Ведь по нему получается, что «Галицкая земля» состояла из боярско-дружинной элиты, духовенства и ... нищих! По мнению В. Т. Пашуто, «собор был по составу довольно широк: были созданы князья союзные и вассальные („братья и сынове“), бояре, дворяне и мужи градские („мужи своя“, „вся Галичкая земля“), духовная знать — епископы и игумены соборных церквей и монастырей („зборы вся и монастыре“, „отци“). Упомянутые летописцем в конце перечня „нищяя... и худыя“ — это принятый в древней Руси литературно-церковный декорум любой „праведной“ княжеской кончины»⁴⁷⁵. Исследователь нарисовал впечатляющую картину масштабного сословно-представительного совещания в Галиче. Проблема заключается только в том, что она лишь в слабой степени основывается на летописи. Из нее, например, совершенно не следует, что в «соборе» участвовали дворяне. Ритуальное обращение Ярослава к присутствующим («отцы, братья и сынове») В. Т. Пашуто принимает за перечисление совершенно реальных социальных категорий. Относительно того, что «нищие» и «худые» — это литературно-повествовательный штамп церковного происхождения, историк прав, но то же самое можно сказать и обо всем тексте, он явно наполнен условной церковной лексикой, возможно лишь в малой степени соответствующей действительным социальным группам Галича. Да и сам термин «собор» применен В. Т. Пашуто к этому мероприятию искусственно. По справедливому замечанию А. В. Майорова, «для полного употребления данного термина недостает фактических оснований: в летописном тексте термин „собор“ фигурирует для обозначения представителей

⁴⁷² См.: Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 11–14.

⁴⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 656–657.

⁴⁷⁴ Ключевский В. О. Боярская дума. С. 46. При этом историк полагал, что эти люди «не составляли всесословного собора или земского веча ни законодательного ни совещательно-го», явно имея в виду, что такие «институты» в Древней Руси в принципе существовали.

⁴⁷⁵ Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 13.

духовенства»⁴⁷⁶, а точнее — духовенства, служившего при соборных храмах⁴⁷⁷. Единственно, можно отметить в самом общем плане весьма широкий состав участников собрания, который стремится подчеркнуть летописец. Однако собственно вопрос о власти решается князем на совещании со «своими мужами» и в ходе приведения к присяге «мужей галицких», о чем верно писал еще В. О. Ключевский⁴⁷⁸. Вероятно, и под теми, и под другими надо понимать галицкое боярство⁴⁷⁹. Таким образом, и здесь мы встречаемся со знакомым нам по ситуации во многих русских землях механизмом принятия решений. Впоследствии, правда, о чем уже говорилось, интересы галицких горожан («мужей градских») разойдутся с интересами боярства, но пока они действуют совместно при явном лидерстве боярства.

Под 1200 г. НПЛ информирует о вокняжении в Новгороде нового князя, Святослава Всеволодича, и избрании нового владыки: «Идоша людье съ посадникомъ и съ Михалкомъ (бывший посадник Михаил Степанович. — П. Л.) къ Всѣволоду; и прия е съ великою честию и вда имъ сынъ Святославъ; а въ Новъгородъ, съдумавъ съ посадникомъ, присла, и съ новъгородьци, и въведе въ епискупию Митрофана, мужа богомъ избърана; и съ Новъгородъ, шьдъше, съ честию посадиша и, донеже будетъ от митрополита позвание: и тгда поидеши на поставление...»⁴⁸⁰. Кандидатура Митрофана была определена совместно владимирским князем и посадником, но известную роль в его поставлении, судя по летописи, сыграл и «весь Новгород», т. е. все горожане.

Тот же «алгоритм» принятия решений новгородцами обнаруживается и в известии Лавр. (под 1199 г.) о просьбе Новгорода ко Всеволоду прислать своего сына в качестве князя, представляющем владимирскую версию событий, в которой

⁴⁷⁶ Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 266.

⁴⁷⁷ См.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 2002. Т. I. Период первый. Киевский или домонгольский. Первая половина тома. С. 482–483; М., 1998. Т. II. Период второй, Московский. От шестиста монголов до митрополита Макария включительно. Вторая половина тома. С. 81–83; Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 125–126, 184; Стефанович П. С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Церковно-исторический вестник. 2007. № 1. С. 119–120. В другой работе В. Т. Пашуто относит к «одной из форм политической активности» практику «решений политических вопросов „на сбор“» (Пашуто В. Т. О мнимой соборности Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 164), путая термин «собор» то ли с календарным «собором», т. е. соборным воскресеньем — первым воскресеньем Великого поста, то ли с известной в более позднее время практикой проведения собраний епархиального духовенства в соборное воскресенье.

⁴⁷⁸ См.: Ключевский В. О. Боярская дума. С. 46.

⁴⁷⁹ См.: Грушевський М. С. Історія. Т. II. С. 445. А. В. Майоров думает иначе. Признавая, что понятия «мужи свои» и «мужи Галичкыя» «равнозначны по смыслу и взаимозаменяемы», он полагает, что «муж» в данном случае — «обозначение свободного человека вообще» (Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 269). Но тогда необъяснимо притяжательное местоимение «свои».

⁴⁸⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 44.

акцент делается на подчинении Новгорода Всеволоду Большое Гнездо: «...придоша Новгородци лѣпшиѣ мужи, Мирошъчина чадь, к великому князю Всеволоду с поклономъ и с молбою всего Новагорода, рекуше: „Ты господинъ князь великый Всеволодъ Гюргевич, просимъ оу тебе сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новѣгород“. Князь же великый здумавъ с дружиною своею, и оутвердивъ ихъ крестомъ честнымъ на всеи своеи воли, да имъ сына своего Святослава. Новгородци же поаша и оу чюдное святое Богородици с радостью великою». С «мольбою» обращаются к сюзерену все новгородцы, но представляет их элита, посадник Мирослав Несдинич с близкими к нему «лепшими мужами»⁴⁸¹.

В уже привлекавшейся «Повести о взятии Царьграда фрягами», читающейся в НПЛ под 1203/1204 г., идет, в частности, речь о борьбе за византийский престол перед взятием столицы империи «фрягами» — крестоносцами. С точки зрения русского автора «Повести», судьбу византийского престола в экстраординарной ситуации решают константинопольские горожане, причем отдельно собираются «чернь» (под которой понимается, видимо, рядовое население Константинополя, а конкретно, как полагает Н. А. Мещерский, ремесленники и «многочисленный в византийской столице люмпенпролетариат»⁴⁸²), силой заставляющая принять участие в своем собрании «добрых людей», и «бояре». И те, и другие выдвигают своего кандидата на престол⁴⁸³.

Далее в «Повести» описываются само взятие крестоносцами Царьграда и попытки его предотвратить: «Цесарь же Мюрчюфоль крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити съ Фрягы, и не послушаша его: побѣгоша от него вси. Цесарь же побеже от нихъ, и угони е на Коньнемъ тѣргу, и многа жалова на бояры и на все люди»⁴⁸⁴. Таким образом, для того, чтобы эффективно вести боевые действия, императору Алексею Мурзуфлу («Мурчуфлу») нужно «укрепить» бояр и «всех людей» (в т. ч. и «чернь») — точно так же, как русским князьям необходимо было перед сражением «укрепить город», т. е. подтвердить «легитимность» своей власти в глазах всех горожан.

Под 1205 г. в Лавр. включен рассказ о посажении Всеволодом Большое Гнездо старшего сына Константина в Новгороде: «И цѣловавъ и (Константина. — П. Л.), отпусти, и проводиша и вся братья его с честью великою до рѣкы Шедашкы: Георгии, Володимеръ, Иоанн, и вси бояре отца его, и вси купци, и вси послы братья его... Пристигшу же вечеру, поклонишася ему братья его, и вси людье, и вси мужи отца его, и вси послы братья его, и ти поклонишася ему, и похвалу ему давше велику»⁴⁸⁵. С одной стороны, здесь идет речь об элите Владимирской земли, к которой принадлежат бояре («мужи отца») и купцы, с другой — подчеркивается участие в церемонии и «всех людей».

481 ПСРЛ. Т. II. С. 415–416.

482 Мещерский Н. А. Древнерусская повесть ... как источник. С. 177.

483 См.: ПСРЛ. Т. III. С. 47.

484 ПСРЛ. Т. III. С. 48.

485 ПСРЛ. Т. I. Стб. 422.

В той же летописи под 1207 г. содержится рассказ о походе Всеволода Большое Гнездо на Рязань: «И бывшую ему (Всеволоду. — П. Л.) оу Добраго, вѣста, и хотяше на оуτρια бродитися чересь Проню рѣку, и поити к городу. Рязанци же прислашася к нему с поклоном, молящеся, дабы не приходиль к городу, и епископъ их Арсении моляся часто... И потом Рязанци вси здумавше, послаша остаток князии и со княгынiami к великому князю Всеволоду в Володимерь»⁴⁸⁶. В первых, обращает на себя политическая активность рязанцев: именно они «посылают» князей и княгинь во Владимир, вероятно, в качестве заложников. Вторых, из текста следует, что «рязанцы» — это горожане (они «молят» Всеволода, чтобы его войско не подходило к городу). Выражение «вси рязанци», вероятно, указывает на достаточно широкие круги населения.

Под 1212 г. в ЛПС содержится информация о распределении столов между сыновьями Всеволода «Большое Гнездо» после его смерти и говорится о вокняжении Ярослава Всеволодича в Переяславле Суздальском: «Ярославъ же приехавъ въ Переяславль ... и съзвавъ вси переяславци къ Святому Спасу, и рече имъ: „Братия переяславци, се отецъ мой иде къ богови, а васъ удалъ мнѣ, а мене вдаль вамъ на руцѣ. Да ршите ми, братия, аще хотите мя имѣти собѣ, яко же имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложити“. Они же вси тогда рекоша: „Велми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ“. И цѣловаша к нему вси крестъ»⁴⁸⁷. В собрании переяславцев у Спасского собора участвуют «все переяславцы», но все переяславцы со всей волости не могли собраться в один день (а, судя по летописи, о собрании заранее известно не было). Следовательно, в нем участвовали переяславские горожане, видимо, разного социального положения. Максимум, что можно допустить, это участие в собрании жителей близлежащих сел⁴⁸⁸.

Под 1215 г. в НПЛ рассказывается об уходе Мстислава Удатного из Новгорода и о приглашении новгородцами Ярослава Всеволодича. При этом оба события сопровождаются созывом веча: «Поиде князь Мъстиславъ по своей воли Киеву, и створи вѣцѣ на Ярославли дворѣ, и рече новгородцемъ: „суть ми орудия въ Руси, а вы вольни въ князѣхъ“. Того же лѣта новгородьци, много гадавѣше, послаша по Ярослава по Всеволодици, по Гюргевъ вѣнукъ, Гюргя Иванъковиця посадника и Якуна тысяцскаго и купць старѣишихъ 10 муж; и вѣиде князь Ярославъ въ Новъгородъ, и усрѣте и архиепископъ Антонъ съ новгородьци... Князь же Яро-

⁴⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 432–433.

⁴⁸⁷ ПСРЛ. Т. XLI. С. 129–130.

⁴⁸⁸ В. Т. Пашуто в этом собрании переяславцев вновь усматривает городской совет, при этом являющийся «формой феодальной демократии» (что это такое, автор не поясняет). Единственным аргументом является ссылка на место из «Слова Даниила Заточника», где говорится, что «когда богат возлаголеть — вси молчат и вознесут его слово до облак; а убогий возлаголеть — вси на нь кликнуть». В. Т. Пашуто добавляет в связи с этим: «...было бы наивно искать в подобного рода формах феодальной демократии элементы народоправства» (Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 39). Но мысль Даниила Заточника имеет общечеловеческое значение. Везде и всегда богатые имеют больше возможностей, чем «нищие и убогие», но к социальному составу веча все это никакого отношения не имеет.

славъ створи вѣчѣ на Ярославли дворѣ; идоша на дворѣ Якунь, и розграбиша, и жену его яша...»⁴⁸⁹.

Социальный состав обоих вечевых собраний, а также фигурирующих в летописной статье «новгородцев» неясен. Однако интересно, что посольство, пригласившее Ярослава Всеволодича, состояло из посадника, тысяцкого и 10 «купцов старейших». Это обстоятельство, на наш взгляд, неоспоримо свидетельствует о принадлежности верхушки новгородских горожан к властной элите уже в начале XIII в. и тем более о ее существенной роли в вечевых собраниях⁴⁹⁰.

Под 1215 г. в НПЛ содержится рассказ о противостоянии Новгорода и изгнанного оттуда князя Ярослава Всеволодича, который ушел в Торжок и перекрыл подвоз хлеба в Новгород. Вскоре там начался голод, и новгородцы решили пойти на переговоры с Ярославом: «Новгородьци же, останьке живыхъ, послаша Гюргя Иванковица посадника и Степана Твърдиславица, ины мужа по князя, и тѣхъ прия; а въ Новѣгородѣ приславъ Ивора и Чапоноса, выведе княгнью свою к собе дѣщеръ Мъстислаю; и потомъ послаша Мануилу Ягольчевича съ последнею речю: „пойди въ свою отчину къ святѣи Софии; не идиши ли, а повежь ны“. Ярославъ же и тѣхъ не пусти, а гость новѣгородьскыи всѣ прия; и бысть Новѣгородѣ печаль и вѣльпъ». Спасением для Новгорода стало возвращение Мстислава Мстиславича: «Тѣгда же учювь Мъстиславъ Мъстиславлицѣ зло то, въеха въ Новѣгородъ ... и я Хота Григоревича, намѣстника Ярослаля, и всѣ дворяны искова; и выеха на Ярославль дворѣ, и цѣлова чьстньныи крестъ, а новгородьци к нему, яко с нимъ въ животь и въ смерть: „любю изищю мужи новгородьстии и волости, паки ли и а головою повалю за Новѣгородъ“. Ярославу же бысть вѣсть на Тържкѣ, и изгошиша твърдь, а пути от Новагорода все засекоша и рѣку Тѣхвѣрцю; а въ Новѣгородѣ въсла 100 муж новгородьць Мъстислава проваживатъ из Новагорода; и не яшася по то, нѣ вси быша одиномушно, и то 100 муж. И посла князь Мъстиславъ съ новгородьци къ Ярославу на Тържкѣ попа Гюргя святого Иоанна на Търговищи, и свои мужъ пусти: «сыну кланяю ти ся; муж мои и гость пусти, а самъ съ Торожьку поиди, а съ мною любвь възми». Князь же Ярослав того не улюбивъ, пусти попь без мира; а новгородце съзва на поле за Тържкѣ, въ мясопустную субботу, вси мужи и гостьбници, измавъ я вся, посла исковавъ по своимъ городомъ, а товары ихъ раздая и коне; а бяше всѣхъ новгородьць боле 2000. И приде вѣсть въ Новѣгородъ; бяше же новгородьцевъ мало: ано тамо измано вячьшии мужи, а мньшее они розидошася, а иное помырло голодомъ. Князь же Мъстиславъ створи вѣчѣ на Ярославли дворѣ: „и поидемъ, рече, поищемъ муж своихъ, вашии братьи, и волости своеи; да не будетъ Новыи тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородѣ Тържкомъ; нѣ къде святая София, ту Новгородъ; а и въ мнозѣ богъ, и в малѣ богъ и правда“»⁴⁹¹.

⁴⁸⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 53–54.

⁴⁹⁰ Б. Н. Флоря сопоставляет 10 старейших купцов этого известия с сотскими статьи под 1197/1198 г., также в качестве послов представлявшими Новгород, и видит в них представителей свободного непривileгированного населения, объединенного в сотни (см.: Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы». С. 72). Прямых подтверждений этой гипотезы нет.

⁴⁹¹ ПСРЛ. Т. III. С. 54–55.

Это пространное повествование представляет, на наш взгляд, исключительный интерес для изучения социального состава новгородского веча и для понимания социальной структуры новгородского общества XIII в. в целом. Прежде всего, «город» отделяется от волости («власти»). Новгородцев на переговорах с Ярославом Всеволодичем представляют посадник и «мужи», очевидно, представители новгородской знати, каким, вероятно, был, судя по наличию «веча», Мануил Ягольчевич. В конце концов Ярослав задержал более 2000 новгородцев, в том числе *всех* «мужей» и «гостебников», т. е., очевидно, бояр и купцов. Это подтверждается тем, что ниже они именуются «вяжими мужами». Тут следует отметить два обстоятельства. Во-первых, существенно, что в число вяжих мужей входили купцы, что демонстрирует высокий социальный статус этой группы населения и противоречит распространенным в историографии мнениям о ее низком положении в домонгольское время⁴⁹². Во-вторых, понятно, что в созданном после этого Мстиславом Удатным вече в Новгороде участвовали в основном «меньшие» новгородские мужи. Ю. Г. Алексеев даже писал, что «вяжих мужей» «поимали» «всех до одного»⁴⁹³. Конечно, нельзя воспринимать сообщения летописца как математически точные, возможно, кто-то из «вяжих» в Новгороде и остался, но сути дела это не меняет: в новгородском вече могли участвовать отнюдь не только представители боярско-купеческой элиты. Общее количество вечников было, очевидно, вопреки концепции В. Л. Янина, существенно больше 300, и в их число входили люди разного социального статуса⁴⁹⁴. Ведь, если бояре и купцы были взяты Ярославом в плен, кто оставался в городе? Скорее всего, это могли быть ремесленники и мелкие торговцы.

Косвенно о возможности участия в вече и этих категорий населения свидетельствуют данные о потерях новгородского войска в Липицкой битве. В НПЛ сообщается, что «новгородецъ убиша на съступѣ Дмитра Пльсковитина, Онтоня котелника, Иванька Прибышница опоньника; а в загонѣ: Иванка поповица,

⁴⁹² Так, В. Т. Пашуто писал: «...на Руси ... купечество еще не имело очерченных словных прав... купцы стояли много ниже бояр и в сословном смысле относились к „людям“» (*Пашуто В. Т. Черты политического строя. С. 12*). Тут все, на наш взгляд, неточно. Вопрос о существовании сословий в Древней Руси как четко оформленных групп населения с определенными правами, обязанностями, привилегиями и т. п., передающимися по наследству, в принципе, является открытым. Никакого сословия «людей» на Руси не существовало — это общее понятие, не имевшее социального оттенка. Наконец, как выясняется, социально-политическое значение древнерусского купечества не стоит недооценивать. Ср. более взвешенные выводы на владими́ро-суздальском материале: *Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 139–141.*

⁴⁹³ Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 247.

⁴⁹⁴ См.: Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 51. Ср. критику гипотезы В. Л. Янина: *Расмуссен К. «300 золотых поясов» древнего Новгорода // Scandoslavica. Copenhagen. Т. 25. Р. 93–103; Goehrke С. Groß-Novgorod. S. 461–462; Андреев В. Ф. О социальной структуре новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л., 1988. С. 73–80. См. подробнее: Лукин П. В. О социальном составе.*

Съмьюна Петриловица, търъскаго данника»⁴⁹⁵. Из четырех убитых двое, судя по прозвищам, были ремесленниками: Онтон котельник и Иванко Прибышнич опоньник, соответственно, изготавливавшие котлы и покрывала⁴⁹⁶. Иванко «попович», т. е. сын священника, тоже вряд ли представитель «вявших мужей». Относительно социального происхождения Дмитра Псковитина мы ничего не знаем. Только данник (т. е., видимо, сборщик дани) Семьюн Петрилович, вероятно, лицо более или менее общественно значимое⁴⁹⁷. Все они, очевидно, участвовали в вече, созванном Мстиславом, и перед Липицкой битвой вспоминали, как их предки сражались босыми при Кулачке.

Выше уже рассматривался фрагмент «Повести о битве на Липице» по версии летописей, в которых отразился т. н. Новгородско-Софийский свод, где рассказывается о бегстве Юрия Всеволодича после поражения во Владимир. Теперь следует отметить, что этот фрагмент является серьезным дополнительным аргументом против попыток интерпретировать упоминания «детей» в летописях как свидетельства о неполноправных членах родовых или большесемейных коллективов: «Въ Володимери же тогда (во время Липицкой битвы. — П. Л.) остались суть не супротивный народъ: попове, черньци, жены и дѣти...»⁴⁹⁸. «Дети» тут явно возрастное понятие, а не социальное, так как они относятся к «несупротивному народу», т. е. неспособному оказывать вооруженное сопротивление. О том же свидетельствует и сообщение НПЛ под 1240/1241 г. о нападении крестоносцев на Псков: «И стояша подъ городомъ недѣлю, но города не взяша; но дѣти поимаша у добрыхъ мужъ в тали, и отъидоша проче; и тако быша безъ мира ... а инии плъсковичи вбѣжаша в Новѣгородъ с женами с дѣтьми»⁴⁹⁹. «Дети», которых хотят взять в заложники и которых взрослые псковичи укрывают вместе с женами, — это явно просто дети, а не какая-то социальная категория. В источниках вообще нет упоминаний «детей», которые не могли бы быть поняты в возрастном смысле.

Под 1217 г. в НПЛ помещено известие о нападении «литвы» на Новгородскую землю и о внезапном нападении ливонских рыцарей («немцев») на новгородское войско. Изменники-«чудь» «начаша слати» к новгородским воинам «съ поклономъ лъстью», а тайно «по Нѣмъци послаша». Дальше произошло следующее: «...и начаша новгородци гадати съ плъсковичи о чюдьской речи, отшедъше далече товаръ, а сторожи ночьнии бяху пришли, а днѣвнии бяху не пошли; а наѣхаша на товары безъ вѣсти, новѣгородци же побегоша съ вѣча въ товары, и поймавше оружие и выбиша е ис товаръ...»⁵⁰⁰. Вече здесь — это военный совет, в котором участ-

⁴⁹⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 57. Характерно, что В. Т. Пашуто вообще уклонился от анализа этих сообщений. По его мнению, «состав этих собраний на Ярославлем дворе точно не обозначен („новгородьци“)» (*Пашуто В. Т. Черты политического строя*. С. 31).

⁴⁹⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7 (Крагуяръ — К). С. 380; СДРЯ. Т. VI. С. 142 («опона», «опоньникъ»).

⁴⁹⁷ О данниках см.: *Горский А. А. Древнерусская дружина*. С. 84.

⁴⁹⁸ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 194.

⁴⁹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 77–78.

⁵⁰⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 57.

вуют вместе новгородцы и псковичи. При этом в вече участвуют все воины, без различия социального статуса (а мы помним, что в составе новгородского войска могли находиться и ремесленники). Это доказывается тем, что в лагере должна была оставаться только стража, да и то ночные сторожи ушли, надо думать, на вече со всеми остальными воинами, а дневные еще на явились им на смену⁵⁰¹. Это не уникальное известие о вече в походе. Есть также сообщение Ип. под 1185 г., в котором вече появляется при схожих обстоятельствах. Киевский князь Святослав Всеволодич позвал на помощь против половцев смоленского князя Давыда Ростиславича, но, согласно летописи, во время похода «Смолнянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти, рекоуще: „Мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхом, намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, оуже ся есмы изнемоглѣ“»⁵⁰². Однако о составе вечевого собрания здесь никаких данных нет.

Под 1218 г. в НПЛ сообщается о «голке и мятеже» в Новгороде, выразившихся в вооруженном столкновении сторонников и противников новгородского посадника Твердислава, которые представляли разные районы (концы) города (при нейтралитете жителей Загородского конца): «...възвониша у святого Николы ониполовици цересь ночь, а Неревьский коньчъ у Святыхъ 40, также копяче люди на Твьрдислава. ... И поидоша ониполовици и до дѣтии въ бръняхъ, аки на рать, а неревляне также; а загородьци не въсташа ни по сихъ, и по сихъ, нъ зряху перезора». Твердислав не оставался без поддержки. Он на своих противников «поиде съ Людинемъ концемъ и с пруси». Результатом стал затяжной вооруженный конфликт, в ходе которого «быша вѣча по всю недѣлю». В конце концов все же «сидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша». В дальнейшем борьба шла уже на общегородском вече: «Князь же Святослав присла свои тысяцькыи на вѣче, рече: „не могу быти съ Твьрдиславомъ и отъимаю от него посадничество“. Рекоша же новгородьци: „е ли вина его“. Онъ же рече: „безъ вины“. Рече Твьрдислав: „тому есть радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ“. Новгородци же отвѣщаша: „княже, оже нѣту вины его, ты к намъ крестъ цѣловаль безъ вины мужа не лишити; а тебе ся кланяемъ, а се нашъ посадник, а в то ся не владимъ“; и бысть миръ»⁵⁰³. Наибольший интерес тут вызывает упоминание кончанских веч, собравшихся у Никольского собора и церкви свв. 40 мучеников Севастийских в Неревском конце и продолжавшихся в течение целой недели. Относительно этого известия В. Т. Пашуто отмечал, что «здесь вече, бесспорно, не

⁵⁰¹ Никак нельзя согласиться с Ю. Гранбергом, тракующим это известие так: «Ясно, что осаждающие чувствовали необходимым обсудить послание, отправленное из осажденного города. Невозможно, однако, допустить, что для обсуждения этого собралось все войско. Более вероятно, что в этом участвовало только военное руководство. Все войско вряд ли бы провело собрание во время похода и бросило бы свой багаж, особенно, когда в его составе было оружие» (*Granberg J. Veche in the Chronicles*. P. 122). Этот вывод основан на недоразумении: древнерусское слово «товарь» в данном случае означает не багаж или обоз, а военный лагерь, который должны были охранять сторожа, бросившие его только по случайности.

⁵⁰² ПСРЛ. Т. II. Стб. 647.

⁵⁰³ ПСРЛ. Т. III. С. 58–59.

общенародное собрание, а совещание сторонников двух группировок, которые затем находят общий язык, и с помощью сговора дело приходит к примирению на общем вече»⁵⁰⁴. Однако «беспорность» этого вывода неочевидна. Л. В. Черепнин правильно отмечал, что «ограничиваться этим в оценке событий нельзя. Обе партии не случайно „копили людей“, на которых можно было бы опереться, расширяя круг участников веча»⁵⁰⁵. Ведь то, что жители новгородских концов на своих вечах выступали с той или иной политической позицией, ничего не говорит о социальном составе этих собраний. Напротив, в летописи прямо говорится, что в кончанских вечах участвовали все жители вплоть до детей. В. Л. Янин, выдвинувший, как отмечалось выше, концепцию о чисто боярском составе общегородского веча в Новгороде, относительно кончанских и уличанских собраний полагает, что их состав «был более пестрым в социальном отношении», а сами они «генетически связаны с народными собраниями догосударственной эпохи»⁵⁰⁶. Но ведь после примирения «съидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша», т. е. участники конфликта, те самые, которые ранее бушевали на сепаратных кончанских собраниях, нашли общий язык и вместе составили общегородское вече⁵⁰⁷. При этом ничего не говорится о каком-либо представительстве от концов. Приходится допустить, что состав общегородского веча был таким же «пестрым», как и кончанских (естественно, при лидерстве бояр и «вячших купцов»).

Довольно загадочное сообщение приведено под 1231 г. в Галицко-Волынской летописи. Речь в нем идет о конфликте Даниила Романовича с галицкими боярами, и в связи с этим второй и последний раз в этом источнике упоминается вече: «Самому же Данилоу созвавшоу вѣче, оставьшоуся въ 18 отрокъ вѣрнихъ и съ Дѣмьяномъ тысяцкымъ своимъ, и рече имъ: „Хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изиду на враги мое?“ Онем же кликнувшимъ: „Вѣрни есмы Богу и тобѣ, господину нашему, изииди с Божию помощю!“ Соцкый же Микула рече: „Господине, не погнешши пчель, меду не ѣдать“. Помолившоу же ся ему /Богу/ и святѣи пречистѣи Богородици, Михаилоу архангелу Божию, оустремися изиити со малом рат-

⁵⁰⁴ Пауто В. Т. Черты политического строя. С. 31.

⁵⁰⁵ Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 46.

⁵⁰⁶ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. 1 (11). С. 95. К. Цернак замечает в связи с этим известием, что в новгородском летописании «вечем не всегда обозначается только общеновгородское собрание как обладающий конституционными правами и функциями орган, но иногда и спонтанные собрания в городе или в отдельных городских кварталах, которые не имеют ничего общего с вечем как собранием конституционного типа» (Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 158). Однако о вече как «конституционном» органе вряд ли можно говорить для этого времени применительно даже к Новгороду (см.: Лукин П. В. Вече. С. 130; Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 221–224); в древнерусском законодательстве домонгольского времени термин «вече» не фигурирует, поэтому противопоставлять по этому принципу общеновгородские и кончанские собрания неправильно.

⁵⁰⁷ См. также: Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002. P. 175.

никъ, и Мирославоу пришедшоу к нему на помощь с маломъ отрокъ. Невѣрнии же вси на помощь емоу идяхоу, мнящесе яко вѣрни соуть. И с ними же свѣтъ створиша»⁵⁰⁸. По этому поводу в историографии существует давняя дискуссия. Что это? Вече, в котором участвует 18 отроков Даниила и тысяцкий Демьян, или городское вече, созванное князем? В пользу первого предположения высказывался еще С. М. Соловьев⁵⁰⁹. Противоположного мнения в старой историографии придерживался, например, М. Ф. Владимирский-Буданов⁵¹⁰. Однако наиболее серьезные аргументы в поддержку этой версии привел М. С. Грушевский. Они таковы. Во-первых, Даниил выступил в поход на белзского князя Александра «со малом ратникъ». Эти ратники отличаются как от отроков Мирослава, так и от «неверных бояр». Откуда Даниил их взял? Это мог быть только полк, собранный «галицкою громадою». Во-вторых, в чем был смысл совещания князя с отроками — самыми низшими по статусу представителями дружинного коллектива? Даниилу было бы достаточно посоветоваться с тысяцким Демьяном и сотским Микулой. В-третьих, «який интерес» могут иметь для серьезного военного похода 18 отроков? Ответ на эти вопросы, как полагал М. С. Грушевский, может быть дан, только если предположить, что в летописи слова «рече имъ» адресованы не отрокам, а представляют собой конструкцию *ad synesim* «до згаданого вище вѣча»; под вечем «треба розуміти вѣче галицкої громади». Что касается отроков, то они упомянуты только для характеристики «прикрого становища Данила»⁵¹¹. Эти аргументы еще никто не пытался опровергнуть. К ним, однако, можно добавить и следующее. В вече участвовал сотский Микула. Вряд ли он был одним из 18 отроков, т. е. низших служилых людей Даниила. Но это уже разрушает гипотезу о вече отроков. Фраза относительно «неверных», под которыми летописец понимает галицких бояр, косвенно указывает и на их участие в вече: где, а главное зачем, они притворились «верными» князю? Неужели галицкие бояре испугались 18 отроков? Думаю, это могло произойти только на *общегородском* вече, ведь большинство горожан, как мы видели, сочувствовало Романовичам. Само словоупотребление («Самому же

⁵⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 763–764.

⁵⁰⁹ См.: Соловьев С. М. История. Кн. 2. С. 149. См. также: Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. 3. С. 112–113. В советское время эту точку зрения поддержал Б. А. Рыбаков (см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 517), а сейчас ее разделяют М. Б. Свердлов и Ю. Гранберг (см.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв СПб., 2003. С. 648; Granberg J. Veche in the Chronicles. P. 86).

⁵¹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор. С. 60.

⁵¹¹ Грушевський М. С. Історія. Т. 2. С. 476, примеч. Позднее вывод М. С. Грушевского без аргументации и ссылки на предшественника повторил В. Т. Пашуто. При этом, правда, он говорит не об абстрактной «громаде», а о конкретных галицких горожанах, что верно (см.: Пашуто В. Т. Очерки. С. 213). Оригинальное мнение высказал А. В. Майоров. С одной стороны, он согласился с М. С. Грушевским в том, что речь здесь идет о галицком вече. С другой стороны, он, вопреки очевидной логике, заявил, что горожане не поддержали Даниила: «Как ни зажигательно кричали на вече отроки князя, галичане остались глухи к его призывам» (Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 509).

Данилоу созвавшоу вѣче, оставъшшоуся въ 18 отрокъ вѣрнихъ и съ Дѣмянѡмъ тысяцкымъ своимъ») свидетельствует в пользу мнения о достаточно многочисленном собрании, на которое нужно было созывать людей. Исходя из чисто грамматических форм, ни малейших оснований предполагать созыв веча из 18 человек нет: фраза тогда должна быть построена иначе («Данилу созвавшоу на вѣче 18 отрокъ вѣрнихъ...»), в источнике говорится, что Даниил *остался* с 18 отроками и *тогда* (естественно, нуждаясь в поддержке) созвал вече, что вполне логично. В общем, принимая во внимание аргументацию М. С. Грушевского и высказанные дополнительные соображения, нужно склониться ко второму предположению: в Галиче состоялось городское вече, поддержавшее Даниила Романовича.

И в заключение следует вновь вернуться к Новгороду. Следующее сообщение НПЛ рисует весьма характерную картину социального состава новгородского веча. Под 1228 г. новгородская летопись содержит упоминавшееся выше уникальное известие о вече, в котором участвовала «простая чадь», т. е. самые что ни на есть рядовые горожане. Поводом для собрания «простой чади» стало недовольство архиепископом Арсением. Летописец объяснил это кознями дьявола, который «въздвиге на Арсения, мужа кротка и смерена, крамолу велику, простую чядь». События развивались так: «И створше вѣче на Ярославли дворе, и поидоша на владычьнъ дворъ, рекуче: „того дѣля стоить тепло дѣлго, выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ мзду князю“; и аky злодѣя пѣхающе за воротъ, выгнаша; мал ублюде богъ от смерти: затворися въ церкви святѣи Софии, иде на Хутино. А заутра въвѣдоша опять Антония архиепископа и посадиша с нимъ 2 мужа: Якуна Моисѣвица, Микифора щитник. И не досыти бы зла, нѣ еще боле того: възметеса весь городъ, и поидоша съ вѣца въ оружии на тысячьского Вяцеслава, и розграбиша дворъ его и брата его Богуслава и Андреичевъ, владычня стольника, и Давыдковъ Софиискаго, и Судимировъ; а на Душильця, на Липньскаго старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нѣ ускоки къ Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко „ти на зло князя водять“; и бысть мятежъ въ городѣ вѣликъ»⁵¹². Хотя летописец осуждает «мятеж», но все же называет собрание «простой чади» вечем, да и происходит оно в традиционном месте проведения веча в Новгороде — на Ярославовом дворе. Следовательно, участие рядовых новгородцев в вече не является для летописца чем-то удивительным, ненормальным. С другой стороны, далее говорится, что в вече принимает участие «весь город». Это показывает, что даже среди «простой чади» не находилось места для сельских жителей: город на Руси был значительно больше отделен от сельской местности в социально-политическом отношении, чем это обычно представляется⁵¹³. По спра-

⁵¹² ПСРЛ. Т. III. С. 67.

⁵¹³ Поэтому слишком абстрактным кажется мнение Л. В. Черепнина о «демократической направленности» этого веча (Черепнин Л. В. Пути и формы. С. 46). Собрание решало вопросы, существенные для всей Новгородской земли, а основное ее население, сельское, а также жители пригородов, в нем, по-видимому, не участвовали. И. Я. Фроянов пытается доказать обратное: «В Новгородских событиях 1227–1229 гг. (т. е. и в выступлении „простой чади“, и в последующем вече. — П. Л.) участвовали, очевидно, и волощане, жившие в

ведливому мнению Ю. Г. Алексеева, «„социальная однотипность“ „простой чади“ с упоминавшимися выше „меньшими мужами“ несомненна: „простая чадь“ 1228 г., как и „меньшие мужи“, — это низший слой новгородского общества, противопоставляемый людям „вячшим“, „старейшим“ и т. п.»⁵¹⁴. Недавно Т. Л. Вилкул попыталась по-новому прочесть эту летописную статью. По ее мнению, «в подобных детализированных описаниях социальные, на первый взгляд, обозначения выполняют оценочную функцию, представления о том, что „простой чадью“ в самом деле названы незнатные новгородцы, не подтверждаются»⁵¹⁵. Помимо ничем не подтвержденных общих соображений о специфике средневековых «нарративов», Т. Л. Вилкул приводит в доказательство своего тезиса два довода: отсутствие прямого противопоставления «простой чади» с «вячшими» и т. п. мужами и поддержку ее действий «всем городом». Как тот, так и другой доводы несостоятельны. Прямого противопоставления, действительно, нет, но эпитет «простая» чадь, несомненно, подразумевает наличие чади «старой», «вячшей» и т. д. Кроме того, выстуления собственно «простой чади» и «всего города» разделены во времени: они произошли в разные дни и не могут быть отождествлены. Однако ярче всего социальный статус «простой чади» характеризует известие НПЛ под 1230/1231 г. о голоде в Новгороде, когда «инии простая чадь рѣзяху люди живыя и ядыху, а инии мъртвая мяса и групие обрѣзаяще ядыху, а друзии конину, псину, кошки ... ини же мѣхъ ядыху, ушь, сосну, кору липову и листь, ильмъ, кто что замысля...». Были в то время в Новгороде и другие люди, не относившиеся к «простой чади», имевшие возможность покупать хлеб втридорога; к ним причисляет себя и летописец: «И купляхомъ по гривнѣ хлѣб и поболшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серѣбра». К «простой чади» не принадлежали, наконец, и купцы («гости»), которым голодные новгородцы продавали в рабство своих детей: «И даяху отци и матери дѣти свое одьренъ ис хлѣба гостьмъ»⁵¹⁶. Совершенно очевидно, что мох и липовую кору ели именно рядовые новгородцы, а не бояре, купцы и представители высшего духовенства; именно рядовые новгородцы и были «простой чадью»; причем это были свободные люди: холопы со своими семьями и так находились в рабстве, отдавать детей «одерень» за хлеб у них не было возможности.

Согласно основанному на анализе многочисленных формальных языковых и стилистических признаков исследованию А. А. Гиппиуса, автор статей НПЛ ст. под 1228 и 1230/1231 г. был один и тот же — летописец архиепископов Спиридо-

селах». Какие автор приводит аргументы? Следующие: «Город в Древней Руси был органически связан с деревней (этот постулат доказывается ссылкой не на источники, а на собственную более раннюю работу, где также содержатся не аргументы, а недоказанные постулаты и общие соображения; см.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки. С. 227–229; 233–243. — *П. Л.*). Поэтому сельские проблемы живо интересовали горожан, а городские — селян. Это и предполагает причастность новгородцев-селян к происшествиям указанных лет» (*Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования. С. 459).

⁵¹⁴ Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 247.

⁵¹⁵ Вилкул Т. Л. Дружина-вече. То же см.: *Она же.* Летописные «бояре». С. 61–63.

⁵¹⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 70, 71.

на и Далмата⁵¹⁷. Понятно, что он употреблял понятие «простая чадь» в одном значении — низших слоев свободного населения Новгорода.

Наконец, вечники «сажают» с новым архиепископом, вероятно для контроля владычного двора, двух «мужей»: Якуна Моисеевича и Микифора щитника. Если первый, наделенный «вичем», вполне может быть знатным человеком и даже боярином, то второго, щитника Микифора, сложно причислить к верхушке новгородского общества. Традиционно о нем писали как о ремесленнике, поднимаемся на волне «мятежа» к кормилу власти. По мнению М. Н. Тихомирова, «его прозвище не оставляет сомнений в том, что он был ремесленником-щитником, представителем одной из самых видных ремесленных специальностей в средние века»⁵¹⁸. К. Рабек Шмидт, не сомневаясь, что наличие отчества у Якуна говорит о его принадлежности к знати, а щитник — это «изготовитель щитов», «оружейник», отмечал в связи с этим известием: «Убедительно свидетельствует о важном положении ремесленников в политической жизни Новгорода то, что представитель этого сословия был назначен вместе с архиепископом и представителем олигархии Якуном Моисеевичем в качестве его (ремесленного сословия. — П. Л.) представителя в такой „правительственный триумvirат“»⁵¹⁹. Даже Н. Л. Подвигина, работа которой представляет собой применение к социально-политической истории Новгорода концепции В. Л. Янина, полагает, что «социальное происхождение Микифора сомнений не вызывает. Он был ремесленником-щитником, т. е. представителем „простой чади“»⁵²⁰. Однако Ф. П. Сороколетов предположил (не приведя при этом никаких доказательств), что «термин *щитникъ* мог обозначать и княжеского дружинника»⁵²¹. Недавно Т. Л. Вилкул фактически повторила (правда, без ссылки на предшественника) это мнение. По ее словам, «совершенно надуманной является квалификация Микифора как ремесленника. Прозвище „Щитник“, скорее всего, указывает на должность (мечник, щитник, ensifer, scutiger)»⁵²². На это (что «это»?), по собственному ее признанию, автору «указала Н. Н. Яковенко». Кроме того, Т. Л. Вилкул несколько туманно пишет, что «судя по некоторым данным, щитники занимали довольно высокое положение в обществе». Выясняется, однако, что «некоторых данных» нет, а есть лишь ссылка на «запись НПЛ за 1234 г.».

⁵¹⁷ См.: Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 215.

⁵¹⁸ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 258. См. также: Очерки по истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. М., 1953. Ч. 1 (глава о «Новгородской феодальной республике», автор — А. Л. Монгайт). С. 356.

⁵¹⁹ *Rahbek Schmidt* K. Soziale Terminologie. S. 272, 273.

⁵²⁰ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976. С. 145. Ремесленником Микифора считает и сам В. Л. Янин. См.: Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 32.

⁵²¹ Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970. С. 115.

⁵²² Вилкул Т. Л. Летописные «бояре». С. 63.

где, по словам автора, «в перечне убитых в битве с литвой „Гаврила Щитник“ упоминается сразу после тысяцкого перед „княжим децким“». «При этом, — продолжает Т. Л. Вилкул — известно, что в походе участвовали только „добрые мужи, коньници“, а простых „лодеилиц“ князь отпустил обратно в Новгород...»⁵²³.

Что же на самом деле? Должность мечника в Древней Руси, действительно, существовала: это был дружинник, выполнявший судебные функции судебного чиновника⁵²⁴. «Щитник», кроме рассматриваемого эпизода, и правда упоминается лишь однажды, в перечислении убитых новгородцев в сражении с «литвой», упомянутом в НПЛ под 1234/1235 г. Однако Т. Л. Вилкул почему-то отказывается от цитирования этого места. Приведем его полностью: «А новгородъць ту убиша 10 мужь: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нѣжилу серебряника, Гостилца на Кузмадемьяни улици, Федора Ума княжь дѣцкой, другое городищанинь, а инѣхъ 3 мужи...»⁵²⁵. Оказывается, между тысяцким и детским упомянут не только Гаврило щитник, но еще 2 новгородца без «вичей», относительно которых указано лишь, на каких улицах они жили, и, самое главное, Нежила — также новгородец без «вича», но о котором летописцу известно, что он «серебряник», т. е., скорее всего, такой же ремесленник, как Гаврило и Микифор щитники⁵²⁶. Не более убедителен и третий «аргумент» Т. Л. Вилкул. В Синодальном списке НПЛ о походе новгородцев против «литвы» рассказывается так: «...вѣсть приде в Новѣгородъ къ князю Ярославу; князь же съ новгородъци, вѣседавьше в насады, а инии на конихъ, поидоша по нихъ по Ловоти; и яко быша у Моравиина, и въспятишася лодьиници оттоле въ городъ, и князь я отпусти: недостало бо у нихъ бяше хлѣба; а самъ поиде съ коньники по нихъ. И постиже я на Дубровнѣ, на селищи въ Торопъчской волости, и ту ся би съ безбожными оканью Литвою; и ту пособи богъ и крестъ четьстныи и святая София, прѣмудрость божия, надъ погаными князю Ярославу съ новгородци...»⁵²⁷. Как видно, здесь в составе новгородского войска упоминаются только конники и лодейники, причем и те, и другие без эпитетов. Никаких «добрых мужей, конников» в источнике нет⁵²⁸. Равным образом нет никаких оснований а priori предполагать, что конники — это обязательно знатные воины (вспомним хотя бы цитировавшийся выше рассказ НПЛ о Липицкой битве), а пехота непременно состояла из представителей низших слоев населения⁵²⁹.

Предположение о должности «щитника» вообще абсолютно голословно, упоминаний таких должностных лиц в источниках нет. Встречающееся в чешских

⁵²³ Там же, сноска.

⁵²⁴ См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 68, 71.

⁵²⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 73.

⁵²⁶ См. об этом: *Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie. S. 271–272; Алешковский М. Х. Социальные основы. С. 105.*

⁵²⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 73.

⁵²⁸ Нет «добрых мужей, конников» и в НПЛ младшего извода (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 283–284). В более поздних летописях данный фрагмент сокращен.

⁵²⁹ См. об этом: *Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3. С. 61, 57; Лукин П. В. Древнерусские «вои». С. 49.*

средневековых источниках слово *štitář* («щитник») также означало не «должностное лицо», а ремесленника, занимавшегося изготовлением щитов (*Schildmacher, Schildmaler*)⁵³⁰. В «Чешской хронике» Козьмы Пражского и в «Хронике» Галла Анонима упоминаются «щитоносцы» или «щитники» в чешском и польском войсках (*scutarii, clypei, clipeati*)⁵³¹, но в Польше это были воины более низкого статуса, чем обладающие дорогим вооружением *loricati*, а отнюдь не должностные лица; чешские «щитоносцы» также, по-видимому, рекрутированы из низших слоев общества⁵³².

Таким образом, вывод о том, что весьма активное участие в вече могли принимать не только представители боярско-дружинной знати, купцы, но и ремесленники, остается в силе. Обращает на себя внимание и тот факт, что новгородцы, в том числе и «простая чадь», в наибольшей степени заинтересованная в расправе с главой децимальной организации и прочими должностными лицами, были вооружены.

Итак, отвечая на последний, четвертый вопрос, поставленный в начале, можно сказать следующее. Древнерусские горожане не представляли собой нерасчлененную массу «общинников». Напротив, они были разделены на ряд социальных групп. Применительно к политической деятельности, и прежде всего к вече, их можно разделить на две категории. Первая — это, если говорить о раннем периоде (приблизительно до второй половины XII в.), дружинная элита, если же говорить о периоде со второй половины XII в. до татаро-монгольского нашествия, — это представители знати, в разное время утратившие непосредственную связь с дружинной организацией и «осевшие» в городе, а также верхушка торгово-ремесленного населения (ср. новгородских «купцов вячших»). Лица, входившие в эту категорию, постоянно управляли городом и обладали в целом весьма широкими полномочиями. Вторая — основная масса городского населения. Она не была отделена от управления городом, участвуя в нем, впрочем, не постоянно, но вмешиваясь от случая к случаю, особенно в случае каких-либо катаклизмов, затрагивавших интересы всего общества.

Сложно прийти к однозначным выводам на материале наших источников относительно двух промежуточных групп населения: закупов и свободных женщин-горожанок. Закупы, как известно, в летописях не упоминаются, и поэтому в данном случае приходится исходить из общих соображений. В. И. Сергеевич полагал, что «поскольку древний обычай стремился к ограничению прав закупов ... потому

⁵³⁰ *Malingoudis J.* Die Handwerkerbezeichnungen im Altschechischen. München, 1979 (Slavistische Beiträge. Bd. 129). S. 134.

⁵³¹ См.: *Cosmae Pragensis.* Chronica Boemorum / Ed. B. Bretholz. Berolini, 1923 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series). S. 142, 210; *Galli Anonymi.* Cronicae et gesta. S. 25–26, 132.

⁵³² См.: *Wasilewski T.* O służbie wojskowej ludności wiejskiej i składzie społecznym wojsk konnych i pieszych we wczesnym średniowieczu polskim // *Pzegląd Historyczny.* T. LI. 1960. Zeszyt 1. S. 17; *Choc P.* S mečem i štitem. České rané feudální vojenství. Praha, 1967. S. 178. Благодарю за консультацию Б. Н. Флорю.

трудно допустить участие их на вечевых собраниях»⁵³³. С другой стороны, закупы, очевидно, принимали участие в волнениях в Киеве в 1113 г., результатом чего стало некоторое облегчение их положения Владимиром Мономахом. В уже упомянутом сочинении «Сказание о чудесах Романа и Давыда» прямо говорится, что киевляне пригласили Мономаха «причтом всех людей», т. е. с общего согласия всех горожан, возможно включая и закупов, которые, естественно, были более всего заинтересованы в изменении долговой политики. Что же касается женщин, то никаких свидетельств об их участии в вечевых собраниях и других проявлениях социально-политической активности горожан нет. Однако традиционное представление о приниженном положении древнерусских женщин, основанное прежде всего на образе знатной теремной затворницы, княгини или боярыни эпохи Русского государства XVI–XVII вв., к раннему периоду не вполне применимо⁵³⁴. Можно привести некоторые примеры. Согласно одной из версий «Повести о битве на Липице», когда Юрий Всеволодич, спасшийся бегством после разгрома, прикасал к Владимиру, выяснилось, что в «въ Володимери же тогда остались суть не супротивный народъ: попове, чернцыи, жены и дѣти». Юрий же «пача ѳздѣти око/ло/ града, глаголя: „твердите градъ“. Они же, слышавше сие, смятошася, и бысть въ веселие мѣсто плачь». Таким образом, Юрия не смутило то обстоятельство, что в городе остались лишь духовные лица, дети и женщины. Они, с его точки зрения, вполне могли «твердить град», т. е. участвовать в обороне Владимира. Однако на самостоятельные политические решения «несупротивный народ», в том числе женщины, оказался неспособен. Лишь когда к вечеру в город стянулись уцелевшие после сражения мужчины, было организовано собрание, на котором и решился вопрос о будущем Владимира⁵³⁵. То же самое мы видим в «Житии Авраамия Смоленского». Когда схваченного по ложному обвинению святого «яко злодѣа» потащили на суд, «овии роугахоуся емоу, инии же насмихахоуся емоу и бесчинная словеса кыдающе, и весь градъ по торгоу и по оулицамъ — вездѣ полна народа, и моужи же ... и жены и дѣти...»⁵³⁶. В крестном ходе, организованном епископом Игнатием с целью прекращения засухи, постигшей Смоленск после несправедливых преследований Авраамия, духовенство также участвовало «съ всѣмъ градомъ, моужи и женами и весь млодый възрасть», т. е. «вкупѣ весь градъ»⁵³⁷. Однако в описании как собрания, выдвинувшего обвинение, так и самого суда (где фигурируют только представители светской знати и духовенства) «жены» не упомянуты⁵³⁸. Итак, некоторое участие в социально-политической

⁵³³ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 2. С. 54.

⁵³⁴ См.: Пушкарева Н. Л. Женщины в Древней Руси. М., 1989. С. 211; Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 420–436.

⁵³⁵ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 194.

⁵³⁶ Жития преподобного Авраамия. С. 10.

⁵³⁷ Там же. С. 15.

⁵³⁸ Там же. С. 10–11. Это обстоятельство даже заставило Т. Л. Вилкул предположить, что в житии «различаются два понятия» «весь градъ»: одно охватывает всех мужчин, женщин и детей, свидетелей «позора» преподобного, второе включает только «князей, бояр и клириков», судивших Авраамия (Вилкул Т. Л. Дружина-вече. С. 16). Эта интерпретация со-

жизни древнерусские горожанки принимать, очевидно, могли, но участвовать в вынесении *решений* возможностей у них не было (впрочем, все эти проблемы требуют дальнейшего изучения).

Остальные слои древнерусского населения (основная масса сельских жителей, несвободные жители городов) никакого участия в самостоятельной политической деятельности, и в том числе в вече, не принимали. Возможно, к социально-политической деятельности горожан эпизодически подключались жители сельской округи, непосредственно примыкавшей к городу. Однако это было лишь исключением, подтверждавшим правило: единственным центром политической жизни в Древней Руси был *город*, и в вечевых собраниях, по-видимому, участвовали почти исключительно различные группы *свободных горожан*. Этим прежде всего древнерусское вече в социальном плане отличалось от «народных собраний» догосударственной эпохи (о них, правда, применительно к восточным славянам почти ничего не известно, но сохранились достаточно подробные западнославянские, балтские и германские данные). С другой стороны, это было именно *собрание* горожан, имевшее мало общего с образом разветвленных «коммунальных» институтов городского самоуправления из работ многих советских историков 1940–1980-х гг. Еще хуже вписывается вече, в том виде, в котором мы его узнаем из ранних источников, в модели «феодальной демократии» или славянского «общинно-демократического» строя. Адекватная интерпретация древнерусского вече возможна только в контексте истории социально-политических структур Центральной, Северной и Восточной Европы, тех слабо затронутых римским влиянием европейских регионов, которые К. Модзелевский назвал Европой «варварской». На этом пространстве мы встречаем явления, вроде описанных авторами житий епископа Оттона Бамбергского собраний в городах Поморья и зафиксированного в хронике Галла Анонима *consilio* жителей Вроцлава, явно сопоставимые с древнерусскими⁵³⁹. Но такое сопоставление — задача другого исследования.

вершено не основательна, поскольку участники суда «всем градом» не называются (см.: Жития преподобного Авраамия. С. 10–11).

⁵³⁹ См.: *Vujak F. O wiesach. S. 65–66.*

Введение

Князь и знать — две важнейшие составляющие общественно-политического строя домонгольской Руси, особенно в контексте властных отношений. Князь — носитель верховной власти, «государственного» начала; знать, то есть прежде всего боярство — слой наиболее могущественный экономически и социально, главная опора князя в осуществлении власти и господства. Эти силы находились во взаимозависимости и сотрудничестве, но в то же время имели свои собственные интересы и политические устремления, которые могли существенно расходиться и вести к напряженности и даже конфликтам. На каких основаниях складывались отношения между представителями этих сил, в каких внешних формах выражались эти отношения, с помощью каких механизмов разрешались ситуации напряжения? Тема эта одна из ключевых в русской истории и весьма обширна, однако нельзя сказать, что она освещена в историографии сколько-нибудь удовлетворительно.

Данное исследование рассматривает лишь один аспект этой темы, а именно следующую проблему: каким образом происходили вступление знатных (свободных) людей на службу князю (в его дружину) и разрыв служебных отношений между ними. Более конкретно вопросы данного исследования (которое соответствующим образом распадается на две части) можно сформулировать так: приносили ли князю дружинники (служилые люди) клятву верности и применялось ли в домонгольской Руси так называемое право отъезда. Существование (вассальной) присяги верности в средневековой Руси обычно подразумевается как само собой разумеющееся, однако, как показывает ниже краткий историографический обзор, на самом деле никто специально не изучал этот сюжет, а в то же время источники прямо не говорят о клятве князю служилых людей на Руси в X–XIII вв. Право отъезда, которое позволяло знатым и вообще вольным людям уходить со службы одного князя и поступать на службу к другому, хорошо известно русским источникам XIV–XV вв. Однако нет ясности, применялось ли оно, и если да, то каким именно образом на Руси в X–XIII вв.

¹ I would like to acknowledge support received from the INTAS, which contributed to this research. Автор признателен за поддержку данного исследования фондом INTAS.

В первой части исследуется главным образом, как происходило вступление в дружину, то есть ставится вопрос о *внешних (обрядовых) формах* отношений князя и бояр. Фиксация случаев разрыва отношений между князем и дружинником показывает, что источники не дают данных судить о том, в каких формах это происходило, зато есть материал для суждения, *при каких обстоятельствах*. Таким образом, в первой части постановка вопроса более узкая и целенаправленная, а во второй более широкая. Методически, однако, подход применяется один и тот же: анализ политических ритуалов и идеально-правовых представлений сочетается с изучением конкретных политических конфликтов, судеб отдельных бояр и боярских родов.

Целью является обобщение скудных данных именно по домонгольскому периоду русской истории, хотя в некоторых случаях в первой части раздела привлекаются и источники более позднего времени (вплоть до конца XV в.) — отчасти для выявления динамики долгосрочных процессов, отчасти потому, что указанные вопросы затрагивались в историографии главным образом из перспективы XIV–XV вв., эпохи сложения Русского государства под властью Москвы. За отдельными исключениями в стороне оставляются источники по истории Новгорода и Галича, поскольку в общественном строе этих земель проступают явные черты своеобразия ко второй трети XII в. (в первом случае) или к концу XII в. (во втором).

Значительно раньше обратил на себя внимание историков обычай перехода бояр от одного князя к другому. Это связано, видимо, с тем, что, во-первых, такие случаи упоминаются в летописи и сразу бросаются в глаза, а во-вторых, право на такой переход было ясно и четко сформулировано в известной формуле межкняжеских договоров XIV — начала XVI в.: «а боярам и слугам межи нас вольным воля» (с небольшими отклонениями в наборе и порядке слов)². Вопрос о присяге верности был поставлен фактически только в конце XIX в. В. И. Сергеевичем.

Исходной для поколений историков стала оценка обычая переходов Н. М. Карамзиным. Заключая, что с глубокой древности «Княжеские Бояре пользовались каким-то правом независимости», он ссылаясь именно на договорные грамоты князей, которые «обыкновенно подтверждали законную свободу Бояр переходить из службы одного князя к другому...». Падение этой независимости Н. М. Карамзин связывал с усилением «власти Государевой» в Москве и объединением русских земель: боярам «надлежало или повиноваться Государю, или быть измен-

² Впервые постановление встречается в договоре московского князя Симеона Ивановича с братьями Иваном и Андреем, который, согласно новейшим исследованиям, датируется 1348 г.: «а бояром и слугам вольным воля: кто поедет от нас к тобъ, к великому князю, или от тебе к нам, нелюбья ны не [держати]» (ДДГ. № 2. С. 13; Кучкин В. А. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24). Последний раз видим его в договоре 24 августа 1531 г. великого князя Василия Ивановича с братом Юрием: «а бояром, и дѣтем боярским, и слугам промеж нас вольным воля» (ДДГ. С. 417).

ником, бунтовщиком: не оставалось середины и никакого законного способа противиться Князю. Одним словом, — заканчивал историограф пассаж об „изменении гражданского порядка“ в XIV–XV вв., — рождалось Самодержавие»³. Таким образом, согласно Н. М. Карамзину, это был обычай древний, а пал он силой обстоятельств в эпоху объединения.

Первые серьезные наблюдения относительно того, как складывались служебные «карьеры» отдельных представителей знати или даже знатных родов домонгольской эпохи, были сделаны М. П. Погодиным и С. М. Соловьевым. В статье, опубликованной в 1850 г., М. П. Погодин сделал первую попытку составить списки дружинников, упомянутых в летописях (наряду с древнейшими, известными к тому времени, историк обращался также к Воскресенской и Никоновской летописям) и в Киево-Печерском патерике, с целью «восстановить, сколько возможно, нашу древнюю боярскую генеалогию и вместе подтвердить наследственность званий в их родах». Подтвердив «наследственность званий» в боярской среде (то есть тот факт, что статус боярина не жаловался князем, а передавался из поколения в поколение), М. П. Погодин пришел также к выводу, что «бояре служили большею частью у одних князей, то есть после отцов детям», хотя иногда ему были «приметны и переходы боярские»⁴. Ряд случаев переходов в домонгольское время, указанных в этой статье, историк пополнил в обобщающем труде «Исследования, замечания и лекции о русской истории». Он также повторил основной вывод о тесной связи дружинников с их князьями и «преемстве» боярских родов и снова отметил, что в то же время бояре «имели право, или укоренившийся обычай, со времени первого водворения норманнов у нас, оставлять князя, когда им было угодно...» (в другом месте он также добавляет: «к кому угодно») ⁵. Происхождение этого права от скандинавов М. П. Погодин еще раз подчеркнул в более поздней работе, связав «первоначальный обычай перехода» с норманнской традицией «удалых походов на промысел»⁶.

С. М. Соловьев, отметив ряд ошибок и неточностей в списках первой статьи М. П. Погодина, представил в первых двух томах «Истории России с древнейших времен» (впервые вышедших в свет в 1851–1852 гг.) свою выборку имен, упомянутых летописью. Правда, видимо, из-за того, что вопрос о составе княжеских дружин представлялся С. М. Соловьеву маргинальным, его выборка, едва доведенная до конца XII в., получилась далеко не полной. На основании собственных наблюдений С. М. Соловьев сделал заключение, что выводы М. П. Погодина о на-

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 205 (впервые издано: СПб., 1816). Ср. пересказ договора Михаила тверского и Дмитрия Донского с комментариями историка: Там же. С. 27.

⁴ Погодин М. П. О наследственности древних санов (1054 – 1240) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Изд. Н. В. Калачов. Кн. I. М., 1850. Отделение I. С. 77–78, 94–95.

⁵ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VII. М., 1856. С. 76, 139.

⁶ Погодин М. П. Древняя русская история до Монгольского ига. Т. 2. М., 1871. С. 415–416.

следственности боярской службы «противоречат фактам»⁷. По его мнению, в Древней Руси «вследствие перемещений княжеских» дружины не имели «оседлости», а бояре действовали из «выгод, тесно связанных с выгодами того или другого князя, но не из выгод сословных». «Но если так част и так необходим был переход дружины из одной волости в другую и от одного князя к другому, — развивал далее свою мысль историк, — то легко понять, что не было возможности для точного определения отношений ее к князю; дружинник имел полную свободу переходить из службы одного князя в службу другого...» «В силу обстоятельности обычай перехода скоро должен был превратиться в право», — делал вывод С. М. Соловьев и указывал на позднейшую формулу княжеских договоров, приведенную выше⁸.

Точка зрения о древнем происхождении права отъезда и его особом значении для формирования «вольной» боярской службы в удельной Руси стала общепринятой в отечественной историографии второй половины XIX в. Наиболее ясно она была изложена В. И. Сергеевичем. Отличая «вольную» службу бояр от тяглой дружины разрядов населения, он тоже ссылался на формулу договоров и считал, что она «точно» выражала «старинные свободные отношения бояр к князьям». «Предоставляя свободу службы боярам и слугам, — комментировал он этот пункт договоров, — князья предоставляют им тем самым и право свободного перехода со службы одного князя на службу другого. Это право обозначается в памятниках словом „отъезд“»⁹. Разбирая только источники не ранее начала XIV в., В. И. Сергеевич по ним восстанавливал некоторые условия действия этого права. Например, он заметил, что «отъезду обыкновенно предшествовал отъезд от службы, то есть предварительное извещение о намерении отъехать» (разрядка автора). Кроме того, «отъезд допускался по отношению к таким только служилым людям, которые не совершили преступления», то есть не были виновны перед князем в измене (иначе это «не отъезд, а бегство»). Обращал внимание ученый также на то, что бояре и князья могли по-разному смотреть на право отъезда (естественно, отъезды наносили ущерб интересам князя) и что по-разному могла решаться судьба тех земельных владений, которые отъехавший имел в том княжестве, какое покидал¹⁰. Уточняя общее заключение Н. М. Карамзина, В. И. Сергеевич связал исчезновение этого права не просто с изменением «гражданского порядка», а с целенаправленной политикой московских князей, стремившихся, как он считал, к установлению принципа обязательности службы.

В. И. Сергеевичу принадлежит и формулировка того мнения о присяге служилых людей князю, которое также стало общепринятым в историографии. Развивая идею о «вольной» боярской службе, он утверждал, что изначально в Киевской, а затем удельной Руси бояре и «вольные слуги» «в качестве свободной военной си-

⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 305.

⁸ Там же. С. 16–18.

⁹ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. СПб., 1909. С. 373, 375.

¹⁰ Там же. С. 380–385.

лы» по своему усмотрению не только покидали князей, пользуясь «правом отъезда», но так же и поступали («приказывались») на службу тому или иному князю. Процедура поступления на княжескую службу, по мнению историка, включала клятву верности князю в форме крестоцелования: «приказываясь на службу, бояре и слуги вольные давали клятвенное обещание верности», причем «бояре, целуя крест, обещали князю, конечно, верную службу и обязывались защищать его». Со своей стороны, «и князь принимал на себя некоторые обязательства по отношению к своим боярам и слугам вольным... Князь, надо полагать, обещал им жаловать их всякими милостями и льготами». Согласно В. И. Сергеевичу, клятва верности боярина была собственно частью некоего договора между ним и князем. В основе «вольной службы», таким образом, лежало «договорное начало», а внешней ее формой был институт дружины¹¹.

Разумеется, В. И. Сергеевич не был первым, кто сделал вывод о «договорном» характере отношений князя и дружины в Древней Руси и отметил аналогичные явления в германских и других раннесредневековых племенных и государственных образованиях. Просто у него эти идеи изложены самым подробным и последовательным образом.

Тем не менее отдельные части его внешне логичных построений все-таки не лишены противоречивости и, главное, недостаточно обоснованы источниками. И это было подмечено в литературе. Например, Н. П. Павлов-Сильванский в ранней работе, принимая концепцию В. И. Сергеевича о «вольной службе» и ее уничтожении под натиском московского самодержавия, тем не менее в одном из примечаний выразил несогласие именно по поводу боярской клятвы верности: «Мы не думаем, чтобы бояре, отъезжая, нарушали клятву, данную князю; чтобы *приказывалась* в службу, они целовали крест служить верно, как полагает проф[ессор] Сергеевич... Это было бы добровольным отказом от своего права (права отъезда. — П. С.), на который едва ли соглашались бояре по общему правилу при поступлении на службу». В сущности, Н. П. Павлов-Сильванский, отрицая существование на Руси боярского крестоцелования с обязательством верной службы, просто последовательно придерживается идеи о господстве до XV в. вольной службы знати князю. В этой же работе Н. П. Павлов-Сильванский совершенно справедливо указывает, что Никоновская летопись, на известие которой о поведении бояр при присоединении Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г. ссылается В. И. Сергеевич, «не может дать надежного свидетельства для порядков XIV века»¹². К этому замечанию можно добавить, что тех нескольких летописных данных, которые привлекает В. И. Сергеевич, явно недостаточно для подтверждения его вывода, так как они относятся только ко времени конца XIV — XV в., а содержание их неоднозначно: о крестоцеловании бояр всегда говорится не как об индивидуальном акте, а о коллективном, происходит оно не при поступлении на княжескую службу, а в

¹¹ Там же. С. 378–379.

¹² Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди // Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Люди кабальные. М., 2001. С. 118 (1-е изд. книги «Государевы служилые люди»: СПб., 1898).

связи с разными политическими коллизиями, то есть «на случай» (как опять же справедливо заметил Н. П. Павлов-Сильванский). В ряде летописных известий, на которые ссылались В. И. Сергеевич и некоторые другие авторы, вообще не говорится о клятве как таковой, и они дают основания лишь для заключения об общих принципах отношений князя и дружины — «любовь» князя, доблесть дружины в защите князя и т. п. О договорах в настоящем смысле слова, которые содержали бы взаимные обязательства князя и служилого человека и сопровождались бы какими-либо клятвами, источники никаких данных не содержат.

Отсутствие такого рода данных в древнерусских источниках — обстоятельство, которое прежде всего требует объяснения в том случае, если как исходный принимается тезис о «договорном начале» в отношениях князя и знати. Однако вместо того, чтобы попытаться дать это объяснение иными путями, нежели были предложены В. И. Сергеевичем, ученые следующих поколений в общем следовали корифею русской исторической науки, всё так же пытаясь найти в источниках хоть какие-то, пусть слабые и искаженные, отражения боярско-княжеских договоров и присяг.

Так, суждения В. И. Сергеевича были повторены с некоторыми небольшими дополнениями его учеником М. А. Дьяконовым. Этот историк также исходил из того, что в древности «отношения между князем и дружинниками были совершенно свободными и определялись их взаимным соглашением и доверием»¹³. Основываясь приблизительно на тех же источниках, что и В. И. Сергеевич (то есть летописных известиях и договорных грамотах князей XIV–XV вв.), М. А. Дьяконов утверждал, что эти отношения оформлялись устным договором («рядом») и крестоцелованием, которое «представляло лишь гарантию в точном выполнении принятых на себя обязательств». Об обязательствах этого договора и всех условиях «вольной службы», по его мнению, судить нет возможности, но часть договора он усматривал в словах бояр, которые передаются в упомянутом известии о падении Нижегородского княжества и в некоторых других летописных известиях: бояре обязуются «главы свои сложить» за князя. «Но клятвенное обязательство проливать кровь и не щадить жизнь на службе князю указывает лишь на то, что тут разумеется военная служба и ничего больше. Ни о сроке вольной службы, ни о ее размерах не сохранилось никаких указаний». Вслед за В. И. Сергеевичем М. А. Дьяконов признавал традиционность и древность права отъезда и акцент делал на усилиях московских князей по «торпедированию» этого права, но особое значение он придавал церковной проповеди XIV–XV вв., в которой находил прямые осуждения «беганья» бояр от одного князя к другому¹⁴.

Идея «вольной боярской службы», базировавшейся на свободном договоре и праве отъезда, была уже безоговорочно принята Н. П. Павловым-Сильванским в более поздних работах. Целиком поглощенный поиском феодализма в средневековой Руси, историк отбрасывает те сомнения, которые были высказаны им же

¹³ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005 (1-е издание: Юрьев, 1907). С. 78–79.

¹⁴ Там же. С. 193–199.

ранее, относительно существования боярской присяги. По его мнению, «служебный вассальный договор» русских бояр с князьями был «тождественен по своей природе» западноевропейскому вассалитету и «закреплялся у нас и на Западе сходными обрядностями». Оммажу (*hommage, homagium*) соответствовало на Руси челобитье, а клятве верности (*foi, fidelitas*), которую на Западе приносили на Евангелии или на мощах, — крестоцелование. Как на Западе, так и на Руси «вступление в вассальную зависимость» («приказаться», на древнерусском юридическом языке) и «разрыв вассального договора» («отказаться») совершались «открыто, публично, с торжественной присягой» или «открытым заявлением» об отказе от обещания верности¹⁵. Компаративные поиски Н. П. Павлова-Сильванского пошли явно в ущерб анализу самих источников. Никаких новых данных по сравнению с введенными в оборот В. И. Сергеевичем и М. А. Дьяконовым он не привел. Более того, летописный рассказ о нижегородских боярах в 1392 г. историк цитирует по Никоновской летописи без всяких оговорок — несмотря на то, что в свое время критиковал за это В. И. Сергеевича¹⁶. Новации в оценке боярской присяги князю свелись к сближению ее с западноевропейской вассальной клятвой верности и к признанию необходимым элементом вассального договора между князем и боярином, помимо крестоцелования, челобитья о поступлении на службу.

В советской историографии концепция «вольной» боярской службы была в общих чертах воспринята, но именно в связи с идеей о том, что отношения князей и представителей служилой знати строились на вассально-ленных принципах, то есть договор «вольного» боярина с князем трактовался как «вассальный» на условиях «лена». С этой точки зрения предпринимались некоторые попытки уточнить сущность «права отъезда» и боярской присяги.

Так, число исторических свидетельств, призванных доказать существование вассальной присяги бояр князю, несколько пополнил М. Н. Тихомиров. В ранней (30-х гг. XX в.) работе популярного характера он присоединился к мнению Н. П. Павлова-Сильванского о вассально-ленном характере боярской службы в удельной Руси и тождественности русских и западноевропейских явлений в этой области: «...как и на Западе, вступление в службу сопровождалось в удельной Руси соответствующими обрядами, среди которых важнейшее место занимал религиозный обряд — целование креста». Но М. Н. Тихомиров, кроме летописных известий, указал еще на упоминание крестоцелования литовскому князю Ольгерду русских князей и бояр в письме Ольгерда константинопольскому патриарху, опубликованном в 1908 г.¹⁷

¹⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 97 и след., особ. 101–102 (1-е издание книги «Феодализм в древней Руси»: СПб., 1907).

¹⁶ Там же. С. 102. Ср. также в более поздней книге «Феодализм в удельной Руси» (1-е изд.: СПб., 1910), где повторяются те же идеи и ссылки на те же источники (с. 441).

¹⁷ Тихомиров М. Н. Феодальный порядок на Руси // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 327.

В. Т. Пашуто попытался дать комплексную характеристику «политической структуры» домонгольской Руси как «вассалитета подвластной знати». Правда, едва ли эту характеристику можно признать сколько-нибудь удачной и убедительной. В. Т. Пашуто, заявляя в общем плане, что на Руси в XI–XIII вв. как «вассалы» рассматривались «представители всех групп собственников земли (включая вотчинников — князей, бояр, а кое-где и епископов)», на деле проигнорировал дружину и службу бояр, а объектом своего внимания оставил только отношения между князьями правящей династии Рюриковичей. На основе такого подхода советский историк определяет все «докончания», «ряды» и прочие соглашения между князьями как «вассальные договоры», а крестоцелование, которым, как известно, скреплялось большинство княжеских соглашений, объявляет «вассальной присягой — устойчивой формой феодального права»¹⁸. Даже если признать (впрочем, далеко не бесспорный) тезис о вассалитете в среде Рюриковичей и отвлечься от того, что из рассуждений В. Т. Пашуто остается совершенно непонятно, как же характеризовать отношения русских князей с их дружинами и всеми теми, кто так или иначе служил им, весьма проблематичным кажется сравнение внешней обрядовой стороны межкняжеских соглашений с вассальными ритуалами. Можно допустить сравнение крестоцелования с *foi*, но для оммажа и инвеституры В. Т. Пашуто никаких аналогий не дает. В этом смысле его интерпретации являются шагом назад относительно сравнительно-исторических изысканий Н. П. Павлова-Сильванского.

О праве отъезда В. Т. Пашуто не пишет, но, упоминая мельком несколько случаев перехода бояр от князя к князю или, напротив, сохранения ими верности князю, для их оценки находит обтекаемые и неопределенные формулировки, включающие каждый раз магические слова «вассал» и «вассалитет». Так, готовность галичских бояр биться за своего князя Ярослава он характеризует как «пример рыцарской верности вассалов», а изгнание бояр Бориславичей киевским князем Мстиславом Изяславичем — как пример измены «вассалов». Перечисляя несколько подобных казусов, но никак не объясняя, почему, собственно, надо вести речь о вассалитете, В. Т. Пашуто заключает раздел мало что объясняющей сентенцией: «жизнь была сложна, форм зависимости существовало множество»¹⁹. В целом, рассуждения В. Т. Пашуто не убеждают, и за ними ясно просматривается стремление подогнать данные источников под определенную схему.

Более внятно о праве отъезда высказался Л. В. Черепнин, однако это высказывание, как и в большинстве работ советского и постсоветского времени, было сделано только мельком и опиралось больше на историографическую традицию, чем на самостоятельные разыскания. Признавая в принципе существование права отъезда в XIV–XV вв., он в то же время указывал, что «жизнь вносила поправки в правовые нормы»: «в случае „коромолы“ бояр князья нарушали и свободу вассального договора, и неприкосновенность вотчин опальных... Так разрыв служеб-

¹⁸ Пашуто В. Т. Черты политического строя // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 7, 58, 61–62, 72.

¹⁹ Там же. С. 72–73.

ных и поземельных отношений, провозглашенный для бояр княжескими dokonчаниями, находил на практике серьезный корректив»²⁰.

Приблизительно в таком же духе говорят о праве отъезда дружинников в домонгольской Руси современные историки. Например, М. Б. Свердлов в труде общеконцептуального характера признаёт большое значение «права отъезда» (хотя специально не разбирает источники по этому поводу). По его мнению, с феодализацией Руси в XI–XIII вв. «дружинный кодекс чести» становится «детерминирован не морально-этическими нормами верности», как «в родо-племенном обществе», а материальными интересами. Среди новых «феодалных форм отношений князя и вассалов» называется «отъезд как разрыв вассальных отношений»²¹. В более специальной работе, пытаясь проследить судьбу отдельных боярских родов в домонгольский период, М. Б. Свердлов приходит к выводу о стабильности положения боярства — как в службе князьям (на протяжении «3–6 поколений»), так и в сохранении своего общественно-экономического статуса при перемене князя²². Вывод о преемственности боярской службы в принципе повторяет заключение М. П. Погодина, сделанное еще в середине XIX в., а вопрос о значении «права отъезда» остается открытым, поскольку известные случаи боярских переходов не разбираются в деталях.

К другой историографической тенденции ближе И. Я. Фроянов, который опирается на заключения С. М. Соловьева (несогласные с выводами М. П. Погодина, как было отмечено выше). Он утверждает, что «не так уж редко» «дружинники оставляли князя, поскольку были людьми свободными, пользовавшимися правом служить кому хотели». Правда, право отъезда И. Я. Фроянов признаёт не за всей дружиной: по его «предположению», не подкрепленному данными источников, этого права были лишены «отроки»²³.

А. А. Горский не видит подобных различий в применении права отъезда и считает, что на Руси «бояре обладали правом свободного выбора князя-сюзерена» «со времен генезиса дружинного строя». Он отмечает несколько случаев переходов дружинников «при живом сюзерене» и после смерти одного князя не к его наследнику, а к другому князю, однако подробно их не разбирает²⁴.

На общем фоне невнимания отечественной историографии после революции 1917 г. и до начала XXI в. к проблемам организации боярской службы и порядка взаимоотношений князя и служилой знати выделяются труды С. Б. Веселовского. К сожалению, — по-видимому, в силу внешних обстоятельств — крупнейший зна-

²⁰ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 209–210.

²¹ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 215.

²² Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI. Л., 1979.

²³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 72, 93.

²⁴ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 47–48.

ток русского Средневековья не сумел изложить свои взгляды по этому поводу в развернутом виде, и теперь ознакомиться с ними можно только по неоконченной статье, которая была написана в тезисной форме и опубликована уже после его смерти. В этой статье он высказался в пользу пересмотра традиционной концепции о «неоседлости» дружин удельных князей, «текучести» их состава и «вольном» принципе службы. Ссылаясь, в частности, на наблюдения М. П. Погодина, С. Б. Веселовский утверждал, что и в XII–XIII вв. служба дружинников князьям была нередко наследственной, а «уже в XIV в. бояре и слуги вольные князей, как общее правило, служили своим князьям наследственно, а отъезды бояр и слуг были редким исключением». Двор московских князей, исследованию которого С. Б. Веселовский посвятил многие годы и который он был склонен рассматривать как типичный в основных чертах для удельного времени, представлялся ему «медленно складывающимся и крепким организмом, а отнюдь не случайным сбродом случайных людей». В этом организме место и «честь» каждого служилого человека были обусловлены заслугами не столько его личными, сколько его рода, и являлись результатом наследственной службы ряда поколений. Кроме того, служилых людей, особенно не самых выдающихся и знатных, привязывали к определенному княжеству и землевладельческие интересы: «и не только в XV, но и в XVI в. мы видим, что основная масса средних и мелких землевладельцев служила обыкновенно тому князю, в уделе которого находились их вотчины». В этих условиях, по мнению С. Б. Веселовского, право отъезда не могло иметь того принципиального значения, которое ему традиционно приписывается историками²⁵.

Развивая мысль об условности прокламируемого княжескими договорами права отъезда, историк указывал и на другие существенные ограничения, которые накладывали на него практические обстоятельства. Во-первых, оно действовало только между союзными князьями. «Нет никакого сомнения, — утверждал С. Б. Веселовский, — что не только в XIV–XV вв., но и раньше отъезд к князю, не связанному с покидаемым князем договором, и тем более отъезд к князю враждебному, находившемуся в „розмирье“, т. е. в состоянии войны, всегда считался изменой и навлекал на отъехавшего боярина самые суровые наказания». Во-вторых, С. Б. Веселовский представлял отъезд как сложную юридическую процедуру. Будучи убежден в договорном характере отношений князя и дружинника, он считал, что «отъезд был юридическим актом, или, выражаясь точнее, практическим выводом из юридического акта — расторжения дружинником договора о службе князю»²⁶. Для расторжения такого договора нужны были очень веские основания («обида»), и на него служилый человек шел только в том случае, если был уверен, что за ним нет никакой «вины». «На немотивированное и одностороннее расторжение договора дружинник решался пойти только в тех случаях, если не видел других путей отстоять свои права и интересы. Нормальным путем

²⁵ Веселовский С. Б. Очерк образования московского боярства // Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466, 468, 469.

²⁶ Там же. С. 471.

защиты своих прав были челобитье князю и просьба о суде и исправе». Если князь, согласно неписанному «служебному договору», имел право «в вине» боярина «опалиться» на него, наложить на него свой «гнев» и «казнить» его по своему усмотрению, то боярин имел право прибегнуть — как к крайнему средству — к отъезду²⁷.

Таким образом, в изображении С. Б. Веселовского отъезд предстает исключительной мерой, на которую решались очень немногие и, видимо, только в крайнем случае. Как можно заключить из наблюдений и выводов, коротко изложенных им, значение права отъезда было не в том, что оно служило фундаментом вольной боярской службы, а в том, что оно — признаваемое больше теоретически, нежели реализуемое на практике — служило неким противовесом (на стороне боярина), обеспечивающим относительное равноправие того договора, который подразумевался в отношениях князя и служилого человека.

Однако, пересматривая тезис о фундаментальном значении права отъезда, С. Б. Веселовский, как видно, оставался верен идее о договорном принципе отношений князя и служилой знати на Руси. Более того, он попытался подкрепить эту идею, предложив новый взгляд на клятву верности служилых людей. В отличие от В. И. Сергеевича, опиравшегося на летописные известия как свидетельства боярской присяги в виде крестоцелования, С. Б. Веселовский для подтверждения существования клятвы, скреплявшей договор боярина и князя, сослался на так называемые крестоцеловальные записи конца XV — XVI в. Этими записями закреплялось обязательство служилых князей и бояр, заподозренных в намерении «отъехать» из Москвы, служить московскому государю «до своего живота», а такое название они получили из-за того, что в их тексте фиксировалось крестоцелование опального сановника «крепости деля», то есть для подкрепления данных обещаний. Записи были хорошо известны русским дореволюционным историкам благодаря публикации в «Собрании государственных грамот и договоров», однако они рассматривались как одно из средств в арсенале московских князей для борьбы с традиционной «вольной службой» и «правом отъезда» бояр и вольных слуг²⁸. В частности, так оценивал значение записей В. И. Сергеевич, а вслед за ним и М. А. Дьяконов²⁹.

Таким образом, если, например, В. И. Сергеевич считал записи новацией великого князя Ивана Васильевича, то С. Б. Веселовский, наоборот, видел в них продолжение традиций глубокой древности. На основании сохранившихся крестоцеловальных записей, а также извода (образца) такой записи, сохранившегося

²⁷ Там же. С. 476–477.

²⁸ Наиболее подробный анализ записей был предпринят Н. П. Загоскиным, см.: *Загоскин Н. П.* Очерк организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875. С. 116–122.

²⁹ *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 387–389. Дьяконов расценивал записи как «прямую меру против свободы отъезда всяких вольных слуг»; по его мнению, ими «создавалось понятие верности службы до живота, а наказание за отъезд приобретало правомерный характер» (*Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 198).

в митрополичьем формулярнике³⁰, он признавал обычай приносить клятву верности до живота исконным, характерным для дружинного строя. Дело выглядело так, что отъезды — это исключение из общего правила, а крестоцеловальные записи — прямое отражение традиционной формы присяги служилых людей³¹.

Однако и такой ход мысли не позволил ученому полностью избежать противоречий и неясностей. С. Б. Веселовский, считая службу наследственной и основанной на принципе верности, не отрицал и договорного начала в отношении князя и служилого человека. Между тем крестоцеловальные записи ясно говорят об одностороннем характере обязательств (см. об этом ниже). С. Б. Веселовский не мог не заметить этого и был вынужден делать оговорки. С одной стороны, по его мнению, крестоцеловальные записи *предполагали*, что «князь, принимая присягу дружинника, принимал одновременно известные обязательства». С другой стороны, он признавал, что настоящие письменные договоры с крестоцелованием заключались лишь с владетельными и иногда служебными князьями. «С рядовыми боярами и слугами князя не писали договоров, но это не значит, что князь, принимая к себе на службу боярина или слугу, не принимал никаких обязательств. Не было надобности в особом договоре, т[ак] к[ак] общие обычаи определяли права и обязанности и князя и его слуги. Если бояре при поступлении в службу присягали и давали на себя запись за крестным целованием, то это было религиозным подкреплением договора о службе»³². В конечном счете, в отсутствие бесспорных данных источников С. Б. Веселовскому снова приходилось ссылаться на «общие обычаи» и гипотетически предполагать устные договоренности между князем и боярином.

В зарубежной историографии (главным образом немецкоязычной) проблематика боярских присяги и переходов затрагивалась, за немногими исключениями, в связи с «вопросом о русском феодализме», а оценки давались в русле суждений В. И. Сергеевича. Так, известный немецкий историк Манфред Хельман в серии статей 50-х гг. XX в. последовательно развивал тезис о фундаментальном отличии древнерусской вольной службы не только от западноевропейского вассалитета, но и от принципа верности, лежащего в основе дружинного строя у германцев. Опираясь в основном на классиков дореволюционной историографии и работу П. Б. Струве³³, М. Хельман настаивал на своеобразии общественных отношений

³⁰ Этот формулярник был известен С. Б. Веселовскому благодаря его архивным изысканиям, а опубликован только в конце XX в. Извод записи Веселовским датировался «первой половиной XV в.», а ныне относится к 1448–1471 гг. (Русский феодальный архив. Ч. 1. М., 1986. № 46. С. 175–176). Публикаторы формулярника в комментарии к изводу записей безоговорочно принимают точку зрения Веселовского, заявляя, что записи содержат «договор об условиях службы» князю (Русский феодальный архив. Ч. 5. М., 1992. С. 990).

³¹ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 251, 466.

³² Там же. С. 471–472.

³³ Струве П. Б. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. Струве выступил категорическим противником идеи феодализма в средневековой Руси и, в частности, подчеркивал право отъезда как черту, наиболее отличающую русские служебные от-

на Руси и лишь относительно поздней их некоторой, частичной «феодализации» (в связи с развитием поместно-вотчинной системы). По его мнению, если на ранних этапах русской истории и обнаруживаются какие-то следы идеи верности в отношениях между князем и дружиной, то это отголоски влияния скандинавов на Русь, и в любом случае эти следы быстро исчезают. Характерной же для восточного славянства была «добровольная служба», покоившаяся только на материальной заинтересованности сторон. Наиболее ярким свидетельством такого рода службы М. Хельман называет «право боярского перехода», которое он возводит к древнейшим временам³⁴. В древнерусской дружине он подчеркивает элемент господства: по его мнению, она «покоилась в значительно большей степени на принуждении к подчинению и послушанию господину с расчетом на соответствующее материальное вознаграждение, чем на моральном и в конечном счете религиозно обоснованном отношении дружбы и верности»³⁵. Не находя в позднейшей Руси ни бенефиция (лена), ни иммунитета и выделяя кормление как основную форму вознаграждения служилых людей, а затем формирование московского двора на новых началах, М. Хельман видит перерождение дружинных отношений не в «феодалные», а в «очень своеобразные и характерные формы служебного права»³⁶.

Как видим, в этих рассуждениях праву отъезда и вольной службе по-прежнему придается первостепенное значение. Такого рода — более или менее традиционные — воззрения проводятся в ряде работ³⁷, однако в последние десятилетия наметилась тенденция пересмотра устоявшихся мнений³⁸. В наибольшей степени эта тенденция присуща работам Хартмута Рюсса. Этот исследователь, отвергая тезис о «вольной боярской службе», важнейшим видит «принцип верности по отношению к вождю дружины и князю», который он считает возможным возводить к древнейшему периоду русской истории и даже к общеславянским кор-

ношения от западноевропейского вассалитета (подробнее см.: *Стефанович П. С.* Древнерусская знать в работах современных западных историков-славистов // Мир истории. Электронный журнал. 2001. № 1: <http://www.historia.ru>).

³⁴ *Hellmann M.*, Probleme des Feudalismus in Rußland // Studien zum mittelalterlichen Lehenwesen. Vorträge gehalten in Lindau am 10.–13. Oktober 1956, Lindau und Konstanz 1960, S. 242–247.

³⁵ *Hellmann M.*, Herrschaftliche und genossenschaftliche Elemente in der mittelalterlichen Verfassungsgeschichte der Slawen // Zeitschrift für Ostforschung, Bd. 7, 1958, S. 328, 331–332.

³⁶ *Hellmann M.*, Probleme des Feudalismus..., S. 248, 258.

³⁷ См., например: *Alef G.*, Das Erlöschen des Abzugsrechtes der Moskauer Bojaren // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 10, Berlin 1965, S. 7–74; *Heller K.*, Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 1: Die Kiewer und die Moskauer Periode (9.–17. Jahrhundert), Darmstadt 1987, S. 17–21, 84–99. Фактически развивает идеи М. П. Погодина и М. Хельмана автор новейшей работы, утверждая, что дружинная идеология на Руси сложилась под скандинавским влиянием (*Lübke Ch.*, Fremde im östlichen Europa: von Gesellschaften ohne Staat zu verstaatlichten Gesellschaften (9.–11. Jahrhundert), Köln etc. 2001, S. 300–310, 314).

³⁸ См., например: *Halbach U.*, Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der Alten Rus', Stuttgart 1985 (об отъезде см.: S. 258–259).

ням³⁹. Х. Рюсс критически оценивает попытки найти аналогии западным вассально-ленным отношениям на Руси⁴⁰ и развивает точку зрения С. Б. Веселовского по поводу права отъезда. Разбирая зафиксированные в источниках XIV–XV вв. случаи боярских отъездов, он вслед С. Б. Веселовскому подчеркивает их исключительный характер, настаивает лишь на «относительной свободе переходов знати (*relative adlige Freizügigkeit*)» и заявляет, что «существование абсолютного права знати на свободный отъезд, совершенно независимого от согласия князя и в отрыве от договоренностей с ним, — это давний научный миф...»; такого права «никогда в русской истории не существовало»⁴¹. Впрочем, в то время как на материалах XIV–XVI вв. Х. Рюссу удается продемонстрировать тезис о «тесных отношениях верности между правителем и знатью», источники более раннего времени он не привлекает. Не занимаясь специально вопросом о присяге князю служилых людей, Х. Рюсс присоединяется к традиционному мнению в том его виде, какой оно приобрело в трактовке С. Б. Веселовского. Он признаёт крестоцеловальные записи продолжением древней традиции клятвы верности дружинника князю и пишет: «идеология политического согласия, гармонии и единства в отношениях правителя и знати закреплялась в клятвах, которые с древности приносились в устной форме, с христианизацией — посредством крестоцелования и перед Евангелием с поднятой правой рукой»⁴².

Таким образом, как видно из этого обзора, существующие в литературе представления и о праве отъезда, и о присяге служилых людей складывались прежде всего на основе материалов XIV–XV вв. У некоторых исследователей оба этих вопроса представляли в той или иной связи между собой, но в целом, конечно, в историографии проблеме боярских переходов уделяется несравненно больше внимания, чем присяге. Отчасти это объясняется состоянием источников, невниманием к такому «несерьезному», то есть далекому от социально-экономической проблематики, вопросу как присяга, но во многом и стремлением историков с помощью ссылок на право отъезда доказать тезис о «вольной» службе знати на Руси. Вполне естественно, что оба вопроса затрагиваются в связи с проблемой «русского феодализма».

³⁹ *Riif H., Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9.–17. Jahrhundert, Köln, Weimar, Wien 1994, S. 275.*

⁴⁰ См. также в разделе, написанном им в коллективном труде: *Riif H., Das Reich von Kiew // Handbuch der Geschichte Rußlands, hrsg. von M. Hellmann, Bd. 1, Stuttgart 1981, S. 361.*

⁴¹ *Riif H., Herren und Diener..., S. 263, 275–276, 284–285.*

⁴² *Ibidem, S. 277.* В специальной статье о клятве в Древней Руси в авторитетном издании «*Lexikon des Mittelalters*» Рюсс излагает проблему, опираясь в основном на суждения Дьяконова. Он тоже признаёт, что в древнерусской дружине существовала практика заключать договоры, скрепленные клятвой верности, хотя «письменно зафиксированные договоры об объеме и условиях вольной службы не сохранились». Рядом с такими клятвами ставится «клятвенное обязательство пролить свою кровь ради правителя и не жалеть жизнь на службе князю», но оно «касается только военной службы» (*Riif H., Eid: Altrußland // Lexikon des Mittelalters, Bd. III, München etc. 1986, Spl. 1691*).

Нельзя не отметить одной историографической тенденции в оценке права отъезда. Традиционно, особенно историками юридической школы, большое значение придавалось фиксации этого права в княжеских договорах XIV–XVI вв., и оно расценивалось как правовой базис отношений князя и знати, которые в целом рассматривались как определенная *система* с юридическо-институциональной точки зрения. Главным «механизмом» этой системы виделся вольно-договорный принцип. Однако, результаты анализа летописей и других источников XIV–XV вв., проведенного С. Б. Веселовским и Х. Рюссом, заставляют думать, что в реальности применение права отъезда было далеко не таким повсеместным, обычным и распространенным, как предполагает нормативный характер княжеских постановлений.

Наблюдения М. П. Погодина и М. Б. Свердлова о наследственности боярской службы в домонгольскую эпоху позволяют как будто распространить эти выводы и на это время. Вместе с тем и сами эти исследователи, и – более настойчиво – другие авторы, опираясь на конкретные примеры, утверждают, что боярские переходы все-таки имели место. В итоге остается неясным, как расценивать эти факты, особенно ввиду того, что никаких законов или юридических норм, касавшихся права отъезда, для времени до середины XIV в. не имеется. Неясны также корни этого права: М. П. Погодин прокламировал его скандинавское происхождение, М. Хельман – древнеславянское (а скандинавское влияние усматривал, наоборот, в проявлениях принципа верности), а М. Б. Свердлов связывает его с «феодалными» отношениями. При таком разбросе мнений наблюдается явный дефицит конкретно-исторических исследований.

Применительно к домонгольской эпохе приходится отметить и другую неясность, порожденную противоречивостью ученых мнений. Еще историками второй половины XIX – начала XX в. было признано, что «неоседлость» дружин русских князей, о которой писал С. М. Соловьев, сходит на нет если не в конце XI в., то определенно в течение XII в.⁴³ В позднейшей историографии утверждения об «оседании» или «разложении» дружины как явления, предшествовавшем «феодалной раздробленности» или обнаружившимся параллельно с ней (то есть в начале–середине XII в.), стали общим местом⁴⁴. Между тем это мнение трудно примирить с признанием частых переходов служилой знати от одного князя к другому (а значит, из одной земли в другую или из одного города в другой) в домонгольское время и вплоть до XIV–XV вв. Если были постоянные перемещения знати, то

⁴³ В. О. Ключевский еще полагал, что «только с половины XII в.» «в служилом классе становятся заметны признаки большей оседлости» (*Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902. С. 66 (1-е изд.: М., 1881)). Н. П. Павлов-Сильванский относил «оседлость» дружины уже вообще к XII в. (*Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди... С. 11). А. Е. Пресняков видел отражение «оседания дружинных военных сил по городам и волостям» в данных с конца XI в. (*Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий // *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 211 (1-е изд.: СПб., 1909)).

⁴⁴ См., например, в одной из последних работ: *Горский А. А.* Указ. соч. С. 81–82.

как это сочеталось с ее «оседанием»? Как примирить уверенность М. Н. Тихомирова, что «право свободного отъезда от одного князя к другому» было важнейшим элементом древнерусского «вассалитета»⁴⁵, с выводом его же собственного обстоятельного конкретно-исторического исследования: «в XI–XIII вв. всюду появляется свое, местное боярство, крепко приросшее корнями к определенному городу. Обычное представление о боярине как о своего рода кочевнике, отъезжающем от одного князя к другому, стоит в резком противоречии с нашими источниками»⁴⁶?

Думаю, в какой-то степени прояснить эти вопросы поможет новый пересмотр данных домонгольского времени о случаях «перемены лояльности» представителями знати, то есть разрыва отношений между князем и знатным человеком и перехода со службы одного князя на службу другого. Меня будет интересовать, в частности, с помощью каких понятий, в какой системе представлений эти факты оценивались в летописи и как смотрели на них сами задействованные лица. Надо учитывать и все те случаи, когда один и тот же боярин (дружинник) или представители одного боярского рода просто упоминаются на службе у разных князей. В этих упоминаниях — преимущественно летописных — необходимо принимать во внимание все возможные отождествления имен и лиц, но в то же время строго придерживаться наиболее надежных данных и снижать долю гипотетичности в этих отождествлениях. Опыт обработки такого рода данных, который имеется в историографии, свидетельствует, что в отсутствие сколько-нибудь надежных росписей боярских родов для времени до XIV в. идентификации и «сближения» (с целью выстроить преемственность поколений) имен отдельных бояр и дружинников, упоминаемых в разных местах летописи и в других источниках, редко являются бесспорными, а чаще в той или иной степени гадательны, нередко просто сомнительны.

Так как в реальности разрыву отношений служилого человека с князем должны были предшествовать оформление этих отношений и, как считают многие ученые, заключение неписаного договора между ними, то части о переходах предшествует часть о присяге. С моей точки зрения, те немногие суждения о традиции принесения присяги верности князю, которые есть в литературе, нуждаются в существенной корректировке. Крайне скудный опыт изучения этого вопроса не дает никаких оснований (кроме самого абстрактного свойства) исходить из мысли о существовании традиции боярской присяги с древности как само собой разумеющейся. В то же время он подсказывает обратиться прежде всего к обряду крестоцелования, к которому, пусть и в неоднозначных случаях и в более позднее время, но все-таки в самом деле прибегали князья и служилые люди. В нижеследующей первой части раздела исследуется, как вообще описывалось поступление на службу к князю и при каких именно обстоятельствах использовалось крестоцелование в отношениях князя и знати.

⁴⁵ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 329.

⁴⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956 (1-е изд.: М., 1946). С. 164–165.

Клятва верности

Виды клятвы и терминология. История клятвы в России — тема, практически не разработанная в науке. Отдельные аспекты этой темы затрагивались только историками права в связи с применением клятв в судопроизводстве⁴⁷. В западно-европейской историко-юридической науке о клятве традиционно (по крайней мере с XVII в.) речь заходит также в связи с историей судебных процедур и инстанций, но кроме того, она рассматривается как механизм установления и легитимизации публичной власти. В последние десятилетия интерес к клятве возрос во многом благодаря импульсам из этнологии — обращается внимание на важность этого ритуала в архаических обществах: с одной стороны, ритуал выполнял коммуникативную функцию, с другой — в условиях отсутствия государственного принуждения и развитой правовой культуры религиозная санкция, реализуемая посредством клятвы, обеспечивала определенный уровень социального доверия⁴⁸.

В самом общем виде клятву определяют как «механизм, с помощью которого призываются потугсторонние силы с целью подтвердить истинность высказывания или обеспечить искренность обещания»⁴⁹, и соответственно разделяют ее на две категории: «ассерторная» («подтвердительная») и «промиссорная» («обещающая»). Помимо различия клятв по форме и обряду, историки-правоведы Западной Европы выделяют разные их виды в зависимости от того, кто, где и с какой целью их произносит (различаются, например, клятвы членов городских гильдий, священников при посвящении в сан, должностных лиц, вассалов и т. д.). Типологии могут быть разной степени детальности и дробности, но применительно к средневековому обществу часто в той или иной степени условны, так как четко отделить один тип клятвы от другого бывает трудно⁵⁰. Тем не менее, в сфере властных отношений по крайней мере с законодательства Карла Великого можно довольно ясно выделить два вида присяги: вассальную и присягу подданных (в более позднее время выделяется еще должностная присяга). Обе устанавливали или скрепляли некоторую иерархию господства и подчинения, но первая имела частнопроводную сущность и связывала конкретные личности отношениями в какой-то степени добровольно-договорными, а вторая имела публично-правовой и часто

⁴⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005 (впервые: Киев, 1886). С. 719–721; *Леонтович Ф. И.* Старый земский обычай // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. IV. Одесса, 1889. С. 116–124; *Попов А.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 139–142.

⁴⁸ См., например: *Levy-Bruhl H.*, Reflexions sur le serment // Études d'histoire du droit privé offertes à Pierre Petot, Paris 1959, pp. 385–396; *Le Serment.* Recueil d'études anthropologiques, historiques et juridiques. Seminaire 1985–1988, Paris 1989; *Le serment*, t. I: Signes et fonctions, t. II: Théories et devenir, édité par R. Verdier, Paris 1991.

⁴⁹ *Levy-Bruhl H.*, Op. cit., p. 385.

⁵⁰ Одна из последних попыток систематизации «промиссорных» клятв (каковыми являются все клятвы верности) представляет обобщающая работа швейцарского историка: *Holenstein A.*, Die Huldigung der Untertanen: Rechtskultur und Herrschaftsordnung (800–1800), Stuttgart, New York 1991, особенно стр. 9–40.

принудительно-отчужденный характер⁵¹. Вассальную присягу обычно связывают преимущественно или даже исключительно с системой вассально-ленных отношений, которая сложилась в Западной Европе в Средние века, а присягу подданных в принципе можно понимать широко как явление географически и исторически более распространенное.

Древняя Русь знала разные способы подтверждения и скрепления договоренностей, обещаний, утверждений и показаний. Как правило, в них более или менее явно просматривается религиозное содержание (языческое или христианское), — и тогда мы имеем дело с клятвой в собственном смысле слова, — но есть случаи, когда такого содержания и не угадывается. Чаще всего клятвы упоминаются в связи с заключением внутри- и внешнеполитических договоров и с судопроизводством.

Древнейшие и уникальные свидетельства об употреблении клятвы в Древней Руси дают русско-византийские договоры X в., переводы которых были включены в текст «Повести временных лет». Во всех трех договорах (911, 944 и 971 гг.) фиксируется клятва языческой Руси, которая могла состоять из разных обрядов и заклятий, но наиболее характерным элементом ее было, видимо, заклятие смертью от собственного оружия. В договоре 944 г. упоминается, что часть представителей русской стороны клялась в церкви по христианскому обряду, но неясно, по какому именно. Замечание в летописном комментарии к одному из договоров, что якобы для его скрепления использовалось крестоцелование, следует признать неудачной догадкой книжника конца XI — начала XII в.⁵²

О русской клятве языческой по содержанию или по происхождению источники сколько-нибудь ясных свидетельств больше не дают. Глухие упоминания о том, что такого рода клятвы все-таки существовали — главным образом, видимо, в народной среде, — содержатся в церковно-учительной литературе среди осуждений нехристианских обычаев. Однако как раз о клятве оружием, имевшей хождение, как можно догадываться, больше в военно-дружинной среде, никаких данных нет. При княжеских дворах домонгольской эпохи господствовала, по всей видимости, уже клятва христианская.

Скорее всего, дохристианского происхождения обряд рукобитья. Неясно, можно ли его связать с какими-то конкретными языческими (магическими) представлениями, но фактически он с древности служил для скрепления соглашений,

⁵¹ См., например, в контексте немецкой юридической школы разделение *Untertaneneid* (присяги подданных) и *Vassaleneid* или *Lehnseid* (вассальной клятвы верности) (Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte, Bd. 1, Berlin 1964, S. 861–872). Ср. также разделение клятвы верности частноправового характера (в том числе вассальной клятвы) и присяги подданных в специальной истории политической клятвы в Западной Европе до раннего Нового времени: *Prodi P.*, Das Sakrament der Herrschaft: der politische Eid in der Verfassungsgeschichte des Okzidents, Berlin 1997 (первое издание на итальянском языке: Bologna 1997), S. 57 et seq.

⁵² См. подробнее о клятве в договорах и в летописных комментариях к ним: Стефанович П. С. Древнерусская клятва по русско-византийским договорам X века // Древнейшее государство Восточной Европы. 2004: Политические институты Древней Руси. М., 2006.

то есть выполнял функцию клятвы. Правда, смысл его, видимо, был шире, чем только клятвенное заверение. Как и сегодня, «давали руки» или «ударяли по рукам» вообще в знак мира и дружественных намерений. Если в таком ключе истолковывать обряд, то древнейшим свидетельством о нем можно признать постановление русско-византийского договора 944 г. В разделе, регулирующем порядок прибытия русских послов и «гостей» в Константинополь, постановляется, в частности, что отныне они должны иметь при себе специальную грамоту от русского князя, «да увѣмы и мы (византийцы. — П. С.), оже съ миромъ приходить»; те же из них, кто не имеет грамоты и «руку не дадутъ и противятся, — д[а] убьени будутъ»⁵³. Очевидно, не дать руку значило, что человек не желает «мира», а дать — наоборот, проявляет миролюбие.

Первым свидетельством о применении этого обряда для скрепления договора является рассказ «Повести временных лет» об осаде Киева печенегами в 968 г., где описывается, как киевский воевода Претич подал руку печенежскому князю⁵⁴. Позднее обряд «избить рук» в этой функции получил широкое распространение в торгово-купеческой среде. В XIII–XV вв. обычай фиксируется в источниках, происходящих из западно- и северо-западных русских торговых городов — Полоцка, Пскова и Новгорода. Таким образом скреплялись здесь как частные сделки русских и иноземных (прежде всего немецких) купцов, так и торгово-экономические соглашения от лица города с Ганзой и другими торговыми партнерами⁵⁵. Кроме того, обряд рукобитья имел более специальное значение: им скреплялось окончательное соглашение о женитьбе между отцами жениха и невесты⁵⁶. Новго-

⁵³ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926. Стб. 48.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 67. В рассказе подчеркивается дружественный характер заключенного договора: «Реч(е) же князь печенѣжский къ Прѣтичу: буди ми другъ. Онъ же реч(е): тако створю. И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжский князь Прѣтичу конь, саблю, стрѣлы, онъ же дасть ему бронѣ, шить, мечъ». Показательно также, что рукопожатье упоминается отдельно от обряда обмена оружием, имевшего, вероятно, магический смысл.

⁵⁵ О рукобитьи в Новгороде см.: *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 172–183, 231–233 (дается обзор упоминаний об обряде и анализ соответствующих заимствований в немецком языке XIV–XVI вв.). По актовому материалу самое раннее известие о рукобитьи в частной сделке в Полоцке датируется 1436–1437 гг. (полочанин и немец «вдарили у руку»), в договоренностях между Полоцком и Ригой — 1409 г. (рус.: «и на том есмо и руки дали», нем.: «de hant dat up gegeunen»), см.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. Т. I. М., 1977. С. 115, 117, 133–134.

⁵⁶ В таком значении выражение «избить руки» известно, в частности, по новгородским берестяным грамотам уже в XII в. (*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 300. Ср. также с. 392–394). Правда, иногда это выражение в одной грамоте XII в. интерпретируется не как сговор о свадьбе, а, наоборот, как расторжение брака; последняя попытка (с нашей точки зрения, не очень убедительная) такой интерпретации, а также сравнение русского обряда рукобитья с аналогичными свадебными обрядами в Нормандии X в. были предприняты польским историком А. Поппэ, см.: *Поппэ А. В.* О брачном контракте на Руси (на основании

родская и Псковская судные грамоты предписывают «по руце ударити» или «руку дати» во время судебного процесса при показаниях или процедурных соглашениях между ответчиком и истцом, свидетелями и т. д. Как в торговых сделках, так и в судопроизводстве нередко вместе с рукобительем употреблялось крестоцелование, которое мыслилось главной частью обряда заключения договора или подтверждения показания⁵⁷. В известиях с северо-запада России фиксируется также особая формула «дать руку по ком-либо», которая позволяет связать обряд «избитья рук» с обычаем поручительства⁵⁸.

Христианская клятва известна в Древней Руси в разных формах. Наиболее распространено было крестоцелование, к 1059 г. относится первое достоверное известие о его применении на Руси⁵⁹. Однако кроме креста для принесения клятвы употреблялись и другие священные в христианской традиции предметы — например, иконы. В ходу были и устные заклęcia с упоминанием бога, святых, праздников и т. п. («божба»). Утверждению крестоцелования в качестве почти единственной формы клятвы способствовала, по-видимому, позиция церковных властей. Вообще употребление любой клятвы, в том числе христианского характера, осуждалось церковью, которая опиралась на евангельский запрет (Матф. V, 33–37). Однако крестоцелование стояло особняком — оно имело теоретическое, христиански обоснованное, оправдание: Крестная сила мыслилась залогом сохранения мира и любви, особенно в среде Рюриковичей. На него почти никогда не распространялось понятие клятвы, хотя постоянны были призывы по возможности ограничить и его применение. Уже в XII в. крестоцелование стало основной формой утверждения всякого рода соглашений и договоренностей, особенно нацеленных на поддержание «братолюбия» Рюриковичей⁶⁰.

В Древней Руси близким по значению слову «клятва» было слово «рота». В русско-византийских договорах и в ряде других случаев они выступают практически синонимами. Оба слова могли обозначать как языческую, так и христианскую клятвы⁶¹. Тем не менее некоторое различие в их употреблении заметно. Слова

грамоты на бересте № 9) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 43–44.

⁵⁷ См., например, ст. 37 Новгородской судной грамоты. Ср. также «справедливое крестоцелование» (*der rechten crucekussinghe*) в сочетании с рукобительем в отношениях Полоцка и Риги: Полоцкие грамоты... Т. I. С. 115, 127. Ср. также: *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Указ. соч. С. 176.

⁵⁸ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. Приложение I: Символизм... С. 495.

⁵⁹ Под этим годом в «Повести временных лет» сообщается, что братья Ярославичи вывели «строю своего» Судислава Владимировича из поруба, в который он был заточен Ярославом, «заводивъше кр(е)сту» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 162).

⁶⁰ О крестоцеловании в сравнении с другими видами клятвы см. подробнее: *Стефанович П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004.

⁶¹ Именно так оба слова используются, например, в одном из древних поучений против «ротников». Там говорится, например: «человеци кленуться Богомъ и его святыми и

«клятва» и «клятися» несравненно чаще встречаются в церковнославянских текстах, и они, видимо, имели более широкое значение. А в древнерусских законодательных памятниках — например, в Русской Правде или Псковской судной грамоте — почти всегда для обозначения присяги используется термин «рота», причем в последнем своде законов он мог обозначать и крестоцелование (например, в статье 99). Такое словоупотребление характерно и для новгородских летописей, где «ротой» называется целование креста или иконы, скреплявшее договоры новгородцев между собой и с князьями. В то же время в летописях южнорусской и северо-восточной традиций значение этого слова специализируется, и оно обозначает клятву, скреплявшую договор с нехристианскими народами (половцами, позднее татарами); те «поганые», с которыми русских князей связывает соглашение, называются «ротниками».

Слово «присяга» вместе с «клятвой» и «ротой» — праславянского происхождения⁶², но в древнерусском языке не получило распространения. В Древней Руси оно было известно из церковнославянских текстов⁶³, а также благодаря контактам с западными соседями. В древнепольском языке (как и в современном польском) слово *przysięga* (производные — *przysięgać*, *przysiąc* и др.) было основным для обозначения клятвы. Этим можно объяснить упоминание «присяги» в Галицко-Волинской летописи под 6712 (1204) г.⁶⁴ Именно «под польским влиянием», как считают специалисты, это слово распространяется с конца XIV в. в западнорусском языке⁶⁵. Сначала употребительное только в определенных контекстах, постепенно оно стало вытеснять древнерусские слова, обозначая вообще клятву, в том числе и крестоцелование. Так, древнейшие упоминания слова в западнорусском языке находятся в так называемых присяжных грамотах конца XIV в. литовских и русских князей Ягайле-Владиславу. В этих грамотах, составленных явно по

друг друга догонять до клятвы и церковь святую невѣсту Христову ротою скверняще» (Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе // Известия Отделения русского языка и словесности АН. 1912. Т. XVII. Кн. 3. С. 77–80).

⁶² Этимология слов, обозначавших у славянских народов клятвенное обещание или заверение, вроде бы указывает на различия в их начальных значениях. Слово *kletva* (от *kletfi*) связывается с *kloniti*, и предполагается, что так обозначалось принесение клятвы с поклоном до земли, *prisega* (от *prisegati* — «касаться») подразумевало касание предмета рукой, а *ro(k)ta* — произнесение, изречение слов при клятве (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10. М., 1983. С. 37–39). Однако по древнерусским источникам подобные различия не прослеживаются.

⁶³ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995.

⁶⁴ Летописец, описывая сдачу Владимира Волинского полякам, отмечает: «и жаляхуса володимерци, емше имъ (полякам. — П. С.) вѣры и присязе ихъ» (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 720). В реальности события, описанные в этой летописной статье, имели место в 1208 г. Датировка сведений из Галицко-Волинской летописи здесь и далее дается по работе: Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового Товариства ім. Т. Г. Шевченка. Т. XLI. Львів, 1901.

⁶⁵ Золтан А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 791 (впервые опубликовано в 1988 г.).

польскому образцу, «присяга» обозначает торжественное обещание верности⁶⁶. Но уже, например, в полоцких актах XV в. «присягой» обозначается судебная присяга, клятва, скрепляющая договор, а также чиновно-служебная присяга в виде крестоцелования⁶⁷. По этим актам, собранным в одном издании, хорошо видно, как еще в XIV в. (1338–1341 гг.) присяга весчих в Полоцке обозначается словосочетанием «крест целовати» («а весчеви крест целовати, как ему право весити, каки ни товар будет»), но уже в XV в. — как «присяга»: «вещий места Полоцкого, который есть у присязе»⁶⁸.

В великорусский язык слово заимствуется «из западнорусского во второй половине XV в. в связи с дипломатическими сношениями с Западом» и обозначает поначалу клятву по западноевропейским или польско-литовским обычаям⁶⁹. В XVI в. об этом слове уже пишут: «очиститься присягою, сиречь крестным целованьем»; постепенно оно входит в употребление, хотя еще в XVIII в. могло восприниматься как иноязычный экзотизм.

Разумеется, в средневековой Руси были также слова и выражения, которые обозначали вообще любые обещания и заверения (например, слова «обътъ», «объщание»⁷⁰, выражения со словом «вѣра» — «уречи в вѣрѣ» и др.⁷¹).

Этот краткий исторический и терминологический обзор показывает, что в Древней Руси были самые разные традиции использования клятвы по разным поводам, но в то же время, за исключением судебной сферы, применение ее не было обязательным образом регламентировано, и более того, от нее могли и совершенно отказываться по принципиальным соображениям (с последовательно проведенной христианской точки зрения). В течение XII–XIV вв. происходил процесс некоторого «упорядочения» в этой сфере, обусловленный не юридически, а скорее культурно-религиозно: как единственно возможная форма клятвы укреплялось крестоцелование, а терминологически обособлялась и сужалась область применения слова «рота». Как объяснить в этом контексте то обстоятельство, что в сфере взаимоотношений князя (правителя) и дружины (служилой знати) древнерусские источники практически никогда не упоминают ни о каких клятвах, ротах, рукобътиях или обещаниях за исключением крестоцелования (или в единичных случаях — целования иконы), а в связи с поступлением на службу к князю дружинников или служилых людей фактически вплоть до конца XV в. не упоминается и кресто-

⁶⁶ Грамоти XIV ст. / Вид. М. М. Пещак. Київ, 1974. С. 84.

⁶⁷ Полоцкие грамоты... Т. I. С. 122; Т. II. М., 1978. С. 92, 152; Т. III. М., 1980. С. 85.

⁶⁸ Там же. Т. I. С. 39; Т. II. С. 59, 86.

⁶⁹ Золтан А. Указ. соч. С. 790–791.

⁷⁰ См., например: СДРЯ. Т. V. М., 2002. С. 578–582.

⁷¹ См., например, эти выражения в берестяных грамотах: Зализняк А. А. Указ. соч. С. 350, 353–354, 570, 672–673. Издатель толкует выражения «уречи в вере» как «заявить под клятвой», «в вере» как «под клятвою», а для слова «вѣра» предполагает значение «клятва», однако на самом деле тот случай, который им разбирается (грамота № 724), твердых оснований для такой трактовки не дает: никакого религиозного содержания, заклятий и т. п. здесь не усматривается. Речь идет просто об обещании, скорее как раз ничем, кроме *доверия*, не подкрепленным.

целование? Исследование, которое предлагается ниже, должно отчасти ответить на этот вопрос. Сначала анализируются несколько древних известий о том, как происходило поступление на княжескую службу (вступление в дружину), а затем предлагается обзор упоминаний крестоцелования между князем и знатью.

Князь и княжий муж: «приятъ в сердце», «сложить голову», «служить животом». Первым известием, из которого можно составить представление, как устанавливалась первоначальная связь между князем и человеком, желавшим вступить в его дружину, является рассказ «Повести временных лет» о борьбе братьев Владимира и Ярополка Святославичей за киевский престол в 6488 (980) г.

Как известно, победить брата и взять Киев помог Владимиру воевода Ярополка по имени Блуд. О том, как будущему крестителю Руси удалось переманить на свою сторону видного боярина, возглавившего оборону Киева, летописец рассказывает следующим образом: «Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лествю, г(лаго)ля: поприяи ми, аще убью брата своего, имѣти ты хочю во о(т)ца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене, не азъ бо почаль братью бити, но онъ, азъ же того убоявъся придохъ на нь. И реч(е) Блудъ къ посломъ Володимеримъ: азъ буду тобѣ въ с(е)р(д)це и въ приязньство»⁷².

Летописец далее осуждает предательство боярина, принявшего когда-то от своего князя «чсты многи», но, к сожалению, не говорит, как складывались отношения Владимира и Блуда позднее, после вокняжения в Киеве победителя, и вообще больше не упоминает про боярина. Правда, некоторые летописи приводят имя Блуда в сообщении под 6526 (1018) г. о битве между Ярославом Владимировичем и Болеславом польским, который поддержал Святополка в борьбе с Ярославом за Киев, разгоревшейся после смерти Владимира. Это сообщение в кратком виде содержится в летописях, отразивших текст «Повести временных лет», и в несколько более распространенном — в летописях, отразивших т. н. Новгородско-Софийский свод, в которых есть данные, восходящие к летописанию XI в. (вероятно, новгородскому), но не вошедшие в «Повесть временных лет» и предшествовавший ей «Начальный свод» (согласно А. А. Шахматову). В большинстве летописей — во всех, содержащих вариант сообщения «Повести временных лет», и в части тех, которые восходят к Новгородско-Софийскому своду (в том числе, например, в Новгородской IV летописи) — в сообщении говорится об участии в битве воеводы и кормильца князя Ярослава Владимировича по имени Буды или Будыи⁷³. И только в Софийской I летописи, Тверском сборнике, Ермолинской и некоторых других летописях вместо Буды говорится о Блуде⁷⁴. Это — явная

⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 76.

⁷³ См., например: ПСРЛ. Т. I. Стб. 143; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 108. Новгородская IV и Лаврентьевская летописи (далее — Лавр.) дают вариант «Буды». «Будыи» — в Радзивилловской (далее — Радз.), Московской Академической (далее — Акад.) и Ипатьевской (далее — Ипат.) летописях.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1925. С. 88; Т. XV. СПб., 1863. Стб. 136–137; Т. XXIII. СПб., 1910. С. 18.

ошибка переписчиков, возникшая, по-видимому, на позднейших этапах летописания и вполне объяснимая фонетической близостью двух имен. Отождествление Блуда и Буды, принятое в именных указателях к Лаврентьевской и Ипатьевской летописям в издании «Полного собрания русских летописей», следует признать бесосновательным⁷⁵. Давал ли позднее Блуд какие-то клятвы и обещания Владимиру, вокняжившемуся в Киеве, мы уже знать не можем. Летописный текст твердо утверждать позволяет лишь следующее: для Блуда формальным признанием Владимира как своего князя и началом для действий в его пользу была фраза «аз буду тебе в сердце и в приязньство».

Летописный рассказ о победе Владимира содержит еще одно интересное известие. В конце рассказа упоминается некий Варяжко, видимо, дружинник Ярополка, приближенный и оставшийся верным своему князю. Летопись сообщает, что после убийства Ярополка он бежал «в печенъги и многа воева Володимера с печенъгы, — одва приваби и, заходивъ к нему ротъ»⁷⁶. Из этого известия следует, что между Владимиром и Варяжком состоялась некая клятва — «рота». Можно ли считать, что речь идет о присяге верности дружинника князю? Думаю, нет. Из самой формулировки явствует, что не Варяжко присягал на верность Владимиру, но, наоборот, сам князь клялся в чем-то своему заклятому врагу («заходив к нему роте»), которого едва удалось приманить («приваби») на заключение мира. Предполагать, что Варяжко перешел на службу к Владимиру, источник никаких оснований не дает. Наконец, следует учесть, что термин «рота», как говорилось выше, использовался в русско-византийских договорах, в «Повести временных лет» и позднейшем летописании для обозначения клятв, скреплявших международные договоры и соглашения князей, преимущественно договоры с нехристианскими народами. Это говорит в пользу того, что «рота» между Владимиром и Варяжком скрепляла скорее соглашение между ними как бы «международного» характера — ведь Варяжко воевал против Владимира с печенегами.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 542–543; ПСРЛ. Издатель А. Кошелев. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. С. VII–VIII (автор указателя — Л. Л. Муравьева). Справедливость этого отождествления можно было бы отстаивать, опираясь на авторитет А. А. Шахматова, который пространный вариант сообщения о битве Ярослава с Болеславом именно в том его виде, который упоминает Блуда вместо Буды, возводил к «Житию Антония Печерского», не сохранившемуся до наших дней, но служившему, по его мнению, источником сведений для древних летописцев (см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001 (впервые: СПб., 1908). С. 202–203). Однако, во-первых, А. А. Шахматов здесь допустил ошибку, поскольку приписал чтение с упоминанием Блуда Новгородской IV летописи — на самом деле она говорит не о Блуде, а о Буды. Во-вторых, в корректировке нуждаются и его взгляды по поводу соотношения летописи и «Жития Антония». Современные исследования, хотя и поддерживают саму идею о существовании древнего «Жития Антония», не подтверждают мысль, что оно содержало какие-либо данные о победе Болеслава над Ярославом и могло в данном случае служить источником летописи (см.: Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 28).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 78. Слова «многа воева Володимера с печенъгы» пропущены в Лавр. и восстанавливаются по Радз.

Более плодотворным, чем рассуждения об особых отношениях киевского князя и Варяжка, кажется поиск соответствия словам Блуда, перешедшего на сторону Владимира. Похожие выражения, действительно, находим далее в «Повести временных лет» в рассказе, озаглавленном «О убьени Борисовѣ», где описываются первоначальное вокняжение Святополка в Киеве после смерти Владимира в 1015 г. и его первые действия с целью устранить брата Бориса — главного на тот момент конкурента в предстоящей борьбе за киевский престол. О вокняжении Святополка говорится так: «Святополкъ же съде Киевѣ по о(т)ци своемъ и съзва кыяны и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ с(е)рдце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ». Действительно, часть киевлян — «отня дружина» и «вои» — находились тогда с Борисом, который возвращался из похода на печенегов. Эти киевляне предложили ему свою помощь в овладении Киевом. Борис от их услуг отказался, а его брат, наоборот, набирал себе помощников для борьбы. Обещая Борису «любовь имѣти», «а лстя под нимъ», как замечает летописец, Святополк «приде ночью Вышегороду отаи, призва Путшу и вышегородскыѣ болярцѣ и реч(е) имъ: приете ли ми всѣмъ с(е)рдцемъ? Реч(е) же Путьша с вышегородьци: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же реч(е) имъ: не повѣдуче никомуже, шедше, убиите брата моего Бориса. Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити»⁷⁷.

Последний эпизод очень похож на описание переговоров Владимира с Блудом, и речь также идет об установлении особых отношений между князем и мужами-воинами более или менее повышенного социального статуса перед каким-то ответственным мероприятием, в котором князю нужны помощники и соратники. В сущности, данный эпизод можно было бы трактовать просто как вступление «болярцев» в дружину Святополка, если бы была уверенность, что у князя до того никаких контактов с ними не было. Однако, предполагать надо скорее обратное: как следует из рассказа, Святополк явно знал уже заранее, к кому обращаться с важным поручением. Из сообщений Титмара Мерзебургского известно, что последние годы перед смертью Владимира Святополк находился в заключении⁷⁸, и правдоподобным выглядит предположение, что его держали именно в Вышгороде⁷⁹. Именно из Вышгорода Святополк мог быстро добраться до Киева, узнав о смерти Владимира, и там он мог уже заранее обзавестись сторонниками. Так или иначе, слова, с которыми он обратился к «болярцам», почти дословно совпадают со словами, которыми обменялись в свое время Владимир и Блуд: «приете ли ми всем сердцемъ?», — спросил Святополк Путшу и его сообщников.

Такое совпадение не было случайным. Неслучаен также ответ вышегородцев князю, хотя они говорят не так, как Блуд, но используют другое образное выражение: «можем главы своя сложити за тя». Оба выражения, которые встречаются

⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 132. В Новгородской первой летописи, отразившей рассказ в несколько иной редакции, в данном случае текст практически совпадает (НПЛ. С. 169–170).

⁷⁸ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 140–141.

⁷⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 72.

еще неоднократно в летописании, заслуживают специального разбора. Однако, прежде чем к нему перейти, отмечу еще одно. Важно, что отдельно от этого обмена репликами летописец сообщает о конкретном поручении Святополка и новом ответе «боярцев»: он приказывает им убить Бориса, а они «вскоре» (но не сразу после первого разговора!) «обещают» выполнить приказ.

В изложении того же эпизода в «Сказании и страсти и похвале святую мученику Бориса и Глеба», в общем близком к летописной повести⁸⁰, разрыв между первоначальным формальным вступлением в «прияньство» и конкретным поручением еще более нагляден. После первого вопроса Святополка и ответа Путши и «вышегородских мужей» (так они названы в этом произведении), которые изложены с небольшими отличиями⁸¹, автор двумя фразами комментирует злодейские замыслы «въторааго Каина», и только потом передает приказ князя: «тѣгда призва къ себе оканьнии трѣклятии С(вя)топѣлкѣ съвѣтъники всему злу и началники всеи неправдѣ и отъвързъ прескъврньная уста рече, испусти злыи гласъ Путьшинѣ чади: аще убо главы своя обѣщастея положити за мя, шедше убо, братия моя, отаи, кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрше время, убийте и. И обѣщашася ему тако створити»⁸².

Таким образом, разговор о задании, выполнить которое предстояло «Путьшиной чади», и некое общее соглашение о «сотрудничестве» четко отделяются в изложении обоих сочинений. Выполнить конкретное задание можно было просто «обещать», но вступить в особо близкие отношения с князем, войти в круг его доверенных лиц — для этого надо было сказать определенные слова, которые выглядят как специальные формулы, предназначенные именно для такого случая. Этот вывод подтверждают наблюдения над позднейшим летописанием и нелетописными источниками.

Смысл выражения «приятъ в сердце» полностью раскроется, если учесть, какие ассоциации связывались в древности с сердцем, что оно символизировало и какими функциями в представлении средневековых людей обладало. Словари старославянского и древнерусского языка дают вторым значением слова «сръдце» (помимо основного естественного значения как внутреннего человеческого органа) «сердце как средоточие чувств, переживаний, настроений»⁸³ или «сердце как символ души, внутреннего мира человека, его переживаний, мыслей и чувств»⁸⁴.

⁸⁰ Большинство ученых считают первичным летописный рассказ, а версию «Сказания» — его житийной переработкой. Впрочем, есть и иные суждения, и вопрос о соотношении летописной и житийных повестей о первых русских князьях-святых не может считаться решенным. См.: *Дмитриев Л. А.* Сказание о Борисе и Глебе // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. С. 398–408; *Назаренко А. В.* Борис и Глеб // *Православная энциклопедия.* Т. VI. М., 2003. С. 44–49.

⁸¹ Святополк сказал: «повѣдите ми по истинѣ, прияньство имѣете ли къ мнѣ», и получил такой ответ: «вси можемъ главы своя положити за тя» (Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 46).

⁸² Там же.

⁸³ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. С. 621.

⁸⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 24. М., 2000. С. 78–79.

Второе определение представляется более точным, потому что сердце, действительно, мыслилось средоточием не только чувств и настроений, но и мысли, интеллекта. В подтверждение этого можно привести множество примеров из разных древнерусских — переводных и оригинальных — источников. Такие выражения как «сръдьцемъ разумѣють», «умъ сръдечьныи», «обратиль еси с(е)рдце в разум», «насъя книжными словесы с(е)рдца вѣрныхъ люди», «ино помышленье в сердци моем не было» и т. п., взятые только из славянского перевода Евангелия и «Повести временных лет»⁸⁵, говорят сами за себя.

В таком переносном значении, как центр чувственных переживаний и интеллектуальной воли человека, слово «сердце» входит в состав более или менее устойчивых словосочетаний и приобретает в разных контекстах дополнительную, порой неожиданную, смысловую нагрузку⁸⁶. Только в «Повести временных лет» по несколько раз употребляются такие выражения, как «бог вложи в сердце» (для обозначения божественного происхождения той или иной мысли или намерения), «ужасеса сердцем», «вознесеса сердцем», «положи на сердци» и др.⁸⁷. Например, в военно-героическом контексте сердце может вписываться в образ закаленной, «булатной» души. Такие примеры находят в русском фольклоре, а в домонгольской литературе яркие образы дает «Слово о полку Игореве». «Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузуѣ скована, а въ буести закалена», — говорится о доблести князей Игоря и Всеволода. «Иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ», — описывается устремление Игоря к военным подвигам⁸⁸. Комментаторы этого места справедливо делают вывод: «Выступление Игоря в поход изображено как „заострение“ сердца, т. е. уподобляется заточке оружия»⁸⁹.

Понятие сердца в образно-символическом преломлении совсем не чуждо риторике взаимоотношений Рюриковичей. Например, на Любечском съезде князья призывают друг друга: «отселе имемся въ едино с(е)рдце и блюдом Рускыѣ земли». Более чем через полвека дорогобужский князь Владимир Андреевич заслуживает похвалы летописца за то, что «не ступи хр(е)стьяного цѣлования к Ростиславу, но всяко яся по Ростислава всимъ с(е)рдцемъ»⁹⁰. В этом контексте через образ или понятие сердца, с одной стороны, выражаются идеи братолюбия и единения, но с другой — обозначается и политический союз. Этот последний чисто «прагматический» смысл слова остается единственным, когда речь идет о полити-

⁸⁵ Примеры из Евангелия см. в статье «сръдце» «Старославянского словаря», из «Повести временных лет»: ПСРЛ. Т. I. Стб. 124, 152, 266.

⁸⁶ Вопрос о происхождении этого значения слова, который заслуживает специального исследования, здесь не ставится. На мой взгляд, следует предполагать сложное взаимодействие архаических представлений с библейско-христианской традицией.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 64, 106, 137, 156, 207, 277, 283; Т. II. Стб. 264, 268, 283.

⁸⁸ Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 5, 26.

⁸⁹ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000 (первое издание: Вена, 1984). С. 129.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 256; Т. II. Стб. 520.

ческих договоренностях между сторонами, которых никакие родственные симпатии связывать не могли — как, например, в приведенном выше описании вокняжения Святополка в Киеве («не бе сердце их с ним»).

Таким образом, в политической культуре Древней Руси «сердечная» привязанность была связана не с личными симпатиями и эмоциональными склонностями, а происходила от заключения союзов, основанных на вполне рациональных соображениях. В данном случае хорошо видно, как политико-юридическое понятие вырастает из выражения, имевшего первоначально самый общий нравственно-бытовой смысл (что весьма характерно для Древней Руси и проявляется и во многих других случаях).

Это позволяет характеризовать выражение «приятъ в сердце» в тех примерах, от которых мы отталкивались, как формальный призыв к союзу или — в зависимости от формулировки и контекста — заверение в союзе, подразумевавшем единомыслие и единство восприятия и намерений, то есть, говоря позднейшим языком, «одиначество»⁹¹. Однако, как хорошо видно из известия о верности Владимира дорогобужского крестоцелованию Ростиславу, такой призыв (заверение) не был клятвой и не мог заменить религиозного скрепления соглашений, поэтому с распространением в среде Рюриковичей крестоцелования выражения «сердечной» привязанности больше тяготели к идейно-символической плоскости осмысления их взаимоотношений.

В отношениях князей с дружиной такого рода выражения больше не упоминаются. Правда, несколько более устойчивым, чем понятие «сердце», оказалось в этой сфере понятие «приязнь». В летописании как домонгольской поры, так и XIV — начала XVI в. неоднократно упоминаются мужи «во приязнь» тому или иному князю или просто его «приятели»⁹². Обозначаются таким образом всегда сторонники князя в стане врага или в тех землях и городах, где противостоят «партии», сочувствующие разным князьям. В сущности, имеются в виду отношения симпатии, дружественного союза, основанного на преданности в обмен на «чести многи», то есть покровительство, дары, милости и пожалования. Такого рода симпатия совершенно индифферентна к клятвенным заверениям в преданности.

Сами служилые люди для выражения своей преданности князю предпочитали, видимо, другую формулу, в летописании впервые встречающуюся в речи вышгородских «болярцев». Выражение «голову сложити за кого-либо или за что-либо» было настолько употребительным, что в словарях приводится как фразеологический оборот⁹³. Метафорический смысл его вполне очевиден — отдать свою жизнь (на поле брани, как подразумевается прежде всего). Происхождение тоже ясно: если сердце считалось в древности средоточием чувств и мыслей человека,

⁹¹ Ср. «переходное» выражение «за одно сердце» в Галицко-Волинской летописи под 6789 (1281) г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 885).

⁹² См., например: НПЛ. С. 175, 210; ПСРЛ. Т. II. Стб. 307 и мн. др.

⁹³ См., например, статьи «глава» и «голова» в СДРЯ: Т. II. М., 1989. С. 319–320, 348–349.

то голова — средоточием его жизненной энергии. Именно этим объясняются некоторые странные для современного человека факты нашей древней истории: изготовление из черепа убитого Святослава кубка для печенежского хана Кури (вера, что доблесть героя перейдет к тому, кто пьет из кубка), отрезание головы поверженного врага (не только в качестве трофея, но и для демонстрации его необратимой кончины) и т. п. Голова как символ человеческой жизни фигурирует в устойчивых выражениях: «за голову» платится вира (Русская Правда), человеку следует «блюсти головы своей», он рискует «головой своею» и др., а также в некоторых известных формулировках, например: «аще ли две главѣ имѣть с(ы)нъ твой, то пошли и», «рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову»⁹⁴. Сложной образностью, связанной прежде всего с гибелью и смертью, обростаёт этот символ в поэтике «Слова о полку Игореве». Вместе с другими символами и образами он составляет сложную «смысловую контаминацию»: «отделение головы от тела, отлетание души, исторгание главы („головы“) земли и войска (князя Игоря, хана Кобяка)», уподобление головы «расщепленным аварским шлемам, а также раскрытым доскам княжеского терема»⁹⁵.

Выражение «сложить голову» было более уместно, разумеется, в героическом контексте. Например, героический пафос создается с помощью этого выражения в рассказе «Повести временных лет» о подвигах Святослава Игоревича и его дружины. Святослав в знаменитой речи перед битвой, призывая своих мужей «не посрамить землю Русскую», говорит: «азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Ответ его дружины также преисполнен доблестной решимости, а также, что важно в данном случае, идеей верности своему вождю: «и рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ»⁹⁶.

Эта связь героической формулы с идеей верности дружины предводителю (князю) требует специального анализа. Прежде чем перейти к нему, подчеркнем, что в принципе это выражение не имело социальной или юридической специфики: его произносили и сами князья, и представители разных социальных слоев в разных ситуациях, имея в виду разные цели и идеалы. Летописцы, например, часто передают готовность князей и их дружин «сложить» свои головы за Русскую землю или православную веру в борьбе с «погаными»⁹⁷. У князей были свои идеальные цели: каждый из них был готов сложить голову за свою «во-

⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 276; Т. II. Стб. 603–604.

⁹⁵ Гаспаров Б. М. Указ. соч. С. 312. Характерно, как в «Слове» переосмыслен традиционный образ «князь — глава земли»: князь представляется не как высшая власть, а как жизненный центр (глава как «мыслительный центр» — это, конечно, образ, связанный с современными представлениями, что интеллект человека сосредоточен в его голове, или даже точнее — в мозге). Ср. также: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1. Л., 1965. С. 155.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 70.

⁹⁷ Обзор «патриотических формул», многие из которых включают выражение «главу положить», с систематизацией по хронологии и содержанию см.: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская». Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. С. 62–78.

лость»⁹⁸. Рюриковичи могли использовать это выражение при заключении родственно-«вассальных» договоров в своей среде⁹⁹. Были случаи, когда с его помощью князь демонстрировал верность не другому князю, но городской общине: такова была ситуация в Новгороде. Например, в феврале 1216 г. в Новгород «въеха» Мстислав Мстиславич и заключил договор с новгородцами в следующей форме: «и выеха на Ярославль дворъ и цѣлова чьстьныи крестъ, — а новгородьци к нему, яко с нимъ въ животь и въ смерть, — „любо изищу мужи новгородьстии и волости, паки ли а головою повалоу за Новьгородъ“»¹⁰⁰. Как видно в последнем примере, выражение готовности «головую повалить» могло сопровождаться крестоцелованием, что вполне естественно: как и формула «сердечного» союза, эти слова обозначали лишь общее намерение и настроение, но не могли заменить религиозного подкрепления договора.

Разберем несколько летописных известий домонгольской поры, упоминающих обещание людей не княжеского достоинства «сложить» свою голову именно за князя. В этом случае словосочетание, изначально имевшее «общечеловеческий» смысл, должно обрастать некоей социально-правовой и социально-политической спецификой, и тогда, а особенно если оно произносилось именно при установлении служебных отношений, его можно рассматривать как обязательство верной службы, возможно подобное присяге верности.

В Киевском своде конца XII в. выражение вкладывается в уста союзных русским князьям — в какой-то степени зависимых от них — иноверных народов, живших на южных окраинах Русского государства. В одном случае передаются слова черных клобуков, обращенные к князьям Вячеславу Владимировичу и его племянникам Изяславу и Ростиславу, оказавшимся в тот момент в противостоянии с Юрием суздальским: «хочемъ же за отца вашего за Вячьслава и зятя и за брата твоего (то есть Изяслава. — П. С.) Ростислава и за всю братью и головы своѣ сложити, да любо ч(е)сть вашу налѣземъ, пак(и) ли хочемъ с вами измерети, а Гюргя не хочемъ». В другом случае речь держат берендеи, союзные Юрию и недовольные тем, что он хочет забрать у них пленных половцев: «мы умираемъ за Рускую землю с твоимъ с(ы)номъ и головы своя съкладаемъ за твою ч(е)сть», — заявляют они, обосновывая свои права на пленных¹⁰¹.

В этих известиях формула используется для выражения отношений полусоюзных, полуслужебных, причем отношения эти были двойственными: с одной стороны, служба лично тем или иным князьям (за них лично и за их «честь»), но с другой — союз между народом (племенем) и государством, в зависимости от которого этот народ находится (недаром берендеи говорят, что они умирают и за Русскую землю). Однако признание верности произносится не в момент установления союза (или служебных отношений), а уже тогда, когда отношения существуют, но

⁹⁸ См., например: ПСРЛ. Т. II. Стб. 452, 462.

⁹⁹ См., например, в признании рязанскими князьями верховенства Всеволода владимирского: ПСРЛ. Т. I. Стб. 403.

¹⁰⁰ НПЛ. С. 54.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 427, 480.

когда возник какой-то внешний повод лишний раз напомнить о них: в одном случае — предстоящая борьба за Киев, в другом — недовольство несправедливыми действиями.

Еще одно упоминание формулы в домонгольском летописании тоже можно расценить как напоминание о своих заслугах ввиду неправильных, как кажется говорящим, действий князя. В 1177 г. во Владимире возник «мятеж» после того, как князь Всеволод Юрьевич привел в город своих поверженных врагов — Мстислава Ростиславича и рязанских князей Глеба и Романа. «Всташа бояре и купци, рекуще: княже, мы тобѣ добра хочемъ и за тя головы своѣ складываемъ, а ты держишь ворогы своѣ просты... — любо и казни, любо слѣпи, али даи нам»¹⁰². Свое требование к князю владимирские бояре и купцы обосновывают ссылкой на то, что они князю хотят «добра» и жертвуют за него своими жизнями. В принципе, выражение «головы свое складываем» можно понять здесь как признание владимирцами верности своему князю, однако не совсем ясно, было ли это указанием на ранее принесенные обещания или клятвы (о таковых в летописных статьях за предыдущие годы ничего не сообщается) или просто на факт участия в военных действиях на его стороне.

Понятней ситуация, в которой приводится речь галицких «мужей», обращающихся к своему молодому князю Ярославу (зима 1154 г.). Перед решающей битвой с Изяславом Мстиславичем за Галич бояре заверяют Ярослава, год назад взшедшего на галицкий престол после смерти отца, в своей поддержке: «како ны будеть о(те)ць твои кормилъ и любилъ, а хочемъ за отца твоег(о) ч(е)сть и за твою головы своя сложити..., ты еси у нас кн(я)зь один, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти...»¹⁰³. Совершенно очевидно, что этими словами галицкое боярство выражало именно свою верность князю (причем откровенно указывало ее основания: заботы его отца об их благополучии и тот факт, что у Ярослава не было братьев). Это сближает данный эпизод с рассказом о сговоре Святополка с вышегородцами. Сравнивая эти два известия, можно заметить еще следующее: если о Путше и его сообщниках можно было говорить лишь предположительно, что они до обращения к ним Святополка уже имели с ним какой-то контакт, то в данном случае не может быть никаких сомнений, что галичане до произнесения этой речи уже составляли дружину Ярослава. Причем имеется летописное описание вступления Ярослава на престол после неожиданной смерти отца, где передаются слова молодого князя, только что принявшего власть: «а полкъ ег(о) и дружина е[го] у мене суть, развѣ одино копие поставлено у гроба его, а и то в руку моею есть»¹⁰⁴.

¹⁰² ПСРЛ. Т. I. Стб. 385. Ср. в Ипат. известие в том же виде: ПСРЛ. Т. II. Стб. 605. Ср. анализ этого и других известий о событиях во Владимиро-Суздальской земле в 1174–1177 гг. в разделе П. В. Лукина.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 466–467. Ср. то же известие в Лавр. с некоторыми отличиями, в частности с указанием, что речь произносили «бояре Володимерковича»: ПСРЛ. Т. I. Стб. 340. Реальная дата не совпадает здесь с летописной датировкой. Как и в этом случае, так и в других ниже, даты приводятся по книге: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 464.

В этом описании ни о какой присяге галичан не говорится, но и слова, произнесенные ими перед битвой с Изяславом, расценивать как служебную присягу перед вступлением в дружину невозможно.

Таким образом, формула «сложить голову» была, как уже замечено, широко употребительной, но даже при сужении области ее применения — в отношениях людей не княжеского достоинства с князьями — не получается однородной картины: с помощью этого выражения свою службу или поддержку князю характеризовали далеко не только бояре и «мужи», но и купцы, и иноверные союзники. Произносились эти слова не при установлении служебных отношений (вступлении в дружину), и призваны они были не утверждать или скреплять отношения, а лишь формулировать их общее содержание, не подразумевая юридических обязательств. Как черные клобуки, так и галичане произносят слова о готовности сложить свои головы за князей в ситуациях, когда у них уже были устоявшиеся отношения с этими князьями и требовалось лишь подтверждение верности в какой-то переломный, решающий момент. С другой стороны, берендеи и владимирские «бояре и купцы» вспоминают о своих заслугах уже тогда, когда за плечами были совместные победы с князем и речь шла об урегулировании каких-то вопросов *post factum*.

Тем не менее, поскольку за этой формулой стояла идея верного следования кому-то или чему-то до смерти, слова о готовности умереть на поле брани больше всего подходили именно к дружинно-служебным отношениям.

В эпоху после монголо-татарского нашествия эта формула продолжает существовать и произносится главным образом представителями служилой знати. Характерный пример ее использования дает «Повесть о житии Александра Невского». Согласно древнейшей редакции этого произведения, дружинники князя произнесли следующие слова перед битвой на Чудском озере: «о княже наш честный драгий! Нынѣ приспѣ врѣмя намъ положить главы своя за тя»¹⁰⁵.

Два интересных примера содержится в заключительной части Галицко-Волынской летописи. В статье 6797 г. изложены события зимы 1289 г., когда Мстиславу Даниловичу, взшедшему на владимирский престол после смерти двоюродного брата Владимира Васильковича, пришлось отстаивать несколько городов своей «волоости» от посягательств племянника Юрия Львовича. Возникла угроза междоусобной войны, и в этот момент Мстиславу «бояре его и братни бояре», от которых потребовалось бы непосредственное участие в этой войне, сообщили о своей готовности: «можемъ, г(о)с(поди)не, головы своѣ положить за тя и дѣти наши». Далее в летописи рассказывается о борьбе польских князей за Краков в том же году и упоминается, что князь Индрих, оставив в Кракове «нѣмцѣ лутшии свои мужѣ, обѣщався имъ дарми великими и волостями», «самѣхъ води ко кр(е)сту», чтобы они не передали город его противникам. Целовав крест, эти «мужи» в дополнение к тому произнесли знакомую формулу: «можемъ головы свои за тя сложити, а не передадимъ города»¹⁰⁶. Очевидно, это выражение стало настоль-

¹⁰⁵ Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLXXX). Тексты, с. 6.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 928, 934.

ко стандартным обозначением верности, что вкладывается летописцем даже в уста иностранцев. Если верить летописцу, надо, с одной стороны, заключить, что к русскому обычаю крестоцелования прибег польский князь в отношениях с немцами, а с другой — получаем еще одно свидетельство, что слова о готовности умереть на войне сопровождаются клятвой, которую, очевидно, они не могли заменить. В первом известии показательно, что стандартная формула дополняется оговоркой о переходе обязательства верности, данного отцами, на их детей. В этих словах надо видеть отражение принципа наследственной службы (ср. в связи с проблематикой «переходов» в следующем разделе).

В послемонгольское время появляются и другие выражения, которые бояре начинают использовать для описания своей преданности князю. По смыслу они более или менее аналогичны формуле «сложить голову».

Выражение «положить душу свою (за брата)» было известно и в древнейшее время, поскольку оно происходит из Священного писания (I Иоанна III, 16), однако тогда оно прилагалось к семейным отношениям Рюриковичей, входя частью в общую концепцию их «братней любви»¹⁰⁷. Но в XIII–XV вв. оно уже используется для обозначения верности дружинников или горожан князю. Впервые в этом контексте данное выражение употребляется в Галицко-Волынской летописи: «за тѣхъ ли хочете д(у)шу свою положить?» — спрашивал жителей Перемышля боярин Владислав, имея в виду князей Игоревичей¹⁰⁸. В «Повести о Михаиле тверском» с помощью этого апостольского завета обосновывается дружинное братство и освящается борьба за свободу «народа». В рассказе о совещании Михаила с епископом тверским, «князьями и боярами» перед битвой с Юрием московским и Кавгадьем передаются слова собравшихся, которые поддерживают тверского князя, подтверждая его правоту перед племянником, и заверяют в своей верности: «а нынѣ, господине, поиде противу имѣ, а мы за тебя хотимъ животомъ своимъ». В ответном слове Михаил ссылается на Священное писание, придавая их верности христианский смысл и связывая ее с судьбой соотечественников: «братие, слышите, что глаголетъ святое евангелие: иже аще кто положит душу свою за другы своя, велик наречетъ въ царствии небеснѣмъ. Нам же не за единъ другъ, ни за два положить душа своя: селико народу въ полону, а ини избиени суть, жены же и дщери их осквернени суть от поганых. А нынѣ мы, иже за толика народа положимъ своя душа, да вменится намъ слово господне въ спасение». «И утвердившеся крестом честным, и поидоша противу ратным», — заключает автор «Повести»¹⁰⁹. Как и в случаях, когда использовалось выражение «сложить голову», в данной ситуации уверения в преданности произносятся в ответственный момент и сопровождаются «укреплением» крестом.

¹⁰⁷ См., например, хвалу Изяславу Ярославичу, которая воздается ему в «Повести временных лет» за то, что он «на ся перья печаль братню, показая любовь велику», и «положи главу свою за брата своего» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 203).

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724. В статье под 6716 (1208) г., рассказывавшей о событиях, которые происходили в 1211 г.

¹⁰⁹ Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 135–136.

В последнем примере встречается еще одно выражение верности — «а мы за тебя хотим животом своим». Оно близко выражению, которое использовали новгородцы, когда заключали договор с Мстиславом (см. выше): «с ним в живот и в смерть». К XV в. закрепились формулы «служить животом» (см., в частности, ниже в крестоцеловальных записях), которая вытеснила в дружинно-придворной сфере первоначальное «сложить голову». Метафора с использованием образа головы сменилась прямым обозначением жизни, а появление слова «служить» отразило трансформацию «дружинного» начала в отношениях князя и знати в служебно-зависимое.

Сочетание разных выражений отношений верности и преданности демонстрирует «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». В описании Куликовской битвы передаются слова «князей русских и вельмож его», сказанные в ответ на призыв Дмитрия положить «главы своя за правоѣрную вѣру крестьяньскую»: «господине Руской царю! Рѣкли есми тобѣ служа животъ свои скончати, а нынѣ тебе ради кровь свою пролиемъ и своею кровию второе крещение приемемъ». В предсмертной речи Донского помещено такое обращение к боярам: «нынѣ же помяните словеса своя, еже рекосте ко мнѣ въ время свое: длъжни есми тобѣ служа и дѣтемъ твоимъ главы своя положити; укрѣпите истинною, послужите княгини моеи и чадомъ моимъ отъ всего сердца своего...»¹¹⁰. Здесь мы видим и формулу «главу положить», и новое выражение «тобе служа живот свои скончати», и оборот «послужить от сердца своего». Все эти выражения употребляются более или менее равноправно в одном контексте для обозначения преданности и верной службы. Очевидна в то же время тенденция к некоторой их формализации: князь пытается опереться на обещание бояр служить ему и его детям, данное «во время свое» (может быть, имеется в виду как раз «укрепление» перед битвой с Мамаем), как на формальное основание для передачи престола своим детям.

С усилением служебно-зависимого начала эта формализация усиливалась, первоначальная образность сглаживалась, и четче выражалась суть реальных отношений. Например, в летописном рассказе о смерти великого князя Василия Ивановича III, явно ориентированном на традиционные жанровые нормы и топику, в том числе на выражения «Слова о житии и преставлении Дмитрия Ивановича», о службе бояр уже говорится прямо и точно: «и р(е)кли есте и правду дали служити мне и детем моим, обяжите себе слово свое на вые свои, укрепите истинною» и т. д.¹¹¹. Фигуральный оборот и обещание, данное по какому-то одному поводу, здесь уже превращены в обязательство, висящее «на вые», «служить в правду» князю и его детям.

В целом обзор истории бытования в средневековой Руси нескольких выражений, которые существовали для обозначения верности кого-либо кому-либо или чему-либо (какому-нибудь идеалу), не позволяет интерпретировать их как присягу верности. Эти выражения не скрепляли отношений между князем и боярами

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 354, 357.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 166–167.

или «мужами» с формально-правовой стороны; с их помощью лишь формулировался базовый принцип этих отношений — (взаимная) верность. Более общий характер соглашения о союзе носило выражение «приятъ в сердце», но, видимо, как раз из-за слишком общего смысла оно не утвердилось на Руси как формула, описывающая вступление в княжескую дружину. В военно-дружинной среде часто использовалось выражение «сложить голову» или подобные ему. В каком-то смысле о клятве верности можно говорить тогда, когда рассмотренные выражения сопровождалась собственно клятвой (крестоцелованием); примеры, когда соответствующие слова произносятся и целуют крест князю служилые люди, есть для времени с конца XIII в. Однако это были не «договоры о службе», которые заключались при поступлении на службу или в дружину князя, а «укрепления» в верности «на случай», как выражался Н. П. Павлов-Сильванский, то есть перед каким-то важным мероприятием, по-видимому, прежде всего военного характера (перед началом войны, решающей битвой и т. п.). Разумеется, в известиях о вступлении знатных людей «в приязнь» к князю или принятии его к себе «в сердце», а также о готовности их сложить за князя головы, просматривается некий «договорной», обоюдный, обусловленный взаимными обязательствами, принцип в отношении князя и знати: князь за верность обязывался жаловать «честью» либо, опираясь на принцип верности, призывал на борьбу за некие общие идеалы. В XIV в. этот принцип отступает на второй план перед идеей безусловной преданности (службы) не только самому князю, но и его детям. Между тем никаких данных о присяге вассального типа найти не удается.

Крестоцелование как присяга верности? В нескольких вышеприведенных примерах можно было заметить, что служилые люди, произнося формулы верности, иногда могли дополнительно целовать крест князю. Трактовать такие примеры как свидетельство о вассальной или служебной присяге не позволяет ситуация, в которой говорятся эти слова и совершается крестоцелование. Однако источники содержат известия, что бояре — или, шире, дружинники — могли целовать крест князю и без произнесения каких-либо специальных слов и даже как раз при *установлении* некоторых отношений с ним. Какого рода клятвой (присягой) надо характеризовать крестоцелование в этих случаях?

Судя по летописям, в домонгольское время договоренности политического характера скреплялись преимущественно крестоцелованием. Это были, главным образом, соглашения князей Рюриковичей между собой, иногда между ними и представителями других христианских государств. Однако в заключении политических союзов разного рода равноправной стороной могли выступать также знать и горожане. Так, крест (или икону) целовали князья городским общинам Новгорода или Пскова. Разумеется, о присяге вассального характера в этом случае говорить не приходится: фактически речь идет о равноправном договоре со взаимными обязательствами, причем князь даже не принимает, а сам дает обязательство (военной) службы (ср. выше известие о приеме в Новгород в 1216 г. Мстислава Мстиславича). Нельзя также согласиться с В. Т. Пашуто, который пытался интерпретировать как установление вассальной зависимости бояре те примеры, когда

бояре целуют крест вместе со своими князьями, договаривающимися между собой о «волостях» — порядке их передачи, наследия и т. д.¹¹² Историк ссылался на соглашение, заключенное в 1150 г. Изяславом Мстиславичем и его дядей Вячеславом Владимировичем по поводу того, кому быть из них старейшим и владеть Киевом. Два князя тогда «цѣловаста хр(е)сть у с(вя)тою м(у)ч(е)н(и)ку на гробѣ (на гробнице Бориса и Глеба. — П. С.) на томъ: Изяславу имѣти отц(е)мъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти с(ы)н(о)мъ Изяслава; на томъ же и мужи ею цѣловаша хр(е)сть, ако межи има добра хотѣти и ч(е)сти ею стеречи, а не сваживати ею»¹¹³. Конечно, мы имеем здесь дело не с клятвой верности бояр-вассалов их князьям-сеньорам, а с обычным межкняжеским договором¹¹⁴; бояре со стороны каждого князя выступают гарантами договора и клянутся не в верной службе, а в том, чтобы не сорить своих князей.

К крестоцелованию прибегали и представители знати для скрепления договоренностей исключительно между собой. Дружина, по каким-то причинам оставшаяся без князя, могла и без него целовать крест для «утверждения» «межи себе» в какой-либо критической ситуации и перед ответственным шагом. В домонгольское время есть ряд примеров крестоцелования без участия князя тогда, когда стоял вопрос о том, кому перейдет освободившийся по тем или иным причинам престол. Например, клятвой утверждаются в 1164 г. в Чернигове после смерти Святослава Ольговича епископ, вдова князя, тысяцкий и «передние мужи», чтобы передать престол сыну умершего князя, в 1174 г. — ростово-суздальская «дружина», чтобы возвести Ростиславичей на престол, освободившийся после неожиданной гибели Андрея Боголюбского. В 1188 г. против своего князя «восташа» галичане, «утвердившеся кр(е)стомъ», и предложили власть другому¹¹⁵. Поскольку все эти случаи явно не имеют отношения к нашей проблеме¹¹⁶, не стоит подробно останавливаться на них и на многочисленных примерах из Новгорода и Пскова, где крест целовали бояре и горожане между собой постоянно по самым разным поводам.

Наконец, соглашения с крестоцелованием, в которых разными сторонами выступают князь и те или иные представители знати, в домонгольское время относятся к одной ситуации — смена князей на «столе» в том или ином городе. Либо «к кресту» дружину и/или горожан приводит правящий в городе князь, пытаясь обеспечить после своей смерти определенный порядок престолонаследия (как правило, отличающийся от традиционного), либо крестоцелованием с ними укрепляется новый князь. Эти крестоцелования могут иногда больше напоми-

¹¹² Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 67.

¹¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 399.

¹¹⁴ То, что договор предусматривал некоторую иерархию в статусах князей, относится уже к другой проблеме — системе взаимоотношений Рюриковичей между собой.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 522–523, 595–596, 660. Правда, в первых двух случаях целовали не крест, а икону, но суть дела от этого не менялась.

¹¹⁶ Ср., например, подобные случаи из послемонгольского времени: тверичи целовали крест «межи себе» в отсутствие князя в 1293 г., боярские дети князя Василия Ярославича в 1462 г.: ПСРЛ. Т. XXV. М.: Л., 1949. С. 157, 277.

нать присягу, чем равноправный договор. Однако они обладали специфическими чертами. Во-первых, наряду со служилой знатью в них часто участвовали горожане, а иногда в таких крестоцелованиях княжие мужи вообще не участвовали. Во-вторых, представители знати целуют крест не индивидуально, а сообща (всей дружиной или даже вместе с городом). Очень важно подчеркнуть связь знати с городом или землей в этих случаях и неслучайность того обстоятельства, что в первом из этих случаев фигурируют новгородцы, а остальные приходится только на середину — вторую половину XII в. Это говорит о том, что такого рода соглашения-присяги распространяются с распадом древнего дружинного единства князя и его окружения, с теми отчуждением знати от князя и укреплением ее связей с местным населением, которые проявились раньше всего в Новгороде, а в других местах ярко и несомненно обнаружили себя как раз с середины XII в. Как свидетельства этого процесса очень показательны первое известие о крестоцеловании новгородцев и, кроме того, летописный рассказ о событиях в Киеве в 1146 г.

Новгородцы целовали крест в 1118 г. Владимиру Мономаху. Форма изложения летописцем этого известия заставляет думать, что соглашение не было равноправным и было навязано князем: «...приведе Володимиръ съ Мъстиславомъ вся бояры новгородскыя Киеву и заводи я къ чьстному кресту и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся»¹¹⁷. В договоре Мономаха и его сына с новгородцами скорее всего речь шла как раз о порядке наследования новгородского «стола» — видимо, Мономах хотел обеспечить принадлежность его своим потомкам¹¹⁸. В любом случае, нет сомнения, что новгородцы в данной ситуации представляли свой город и несли ответственность за его решения.

Новгородские бояре выступают от лица той земли, где они живут. Они не входят в дружину киевского князя, и не случайно, что князь договаривается с ними, используя определенные формальности. Однако для других земель Руси в это время и даже позже более обычным был все-таки порядок, когда отношения князя и боярства оформлялись иначе, чем отношения князя с горожанами. И причина была в том, что связь князя с дружиной носила более, как выражались ученые XIX в., интимный, неформальный характер, а с горожанами — формально-отчужденный. Это хорошо видно по летописному описанию событий 1146 г. в Киеве, когда после смерти Всеволода Ольговича престол не без участия киевлян перешел снова в руки «Мономахова племени». В летописной статье за этот год несколько раз упоминаются крестоцелования князей, скрепляющие соглашения о распределении и наследовании «волостей», и несколько раз целуют крест князьям горожане: сначала по указанию Всеволода, желавшего сохранить Киев за своим братом

¹¹⁷ НПЛ. С. 21.

¹¹⁸ О договоре Мономаха и Мстислава с новгородцами и сопровождавших его событиях см., например: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 180; *Фроянов И. Я.* Мятельный Новгород. СПб., 1992. С. 188–189; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003 (впервые: М., 1962). С. 91 и след.

Игорем, целуют крест Игорю киевляне и вышгородцы, затем уже после смерти Всеволода дважды скрепляют крестом свои договоренности с киевлянами Игорь и его брат Святослав. А о присягах киевских или каких-либо других бояр из дружины Всеволода ничего не говорится. Вместе с тем в подробном рассказе о «лести» нескольких из них, вместе с горожанами переметнувшихся на сторону Изяслава Мстиславича, описывается, как уже непосредственно перед угрозой войны с Изяславом Игорь установил с ними особые отношения. Согласно летописи, Игорь «по[зв]а» двух бояр — Улеба и Ивана Воитишича — «и реч(е) има: како еста была у брата моего, тако же будете у мене, а Улѣбови реч(е): держи ты тысячу, какъ е[с]и у брата моего держаль»¹¹⁹. Этой фразы, надо понимать, было достаточно, чтобы оформить вступление бояр в дружину Игоря и занятие ими важнейших должностей. Конечно, можно предполагать, что отсутствие формального договора, подкрепленного религиозной санкцией, облегчило предательский «переход» бояр от Игоря к Изяславу, но в любом случае ясно, что в принципе установление отношений между князем и боярином устно без специальных обрядов было в порядке вещей. Любопытно, что летописец, передавая слова Игоря, умалчивает об ответе бояр, хотя какие-то из тех сакраментальных фраз, которые разбирались в предыдущем разделе, были бы в этой ситуации вполне уместны. Вероятно, произнесение этих фраз не считалось обязательной частью процедуры поступления на княжескую службу.

Разумеется, было бы сильным упрощением полагать, что после 1146 г. традиции неформального общения князя с дружиной совершенно отошли в прошлое. На самом деле эти традиции были еще долго живы, и, тем не менее, именно во второй половине XII в. дают о себе знать новые явления. Если ранее в формализованные договорные отношения князья вступали только с горожанами (или новгородскими боярами, представлявшими город), а со своими боярами обходились без крестоцелований, то с этого времени такая практика распространяется и на дружину. Ситуация здесь, как уже говорилось, двух родов — крестоцелование либо с князем, желающим обеспечить нужный порядок престолонаследия после своей смерти, либо с новым князем-преемником; и при этом дружина может выступать отдельно, а может и вместе с более широкими кругами населения. Так, в 1170 г. дружинники умершего князя Владимира Андреевича в Дорогобуже целовали крест князю Владимиру Мстиславичу, занявшему город¹²⁰. В 1174 г. после смерти Андрея Боголюбского ростовские и суздальские бояре, выступая от имени всей «дружины» Ростово-Суздальской земли, передачу власти скрепляют крестоцелованием с рязанским князем Глебом и с князьями Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, а позднее этим последним целуют крест владимирцы, отпавшие от остальной «дружины», но потерпевшие неудачу в стремлении обрести собственного князя. Рассказывая о крестоцеловании с Глебом и Ростиславичами, летописец (это явно был владимирец) осуждает бояр и сообщает, что в свое время «дружина» целовала крест Юрию Долгорукому «на меньших дѣтѣх», то есть обещала, что пре-

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 324.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 546–547.

стол перейдет к Михаилу и Всеволоду¹²¹. Долгие годы единолично правивший Ростово-Суздальской землей Всеволод незадолго перед смертью призывает представителей разных социальных групп и заставляет их присягать на определенных условиях наследования власти и распределения волостей между его сыновьями. Известие об этом собрании, восходящее к владимирскому летописанию XIII в., сохранилось в Московском летописном своде конца XV в.: «князь же великы Всеволод созва всѣх бояръ своихъ с городовъ и съ волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны и все люди и да сыну своему Юрью Володимиръ по собѣ и води всѣх къ кресту и цѣловаша вси людие на Юрьи...»¹²². В 1188 г. галичские «мужи» целовали крест князю Ярославу Владимировичу Осмомыслу перед его смертью, признавая наследником его незаконнорожденного сына Олега. Однако, выгнав позднее и Олега, и его сводного брата Владимира, бояре вынуждены были сначала целовать крест на верность венгерскому «королевичу» Андрею, а потом заниматься поисками русского князя: при этом упоминается, в частности, что они целовали крест молодому князю Ростиславу, сыну Ивана Берладника¹²³.

Надо оговориться, что переход власти от одного князя к другому совершенно не обязательно должен был сопровождаться какими-то соглашениями. Тогда, когда не было вариантов в выборе князя и один князь (будь то законный наследник или просто сильнейший и наиболее удачливый на тот момент) уверенно брал власть в свои руки, в них не видели необходимости. Твердых правил касательно того, на каких условиях, каким образом и с кем именно князь должен был вступать в какие-то соглашения при утверждении в том или ином городе, не было.

Именно из-за того, что порядок перехода власти не был юридически определен и отсутствовали правила, регулирующие оформление отношений между князем и теми или иными группами населения как субъектами политического процесса, следует оценивать характер упомянутых в летописи крестоцелований князей с боярством в зависимости от конкретных обстоятельств, которые привели к ним. Когда боярство «преступает» обещания, данные умершему князю, и пытается вести собственную политическую игру и принимать самостоятельное решение в пользу кого-либо из князей, претендующих на освободившийся «стол», оно демонстрирует значительные силу и независимость, и конечное крестоцелование с новым князем выглядит скорее как равноправный договор. Однако, в эпоху после татаро-монгольского нашествия о таких случаях уже практически не сообщается (разумеется, за исключением Новгорода и Пскова). Зато чаще упоминаются крестоцелования, которые князья навязывали населению, прежде всего боярству, как правило, с целью обеспечить сохранение власти за своими детьми (подобно присяге населения Всеволоду в 1211 г.). Эти клятвы в значительной мере носят принудительный характер. Преимущество силы на стороне князя, который крепко сидит на престоле и твердо держит бразды правления. И в том, и в другом случае

¹²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372–373; Т. 2. Стб. 595–597.

¹²² ПСРЛ. Т. XXV. С. 108. Ср.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 220–221.

¹²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657, 664.

мы имеем дело с публично-правовыми актами и соглашениями коллективными, и говорить о присяге верности, которая устанавливала бы отношения вассалитета или службы в частном порядке, не приходится. В первом случае крестоцелование скрепляло скорее политический договор, где стороны были более или менее равноправны. Во втором случае, учитывая элемент принуждения, а также тот факт, что к присяге могли приводиться далеко не только бояре, наиболее адекватно и грамотно с политико-правовой точки зрения было бы определить такого рода крестоцелования как *присягу подданных*. Использование этого понятия как специального юридического термина, с моей точки зрения, в данном случае вполне оправданно, пусть даже термин «подданные» применительно к средневековой русской истории и выглядит несколько анахронично¹²⁴. В истории права общепринятым является различие присяги вассала сеньюру как явления частного права и государственно-публичной присяги подданных правителю (см. выше с. 164).

Сошлюсь на один из ранних и ярких примеров тенденции XIV–XV вв., которая выражалась, с одной стороны, в принудительно-обязательном характере присяги населения на верность князю, а с другой — в использовании этой присяги князьями как инструмента их власти и контроля. В 1371 г. московский князь Дмитрий Иванович, узнав, что тверской князь Михаил Александрович пришел из Орды с ярлыком на великое княжение, «по всёмъ городомъ бояре и люди превель къ цѣлованию не датися князю великому Михаилу, а въ землю его на княжение на великое не пустити»¹²⁵. Хотя форма клятвы (крестоцелование) и ситуация «укрепления» (критический момент — угроза войны) в данном случае традиционны, но вся процедура и ее смысл выглядят совсем по-другому: вместо клятвы в кругу известных лиц вместе (на равных условиях) с князем мы видим здесь обязательную присягу правителю, которая взималась его агентами с населения на местах.

Один из последних примеров, когда боярство проявляет самостоятельность по отношению к князю в духе старого времени, — отказ нижегородских бояр в 1392 г. поддержать своего князя Бориса Константиновича, сопротивлявшегося притязаниям Москвы на Нижний Новгород. Этот эпизод послужил в свое время В. И. Сергеевичу, а вслед за ним Н. П. Павлову-Сильванскому доказательством существования вассальной присяги служилых людей в Древней Руси, поэтому есть смысл дать пространные выдержки из летописи. Изложение известия о присоединении Нижнего Новгорода к Московскому княжеству в Рогожском летописце начинается так: «Того же лѣта (то есть 6900 (1392) г. — П. С.) сложи князь великий Василей Дмитреевич цѣлование крестное князю великому Борису Костянтиновичу и поиде въ Орду просить нижегородского княжения. Далее говорится, что

¹²⁴ Впрочем, некоторые историки вполне признают возможность использовать термин «подданные» для характеристики социально-политического строя Руси начиная с XIV в., то есть еще до того времени, когда само это слово вошло в русский язык, см.: *Каптанов С. М. Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв.* // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 218–221.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 95.

князь Василий получил у татар ярлык и, отправившись сам в Москву, послал в Нижний своих бояр с ордынским послом. «Князь же великий Борисъ, то слышавъ, — продолжает летописец, — и созва свои бояре и нача имъ молитися съ плачемъ и съ слезами: братиа бояре и дружина, поминаите крестное цѣлование и нашу любовь и доброту. Въ нихъ же бяше старѣиши бояринъ, именовъ Василие Румянецъ, и рече ему: княже великий, главы свои сложимъ за тя, лъстя ему яко же древнии Буть, лъстя своему князю, а чюjemu добра хотя. И внидоша татарове въ градъ и бояре москвичи и начаша въ колоколы звонити, стекошася людие. Князь же великий Борисъ послаше къ своимъ бояромъ: братиа бояре, помянете крестное цѣлование, не выдавайте мя. И отвѣщеваше отъ нихъ единъ, именовъ Василии Румянецъ: княже, не надѣйся на насъ, нѣсть есмы съ тобою, но на тя есмы». Далее летописец комментирует поступок боярина Василия, называя его «другом дьявола» за то, что он, «оставивъ своего князя, измѣнивъ крестное цѣлование и отиде къ татаромъ», и заканчивает известие: «по малѣ же врѣмени прииде князь великий Василие Дмитриевичъ въ Новѣградъ въ Нижнии и посади свои намѣстники и князя великаго Бориса повелѣ по градомъ развести со княгиною и съ дѣтми, безбожныхъ же татаръ, чтивъ и даривъ, отпусти въ Орду...»¹²⁶.

В. И. Сергеевич считал, что упомянутое в словах князя Бориса «крестное целование» представляло собой «клятвенное обещание верности», которое «бояре и слуги вольные давали, приказываясь на службу», а слова Василия Румянца «нѣсть есмы съ тобою, но на тя есмы» расценивал как публичное торжественное объявление бояр о своем переходе, то есть как формальный «отказ» (см. выше с. 152). С такой трактовкой «приказа» на службу согласиться нельзя: с одной стороны, этого не позволяют сделать результаты уже проведенного исследования, с другой — более внимательное прочтение самого этого известия.

Начнем с главного: В. И. Сергеевичу известие было доступно только в изложении Никоновской летописи; тогда, когда он писал, более ранние и достоверные летописи — Рогожский летописец и Симеоновская летопись, в которой известие передано практически в таком же виде, как в Рогожском летописце (и которая, видимо, служила непосредственным источником при составлении Никоновской летописи¹²⁷), — опубликованы еще не были¹²⁸. Автор Никоновской летописи отталкивался, по-видимому, именно от того варианта известия, который представлен в последних двух летописях, но значительно расширил исходный текст разного рода «разъяснительными» дополнениями, которые, естественно, существенно исказили картину. Например, он «пояснил», что Василий Румянец «съсылася съ великимъ княземъ Василиемъ Дмитриевичемъ и хотяше господина своего выдати ему», что при приближении татар и москвичей Борис «не возхотѣ пустити ихъ во градъ къ себѣ» (об всем этом в Рогожском летописце и Симеоновской летописи

¹²⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 162–163.

¹²⁷ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 25–29.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 142. Ср. также: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 439–440.

не говорится), а также дополнил те слова, которые произносили Борис и Василий Румянец, и даже вложил в уста боярина еще одну речь. Первое обращение князя Бориса к своим боярам передано в таком виде (слова, совершенно отсутствующие в Рогожском летописце, выделяются курсивом): *«господие мои, и братиа, и бояре, и друзи! попомните, господие, крестное цѣлование, какъ естя цѣловали ко мнѣ, и любовь нашу и усвоение къ вамъ»*. Ответ Василия Румянца: *«не скорби, не печалуи, господине княже! вси есмя единомыслени къ тебѣ и готови за тя главы своя сложити и кровь излиати»*. Когда Борис не захотел отворять городские ворота, Василий, согласно Никоновской летописи, сказал ему следующую: *«господине княже, се царевъ посоль Тахтамышевъ, а се великого князя Василья Дмитривича московскаго бояре, хотяще мира подкрѣпити и любовь утвердити вѣчную, а ты самъ брань и рать воздвизаеши, пусти убо ихъ въ градъ, а мы вси съ тобою, и что могутъ они сътворити?»* После описания веча приводятся второе обращение Бориса: *«господие мои и братиа, и милая дружина! попомните крестное цѣлование, еже естя цѣловали ко мнѣ, и не выдаите мене врагомъ моимъ!»*, а затем последние слова Румянца: *«господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть есмь съ тобою, но на тя есмы»*¹²⁹.

Дополнения Никоновской летописи не несут никакой принципиально новой информации и просто вставлены в исходный текст для «пояснения» и распространения того, что было сформулировано кратко (например, обращения бояр к князю или князя к боярам), и для украшения (например, утешение князя боярами: «не скорби, не печалуй»). Речь Румянца вставлена для того, чтобы объяснить неясное для книжника XVI в. обстоятельство, каким образом были открыты городские ворота. Характер вставок, поновления языка и явные анахронизмы (например, невозможное в конце XIV в. обращение князя к боярам «господие») не оставляют сомнений в том, что дополнения носят вторичный характер. Л. В. Черепнин отметил также, что осуждение Румянца в конце рассказа опущено, и трактуя этот пропуск как стремление выставить боярина сторонником мирного присоединения Нижнего Новгорода к Московскому княжеству, делал справедливое заключение: версия Никоновской летописи представляет собой «позднейшую трактовку событий с позиций московской великокняжеской власти»¹³⁰.

Не углубляясь в политическую подоплеку падения Нижегородского княжества и все обстоятельства этого события (чему посвящена специальная литература¹³¹), сосредоточусь на главном в данном случае вопросе: о каком крестоцело-

¹²⁹ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 147–148.

¹³⁰ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 671. Замечу, что, хотя Черепнин правильно определил поздний характер рассказа Никоновской летописи, в интерпретации слов и действий Бориса и его бояр он целиком и полностью следовал Сергеевичу и Павлову-Сильванскому: так же, как они, он писал о крестном целовании как «присяге» и словах бояр как «клятве верности» (Там же. С. 668–669).

¹³¹ Кроме работы Черепнина, см.: Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 250–251; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 119–123.

вании упоминалось в словах Бориса и какова была его роль в оформлении отношений князя и бояр. В принципе возможны два варианта ответа на этот вопрос, но оба они не могут подкрепить суждение В. И. Сергеевича.

Более вероятным мне представляется следующее объяснение. Как хорошо видно из сопоставления известий двух летописей, к упоминанию крестного целования Борисом Никоновская добавила свое «пояснение»: «крестное целование, как (еже) естя целовали ко мне». Именно эта фраза натолкнула В. И. Сергеевича на однозначный вывод о боярской присяге князю (цитируя Никоновскую летопись, историк даже выделил разрядкой именно эти слова). Между тем в известии Рогожского летописца единственное крестоцелование, о каком упоминается самим автором, а не в передаче слов князя, — это то, которое сложил московский князь Василий Борису нижегородскому перед поездкой в Орду: очевидно, имелось в виду некое докончание между князьями, которое Василий по каким-то причинам посчитал возможным нарушить. Правда, в конце известия в комментарии по поводу поведения Румянца летописец осуждает его за то, что он «оставив своего князя, изменив крестное целование и отиде к татаром», и тем самым можно сделать вывод, что в каком-то крестоцеловании боярин все-таки участвовал.

Важно, что в измене крестоцелованию обвиняется один Румянец, но не все бояре (боярин также сравнивается с «древним Бугом», то есть, видимо, с Блудом, предавшим Ярополка в 980 г.). Тогда же, когда «старейший» боярин выступает от имени всех бояр, сначала используется традиционная формула верности — «главы свои сложим за тя», — а затем также с помощью устной формулы выражается разрыв отношений с князем («не надейся на нас, несть есмы с тобою, но на тя есмы»). Если бы в свое время эти отношения были скреплены крестоцелованием, то по правилам его надо было бы «сложить», повергнув «крестные грамоты» перед лицом другой стороны и высказав ее «вину» (в противном случае нарушение договора расценивалось как вероломное). Бояре же не только не подвергают крестных грамот, но и вообще не упоминают о крестоцеловании. Логично допустить, что у них с князем и не было никаких формальных договоров, скрепленных клятвой. В нарушении крестоцелования обвиняется один Румянец, причем отдельно от других достойных осуждения поступков — «оставления» князя и перехода на сторону татар (а фактически, вероятно, московского князя). Следовательно, именно он участвовал в том крестоцеловании, попомнить которое призывал Борис. А что это было за крестоцелование? Если оно не касалось остальных бояр, кроме Румянца, то можно предположить, князь апеллировал как раз к тому крестоцелованию, о котором писал летописец, — то есть к докончанию с московским князем, которое последний расторг и, очевидно, в противоречии с которым получил ярлык от хана и прислал своих бояр в Нижний Новгород.

Договорные грамоты московских князей и нижегородских не сохранились, но из летописных данных и позднейших московско-суздальских докончаний понятно, что такие грамоты существовали. Более того, в летописном сообщении 6871 (1363) г. о заключении одного из таких докончаний, а именно между Борисом Константиновичем и отцом Василия Дмитрием Донским, упоминается в качестве

посла и посредника боярин Бориса по имени Василий Олексич¹³². В литературе уже высказывалась догадка, что этот Василий Олексич и Василий Румянец — одно лицо¹³³. Принимать эту догадку или нет, в любом случае вполне можно представить, что какие-то докончания Бориса с московскими князьями, в частности именно то, которое нарушил Василий в 1392 г., заключались с участием «старейшего» боярина князя Бориса. Известно, что бояре могли выступать гарантами соглашения князей и сами целовали крест, обязуясь не отступать от договора¹³⁴. Если со стороны Бориса в договоре участвовал Румянец, то со стороны московского князя это мог быть как раз кто-то из тех бояр, которые были посланы с татарским послом к Нижнему. Таким образом, можно заключить, что в сообщении Рогожского летописца речь шла о договоре князей, который традиционно был скреплен крестоцелованием и в котором, также согласно обычаю, участвовали бояре князей с обеих сторон.

Такая интерпретация известия хорошо объясняет, почему в преступлении крестоцелования летописец обвинял одного Румянца. Правда, тогда все-таки не очень ясным остается, почему нижегородский князь так настойчиво просил не его одного, а всех бояр «помянуть» крестное целование, которое хотя и было нарушено московским князем, но в котором остальные бояре не участвовали. Это обстоятельство лучше объясняется альтернативной интерпретацией: можно предположить, что Борис опирался, действительно, на некие обещания нижегородских бояр, которые те дали ему когда-то раньше, скрепив крестоцелованием. В контексте тех традиций принесения клятвы князьями и боярами, которые, как мы видели, существовали в Древней Руси, такое вполне вероятно. Не было бы ничего невозможного в том, что Борис целовал крест с боярами (а может быть, и не только с ними, но и с горожанами), например, еще в 1391 г., когда он занял нижегородский престол. Хотя Борис пришел тогда на княжение с татарским ярлыком, но для укрепления своего положения в городе он вполне мог пойти на такого рода крестоцелование в соответствии с древней традицией (см. выше о крестоцелованиях с князьями ростово-суздальской «дружины» или галичских «мужей»). Допустимо также, что Борис с боярами «укреплялись» крестом ранее в момент какой-то войны или опасности, как это делали Михаил тверской и его бояре (см. тоже выше). Всё это возможно, однако эти сценарии не имеют отношения к той индивидуальной присяге с договором, с процедурами «приказа» на княжескую службу и «отказа» от нее, которую предполагал В. И. Сергеевич, а вслед за ним и другие историки. О такой присяге источники не дают никаких намеков. Но даже если и допустить нечто подобное в данном случае, всё равно встает один трудноразрешимый вопрос, который В. И. Сергеевич, видимо, не ставил перед собой, глубоко не

¹³² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 75.

¹³³ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 247, 259.

¹³⁴ Такого рода «гарантийное» крестоцелование бояр зафиксировано в договоре Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича в 1150 г. (см. выше). Участие и крестоцелование бояр фиксируется в договорах тверских князей между собой (см. описание конфликта тверских князей в 1400 г. с упоминанием крестоцелования бояр: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 176–177).

вдумываясь в ситуацию. Признав существование обычая индивидуальной боярской присяги по определенному порядку, нельзя объяснить, почему автор Рогожского летописца, упоминая о крестоцеловании бояр, а затем об их «отказе», совершённом, как писал Л. В. Черепнин, во всем согласно «феодалным юридическим нормам», в конце концов клеймит предательство «старейшего» боярина, — если все формальности были соблюдены, за что же осуждать?

Таким образом, какая бы из двух возможных интерпретаций не принималась, углубленное изучение известия о падении независимости Нижегородского княжества не подтверждает суждение В. И. Сергеевича. Данных о формальных договорах и процедурах при поступлении бояр на княжескую службу и ухода с нее это известие в любом случае не дает. Даже если князь и нижегородские бояре, которые выступали, видимо, в той или иной степени как местная сила, вступили в свое время в какое-то соглашение и скрепили его крестоцелованием, те же самые бояре, обозначая свои намерения в критический момент, прибегают к словесным формулам. Это предполагаемое (если следовать второй интерпретации) крестоцелование было в традиции тех договоров князя и дружины, действовавшей от лица города, которые известны с конца XII в. и которые в XIV–XV вв. уступали место принудительно-обязательной «присяге подданных». Ни его, ни эти устные формулы нельзя назвать присягой вассального типа.

Данное известие представляет интерес не столько как свидетельство мнимых «феодалных юридических норм», сколько как отражение уже отмеченного процесса смены относительно равноправных договоров между князем и местной знатью государственно-служебной «присягой подданных». Какое бы крестоцелование ни имел в виду на самом деле Борис нижегородский, обращаясь к боярам, очень показательно, что для автора Никоновской летописи было не только возможным, но и наиболее логичным представить крестное целование как обязательство верной службы бояр князю. Книжник конца 20-х — 30-х гг. XVI в. понял это упоминание в летописи, служившей для него источником, именно так, и, дополняя первоначальный летописный текст, он специально делает акцент на присяге бояр, а выражения преданности в речах бояр воспринимает не как застывшие формулы с определенной функцией, а как просто образные выражения, которые можно безболезненно изменять и дополнять (как в словах Румянца: «не скорби, не печалуи» и т. д.). Это говорит о том, что к этому времени присяга служилых людей московскому государю в виде крестоцелования была уже обычным или даже обязательным и само собой разумеющимся делом.

Становление этого обычая можно проследить по летописным сообщениям. Выше уже цитировалось сообщение летописи о приведении знати и горожан к крестоцелованию, выполнявшему фактически функцию «присяги подданных», в 1371 г. Дмитрием Донским. В известии о присяге служилых людей Дмитрию Шемяке в 1446 г. еще более явственно проступает ее государственно-служебный характер. Согласно летописи, после ослепления Василия и вокняжения в Москве Дмитрия большинством «детей боярских» и «все людие» «биша челом служити князю Дмитрею, и приведе их к целованью крестному всех»; отдельно отмечается, что боярина Федора Басенка, не захотевшего служить Дмитрию, заточили в кан-

дали¹³⁵. Такого рода присяга имеет связь с древним обычаем укрепления крестом между знатью того или иного города и новым князем, однако в ней гораздо сильнее выражены элементы служебный (прямо говорится: «служити») и обязательно-принудительный (кто не присягнет, подвергается репрессиям). Ссылку В. И. Сергеевича на это сообщение (опять в изложении по Никоновской летописи) для подтверждения вывода о существовании личной присяги верности боярина князю следует признать неправомерной¹³⁶.

Использование крестоцелования в качестве присяги верности, навязываемой государственной властью населению в массовом порядке, демонстрирует летописное описание политической ситуации, сложившейся после смерти Василия III в 1533 г. В предсмертной речи великий князь завещал престол трехлетнему сыну Ивану. Хотя в этой речи государь упомянул об обещании, которое когда-то дали ему бояре, «служить в правду» (см. выше), но затем при возведении на престол Ивана о присяге верности бояр — с крестоцелованием или без него — речь не заходит. Зато при описании политических соглашений, которые последовали после смерти великого князя, крестоцелование упоминается. Сначала бояре крестоцелованием укрепились «меж себя» в верности завещанию Василия, то есть признали наследником Ивана, а затем они с митрополитом «привели к кресту» с тем же обязательством младших братьев Василия князей Юрия и Андрея; наконец, к кресту приведены были все князья и дети боярские «по градом» с обязательством служить новому великому князю¹³⁷. В принципе это обычная ситуация, когда решается судьба престола после смерти князя и для скрепления политических соглашений и обязательств используется крестоцелование. Видим и древний традиционный способ использования крестоцелования — крестом укрепляются виднейшие московские бояре между собой. Однако главным средством легитимизации власти и обеспечения ее преемственности в данном случае выступает приведение к кресту Юрия и Андрея и всего служилого класса «по градом», и это — настоящая государственная служебная присяга.

Таким образом, в источниках нет свидетельств того, что крестоцелование употреблялось для закрепления частного договора служилого человека с князем (естественно, и сами такие договоры не упоминаются). В средневековой Руси крестоцелование в отношениях князя и знати могло употребляться либо для подтверждения верности всей дружины в какой-то критический момент, либо тогда, когда заключалось некое соглашение между князем, вокняжившемся в каком-либо городе, и представителями этого города (такие ситуации характерны для

¹³⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 266. Уже на следующий год, после того, как Василий выгнал из Москвы Дмитрия, «гражан приведоша к целованью за великого князя Василья» (Там же. С. 269). В сущности, это та же самая присяга, и при этом совершенно безразлично, кто ее приносит — «дети боярские» или «гражане»; все они — подданные московского государя и в этом качестве обязаны присягать ему на верность.

¹³⁶ Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 378.

¹³⁷ См. в Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 285–286) и в Пискаревском летописце (ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 166–167).

конца XII — XIV в.), либо при приведении к присяге служилых людей (возможно, вместе с горожанами) как «подданных» (о такой присяге есть известия с конца XIV в.).

Этот вывод позволяет правильно оценить происхождение крестоцеловальных записей служебных князей и бояр, которые, как говорилось выше, некоторые исследователи пытались интерпретировать как свидетельство княжеско-боярских договоров и боярской присяги.

Корпус сохранившихся крестоцеловальных записей включает 14 документов. Семь из них сопровождаются поручными записями, в которых бояре и князья крупными суммами поручаются за того боярина или князя, который целовал московскому государю крест¹³⁸. Крестоцеловальная запись называется в самом тексте «укрепленной грамотой», а оформляется как жалованная грамота: по челобитью боярина (князя) и по поручительству митрополита и других высших церковных иерархов государь «жалует» «своего слугу» (опального) — прощает ему «вину» и «отдает нелюбье». Провинившийся (по летописям известно, что «вина» состояла в намерении отъехать из Москвы в Литву) обязывался служить «до живота своего» государю и его детям, не «мыслити» никакого «лиха» против государя, а если узнает, что «лихо» замышляется кем-то другим, сообщить о злоумышленнике. В конце записи говорилось, что опальный боярин (князь) «крепости деля» целовал крест и дал «на себя сию свою грамоту за подписью и печатью» митрополита. В поручных записях тоже упоминается о «вине» опального перед государем и об обязательстве его в дальнейшем верно служить¹³⁹.

Древнейшая крестоцеловальная запись датируется 1474 г. (дана князем Даниилом Холмским, заподозренным в намерении отъехать в Литву, великому князю Ивану Васильевичу), последняя — 1582 г. В митрополичьем формулярике сохранился также извод (образец) «грамоты жаловальной князя великого к его бояром о их вине», согласно которой провинившийся перед государем боярин при поручительстве митрополита получает прощение, обязавшись верно служить «до своего живота» и поцеловав крест «крепости деля». С незначительными расхождениями текст этой грамоты соответствует позднейшим крестоцеловальным записям¹⁴⁰. Составление этого формуляра датируют 1448–1471 гг., и, таким образом, обычай закрепления в специальной грамоте акта крестоцелования, совершённого для подтверждения обязательства верной службы великому князю, нельзя возводить ко времени ранее второй четверти XV в.

¹³⁸ Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД). Т. 1. М., 1813. № 103/104, 146, 149, 152/153, 157, 159, 162, 165/166, 172, 175/176/177, 182/184, 189/190/191, 196/197/198, 201.

¹³⁹ Специально о поручных записях в контексте традиции использования поруки в политической практике московских князей см.: *Horace W. Dewey, Political Poruka in Muscovite Rus' // The Russian Review, vol. 46 (1987), No. 2, pp. 117–134.*

¹⁴⁰ Русский феодальный архив. Ч. 1. М., 1986. № 46. С. 175–176. Ср. комментариев издателей: Там же. Ч. 5. М., 1992. С. 989–991. «Грамота» оказалась в архиве митрополичьей кафедры, очевидно, потому, что митрополит был главным поручителем за опальных савновников и принимал у них крестоцелование.

Функция и происхождение крестоцеловальных записей проясняются благодаря аналогиям, которые отыскиваются в источниках XIV–XV вв., происходящих из Западной и Северо-Восточной Руси.

В русских летописях в связи с описанием борьбы внуков Дмитрия Донского за московское великое княжение в 40-х гг. XV в. несколько раз упоминаются «проклятые грамоты», которыми побежденные князья закрепляли обязательства, принятые на себя по крестоцелованию. В частности, в рассказе о поражении Дмитрия Юрьевича Шемяки от Василия II в 1448 г. говорится, что галицкий князь был вынужден просить мира и «крест на том целовал и грамоты проклятые на себя дал, что по те места не хотети ему ни коего лиха князю великому и его детям и всему великому княженью его, отчине его...». «Проклятие» этой грамоты состояло в признании Шемякой, что в случае «преступления» данных обязательств на нем не будет благословения Бога, Креста Господня, святых чудотворцев и иерархов Русской церкви (последние, очевидно, выступили поручителями по князе)¹⁴¹.

Как видно, во многом «проклятые» грамоты, данные владельческим князем, претендовавшим на московский престол, соответствуют крестоцеловальным записям, которые позднее московские государи брали со служилых князей и бояр в качестве гарантии верной службы. В обоих случаях ключевым является обязательство не замышлять «лиха» против государя и его детей, а гарантией его соблюдения является крестоцелование. В обоих случаях также посредниками (поручителями) между московским великим князем и провинившимся перед ним князем (или боярином) выступают митрополит и епископы. Таким образом, поскольку «проклятые» грамоты явно вписываются в древнюю традицию Рюриковичей «укреплять крестом» свои политические соглашения, в связь с этой традицией можно поставить и крестоцеловальные записи.

Аналогии записям обнаруживаются также в практике западнорусской знати скреплять крестоцелованием вступление в зависимость от Литовского великого князя. Причем Литовскому государю крест целовали не только князья Рюриковичи, но и другие представители русской знати совершенно таким же образом, в индивидуальном порядке. Впервые упоминание о крестоцеловании в индивидуальных договорных отношениях литовского правителя и русской знати находим в письме князя Ольгерда константинопольскому патриарху 1371 г. с жалобой на московского князя и митрополита, что они переманивают от него князей и служилых людей, а митрополит снимает с них целование, данное Ольгерду. В качестве примеров литовский князь ссылается на бегство от него в Москву князей Ивана козельского и Ивана вяземского, некоего «нагубника» Василия, а также «многих других», которых митрополит «разрешает от клятвы, то есть от крестного целования»¹⁴².

Сходство письма с более поздними московскими крестоцеловальными записями обнаруживается в двух пунктах. Во-первых, Ольгерд упоминал, что верность

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 269.

¹⁴² Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1909 (изд. 2-е). Стб. 135–140 (оригинал на греческом языке, перевод А. С. Павлова).

бежавших в Москву его «слуг» укреплялась в свое время, кроме крестного целования, также поруккой; например, по нагубнике Василии поручился епископ. Московские крестоцеловальные записи тоже фиксируют ручательство за опального сановника церковных иерархов, а большинство из этих записей сопровождается и поручными записями представителей высшей знати. Во-вторых, про Ивана козельского Ольгерд говорит, что тот «целовал крест ко мне со своею матерью, братьями, женою и детьми». Между тем, согласно тексту извода крестоцеловальной записи, помещенного в митрополичьем формулярнике, опальный челобитчик обязуется «детей своих болших к своему государю к великому князю привести» и самому и с ними «служити до своего живота» — то есть боярин фактически должен был целовать крест не только за себя, но и за своих детей. Таким образом, как в Литве при Ольгерде, так и в Москве при Иванах III и IV и Василии III крестоцелование сопровождалось поруккой, а также могло, видимо, приноситься и за детей, а может быть, и других ближайших родственников.

Аналогичных упоминаний крестоцелования в отношениях великого князя Литовского и русской знати в более позднее время мне не встретилось. После Крестной унии эти отношения всё больше ориентировались на польские порядки¹⁴³. Однако в православной среде крестоцелование должно было сохраняться. В этом случае логично предположить, что обычаи, существовавшие в Великом княжестве Литовском, могли сказаться на форме и содержании московских крестоцеловальных записей, подавляющее большинство которых давалось знатными людьми либо литовского происхождения, либо заподозренными в тайных сношениях с Литвой¹⁴⁴.

Во всяком случае, складывание обычая укреплять верность представителей знати крестным целованием и поруккой, которое следует относить ко второй половине XIV в., стояло в связи со специфическими обстоятельствами борьбы Москвы и Литвы за объединение русских земель, когда верность выходцев из земель, оказавшихся между Москвой и Литвой, приобрела особое значение. Двор московских князей рос, и с инкорпорацией новых земель в Московское княжество его структура усложнялась. Приведение к крестному целованию служебных князей и бояр, подкрепленное поруккой, было средством, которое применялось в целях укрепления центральной власти и обеспечения стабильности внутри элиты. Важно, что оно имело не «договорное» происхождение, а навязывалось государственной властью тем, кто по каким-то причинам оказался в ее глазах не заслуживающим доверия.

¹⁴³ Об этом ярко свидетельствуют присяжные, поручные и другие грамоты, которые в конце XIV — первой половине XV в. давали литовские и русские князья и бояре польскому королю (в частности, Ягайле-Владиславу), см., например: Грамоты XIV ст... № 44, 46, 47, 48, 54, 59, 61, 81 и др. Крестоцелование здесь упоминается уже редко, а для «крепости» грамоты утверждаются печатью, в лексике есть прямые заимствования из польского (например, слово «годовать» — через польское *hold* (*holdować*) от старовехненем. *huldi* «милость, благосклонность, преданность, верность», ср. современное немецкое *Huld*: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. М., 1964. С. 428).

¹⁴⁴ На это справедливо обращал внимание Хартмут Рюсс: *Rüß H., Herren und Diener...* S. 270.

Таким образом, по своей сути крестоцеловальные записи представителей знати были частью политической культуры формирующегося московского самодержавия. Не случайно, что традиция брать записи с опальных сановников сохраняется почти до самого конца XVI в., когда «договорного» начала в отношениях правителя и знати уже практически не чувствуется. Более того, в XVI в., как показывает один любопытный источник, эти документы имели своего рода общественное звучание. Так, на «твою государеву целовальную запись» ссылался служилый человек Иван Еганов, направивший на имя великого князя в период между 1533 и 1536 гг. челобитную с перечислением своих заслуг. Задачей Еганова было выведывать о планах и настроениях в окружении дмитровского князя Юрия Ивановича, и, сообщая о своей верной службе на этом поприще, он опирается на обязательство, фиксируемое крестоцеловальными записями, докладывать государю о «лихе», которое кто-то замышляет против него¹⁴⁵. В этих словах Еганова проглядывает известная по более поздним документам практика «государева слова и дела», которую, таким образом, можно связать и с крестоцеловальными записями. В XVII в., когда соперничество с Литвой потеряло былой накал, а политическая структура Московского государства обрела законченные черты (в частности, государственно-служебная присяга закрепились в качестве универсального средства гарантии верности), записи уже берутся не только с представителей знати, но и с «всяких чинов людей» и, сохраняя основное содержание (обязательство верной службы), выполняют несколько иную функцию — они фиксируют присягу всякого человека, взявшегося за исполнение «государевой» службы¹⁴⁶; и таким образом фактически происходит слияние традиции взимания записи и государственно-служебной присяги «подданных».

В целом вырисовывается довольно сложная картина применения крестоцелования в политической практике на Руси в XIV — начале XVI в. С одной стороны, именно в этот период с формированием политической системы московского самодержавия оно приобретает новую функцию, а именно: используется для служебной присяги знати и вообще всего служилого класса и даже более широких кругов населения правителю. С правовой точки зрения это явление типологически близко присяге подданных. Приведение к присяге служилых людей в более или менее массовом порядке еще не обрело регулярного, юридически обоснованного характера, а применялось преимущественно в тех случаях, когда власть ощущала нестабильность и угрозу — например, когда при смене правителя наследник не мог взять твердо бразды правления в свои руки и нуждался в специальной поддержке правящего класса. Тем не менее показательно, что впервые в рукописи, относящейся именно к 1530-м гг., в исповедном вопроснике, обращенном к «властели-

¹⁴⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. № 136. За указание на этот документ выражаю признательность К. В. Баранову.

¹⁴⁶ См. «запись целовальную, приводят к государеву крестному целованью бояр, и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и всяких чинов людей, нынешняго 135 году» (то есть 1627 г.): Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. Т. I: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. № 198. С. 216–219.

нам и вельможам», появляется вопрос об измене государственной присяге: «не изменил ли еси государю великому князю крестнаго целования и не думал ли еси на него котораго зла?»¹⁴⁷.

С другой стороны, приблизительно с начала XV в. крестоцелование начинает использоваться московским правительством для закрепления обязательства отдельных представителей знати не оставлять службу великому князю. Следует подчеркнуть исключительный характер случаев, когда давались такие обязательства Московского княжества и Великого княжества Литовского за объединение русских земель. «Укреплялась» верность только отдельных сановников, заподозренных в измене. Причем в этом «укреплении» не меньшее значение, чем крестоцелование само по себе, имело ручательство за опального сановника, оказавшегося в «вине» перед московским государем, высших лиц светской и духовной иерархии. Крестоцеловальные записи представляют собой своеобразное явление, но, учитывая их принудительно-репрессивный характер, их следует поставить в связь со становлением «присяги подданных» как дополнительный механизм обеспечения верности элиты государю.

Нельзя согласиться с трактовкой русского средневекового крестоцелования как присяги верности знатного «вассала» князю, сопоставимой с западноевропейской вассальной клятвой. Государственная служебная присяга в принципе не может быть сопоставима с вассалитетом: одно — это явление публичного права, связанное со становлением централизованного государства и идеей подданства, другое — обычай, выросший из частного договора и расцветший именно в условиях дефицита и слабости государственной власти. Приведение к кресту знатных людей, заподозренных в измене московскому князю, с взятием с них «укрепленных записей» также имеет мало общего с вассальной клятвой. Об этом говорит многое: принудительный, а не добровольный характер обязательств, поручительство иерархов и сановников, целование креста с родственниками, но главное — оформление всей процедуры как акта пожалования «государя» провинившемуся перед ним «слуге». Хотя крестоцеловальные записи взимались индивидуально и в них присутствует частноправовой элемент, но скрепляли они не договор, а обязательство подданного (а не вассала) безоговорочно (как стали говорить позднее — «верой и правдой») служить суверенному правителю (а не сюзерену).

Иностранные известия о присяге знати. О применении какой-то клятвы или каких-то обрядов, с ней сопоставимых, в отношениях князя и знати в средневековой Руси упоминают некоторые источники иностранного происхождения, написанные на латыни. Мне известны два упоминания такого рода домонгольского

¹⁴⁷ Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 303, 509. Ср. также: Флоря Б. Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 206–207.

времени. Несмотря на их краткость и некоторую неопределенность, они заслуживают специального разбора.

Первое из них содержится в сообщении «Хроники» Титмара Мерзебургского о вокняжении в 1018 г. в Киеве Святополка Владимировича при поддержке польского князя Болеслава Храброго. Титмар пишет, что кроме поляков утвердиться в Киеве Святополку помогли в качестве «вспомогательных сил» немцы, венгры и печенеги, и говорит о действиях нового князя: «*Omnes hii tunc domum remittentur, cum indigenas adventare, fideles sibi apparere senior prefatus letabatur*» (VIII, 32)¹⁴⁸. В русском переводе А. В. Назаренко эта фраза выглядит так: «все они были отпущены по домам, когда вышеупомянутый сеньор (Святополк. — П. С.) с радостью [стал принимать] местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности»¹⁴⁹. Недавно на это место «Хроники» обратил внимание П. В. Лукин, который исправил русский перевод (вместо «покорности» он справедливо предложил переводить «верности») и, подробно разобрав сообщение Титмара, пришел к выводу, что между Святополком и киевлянами были установлены «договорные отношения» и скреплены «какой-то присягой (вероятно, „ротой“ или крестным целованием)»¹⁵⁰.

Эта фраза Титмара важна тем, что описывает именно момент установления отношений между только что утвердившимся на престоле князем и «местными жителями», под которыми надо понимать прежде всего киевлян, а также, вероятно, население округа Киева или Киевской земли. Хотя речь идет в данном случае, очевидно, о признании власти нового князя более или менее широкими кругами населения, но не именно о вступлении в дружину Святополка, для решения вопроса о происхождении обычая присягать правителю важно выяснить, действительно ли это известие свидетельствует о клятве верности. Ключевым здесь представляется понимание выражения *fideles sibi apparere*. Вполне обоснованная констатация того факта, что отношения между Святополком и горожанами строились на некоей «договорной» основе, не должна, однако, автоматически вести к заключению, что эти отношения должны были непременно скрепляться клятвой. Как мы уже видели на ряде примеров, то, что в принципе кажется естественным, на поверку оказывается не имевшим места в действительности.

Предлагая видеть в словах *fideles sibi apparere* указание на присягу, П. В. Лукин ссылается на исследование Ф. Шрёдером понятия *fides* («вера») у Титмара и Видукинда Корвейского. Немецкий исследователь, действительно, заметил мельком,

¹⁴⁸ Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Hrsg. von Robert Holtzmann. Berlin 1935 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum germanicarum. Nova Series. Tomus IX), S. 530–531.

¹⁴⁹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 215. Ср. немецкий перевод В. Трильмиха: «Sie alle wurden nun nach Hause entlassen, da der Landesherr mit Freude sah, wie ihm die Bevölkerung zufiel und sich ihm als treu erwies» (Thietmar von Merseburg, Chronik, übertragen und erläutert von Werner Trillmich, Darmstadt 1962 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. IX) (1-е изд.: 1957), S. 475).

¹⁵⁰ Лукин П. В. Киевляне XI века в русских источниках и «Хронике» Титмара Мерзебургского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 99.

что в повествовании Титмара отношения между людьми, «в чьих чертах и действиях проявляется» *fides*, «скрепляются клятвой»¹⁵¹. Однако Ф. Шрёдер специально не изучал вопрос о формах скрепления отношений верности у славян вообще и в изображении двух названных историографов в частности, и его главной целью было показать религиозную подоплеку понятия *fides*, а именно то, что отношения верности между христианами мыслились у Титмара и Видукинда как частный случай или отражение общего единения христиан в вере, причем в политическом смысле это единение представлялось единственно возможным под эгидой немецкого императора. Говоря о клятве, Ф. Шрёдер в глухой ссылке указывал места в «Хронике», где действительно, она упоминается, но историк не отметил, что Титмар в этих местах, в самом деле описывая отношения между людьми, которых объединяет *fides*, называет клятву термином *sacramentum*, обозначавшим в средневековой латыни именно клятву верности, в частности вассальную. Например, этот термин используется Титмаром в описании вассальной присяги Болеслава Генриху, которое как раз имеет и в русском переводе (VI, 91): «в Троицын день по возложению рук (*manibus applicatis*) он становится вассалом (*miles*) [короля] и после присяги (*post sacramenta*) сопровождает короля, [когда тот] в торжественном облачении направляется в церковь, в качестве оруженосца»¹⁵².

Таким образом, Титмар, используя слово *fideles*, совершенно необязательно имел в виду какую-то клятву или присягу. И это вполне понятно, поскольку слова *fides*, *fideles* в средневековой латыни имели самое широкое значение (как и, например, слова «вера», «верный» в русском языке), прямо не связанное с понятием клятвы и терминами, ее обозначавшими¹⁵³. Разумеется, в том случае, если в произведении средневековой латиноязычной литературы говорилось вообще об отношении верности, логично было бы предположить, что в реальности они скреплялись какой-то клятвой (как это фактически, наверное, и было в большинстве случаев). Однако применительно к Древней Руси такое предположение оказывается как раз далеко не всегда оправданным — как мы видели, в древнейший период здесь отношения верности оформлялись скорее не с помощью клятв, а произнесением определенных формул («приятъ в сердце», «голову сложить» и др.). Что именно делали или говорили киевляне, признавая Святополка своим князем, можно только гадать. На мой взгляд, скорее следует предполагать совершение неких ритуалов встречи князя «с чстью и славою», «прославления» его или «посажения» на «стол». Именно о них упоминается в позднейшем летописании при описании утверждения князя в том или ином городе.

Второе известие об использовании клятвы в Древней Руси тоже происходит из немецкого источника, но его информация более определена. Речь идет о рас-

¹⁵¹ Schröder F. J., Völker und Herrscher des östlichen Europas im Weltbild Widukinds von Korvei und Thietmars von Merseburg, Münster 1977, S. 83.

¹⁵² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 211.

¹⁵³ См., например: Niermeyer J. F., Van de Kieft C., Mediae Latinitatis Lexicon Minus, revised by J. W. J. Burgers, Leiden, Darmstadt 2002, vol. I; Du Cange C., Glossarium mediae et infimae latinitatis, ed. L. Favre, t. III. Leiden 1937. Ср. также в этих словарях и в словаре «Thesaurus Linguae Latinae» (Lipsiae, 1900–) значения слова *sacramentum*.

сказе из «Хроники» Ортлиба Цвифальтенского о пребывании видного польского вельможи Петра Влостовича на службе у перемышльского князя Володаря Ростиславича. Этот любопытный эпизод русско-польских отношений относится к 1118–1122 гг.¹⁵⁴ Петр Влостович был одним из знатнейших сановников при Болеславе Кривоустом, но, поссорившись с ним, перешел на службу к Володарю, который много враждовал с поляками. В 1122 г. Володарь попал в плен к Болеславу, и, по всей видимости, это пленение произошло при прямом участии Петра, который вернулся в Польшу, заняв прежнее место при дворе Болеслава. Ортлиб закончил «Хронику» в 1138 г., но в начале 1140-х гг. один из монахов Цвифальтенского монастыря (в Швабии), ездивший в Польшу в 1140–1141 гг. по приглашению Саломеи, вдовы Болеслава Кривоустого, внес в текст «Хроники» несколько дополнений, в том числе сведения о Петре Влостовиче, которые он, видимо, получил именно от Саломеи. В частности, о польском вельможе рассказывается, что он оказался виновен в «грехе величайшего вероломства (*maximae perfidiae veneno*)», и под этим грехом имеется в виду предательство Петром Володаря перемышльского. Поляк, — говорится в «Хронике», «обошел коварством некоего русского князя, враждовавшего с герцогом польским». Петр покинул Болеслава, своего «господина», и ушел в Русь; «и после того, как дал ему (русскому князю. — П. С.) клятву верности (*fidem iusiurandi fecerat*), после того, как перешел к нему на службу (*se in dominium ipsius tradiderat*), после того, как стал восприемником его сына, его же, не подозревавшего злого умысла, выдал в руки врагов (то есть поляков. — П. С.), которые его заточили и приговорили к выдаче за огромные сокровища»¹⁵⁵.

Данные этого дополнения к «Хронике» Ортлиба о Петре Влостовиче в целом и в частности не вызывают сомнений, и некоторые из них находят соответствия в других источниках. Видимо, детали «перехода» польского вельможи к русскому князю переданы довольно точно, и упоминание о клятве верности, которую принес поляк Володарю, в принципе можно принять как достоверное. О том, какой именно была эта клятва, употребленные автором сообщения слова не позволяют судить: выражение *fidem iusiurandi* не означает ничего более, чем просто некая клятва верности, а более специальная терминология (например, слово *sacramentum*, которым обычно обозначалась вассальная клятва) отсутствует. Тем не менее на фоне русских источников, которые не фиксируют присягу верности человека, поступающего на службу к князю, это свидетельство является уникальным для Древней Руси. Оно позволяет сделать вывод, что, по крайней мере, в западных русских землях с таким обычаем должны были быть знакомы. Поскольку в даль-

¹⁵⁴ См. подробнее: Стефанович П. С. Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3–4 (25–26).

¹⁵⁵ Оригинал и перевод на немецкий язык см.: Die Zwiefalter Chroniken Ortliebs und Bertholds, herausgegeben, übersetzt und erläutert von L. Wallbach, E. König und K. D. Müller, Sigmaringen 1978 (1-е изд.: 1941), S. 124–127. Русский перевод: Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. I: Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884. С. 67–68; Приложение, с. 2.

нейшем способы применения клятвы в Галицко-Волынской земле соответствуют традициям, принятым и в других русских землях, надо признать исключительность данного случая. Возможно, сказалось «западное» влияние традиций вассалитета, переданное через польское посредство, но вероятней представляется, что сыграли свою роль особые обстоятельства «перехода», главным из которых было его политическое значение в международном контексте: отношение к перебежчику самого высокого ранга из государства с иными культурно-религиозными и политическими традициями должно было быть другим, нежели к русскому боярину, переходившему от одного Рюриковича к другому.

Сравнение. По существу единственная попытка сравнения обрядов поступления на княжескую службу, известных на Руси, с аналогичными обрядами в других странах была сделана Н. П. Павловым-Сильванским. Он пытался обосновать принципиальное сходство и даже тождественность русских ритуалов с западноевропейскими вассальными (см. выше, во «Введении»). Однако, отстаивая этот тезис, историк столкнулся с рядом проблем. Главная из них состояла в следующем: если западноевропейским оммажу и клятве на священных предметах он находил соответствия в русском челобитье и крестоцеловании, то для инвеституры — вводу во владение феодалом или леном (третьему обязательному элементу обряда вступления в вассальную зависимость) — никаких, даже самых отдаленных, аналогий не отыскивалось. В этой ситуации Н. П. Павлов-Сильванский, призывая сравнивать исторические явления, опираясь «не на схему, а на действительность», стал настаивать на принципиальном различии двух разных по происхождению явлений: «вассальства и бенефиция» — то есть собственно вассальной зависимости и земельной дачи. По его мнению, «феодальный договор» «слагался из двух особых актов: акта вступления в вассальную службу и акта пожалования земли», и оба эти акта «соединяются в нечто целое» в западном вассалитете чисто «формально»¹⁵⁶. Такой подход позволял историку вообще вынести за рамки своего компаративного поиска вопрос о ленах и не считаться с тем, что на Руси до сложения поместной системы (то есть фактически до конца XV в.) служба князю бояр или других людей практически никогда не связывалась с земельными пожалованиями. Хотя Н. П. Павлов-Сильванский опирался на труды французских и немецких историков конца XIX — начала XX в., естественно, отличавших разные элементы в сложении вассально-ленной системы, но такое разведение в разные стороны составных частей самого ритуала вассального договора было его собственной новацией.

Отдавая должное исследовательской смелости русского историка в постановке новых вопросов, на современном уровне науки нельзя согласиться с его методикой и конечными выводами. Для этого достаточно ознакомиться с описанием процедуры вступления в вассальную зависимость, предпринятым современным французским историком Жаком Ле Гоффом и ставшим уже классическим. Ле Гофф, отчасти отталкиваясь от этнологических (культурно-антропологических) исследований «примитивных» обществ, пытался постичь символику и логику

¹⁵⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси... С. 96–97.

средневекового ритуала. Одновременно исходным принципом и одним из конечных итогов его исследования был постулат, что смысл обрядности вассалитета невозможно понять, если не учитывать ее целостности и взаимосвязанности каждого ее этапа¹⁵⁷. Эти этапы в строгом порядке следуют один за другим, имеют свое значение и предполагают определенные предыдущие и последующие ритуальные действия, которые предпринимаются с помощью слов, жестов и предметов. Началом служит устное заявление о желании стать вассалом, затем совершается оммаж (обычная его форма: коленопреклоненный вассал вкладывает свои руки в руки сеньора), сопровождаемый символическим поцелуем сеньора и вассала, потом следуют клятва верности и инвеститура, — причем Ж. Ле Гофф специально подчеркивает, что «инвеститура образует с оммажем и клятвой верности юридически (и, осмелюсь сказать, символически) нерасторжимое целое»¹⁵⁸. С ритуалом вступления в вассальные отношения сущностно связан обряд их разрыва — т. н. *exfestucatio*, когда желающий разорвать вассальную связь ломал и выбрасывал палку или несколько палочек (соломин и т. п.) (от *festuca* — жезл, палка). Истоки этого обряда историк находит в обычае древних германцев посредством определенных действий с палками устанавливать или разрывать родственные отношения и на этом основании делает вывод, что «символическая система вассалитета» ориентировалась на «модель родства». Ставя общий вопрос о методике исследования средневековых ритуалов, он отмечает: «символика ритуала, призванного установить социальную связь, понятна полностью только тогда, когда она рассмотрена одновременно в создании и разрушении связи, даже если это последнее случается лишь изредка»¹⁵⁹.

Таким образом, в принципе сомнительная методика произвольного выбора объектов сравнения, которой пользовался Н. П. Павлов-Сильванский, обнаруживает себя абсолютно неадекватной применительно к анализу ритуалов установления служебных отношений в Средние века. Если сравнивать эти ритуалы по их смыслу и содержанию (воплощенным во внешней форме — словах, жестах и т. д.), то надо воспринимать их обязательно в целом, а не по частям. И в этом случае русский средневековый обычай вступления в дружину или на службу к князю, который, как мы видели, заключался в произнесении некоторых словесных формул,

¹⁵⁷ «Цельность обрядов и символических жестов вассалитета образует не только церемониал, ритуал, но систему, то есть то, что функционально только тогда, когда ни один существенный элемент из нее не выпадает, и то, что обладает значением и своей силой действия только благодаря каждому из элементов, смысл которых выявляется только в отношении целостности» (Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 222 (впервые опубликовано под заглавием «Les gestes symboliques dans la vie sociale. Les gestes de la vassalité» в книге: *Simboli e simbologia nell'alto Medio Evo. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo*, XXIII, Spoleto, 3–9 aprile 1975, Spoleto, 1976, p. 679–788)). К сожалению, русский перевод не всегда точен и удачен со стилистической точки зрения.

¹⁵⁸ Там же. С. 232.

¹⁵⁹ Там же. С. 220, 233.

не обнаруживает практически никаких аналогий с обрядом установления вассальной связи в Западной Европе. Смысл древнейших из этих формул — «принять в сердце» и «сложить голову» — сводился к обозначению верного союза или преданной дружбы. Если интерпретировать слова нижегородских бояр, обращенные в 1392 г. в адрес их князя, «нести есмы с тобою, но на тя есмы» в связи с этими формулами (подобно тому, как Ж. Ле Гофф связывает обряд вступления в вассалитет с *exfestucatio*), то еще ярче высветится их союзно-договорное содержание. Позднее в выражениях «сложить до живота» или подобных стал акцентироваться служебный характер связи дружинника (служилого человека) с князем. В западноевропейских вассальных ритуальных действиях не употреблялись сколько-нибудь похожие выражения, и общий смысл этих действий («породнение») был иной.

Разумеется, некоторые аналогии можно найти в русских и западноевропейских обычаях в том случае, если посмотреть на них в самом общем плане с точки зрения их *функции*. Понятно, что главной функцией как русских словесных формул, так и западных ритуалов было установление личной связи договорно-служебного характера. С этой точки зрения сопоставимы выражение «принять в сердце» и вассальный поцелуй, так как целью поцелуя было — так же, как и этого выражения — утверждение особой связи и даже, как заявляет Ж. Ле Гофф, в каком-то смысле равенства между сеньором и вассалом¹⁶⁰. Отчасти оправданно также сравнение оммажа и челобитья, на что обратил внимание Н. П. Павлов-Сильванский: функцией и того, и другого было признание одной стороной подчиненного, более низкого положения (другое дело, что челобитье в такой функции фиксируется только в межкняжеских договорах с конца XIV в. и вообще этот обряд не был специально предназначен для оформления служебных отношений, а имел самое широкое хождение)¹⁶¹.

Внимания заслуживает и еще одна параллель. Анализируя роль *foi* в вассальном ритуале, Ж. Ле Гофф, с одной стороны, отмечает естественность «печати господствующей идеологии» в средневековом церемониале, но, с другой стороны, подчеркивает «по-настоящему не христианизированный» характер этого ритуала: в нем «христианство, в противоположность тому, что происходит при посвящении в рыцари, дает лишь обрамление, аксессуары — какой бы важности они ни были, — но не материал, не символику»¹⁶². Между тем на Руси религиозная санкция (в виде крестоцелования) пришла в сферу отношений князя и служащей ему знати далеко не сразу с христианизацией, и к ней прибегали не для установления личных отношений князя и боярина, а для скрепления договоров князя и представителей города (земли) и позднее для приведения населения к «присяге подданных». Вплоть до внедрения государственной и должностной присяги в XVI в. процедура поступления на службу князю (как, видимо, и ухода с нее) на Руси была лишена и

¹⁶⁰ Там же. С. 225.

¹⁶¹ Об оммаже см.: Там же. С. 224. С точки зрения Ж. Ле Гоффа, символический поцелуй призван был как раз уравновесить идею социального неравенства, воплощенную оммажем, а инвестира воплощала в конце концов принцип взаимности в вассалитете.

¹⁶² Там же. С. 256–257.

того христианского «обрамления», которое присутствовало в вассальном ритуале. На мой взгляд, вторичность (или даже отсутствие) религиозной санкции (клятвы в собственном смысле слова) в ритуалах, оформлявших личные служебно-договорные отношения на Руси и Западной Европе, не случайна и объясняется тем, что она «накладывалась» в относительно позднее время на уже существующие традиции такого рода ритуалов древнего происхождения. На Руси это более очевидно в силу сохранения архаичных черт до позднего Средневековья; в Западной Европе — не так очевидно, потому что во тьме теряются корни системы вассалитета и неясно, какие институты ей предшествовали.

Вопрос о происхождении вассалитета является одним из самых старых и спорных в медиевистике. В историографии есть давняя тенденция связывать и его, и клятву верности как его часть с дружинным строем германцев. Не углубляясь в дебаты по этому вопросу¹⁶³, важно в данном случае указать, что пересмотр некоторых старых воззрений, предпринятый в последние десятилетия, привел и к новому взгляду на предысторию вассальной клятвы верности.

В старой историографии, главным образом немецкой, считалось, что германская дружина крепилась специфически германской верностью, а одним из главных символов и механизмов этой верности была клятва верности дружинников вождям (князьям, конунгам). Полагали, что именно германская верность легла в основу вассалитета, а в клятве дружинников видели происхождение вассальной клятвы¹⁶⁴. Во второй половине XX в. эта теория подверглась массивной критике с разных сторон, но в первую очередь со стороны лингвистов¹⁶⁵. В настоящее время дружинные отношения у германцев не сводят к одной модели, а говорят об их разнообразии в зависимости от конкретно-исторических условий¹⁶⁶. Не признаётся, что у германцев было какое-то особое понятие верности, а основу дружинных объединений видят в принципе взаимности, то есть обмене дарами и услугами. Эксплицитно выраженное понятие верности приходит только с христианством¹⁶⁷. При

¹⁶³ Подробнее см.: *Стефанович П. С.* Германская дружина и попытки сравнения ее со славянской дружиной: историографический обзор // *Rossica antiqua*. Вып. 1. СПб., 2006.

¹⁶⁴ См., например: *Waitz G.*, *Deutsche Verfassungsgeschichte: Die Verfassung des deutschen Volkes in ältester Zeit*, Bd. 1, 4. Auflage, Darmstadt 1953, S. 46–47, 371–401 (1-е изд.: 1844 г.); *Brunner H.*, *Deutsche Rechtsgeschichte*, 2. Auflage, Bd. 1, Leipzig 1906, S. 180–195 (1-е изд.: 1892 г.); *Mitteis H.*, *Der Staat des hohen Mittelalters. Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnszeitalters*, 4. Auflage, Weimar 1953, S. 10, 45ff. (1-е изд.: 1940 г.); *Schlesinger W.*, *Herrschaft und Gegaltschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte* // *Schlesinger W.*, *Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters*, Bd. I: Germanen, Franken, Deutsche, Göttingen 1963, S. 18–19 (впервые в: *Historische Zeitschrift*, Bd. 176 (1953)).

¹⁶⁵ Впервые в классической работе: *Kuhn H.*, *Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung*, Bd. LXXIII, Weimar 1956.

¹⁶⁶ См. новейший обзор историографии и актуальных проблем по этой проблеме: *Pohl W.*, *Die Germanen*, München 2000 (=Enzyklopädie deutscher Geschichte, Bd. 57), S. 70 et seq.

¹⁶⁷ Этот тезис был разносторонне аргументирован в разных работах, но прежде всего в трудах Франтишека Грауса и Карла Крешелля, см., например: *Graus F.*, *Über die sogenannte*

таким подходе аналогии дружинам у германских народов легко найти и у славян, и у многих других народов, а происхождение вассалитета видится уже в самой широкой перспективе (учитывается и кельтская служебная традиция, и римская клиентельная и др.), и о непосредственной преемственности «дружина – вассалитет» речи быть не может. Проблематичной или просто неверной представляется теперь прежняя методика, когда некая абстрактная модель дружинного строя германцев выстраивалась из элементов разного происхождения, подобранных путем сравнительно-исторических аналогий или ретроспективного метода. Одним из таких элементов была клятва верности, которую историки считали необходимой частью отношений вождя и дружинников, *потому что* она была необходимой частью вассального ритуала. Между тем с точки зрения логики и символики вассального ритуала оказывается, что на самом деле в вассалитете она имела второстепенное значение (только как «аксессуар», по выражению Ж. Ле Гоффа). Более того, в результате специальных исследований выясняется, что и источники по истории древних германцев не дают бесспорных свидетельств о клятве верности дружинников¹⁶⁸. В современной литературе признаётся, что вступление в дружину и установление личной служебно-договорной связи между вождем и дружинником не подразумевало у древних германцев принесения специальной клятвы, и, во всяком случае, даже если какие-то клятвы и произносились (совершались), это не было обязательным и необходимым условием дружинного строя¹⁶⁹. И как раз этому факту прекрасные аналогии дают древнерусские материалы, которые свидетельствуют, что при вступлении в дружину не требовались какие-либо формализованные процедуры, а достаточно было лишь устного обещания.

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где в результате уникальной конstellации факторов сложилась своеобразная система вассалитета (в связи с

germanische Treue // *Historica*, I, 1959, str. 71–121; *Idem*, *Herrschaft und Treue* // *Ibidem*, XII, 1966, str. 5–44; *Kroeschell K.*, *Die Treue in der deutschen Rechtsgeschichte* // *Kroeschell K.*, *Studien zum frühen und mittelalterlichen deutschen Recht*, Berlin 1995, S. 157–181 (впервые опубликовано в 1969 г.).

¹⁶⁸ Например, на скандинавских материалах вопрос о дружинной клятве специально разбирал Ганс Кун и пришел к выводу, что «источники периода расцвета скандинавской дружины ничего не знают» о ней (Op. cit., S. 7 et seq.). Клятву франкских *antrustiones*, которую раньше возводили к германским корням, теперь считают результатом влияния порядков, принятых в позднеантичной римской армии (в которой, как известно, служило немало германцев), см.: *Esders S.*, *Treueidleistung und Rechtsveränderung im früheren Mittelalter* // *Rechtsveränderung im politischen und sozialen Kontext mittelalterlicher Rechtsvielfalt*, hrsg. von S. Esders, Ch. Reinle, Münster 2005, S. 28, 59.

¹⁶⁹ Ср. рассуждения по этому поводу известного историка Райнхарда Венкуса, который признавал, что «клятва при вступлении в дружину, описанную Тацитом, трудно доказать», но скорее из общих соображений не хотел «просто исключить» ее существование. В то же время, давая свое определение сути дружинного строя, Венкус говорит в самом общем смысле об «эмоционально окрашенном отношении» вождя и дружинника, но о клятве верности как таковой вообще не упоминает (*Wenskus R.*, *Die neuere Diskussion um Gefolgschaft und Herrschaft im Tacitus' Germania* // *Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus*, Teil II, Göttingen 1992, S. 319–323, 330).

ленными отношениями и рыцарской культурой), на Руси довольно долго сохранялась архаическая традиция устного оформления служебно-договорной связи, в древности, видимо, свойственная и другим народам Европы. Эта традиция существует параллельно с обычаем скреплять политические договоренности крестоцелованием, а затем с постепенно складывающейся «присягой подданных». Однако с образованием единого Русского государства в XV в. эта последняя, сопровождаемая практикой взимания крестоцеловальных записей, становится главным средством и механизмом обеспечения верности служилых людей государю; одних слов и обещаний уже недостаточно, и основное значение придается религиозной санкции. В становлении государственно-служебной присяги между Русью и Западной Европой также обнаруживаются некоторые параллели.

В Западной Европе теория и практика присяги верности сложились с развитием властных структур во Франкском королевстве и образованием империи Карла Великого. При Карле и его преемниках верность, практическое выражение и закрепление которой видели прежде всего в присяге, стала, по выражению французской исследовательницы, «*principe de gouvernement*»¹⁷⁰. Не случайно, что именно в период правления Карла историки фиксируют первые примеры вассалитета (знаменитые присяги баварского герцога Тассило) и тогда же издаются первые указы (капитулярии 789 и 802 гг.) о всеобщей государственной присяге. И то, и другое были сторонами одной медали: вассалитет и присяга подданных призваны были служить одной цели — упрочению власти правителя, который в условиях огромного, но аморфного государственного образования должен был контролировать местные элиты и чувствовал себя в той или иной степени отчужденно от массы населения. Этот факт бесспорен, хотя в науке оживленно обсуждаются конкретные связи и переклички между текстами клятв Тассило и капитуляриев¹⁷¹.

На Руси мы также видим, что присяга подданных и крестоцеловальные записи начинают применяться тогда, когда значительно расширяется территория государства, растет элита, усложняется ее состав и правитель нуждается в специальных механизмах укрепления своей власти. Крестоцеловальные записи отражают ранний этап формирования этих механизмов, и некоторые их выражения находят близкое соответствие в первом капитулярии Карла Великого. Так, главным обязательством опальных сановников, давших записи, было «служити до своего живота» государю и его детям и им «добра хотети везде во всем», «а лиха не мыслити» (а также сообщать государю, если кто такое «лихо» задумает)¹⁷². Очень похожа формулировка присяги в капитулярии 789 г.: «обещаю от себя господину моему Карлу королю и детям его, что верен и буду верен все дни моей жизни без обмана

¹⁷⁰ *Magnou-Nortier E.*, Foi et fidélité. Recherches sur l'évolution des liens personnels chez les Francs du VIIe au IXe siècle, Toulouse 1976, p. 35.

¹⁷¹ Наиболее подробно и всесторонне эта проблема последний раз исследовалась в книге Матиаса Бехера: *Becher M.*, Eid und Herrschaft: Untersuchungen zum Herrscherethos Karls des Grossen, Sigmaringen 1993. Ср. также обзор дискуссий: *Holenstein A.*, op. cit., S. 25–27, 103–109.

¹⁷² СГД. Т. 1. № 103.

и дурного помышления» (sic promitto ego ille partibus domini mei Caroli regis et filiorum eius, quia fidelis sum et ero diebus vitae meae sine fraude et malo ingenio)¹⁷³.

Значительно расширяется и усложняется текст присяги во втором капитулярии 802 г.¹⁷⁴. Специальные терминологические и исторические исследования текста показывают, что он был ориентирован на античный дискурс и христианскую теорию богоустановленности власти и специально нацелен на создание своего рода «этоса правителя», то есть комплекса идей и этических норм, требующих верности и повиновения правителю¹⁷⁵. Эти идеи нашли отражение и в других законодательных и литературных памятниках каролингской эпохи и способствовали сложению и распространению формулы *fideles Dei et regi* («верные Богу и королю»), которая выражала связь верности Богу и уставленной им императорской власти¹⁷⁶. В Московском великом княжестве со временем присяга на кресте тоже связывается с идеей богоустановленности власти. В XV в. такой связи еще нет, но уже Иван Грозный обвиняет Курбского в преступлении крестоцелования как отпадении от православной веры и измене Богом установленному государю: «противляясь власти, богу противится»¹⁷⁷. Важно, что этот процесс был именно структурно обусловлен, то есть был результатом аналогичных процессов роста государства и политического применения христианских идей, а не ориентацией русских на западные традиции. Ведь на Руси с древности была известна теория богоустановленности власти, некоторые христианские идеи находили применение в политической практике¹⁷⁸ и, даже более того, известна была формула *fideles Dei et regi*¹⁷⁹, однако практическое значение эти идеи обретают только тогда, когда возникает необходимость в государственно-служебной присяге.

Аналогии между Древней Русью и средневековыми королевствами Европы, которые обнаруживаются в отсутствии клятвы верности в архаическом дружинном строе и в становлении «присяги подданных», позволяют перевести вопрос об общности и различии в исторических путях Европы и России в плоскость иную,

¹⁷³ *Capitularia regum Francorum*, t. I, edidit A. Boretius, Hannoverae 1883 (*Monumenta Germaniae historica, Leges* 2), nr. 23, p. 63.

¹⁷⁴ *Ibidem*, nr. 34, p. 100–101.

¹⁷⁵ *Becher M.*, op. cit., S. 88–194.

¹⁷⁶ См.: *Helbig H.*, *Fideles Dei et Regis. Zur Bedeutungsentwicklung von Glaube und Treue im hohen Mittelalter* // *Archiv für Kulturgeschichte*, Bd. XXXIII, 1951, S. 275–306.

¹⁷⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М., 1981. С. 14.

¹⁷⁸ См. подробнее: *Стефанович П. С.* Религиозно-этические аспекты отношений князя и знати в домонгольской Руси // *ОИ*. 2004. № 1.

¹⁷⁹ Это выражение используется в Галицко-Волынской летописи при описании событий 1231 г. в Галиче. В трудный момент отроки князя Даниила Романовича признаются ему в своей верности: «вѣрни есмы б(о)гу и тобѣ, г(о)с(поди)ну нашему» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763). Поскольку совпадение русского и латинского выражений не абсолютно точно, можно было бы сомневаться, что летописец ориентировался на латинский образец. Однако поскольку речь идет о западных русских землях, а летописец был явно знаком с польскими и венгерскими обычаями, эти сомнения надо отбросить.

нежели та, в которой рассуждали Н. П. Павлов-Сильванский, а вслед за ним и многие историки вплоть до недавнего времени. Суть дела оказывается не в «феодализме»: отсутствие феодальных институтов и рыцарской культуры на Руси совсем не говорит об отсутствии общих явлений, и средневековое общество представит гораздо многообразней, сложнее и шире навязываемой ему модели¹⁸⁰. В данном случае продемонстрировать в какой-то степени эти сложность и многообразие позволило изучение обрядовых и словесных форм. Ритуал и устойчивые словосочетания, предназначенные для произнесения в определенной ситуации, оказываются, таким образом, совсем не маргинальным аспектом социально-политической проблематики, а соотносятся с крупными историческими проблемами. Очевидно, причина в том, что в ритуале находили выражение принципы и нормы отношений между людьми, в данном случае между князем и поддерживающей его знатью. В следующей части исследование в большей мере сосредотачивается на правовых нормах этих отношений, взаимных ожиданиях и интересах, отражавшихся в поведении и политическом выборе сторон.

Право отъезда

Главный вопрос в данной части — применялось ли в домонгольской Руси право отъезда, и если да, то в какой форме. Пути поиска ответа на этот вопрос предлагаются следующие. С одной стороны, рассматриваются все упоминания и описания в источниках разрыва отношений князя и знати (уход боярина от князя и/или переход в дружину другого князя). С другой стороны, по упоминаниям имен отдельных бояр можно попытаться проследить перемены в их служебных «карьерах» и в судьбах боярских родов на протяжении нескольких поколений (проблема наследственности службы).

Боярские «переходы». В «Повести временных лет» дважды описывается уход знатного человека с княжеской службы. Следуя хронологии летописи, первым в ряду случаев разрыва отношений между князем и его «мужами» можно считать уход Аскольда и Дира от Рюрика, о котором сообщается под 6370 (862) г. после рассказа о «призвании варягов» и установлении власти Рюрика.

В древнейших летописях, сохранивших текст «Повести», это сообщение передано с одним разногласием. В Лаврентьевской летописи говорится так: «и бяста у него (Рюрика. — П. С.) 2 мужа не племени его, ни боярина, и та испросистася ко Ц(еса)рюгороду с родомъ своимъ». Далее сообщается о том, что эти два мужа обосновались в Киеве и что их звали Аскольд и Дир¹⁸¹. Так же читалось и в Троицкой летописи (которая, напомним, наиболее надежно реконструируется именно

¹⁸⁰ См. подробнее об ограниченности «феодальной модели» в познании средневекового общества в статье А. Я. Гуревича и в выступлениях участников дискуссии «Феодализм перед судом историков»: Одиссей. Человек в истории. М., 2006.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 20–21.

в начальной части)¹⁸². Однако в Радзивилловской, Академической и Ипатьевской летописях вместо «ни боярина» стоит «но боярина»¹⁸³.

Нельзя сомневаться, что в данном сообщении мы имеем дело с более или менее правдоподобной реконструкцией летописца начала XII в., который, руководствуясь определенными историко-политическими соображениями, перерабатывая свои источники, прежде всего, летопись, условно названную А. А. Шахматовым «Начальный свод» и восстанавливаемую в основных чертах по тексту в составе Новгородской I летописи младшего извода. В этой последней в статье 6362 (854) г. говорится о приходе Аскольда и Дири в Киев независимо от призвания варягов в Новгород, и они предстают самостоятельными князьями¹⁸⁴. Анализируя летописную концепцию и саму логику рассказа, А. А. Шахматов считал, что в «Повести временных лет» Аскольд и Дир были превращены в бояр Рюрика и принимал чтение второй группы летописей¹⁸⁵. Принятию этого чтения как первоначального нисколько не мешает то, что Аскольд и Дир в таком случае именуется одновременно и «мужами», и «боярами»: терминологический анализ показывает, что «мужами» могли характеризоваться представители разных социальных групп, в том числе и бояре¹⁸⁶.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с представлениями книжника, писавшего более чем через два столетия после излагаемых им событий, о том, как *в принципе* бояре (княжеские «мужи») могли уходить от своего князя. Он описал разрыв их отношений с помощью слова «испросистася». Глагол «испросити(ся)», который несколько раз используется, в частности, в Киевском своде конца XII в. (в составе Ипатьевской летописи) для описания того, как «младшие» князья выпрашивают нечто у «старших» или отпрашиваются у них куда-либо, ни сам по себе, ни по контексту его употребления не обнаруживает какого-либо специального правового или социального содержания¹⁸⁷. Очевидно, для летописца за отъездом Аскольда и Дири от Рюрика не стояло ничего больше, как просто просьба бояр, которая была обращена к князю и удовлетворена им. Таким образом, сам факт ухода бояр с княжеской службы подается как нечто вполне естественное, но разглядеть за этим фактом какие-либо общие теоретические или правовые принципы не удастся. Из указания, что оба боярина покинули Новгород «с родом своим», можно заключить, что уход из дружины мыслился как окончательный и никаких связей с князем и городом, где он княжил, отъехавшие не оставляют. Разумеется, это известие, составленное позднейшим летописцем ретроспективно, никак не

¹⁸² Приселков М. Д. Указ. соч. С. 58.

¹⁸³ Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 15.

¹⁸⁴ НПЛ. С. 106–107.

¹⁸⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 213; Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 599 (впервые: Пг., 1916).

¹⁸⁶ Schmidt K. R., Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters, Kopenhagen 1964. S. 470–472, 491–495; Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 48–49. Ср. также терминологические замечания в разделе П. В. Лукина.

¹⁸⁷ СДРЯ. Т. IV. М., 1991. С. 76. Здесь приведены и примеры из Ипатьевской летописи.

может служить подтверждением мысли М. П. Погодина о том, что право отъезда обязано своим происхождением варягам (см. выше с. 150).

Следующий эпизод разрыва отношений между князем и его «мужем» изложен более подробно, и целенаправленной реконструкции здесь подозревать оснований нет. Речь идет о предательстве воеводой Блудом своего князя Ярополка Святославича. Выше уже цитировался летописный текст, согласно которому Блуд перешел на сторону Владимира, соблазненный «многую честию», которую тот ему обещал. Очевидно, этот переход не был реализацией какого-либо особого права боярина. Во всяком случае, уже договорившись с Владимиром, воевода вплоть до убийства Ярополка, коварно подстроенного им, находился со своим князем, «льстя ему», как замечает летописец, и никак не сообщая ему о своем «переходе». Летописец, опираясь на библейские тексты, оценивает весь эпизод как «лесть», которую боярин замыслил «на князя своего». Перейдя на сторону Владимира, воевода «преда князя своего» «на пагублень»; по мнению летописца, «горьше суть бесов такови»¹⁸⁸. Явно с дидактическими целями летописец рассказывает о Варяжке, который был до конца верен своему князю. Как оценивался поступок Блуда самими участниками тех событий, остается неясным. Таким образом, хотя и надо признать, что в древнейшее время в принципе были возможны два варианта поведения — «прагматический» (Блуда) и «идеалистический» (Варяжки), — но нельзя сомневаться, что с христианской точки зрения книжника приемлем был только второй вариант и что переход от одного князя к другому во время войны между ними расценивался как измена.

Последний вывод заставляет вспомнить наблюдения С. Б. Веселовского об ограничениях, которые знало право отъезда. Историк указывал не только на невозможность перехода во время войны, но и на понятия «вины», «гнева» и некоторые другие, которые были важнее для строя отношений князя и служилой знати, чем «отъезд». Действительно, древнейшие источники об «отъезде» или «переходе» ничего не знают, однако о боярской «вине» и княжеском «гневе» сообщают. Так, известно, например, что князь Ярослав Владимирович «разгневался» на своего новгородского посадника Константина Добрынича и что этот «гнев» обернулся для боярина ссылкой и, вероятно, даже гибелью. Сообщение об этом — по всей видимости, восходящее к новгородскому летописанию XI в. — содержат новгородские летописи: Новгородская I младшего извода — в перечне новгородских князей в статье 6497 (989) г., а летописи, восходящие к «Новгородско-Софийскому своду», — в статье 6528 (1020) г.¹⁸⁹ В Новгородской I летописи читаем: «И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгороде, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина и заточи ѿ, а сына своего Володимира посади в Новѣго-

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 76–77.

¹⁸⁹ О перечне князей, составление которого относят к владычному своду 1167 г. или конца 1160-х гг., и об этом сообщении см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 185–186; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 58–59.

родѣ»¹⁹⁰. В Новгородской IV: «Костянтинъ же тогда бѣше в Новѣгородѣ, и раз[г]нѣвася на нь Ярославъ и поточи ѿ Ростову, на 3 лѣто повѣле убити ѿ в Муромѣ на Оцѣ рецѣ»¹⁹¹. Может быть, самостоятельность, проявленная Константином во время событий 1018 г. в Новгороде¹⁹², а может быть, смерть сына Ярослава Ильи, которого князь оставил в Новгороде, вероятно, под попечением Константина, стали причиной опалы боярина¹⁹³.

Из рассказа «Жития Феодосия» об одном из посмертных чудес святого узнаем, что в результате опалы знатный человек мог лишиться не только своего «места» в составе княжеского двора, но и личной свободы: некий боярин был «въ гнѣвѣ велицѣ от князя», который грозился его «на поточение посълати», но после того, как боярин помолился Феодосию, тот ему явился во сне и обещал, что утром князь призовет его, «не имыи гнѣва ни единого же на тя, нь и паку въ свое мѣсто устроить тя», что и исполнилось¹⁹⁴.

На основании одного короткого сообщения Киево-Печерского патерика можно сделать вывод, что без доказанной «вины» силовые действия князя в отношении боярства считались неоправданными. Автор рассказа «О Прохоре черноризци» осудил Святополка Изяславича, который «много насилия людемъ сѣвори» в Киеве, «домы сильныхъ до основаниа без вины искоренивъ, имѣнниа многихъ отъемъ»¹⁹⁵.

К сожалению, эти данные слишком отрывочны для того, чтобы составить сколько-нибудь ясное мнение о строе дружинных отношений, но из них несомненно, по крайней мере, сам факт существования представлений о долге службы и наказании за провинность, которое теоретически нуждается в обосновании. Эти представления должны были создавать некоторый контекст для права отъезда (если допустить его существование) или, во всяком случае, влиять на порядок ухода боярина с княжеской службы.

Наблюдения над древнейшими данными подтверждаются и несколько более информативными свидетельствами Киевского свода конца XII в. и Галицко-Волынской летописи.

В этих летописях, нередко довольно подробно описывающих перипетии распрей князей Рюриковичей, в которых, естественно, были замешаны и княжеские «мужи», никогда не упоминаются слова «отъезд» или «переход». В то же время ситуации, когда один боярин или группа бояр покидает князя, а возможно, и переходит на службу к другому, описываются неоднократно. Причин, по которым

¹⁹⁰ НПЛ. С. 161.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 110.

¹⁹² См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 143.

¹⁹³ Подробнее см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003. С. 69. О датировке посадничества и смерти Константина ср. также: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 488–489.

¹⁹⁴ Успенский сборник... С. 131–132.

¹⁹⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря / Подг. Д. И. Абрамович. СПб., 1911. С. 106.

бояре оставляют и/или меняют господина, выявляется несколько: либо смена князей (как правило, вследствие смерти князя, или же ухода из города одного князя и прихода другого в том случае, если бояре остаются в этом городе, а не следуют за ушедшим князем), либо изгнание самим князем кого-то из своей дружины, либо измена, то есть предательство «своего» князя и «переветы» с его врагами, или же, наконец, бояре, координируя так или иначе свои действия с населением города и земли, выгоняют одного князя и приглашают другого¹⁹⁶. Случаи последнего рода, характерные особенно для Новгорода и Галича, очевидно, с «правом отъезда» ничего общего не имеют, и здесь речь о них не пойдет. Не стоит специально останавливаться и на описаниях измены, потому что летописцы при этом всегда делают упор на долге верной службы, а точка зрения обвиняемых, которые, как можно было бы теоретически допустить, и могли бы ссылаться на какие-то свои права, в том числе и «право отъезда», остается совершенно неизвестной. Например, именно так, с явной ориентацией на рассказ о Блуде, излагается история предательства киевскими боярами Игоря Ольговича в 1146 г. Как говорилось выше, Игорь занял Киев после смерти своего брата Всеволода. Сначала ему удалось договориться с киевскими боярами и горожанами, но затем они все перешли на сторону его соперника в борьбе за Киев Изяслава Мстиславича. Летописец представляет сговор бояр с горожанами в пользу Изяслава Мстиславича как «свѣтъ золь», но осуждает в первую очередь именно бояр: «иже бяху велику ч(е)сть примали от Всеволода и от брата его, ти же почаша лестити подъ кн(я)земь своимъ»¹⁹⁷.

Случаи, когда князя выгоняют своих бояр, преподносятся в летописи как события неординарные даже тогда, когда о них сообщается буквально в двух словах. Например, поводом для обвинения Андрея Боголюбского в том, что он хотел «самовластець быти всѣи Суждальскои земли», послужил для летописца тот факт, что он «погна» из Суздаля не только своих братьев и племянников (то есть претендентов на «части» в княжестве или даже на сам суздальский «стол»), но и «мужи от(ъ)ца своего переднии» (известие под 6670 (1162) г.)¹⁹⁸. Очевидно, не случайно в более подробных сообщениях из этого ряда упоминаются «вина» и «гнев» как понятия особенно значительные в отношениях князя и знати. Эти сообщения показывают также, что разрыв отношений был болезнен для обеих сторон и едва ли мог происходить так просто, как описан уход Аскольда и Дира от Рюрика.

Трудно выносить однозначные суждения относительно причин, которые подвигли князя Андрея на изгнание бояр, служивших еще его отцу, но в трех

¹⁹⁶ Особняком стоит наемничество, которое, естественно, подразумевает уход наемника по окончании заранее оговоренного срока службы. См. специально о наемниках на службе киевских князей (главным образом варягах) в сравнительно-историческом контексте: *Żmudzki P., Najemnicy na Rusi i w krajach sąsiednich w X–XII w. // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CXI, 2004, 4, s. 5–28.*

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 324–326.

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

других случаях известны поводы, которые заставляют князей «отпустить» от себя бояр. В одном случае поводом была «вина» бояр в хищении княжеского имущества. Об этой «вине» летописец сообщает в статье 6678 г., рассказывая о размолвке между киевским князем Мстиславом Изяславичем и вышгородским Давыдом Ростиславичем (в реальности происшедшей в 1168 г.). Причиной размолвки стали наветы киевских бояр Петра и Нестера Бориславичей, которые сообщили Давыду о неверности Мстислава (мнимой, как пытается доказать автор летописного рассказа). Летописец осуждает такое поведение бояр как недостойное и объясняет его тем, что они были озлоблены на Мстислава: в свое время он их «отпустил от себе про ту вину, оже бяху холопи ею покралѣ конѣ Мстислави у стадѣ и пятны своѣ въсклалѣ, рознаменуваюче» (то есть за то, что их холопы украли княжеских коней, переставив тавро)¹⁹⁹. Таким образом, бояре, которые служили одному князю, но были «отпущены» им, стали пытаться не только выслужиться перед другим князем, но и сравнить его с их предыдущим господином. Очевидно, их разрыв с князем не был простой формальностью и имел весьма неприятные политические последствия²⁰⁰. Нельзя сказать, когда Мстислав выгнал из своей дружины братьев Бориславичей, но известно, что Петр Бориславич служил его отцу Изяславу Мстиславичу, когда тот сидел в Киеве²⁰¹. Сложно судить, что делать и куда идти должны были таким образом «отпущенные» бояре. Попытки Бориславичей услужить Давыду заставляют предположить, что они искали возможности вступить в дружину другого князя. Правда, сам Давыд называет их своими «приятелями», то есть не рассматривает как своих дружинников²⁰². Возможно, что бояре оказались на какое-то время вообще вне дружин каких бы то ни было князей²⁰³.

В другом случае причиной «отпуска» боярина из дружины было то, что он оказался вовлечен в межкняжеские отношения. В 1171 г. после смерти Глеба Юрь-

¹⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 541–542.

²⁰⁰ Об этом эпизоде и оценку поведения Петра Бориславича см. подробнее: *Стефанович П. С. Религиозно-этические аспекты...* С. 10–14.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 452, 461–465.

²⁰² Это не позволяет согласиться с Карамзиным и Соловьевым, считавшими, что Бориславичи «отъехали» от Мстислава к Давыду (см.: *Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. III. М., 1991. С. 354; Соловьев С. М. Указ. соч. // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 510*).

²⁰³ Никоновская летопись сообщает, что вскоре после описанных событий братья вместе с еще одним боярином были в Киеве и помогли войскам, посланным Андреем Боголюбским, взять город (показав неукрепленное место в стене) (март 1169 г.; ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 237–238). Трудно судить о достоверности этого уникального сообщения. Карамзин, например, ему не верил, никак, впрочем, не обосновывая своего мнения (см.: *Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. III. С. 354*). Признание его достоверности ведет к выводу, что бояре находились в Киеве, не состоя на службе того князя, который в то время там держал оборону. Это — любопытная ситуация (поэтому здесь и обращается внимание на это известие позднего ненадежного источника), и она могла бы свидетельствовать о том, что разрыв отношений боярина с князем не влек автоматически уход первого из того города или из той земли, где правил второй.

евича (брата Андрея Боголюбского) на киевском столе сел Роман Ростиславич, старший из сыновей Ростислава князя смоленского и киевского. Хотя сначала суздальский князь, признанный в тот момент «старейшим» среди Рюриковичей, согласился с этим, но позднее (в начале 1173 г.), как сообщает летопись, «нача Аньдрѣи вины покладывати на Ростиславичи и присла къ нимъ Михна, река тако: выдаите ми Григоря Хотовича и Степаньца и Олексу С(вя)тословця, яко тѣ суть уморилѣ брата моего Глѣба, а то суть ворозѣ всимъ намъ». «Сего же, — продолжает летописец, — Ростиславъчи не послушаша и пустиша Григоря от себе. И реч(е) Аньдрѣи Романови: не ходиши в мои воли съ братьею своею, а поиди с Киева...»²⁰⁴. Очевидно, что боярин Григорий стал в каком-то смысле заложником сложных взаимоотношений князей, хотя судить теперь о том, насколько справедливы были обвинения Андрея и чего на самом деле он добивался от Ростиславичей, очень трудно. Неизвестно, кто такие упомянутые с Григорием Олекса и Степанец и были ли они действительно выданы Андрею²⁰⁵. В 1168 г. был взят половцами в плен Константин Хотович в битве, в которой участвовали многие русские князья, в том числе и Глеб, княживший тогда в Переяславле. В 1170 г. упоминается некий Григорий в качестве тысяцкого Глеба, который тогда уже сидел в Киеве, хотя на короткое время был выгнан оттуда Мстиславом Изяславичем²⁰⁶. Можно допустить, что этот Григорий был братом Константина и тем самым Григорием Хотовичем, выдачи которого требовал Андрей Боголюбский. Наиболее вероятно, что Ростиславичи «пустиша от себе» Григория не из-за его «вины» перед ними, а наоборот, оберегая его от «гнева» и расправы суздальского князя²⁰⁷. Возможно, тем самым они надеялись и уладить дело с Андреем, не раздражая его открытой защитой боярина и снимая с себя ответственность за последующую судьбу бывшего киевского тысяцкого. Так или иначе, в данном случае нет оснований предполагать, что боярин сам хотел уйти с княжеской службы и воспользовался для этого «правом отъезда»; разрыв отношений князя и боярина здесь, скорее всего, вынужденный и нежелательный для обеих сторон и, как и в предыдущем примере, связан с крупными политическими осложнениями.

Наконец, третий пример. В Галицко-Волынской летописи под 6734 (1226) г. рассказывается о том, как произошел разрыв между князем Мстиславом Мстиславичем, правившем в тот момент в Галиче, и галицким боярином Жирославом. Жирослав напугал других бояр сообщением, что князь собирается их «предати»

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 569–570.

²⁰⁵ Правда, некий Степен Милятич был взят в плен в 1161 г., когда он был в войске Изяслава Давыдовича, который набирал себе людей, видимо, и среди киевлян (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 518). Но отождествлять этих двух лиц было бы рискованно.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 540, 548.

²⁰⁷ Может быть, это говорит в пользу справедливости обвинений Андрея. Хотя, с другой стороны, по другим примерам известно, что вообще князья шли на выдачу своих бояр только в самом крайнем случае. Достаточно вспомнить, в каких условиях Давыд Игоревич, главный виновник ослепления Василька Теребовльского, «дать» своих мужей Василя и Лазаря на расправу Васильку и его братьям (ПСРЛ. Т. I. Стб. 268).

половцам «на избитье», и они ушли из Галича. В результате Мстислав был вынужден оправдываться перед боярами, клясться им, что был «всуе оклеветан», и «обличать» Жирослава. Только после этого князь «изгна» боярина «от себе», и тот, обвиненный летописцем во «льсти» и клевете «на господина своего», перешел к князю Изяславу²⁰⁸. Мстислав оказался перед сложным выбором — либо смириться с уходом многих бояр, либо пойти на разрыв отношений с одним из них, но явно выделяющимся в их среде (судя по другим летописным сведениям о Жирославе). Однако, этот разрыв, очевидно, не дался легко ни Мстиславу, ни Жирославу и не был их частным делом, так как под «обличением» надо понимать некую публичную «судебную» процедуру.

Наиболее сложны и неясны те случаи, когда со сменой одного князя другим перед выбором оказывалась и дружина — уходить или оставаться. Сложность в том, что за скухими сообщениями летописи, лишь констатирующей факт, трудно разглядеть мотивы, которыми руководствовались бояре, принимая то или иное решение, и понять, были ли какие-то традиции и нормы, регулировавшие преемственность власти и элиты. «Нормальным» следует, очевидно, признать тот порядок, когда смена власти происходила естественным образом — после смерти отца к сыну или по межкняжескому соглашению — и дружина сохраняла положение, приобретенное при прошлом князе, при его преемнике. На такой нормальный порядок, видимо, очень рассчитывал в 1146 г. Игорь Ольгович, когда предлагал виднейшим киевским боярам сохранить за ними те места, которые они занимали при его старшем брате. Выше (с. 185) уже цитировался летописный отрывок, где приводились конкретные слова Игоря, обращенные к Улебу и Ивану Воитишичу²⁰⁹. Расчет Игоря, однако, не оправдался, и бояре его предали.

В случае, если между князьями, претендующими на тот или иной стол, был конфликт и одному из князей приходилось уходить, его дружина не обязательно должна была уходить с ним в полном составе. Например, из рассказа о том, как Изяслав Мстиславич возвращался в начале 1151 г. в Киев, занятый Юрием Долгоруким, выясняется, что, хотя многие бояре Изяслава предпочли разделить изгнание со своим князем обладанию своими селами и «жизнями» в Киевщине, часть дружины не покидала с ним родной земли: когда Изяслав вошел в Киевскую землю, выяснилось, что здесь его ждет «дружина многое множество» — те, кто не

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747–748. В данном случае летописная датировка, видимо, соответствует действительной. Какой ветви Рюриковичей принадлежал и в каком городе княжил упомянутый в данном случае князь Изяслав, неясно. Более поздние летописи называют его отчеством Мстиславич. А. А. Горский, в последний раз обобщивший данные об этом князе и литературу о нем, считает его сыном Мстислава Мстиславича (*Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 14–17*). Однако в таком случае совершенно непонятно, как стало возможным, что боярин, выгнанный с позором от Мстислава, известного и могущественного князя, тут же перешел на службу к его сыну, занимавшему в тот момент какой-то малозначительный стол. Скорее, надо доверять некоторым летописям, называющим Изяслава внуком Романа Ростиславича (и, таким образом, сыном киевского князя Мстислава Романовича).

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 324.

ушел с ним при изгнании, но остался ему верен²¹⁰. Зимой 1146–1147 гг. Святослав Ольгович вынужден был бежать из своего Новгород-Северского, «дружина же его — они по нем идоша, а друзии осташа его...»²¹¹.

У князей часто упоминаются «приятели» в тех городах, в которых они когда-то сидели и/или на которые претендовали. Зачастую дружина только и ждет возвращения князя в свою «отчину» и готова оказать ему поддержку, потому что установление власти князя, пришедшего извне, как правило, не значило ничего хорошего для нее — ведь с новым князем приходили его бояре, и предстояла перегруппировка знати и передел кормлений. Разумеется, всегда был риск, что бояре ушедшего князя договорятся на устраивающих их условиях с новым князем и не поддержат вернувшегося старого князя. Например, так произошло с Ярославом Святополчицем, когда он в 1118 г. в результате конфликта с Владимиром Мономахом покинул свой отчинный Владимир-Волынский, а «бояры его отступиша от него», и в 1123 г. возвращение в этот город закончилось для него гибелью²¹².

Но у нового князя могли и не сложиться отношения со старой дружиной. Так, например, было в Дорогобуже в начале 1170 г., когда после смерти тамошнего князя Владимира Андреевича к городу подошел Владимир Мстиславич, претендующий на эту «волость». Сначала «дружина Андрѣевича не пустиша его в городъ», но после того как он ей целовал крест, «якоже ми на вас на позрѣти лихомъ», князь был впущен. Вопреки крестоцелованию Владимир «уклонися на имѣние и на села» умершего князя (и, как можно догадываться, его бояр), и дружина была вынуждена уйти вместе с вдовой ее бывшего князя в Вышгород к князю Давыду Ростиславичу²¹³.

Эту ситуацию, очевидно, нельзя назвать «отъездом» в том смысле, какой вкладывают в это слово историки, опирающиеся на данные XIV–XV вв. Уход дружины, не сумевшей договориться с новым князем, или расставание уходящего князя и остающейся в своей родной земле дружины — такого рода перемены служебных отношений являются вынужденными, по необходимости, а не по какому-либо праву. К тому же во всех этих случаях «перемена лояльности» осуществляется не отдельными представителями дружины, а коллективно — либо всей дружиной, либо ее значительной частью. Конечно, надо допускать, что при смене князей на столе, когда бояре должны были заново выстраивать отношения с преемником предыдущего князя, кто-то из них принимал новые условия, а кто-то — иногда один или несколько бояр — оставались недовольны. Это недовольство тоже могло вести к «переходу». Так можно объяснить примеры, когда один боярин или представители разных поколений одного боярского рода оказываются на службе у князей разных ветвей рода Рюриковичей. Эти примеры рассматриваются в сле-

²¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 409, 412–413. Ср. ниже с. 258–259.

²¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 334.

²¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 285. См. подробный комментарий к этим известиям с привлечением данных Длугоша: *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 166–175.

²¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 546–547.

дующем параграфе. Заключить же этот параграф можно выводом, что имеющиеся в летописи описания ухода бояр с княжеской службы дают слишком мало данных для того, чтобы рассуждать о том, как понимались и оформлялись такого рода «переходы». Общепринято было представление о свободе человека в выборе себе господина («сюзерена»), но в то же время были представления об определенном порядке обязательств между этим человеком и тем, у кого он состоит на службе (понятия измены-«лести», «вины», «гнева» и др.). Конечно, эта свобода ограничивалась и фактическими обстоятельствами, и в любом случае на практике разрыв служилого человека с князем был скорее событием нежелательным и связанным со многими осложнениями для обеих сторон, нежели легко осуществимой стандартной процедурой.

Боярские «карьеры» и «генеалогии». Ввиду крайней скудости известий, сообщаемых о боярских «переходах», единственный способ зафиксировать перемены в служебной принадлежности представителей дружинной знати — это попытаться проследить их судьбу по упоминаниям имен в летописи. Систематизация упоминаний бояр в летописи может помочь и в восстановлении судеб боярских родов. Как отмечалось выше, в литературе уже делались неоднократные попытки установить связи между лицами, отмеченными в летописи и других источниках, на основании их имен, отчеств, принадлежности к дружине того или иного князя, к тому или иному городу и т. д. Фиксируя случаи, когда один и тот же боярин или представитель одного боярского рода оказывается у разных князей, или же примеры преемственности в боярской службе, я оцениваю достоверность возможных «увязок» и сближений в упоминаниях разных лиц и «генеалогических» построений, учитывая разные параметры (антропонимику, летописную текстологию и др.), но главной для меня является оценка вероятности в зависимости от конкретных исторических условий и обстоятельств.

Первые представители русской знати, о которых известно, что они служили разным князьям династии Рюриковичей, упоминаются уже в X в. Боярин Владимира по имени Волчий Хвост упомянут в качестве воеводы под 6492 (984) г., а затем в описании Любечской битвы между Ярославом и Святополком под 6524 (1016) г. его указывает Новгородская I летопись младшего извода воеводой Святополка²¹⁴. Очевидно, видный дружинник киевского князя перешел на службу к его сыну-преемнику на престоле, сохранив свое высокое положение.

Более многочисленны сведения о Свенельде, воеводе киевских князей, предшественников князя Владимира. Впервые упоминание о нем встречается в Новгородской I летописи в статье 6430 (922) г., в «Повести временных лет» — под 6453 (945) г.; последний раз — в обеих летописях в статьях 6485 (977) г. (то есть в годы

²¹⁴ НПЛ. С. 175. «Повесть временных лет» содержит ту же фразу с упоминанием воеводы Святополка, но он у нее безымянный — по-видимому, имя, указанное в «Начальном своде» и сохраненное в НПЛ, было умышленно опущено составителем «Повести» (ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 141–142). Ср.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 422, 464.

правления князей Игоря, Святослава и Ярополка)²¹⁵. Хронологический разброс сведений о Свенельде в Новгородской I летописи дал основание некоторым ученым XVIII–XIX вв. сомневаться в том, что речь идет об одном и том же лице. Однако А. А. Шахматов доказал, что упоминания о Свенельде под 6430 (922), 6448 (940) и 6450 (942) гг. в этой летописи явились результатом переработки составителем «Начального свода» более древних сводов: прежде всего вследствие вставки хронологической сетки эти упоминания в тексте, первоначально не имевшем абсолютной хронологии, оказались дублированы и разнесены в разные годовые статьи²¹⁶. Менее убедительным кажется утверждение А. А. Шахматова, что последние упоминания Свенельда в статьях 6483 и 6485 гг. (в связи с судьбой его сына Люта) не аутентичны (см. ниже)²¹⁷. В целом, учитывая результаты исследований как А. А. Шахматова, так и современных ученых, следует признать достоверность сообщений летописи, что Свенельд был сначала воеводой князя Игоря, затем его сына Святослава и, наконец, сына Святослава Ярополка (хотя точные хронологические указания и некоторые детали, разумеется, могут быть подвергнуты сомнению)²¹⁸.

Из этих сообщений следует, что один и тот же боярин служил последовательно трем поколениям князей одной династии. Причем тогда, когда один из князей (Святослав), кому служил Свенельд, собирался переносить свой «стол» из Киева в другой город (Переяславец Дунайский), боярин следовал князю — то есть связь с князем и его дружиной была предпочтительней связи с городом, где он жил. Тогда же, когда в третьем поколении князей Русское государство было разделено между тремя братьями (Ярополком, Олегом и Владимиром), Свенельд остался со старшим в Киеве, — тем самым в данном случае мы наблюдаем такой порядок преемственности боярской службы: от отца к (старшему) сыну, получающему стольный город. Этого порядка придерживался, очевидно, и Волчий Хвост.

²¹⁵ НПЛ. С. 109–110, 113, 124–125; ПСРЛ. Т. I. Стб. 54–55, 72–75. В летописи это имя передается по-разному (Свѣналдъ, Свѣндель, Свѣнгелдъ и др.); я использую форму, принятую в историографии.

²¹⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 78–83. Ср.: Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*, vol. 25, No. 2 (2001), p. 156 et seq.

²¹⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 254–256.

²¹⁸ Тот факт, что Свенельд был выдающимся лицом при Святославе, подтверждают и независимые от летописи источники. Прежде всего, он упоминается в договоре Святослава с греками 971 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 72). Кроме того, некоего Σφέυκελος называют вторым или третьим лицом по значению после князя Иоанн Скилица и Лев Диакон. Правда, эти авторы (использовавшие, по-видимому, общий источник) говорят, что он погиб под Доростолом в 971 г. (см.: Лев Диакон. История / Перевод М. М. Копыленко, комментарии М. М. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 71, 76), а лингвисты допускают, что имя, переданное по-гречески, могло быть и другим, не имеющим отношения к летописному Свѣналдъ (Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. I: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 224 (впервые издано на немецком языке в 1879 г.)). Ср. иначе: Геденов С. А. Варяги и Русь. М., 2004 (1-е изд.: СПб., 1876). С. 195–199).

В летописи упоминаются два сына Свенельда, которые, как можно предположить, должны были также нести службу киевским князьям. Во всяком случае, об одном из них говорится именно в связи с Киевом (в статье 6483 (975) г.): «Ловѣ дѣюще Свѣналдичю именемъ Лютъ, ишедь бо ис Киева, гна по звѣри в лѣсъ...»; во время этой охоты Лют был убит князем Олегом, братом Ярополка, и это убийство послужило, согласно летописи, поводом для войны между братьями, потому что Свенельд хотел «отмстити с(ы)ну своему»²¹⁹. Упоминание второго сына Свенельда довольно загадочно. Оно сделано мелкою в рассказе о смерти князя Игоря и мщении княгини Ольги, — сообщая, с кем осталась Ольга в Киеве после гибели мужа, летописец замечает: «воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже о(те)ць Мистишинъ»²²⁰.

Молчание как летописи на протяжении всего дальнейшего изложения, так и других источников об этом М(и)стише заставляло исследователей искать разные способы объяснения, почему этот персонаж был здесь специально упомянут. Наиболее известная и оригинальная попытка такого объяснения была предпринята А. А. Шахматовым²²¹. Исходным звеном его построений послужили два факта: во-первых, польский хронист XV в. Ян Длугош, передавая рассказ «Повести временных лет» о гибели Игоря и войне Ольги с древлянами, называет древлянского князя, известного по «Повести» как Мал, Мискиной; во-вторых, в некоторых русских источниках и позднейших былинах князь Мстислав Владимирович (сын Владимира Святого) именовался «лютым». Сочетая эти факты с собственными текстологическими изысканиями, А. А. Шахматов идентифицировал как одно лицо Мистишу, Люта Свенельдича, древлянского князя Мала, а также Малка Любечанина, которого «Повесть временных лет» указывает как отца Малуши и Добрыни (соответственно матери князя Владимира Святославича и его «уя», то есть дяди по матери²²²). Этот вывод стал подтверждением идеи А. А. Шахматова, что те рассказы о гибели Игоря и о Свенельде, которые читаются ныне в «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, являются результатом радикальной переработки первоначального сказания в составе выделенного им «Древнейшего Киевского свода». По мнению ученого, на самом деле, согласно этому сказанию, Игорь вое-

²¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 74. Академический список НПЛ младшего извода и Ипат. дают в первой фразе грамматически более правильное чтение: «дѣюще» (НПЛ. С. 124; ПСРЛ. Т. II. Стб. 62). В тексте известия есть сбои, возможно, есть и некоторая несогласованность его с летописным контекстом. Это заставило Шахматова, а вслед за ним и других исследователей (ср.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях... С. 364–365) говорить о том, что это вставка. Однако, даже если признать сложный состав известия, для того, чтобы отрицать полностью достоверность сообщения о Люте (восходящего к «Начальному своду»), аргументов недостаточно.

²²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 55. Радз. и Акад. дают чтение: Мстишинъ.

²²¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах... С. 250–270; он же. Мстислав Лютый в русской поэзии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVIII. Харьков, 1909.

²²² «Володимерь бо бѣ отъ Малуши ключницѣ Ользины, сестра же бѣ Добрыня. О(те)ць же бѣ има Малък Любечанинъ. [И] бѣ Добрыня уи Володимеру» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 69).

вал из-за древлянской дани не с самими древлянами, а со Свенельдом, и был убит не ими, а сыном последнего Мистишей-Лютом-Малом.

Не буду углубляться в весьма сложную и пространную аргументацию А. А. Шахматова и отмечу лишь, что его неожиданные и в чем-то парадоксальные выводы позднее были подвергнуты серьезной, разносторонней и, по моему мнению, вполне убедительной критике²²³. По вопросу о том, кем был загадочный Мистиша, наиболее простым и естественным представляется вывод, сделанный А. В. Соловьевым. Тщательно пересмотрев доводы А. А. Шахматова, историк вернулся к мнению, что Мистиша был упомянут летописцем как лицо, известное его современникам, не нуждавшимся в специальных комментариях. В летописях отсылки к лицам и реалиям, хорошо известным в то время, когда жил летописец, нередки. Правда, такого рода отсылки в тексте «Повести временных лет» принадлежат в основном летописцу, писавшему в конце XI — начале XII в., и тогда не совсем понятно, почему Мистиша, если он был действительно сыном Свенельда, был так хорошо известен в то время, хотя должен был умереть не менее чем за тридцать-сорок лет до того (если допустить, что он родился в 70-е гг. X в.). На это обстоятельство обратил внимание А. Поппэ и попытался объяснить упоминание Мистиши как порчу (а затем переосмысление) текста, возникшую где-то на раннем этапе бытования летописного текста: по его мнению, «тоже о(те)ць М(и)стишинъ» получилось из первоначальных слов «тъ же отецъ мьсти сьи», которые имели в виду, что Свенельду принадлежали замысел и инициатива в мщении древлянам за Игоря.

Оставляя в стороне в высшей степени гипотетические построения А. А. Шахматова, но не берясь выносить окончательного суждения по поводу того, насколько реален летописный Мистиша, отмечу только один пункт в рассуждениях исследователя. Отождествляя Мистишу с Малом, древлянским князем, и Малком Любечанином, ученый тем самым привязывал Свенельда и его сына звеньями к одной генеалогической цепочке, выявленной Д. И. Прозоровским по летописным и внелетописным свидетельствам еще в 1864 г.²²⁴

Д. И. Прозоровский обратил внимание на то, что в известной приписке дьякона Григория (писца) к Остромирову евангелию (1057 г.) заказчик рукописи Остромир («въ кр(е)щении Иосифъ») назван не только лицом, которому князь Изяслав Ярославич «поручи правити» новгородский «столь», но и «близоком», то

²²³ Соловьев А. В. Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 16–17. Белград, 1941; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 194–196; Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 64–91.

²²⁴ Прозоровский Д. О родстве святого Владимира по матери // Записки имп. Академии наук. Т. 5. Кн. I. СПб., 1864. С. 17–26. Мысль о тождественности Малка Любечанина и Мала, древлянского князя, Шахматов взял у Прозоровского. При этом Шахматову пришлось обосновывать ее дополнительно, потому что аргументы, приведенные в пользу этой идентификации Прозоровским, были достаточно убедительно опровергнуты в ответной статье И. И. Срезневского «О Малуше, милостнице великой княгини Ольги, матери великого князя Владимира», опубликованной в той же книжке «Записок», см.: Там же. С. 27–33.

есть свойственником самого князя²²⁵. Так как по «Повести временных лет» известно, что Добрыня был дядей Владимира Святославича Святого, а при Ярославе в Новгороде действовал «посадникъ Коснятинъ, с(ы)нь Добрынь»²²⁶, Д. И. Прозоровский выдвинул предположение, что Остромир был сыном Константина (тем более что оба упоминаются как княжеские посадники в Новгороде), и тогда он, действительно, оказывается родственником (троюродным дядей) князя Изяслава. Стоит сразу заметить, что в записи Григория упоминается также о семье Остромира: писец желает «мънога лѣт(а)» не только самому боярину, но и «подружю его Феофанѣ, и чядомъ ею, и подружимъ чядъ ею».

От Остромира Д. И. Прозоровский, вслед за М. П. Погодиным²²⁷ (хотя и не ссылаясь на него), тянул цепочку к Вышате, о котором в «Повести временных лет» есть упоминания под 6551 (1043) и 6572 (1064) гг. В первом случае говорится, что Ярослав Владимирович во главе войска, отправленного на Византию, поставил сына своего Владимира, а «воеводство поручи Вышатѣ, о(т)цю Яневу»²²⁸; во втором — сообщается, что князь Ростислав Владимирович (внук Ярослава и сын этого Владимира) «бѣжа» в Тмутаракань, причем Ипатьевская летопись добавляет, что вместе «с нимъ бѣжа Порей и Вышата, с(ы)нь Остромирь, воеводы Новгородского»²²⁹. Подразумевая, что речь идет об одном и том же лице, Д. И. Прозоровский и М. П. Погодин признавали Вышату сыном Остромира и отцом Яня. О каком Яне шла речь, для них никаких сомнений не было: это был известный Янь Вышатич, который несколько раз упоминается в летописи и на которого как на своего информатора ссылается составитель «Повести временных лет» в сообщении под 6614 (1106) г. о его смерти. М. П. Погодин и Д. И. Прозоровский также не только верили сообщению Софийской I и Новгородской IV летописей, что Путята, киевский воевода и тысяцкий, упоминаемый в «Повести временных лет», был братом Яня, но и допускали, что Янь тождествен Иоанну, боярину князя Изяслава Ярославича, которого Нестор в «Житии Феодосия Печерского» называет отцом Варлаама, постриженника Киево-Печерского монастыря, ставшего впоследствии игуменом киевского Дмитриевского монастыря (см. ниже).

Таким образом, усилиями М. П. Погодина и Д. И. Прозоровского (частично, впрочем, опиравшихся на предшествующую историографию) была выявлена видная боярская династия, которая насчитывала семь поколений и находилась в родственных отношениях с правящим домом Рюриковичей. При отождествлении Малка Любечанина (отца Добрыни и Малуши) с Мистишей выходило, что основа-

²²⁵ Остромирово евангелие, 1056–1057. Л.; М., 1988. Л. 294–294 об. Ср. исторический комментарий к записи: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. С. 14.

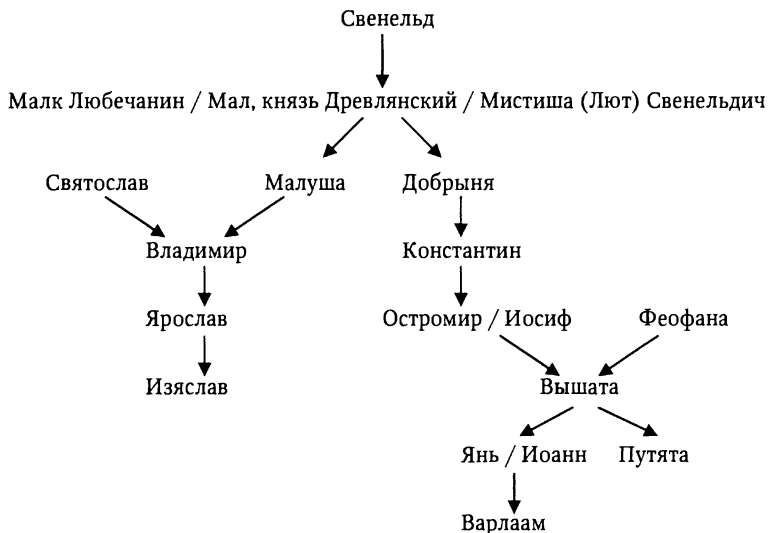
²²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 143 (6526 (1018) г.).

²²⁷ *Погодин М. П.* О наследственности древних санов... С. 78.

²²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 154. Как отец Яня Вышата еще упоминается в рассказе о столкновении Яня с волхвами в Белоозере (см. ниже).

²²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 152; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 163. В таком же виде известие читается в Новгородской I летописи младшего извода: НПЛ. С. 184.

телем этой династии был Свенельд, и тем самым она удревнялась еще на два поколения, а бояре — потомки Свенельда оказывались в родстве с Рюриковичами. Генеалогическое «древо» можно представить следующим образом:

Несмотря на критику построений А. А. Шахматова²³⁰ и некоторые спорные моменты в отдельных звеньях этой генеалогии, она в целом была принята в историографии (иногда с указанием о наличии доли гипотетичности в этих спорных моментах, иногда и без него)²³¹. Некоторые используют ее для подтверждения своих тезисов и идей. Например, Д. С. Лихачев с ее помощью обосновывал идею о «своеобразной устной летописи семи поколений», которая со слов Яны Вышатича была записана печерскими летописцами и вошла в состав «Повести временных лет»²³². Б. Д. Греков считал гипотезу Шахматова «вероятной» и думал, что Све-

²³⁰ Сомнения в их обоснованности были высказаны задолго до выхода в свет работы А. В. Соловьева — например, уже А. Е. Пресняковым в лекциях, которые он читал в 1907–1908 гг. в Санкт-Петербургском университете: *Пресняков А. Е. Лекции по русской истории: Киевская Русь // Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси...* С. 335 (1-е изд.: М., 1938; текст написан в окончательной редакции в 1915–1916 гг.).

²³¹ См., например, в новейших работах: *Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов...* С. 223–226; *Горский А. А. Древнерусская дружина.* С. 65.

²³² *Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.* М.; Л., 1947. С. 113. Ср. там же: «...устный источник летописцев — это родовые предания их друзей Яны и Вышаты». См. также: *Лихачев Д. С. Устные летописи в «Повести временных лет» //*

нельд «мог бы стать родоначальником новой династии князей киевских, если бы ему удалось одолеть Рюриковичей» (подобно Пипину Короткому, «одолевшему» Меровингов)²³³. В. Л. Янин, ссылаясь на принадлежность Константина и Остромира к «киевской» боярской династии, доказывает, что посадники в Новгороде в XI в. были «неновгородского происхождения»²³⁴.

Важно выявить все сомнительные пункты этой генеалогической конструкции, чтобы выводы относительно того, как складывались судьбы и карьеры бояр конца X — начала XI в., выглядели максимально надежными.

Отвергая идею А. А. Шахматова о тождественности Мистиши/Мала/Малка, из-за лапидарности летописных сообщений приходится отказаться от объяснения, кем был на самом деле Малк Любечанин, дети которого оказались в столь тесной связи с Рюриковичами. Однако едва ли может подлежать сомнению, что Добрыня занимал одно из виднейших мест при дворе Владимира Святославича²³⁵, а его сын Константин — в дружине одного из старших сыновей Владимира Ярослава. Вывод В. Л. Янина о том, что в течение XI в. посадники в Новгороде были такими же представителями княжеской власти, как и в других городах Киевской державы²³⁶, делает малоубедительными попытки представить Добрыню основателем «династии новгородских посадников»²³⁷, а Константина «признанным лидером новгородской общины»²³⁸. Тем не менее, во время событий 1018 г. Константин проявил самостоятельность по отношению к князю, вместе с новгородцами не позволив Ярославу бежать «за море» и настояв на продолжении борьбы за Киев²³⁹. Позднее он попал в опалу (см. выше).

Таким образом, эти данные свидетельствуют о преемственности службы бояр киевским князьям на протяжении двух поколений. На примере Константина хорошо видна зависимость карьеры, даже самой жизни боярина от князя, хотя угадывается и связь его с тем городом, который был для него, по-видимому, родным или, во всяком случае, наиболее близким.

Однако продолжить преемственность от Константина к Остромиру было бы, с моей точки зрения, не осторожно. Хотя запись дьякона Григория без сомнения говорит о родстве Остромира и князя Изяслава, но это родство совсем не обязательно надо возводить к роду Добрыни — оно могло образоваться и какими-то другими путями. Именно так поставил вопрос А. Поппэ, обратив внимание на

ИЗ. Т. 17. М.; Л., 1945. С. 209–211, 217–222. Лихачев опирался на исследования Шахматова, который считал, что Янь был информатором Печерских летописцев Никона и Нестора, и признавал тождество Вышат разных летописных известий (см.: *Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Разыскания... С. 316–317*).

²³³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2004. С. 379–380 (впервые: М.; Л., 1939).

²³⁴ Янин В. Л. Указ. соч. С. 76–77.

²³⁵ «Повесть временных лет» упоминает Добрыню в качестве воеводы и ближайшего советника Владимира, а также посадника в Новгороде: ПСРЛ. Т. I. Стб. 69, 79, 84, 299–300.

²³⁶ Янин В. Л. Указ. соч. С. 76–78.

²³⁷ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 203.

²³⁸ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С. 157–159.

²³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 143.

редкое имя «подружия», то есть супруги, Остромира — Феофана. Польский историк указывает, что под словом «близок» могло иметься в виду родство не по крови, а по браку, и, выдвигая серьезные доводы, предполагает, что женой Остромира была дочь Владимира и царицы Анны²⁴⁰.

Не вдаваясь в аргументацию А. Поппэ (не относящуюся сейчас к делу), замечу только, что пока вопрос о происхождении Остромира и его родственных связях с Рюриковичами продолжает оставаться открытым. Имея в виду этот вопрос, стоит также отметить, что опала Константина и смерть его в заточении должны были так или иначе сказаться и на его потомках. По материалам XIV–XV вв. известно, что отстранение боярина от службы «за гнев» князя или «за вину» перед ним означало для ближайших родственников и особенно потомков опального потерю статуса при дворе («места» по позднейшей терминологии). Восстановить этот статус было очень трудно, и удавалось это немногим²⁴¹. В этом случае трудно представить, как могло получиться, что сын опального и казненного боярина уже в относительно скором времени после смерти отца мог занять его должность.

О самом Остромире известно немного. В летописях, отразивших «Новгородско-Софийский свод», сообщается о его гибели во время похода на чудь (с неправильной датировкой)²⁴². В Ипатьевской и Новгородской I младшего извода летописях в уже цитированном известии о бегстве князя Ростислава, Вышаты и Порей в Тмутаракань (1064 г.) он представлен новгородским воеводой и отцом этого Вышаты. В общем, деятельность Остромира связана с Новгородом и с князем Изяславом Ярославичем (возможно, также с сыном Изяслава Мстиславом, который управлял Новгородом какое-то время между 1057 и 1067 гг. и при котором боярин мог быть воеводой²⁴³). Сын Остромира указан в дружине не Изяслава или его детей (как следовало бы ожидать), а его племянника Ростислава Владимировича. Это — первый достоверный факт нарушения преемственности боярской службы от князя-отца к сыну. К сожалению, так как неясно, откуда «бежа» Ростислав с боярами и по каким причинам²⁴⁴, невозможно и объяснить, почему произошло это нарушение.

Ростислав умер 3 февраля 1067 г.²⁴⁵ Как складывалась судьба членов его «дружины» (упомянутой летописью), неизвестно. Вплоть до 1081 г. неизвестна и судьба сыновей Ростислава (укрепившихся в конце концов в южноволянских княжествах — Перемышльском и Тербовльском). Порей упоминается в рассказе о битве на Сожице (1078 г.) среди погибших, по-видимому, в войске Всеволода

²⁴⁰ Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 102–120.

²⁴¹ См.: Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 468–469.

²⁴² ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. С. 118.

²⁴³ Янин В. Л. Указ. соч. С. 70–71.

²⁴⁴ См. обсуждение всех возможностей: Соловьев С. М. Указ. соч. // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. С. 340–342, 671; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Вид. 2. Т. II. Львів, 1905. С. 46, 75.

²⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 166.

Ярославича, тогда княжившего в Чернигове²⁴⁶. Каким образом Порей оказался в дружине Всеволода, непонятно²⁴⁷.

С Вышатою дело обстоит не намного яснее. В «Повести временных лет» Вышата дважды упоминается как отец Яня. Первый раз — в рассказе о походе русских на Византию под 6551 (1043) г. (см. выше), где специально сообщаются дополнительные подробности о героическом поведении Вышаты после бури, разметавшей русские корабли, и о его возвращении на Русь после заключения мира («по трехъ лѣтъхъ») ²⁴⁸. Второе упоминание содержится в первой фразе известного рассказа о столкновении Яня с волхвами в Белоозере, помещенного под 6579 (1071) г.: «В се же время приключися прити от С(вя)тослава дань емлющую Яневи, с(ы)ну Вышатину...» ²⁴⁹.

М. П. Погодин, а вслед за ним Д. И. Прозоровский и многие другие исследователи определяли Вышату, сына Остромира, бежавшего в Тмутаракань, и этого Вышату, отца Яня, как одно лицо. Помимо совпадения имени, в пользу этого отождествления говорит тот факт, что в походе 1043 г. Вышата действует под командованием Владимира Ярославича, а в 1064 г. бежит в Тмутаракань с сыном этого князя Ростиславом. Против показывает то, что в этих двух случаях Вышата упоминается с разными дополнительными обозначениями: то как «отец Янев», то как «сын Остромир». Этот факт казался решающим, например, Н. М. Карамзину, С. М. Соловьеву и М. А. Приселкову, которые говорили о двух разных боярах, носивших одно имя «Вышата» ²⁵⁰. Позднее были приведены и другие доводы против этого отождествления. Было указано на хронологические несообразности, возникающие при учете известия «Повести временных лет», что Янь умер в июне 1106 г., «живъ лѣт 90» ²⁵¹. Если верить этому известию, выходит, что Янь должен был родиться в 1017 г. Следовательно, его отец должен был родиться не позже первых лет XI в., а дед — никак не позже начала 980-х гг. В таком случае получается, что мы имеем дело с родом должжителей, каждый из которых ведет активную деятельность в весьма преклонных годах: Вышата в возрасте более 60-ти лет устремляется в Тмутаракань, а Остромир в 1056/1057 г. (время создания Остромирова евангелия) в возрасте не менее семидесяти пяти лет еще посадничал в Новгороде, а потом и предпринял поход на чудь, в котором нашел свою гибель. Кроме

²⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 200. В Лавр. имя Порей передано в испорченном виде, более правильные чтения дают Радз., Акад. и Ипат. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 191).

²⁴⁷ Перемены в статусе Тмутаракани также едва ли помогут вычислить «переходы» Порей. Известно только, что в 1077 г. в Тмутаракани сидел Роман, сын Святослава Ярославича, затем к нему туда пришли Олег Святославич и Борис Вячеславич (недовольные племянники Ярославичей). После смерти в 1079 г. Романа город переходил несколько раз из рук в руки разных князей (ПСРЛ. Т. I. Стб. 199, 204–205).

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 154.

²⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 175.

²⁵⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II. С. 244; Соловьев С. М. Указ. соч. // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. С. 358; Приселков М. А. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 51 (1-е изд.: Л., 1940).

²⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 281. См. текст всего летописного известия ниже.

того, Л. Мюллер обратил внимание на то, что пожелания долголетия, которые оставил в Остромировом евангелии дьякон Григорий, обращены в адрес посадника, его жены и их «чад» с «подружиями». По его мнению, под «чадами» надо понимать детей Остромира, но не внуков, и тогда заключить, что этих последних на тот момент (1057 г.) еще не было на свете²⁵². Правда, все эти доводы не обладают абсолютной силой: «долгожителство» представителей одного рода, пусть и с нагрузкой, все же допустимо; разные обозначения Вышаты в разных летописных известиях можно объяснить тем, что авторы этих известий, позднее попавших в один свод, были разные; наконец, «чада» можно понимать и в более общем смысле — не как дети, а как потомки²⁵³.

Таким образом, если не относить все известия «Повести временных лет» о Вышате к одному лицу, то цепь поколений, показанная выше в схеме, обрывается еще в одном звене. Однако в любом случае бесспорной остается связь между Вышатой, воеводой похода 1043 г., и Янем, боярином Святослава.

В известии о походе «на гръкы» Вышата выступает однозначно боярином князя Ярослава: именно Ярослав «воеводство поручи» Вышате, и тот именно «къ Ярославу» возвращается из византийского плена²⁵⁴. Очевидно, Вышата служил Ярославу и жил в Киеве (по крайней мере, в 40-е гг. XI в.). С Киевом также связывают и Яня первые известия, которые можно более или менее точно датировать. В «Сказании о перенесении мощей святого Феодосия» Нестор рассказывает, что в то время, когда Феодосий уже был игуменом в Печерском монастыре (настоятелем Феодосий стал в конце 50-х — начале 60-х гг., но вероятнее около 1062 г.), среди его «духовных сынов» был и Янь. Феодосий заходил и «въ домъ къ Янови и къ подружю (то есть жене. — П. С.) его Марии». Мария была даже удостоена «прореченья» — святой предрек, что ее похоронят рядом с ним²⁵⁵. Феодосий умер в 1074 г., значит, до этого времени Янь жил с семьей в Киеве.

Рассказ о волхвах в Белоозере, хотя и помещен в статью 6579 (1071) г., не имеет строгих хронологических указаний. В литературе предлагались разные варианты датировки описанных в рассказе событий, но, согласно последним предложениям, подкрепленным данными дендрохронологии, они имели место либо

²⁵² Подробнее см.: *Stender-Petersen A.* Остромир — Вышата — Янь: генеалогическая заметка // *Fog Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday*, the Hague 1956; *Müller L.* War Jan Vyšatič ein Enkel des Ostromir? // *Die Welt der Slawen*, Jhrg. III, 1958, H. 3. Немаловажное место в спорах вокруг происхождения Вышаты и Яня занимают вопросы истории текста «Повести временных лет», поскольку Янь прямо указан летописцем как его информатор, а в Вышате поставщика сведений летописцам предположил Шахматов. Вопросы текстологии и связь конкретных лиц с историей создания древнейших летописей здесь не обсуждаются.

²⁵³ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 1467–1468. Последний «контрдовод» высказан А. А. Гиппиусом (устное сообщение).

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 154.

²⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 212. Ср.: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 61.

осенью 1073 — весной 1074 г., либо осенью 1076 г.²⁵⁶. В эти годы Святослав, от имени которого действовал Янь, сидел как раз в Киеве. Принимая эту датировку, получаем еще одно свидетельство связи Яня с Киевом²⁵⁷.

Другие известия также показывают Яня в Киеве: под 6597 (1089) г. сообщает, что собор в Печерском монастыре был освящен «при бл(а)городньѣмъ князи Всеволодѣ», «воеводство держащу кыевьскыя тысяща Яневи»; под 6601 (1093) г. Янь упоминается среди «смысленых мужей» в дружине нового киевского князя Святополка Изяславича²⁵⁸. Наконец, в статье 6614 (1106) г. находим сразу два отдельных известия о Яне. Из-за того, что они трактуются в науке неоднозначно, приведу их целиком:

«В лѣт(о) 6614. Воеваша половци около Зарѣчьска и посла по них С(вя)тополкъ Яня {Вышатича и брата его Путятю} и Иванка Захарьича Козарина и угониша половцѣ [до Дуная] и полонъ отяша, а половцѣ {исъсѣкоша}. В се же лѣт(о) преставися Янь старецъ добрый живѣ лѣт 90 в старости маститѣ живѣ по закону Б(о)жью не хужий бѣ первых праведник. От него же и азѣ многа словеса слышах [яже вписахъ в лѣтописицѣ]. Бѣ бо мужь бл(а)гъ и кротокъ и смѣренъ, огрѣбаяся всякою вещи. Егоже и гробъ ес(ть) в Печерьском монастыри в притворѣ, идеже лежить тѣло его положено м(е)с(я)ца иуния въ 24...» (далее годовая статья продолжается другими известиями)²⁵⁹.

При первом взгляде на эти сообщения возникают уже знакомые сомнения: идет ли речь в них об одном и том же человеке, или же это два разных Яня. Н. М. Карамзин, судя по его описанию деятельности Яня Вышатича, думал, что в статье имеются в виду разные люди²⁶⁰. М. П. Погодин ясно высказался в том смысле, что киевский боярин Янь Вышатич первого известия не имеет никакого отношения к Яню, которому исполнилось в 1106 г. девяносто лет²⁶¹. С. М. Соловьев только высказал сомнения по этому поводу, однако разрешить их не сумел²⁶². После него в науке возобладал взгляд, что имеется в виду одно лицо. В частности, этого взгляда придерживался А. А. Шахматов. Дополнительные данные

²⁵⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 63–64.

²⁵⁷ Если принималась более ранняя датировка поездки Яня в Белоозеро, то выходило, что он должен был быть черниговским боярином, поскольку Святослав сел в Киеве только в 1073 г., а до этого княжил в Чернигове (см., например: *Приселков М. А.* Указ. соч. С. 51, 53). Однако такой ход рассуждений не учитывает то, что Яня связывали близкие отношения с Феодосием, по-видимому, задолго до смерти последнего; и если Феодосий заходил в «дом» к Яню, надо думать, что этот дом боярина находился именно в Киеве.

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 208, 219.

²⁵⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 281. Буквы, выделенные жирным шрифтом, в рукописи написаны киноварью. Слова, заключенные в квадратные скобки, взяты из Ипат. Слова в фигурных скобках в рукописи Ипат. приписаны над строкой или — те, что выделены курсивом, — на полях. Радз. и Акад. опускают слово «козарина» в первом известии.

²⁶⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II. С. 274.

²⁶¹ Погодин М. П. О наследственности древних санов... С. 80.

²⁶² Соловьев С. М. Указ. соч. // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. С. 396–397.

Ипатьевской летописи, заключенные здесь в фигурные скобки, А. А. Шахматов, отмечая их наличие в Новгородской IV и Софийской I летописях, относил к выделенной им 3-й редакции 1118 г. «Повести временных лет» (по его мнению, некоторые чтения этой редакции, в том числе и эти слова, лучше сохранились даже не в Ипатьевской летописи, а в летописях, восходящих к «Новгородско-Софийскому своду») ²⁶³. Сомнения относительно того, как мог человек в возрасте 90 лет предпринять тяжелый поход «до Дуная», попытался рассеять Д. С. Лихачев. Он посчитал, что указание на возраст Яня является здесь «эпическим определением преклонного возраста», и привел несколько параллелей из былин ²⁶⁴.

И все же сомнения остаются даже несмотря на убедительность вывода А. А. Шахматова, что сведения о Вышате, участнике похода 1043 г., и Яне, его сыне, были сообщены печерским летописцам именно тем Янем, некролог о котором помещен под 6614 г. Например, А. Поппэ, на чьи работы, касающиеся генеалогического древа «от Свенельда до Яня», мне уже не раз приходилось ссылаться, решительно отверг мнение о тождественности двух Яней в этой статье «Повести временных лет» ²⁶⁵. Он предположил, что в сообщении о смерти и похоронах Яня речь идет о монахе («старец добрый» — ср. греч. καλόγηρος, др.-русс. «кало(у)гер» ²⁶⁶) ²⁶⁷. Это предположение не лишено логики: киевский боярин, чьи рассказы были явно использованы печерскими летописцами, завершив светскую карьеру, отправился на покой в тот самый монастырь, с которым был давно и тесно связан (там же была похоронена и его жена в 1091 г.). В первом же известии годовой статьи 6614 г. речь идет о каком-то другом Яне, возможно, брате Иванка, потому что «Захарыча Козарина» можно понять и как двойственное число. Вставку отчества «Вышатич» и ссылки на Путятю можно объяснить как пояснение позднейшего летописца, «поправлявшего» оригинальный текст. Легко отвести и довод Д. С. Лихачева: вряд ли корректно сравнивать с былинами данное летописное место, где мы имеем погодную запись с точной хронологией в сочетании с церковным некрологом и где «эпические определения» явно неуместны.

С другой стороны, сам факт участия престарелого боярина в военном походе не кажется совершенно невозможным в свете других данных. Во всяком случае, летопись сообщает именно о таком факте несколько позднее: в статье 6655

²⁶³ Шахматов А. А. Повесть временных лет... С. 906. В более раннем «Обзрении русских летописных сводов XIV–XVI вв.» он только указывал, что эти слова были поздней правкой по «Владимирскому полихрону», не связывая их с редакциями «Повести временных лет» (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Шахматов А. А. Разыскания... С. 601–602).

²⁶⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 102–103.

²⁶⁵ Poppe A. Opowieść latopisarska o wyprawie «na Greków» w r. 1043 // Slavia Orientalis, 16, 1967, z. 4, s. 354, 356–357 (частично опубликовано на русском языке: Поппэ А. К чтению одного места в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. XXIV. Л., 1969. С. 54–57).

²⁶⁶ Словарь древнерусского языка... Т. IV. С. 195.

²⁶⁷ Впервые эта мысль была мельком высказана еще митрополитом Евгением (Болховитиновым): Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской церкви. Изд. 2-е. Т. II. СПб., 1827. С. 91.

(1147) г. сообщается о боярине Святослава Ольговича, что он умер во время похода: «и ту преставися добрый старецъ Петръ Ильичъ, иже бѣ отца его мужъ, уже бо от старости не можаше ни на конь всѣсти, бѣ ему лѣтъ 90»²⁶⁸. Правда, старость боярина отмечается здесь как нечто исключительное, и указывается к тому же, что она не позволяла ему даже сесть на коня, то есть полноценно исполнять службу, по крайней мере военную, он уже не мог. В этом сообщении обращает на себя внимание характеристика Петра Ильича как «доброта старца» — очевидно, эти слова не обязательно должны были иметь в виду именно «калугера»-монаха.

По-видимому, в конечном счете решающими в вопросе о Янях в этом известии должны стать текстологические аргументы относительно подлинности того пояснения, которое содержится в исправлениях и маргиналиях Ипатьевского списка и в летописях, отразивших «Новгородско-Софийский свод».

Не имея твердой уверенности в этом вопросе, трудно настаивать на том, что Янь Вышатич и Путята приходились братьями друг другу, хотя теоретически можно предположить, что даже если информация об участии Яня в походе 1106 г. неверна, тем не менее тот факт, что Путята был его братом, достоверен. Так или иначе, признание родственных отношений между этими двумя лицами ни в чем не противоречит тем данным, которые летопись сообщает о них. О Путяте известно, что он был «мужем» и воеводой у Святополка Изяславича в 1099²⁶⁹, 1100 и 1104 гг., а на момент смерти последнего (1113 г.) был киевским тысяцким и имел двор в Киеве²⁷⁰. При признании родственной связи Яня и Путяты выходит, что должность киевского тысяцкого последовательно держали лица одной семьи.

Наименее надежным представляется другое отождествление, распространенное в историографии: Яня, сына Вышаты, с боярином Иоанном, отцом Варлаама, игумена киевского Дмитриевского монастыря. Нестор в «Житии Феодосия», красочно описывая историю построения Варлаама в Печерском монастыре (которое, видимо, произошло в начале 1060-х гг.), называет этого Иоанна «первым» боярином князя Изяслава²⁷¹. Идентификация этих двух лиц была произведена публикаторами печатного Патерика 1661 г. Это издание, как известно, готовилось радением Иннокентия Гизеля в Киево-Печерском монастыре, где интересовались и ранним русским летописанием. Публикаторы, по всей видимости, обратили внимание на данные в Патерике и в летописи, свидетельствующие о близости Яня Вышатича Феодосию и Печерскому монастырю, и, с другой стороны, сопоставили летописные упоминания Яня (можно сказать, обильные по сравнению с единичными упоминаниями других бояр) с замечанием, что отец Варлаама был «первый» при дворе Изяслава. Кроме того, на публикаторов должно было оказать влияние первое печатное издание Патерика Сильвестра Коссова, где хотя и не бы-

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340.

²⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 272. Это сообщение содержится в «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» в статье под 6605 (1097) г., хотя на самом деле описанные в нем события относятся к 1099 г.

²⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 274, 280; Т. 2. Стб. 275–276.

²⁷¹ «Иже бѣ прьвыи у князя въ болярѣхъ имьньмь Иоанъ» (Успенский сборник... С. 83).

ло еще этой идентификации, но во всех случаях имя «Иоаннь» передавалось как «Jan»²⁷². Естественно, на Украине в XVII в. было само собой разумеющимся, что формы «Янь» и «Иоаннь» представляют собой вариации одного и того же имени. В итоге был сделан вывод, что Янь и был отцом Варлаама²⁷³. Удивительно, насколько популярной и живучей среди историков оказалась эта мысль, для которой, на самом деле, аутентичные источники не дают ровно никаких оснований²⁷⁴. В этих источниках нет и намека на связь Яня с Варлаамом или с Дмитриевским монастырем, а рассказ «Жития Феодосия» о появлении Варлаама в монастыре специально подчеркивает недовольство его родителей пострижением их сына и их враждебность по отношению к печерским старцам и не говорит — хотя это было бы вполне уместно, — что позднее эта враждебность сменилась доброжелательностью. В то же время в летописи фигурируют и другие лица, вполне подходящие для отождествления с боярином Иоанном, упомянутым в «Житии»: например, воевода Ярослава Иван Творимирич (участник похода 1043 г.) или Иван Жирславич, погибший в битве на Сожице (1078 г.)²⁷⁵.

Нельзя также не обратить внимания на то, что Янь Вышатич ни в летописи, ни в «Сказании о перенесении мощей Феодосия» не называется Иоанном или Иваном, а в известии 6614 г. «Янь» и «Иванко» приводятся рядом друг с другом как два разных имени. Более того, в Лаврентьевской и в большинстве случаев в Ипатьевской летописях имя боярина последовательно передается с мягкой «н» (Янь, Янев, Яневая и т. п.)²⁷⁶. Если считать, что это имя было формой христиан-

²⁷² Патерикон abo Żyoty ss. oyców pieczarskich... przez Silvestra Kossowa, w Kiiowie 1635. Str. 38, 72, 87, 89, 109.

²⁷³ «Блаженный сей Варлаам, иже бысть от благородных и христоролюбивых родителей рожден, сын Иоанна первого в Болярех Князя Изяслава и матере Марии, внук Вышаты славнаго и храбраго, правнук Остромира воеводовый...» (Патерик, или Отечник Печерский..., повелением Иннокентия Гизеля исправлен и типом изображен. Киево-Печерская Лавра, 1661. Л. 132). Как видно, был сделан и другой вывод, а именно, что Янь был не только сыном Вышаты, но и внуком Остромира. Основой послужили летописные данные. В Патерик был даже помещен летописный некролог Яню с соответствующими добавлениями об Остромире и пр. (Там же. Л. 91 об.). Этим было положено начало конструкции боярской династии семи поколений. Отмечу еще, что вслед поздней рукописной традиции было принято ошибочное чтение в одном месте Жития Феодосия с мнимым указанием на Иоанна / Яня. В Житии рассказывается о пожертвовании одним боярином трех возов хлеба и всеческой снеди в Печерский монастырь. В оригинале сказано, что это сделал «прѣже реченыи онѣ боляринь» — то есть «оний, тот боярин» (имелся в виду, видимо, незадолго до того упомянутый боярин Климент) (Успенский сборник... С. 109), а позднее эти слова были поняты как указание на боярина Иоанна: «прежреченныи Иоанѣ боляринь...» (Патерик Киевского Печерского монастыря. С. 41; Патерикон abo Żyoty... Str. 38; Патерик, или Отечник... Л. 69).

²⁷⁴ См., например, помимо указанных работ Погодина и Прозоровского: Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II. С. 244; Бутков П. Г. Оборона летописи Русской. Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840. С. 203, 417; Кучкин В. А. Указ. соч. С. 64.

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 154, 200.

²⁷⁶ На это обстоятельство внимание обратил А. Поппэ (устное сообщение).

ского (еврейского по происхождению) имени *Иоаннъ*, то на конце его следовало бы ожидать букву «ер» (ъ)²⁷⁷. Возможно, это говорит о том, что эти имена вообще никак не связаны. Оставляя решение этой проблемы лингвистам и специалистам по ономастике, замечу только, что, как показывают специальные исследования, ряд коротких (односложных) древнерусских имен, оканчивающихся на «ер» или «ерь», представляли собой первые части древних славянских двусоставных имен²⁷⁸. Если, например, *Хотъ* возводится к первоначальному *Хотъмыслъ* или *Хотимиръ*, то нельзя ли возвести *Янь* к *Янислав* или чему-то подобному²⁷⁹? Как бы то ни было с происхождением имени, отождествление бояр Яня Вышатича и Иоанна, отца Варлаама, нельзя признать убедительным²⁸⁰.

Обобщение тех данных о Яне, сыне Вышаты, которые представляются более или менее достоверными, приводит к выводу, что на протяжении своей карьеры он служил по крайней мере трем князьям: Святославу и Всеволоду Ярославичам и Святополку Изяславичу, причем именно в то время, когда они правили в Киеве. Выходит, князья в Киеве менялись, а боярин там оставался, переходя из дружины одного князя в дружину другого. Нет достоверных сведений, служил ли он Изяславу (правившему в Киеве в 1054–1068, 1069–1073 и 1077–1078 гг.), но это представляется вполне вероятным, тем более что отец Яня Вышата служил Ярославу, а значит, его сын, оставаясь в родном городе, скорее всего должен был продолжить службу у старшего сына Ярослава, занявшего после смерти князя Киев (напомню, что в 1054 г. Яню было 37 лет). Можно допустить, что Янь с самого начала попал в дружину Святослава Ярославича, но сохранял связи с Киевом и, оказавшись в городе со Святославом (весна 1073 г.), так и осел там. Но это допущение плохо вяжется с сообщением Нестора, что Янь с женой Марией тесно и, видимо, в течение долгого времени общались с Феодосием, который умер уже в мае 1074 г.

²⁷⁷ Стяжение «иоа» в «я» находит аналогии: например, др.-русс. Янька из Иоанна или Яким из Иоаким (см., например: ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Репринт изд. 1950 г. с приложениями. М., 2000. Издатель А. Кошелев. Указатель личных имен, с. 645–646, особенно примечание А. А. Гиппиуса на с. 646).

²⁷⁸ Гинке Г. Г. Древнейшие русские двусоставные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. Год 3-й. Вып. IV. СПб., 1893. С. 450–454.

²⁷⁹ Имя *Янислав* (*Ianislav*) известно в польских источниках с начала XIV в. (*Słownik staropolskich nazw osobowych*. Т. II. Wrocław etc. 1968. S. 403–409, 418; *Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych*. Cz. 2: *Nazwy osobowe pochodzenia chrześcijańskiego*. Kraków, 1995. S. 59–62). Это имя и еще ряд двусоставных имен с первой основой *Ян* существует в болгарском языке (*Ковачев Н. Честотно-этимологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия*. Вел. Търново, 1995. С. 577–579). Однако авторы словарей связывают все эти имена с христианским *Иоанн*.

²⁸⁰ В литературе встречаются и другие идентификации и «увязки» Яня Вышатича с лицами, известными из истории домонгольской Руси. Например, до сих пор имеет сторонников давняя догадка А. Ф. Вельтмана, что Янь — это поэт Боян из «Слова о полку Игореве» (*Вельтман А. Ф. Упомянутый «бо Янь» в «Слове о полку Игореве» есть старец Ян, упоминаемый Нестором // Москвитанин*. 1842. № 1; *Подлинчук Ю. В. «Слово о полку Игореве»: научный перевод и комментарии*. М., 2004. С. 294–295). Такого рода гипотезы имеют под собой слишком мало реальных оснований, чтобы их всерьез обсуждать.

Каким именно образом происходили перемены в службе Яня и оформлялись его «переходы», судить нельзя. Тот факт, что Яню удалось сохранить одно из видных мест в киевской элите в течение правления по крайней мере трех князей, можно объяснить только тем, что смены на киевском престоле происходили каждый раз (не считая вокняжения в 1068 г. Всеслава полоцкого) без военных действий, а в большинстве случаев по соглашению Ярославичей или их детей, и при этом киевские «мужи» переходили, так сказать, по наследству от отца к сыну, от брата к брату или от дяди к племяннику. В этом плане очень показательны упоминания летописи в двух статьях 1090-х гг. о том, что у внуков Ярослава служили бояре Ярославичей, причем в одном случае как раз в связи с Янем. Под 6601 (1093) г. рассказывается, как Святополк Изяславич, недавно вокняжившийся в Киеве после смерти Всеволода, допустил ряд ошибок в отношениях с половцами. Начал он с того, что заточил половецких послов, «не здумавъ с болшею дружиною отнею и строя своего, но свѣтъ створи с пришедшими с нимъ». Святополк, таким образом, советовался с теми боярами, которые пришли с ним из Турова (где он сидел до прихода в Киев), а не с боярами его отца Изяслава и его дяди Всеволода, которые, выходя, остались в Киеве и вошли в дружину Святополка. В этой же статье далее среди «смысленых мужей» этой «большей дружины» упоминается как раз Янь Вышатич. Под 6604 (1096) г. передается призыв Святополка и Владимира Всеволодовича Мономаха, обращенный к их двоюродному брату Олегу Святославичу, положить «порядъ» «пред мужи отец нашихъ» — очевидно, у всех трех братьев в дружинах состояли бояре их отцов²⁸¹.

Судьба Яня свидетельствует о крепости связей бояр с тем городом, где из поколения в поколение осуществлялась их служба и частная деятельность и где находилась их собственность (ср. упоминание «дома» Яня в «Житии Феодосия»). Новым или традиционным было это явление, судить трудно. Как можно было заметить, некоторая связь с Киевом прослеживается в судьбе Свенельда; связь с Новгородом демонстрирует преемственность в исполнении должности тамошнего посадника от Добрыни к его сыну Константину. Однако фиксируются и смены «дислокации» бояр (Порей и Вышата, сын Остромира). Делать какие-либо выводы о «роде» Яня в настоящее время трудно. Его генеалогическое «дерево» в том виде, в каком оно было представлено выше, является гипотетической конструкцией, построенной с помощью ряда малообоснованных допущений и предположений. Достоверными можно признать только родственные отношения между: 1) Свенельдом, Лютом и Мистишей, 2) Добрыней и Константином, 3) Остромиром и Вышатой, бежавшим в 1064 г. в Тмутаракань, 4) Вышатой, участником похода 1043 г., и Янем, связанным с Киево-Печерским монастырем, а также, вероятно, Путятюй, киевским тысяцким в 1113 г. Возможными остаются отождествление Вышаты, «отца Яня», и Вышаты, «сына Остромира», и, вследствие этого, родство между Остромиром и Янем.

Более достоверной выглядит другая родословная — та, о которой сообщается в Киево-Печерском патерике в рассказе о строительстве Успенской церкви в Печерском монастыре, по-видимому принадлежащем перу епископа Симона (начало

²⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 218, 229–230.

XIII в.). Здесь говорится об особенной «любви к святому тому месту» варяга Шимона, который был сыном некоего Африкана и племянником Якуна — варяга, который, согласно «Повести временных лет», участвовал в Лиственской битве (1024 г.) на стороне Ярослава²⁸². Шимон, изгнанный из родной земли, тоже пришел к Ярославу, который «его же приемъ въ чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будет старей у него». Когда точно это произошло, неизвестно, но в Патерике рассказывается, что Шимон, будучи в дружине Всеволода, участвовал в битве на Альте (1068 г.). Сын Шимона Георгий служил Владимиру Мономаху и был «послан» им в Суздальскую землю, причем князь «дасть же ему на руку и сына своего Георгия», то есть Юрия Владимировича «Долгорукого»; «по лѣтех же мнозѣх съдѣ Георгий Владимировичъ въ Киевѣ, — продолжает далее автор патерикового рассказа, имея в виду княжение Юрия в Киеве (1149–1151, 1154–1157 гг.), — тысяцкому жъ своему Георгиеви, яко отцу, предать землю Суждальскую»²⁸³. Отдельный рассказ посвящен еще «окованию» раки Феодосия на средства Георгия, причем упоминаются и другие его жертвования в монастырь и даже приводится текст вкладной грамоты («епистолий») тысяцкого²⁸⁴. В конце этого рассказа епископ Симон замечает, что «правнуци» тысяцкого «любовь имѣють къ святому Дмитрею, ту бо имѣють мѣсто свое въ немъ», подразумевая, видимо, Дмитриевскую церковь в Суздале, бывшую, вероятно, подворьем Киево-Печерского монастыря²⁸⁵.

В этом случае видна не только преемственность боярской службы, но выясняется также, что бояре могут оказаться в дружине князя-сына по приказу князя-отца: так, Ярослав «дасть» Шимона в дружину своему (не старшему) сыну Всеволоду, а Владимир Всеволодович послал Георгия Шимоновича с Юрием, также не старшим среди его сыновей. Очевидно, не было жестких правил относительно того, в дружине которого из сыновей правящего (или умершего) князя могли оказаться его бояре.

Рассмотрим данные «Повести временных лет» и современных ей источников о других лицах, принадлежащих к боярско-дружинным кругам, которые сами или представители родов которых служили разным князьям или же, напротив, соблюдали преемственность в службе.

²⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 148.

²⁸³ Патерик Киевского Печерского монастыря. С. 3, 5.

²⁸⁴ Там же. С. 62–64. В «епистолий» Георгий рассказывает о чуде, которому он был свидетелем, когда приходил во время конфликта Юрия суздальского с Изяславом Мстиславичем к Киеву «с половъци», имея в виду, по-видимому, поход Юрия 1149 г. Данные Патерика подтверждаются, в частности, известием Ипатьевской летописи под 6638 (1130) г.: «Георгии ростовьскыи (ХП добавляють: Шимонович. — П. С.) и тысячкою окова гробъ Феодосьевъ игумена Печерьскаго...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293).

²⁸⁵ Там же. С. 64. Есть и другие, правда, менее надежные данные, которые позволяют думать, что «правнуци» Георгия осели в Суздальской земле и, может быть, даже имели отношение к известному московскому боярскому роду Вельяминовых, см.: *Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977.*

«Повести» известен Ратибор как посадник князя Всеволода в Тмутаракани (в 1079–1081 гг., когда Всеволод сидел в Киеве), а затем соратник Владимира, сына Всеволода, в Переяславле (1095 г.) и его доверенное лицо на съезде в Уветичах (1100 г.)²⁸⁶. В Русской Правде пространной редакции Ратибор выступает как тысяцкий Владимира Всеволодича Мономаха, вокняжившегося в Киеве, при принятии «Устава о резах» (1113 г.) (см. ниже). Известны его сыновья: Ольбег, который был вместе с отцом в 1095 г.²⁸⁷, и Фома (не исключено, впрочем, что это два имени одного лица). Фома Ратиборич в 1116 г. предпринял поход на Дунай с сыном Владимира Вячеславом, а в 1121 г. был посадником в Червене, когда город пытался взять Ярослав Святополчич с поляками²⁸⁸. Так как Червен входил во Владимиро-Волынское княжество, а в это время там княжил Андрей, другой сын Мономаха, надо заключить, что Фома посадничал в этом городе от имени Андрея. Эта «династия» демонстрирует прямую зависимость от тех князей, кому служили ее представители: Ратибор перемещается из Киева в Переяславль и снова в Киев вместе с князем-отцом (Всеволодом) и князем — старшим сыном (Мономахом), а Фома Ратиборич служит младшим сыновьям последнего (весьма вероятно, что Фома был боярином Мономаха, который посылал его в разные места как опытного воеводу с молодыми княжичами).

Известно несколько печатей с надписью «от Ратибора» и изображением на другой стороне св. Климента. Печати приписываются боярину Всеволода и Владимира на основании их «хронологической последовательности в сочетании с топографией их находок» (скорее всего, Ратибор ими запечатывал свою корреспонденцию). Сомнительным выглядит, правда, отождествление, которое В. Л. Янин предлагает, отталкиваясь от изображения св. Климента. Ратибор, по его мнению, это одно лицо с боярином князя Изяслава Климентом, о котором рассказывается в «Житии Феодосия» как о духовном сыне Феодосия и вкладчике Печерского монастыря²⁸⁹. Никаких оснований для этой идентификации нет (например, указаний в житии о связи Климента с Переяславлем или свидетельств в летописи о связи Ратибора или его сыновей с Печерским монастырем и т. п.), кроме совпадения имен. Но одного этого совпадения недостаточно для достоверного заключения, тем более что позднейшие списки «Жития Феодосия» в составе Киево-Печерского патерика называют совсем другое мирское имя Климента, почитателя Феодосия, — Здеслав Ггеувич²⁹⁰.

Более или менее надежно восстанавливаются несколько поколений потомства братьев Чудина и Туки²⁹¹. В «Повести временных лет» Чудин упоминается как

²⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 204, 227–228, 274.

²⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 228. Ипат. дает его имя как «Ельбъхъ», а Хлеб. и Погод. списки — «Елбъгъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 218).

²⁸⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284, 286.

²⁸⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 60–64.

²⁹⁰ «Ггеувичъ Здеславъ — сиче бо прежде имя ему» (Патерик Киевского Печерского монастыря. С. 39; ср.: Успенский сборник... С. 105).

²⁹¹ Впервые замечены Погодиным: *Погодин М. П.* О наследственности древних санов... С. 78.

владелец двора в Киеве, который послужил топографическим ориентиром летописцу-автору рассказа о мести Ольги древлянам (писавшему, видимо, в конце XI в.), а также как боярин, который «держал» Вышгород в 1072 г. (тогда, когда в Киеве княжил Изяслав)²⁹². Он же фигурирует среди тех бояр, которые вместе с тремя Ярославичами (Изяславом, Святославом и Всеволодом) — очевидно, в качестве их доверенных лиц — принимали дополнения к Русской Правде (так называемая Правда Ярославичей или «Домениальный устав»). После статьи 18 Краткой редакции Русской Правды в заголовке следующего раздела князя с боярами перечислены следующим образом: «Правда уставлена Руськои земли егда ся съвокупилъ Изяславъ Всеволодъ Святославъ Коснячко Перенѣгъ Микыфоръ Кыянинъ Чюдинъ Микула»²⁹³.

В литературе нет согласия относительно того, когда и где именно собирались Ярославичи для издания законов (есть даже мнение, что было два законодательных съезда братьев). Более распространенным и, с моей точки зрения, более убедительным является мнение, что они собирались после смерти Ярослава в правление Изяслава, скорее всего, в 1072 г. в Вышгороде (когда они оказались там в связи с перенесением мощей Бориса и Глеба)²⁹⁴. Принимая это мнение и учитывая, что Коснячко и Никифор упоминаются в летописи как киевские бояре²⁹⁵, надо рассматривать появление имени Чудина в перечислении бояр как вполне естественное (в качестве вышегородского посадника). Не совсем ясно, следует ли из этого перечисления (прочитываемого намеренно без орфографических знаков) заключить, что Чудин и Микула — это разные лица, или же — это один человек, поименованный его мирским и христианским именами. Более вероятным выглядит все-таки первый вариант прочтения, на котором настаивал М. Н. Тихомиров и в пользу которого позднее М. Б. Свердлов привел некоторые дополнительные аргументы²⁹⁶. Правда, А. А. Мединцева принимает второй вариант²⁹⁷, и отождествление Чудина и Микулы позволяет ей идентифицировать принадлежность надпи-

²⁹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 55, 182.

²⁹³ Правда Русская. Т. I: тексты. М.; Л., 1940. С. 71, 398.

²⁹⁴ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 47, 63–65, 75, 78, 198; ср.: Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 21–30; Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 123, 193–195.

²⁹⁵ Коснячко в 1068 г. был воеводой Изяслава. Двор Никифора в Киеве указан, как и двор Чудина, топографическим ориентиром в рассказе о местах Ольги (ПСРЛ. Т. I. Стб. 55, 171). О Перенеге данных нет.

²⁹⁶ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде... С. 63–65; Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 22–23. Тихомиров отождествлял Микулу с вышегородским огородником Жданом, известным из «Сказания чудес Романа и Давыда»: «старѣишина огородьникомъ, зовом же бяше Жъданъ по мирьскууму, а въ хръщении Никола» (Успенский сборник... С. 63).

²⁹⁷ Его считал правильным и А. А. Зимин, который относил заголовок Правды Ярославичей в Краткой редакции к первому съезду Ярославичей при жизни Ярослава, а к 1072 г. относил только постановление Ярославичей об отмене кровной мести, которое сопровождается другим заголовком в Пространной редакции (Зимин А. А. Указ. соч. С. 123, 193). Построения Зимина явно искусственны и базируются на целом ряде натяжек.

си на лестнице или хорах новгородского Софийского собора, автор которой обращался к святой Софии, как считает исследовательница, 1 ноября 1052 г. и просил помиловать некоего «Нико[ло]у пр(и)шъльца ис Кы(е)ва града [от с](в)оего кън(я)зя Ъ(р)ослава». По мнению А. А. Медынцевой, этим «пришлецом» был Чудин, которого послал управлять Новгородом Ярослав после смерти своего сына Владимира²⁹⁸. Хотя датировка надписи и указание тех причин, по которым она могла быть составлена, выглядят достаточно убедительно, идентификация Николаы именно с Чудином не может быть доказана хотя бы просто потому, что мы знаем слишком мало бояр середины — второй половины XI в. по именам и, особенно, по их христианским именам. Отождествления такого рода всегда будут гипотетичны.

Согласно «Повести временных лет», братом Чудина был Туку. Он упоминается в рассказе о восстании в Киеве в 1068 г., когда после поражения от половцев туда прибежали Изяслав и Всеволод. Рассказав о вече, созванном киевлянами, летописец описывает, что происходило на «княже дворе»: «Изяславу же съдящю на сънехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ стояще долѣ, князю же из оконца зрящю и дружинѣ стоящю у князя, реч(е) Туку, братъ Чудинѣ, Изяславу...» и т. д.²⁹⁹. Хотя С. М. Соловьев допускал, что Туку мог принадлежать к дружине прибежавшего в Киев Всеволода³⁰⁰, упоминание в процитированных словах летописи «своей дружины» при Изяславе однозначно указывает на Туку как на дружинника старшего Ярославича.

Второй раз в «Повести» Туку отмечен в числе погибших в битве на Сожице (1078 г.), где встретились полки Всеволода, вышедшего из Чернигова, с одной стороны, и Олега Святославича и Бориса Вячеславича, шедшими с половцами из Тмутаракани, — с другой³⁰¹. Поражение в битве потерпел Всеволод, и, видимо, следует полагать, что Туку был именно в дружине Всеволода. Таким образом, в то время, как тот князь, в дружине которого Туку состоял десять лет назад, был еще жив, боярин оказывается на службе у его брата. Когда и при каких обстоятельствах произошел этот «переход», можно только гадать; возможно, это случилось тогда, когда Изяслав уходил в Польшу (в 1069 и 1073 гг.), а может быть, и в 1077 г., когда Всеволод в течение нескольких месяцев по смерти Святослава и до прихода из-за рубежа Изяслава сидел в Киеве³⁰². Однако важно отметить сам факт «перехода», сопоставимого с бегством Вышаты, сына Остромира, в Тмутаракань.

В составе Пространной редакции Русской Правды присутствует так называемый «Устав о резах», принятие которого приписывается Владимиру Мономаху и который вводится следующим заголовком: «Володимѣрь Всеволодичъ по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмь, Ратибора киевского тысячьского,

²⁹⁸ Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М., 1978. С. 114–124.

²⁹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 171.

³⁰⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. С. 359.

³⁰¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 200.

³⁰² ПСРЛ. Т. I. Стб. 199.

Прокопью бѣлогородьского тысячьского, Станислава переяславьского тысячьско-го, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и устави до третьяго рѣза» и т. д.³⁰³ Список бояр упоминает, помимо уже знакомого нам Ратибора (см. выше), некоего Иванка Чудиновича, которого хотелось бы связать с Чудином, боярином Изяслава. Правда, это упоминание, а следовательно и сближение Иванка и Чудина, требует некоторых объяснений. Дело в том, что не очень понятно, как Иванко, «Ольгов муж», то есть боярин князя Олега Святославича (другого князя с именем Олег не известно во времена Мономаха), мог оказаться в составе этого «законодательного собрания» Владимира с «дружиной своей», то есть боярами, которые служили Мономаху. Некоторые исследователи допускают, что Иванко в момент принятия «устава о резах» состоял на самом деле в дружине Владимира, но был поименован «мужем» Олега потому, что служил тому ранее³⁰⁴. Такое допущение предполагает, что Иванко перешел к Владимиру, выступающему в заголовке «Устава» киевским князем, после смерти Олега 1 августа 1115 г. Но тогда ко времени после 1 августа 1115 г. надо относить и съезд «дружины». Между тем, принятие «Устава» вполне обоснованно связывается с более ранним временем, а именно с киевским восстанием после смерти Святополка, которое прекратилось с вокняжением в Киеве Владимира (апрель–май 1113 г.) и которое и привело к урегулированию процентных ставок («резов»)³⁰⁵. В этом случае надо понимать указание на связь Иванка с Олегом прямо, то есть как на действительные в тот момент служебные отношения, и искать объяснение тому, почему «Ольгов муж» оказался на собрании дружины Мономаха. Объяснить это можно, если принять предположение В. А. Кучкина, что последние годы перед смертью Олег княжил в Вышгороде и рассматривался как следующий после Владимира претендент на киевский «стол»³⁰⁶. В самом деле, Мономах вел тогда согласованную политику с Олегом и Давыдом Святославичами, и послыл старшим из братьев, сидевшим в Вышгороде, своего представителя в Берестово для принятия мер по умиротворению Киевской земли, выглядит вполне естественно. Не менее естественной в этом случае является и связь Иванка, представлявшего вышгородского князя, с Чудином, посадничавшим в Вышгороде в свое время от имени Изяслава Ярославича. Нет возможности судить, каким именно образом получилось так, что сын боярина, состоявшего в дружине Изяслава, и племянник боярина, перешедшего в дружину Всеволода, оказался на службе сына Святослава, третьего Ярославича. Но в принципе ничего удивительного в этом нет, поскольку каждый из «триумфиров» успел посидеть в Киеве, а связь бояр с определенным городом была в то время, как мы видели на примере Яня Вышатича, нормальным явлением.

Имена других бояр в заголовке «Устава о резах», к сожалению, трудно увязать с именами, упоминаемыми в летописи. Некоторые основания для «увязки» есть

³⁰³ Правда Русская... С. 110, 424–425.

³⁰⁴ См., например: *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов... С. 227.

³⁰⁵ См., например: *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде... С. 209.

³⁰⁶ *Кучкин В. А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // ОИ. 2003. № 3. С. 75.

только в отношении Станислава, переяславского тысяцкого. В летописном рассказе о распре в 1135 г. «Володимиричей», то есть сыновей Владимира Мономаха, во главе с Ярополком киевским и «Ольговичей», то есть сыновей Олега Святославича, говорится о многих «боярах киевских», которых Ольговичи «изымаша» в битве на Супое. Сказано, что среди прочих взяли в плен и «Станислава Доброго Тудьковича» или, по Хлебниковскому списку, — «Туковича»³⁰⁷. Поскольку имя Тудько в Древней Руси не зафиксировано³⁰⁸, а Хлебниковский список дает и другие уникальные чтения, которые не обязательно могут быть ошибочными, можно признать этого киевского боярина сыном Туку³⁰⁹. Тогда он оказывается двоюродным братом Иванки Чудиновича, и этот факт позволяет думать, что два этих боярина неслучайно оказались вместе на съезде, принявшем «Устав о резах». Если в 1113 г. Станислав был в дружине Мономаха, то вполне естественно увидеть его в 1135 г. на службе у Ярополка, на тот момент старшего из сыновей Владимира. Признавая эту связь, следует констатировать, что сложности родственных отношений Рюриковичей проецировались на отношения служащей им знати: в данном случае мы видим, что двоюродные братья состояли на службе князей, которые хотя и приходились друг другу также двоюродными братьями, но стали основателями двух княжеских ветвей, борьба между которыми пройдет красной нитью через дальнейшую историю домонгольской Руси.

Присутствие Станислава в дружине Мономаха выглядит логичным еще и потому, что его отец, Туку, погиб, служа отцу Мономаха Всеволоду. В этом случае мы наблюдаем преемственность службы — от князя-отца к старшему княжичу. Опять есть некоторые, хотя и далеко не бесспорные, основания эту преемственность продолжить дальше. Под 6656 (1148) г. сообщается, что в дружине сына Юрия Владимировича суздальского Глеба, которого отец послал в Южную Русь на помощь Ольговичам и который пытался вокняжиться в Переяславле Южном, был некий Станиславич. Тогда, в 1148 г., Глеб пытался взять Переяславль, где сидел в тот момент Мстислав, сын киевского князя Изяслава Мстиславича, уже во второй

³⁰⁷ Т. II. Стб. 298. В Лавр. также «Тудьковича», а Радз. и Акад. дают другие варианты: «Тютьковича» и «Тютьковича» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 304). Текст Ипат. в этом известии первичен по сравнению с Лавр. (Насонов А. Н. История русского летописания... С. 88–89). В Московском летописном своде конца XV в. — «Дутковича» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 33).

³⁰⁸ Тушков Н. М. Словарь древнерусских собственных имен. С приложениями. М., 2005. С. 460; ср. с. 846–847 (1-е изд.: СПб., 1903). В Лавр. и Ипат. в списке русских послов русско-византийского договора 944 г. упоминается «Кары Тудковъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 46; Т. II. Стб. 35). Однако это, по всей видимости, ошибка, а правильным является чтение Радз. и Акад. «Студековъ», которое возводится к скандинавскому имени (см.: Томсен В. Указ. соч. С. 224). Имя Туку также скандинавское по происхождению (см.: Там же. С. 225). Теоретически можно было бы предположить, что Тудько — это гипокористика от Тудоръ (подобно тому, как образовано Федко от Федор). Однако от этого имени, распространенного в Древней Руси, зафиксирована только одна уменьшительная форма — Тудорько.

³⁰⁹ Таким же образом рассуждает П. В. Лукин: Лукин П. В. «Нам неволя: зажегше град свои, ступим в Гречьску землю». К интерпретации статьи Повести временных лет под 6577 г. // *Rossica Antiqua*. СПб., 2007. Т. 1. С. 245.

раз. В первый раз, еще в 1147 г., Глеба звал туда один из его бояр, который говорил: «пойди Переяславлю, хотя ты тебе переяславци». Второй раз Глеб уже сам «свѣщаея с переяславци». Оба раза Мстислав отстоял город, и во второй раз Глеб уже догадался, что его переяславцы «прельстили». Вторую атаку Глеба Мстислав отбил с «полком своимъ с переяславци»: они Глебову дружину, «постигающе», «изоимаша, а другыя избиша, и Станиславич(а) ту яша и казниша казнью злою...»³¹⁰.

Последнее замечание о казни дружинника «казнью злою» заставляет предположить, что с ним у Мстислава и переяславцев были какие-то свои особенные счеты. Легче всего объяснить их тем, что Станиславич происходил из Переяславля, но по каким-то причинам не поладил с Мстиславом и пытался привести в город Глеба Юрьевича (Глеб, как внук Мономаха, имел теоретически такие же права на Переяславль, что и его двоюродный брат Изяслав Мстиславич, — для них это была общая «отчина»). В этом случае обнаруживается связь между этим Станиславичем и тем Станиславом, который был когда-то переяславским тысяцким. Таким образом, оставляя под вопросом связь Туки и Станислава, гипотетически можно восстановить историю службы трех поколений бояр четверем поколениям князей: Туки — Всеволоду, Станислав — Владимиру и Ярополку, Станиславич — Глебу Юрьевичу. Причем два младших поколения этого боярского рода, связь которых между собой как раз более вероятна, обнаруживают тяготение к одному городу — Переяславлю. Последний представитель рода завершил собственную (и, видимо, родовую) служебную карьеру крайне неудачно: его стремление сместить со «стола» в родном городе одного князя и посадить другого было расценено, очевидно, как измена, и за это его постигло суровое наказание.

Возвращаясь к списку бояр Пространной редакции Русской Правды, отмечу, что в литературе делались попытки либо идентифицировать некоторых лиц, упомянутых позднее в летописи, с Прокопием, Нажиром и Мирославом, указанными в этом списке, либо выявить их потомков. Например, было указано на упоминания в связи с событиями 1146 г. в Киеве (об этом см. ниже) Мирослава Андреевича, Мирослава, Хилича внука, Гюргя Прокопича и других бояр³¹¹. Указывалось и на позднее отмеченных Киевским сводом конца XII в. Жирослава Нажировича и Ивора Мирославича³¹². Возможности для такого рода идентификаций для времени с начала XII в. увеличиваются, поскольку возрастает объем и детальность летописного текста, упоминается и больше имен, а с другой стороны, в XII в. с ростом количества князей и княжеств растет количество дружин, а значит, и численность боярско-дружинной элиты. Например, в связи с теми же событиями княжеской борьбы за Киев в 1146–1147 гг. упоминается довольно много бояр, которых исследователи неоднократно пытались «увязать» с другими героями летописи. Так, Василь Полочанин отождествлялся с Василем, действовавшим во время правления в Киеве Святополка Изяславича, а Жирослав Васильевич или

³¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 359–360, 363–364; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 319.

³¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321, 325, 327.

³¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 505, 619.

Гавриил Васильевич (упомянуты в 1158 г.) назывались его детьми³¹³. Лазарю Саковскому находили сына в лице Андрея Лазаревича, показанного в той же статье 6654 (1146) г. погибшим при осаде Новгорода-Северского и т. д.³¹⁴. Пытались также связать новгородских бояр, чьи сравнительно многочисленные имена приводятся в новгородских летописях с начала XII в., с участниками событий в Южной или Северо-Восточной Руси. Например, искали родственной связи между Завидом, боярином Владимира Мстиславича, упомянутым в 1167 г., и Завидом Дмитриевичем, новгородским посадником (1128 г.)³¹⁵; Жирослав, служивший Юрию Долгорукому в 1140–1150-х гг. (ср. ниже), отождествлялся с новгородским посадником Жирославом (1171 г.) и т. д.³¹⁶.

Однако все эти сближения и идентификации более или менее гипотетичны, и на них сложно строить какие-либо доводы относительно преемственности в службе бояр или же их переходов. К сожалению, такого рода «увязки» и отождествления, предложенные историками XIX в., впервые пытавшимися обобщить каким-то образом эпизодические и разбросанные сведения о боярах летописей и других письменных памятников, в работах некоторых современных исследователей не были поставлены на более прочную основу. Так, М. Б. Свердлов, используя метод реконструкции генеалогий по «наличию традиционных имен в княжеских и боярских семьях», пришел, например, к выводу о «существовании знатной семьи потомков Ивана Творимирича, воеводы Ярослава Мудрого..., служившей киевским князьям на протяжении 130 лет»³¹⁷. Единственным основанием для этого вывода послужило совпадение имен: в рассказе о походе 1043 г. (ср. выше) упомянут воевода Иван Творимирич, а в сообщении о взятии Киева в 1169 г. — некий Иванко Творимирич в дружине князя Мстислава Изяславича³¹⁸. Не возражая в принципе против мысли о том, что в знатных родах могли использоваться одни и те же или похожие имена из поколения в поколение, думаю, тем не менее, что одного совпадения далеко не уникальных имен, разделенных периодом в 126 лет, недостаточно для генеалогической реконструкции.

Более вероятными, но всё же, с моей точки зрения, не полностью убедительными выглядят сближения, предложенные недавно А. А. Гиппиусом. Отталкиваясь от некоторых наблюдений над древнерусской антропонимикой и сопоставляя данные летописи с новгородскими берестяными грамотами и другими источниками, исследователь пытается обосновать мысль, высказанную впервые А. А. Молчановым, что целый ряд представителей новгородского боярства (и даже едва ли

³¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 247–248, 325, 497.

³¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 331.

³¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 536; НПЛ. С. 21–22.

³¹⁶ См. прежде всего в работах М. П. Погодина, С. М. Соловьева и М. Б. Свердлова: *Погодин М. П.* О наследственности древних санов... С. 78–79, 94–95; *Соловьев С. М.* Указ. соч. // *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. I. С. 482–483; *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов... С. 229–231.

³¹⁷ *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов... С. 229.

³¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 544. Свердлов дает неправильную датировку события (1171 г. вместо верного 1169 г., см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 181).

не большинство посадников) XII — начала XIII в. происходили из одного рода, который основал швед Рёгнвальд Ульвссон, прибывший на Русь с Ингигерд, женой Ярослава Мудрого, и получивший в управление Ладогу³¹⁹. Не буду разбирать здесь довольно сложной конструкции, которую предлагает А. А. Гиппиус (и которую во многих частях он сам рассматривает пока скорее как гипотезу), поскольку большая ее часть относится к Новгороду; коснусь только двух ее взаимосвязанных элементов, основанных на данных, происходящих из южнорусского летописания.

С одной стороны, исследователь развивает давнее предположение, основанное на совпадении имен, что Рагуил Добрынич, боярин Владимира Мстиславича (сына Мстислава Великого), упомянутый при описании перипетий княжеской борьбы за Киев в 1147 и 1167 гг., был сыном Добрыни Рагуиловича, указанного в новгородской дружине Мстислава Владимировича под 6604 (1096) г.³²⁰ По его мнению, Добрыня Рагуилович тождествен новгородскому посаднику Добрыне (1118 г.), а Рагуила Добрынича надо идентифицировать с ладожским посадником Рагуилом (1132 г.)³²¹. С другой стороны, А. А. Гиппиус, исходя главным образом из сближения имен *Рагуил* и *Рогволод*³²², заключает, что Добрыня *Рагуилович* и известный новгородец Гюрята *Рогович* (трактуются как гипокористическая форма от *Рогволодич*), информатор составителя «Повести временных лет»³²³, приходились друг другу братьями (и именно они и были прямыми потомками, возможно, сыновьями Рёгнвальда). Поскольку весьма вероятно, что Гюрята Рогович — это одно лицо с новгородским посадником начала XII в. Гюряттой, а этот Гюрята приходится отцом посаднику Мирославу Гюрятиничу (1126, 1132–1136 гг.) и дедом — посаднику Якуну Мирославичу (впервые упоминается в 1137, последний раз — в 1176 г.)³²⁴, то в таком случае в лице этих последних Рагуил Добрынич получает двоюродных брата и племянника. Не останавливаясь на этом и снова обращаясь к киевскому летописанию, А. А. Гиппиус находит и потомков Мирослава в уже упоминавшихся списках бояр — участников киевских событий 1146 г., а именно в

³¹⁹ Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // *Slavica Helsingiensia 27: The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*, edited by Juhani Nuorluoto, Helsinki 2006. Выражаю признательность автору за предоставление текстов как этой, так и нижеуказанной статей.

³²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 238; Т. II. Стб. 349, 535–536; ср.: Свердлов М. Б. *Генеалогия в изучении класса феодалов...* С. 229 (автор приводит второе упоминание Рагуила опять с неправильной датировкой: 1169 г. вместо верного 1167 г.).

³²¹ НПЛ. С. 20, 23 (ср. с. 207). Гиппиус А. А. Рагуиль (страница из истории русского именослова) // Русистика. Славистика. Лингвистика. *Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*, hrsg. von S. Kempgen, U. Schweizer, T. Berger, München, 2003, с. 149, 152.

³²² Гиппиус А. А. Рагуиль... С. 150–152. Имя *Рогволод*, вслед Томсену (Томсен В. *Начало русского государства // Из истории русской культуры...* С. 223), трактуется как славянизированная форма скандинавского Рёгнвальд (*Rögnvaldr*).

³²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 234–235.

³²⁴ НПЛ. С. 21, 23–24, 35.

списке тех бояр, которые были в полку Игоря и Святослава Ольговичей и после проигранного сражения попали в плен к Изяславу Мстиславичу. Летописец (явно киевлянин), описывая победу Изяслава и въезд его в город, заключает указанием о пленении следующих бояр: «и бояры многы изоимаша: Данила Великаго и Гюргя Прокопчя, Ивора Гюргевич(а) Мирославля внука и инѣх изоимаша много в городѣ Киевѣ, и тако тѣхъ на искупѣ пустиша»³²⁵. Исследователь отмечает, что с лингвистической точки зрения «Мирославля внука» надо понимать скорее как двойственное число, и заключает, что речь идет о двух внуках Мирослава — Гюргии (Юрии) Прокопиче и Иворе Гюргевиче (Юрьевиче)³²⁶.

Вполне признавая обоснованность последнего заключения А. А. Гиппиуса, я, тем не менее, не уверен в прочности той цепочки, которая, по его мысли, должна связать Рагуила Добрынича и внуков Мирослава. Ряд сближений выглядит натянуто, а общая картина вызывает вопросы с исторической точки зрения. Начнем с того, что гипотетическим является отождествление Добрыни Рагуиловича и Добрыни, новгородского посадника: упоминания этих лиц разделены более чем двадцатилетним промежутком, а имя *Добрыня* было в средневековой Руси распространено³²⁷. Что касается Рагуила, то его связь с Новгородом была очень опосредованная — только через мать князя Владимира Мстиславича, чьим боярином он выступает. Владимир Мстиславич был, видимо, единственным сыном от второго брака Мстислава с дочерью новгородского посадника Дмитра Завидича. Брак был заключен в 1122 г., но Владимир родился только в 1132 г.³²⁸, когда Мстислав уже семь лет сидел в Киеве и пятнадцать лет в Южной Руси. Причем в Новгороде Владимир никогда не правил. Во всяком случае, совершенно непонятно, как в дружине Владимира мог оказаться тот Рагуил, который стал ладожским посадником в 1132 г., то есть тогда, когда ни Мстислава, ни его жены давным-давно не было в Новгороде, а Владимир только родился.

Нет твердых оснований отождествлять Мирослава Гюргятинича, новгородского посадника, с тем Мирославом, внуки которого попались в 1146 г. в плен. В первой половине XII в. известны и другие бояре под этим именем. Например, в той же летописной статье 6654 (1146) г., где упоминаются «Мирославля внука», это имя встречается еще дважды: сначала упоминается боярин Всеволода Мирослав Андреевич, а затем в полку Святослава Ольговича указывается Мирослав Хилич внук³²⁹. Возможно, речь идет здесь об одном лице, но едва ли к нему имеет какое-то отношение Мирослав, призванный Владимиром Мономахом для принятия «Ус-

³²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 327.

³²⁶ Гиппиус А. А. Скандинавский след... С. 98 и след.

³²⁷ Тупилов Н. М. Указ. соч. С. 185. В летописи упоминаются и другие Добрыни. С. М. Соловьев, например, находил отца Рагуилу Добрыничу в лице Добрыни «мужа» Изяслава Мстиславича, упомянутого в 1147 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 316); см.: Соловьев С. М. Указ. соч. // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. С. 482. В. Л. Янин считает отождествление двух Добрын «только очень предположительным» (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 92).

³²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 294.

³²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321, 325.

тава о резах» (см. выше)³³⁰. Мирославов в это время, таким образом, обнаруживается помимо посадника еще как минимум два³³¹. Аргументом для связи внуков Мирослава с родом Рёгнвальда служат также их имена. А. А. Гиппиус обращает внимание на скандинавское происхождение имени одного из них — Ивор. Однако именно этого имени в Новгороде в XI–XII в. не упоминается³³², а вообще скандинавских имен среди русских бояр было немало: достаточно указать хотя бы на Улеба, киевского тысяцкого, в той же самой летописной статье 6654 г. (см. о нём ниже). Что касается имен *Юрий* и *Прокопий*, то они, в самом деле, употреблялись в роду новгородского Мирослава: Гюрятой был отец Мирослава, а Прокопием звали брата Якуна Мирославича (упоминается однажды в 1141 г.³³³). Однако эти (христианские) имена были в числе распространенных, и их совпадение вполне может оказаться случайным³³⁴.

С исторической точки зрения дело тоже обстоит непросто. Уже говорилось, что трудно предполагать новгородское происхождение Рагуила Добрынича. Проблематично выглядит и его родственная связь с внуками Мирослава. Эти последние, как однозначно следует из приведенного сообщения статьи 6654 г., состояли в дружине Игоря и Святослава Ольговичей, а Рагуил показан уже в следующем 6655 (1147) г. тысяцким Владимира Мстиславича³³⁵. Выходит, что в 1146 г., когда Владимир Мстиславич помогал своему старшему брату Изяславу в борьбе с Ольговичами, Рагуил должен был сражаться в 1146 г. против своих внучатых племянников. По разные стороны «баррикад» оказываются и Рагуил с Якуном Мирославичем, новгородским посадником: последний, как справедливо заметил А. А. Гиппиус, в начале 1140-х гг. придерживался прочерниговской ориентации, а первый, его предполагаемый двоюродный дядя, служил в это время Мономахичу. Чисто теоретически можно, конечно, предположить, что бояре-родственники оказались на службе враждующих князей (ср. выше о предполагаемых родственниках Иванке Чудиновиче и Станиславе Туковиче), но позволительно усомниться, что они вступили непосредственно в бой друг с другом.

³³⁰ М. П. Погодин связывал Ивора Гюргевича, которого он считал единственным внуком Мирослава (понимая «Мирославля внука» как единственное число), именно с этим Мирославом, а не с новгородским посадником (*Погодин М. П. О наследственности древних санов... С. 78*).

³³¹ А. А. Гиппиус связывает также летописное сообщение о доставке на Русь доски от Гроба Господня по заказу некоего Мирослава («послалъ бо бѣ Мирославъ» — ПСРЛ. Т. II. Стб. 295) именно с новгородским посадником (*Гиппиус А. А. Скандинавский след... С. 98*). Но почему именно с ним? Не менее вероятно, что речь идет, например, о Мирославе, участнике съезда 1113 г.

³³² Упоминается зато в 1181 г. некий Ивор Мирославич на службе черниговского князя Святослава Всеволодича (ПСРЛ. Т. II. Стб. 619).

³³³ НПЛ. С. 26.

³³⁴ Не случайно М. П. Погодин находил отца Юрию Прокопичу не в новгородском боярине, брате Якуна, а совсем в другом лице — в Прокопии, белгородском тысяцком, упомянутом в Русской Правде (*Погодин М. П. О наследственности древних санов... С. 78*).

³³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 349.

Более убедительно выглядит мысль, что новгородцы могли оказаться в дружине Ольговичей, — ведь Святослав Ольгович несколько лет правил в Новгороде. Правда, обстоятельства ухода Святослава из Новгорода в 1141 г. заставляют думать, что вряд ли эти люди были многочисленны и знатны: Святослав «бежа отаи» из Новгорода, остерегаясь ареста, а Якун с братом Прокопием, которые тоже пытались бежать, оказались в конце концов не с ним, а у Юрия в Суздале³³⁶. Кроме того, предположение об участии новгородских бояр, представлявших выдающийся род, в борьбе за Киев в 1146 г. не очень сочетается с тем, что сообщение Новгородской I летописи, посвященное специально битве Игоря и Изяслава и утверждению Изяслава в Киеве, о таком участии совершенно умалчивает (хотя, например, о походе посадника Мирослава в Южную Русь в 1135 г. она рассказывает, и даже сравнительно подробно)³³⁷.

Таким образом, некоторые наблюдения А. А. Гиппиуса позволяют считать в принципе возможной связь внуков Мирослава, попавших в плен в Киеве в 1146 г. и отпущенных «на искупе», с новгородским посадничьим родом, который представлял Мирослав Гюрятинич. В пользу этой связи говорят имя одного из внуков и отчества обоих (а связать с Мирославом имена обоих позволяет наблюдение А. А. Гиппиуса об употреблении двойственного числа в сообщении), а также то, что Святослав Ольгович княжил в Новгороде за несколько лет до этого и посадником при нем был Якун Мирославич. В то же время осторожной, мне кажется, было бы пока воздержаться от однозначных выводов по поводу «переходов» новгородских бояр между Новгородом и другими русскими землями и службы их князьям, не сидевшим в Новгороде. Вероятной остается связь Добрыни Рагуиловича, служившего Мстиславу, и Рагуила Добрынича, боярина Владимира. В этом случае можно говорить о наследственности боярской службы по прямой линии от отца к сыну.

Далее, опираясь на существующие в историографии наблюдения, я выберу наиболее достоверные случаи перемены боярами князей и, с другой стороны, случаи преемственности службы по летописям, продолжающим повествование «Повести временных лет» в XII — начале XIII в.

Одна из самых известных боярских «генеалогий» домонгольского периода — это род Бориса Жидиславича, суздальского боярина. Борис Жидиславич упоминается как воевода Андрея Боголюбского в 1171–1174 гг. После смерти своего князя он, по-видимому, вместе со всей «дружиной» Ростово-Суздальской земли сделал выбор в пользу Ярополка и Мстислава Ростиславичей, которых поддержал Глеб рязанский. Во всяком случае, в сражении на реке Колаксе в 1177 г., завершившем борьбу этих трех князей с Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, в плен к Всеволоду попал и Борис Жидиславич³³⁸. Предполагается, что сыном Бориса был Михаил Борисович, служивший владимирскому великому князю Всеволоду (упоми-

³³⁶ НПЛ. С. 26.

³³⁷ НПЛ. С. 23, 27.

³³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 364–365, 384; Т. II. Стб. 543, 560, 565, 574. Никоновская летопись показывает Бориса тысяцким Мстислава Ростиславича в 1177 г. (ПСРЛ. Т. X. С. 5).

нается в Лаврентьевской летописи при описании событий в 1203 и 1207 гг.), а внуком — Роман Михайлович, тысяцкий во Владимире при Александре Ярославиче в 1252 г.³³⁹. Добавлю, что Михаил Борисович служил также Юрию Всеволодичу в 1215 г. (упоминается в Московском своде конца XV в.), а сыном его можно считать и Жирослава Михайловича, воеводу Юрия в 1237 г.³⁴⁰. Такая цепочка поколений вполне соответствует «нормальному порядку» в преемственности боярской службы: князьям одной линии и в одной и той же земле, — если только не считать службы Бориса Жидиславича Ростиславичам и Глебу в период «смуты» после смерти Андрея и предполагать, что Борис, попав в плен к Всеволоду, был им прощен.

М. П. Погодин пытался также вычислить предков Бориса Жидиславича. Заметив, что в одном месте Ипатьевская летопись называет Бориса отчеством «Жирославич»³⁴¹, историк сопоставил это отчество с упоминаниями Жирослава, служившего Юрию Долгорукому, отцу Андрея, и сделал заключение, что речь идет об отце Бориса. А найдя среди этих упоминаний одно, где Жирослав именуется с отчеством «Иванкович», М. П. Погодин уже без труда отыскал и Иванка (тысяцкий Вячеслава Владимировича, 1127 г.³⁴²), а потом продлил род вплоть до Ивана Жирославича, названного среди погибших в битве на Сожице в 1078 г.³⁴³. Вполне справедливо эта «генеалогия», основанная на смешении имен *Жирослав* и *Жидислав* и сближении Иванка и Ивана Жирославича, разделенных полусотней лет, была охарактеризована как «бездоказательная»³⁴⁴.

С моей точки зрения, нельзя относить все упоминания имени *Жирослав* и отчества *Жирославич* к одному лицу или к одному роду, потому что это имя было очень распространено в Древней Руси. Вряд ли обосновано и отождествление, предложенное М. П. Погодиным, Жирослава, боярина Юрия, с Жирославом Иванковичем. Жирослав, дружинник Юрия Владимировича, упоминается в следующих случаях: в 1148 г. он послан Юрием из Суздаля в Южную Русь с Глебом Юрьевичем, в 1149 г. он участвует воеводой в походе Юрия с Вячеславом, Андреем и другими сыновьями Юрия на Волынь против Мстиславичей, а в 1155 г. Юрий посылает его из Киева с Юрием Ярославичем опять на Волынь против Мстислава Изяславича³⁴⁵. Во всех этих случаях соответствующие известия есть как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях, что объясняется их общим происхождением из киевского источника более ранней редакции, чем свод конца XII в. Жиро-

³³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 420, 431, 473. См.: *Погодин М. П.* О наследственности древних санов... С. 75–77; *Соловьев С. М.* Указ. соч. // *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. I. С. 608; *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов... С. 230–231 (в последней работе снова ошибка в датировке и ошибочные ссылки на летопись).

³⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 461, 516; Т. XXV. С. 111.

³⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 560. Очевидно, это просто описка.

³⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 293.

³⁴³ *Погодин М. П.* О наследственности древних санов... С. 75–77. Погодин также видел в Дмитре Жирославиче, погибшем в 1146 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 331), брата тысяцкому Иванке (хотя последний упоминается без отчества).

³⁴⁴ *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов... С. 230.

³⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 319, 323, 345; Т. II. Стб. 359, 389, 479.

слав Иванкович упоминается дважды, причем оба упоминания есть только в Ипатьевской летописи. В 1146 г. он назван посадником Вячеслава Владимировича в Турове³⁴⁶. Весьма вероятно (и тут М. П. Погодин прав), что этот Жирослав является сыном тысяцкого Вячеслава Иванка (см. выше). В 1158 г. Жирослав Иванкович выступает послом Святослава Ольговича³⁴⁷. Между тем, как показал А. Н. Насонов, в этих местах Лаврентьевская летопись передает просто сокращенный текст Ипатьевской, из чего можно сделать вывод, что летописцу, сокращавшему этот текст, Жирослав Иванкович не был интересен (в отличие от того другого Жирослава, все три упоминания о котором были аккуратно скопированы)³⁴⁸. Если даже отвлечься от соотношения летописных текстов, с исторической точки зрения трудно допустить, что Жирослав из дружины Юрия — это одно лицо с Жирославом Иванковичем. Иначе непонятно, почему он в 1146 г. служил Вячеславу, а уже в 1148 г. оказывается у Юрия, при том что Вячеслав все это время находился в Южной Руси и был явно в союзных отношениях с Изяславом Мстиславичем, а Юрий был в Суздале и, хотя взял сторону противную Изяславу, сам не принимал участия в усобицах Мономахичей и Ольговичей. Таким образом, не признавая тождественности двух Жирославов, отмечу только перемену лояльности Жирослава Иванковича: в 1146 г. он служит Вячеславу в Турове, в 1158 г. — Святославу Ольговичу в Чернигове. Вероятно, эту смену боярином господина надо объяснять тем, что Вячеслав умер бездетным (в 1154 г.), и естественной преемственности боярской службы не получилось. Наследником Вячеслава стал Ростислав Мстиславич. Летопись говорит, что он «пойма прокь дружины Вячеслави»³⁴⁹, то есть принял к себе только какой-то остаток дружины Вячеслава; очевидно, Ростислав не хотел или не мог, имея и собственную дружину, обеспечить боярам умершего дяди достойное положение. Как бы то ни было в действительности со служебной карьерой Жирослава Иванковича, нельзя, тем не менее, согласиться с теми исследователями, которые, вслед М. П. Погодину отождествляя двух Жирославов, считают получившуюся полумифическую фигуру боярина типичным и ярким примером «свободы переходов» бродячего домонгольского боярства³⁵⁰. В реальности мы имеем дело только с переменной «сюзерена» Жирославом Иванковичем, но говорить об отъезде в собственном смысле слова нельзя, так как эта перемена произошла после смерти бездетного князя.

В летописных известиях середины XII в. встречается и еще один Жирослав — Жирослав Васильевич, боярин Мстислава Изяславича, упомянутый в 1158 г., когда Мстислав сидел во Владимире-Волынском. Возможно, его сыном был Сбыслав Жирославич, состоявший в 1169 г. в дружине того же князя, когда тот, однако, уже

³⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 330. Ипатьевский список передает его отчество как «Яванкович», а Хлебниковский и Погодинский списки — «Иванкович».

³⁴⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 497.

³⁴⁸ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 87–97, особенно с. 92.

³⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 473.

³⁵⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь: социально-политическая история. С. 82; Rüss H. Op. cit. S. 260–261.

был в Киеве³⁵¹. В этом случае наблюдаем преемственность службы от отца к сыну в дружине того же князя и перемещение представителей боярского рода с князем из одного города в другой. Нельзя безоговорочно поддержать мнение М. П. Погодина, что Сдеслав (Здеслав) Жирославич, упомянутый летописью в двух известиях, был родственником этих бояр³⁵². В обоих известиях Сдеслав связан с Треполем. В 1181 г. он был послан Рюриком Ростиславичем в качестве воеводы трепольского полка с молодым Мстиславом Владимировичем (сыном Владимира Мстиславича «Мачешича»), а в 1193 г. он назван «мужем» Мстислава Мстиславича, будущего князя новгородского и галицкого, тогда княжившего («под рукою» того же Рюрика) в Треполе.

Таким образом, «генеалогию» Бориса Жидиславича, предложенную М. П. Погодиным, следует отвергнуть. Однако предков этого боярина все-таки можно отыскать. Помогает в этом обращение к независимому от летописания памятнику — «Сказанию о чудесах Владимирской иконы Богородицы», где в качестве седьмого чуда иконы рассказывается о прозрении некоей Марии, «Жидиславлѣ дщи», которая постриглась и стала игуменьей «в Руском Переяславле въ Славятине монастыри» — «въ своего еи деда монастыри»³⁵³. В рассказе упоминается брат Марии Борис, который жил во Владимире и прислал ей воду от иконы (благодаря которой она исцелилась). Очевидно, речь идет о том самом Борисе Жидиславиче — воеводе Андрея Боголюбского (действие рассказа происходит, видимо, в правление этого князя). Благодаря данным «Сказания» выясняется, что в Переяславле Южном находился родовой монастырь Бориса и Марии. Судя по его названию и указанию, что он был основан дедом брата и сестры, логично предположить, что основателем был Славята, который упоминается в качестве боярина Святополка Изяславича: последний посылает боярина в 1095 г. из Киева в Переяславль к Владимиру Мономаху «на нѣкое орудие»³⁵⁴.

Борис Жидиславич представляет собой еще один пример (наряду с Георгием Шимоновичем) южного по происхождению боярства, переместившегося вместе с князьями на северо-восток Руси. Между первым и третьим поколением этого боярского рода произошла смена линий рода Рюриковичей, которым служили дед и внук. Скорее всего, эту смену следует объяснить переходом Славяты (или его сына Жидислава) после смерти Святополка в дружину Владимира Мономаха.

Продолжу примерами перемен в карьерах бояр, которые сами или дети которых оказывались у разных князей.

Известный пример, разбиравшийся уже выше, — это судьба Улеба, Ивана Воитишича и Лазаря, которые упоминаются в описании событий в Киеве, разы-

³⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 497, 544.

³⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 621, 623, 677; ср.: *Погодин М. П.* О наследственности древних славян... С. 79.

³⁵³ Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богородицы / Публ. В. А. Кучкина и Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 506–507.

³⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 227.

гравшихся в 1146 г. после смерти Всеволода Ольговича. Как говорилось, первые двое из этих бояр получили от Игоря Ольговича (севшего на киевский стол по соглашению князей друг с другом и согласно крестоцелованию с киевлянами) те же должности, что держали при его брате Всеволоде, но затем вместе с Лазарем предали Игоря и перешли на сторону Изяслава Мстиславича. Описывая боярскую измену, летописец (им был, по-видимому, черниговец, сочувствовавший Ольговичам³⁵⁵) с крайним негодованием и очевидной аллюзией на эпизод с Блудом восклицает: «иже бяху велику ч(е)сть приимали от Всеволода и от брата его, ти же почаша лестити подь кн(я)земь своимь». Далее он, признавая, что в утверждении Изяслава на киевском столе сказались симпатии киевлян, тем не менее основную ответственность за поражение Игоря возлагает на бояр: «начальничи же быша свѣту злomu тому, о нихъ же переже рекохомъ, Улѣбъ тысячкой же, Иванъ Воитишичъ и Лазоръ Саковъскыи, а въ С(вя)тослави полку Василь Полачанинъ и Мирославъ Хиличъ внукъ, и скупшиа около себе кияны и свѣщашася, како бы имъ узьмощи перельстити кн(я)зю своего»³⁵⁶. Именно эти бояре в решающий момент повергли стяги своих полков и переметнулись к Изяславу, а Игорь был затем пленен.

Улеба в следующем году видим послом и доверенным лицом при «князе своем» Изяславе³⁵⁷. Про Ивана Воитишича известно, что до 1146 г. он последовательно был воеводой у Владимира Мономаха, затем Мстислава Владимировича, а потом служил Всеволоду Ольговичу, причем все три упоминания имеют в виду, что он посылается из Киева³⁵⁸. Лазарь Саковский упоминается как воевода Всеволода Ольговича, причем князь посылает его из Киева воевать к Переяславлю³⁵⁹. Последнее обстоятельство, видимо, нельзя считать случайным, так как прозвище Лазаря указывает на его связь с Переяславлем (Саков — город в Переяславской земле). Весьма вероятно, что о том же самом человеке речь идет в рассказе об убийстве Игоря Ольговича в 1147 г. в Киеве: киевским тысяцким, который управляет городом в отсутствие Изяслава, указан Лазарь (без прозвища или отчества)³⁶⁰. Если верна эта идентификация, значит Лазарь Саковский, как и Улеб, занял у Изяслава видный пост.

Таким образом, Иван Воитишич переходил после смерти одного киевского князя на службу следующему, причем не только от отца к сыну, но и от князя одной ветви к представителю другой (хотя в этом случае — то есть когда Киев занял Всеволод Ольгович — передача власти состоялась без военного противостояния по многостороннему соглашению князей). Из того, что и он, и Улеб, и, по всей видимости, Лазарь Саковский в 1146 г. согласились сначала служить Игорю, явству-

³⁵⁵ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 102 и след.

³⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 324–325.

³⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 344–345. В этом месте в летописи киевский источник, сочувственный Изяславу.

³⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284, 292, 302.

³⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 311.

³⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 347–349, 353; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 316–318.

ет как будто, что в принципе такое согласие в ситуации мирной передачи власти и на условиях сохранения своего прежнего почетного положения рассматривалось как дело вполне естественное и закономерное. Разумеется, это не значит, что должность автоматически оставалась за боярином при смене князя. В принципе, решение, оставить ли Улеба и Ивана Воитишича на прежних должностях или нет, оставалось прерогативой Игоря. Другое дело, что князь, видимо, не хотел обижать влиятельных бояр и готов был ради их лояльности пожертвовать интересами собственных дружинников. Правда, готовность к компромиссам в данном случае не помогла Игорю, и он проиграл битву за Киев Изяславу.

Как оценивать поведение бояр в ситуации противостояния Ольговича и Мономахича? Ясно, что это не была ситуация «нормальной» преемственности власти (от отца к сыну или по межкняжескому договору). И так же ясно, что речь не может идти о применении права отъезда: бояре не предупреждали Игоря о своем «переходе», а бросили его во время военных действий. Для черниговского летописца было очевидно, что переход бояр от Игоря к Изяславу был изменой, достойной всяческого осуждения. Между тем для Изяслава, которого киевский летописец выставляет благочестивым христианином и «братолюбцем», было вполне естественно наградить бояр за проявленные по отношению к нему симпатии — только так можно объяснить тот факт, что вскоре мы видим Улеба доверенным лицом при Изяславе, а Лазаря на важнейшей должности киевского тысяцкого. Сложнее всего сказать, какими интересами руководствовались сами бояре и в каких категориях они оценивали свое поведение. Можно только с высокой степенью вероятности предполагать, что на их «переход» повлияли горожане, враждебно настроенные к Ольговичам, и, кроме того, заметно, что бояре дорожили двумя вещами: сохранением за собой высокого места в княжеской дружине, что давало доступ к власти и доходам, а также, видимо, пребыванием в Киеве, богатейшем на тот момент городе Руси. Очевидно, некие идеальные принципы, согласно которым мог оцениваться порядок взаимоотношений князя и знати, существовали в то время, но в данном случае на практике важнее оказались прагматические соображения.

В летописи упоминаются и другие бояре, которые переходили на службу к князьям разных родовых ветвей. Заметной фигурой в Южной Руси в середине XII в. был некий Шварн. В начале 1147 г. он упоминается под началом Изяслава Мстиславича, в тот момент сидевшего в Киеве. В ходе борьбы Изяслава и союзных с ним черниговских князей Владимира и Изяслава Давыдовичей со Святославом Ольговичем Шварн участвует в локальной операции с Изяславом Давыдовичем. Последний «испросился» в эту операцию у двух других князей и, «поймав» у Изяслава Мстиславича Шварна, а у своего брата некоторых из его дружины, составил отряд в три тысячи человек³⁶¹. По-видимому, этот же «Шварно» (или, как в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи, «Шварло») был весной 1151 г. у Зарубского брода на Днепре «съ сторожи» во время борьбы Юрия суз-

³⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 335–336; ср. в несколько иной формулировке: ПСРЛ. Т. I. Стб. 314.

дальского с Изяславом Мстиславичем за Киев, но не смог удержать его против сил, посланных Юрием, и «прибѣже» к Изяславу Мстиславичу в Киев. Очевидно, Шварн действовал снова под командованием киевского князя, который в тот момент из братьев Давыдовичей союз сохранял только со своим тезкой Изяславом. Ввиду противоречивых данных о статусе Шварна (см. ниже) обратим внимание на замечание летописца, объясняющего сдачу брода: «да тѣмъ не твердь ему бѣ бродъ, зане не бяшетъ ту кн(я)зя, а боярина не вси слушаютъ»³⁶². В 1161 г., через десять лет, когда Изяслава Мстиславича уже не было в живых, а Киев переходил несколько раз из рук в руки разных князей, Шварн оказывается уже в дружине именно Изяслава Давыдовича, занявшего ненадолго Киев. Шварн упоминается среди бояр, попавших в плен в битве, в которой Изяслав Давыдович нашел свою смерть³⁶³. Скорее надо думать, после смерти Изяслава Мстиславича боярин выбрал службу у Изяслава Давыдовича, так как тот был ему хорошо знаком и у них за плечами было уже немало совместных предприятий, хотя нельзя исключать и того, что он просто все время стремился оставаться в Киеве, служа тем князьям, которым доставался город.

В конце ультрамартовской статьи 6675 (1167) г. летопись посвящает Шварну отдельное известие: «Том же лѣ[те] яша Половци Шварна за Переяславлемъ, а дружину его избиша и взяша на нем искупа множество»³⁶⁴. В это время в Киеве княжил Ростислав Мстиславич, а в Переяславле — Глеб, сын Юрия суздальского. Теоретически Шварн мог действовать от имени любого из этих князей, а возможно, он пустился в какие-то предприятия — торговые или грабительские (например, против тех же половцев) — на свой страх и риск. Стоит отметить, что данное известие — единственное в древнерусском летописании, когда люди под началом лица, не принадлежащего династии Рюриковичей, называются «дружиной»³⁶⁵. Во всех остальных случаях для характеристики этих людей используются слова «отроки», «чадь» и т. п., а термин «дружина» всегда обозначает именно княжеских людей.

Эта особенность известия 6675 г. заставляет предполагать какие-то особенности и самой фигуры Шварна. Дело в том, что исследователи давно предполагали связь между этим человеком и княгиней Марией, женой Всеволода Юрьевича Большого Гнезда, о смерти которой в марте 1205 г. сообщает Лаврентьевская ле-

³⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 425–426. Ср. сокращенный (вторичный) текст в Лавр.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 331–332.

³⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 518.

³⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 527.

³⁶⁵ Это обстоятельство было подмечено, но никак не объяснено: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 47. Еще только однажды говорится о «дружине» при боярине — в варианте «Повести временных лет», представленном Лавр. и сходными с ней летописями, в статье 6603 (1095) г.: «и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимеромъ» (Ратибор, как указывалось выше, был боярином Владимира Мономаха). Однако в Ипат., что очень показательно, говорится иначе: «и начаша думати дружина Ратиборова чадь со княземъ...» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 227; Т. II. Стб. 217). Есть основания, о которых здесь не буду распространяться, предпочесть вариант Ипат.

топись³⁶⁶. В поздних летописях говорится о ее отце. Так, в приписках к Новгородской I летописи младшего извода она называется следующим образом: «Мария Всеволожа Шварновна, дщи князя чешьского»³⁶⁷. В Тверском сборнике говорится несколько иначе: «великаа княгины Всеволожа Мария, дщи Шварлова чешкаго»³⁶⁸. Известия об отчестве и чешском происхождении жены Всеволода современными исследователями оцениваются в принципе как вполне вероятные, хотя и несколько противоречат данным о том, что одна из трех ее сестер, бывших замужем за русскими князьями второй половины XIII в., была «ясыней», то есть осетинкой³⁶⁹. Несколько странным также выглядит то обстоятельство, что в Чехии вообще неизвестны исторические лица под именем Шварн, но оно же вместе с фактом, что никаких других Шварнов на Руси в XII в. не зафиксировано, наталкивает на мысль, что именно Шварн, находившийся при Изяславе Мстиславиче и Изяславе Давыдовиче, был отцом Марии. Исторические обстоятельства этому выводу не противоречат: известно, что сыновья Мстислава имели связи с чехами, а Всеволод как раз в начале 1170-х гг. находился в Южной Руси и, видимо, в это время там и женился. Ряд особенностей известия о пленении Шварна половцами (упоминание его «дружины» и «искупа множество», подразумеваемая самостоятельность его действий) и само наличие нескольких известий о нем указывают как раз на особенный статус этого человека. В то же время сообщения о его службе киевским князьям и, главное, прямое указание в известии о «сторожах» на Зарубском броде, что Шварн был боярином, свидетельствуют против его княжеского достоинства. Таким образом, из поздних данных о Марии безусловно противоречит сообщениям Ипатьевской летописи только одно: принадлежность ее княжескому роду, но именно это утверждение легче всего объясняется как позднейший домысел, имевший в виду повышение статуса жены великого князя владимирского. Насколько верно сообщение о чешском происхождении ее отца, трудно судить без исследования всего комплекса летописных данных о Марии и решения вопроса о происхождении имени *Шварн*, но в принципе это вполне можно допустить. Допуская этот факт вместе с самим утверждением, что отчеством Марии было

³⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424.

³⁶⁷ НПЛ. С. 468.

³⁶⁸ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 301. Сообщение Ипат. 6675 г. здесь передано с дополнением: «Половци боиша Шварна, Чьского князя, и яша его...» (Там же. Стб. 237).

³⁶⁹ *Кишкин Л. С.* Мария Всеволожая — ясыня или чехыня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. Возможное объяснение этих противоречий находят А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский в том, что сёстры могли быть от разных браков отца, и также считают допустимым родство жены Всеволода и Шварна (см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 373–378). Эти авторы — неосторожно, на мой взгляд, — пытаются искать «чешский след» летописных данных в крайне сомнительном сообщении Никоновской летописи о том, что якобы половцы убили Шварна, который служил Изяславу Мстиславичу и Изяславу Давыдовичу, а в плен взяли не его, но его племянника-тезку (см.: ПСРЛ. Т. IX. С. 233).

Шварновна, можно признать, что она была дочерью Шварна, известного по летописным сообщениям 40–60-х гг. XII в., — выдающегося боярина при дворе киевских князей, особый статус которого объяснялся именно какими-то связями с чешской высшей знатью.

В трех летописных известиях середины XII в. упоминается также боярин по имени Владислав Лях. Его судьба оказалась некоторым образом связана с судьбой Григория Хотовича. Последний был, как говорилось выше, скорее всего, тысяцким Глеба Юрьевича, когда тот княжил в Киеве, а после его смерти оказался в дружине Романа Ростиславича, въехавшего в Киев в 1171 г. Владислав Лях впервые появляется в летописи в 1166 г. как воевода киевского князя Ростислава Мстиславича³⁷⁰. В 1167 г. Ростислав умер, в Киеве сначала сел Мстислав Изяславич, а затем его сменил Глеб Юрьевич, и в начале 1170 г. Владислава Ляха видим у вышгородского князя Давыда, сына Ростислава Мстиславича³⁷¹. В 1173 г., обвинив Григория Хотовича в смерти Глеба, Андрей Боголюбский выгоняет Ростиславичей из «Русской земли»: Романа, недавно севшего в Киеве, из этого города, Давыда из Вышгорода, Мстислава из Белгорода. Пять недель в Киеве сидел Всеволод Юрьевич с племянником Ярополком Ростиславичем, а потом братья Давыд, Рюрик и Мстислав Ростиславичи вошли в Киев «и яша Всеволода Юрьевича и Ярополка Юрьева внука, и Ляха Володислава, и Михна, и бояры всѣ». В Киеве сел Рюрик, а Роман остался в Смоленске³⁷².

Таким образом, по летописи выходит, что боярин, служивший Ростиславу и его сыну, в конце концов попал в плен к Ростиславичам. Объяснить эти перемены в карьере Владислава можно следующим образом. По всей видимости, Владислав Лях сохранил какие-то связи с Киевом с того времени, когда он служил там Ростиславу. После смерти последнего связь боярина с определенной княжеской линией оказалась сильнее связи с городом: он ушел к сыну Ростислава Давыду в соседний Вышгород. Однако, когда Киев с городами «Русской земли» оказался во владении Ростиславичей, Владислав Лях, видимо, получил возможность вернуться в город, где жил ранее. После того, как Андрей стал гнать Ростиславичей из «Русской земли», выяснилось, что боярину нельзя было даже вернуться в Вышгород. Видимо, Владислав Лях предпочел остаться в Киеве с братом Андрея Всеволодом и Михной, послом Андрея Боголюбского, которого тот отправил ранее в Киев к Ростиславичам с жалобой на Григория Хотовича. Судя по тому, что вернувшиеся Ростиславичи взяли «бояре все», Владислав Лях был далеко не одинок в своем выборе. Этот поступок Ростиславичами был оценен как измена: они берут в плен Всеволо-

³⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 526.

³⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 549.

³⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 569–570. С моей точки зрения, Соловьев неправомерно отождествлял Владислава Ляха с двумя другими Владиславами — Владиславом, Яновым братом, воеводой Михаила Юрьевича (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 557 — 558, 562), и Владиславом Воротиславичем, боярином Мстислава Изяславича (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 533) (см.: Соловьев С. М. Указ. соч. // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. С. 509, 609). По-видимому, специально для того, чтобы различать трех Владиславов как разных людей, в летописи приводятся каждый раз дополнительные обозначения (прозвище, отчество или указание на брата).

да, Ярополка и бояр, держат их как заложников и потом обменивают князей и «всю дружину»³⁷³. Таким образом, боярин, для которого в одном случае оказались важнее служебная связь с князем, в другом случае продемонстрировал привязанность к городу, не побоявшись разрыва этой связи, который в итоге стоил ему свободы. Каким образом был оформлен этот разрыв, было ли применено «право отъезда», судить нельзя, но вернувшиеся князья никаких прав за боярами не признали и не простили им «переход». Стоит также отметить, что князья, приходящие в Киев, видимо, как правило, ценили киевских бояр и старались найти им место в своих дружинах: Ростиславичи принимают Григория Хотовича, как когда-то Игорь Ольгович оставил в прежнем положении Улеба и Ивана Воитишича, а Всеволод и Ярополк, очевидно, предложили выгодные условия Владиславу Ляху и другим киевским боярам.

В летописях упоминается еще целый ряд лиц, которые так или иначе можно было бы попытаться связать. Например, можно думать, что Радил-киевлянин, который упоминается в Лаврентьевской летописи как посол князя Изяслава Мстиславича в 1147 г., — одно и то же лицо с Радилом, исправлявшим должность тысяцкого у Давыда Ростиславича в Вышгороде в 1167 г.³⁷⁴ Изяслав Мстиславич умер в 1154 г., и каким образом один из его мужей попал в Вышгород в дружину к его племяннику, неясно. Из двух упомянутых летописью Олекс — Олекса дворянский Мстислава Изяславича и Олекса Святословец, боярин в Киеве у Ростиславичей — какой-то, возможно, является отцом известного черниговского боярина Ольстина Олексича, участника похода Игоря Святославича на половцев³⁷⁵. Дважды в разных летописях упоминается Иван Радославич: один раз в Чернигове (1164 г.), другой — во Владимиро-Суздальской земле (1212 г.)³⁷⁶. Однако, все эти связи не надежны, и на них трудно обосновывать исторические выводы.

Отметим несколько сравнительно достоверных случаев преемственной службы бояр от отца к сыну или же верной службы одного боярина князьям одной линии.

Выше уже упоминался боярин Святослава Ольговича Петр Ильич «добрыи старечь, иже бѣ отца его мужь», то есть служивший отцу Святослава Олегу, князю черниговскому³⁷⁷. Смоленский боярин Борис Захарьич служил Ростиславу Мстиславичу, затем его сыну Мстиславу, а тот перед смертью «приказал» ему как «кормильцу» своего малолетнего сына Владимира. С этими князьями боярин перешел из земли в землю по всей Руси³⁷⁸. Вполне вероятно, как полагал М. П. Погодин, сыном Бориса был Славн Борисович, упомянутый под 6696 (1188) г. как

³⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 572.

³⁷⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 316; Т. II. Стб. 535. Упоминается также «дворъ тысяцкого Давыда Радильовъ» в Вышгороде (ПСРЛ. Т. II. Стб. 534).

³⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 544, 569, 635–636, 638–639.

³⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 523; Т. XLI. М., 1995. С. 130. Имеет ли к этим лицам какое-то отношение двор «Радьславль» в Киеве (1160 г.; ПСРЛ. Т. II. Стб. 515), определить не представляется возможным.

³⁷⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 340.

³⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 531, 609, 621.

воевода Рюрика Ростиславича, который тогда сидел в Белгороде, владея всей «Русской землей», кроме Киева³⁷⁹, а внуком — Иван Славнович, тысяцкий Владимира Рюриковича в Киеве в 1231 г.³⁸⁰

Если Владислава Воротиславича, боярина Мстислава Изяславича, идентифицировать как сына Воротислава, тысяцкого Андрея Владимировича³⁸¹, то получим «волынский род» бояр, служивших Мономашичам, которые княжили во Владимире-Волынском.

Во Владимиро-Суздальской Руси можно назвать еще три примера служебной преемственности. Боярин Еремей Глебович служил воеводой сначала одному сыну Всеволода Юрьевича — Константину (1215 г.), потом другому — Юрию (был убит татарами в 1237 г.)³⁸². Всеволоду Юрьевичу служил Ослядюк, а его сыну Юрию — Петр Ослядюкович³⁸³. В дружине Всеволода упоминается также некий Дорожай, «от(е)нь слуга», то есть человек, служивший отцу Всеволода Юрию суздальскому³⁸⁴.

Приведенными данными исчерпывается корпус сведений, позволяющих выдвигать суждения о боярских «карьерях» и «генеалогиях» в тех землях домонгольской Руси, в которых крепки были позиции княжеской власти и сохранялись традиции дружинного строя. Показательно, что в этом корпусе практически отсутствуют достоверные упоминания о представителях знати Галицкой и Новгородской земель, где в течение XII в. получили преобладание «республиканские» или «олигархические» тенденции. Очевидно, боярство в каждой из этих земель сложилось в более или менее замкнутые и независимые корпорации, место в которых для их членов было привлекательнее, чем служба князьям, перемещавшимся со «стола» на «стол». Если даже и были факты «перехода» бояр из этих земель на службу к князьям в другие русские земли (возможно, например, так служили потомки новгородского посадника Мирослава Гюрятинича: его сын Якун — Юрию Владимировичу суздальскому, а его внуки — Святославу Ольговичу), это были, по-видимому, временные вынужденные уходы бояр (тот же Якун Мирославич при наступлении более благоприятных обстоятельств вернулся в Новгород) и исключения из правила. Напротив, между остальными русскими землями фиксируются перемещения знати — будь то вместе с переходившим с одного «стола» на другой князем, будь то в результате самостоятельного перехода боярина от одного князя

³⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 662. *Погодин М. П.* О наследственности древних санов... С. 79. Более сомнительным кажется отождествление, предложенное Погодиным, Славна Борисовича со Славном, который в 1169 г. был виднейшим боярином в дружине князя дорогобужского Владимира Андреевича: ПСРЛ. Т. II. Стб. 546.

³⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 457.

³⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 292, 532–533.

³⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 450, 460, 493, 515; Т. XXV. С. 112, 116, 127. Предложение Погодина считать Еремея Глебовича сыном галицкого боярина Глеба Зеремеевича, упоминаемого в 1220–1230-х гг., совершенно неоправданно (*Погодин М. П.* О наследственности древних санов... С. 94).

³⁸³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 463, 516–517; Т. XVI. С. 128.

³⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 625.

к другому (как, например, было с Георгием Шимоновичем или Жирославом Ивановичем).

Обобщая эти данные с точки зрения вопроса о праве отъезда, следует прежде всего заметить, что такие ситуации, когда в принципе применение этого права было бы возможно, в условиях «расщепленности» верховной власти должны были возникать регулярно. Практически в течение всего домонгольского периода у любого лично свободного человека была возможность выбора в адресе службы в пределах Руси. Даже в относительно кратковременный период объединения всей территории расселения восточных славян под властью одного князя (в сущности, вся эта территория была объединена лишь в правление Владимира Святославича в 980(978)–1015 гг.) оставалась возможность уйти служить правителю другого государства. В условиях тесных связей с Византией (где всегда был спрос на наемников), интернациональности службы (о чем свидетельствует наличие среди бояр X–XI вв. многих имен неславянского происхождения) и постоянной борьбы князей-Рюриковичей за волости надо исходить в принципе из свободно-договорного характера отношений князя и членов его дружины. Не стоит также забывать, что правовые нормы той эпохи предусматривали ограничения свободы человека только для лично несвободных лиц или по служебным договорам («рядовичи» и пр.), которые явно не распространялись на сферу дружинных отношений. Уход Аскольда и Дира от Рюрика — конечно, позднейшая реконструкция, но она показывает, что с точки зрения летописца конца XI — начала XII в. уход бояр от князя был само собой разумеющимся, и ничего специально пояснять или оговаривать не было нужды.

С этой точки зрения случаи, когда боярин или представители одного боярского рода оказываются на службе у разных князей, не принадлежащих одной ветви, надо расценивать как вполне естественные. Не менее естественным надо считать и то, что в источниках домонгольского времени не упоминаются термины «отъезд» и «переход»: если сам выбор свободного человека, кому и на каких условиях служить, не ставился под сомнение, то, очевидно, в условиях отсутствия систематического права и преобладания обычной или прецедентной юридической традиции специально фиксировать это право выбора не было необходимости. Осмыслению и формулировке должно было подвергаться не это «естественное право», а *ограничения* этого права — то, что было по-настоящему важно и актуально для той стороны, которой принадлежала политическая инициатива и которая опиралась на идеологическую поддержку книжно-церковной традиции, то есть для князей, по понятным причинам тяготившихся независимостью служащих им людей.

Не случайно, что эти ограничения и отражены в источниках — это, прежде всего, представления об измене («лести»), а также о «вине» боярина перед князем, за которую боярин подвергается «гневу» и «казни». В то же время другие понятия, которые эксплицитно формулируются для описания дружинных отношений в более позднее время — «обида» боярина, «исправа», которую ему должен дать князь, и др.³⁸⁵ — так же, как и «отъезд», отсутствуют в древних памятниках. Учи-

³⁸⁵ См. выше во введении в изложении С. Б. Веселовского (с. 157–158).

тывая логику средневекового права, в данном случае надо предполагать, что фиксировались не те нормы, которые фактически преобладали, а те, которые стремились целенаправленно поддержать, осознавая, что в реальности они ущемляются или их недостаточно последовательно придерживаются. Если позднее в Северо-Восточной Руси начали оговаривать традиционные и естественные права бояр, то в домонгольское время акцент делался именно на сдерживании независимости служилых людей, подчиненных князю, и подчеркивались его прерогативы, а их обязанности перед ним.

В этом контексте не случайным кажется и то, что одно из немногих свидетельств, позволяющих судить о содержании межкняжеских договоров в эпоху до середины XIV в., упоминает как раз не права, а обязанности бояр. «Рядь нашъ такъ естъ: оже ся князь извинитъ, то въ волость, а мужъ у голову», — говорит Святослав Всеволодич, «Ольгович», обращаясь к Роману Ростиславичу, «Мономашичу» (1176 г.)³⁸⁶. На первый взгляд может удивить жесткость нормы — за «вину» княжий «муж» отвечает не чем-то, а своей жизнью. Однако надо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, здесь высказан только общий принцип, и не оговаривается, о какой именно вине идет речь. Во-вторых, «в голову» можно понимать не обязательно как постановление о смертной казни, а как указание на то, что судьба «мужа» просто отдается на рассмотрение князя (ср. позднейшую процедуру «выдачи головой»). Наконец, подразумеваемая возможность самой суровой кары (лишение «головы», то есть жизни) призвана подчеркнуть именно обязанности княжого мужа, за нарушение которых он теоретически несет самую строгую ответственность, но которые практически, как очень хорошо было известно и самим князьям, могли соблюдаться как раз далеко не последовательно.

Видимо, бывали случаи, когда угроза «высшей меры» наказания воплощалась в реальных действиях. Например, Ярослав расправился с Константином Добрыничем, а «казню злою» был казнен переяславский Станиславич. Однако все-таки скорее надо предполагать, что на практике эта угроза была больше своеобразным предупреждением, напоминанием о крепости дружинных отношений на случай, если предстояли испытания этих отношений на прочность. Казнь, видимо, могла применяться только тогда, когда «вина» была очевидна или доказана. Тяжбы и разбирательства, посвященные выяснению, кто перед кем и в чем «повинен», известны в среде Рюриковичей, но нечто подобное следует предполагать и для отношений княжеско-боярских. Во всяком случае, именно судебное разбирательство имеет в виду известие об «обличении» Жирослава Мстиславом галицким (то, что не сказано прямо о суде или «исправе», надо отнести на счет явной пристрастности автора «Летописца Даниила галицкого»). Последнее известие говорит и о том, что даже в случае доказанной «вины» до казни «в голову» дело могло и не дохо-

³⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 603–604. Можно размышлять по поводу того, в каком смысле здесь употреблено слово «ряд»: в значении «договор» или в более широком — «порядок, устройство» (ср.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 22. М., 1997. С. 282–284), но в данном случае важно, что речь идет в принципе о договорной системе норм в среде Рюриковичей.

дять. Как «обличенный» Жирослав, так и уличенные в воровстве Бориславичи были только «отпущены» князьями из их дружин, и это, очевидно, уже считалось достаточным наказанием.

Наконец, самое главное: как бы ни подчеркивались обязанности знати и ее ответственность, практические обстоятельства и здравый смысл должны были подсказывать князьям более мягкое отношение к своим «мужам». Суровые кары могли привести к раздражению и даже открытому возмущению. Именно за «гордость» и непредсказуемость в отношении к своим приближенным поплатился Андрей Боголюбский. Напротив, готовность к прощению провинившихся (то есть изменивших в верности) шла на пользу князю, привлекая к нему людей. Именно поэтому в принципе можно допустить, что Борис Жидиславич был прощен Всеволодом Большим Гнездом и, действительно, оставил после себя династию бояр, верно служивших владимирским князьям.

Ригоризм и строгость не могли быть ведущими принципами в отношении князей к дружине в условиях, когда князья меняли волости и столы, а их люди могли остаться в волости, где прижились, или когда князьям приходилось, заняв город, принимать бояр ушедшего или умершего князя. Уже во времена после смерти Ярослава Мудрого видно, что дружины князей, по крайней мере тех из них, кто правил в Киеве, включали не только их собственных бояр, но и бояр их отцов и родственников и что в то же время положение как князя, так и бояр зависело всегда от довольно сложного и неустойчивого баланса сил. Князь полагался, конечно, в первую очередь на свою дружину, но не только на нее — он был связан также с самыми разными «приятелями» в местах, где он преследовал какие-то свои интересы или где просто когда-то жил и правил. Даже люди, волею судьбы оказавшиеся, например, после смерти своего князя не в дружине сына-наследника, сохраняли связи и симпатию к последнему: так, во время борьбы Изяслава Мстиславича с Святославом Ольговичем в 1146 г. весть о планах Изяслава захватить Новгород-Северский Святославу «повѣда» некий, не названный по имени, «отца его муж» (то есть боярин Олега Святославича), который, однако, в тот момент оказался в дружине у двоюродного брата Святослава Владимира Давыдовича, черниговского князя, тогда союзного с Изяславом³⁸⁷.

Таким образом, со стороны князей в отношении к служащей им знати прослеживаются параллельно стремление на первый план поставить ее обязанности перед ними и подчеркнуть угрозу наказания, но также и осознание необходимости считаться с некоторой знати ее самостоятельностью и проявлять гибкость.

Со стороны знати тоже наблюдается некоторая двойственность. Вплоть до монгольского нашествия у знати сохранялся устойчивый интерес вполне материального свойства к княжеской службе. Эта служба приносила доступ к власти и гарантированный доход, что было в целом привлекательнее, чем предприятия на свой страх и риск. В этом смысле очень характерны известные слова князя Изяслава Мстиславича, обращенные к его дружинникам, которые вышли с ним из Киевской земли, захваченной Юрием Долгоруким: «вы есте по мнѣ из Рускы[е] зем-

³⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 334.

ли вышли, своихъ сель и своихъ жизни лишився, а язъ паки своя дѣдины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложу, паки ли о(т)чину свою налѣзу и вашу всю жизнь»³⁸⁸. Эти слова свидетельствуют о том, что многие уходили с князем, пренебрегая оставшимися в Киевской земле селами и имуществом («жизнью»), и что в условиях вражды князей, когда эти имущества, как видно, конфисковывались, обратное их приобретение целиком и полностью зависело от верности тому князю, с которым человек связал свою судьбу: недаром «налезание» своей отчины и «всей жизни» бояр связывается Изяславом воедино. От князей, конечно, ожидалось разного рода «чести», «милости» и «жалования» за верную службу. Это привязывало к князю и обеспечивало верность. Неудивительно, что с древнейших времен вплоть до середины XIII в. (начиная от Свенельда и заканчивая Еремеем Глебовичем) сохраняется верная служба бояр князьям: есть примеры и переходов бояр из земли в землю с князем, и преемственности службы от князя-отца к сыну или наследственной службы боярского рода одной княжеской ветви. В случае Славяты и Бориса Жидиславича видим, что бояре могли перемещаться с князьями, оставляя даже родовые «богомолія» (в этом случае, кстати, видно, что если перемещение состоялось не во время княжеского «размирья», то имущества сохранялись за хозяевами).

Во же время параллельно этим интересам у знати должно было проявляться стремление к закреплению где-то в одном месте. Обычно это называют «оседанием дружины», которое связывается с развитием боярского землевладения. Мне этот термин представляется не слишком удачным, так как он подразумевает, что когда-то дружина была «бродячей» и «неоседлой» (выражаясь словами С. М. Соловьева) и только в какой-то момент начала «оседать» (как правило, добавляется: «на землю»). На самом деле желание иметь свой дом и семью в одном месте, сохраняя связи с родным городом или селением и т. д. надо признать вполне естественным для любого нормального человека. Бояре X в. наверняка точно так же хотели «осесть», как и бояре XII или всякого другого последующего столетия. Другое дело, что сделать это не всегда позволяли разного рода жизненные обстоятельства, прежде всего политические. Сила действия этих обстоятельств была в разные исторические периоды разной, но с тех пор, как князья Рюриковичи обосновались в Киеве, их дружинники никогда не были — и не могли быть — в настоящем смысле слова «неоседлыми».

Для X в. у нас нет данных, чтобы рассуждать об оседлости боярства, но в XI в. преемственность в местонахождении демонстрируют Янь Вышатич и Чудин с сыном Иванкой. В XII в. тоже были примеры, когда бояре предпочитали остаться в городе, не связывая свою судьбу с одним князем: Иван Воитишич, Улеб и Лазарь в 1146 г., позднее, возможно, Владислав Лях. Однако характерно, что последний из перечисленных бояр, стремясь в Киев, в итоге лишился свободы, став заложником межкняжеских отношений, логика и ход которых оказались сильнее его желаний. Сложное развитие этих отношений накладывало свой отпечаток на судьбы бояр и боярских родов и раньше — можно сослаться на пример братьев Чудина и Туки и

их сыновей Иванки и Станислава (если признавать отчество последнего как «Тукович»), которые оказались в дружинах князей, представлявших разные ветви рода Рюриковичей. Разумеется, надо предполагать, что перегруппировки знати при смене князей так или иначе кого-то сдвигали с насиженных мест и вовлекали в перемещения из земли в землю. В этих случаях преемственность в службе и в местонахождении противоречили друг другу.

Эти противоречия и сложности межкняжеских отношений и были, очевидно, главной причиной нарушений в преемственности родовой службы и перемен лояльности («переходов»). В XI в. фиксируются уже «переходы» при жизни князя, дружину которого боярин покидает, или после смерти князя, но не в согласии с «нормальным» порядком перехода к его наследнику (Порей и Вышата, сын Остромира, а также, вероятно, Туки). В XII в. у князей разных родовых линий оказываются Жирослав Иванкович, Шварн, Владислав Лях. В сложной коллизии интересов оказался Борис Жидиславич и другие ростово-суздальские бояре — здесь сыграли роль не только княжеские распри и интересы, но и борьба «старших» и «молодых» городов. Подчеркну, что все известные по летописи разрывы были связаны с большими политическими проблемами, и надо предполагать болезненность разрыва и его нежелательность для обеих сторон.

В то же время с древнейшей поры существовало, видимо, некое представление о нормальном порядке преемственности служебных отношений — от князя-отца к князю-сыну и с сохранением проживания в том же городе (или той же земле). Такой порядок видим уже на примере Свенельда, который после смерти Святослава остался в дружине его старшего сына в Киеве. Если преемственность власти и местонахождения совпадали и протекали в мирном ключе, то это был наиболее желательный и спокойный вариант для знати, и в этом случае могла осуществляться передача из поколения в поколение не только места в княжеской дружине, но и должности (киевская тысяча у Яня и Путяты, вышгородское посадничество или тысяча у Чудина и Иванки, воеводство и тысяча у Улеба и Ивана Воитишича в 1146 г.).

Именно такой «нормальный» порядок удовлетворял обе стороны интересов знати — и крепость месту, и доступ к власти. Не случайно, что в Галицкой земле знать прикладывала значительные усилия — и вплоть до конца XII в. успешно — к поддержанию такого порядка, который обеспечивал преемственность власти и единство земли³⁸⁹. Однако стабильность власти и территории на протяжении длительного промежутка времени — это было исключением в домонгольской Руси, и не случайно, что в первой трети XIII в. и в Галицкой земле эта стабильность нарушается.

В этой картине реальных (если угодно, «сословных» или «классовых») интересов знати «право отъезда» присутствует только где-то на заднем фоне. На практике собственно «отъезды», то есть добровольный уход боярина в индивидуальном порядке из дружины при жизни князя, должны были быть крайне редким

³⁸⁹ См.: Стефанович П. С. Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах... С. 176–220.

явлением. Такого рода уход был не только не в интересах князя, терявшего опору и инструмент власти, но и не в интересах боярина, который одновременно и терял доступ к власти, и крайне осложнял себе жизнь и деятельность в той земле, где оставался покинутый им князь, а если он уходил в дружину к враждебному князю, то подвергал себя риску «злой казни» за измену (не говоря уже о том, что безусловно терял всю собственность, которая конфисковывалась в пользу князя). Случайно ли, что, если не считать естественных перегруппировок знати при смене князей на том или ином «столе», при перемещении их из земли в землю или после их смерти, о таких «отъездах» источники домонгольского времени и не дают никаких данных?

Нет данных об «отъезде» и как юридической процедуре и обряде, хотя об «отпуске» (то есть изгнании) бояр из дружины и «лести» (измене) упоминается. Поскольку возможность выбора адресата службы не ставилась никем под вопрос и была принята по «старине» и в силу порядка политической «раздробленности», то о ней не говорилось специально. Естественным и само собой разумеющимся было право свободного «мужа» решать свою судьбу, в том числе определять условия и адресат службы, самостоятельно. Можно называть это свободой или свободой, но совершенно ошибочно считать это исключительной особенностью боярского статуса. Выражением этого права было, например, и право крестьянского «выхода», которое в четких формах фиксируется приблизительно тогда же, когда отливается в формулу княжеских докончаний и боярское право отъезда, то есть к XIV–XV вв. Дифференциация этого права на «выход» и «отъезд», фиксация и повторение его связаны уже с новыми условиями, в которых проходило объединение Северо-Восточной Руси под властью Москвы, и было бы неправильно проецировать эти условия на более раннее время. Право на «перемену лояльности» было естественным и признавалось «по умолчанию» на протяжении всего Средневековья, но просто позднее на нем был сделан акцент, потому что оно начало осознаться как некая проблема. Причины тому были разные, но главную роль, на мой взгляд, здесь сыграли усиление княжеской власти и развитие вотчинного, а затем и поместного землевладения. В домонгольское время «проблемными» осознавались другие вопросы во взаимоотношениях князя и служилой знати — прежде всего, как обеспечить выполнение тех обязанностей, которые лежали на каждой из сторон. Настаивать на праве отъезда как *институте*, служившем фундаментом «вольной» боярской службы, ошибочно. Такая логика ведет в конечном итоге к представлению о «бродячих» дружинах и «вольныхх» «вас-салах», поступающих по договору найма на службу к князьям и блюдуших свое «конституционное» право в любой момент покинуть ее, которое С. Б. Веселовский считал неверным для XIV–XV вв. и которое нельзя признать адекватным и для X–XIII вв.

Сравнение. В 1392 г. нижегородские бояре объявили своему князю Борису об отказе ему служить в следующих словах: «княже, не надѣйся на насъ, нѣсть есмь съ тобою, но на тя есмь» (ср. выше в части о присяге разбор этого известия). Можно,

видимо, поддержать мнение В. И. Сергеевича и Н. П. Павлова-Сильванского, что отказ от службы в такой форме отражает древнюю традицию, хотя источники домонгольского времени и не дают никаких данных за или против этого предположения³⁹⁰. Однако нельзя согласиться с Н. П. Павловым-Сильванским в том, что эти слова аналогичны западноевропейскому обряду расторжения вассального договора. Как уже говорилось выше, главный элемент этого обряда — *exfestucatio* — имел вполне определенное, очень специфическое содержание и был (по крайней мере, по мнению Ж. Ле Гоффа) неразрывно связан по смыслу и содержанию с ритуалами вступления в вассальную зависимость, которые принципиально отличались от древнерусского порядка оформления служебных отношений. Формулы сообщения вассалов о разрыве договора с сюзереном могли быть, действительно, как подметил Н. П. Павлов-Сильванский³⁹¹, близки по смыслу словам нижегородских бояр (что и неудивительно, потому что смысл этот был самый общий и естественный), однако вассальные ритуалы в целом представляли собой явление особое. Древнерусская архаическая традиция подразумевала, что как при приеме на службу, так и при уходе достаточно было устного заявления о намерениях.

Как и в случае с клятвой верности, эта традиция обнаруживает более явные аналогии за пределами средневековой Руси, если посмотреть на нее в более широком контексте — например, как вообще в разных культурах и государствах решалась проблема перемены лояльности. Очевидно, что в средневековой Европе эта проблема имела более или менее похожее измерение: право вольного человека выбирать условия и адресат службы в древности было естественным, но в условиях развития государственного начала с течением времени так или иначе ограничивалось — либо целенаправленной политикой власти, либо силой обстоятельств. Каким образом эти процессы протекали в разных европейских странах — это предмет специальных, видимо, обширных исследований. В данном случае я рассмотрю одну параллель между древнерусскими и древнескандинавскими традициями. В скандинавских странах также (как отметил еще М. П. Погодин — см. выше, с. 150) существовало право ухода свободных людей из дружины знатного человека или конунга, а структурно-типологические процессы и явления, как известно, во многом были аналогичны древнерусским (не говоря уже о том, что возможно было и прямое влияние скандинавов на Русь).

В исландских сагах, посвященных истории Норвегии, очень часто упоминается о том, что какой-то знатный человек пришел в дружину того или иного конунга

³⁹⁰ Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 385; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 102. Не сравнивая здесь это свидетельство с другими данными о порядке отказа бояр и вольных слуг с княжеской службы в XIV–XV вв., отмечу только, что эти данные заставляют предполагать в это время более сложную процедуру отказа-отъезда (см. наблюдения С. Б. Веселовского, изложенные выше, с. 157–158), однако, по моему мнению, эти сложности более позднего происхождения, связанные с развитием тенденции по ограничению независимости служащей знати и выдвигению на первый план ее обязанностей перед князем.

³⁹¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 441.

или ушел от него. Очень распространено, особенно в эпоху викингов, было наемничество, которое в принципе подразумевает свободные договорные отношения. Однако те же самые саги сообщают, во-первых, о случаях, когда конунг не отпускал человека, заявившего о своем желании уйти, и, во-вторых, о некоторых ограничениях «переходов» — например, сложить с себя обязательства по службе или поступить на службу конунгу можно было, как правило, только в определенное время — во время зимнего праздника йюля (скандинавский языческий Новый год, который с христианизацией был приурочен к Рождеству), а для временной отлучки надо было получить у конунга разрешение на «отпуск»³⁹². Трудно сказать, идет ли речь здесь об исконных обычаях или о ретроспективном описании, сделанном уже людьми другой эпохи. Саги, дошедшие до нас и описывающие события X–XI вв., были записаны не ранее рубежа XII–XIII вв., когда в скандинавских странах уже было очень значительно влияние континентальной вассально-рыцарской культуры. Традиция собрания дружины и решения внутренних вопросов во время йюля не может подлежать сомнению. Но, например, разрешение на временную отлучку — это очень похоже на позднюю практику, зафиксированную в «Хирдскра» — норвежском сборнике законов (уставе), регулирующих порядок в княжеской дружине (*hird*), — когда служба знати приобрела более организованный и «государственный» характер³⁹³. С другой стороны, чисто теоретически можно допустить, что норвежские конунги, о которых повествуют «королевские саги», могли бороться за власть и единство подчиненной территории, либо опираясь на какие-то обычаи, либо же волюнтаристски противостоя «праву отъезда».

Более архаическим выглядит датское законодательство — так называемый *Vederlov* или, в латинской передаче, *Lex Castrensis*, устав датской дружины (*witherlag*), который старше норвежского как минимум на столетие. Это — один из древнейших законодательных памятников Дании. Создание его приписано Кнуду I Великому, королю датскому, английскому и норвежскому (ок. 995–1035 гг.), который пытался установить порядок в большой и разномастной дружине, собравшейся у него в Англии (где он большей частью находился). Однако текст был записан в начале или середине 1180-х гг. в окружении и по инициативе короля Кнуда VI и Абсалона, архиепископа Лундского. Восходит ли что-то в этом тексте, действительно, к временам Кнуда Великого, и если да, то что именно, — предмет дискуссий в историографии. Дело осложняется тем, что памятник сохранился в нескольких редакциях, и неясно, какая из них ближе оригинальной. Из двух вариантов текста на латыни ранняя редакция датского историка конца XII в. Свена Аггесена признаётся в целом более аутентичной по сравнению с более поздней и распространенной версией знаменитого историка Саксона Грамматика. Сохранилась редакция и на датском языке, близкая к версии Аггесена, которая восходит,

³⁹² См., например, в «Саге об Олаве святом» (гл. 42–46: Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980) и в «Саге об Эгиле» (гл. 22: Исландские саги / Под ред. О. А. Смирницкой. Т. 1. СПб., 1999)

³⁹³ Об отлучках говорится в главе 29 (34) сборника, см.: *Hirdskræen: hirdloven til Norges konge og hans håndgangne menn, etter AM 322 fol, ved Steinar Imsen, Oslo 2000, s. 126–128.*

вероятно, к XIII в., но неясно, отражает ли она оригинал или основана на тексте Аггесена. Осторожный подход заставляет признать следы политической программы королевской власти конца XII в., но в то же время большинство историков сходятся в том, что в памятнике отразилось некое историческое ядро³⁹⁴.

Два постановления Vederlov находят явные аналогии с фактами древнерусской истории. Первое, короткое, приводится во всех редакциях с минимальными различиями, не меняющими смысла, и по своему содержанию едва ли соответствует эпохе конца XII в., поэтому естественно отнести его именно к этому ядру. Привожу текст по датской версии (статья 5-я из всех девяти): «Если кто-то захочет покинуть службу своего господина, тогда он должен на восьмой день после йюля в присутствии двух членов дружины объявить о своем уходе (*latæ after sigia thiæneste sin meth twa witherlaghæ mæn*). После этого он может служить другому господину»³⁹⁵.

Смысл этого короткого постановления вполне прозрачен: дружину может покинуть всякий, выполнив два условия — во-первых, объявить об этом в определенный день (на восьмой день после йюля), во-вторых, представить двух дружинников, видимо, в качестве свидетелей и гарантов того, что за ним не числится никаких долгов и проступков. Условия эти вполне естественны и едва ли были обременительны. Понятны и причины, которые могли заставить Кнуда Великого зафиксировать эту норму: в большой и разнородной армии, которая образовалась у него при дворе в ходе и в результате образования его огромной империи, королю трудно было сохранить личную связь с каждым из его «мужей» и самому контролировать внутренние отношения, и именно законодательная инициатива должна была компенсировать этот вакуум коммуникации и контроля и сгладить последствия отчуждения между вождем-правителем и дружиной. Поскольку король мог и не знать всех обстоятельств судьбы и службы человека, заявившего о своем уходе, естественно, что требовалось свидетельство двух дружинников, бывших в курсе дела.

Если признать древность и традиционность этой статьи Vederlov, следует считать, что среди скандинавов X–XII вв., а значит, и в среде варяжских «находников» на Руси «право отъезда» было общепризнанной нормой. Это вполне соответствует предложенному выше тезису, что в домонгольской Руси право выбора адресата службы считалось само собой разумеющимся. Так же, как на Руси, в Се-

³⁹⁴ См. обсуждение проблемы: *Jørgensen P. J.*, *Dansk Retshistorie: Retskildernes og forfatningsrettens historie indtil sidste halvdel af det 17. aarhundrede*, 4. oplag, København 1969, s. 56–64 (впервые издано в 1940 г.); *Christiansen A. E.*, *Kongemagt og Aristokrati. Epoker I: Middelalderlig Dansk Statsopfattelse indtil Unionstiden*, København 1976, s. 31, 46 (впервые издано в 1946 г.). Наиболее скептический взгляд по поводу древности законов выражен в работе: *Christiansen E.*, *The Works of Sven Aggesen Twelfth-century Danish historian*, London 1992. Здесь же дан перевод на английский язык текста памятника в версиях Аггесена и датской.

³⁹⁵ *Den Danske Rigsløvgivning indtil 1400*, udgivet ved E. Kroman, København 1971, s. 3. Здесь же опубликованы тексты Аггесена и Саксона. Ср. также немецкий перевод устава с историческим комментарием: *Dänische Rechte, übersetzt von C. von Schwerin, Weimar, 1938*.

верной Европе не предполагалось специальных ритуалов для оформления ухода с службы конунгу — достаточно было устного заявления, сделанного публично.

Любопытная аналогия заметна также, если посмотреть на то, в каком политическом контексте происходит актуализация старинного права свободного ухода с княжеской (королевской) службы. На Руси «право отъезда», как и другие нормы боярской службы, юридически закрепляются и вводятся в «политический дискурс» довольно поздно — только в XIV в., а до этого они существовали в плоскости обычного права. Выше уже было коротко отмечено, что акцент на правах служащей знати следует связывать с более ожесточенной борьбой князей за служилых людей, более сильным давлением обязанностей государственной службы и идеологических требований верности; с повышением роли боярского землевладения возникла также необходимость регулировать его статус при отъезде. В Дании сборник традиционных норм дружинного права хотя и, вероятно, существовал с начала XI в., но позднее был, видимо, забыт и вернулся снова в обиход только в 1180-е гг. Как показывают специальные исследования обработки этого устава и комментариев к нему у Аггесена и Саксона, актуализация его в это время тоже не была случайной, а отражала трансформацию отношений короля и знати. В объединенном королевстве конца XII в. королевская власть стремилась привести к единству и покорности или по крайней мере предсказуемости служилую знать. Именно этой цели должно было служить в целом законодательство *Vederlov*. Часть постановлений акцентировала обязанности знати, а часть призвана была признать традиционные обычаи и привилегии. В этой последней части и было повторено старинное право «отъезда», хотя в реальности, как отмечается в специальных исследованиях, объявление этого права носило, видимо, декларативный характер. На практике в этой норме не было уже нужды — в условиях единого государства и развития частного землевладения служить можно было фактически только при королевском дворе. Уходить было некуда и незачем, независимость знати обеспечивалась уже на других основаниях — а именно развитию сословного начала. Не случайно, что больше эта норма никогда в Дании не упоминается³⁹⁶.

Более пространна 4-я статья датской версии *Vederlov*, которая тоже касается ухода из дружины, но регулирует другой случай: не добровольный уход, а изгнание за провинность. Она примыкает к статье о преступлении против короля, и поскольку обе статьи по содержанию связаны, а в латинских версиях они и пересказываются в одних пассажах, то стоит процитировать их вместе. «[3]. Если кто-то оказался бесстыдным и подлым предателем и замыслил, подобно Иуде, злое дело против своего господина, — постановляет закон, — то он лишен своей жизни и всего, что имеет. [4]. Если король хочет выгнать кого-то из дружины, тогда он должен сперва, послав двух дружинников к тому на двор, объявить ему в присутствии его товарищей и в его „квартиле“ (*i sin sveet oc i sin fiarthing*: имеются в виду

³⁹⁶ *Riis Th.*, *Les Institutions Politiques Centrales du Danemark 1100–1332*, Odense 1977, p. 232–235; *Gelting M. H.*, *Military organization, social power and state formation in Denmark, 11th.–13th. century // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1–1300*, edited by A. N. Jørgensen and B. L. Clausen, Copenhagen 1997, p. 48–54.

какие-то разделения на группы внутри дружины. — П. С.) о приглашении на дружинную сходку (*huskarlastefna*: собрание всей дружины. — П. С.) и назначить место и день. Если он не придет на сходку, король должен послать к нему домой и второй раз позвать его, назначив место и день. Если он снова не придет, то король должен в третий раз его пригласить, у него дома, и сказать ему, когда и куда он должен прийти. Если он не придет на сходку, то да будет он осужден и покинет страну, а король возьмет всё, чем он обладал. Если же он придет на сходку и король, заручившись свидетельством двух дружинников и принеся святую клятву, сможет доказать, что тот замыслил против его жизни и против страны, тогда он лишен места в дружине и своей жизни. Если дружинники не решаются подтвердить это (то есть вину обвиняемого. — П. С.) и принести клятву, то должен он божьим судом либо пропасть, либо быть огражден, а именно [через проверку] каленым железом (имеются в виду ордалии. — П. С.), согласно законам, которые дал Кнуд Старый»³⁹⁷.

Авторы латинских версий Vederlov более многословны в пересказе этих статей и сообщают дополнительные детали, касающиеся главным образом самой процедуры суда обвиняемого и порядка его изгнания³⁹⁸. В главных пунктах версия Аггесена (в тексте которого, впрочем, есть лакуна, приходящаяся на большую часть статьи о порядке суда над обвиненным) ближе к датской, чем версия Саксона. Последний ставит предательство короля в один ряд с другими преступлениями — в основном оскорбления и другие действия против других дружинников — и для всех них предусматривает судебное разбирательство. Кроме того, он не говорит эксплицитно о конфискации всего имущества предателя или осужденного на изгнание. Это умолчание ученые связывают с реальными условиями конца XII в., когда королевская власть не могла открыто заявить о такого рода претензиях³⁹⁹. Текст устава в пересказе Саксона, видимо, вообще больше модернизирован, и в данном случае более аутентичными надо считать две другие версии.

Общий смысл статей в датском тексте и в латинском изложении Аггесена сводится, очевидно, к следующему. Различаются два вида преступлений членов королевской дружины. Одно — предательство короля или козни против него — карается «без суда и следствия» по прямому указанию короля. Для всех других провинностей — к сожалению, датский текст не уточняет, каких именно, а у Аггесена здесь лакуна — предусматривается определенная юридическая процедура доказательства вины и осуждения, причем весь процесс имеет публичный характер. Это постановление очень напоминает известие Галицко-Волынской летописи об изгнании Мстиславом «Удатным» боярина Жирослава после публичного, перед лицом всех остальных бояр, обличения⁴⁰⁰. Это обличение князь должен был про-

³⁹⁷ Den Danske Rigslovgivning..., s. 2–3.

³⁹⁸ Ibidem, s. 22–24, 37–39.

³⁹⁹ *Gelting M. H.*, Op. cit., p. 49–50.

⁴⁰⁰ В этот же ряд надо поставить известия источников XIV–XV вв. об «исправе», которую должен провести князь, подозревающий провинность за кем-то из служащих ему бояр, см.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 476–477.

известно, очевидно, именно потому, что Жирослав обвинялся не в предательстве князя как таковом, а только в том, что приписал Мстиславу какие-то недобрые замыслы против остальных галицких бояр. С другой стороны, в тех случаях, когда сообщается о «казни» бояр (например, о смерти новгородского посадника Константина), данные Vederlov датского дружинного устава заставляют предполагать обвинения в предательстве и, соответственно, наказание по прямому «княжю слову». Эти нормы, которые в датском законодательстве получили юридическое оформление, а существование которых в Древней Руси надо предполагать на уровне обычного права, безусловно влияли на порядок ухода дружинников с княжеской службы, а значит, этот порядок определялся далеко не только «правом отъезда» и был значительно сложнее, чем то представляется сторонникам идеи «боярской вольности».

Итоги

Итог исследования в негативной формулировке может звучать так: домонгольская Русь не знала присяги верности дружинников и права отъезда как институтов системы взаимоотношений князя и служилой знати. Разумеется, это не говорит ни в коей мере об отсталости или неразвитости форм общественной жизни Древней Руси. Просто они оказываются иными по сравнению с теми, которые ожидаются, если исходить из абстрактных соображений или поздних явлений, спроецированных на древнейшую эпоху. Вступление в дружину оформлялось не клятвой, но другим, вполне определенным способом. Бояре покидали службу князей и переходили из дружины одного князя в другую, но эти перемены лояльности регулировались не специальным письменно зафиксированным правом, а были результатом сложного сочетания обычноправовых норм, практических интересов и ориентации на некоторые общие понятия. Эти выводы можно назвать положительным итогом исследования.

Вместо принесения клятвы русские бояре в X–XII вв., поступая на службу к князю, произносили определенные слова с выражениями симпатии и верности: «быть в приязнь» или «приятъ в сердце», а также — более распространенное — «готовъ сложить голову». Это не был формализованный обряд со специальным назначением. Те же слова могли произноситься и не при вступлении в дружину, но при любом случае испытания взаимной верности (например, перед битвой). Кроме того, сфера их применения не ограничивалась дружинными отношениями. Формализация приходит позднее: с XIII в. начало использоваться более специальное выражение, подчеркивавшее служебный характер отношений, «служить животом», а с другой стороны, произнесение этих устных формул могло уже сопровождаться клятвой в виде крестоцелования (правда, во всех зафиксированных случаях клятва приносилась коллективно). Однако в условиях объединения русских земель под властью Москвы эта тенденция не привела к развитию клятвы вассального типа, но была подавлена всё более доминирующей практикой обязательного приведения к присяге (по правовой сущности, присяге

подданных) либо всего населения, либо служилой знати или даже отдельных ее представителей.

О праве отъезда в X–XIII вв. можно говорить только условно — в смысле права любого свободного человека на выбор условий и адресата службы. Это право не формулировалось эксплицитно, потому что подразумевалось как нечто естественное. Естественными в условиях политическо-территориальной «раздробленности» были и перегруппировки знати при переходе князей из города в город. Вместе с тем в тех редких случаях, когда источники позволяют проследить перемены в службе отдельных бояр или боярских родов, фиксируется значительно больше примеров верной службы боярина или наследственной службы рода князьям одной линии. Свободные «отъезды» и «переходы» в индивидуальном порядке должны были противоречить практическим интересам и потребностям как князей, так и знати.

Способы утверждения отношений верности между князем и боярином и порядок разрыва этих отношений находят соответствия друг с другом и в своей сути, и в той трансформации, которую они переживают. Древнейшие устные формулы верности и естественность права выбора службы коррелируют между собой постольку, поскольку подразумевают сравнительную свободу отношений, основанных на договоре и взаимности. Согласие «приятъ в сердце» князя или готовность за него «сложить голову» обозначали личную преданность в самом общем смысле, не имея в виду прямо обязательства безусловной и бессрочной службы. Такого обязательства не подразумевается и в тех случаях, когда фиксируются перемены лояльности бояр. Однако нечто подобное появляется тогда, когда проявляется стремление князей ограничить эту свободу: формуле «служить до живота» соответствует акцент на таких понятиях, как «лесть», «вина» и «гнев». Эти ограничения в домонгольское время формулировались еще с помощью архаического образно-символического языка. Только в XIV–XV вв. в сферу отношений князя и знати проникает религиозная санкция. В данном случае это явление прослежено на примере использования крестоцелования в качестве присяги подданных и при «укреплении» верности отдельных представителей знати крестоцеловательными и поручными записями. Однако то же самое происходит и применительно к праву отъезда — именно к XIV в. относятся первые церковные поучения с религиозно обоснованным осуждением тех, кто покидает службу князю⁴⁰¹.

Более того, соответствия находим и в самом содержании формул вступления в дружину и разрыва отношений с князем. Слова нижегородских бояр, произнесенные в 1392 г. и выразившие их разрыв с князем: «княже, не надеися на нас, несть есмы съ тобою, но на тя есмы» — по смыслу очень близко соответствуют той формулировке, к которой прибег Блуд, согласившийся служить Владимиру Святославичу: «аз буду тебе в сердце и в приязньство». Некоторую аналогию можно усмотреть и выражению «готов сложить голову» в случайно донесенном летописью условии княжеского договора: «оже ся князь извинит, то в волость, а муж у голову». Речь здесь идет о наказании провинившегося перед князем дружинника, то

⁴⁰¹ См.: Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 193–199.

есть тоже в каком-то смысле о разрыве отношений между ними. Конечно, аналогия здесь не совсем прямая, потому что *голова* часто символизировала *жизнь* в разных фразеологических оборотах. И тем не менее в этих двух фразах очевидны общие смысл и контекст. Они имеют в виду службу, которую «муж» должен исполнять, не щадя собственной жизни и как бы отдавая ее в распоряжение князя: либо на войне, либо за провинность.

Эти соответствия не случайны, они отражают разные элементы единой системы норм и представлений, определявших порядок взаимоотношений князя и знати. Система эта была очень сложной, во многом архаической, и с трудом поддается расшифровке рациональными методами современной науки. Но ее понимание открывает важные стороны общественного устройства Древней Руси.

Десятские

«Что такое эта *волость*, владевшая обширной территорией в несколько сот верст и деятельно охранявшая ее от цепких рук чернецов богатого монастыря? Эта волость — Словенский Волочек — была общиной, как и другие древние волости». Так начинается один из разделов знаменитого исследования Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси»¹. До приведенной выдержки в работе ученого талантливо и, можно сказать, с художественным мастерством была описана природа той обширной территории (более 900 квадратных километров), какую занимала в XV в. эта белозерская волость, рассказано о поселениях в Словенском Волочке, их расположении на местности, числе дворов, количестве населения в разные эпохи, с XV по конец XIX в. включительно. Общая картина получалась разносторонней, исторически живой и глубокой, а потому во многом убедительной. Но почему Н. П. Павлов-Сильванский заключил, что эта волость была общиной? Доказательств такого утверждения исследователь ранее не привел, если не считать замечания о том, как в средневековье между Словенским и Порозобицким озерами на территории Волочка Словенского посуху волочили торговые ладьи и как владельцы ладей оплачивали труд по транспортировке своих судов и товаров. Деньги за волочение составляли доход местных жителей. «Около 1450 года великий князь, — писал Н. П. Павлов-Сильванский, — поделил этот доход между волостными крестьянами Волочка Словенского и двумя соседними монастырями, Кирилловым и Ферапонтовым, и одну треть всех проходящих судов предоставил „волочити“ людям этих монастырей, а две трети оставил по старому на долю местных „волостных людей“»². Если волостные люди все вместе имели право на прохождение по волоку речных судов и все вместе получали за это плату, то речь, действительно, должна идти об определенной организации волощан, и волость можно было бы представить себе как некую общину. Однако документ, на который ссылался Н. П. Павлов-Сильванский, говорил об ином. Автор «Феодализма в удельной Руси» имел в виду жолованную грамоту властям Кириллова и Ферапонтова монастырей, данную около 1454–1455 гг. не великим князем, как писал

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. Гл. I. § 4. С. 16.

² Там же. С. 5.

Н. П. Павлов-Сильванский, а местным вотчичем князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем, на долю в Словенско-Порозобицком волоке. Монастырям князь Михаил «велѣл есмь имь треть волочити, а два жеребья велѣл есмь волочити волочаном волостным людям и слугам и черным»³. Выясняется, что кроме монастырских жителей волости Волочек Словенский ее населяли также люди волостные, слуги (скорее всего, княжеские) и еще «чёрные», очевидно, черные люди. Оставляя пока в стороне вопрос о том, в каком соотношении между собой находились волостные люди, слуги и черные, является ли первый термин обобщением двух последующих или речь идет о трех категориях немонастырского населения волости, необходимо подчеркнуть главное: немонастырские жители Волочка Словенского состояли из лиц разного социального статуса и не могли быть общинниками с равными правами и обязанностями.

Если использованный Н. П. Павловым-Сильванским в начале своего исследования документ не дает права утверждать, что волость Волочек Словенский представляла собой общину, то какие же другие доказательства привел ученый для обоснования своего тезиса о том, что все средневековые русские волости представляли собой общины? Основной аргумент состоял в том, что во многих документах конца XIV — XVI в., относящихся к самым различным волостям русских средневековых княжеств и Новгорода Великого, а позднее и единого Русского государства, упоминались старосты, сотские и десятские, а они, как было совершенно очевидно всякому мало-мальски образованному человеку XIX в., представляли собой выборных руководителей крестьянского мира. Десятский, по определению В. И. Даля, «Толковый словарь живого великорусского языка» которого первым изданием вышел в свет в 1863–1866 гг., это «полицейский служитель, по наряду от обывателей; сторож от десятого дома, от десятка, десятни; помощник старосты, выборного, нарядчик; род рассыльного из земской полиции, иногда подчиняемый сотскому»⁴. Что касается сотского, то он, по словам В. И. Даля, представлял собою в XIX в. «род полицейского надзирателя, по выбору из крестьян; звание крайне униженное; сотские, как и десятские, обратились в служителей и в рассыльных чинов полиции»⁵. Перенеся представления XIX в. о выборных крестьянских старостах, сотских и десятских в далекое прошлое и используя при этом около 50 грамот XV–XVI вв., Н. П. Павлов-Сильванский приходил к общему заключению: «Волостная община XV в. теперь нам ясна. Грамоты XV и XVI веков дают нам точный, отчетливый рисунок и ее устройства и ее значения. Грамот этого времени не так много, и при их свете, как бывает при лунном освещении, некоторые черты остаются в тени, но главные линии рисунка выступают вполне отчетливо. От этого XV-го века нам предстоит спуститься в глубь древности, к X-му и XI-му векам Киевской Руси. В этой древности — уже не лунный свет и тени, а только слабые проблески... Здесь нет ничего подобного обстоятельным уставным грамотам, а только несколько отрывочных фраз Русской Правды и летописи. Понять эти фразы мы

³ АСЭИ. Т. II. М., 1958. № 159. С. 96.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955. С. 433.

⁵ Там же. Т. IV. М., 1955. С. 282.

можем только связав их с известиями более позднего времени, связав X-й век с более ясным XV-м веком»⁶. И далее историк указывал на упоминания дворских и сотских в грамоте 1414 г., сотских, дворских и десятских в грамоте 1404 г., дворско-го и старосты в грамоте 60-х гг. XIV в., старост в грамотах владимирских князей Андрея Александровича и Ивана Калиты, сотских в летописных статьях 1231, 1197, 1195, 1178, 1118 и 1113 гг. и древнейшее упоминание сотских и десятских в летописном рассказе 996 г.⁷ «Все эти древнейшие случайные упоминания летописи о сотских и старостах, при сопоставлении с ясными известиями о волостях и погостах-общинах, XV–XIII вв., — подводил итог Н. П. Павлов-Сильванский, — говорят очень много; подтверждая архаичность волостной общины XV века, они доказывают существование ее, но, конечно, опять-таки, не начало, в XI и X столетиях»⁸.

К сожалению, от внимания исследователя ускользнуло редкое петербургское издание 1844 г., в котором были опубликованы документы из медного кувшина, найденного при земляных работах в московском Кремле в 1843 г. Как теперь выясняется, это были документы, спрятанные, скорее всего, сыном последнего московского тысяцкого Иваном Васильевичем Вельяминовым при его бегстве из Москвы к тверскому князю Михаилу Александровичу в конце февраля — начале марта 1375 г.⁹ В одном из документов читались слова «с Борискова десятка... Семеникова десятка полтинѣ не дали»¹⁰. В другом читалось «Олекса с Ыльѣю своего десятка полтиною завелься»¹¹. В третьем — «взяли десятокъ»¹², еще в одном — «полутора рубля сь десятка»¹³. Даже из этих отрывочных фраз становится очевидным, что в 70-х гг. XIV в. на Руси существовали десятки, определяемые по именам лиц, и эти десятки объединяли людей, которым давались деньги на производственные, торговые или личные нужды и которые должны были выплачивать с десятки различные суммы. В последнем отношении десятки использовались кредиторами как определенные фискальные единицы. В кувшине сохранился и полный список одного десятка, в котором было ровно 10 человек во главе с десятским Степаном: «Давыдько, Клименьтеи, Иваньке, Григорько, Кузомька, Коньдратько Березина, Лукьянь, Деменьтеико сыномь, Степань десятицкой»¹⁴. Десяток мужчин, конечно, коллектив, но отнюдь не община. К сожалению, документы кремлевской находки 1843 г. не позволяют яснее определить, что это были за десятки, кого

⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 89.

⁷ Там же. С. 89–92.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Кучкин В. А. Документы кремлевской находки 1843 г. — часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // Материалы юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность». М., 1998. С. 27–29.

¹⁰ Бередников Я. И. Записка об открытых в московском Кремле древностях. СПб., 1844. С. 6.

¹¹ РГАДА. Ф. 135. Приложение. Рубр. III. № 116. Л. 6.

¹² Там же. Ф. 135. Рубр. III. № 6.

¹³ Там же. Ф. 135. Рубр. III. № 11.

¹⁴ Там же. Ф. 135. Рубр. III. № 3.

именно возглавляли десятские. В актовых материалах XII–XV столетий термин десяток как обозначение общественной группы отсутствует¹⁵. Но термин десятский в них есть. Анализ этого термина, но не выборочный, как получилось у Н. П. Павлова-Сильванского, опиравшегося в своих разысканиях на несколько десятков грамот, а полный, систематический, позволит точнее представить, кто такие были десятские, какие функции выполняли, в каких местах был распространен этот институт. При этом изучение должно вестись по родам и видам исторических источников, поскольку разные источники, упоминая десятских, имеют свои специфические особенности в освещении их деятельности, и эта специфика должна строго учитываться при общей характеристике и оценке института десятских. Необходимо также идти тем логическим путем исследования, каким шел Н. П. Павлов-Сильванский: от известного к менее известному, от рассмотрения материалов более поздних и более многочисленных к свидетельствам более ранним и малочисленным, т. е. не поступательно по времени, как обычно изучается прошлое, а в обратном хронологическом порядке. Лишь после этого можно воссоздать картину появления и исторического развития института десятских в средневековой Руси и в какой-то степени охарактеризовать десятки, во главе которых стояли десятские.

* * *

Начать следует с анализа поздних иммунитетных грамот XV — начала XVI в., точнее, с того раздела этих грамот, которые содержат обельное постановление. Именно в последнем чаще всего упоминаются десятские, а сами иммунитетные грамоты представляют собой наиболее многочисленный источник из всех видов актов русского средневековья.

Самой ранней грамотой, содержащей упоминание десятского, является жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, выданная 10 мая 1404 г. звенигородским князем Юрием Дмитриевичем игумену Савво-Сторожевского монастыря Савве на село Белгино с деревнями в Звенигороде, село у Василия Святого в Замошье в Рузе и на борть по рр. Иневе, Наре и Нахабне. Именно ее упоминал в своем труде Н. П. Павлов-Сильванский. По этой грамоте монастырские люди освобождались от разного рода платежей и повинностей, в числе которых предусматривалось: «Така ж ни к сотцкому, ни к дворскому, ни десятскому с тяглыми людьми не тянут ни в которые проторы и в разметы, ни в ыныи в которые пошлины»¹⁶. Грамота эта дошла в списке начала XVI в., причем позднейшие копиисты стремились придать ей вид подлинника¹⁷. Данное обстоятельство заставляет проявлять известную осторожность в оценке приведенной обельной формулы (вре-

¹⁵ Возможное исключение — тверская грамота 1435–1437 гг. О ней см. ниже, примеч. 383.

¹⁶ АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 53а. С. 80–81.

¹⁷ Там же. С. 82. Характеристику этой грамоты см.: Назаров В. Д. К ранней истории Савво-Сторожевского монастыря // Звенигород. Проблемы изучения истории и культуры. Тезисы научной конференции. М., 1991. С. 9–11.

мени ее появления и места бытования), но следует отметить, что в более поздних грамотах подобные постановления встречаются достаточно часто. От приведенного они могут отличаться упоминанием сотских, дворских и десятских не в единственном, а во множественном числе, инверсией первых двух элементов (упоминанием на первом месте дворского, а сотского на втором), а также наличием тех или иных характеристик элемента грамот о пошлинах (наиболее распространена заключительная фраза «ни иные им некоторые пошлины не надобе»). Таковы обельные формулы в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте от 15 января 1466 г., данной великой княгиней Марией Ярославной, вдовой Василия Темного, другой вдове — Василия Михайловича Шеина Стефаниде с сыном Дмитрием на их села и деревни в Вольском и Пошехонье¹⁸; в жалованной тарханно-обельной, льготной и несудимой грамоте, выданной 17 марта 1466 г. той же великой княгиней Марией Ярославной архимандриту ярославского Спасского монастыря Христофору на монастырские земли в Романове городке и его волостях¹⁹; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 7 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на село Ивановское с деревнями в волости Тошна и Лоскома в Вологде²⁰; в жалованной льготной, обельной и несудимой грамоте, данной 17 октября 1472 г. великим князем Иваном III архимандриту суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоакиму на земли в Медвежем Угле и на реке Уводи в Суздале²¹; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1473 и 1485 гг. великим князем Иваном III Н. Л. Заболотскому на его село Думинское с деревнями в Повельском стане Дмитровского уезда²²; в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 15 февраля 1476 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим старцам Кирилло-Белозерского монастыря на пустошь Вороновскую в волостях Тошне и Лоскоме в Вологде²³; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 5 февраля 1482 г. великим князем Иваном III игумену Никольского Мокрого монастыря на р. Сухоне на деревню и пустошь в вологодской Пельшемской волости²⁴; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной между 18 и 30 сентября 1485 г.²⁵ начавшим править в Твери великим князем Иваном Ивановичем Молодым игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Медну с деревнями

¹⁸ Там же. № 341. С. 249.

¹⁹ АСЭИ. Т. III. № 203. С. 214 (подлинник).

²⁰ АСЭИ. Т. II. № 199. С. 129.

²¹ Там же. № 466. С. 505.

²² АСЭИ. Т. I. № 419. С. 308 (подлинник).

²³ АСЭИ. Т. II. № 232. С. 153–154 (подлинник).

²⁴ АСЭИ. Т. III. № 278. С. 294.

²⁵ Грамота была дана в Твери в сентябре месяце 1485 г. старшим сыном Ивана III Ивана Молодым — АСЭИ. Т. I. № 517. С. 392. По сообщению летописи, Иван Иванович, получив от отца титул великого князя тверского, въехал «въ городъ Тверь жити» 18 сентября 1485 г. (ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 205). Следовательно, грамоту он мог выдать 18–30 сентября 1485 г., если 6994 год грамоты — сентябрьский.

в Новоторжском уезде²⁶; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 6 апреля 1486 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Михайловское с деревнями в Вышгородской волости и в Повельском стане Дмитровского уезда²⁷; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 27 июля 1487 г. великим князем Иваном III вотчиннику И. М. Глядящему на половину его села Глядящего в Куземском стане Муромского уезда²⁸; в жалованной данной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной 16 ноября 1498 г. бывшим казанским ханом Мухаммед-Амином игумену Троицкого Белопесоцкого монастыря Владимиру на лесные участки в Туровской волости и в Раствавском стане в Кашире²⁹.

В двух жалованных тарханно-обельных и несудимых грамотах, выданных между 18 и 30 сентября 1485 г.³⁰ великим князем Иваном Молодым игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на деревни села Медна в Тверском уезде и «в Отъезце», а также на села Ивановское и Пестово с деревнями в Кашине³¹, и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 26 апреля 1504 г. дмитровским князем Юрием Ивановичем игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села Михайловское и Пестово с деревнями в Нерехоцком стане и Жабенской волости Кашинского уезда³², рассматриваемое обельное постановление дополнено указанием «опрочъ (опричь) церковных пошлин».

Еще более развернуто подобное обельное постановление в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 17 мая 1462 г. великим князем Иваном III властям Троице-Сергиева монастыря на село Присецкое с деревнями и монастырскими куплями в Бежецком Верхе, где указывалось, что монастырские сельчане и деревенщики «ни къ сотцкымъ, ни къ дворским, ни къ десятцкымъ с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни въ розметы, ни в ыные ни въ которые пошлыны не тянут никоторыми дѣлы, никакие пошлыны им не надобѣ, опрочѣ одного татарьского яму»³³.

С другой стороны, анализируемая обельная формула оказывается сокращенной в трех жалованных обельно-несудимых и заповедных грамотах от июля 1492 г. великого князя Ивана III игумену Троице-Сергиева монастыря Симону на села Борисовское, Куровское и Лобановское с деревнями в Поротовской волости Можайского уезда³⁴; на села, деревни и пустоши в Городецком стане, Пирогове и Ивановском стане Бежецкого уезда³⁵ и на села Рождественское, Удинское, Пере-

²⁶ АСЭИ. Т. I. № 517. С. 391–392.

²⁷ Там же. № 529. С. 407 (подлинник).

²⁸ АСЭИ. Т. III. № 109. С. 146. После слов «не тянут ни в какие проторы, ни в розметы» добавлено «ни в посoshное».

²⁹ АСЭИ. Т. I. № 618. С. 530.

³⁰ О дате грамоты см. выше, примеч. 24.

³¹ АСЭИ. Т. I. № 518. С. 393; № 519. С. 394 (подлинник).

³² Там же. № 653. С. 577 (подлинник).

³³ Там же. № 304. С. 214 (подлинник).

³⁴ Там же. № 567. С. 445 (подлинник).

³⁵ Там же. № 568. С. 446 (подлинник).

тержское с деревнями в Кинельском, Городецком станах и Нуткобале (Куткобале) Угличского уезда³⁶, где нет заключительного оборота о пошлинах (слов «ни иные им некоторые пошлины не надобе»).

Впрочем, в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной 20 февраля 1463 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем Дмитрию Васильевичу Бобру на его село Спасское с деревнями и пустошами, располагавшимися в княжеской дмитровской Вышгородской волости, эта сокращенная формула дополнена указанием «ни двора волостелева не ставят»³⁷.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 21 февраля 1473 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на Троицкий монастырь на Березниках в московской волости Воре, термин «тяглые люди» заменен термином «черные люди»: «ни к сотским, ни к дворьским, ни к десятским с черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни ыные ни в которые пошлины»³⁸. В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 13 сентября 1472 г. и 31 августа 1473 г. (при условии, что [69]81 год грамоты поставлен по сентябрьскому летосчислению) великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на села Кучки и Деревенку в Юрьев-Польском уезде слова «с тяглыми людьми» заменены на оборот «с городскими людьми и с волостными»³⁹.

Во многих жалованных грамотах 50–80-х гг. XV в. десятские упоминаются в обельном постановлении несколько иной редакции: «ни к сотцкым, ни к дворьским, ни к десятцкым не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные некоторые пошлины им не надобѣ». Нет упоминания тяглых людей. При этом дворский может упоминаться на первом месте, а сотский — на втором, а оборот грамот о пошлинах в редких случаях может несколько изменяться («ни иные некоторые пошлины не надобе», «ни в ыные ни в которые пошлины») или даже совсем опуститься. Принципиальным является отсутствие указания на тяглых людей. Такое обельное постановление встречается в жалованной данной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной 17 апреля 1454 г. великим князем Василием Темным игумену Савво-Сторожевского монастыря Евфросину на княжеское село Каринское «в Ондрѣвском» в Звенигороде⁴⁰ (оно процитировано как примерное выше); в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 29 сентября 1455 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену московского Бого-явленского монастыря Прохору на село Дятелинское в Дмитрове⁴¹; в жалованной льготной, тарханно-обельной, несудимой и двусрочной грамоте, данной 15 мая 1457 г. великим князем Василием Темным игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на село Сукромное с деревнями в Городецком стане Бежецкого Вер-

³⁶ Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 37. С. 404.

³⁷ АСЭИ. Т. I. № 336. С. 243 (подлинник).

³⁸ Там же. № 416. С. 305–306 (подлинник).

³⁹ Там же. № 412. С. 301.

⁴⁰ АСЭИ. Т. III. № 54а. С. 83 (подлинник).

⁴¹ Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV–XVI века // Советские архивы. 1970. № 5. С. 81. Документ № 2.

ха⁴²; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 23 марта 1464 г. великим князем Иваном III Л. А. и В. А. Ярославовым на села Борисовское, Филипповское и Нестеровское с деревнями в Черемовской волости в Ярославле⁴³; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 3 октября 1467 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на село Скнятино с деревнями в Кинельской волости Переяславского уезда⁴⁴; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1470 и 1485 гг. великим князем Иваном III Ф. М. Киселеву на его села Дуброво, Новое, Языково, Каметово и Юрьевец в Муроме⁴⁵; в жалованной меновой, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 августа 1470 г. угличским князем Андреем Васильевичем Большим игумену Савво-Сторожевского монастыря Евсевию на променянные князем черные тяглые деревни в Андреевском, Городском и Негучском станах Звенигорода⁴⁶; в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 28 декабря 1471 г. великим князем Иваном III игумену московского Чудова монастыря в Кремле Феодосию на село Митрополичье с деревнею Селифонтовой и тремя пустошами в волости Канев Коломенского уезда⁴⁷; в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 13 марта 1474 г. великим князем Иваном III митрополиту Геронтию на митрополичьи пустоши в волости Медушах во Владимире⁴⁸; в жалованной льготной, тарханно-обельной, несудимой, двусрочной и заповедной грамоте от 19 мая 1481 г., данной великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Паисию на земли и воды в Гороховце и Ярополче⁴⁹; в жалованной данной, тарханно-обельной, льготной и несудимой грамоте, данной 6 марта 1486 г. великим князем Иваном III Василию Ознобише на княжеское село Ярышево и село Муравино в Суздале⁵⁰.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 31 июля 1469 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на бывшие княжеские села Шухобалово и Микульское в Суздале⁵¹, и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 4 января 1485 г. Иваном III шестерым сыновьям Семена Писарева на их село Захарьинское в Коломне⁵², обельное постановление дополнено оборотом «опричь церковных пошлин».

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 гг. Иваном III Троице-Сергиева монастыря игумену Вассиану на село Мяс-

⁴² АСЭИ. Т. I. № 278. С. 199 (подлинник).

⁴³ АСЗ. Т. I. М., 1997. № 312. С. 302.

⁴⁴ АСЭИ. Т. I. № 346. С. 252–253 (подлинник).

⁴⁵ Там же. № 398. С. 290.

⁴⁶ АСЭИ. Т. III. № 58. С. 90 (подлинник).

⁴⁷ Там же. № 42. С. 63 (подлинник).

⁴⁸ АФЗ и Х. Ч. I. М., 1951. № 212. С. 187.

⁴⁹ Каптанов С. М. Указ. соч. № 32. С. 398.

⁵⁰ АСЭИ. Т. III. № 106. С. 144 и примеч. 3.

⁵¹ АСЭИ. Т. I. № 388. С. 282.

⁵² АСЭИ. Т. III. № 72. С. 107.

щевское с деревнями в Кистемской волости Переяславского уезда, обельное постановление дополнено оборотами «ни двора моего, великого князя, ни намѣстничих дворов не ставят, ни воротного не дают»⁵³.

В жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1475–1476 гг. угличским князем Андреем Васильевичем Большим игумену угличского Покровского монастыря Паисию на устройство монастырской слободы близ Углича, в обельном постановлении отсутствует указание на «проторы»⁵⁴.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 гг. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на села и деревни «в Медушах во Владимирском уезде», а также на два двора в самом Владимире на посаде и внутри города⁵⁵, и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 гг. угличским князем Андреем Васильевичем Большим тому же игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на деревню Татариновскую в Кинельском стане в Угличе⁵⁶, в обельном постановлении отсутствует оборот о пошлинах.

В некоторых сравнительно ранних жалованных грамотах термин «десятский» (как правило, во множественном числе) встречается в ином сочетании: «ни к сотнику (соцкому, сотцким), ни к десятцким (десятцкому) не тянут ни в какие проторы, ни в розметы». Отсутствует указание на дворского. Такая форма обельного постановления содержится в жалованной (подтвердительной) льготной, обельной и несудимой грамоте, данной 20 апреля 1460 г. великим князем Василием Темным архимандриту Симонова монастыря Афанасию на земли и озера в Кличенской волости Ржевского уезда⁵⁷; в жалованной обельной и оброчной грамоте, данной 6 марта 1461 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на двор в городе Дмитрове⁵⁸; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1462–1463 гг. великим князем Иваном III архимандриту Симонова монастыря Афанасию на села и деревни в Бежецком Верхе и в бежецкой волости Шипине⁵⁹; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 12 января 1463 г. великим князем Иваном III митрополиту Феодосию на села митрополичьего Борисоглебского монастыря Добриловское, Никитское и Миятино под Переяславлем Залесским⁶⁰; в жалованной тарханно-обельной, несудимой и льготной грамоте, данной 20 мая 1473 г. великим князем Иваном III архимандриту суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоакиму на село Федоровское под Суздалем⁶¹; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1474/1475 г. великим князем Иваном III

⁵³ АСЭИ. Т. I. № 322. С. 231 (подлинник).

⁵⁴ АСЭИ. Т. III. № 77. С. 110.

⁵⁵ Там же. № 312. С. 223.

⁵⁶ Там же. № 323. С. 233 (подлинник).

⁵⁷ АСЭИ. Т. II. № 360. С. 353 (подлинник).

⁵⁸ АСЭИ. Т. I. № 289. С. 206.

⁵⁹ АСЭИ. Т. II. № 364. С. 358 (подлинник).

⁶⁰ АФЗ и Х. Ч. I. № 123. С. 115.

⁶¹ АСЭИ. Т. II. № 473. С. 511.

В. В. Ртищеву на село Протасьево с деревнями в Вышгородской волости Дмитровского уезда⁶².

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 апреля 1478 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Авраамию на село Воскресенское с деревнями в Кинельской волости Переяславского уезда, обельное постановление дополнено оборотом «и ни иньѣ никоторыѣ пошлины не надобѣ»⁶³.

К этим грамотам примыкает одна, более поздняя грамота, данная в сентябре 1484 г. великим князем Иваном III З. В. Львову на деревни и пустоши в Окологородном вологодском стане и в вологодской Масленской волости, указывающая, что люди З. В. Львова «ни къ сотцким, ни г десятским к вологодцким, ни к масленским не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлины не надобѣ, опрочѣ церковных пошлин»⁶⁴. Обельное постановление этого акта конкретизирует отвлеченные предписания рассмотренных выше грамот. Оно позволяет установить, что по меньшей мере десятские (но, возможно, и сотские) функционировали на территории вологодского Окологородного стана и Масленской волости, различаясь по территориальной принадлежности (десятские вологодские и десятские масленские или сотские вологодские, а десятские масленские).

В грамотах конца 70-х гг. XV — начала XVI в. обельное постановление дополняется указанием на «тяглых людей». Это главным образом грамоты, выданные волоцким князем Борисом Васильевичем и его наследниками: женой Ульяной, сыновьями Федором Волоцким и Иваном Рузским. В самой ранней из таких жалованных данных, тарханно-обельных и несудимых грамот, выданной в октябре 1479 г. волоцким князем Борисом Васильевичем Иосифо-Волоколамскому монастырю на деревню Спировскую в Волоке Ламском, обельное постановление сформулировано следующим образом: «ни к сотнику, ни к десяцк[ому с тяг]лыми людьми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлины не надобе»⁶⁵. В последующих грамотах слово «сотнику» заменяется на слово «сотцкому» или «сотцким», а после слов «не надобе» иногда добавляется «ни розвенского (розвинского) не дают». Такова жалованная данная, тарханно-обельная и несудимая грамота Бориса Васильевича Волоцкого Иосифо-Волоколамскому монастырю от того же октября 1479 г. на деревни Ярцевскую и Руготинскую в Волоке Ламском⁶⁶; две такие же грамоты Бориса Васильевича Волоцкого тому же монастырю от января 1480 г. на село Покровское в Волоке Ламском (позднее — в Сестринском стане этого уезда)⁶⁷ и от мая 1483 г. на село Отчищево в том же стане⁶⁸; жалованная тарханно-обельная грамота той же княгини Ульяны от 14 октября 1495 г. Ирине Баламутовой и ее сыну Василию на деревню

⁶² АСЗ. Т. I. № 254. С. 230.

⁶³ АСЭИ. Т. I. № 455. С. 341.

⁶⁴ АСЭИ. Т. II. № 266. С. 178.

⁶⁵ АФЗ и Х. Ч. II. М., 1956. № 3. С. 11.

⁶⁶ Там же. № 4. С. 11.

⁶⁷ Там же. № 14. С. 17.

⁶⁸ Там же. № 17. С. 21.

Матвеевскую в Ламском стане Волоцкого уезда⁶⁹; жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, данная в июне 1498 г. тем же князем Иваном Борисовичем А. К. Ельчанинову на его вотчинную деревню и прикупную пустошь в Скирмановской волости Рузского уезда⁷⁰.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в январе 1498 г. рузским князем Иваном Борисовичем архимандриту Симонова монастыря Феогносту на села в Рузе⁷¹, и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле 1505 г. волоцким князем Федором Борисовичем Игнатию Александровичу Кожухову на сельцо Полянка и 11 деревень «на Волоце в Раховском стану»⁷², после указания на «розвинское» следуют слова «опрочѣ (апроче) посадничи половины».

В жалованной данной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной в октябре 1494 г. вдовой Бориса Волоцкого княгиней Ульяной с сыновьями Федором и Иваном Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Успенское с деревнями «в Волоцком уезде в Локношском стану», обельное постановление заканчивается иначе: «ни розвинского не дают, ни поворотного»⁷³.

В аналогичной грамоте, выданной 7 марта 1500 г. волоцким князем Федором Борисовичем властям Иосифо-Волоколамского монастыря на деревню Медведкову и половину слободы Тимофеевской «во Ржеве в Кличенском уезде», окончание обельного постановления другое: «ни розвинское, ни подымное»⁷⁴.

Только в одной великокняжеской жалованной грамоте обельное постановление по своим элементам близко к обельным формулам грамот волоцких князей: «к сотцкому, ни г десятцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни коня моего не кормят, ни сѣн моих не косят». Это жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, данная 30 марта 1486 г. великим князем Иваном III З. А. и Ф. А. Ворыпаевым на сельцо Некиматово «в Коломенском уѣздѣ в Каневской волости»⁷⁵.

Несколько грамот, преимущественно 70-х гг. XV в., исходивших от удельных князей, в обельном постановлении термин «тяглые люди» заменяют на термин «черные люди»: «ни к соцким, ни к десяцким с черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в ыные ни в которые пошшины». Такое постановление встречается в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1492 гг. угличским князем Андреем Васильевичем Большим Ивану Суседу на его село Дементьево с деревнями в Святицкой волости Угличского уезда⁷⁶; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле

⁶⁹ Там же. № 21. С. 15.

⁷⁰ АСЭИ. Т. III. № 64. С. 96.

⁷¹ АСЭИ. Т. II. № 415. С. 446.

⁷² АФЗ и Х. Ч. II. № 34. С. 36.

⁷³ АФЗ и Х. Ч. II. № 18. С. 23.

⁷⁴ Там же. № 25. С. 28. В данной грамоте вместо «ни к сотцким» читается «ни к подвыским», но следует иметь в виду, что грамота сохранилась в копии XVII в.

⁷⁵ АСЭИ. Т. I. № 527. С. 405 (подлинник).

⁷⁶ АСЭИ. Т. III. № 85. С. 117.

1471 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на Троицкий монастырь на Березниках в волости Воре⁷⁷; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле 1473 г. угличским и звенигородским князем Андреем Васильевичем Большим митрополиту Геронтию на его села в Звенигородском уезде⁷⁸. В жалованной тарханно-обельной, несудимой и заповедной грамоте, данной между 1464 и 1472 гг. дмитровским князем Юрием Васильевичем митрополиту Филиппу на земли Ильинского монастыря на р. Воре в волости Воре, рассматриваемое обельное постановление дополнено оборотом «опрочь церковных пошлин»⁷⁹.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1482/1483 г. великим князем Иваном III пермскому епископу Филофею на владычные городки по рр. Вычегде, Выми, Еренге и др., вместо «черные» люди фигурируют «волостные»: «ни сотнику, ни десятнику с волостными людьми не тянути в мирские розметы, ни в иные никоторые пошлыны»⁸⁰.

Три грамоты 70-х гг. XV в. упоминают десятских вместе с пятидесятскими. Жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, данная 6 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на монастырский двор внутри города Вологды, содержит следующее обельное постановление: «ни розметы, ни в какие проторы с тяглыми людьми не тянути, ни к дворьскому, ни к пятидесятским, ни к десятским не тянут ни в каков проторь, ни в розмет»⁸¹. Близкая к приведенной формула употреблена в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1471 и 1475 гг. великим князем Иваном III тому же игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на двор в московском Кремле: «ни розметы, ни в какие проторы с тяглыми людьми не тянуть, ни сен моих не косят, ни к дворскому, ни к пятьдесятским, ни к десятским не тянут»⁸². Наконец, в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим все тому же игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на монастырский двор внутри города Вологды и на прикупной двор на вологодском посаде, соответствующее обельное постановление имеет не только сходство, но и отличия от обельного постановления грамоты от 6 декабря 1471 г.: «А к сотцким и к дворским, и к пятидесяцким, и к десяцким их люди с тяглыми людьми не тянут ни в какие протори, ни в розметы»⁸³. Главное отличие состоит в том, что здесь упомянуты сотские, не зафиксированные грамотой от 6 декабря 1471 г.

Несколько грамот упоминают десятского вместе с дворским, опуская указание на сотского. Так, в достаточно ранней жалованной тарханно-обельной и несуди-

⁷⁷ АСЭИ. Т. I. № 401. С. 293–294 (подлинник).

⁷⁸ АФЗ и Х. Ч. I. № 97. С. 93.

⁷⁹ *Каштанов С. М.* Указ. соч. № 45. С. 419.

⁸⁰ АСЭИ. Т. III. № 291. С. 307.

⁸¹ АСЭИ. Т. II. № 195. С. 126 (подлинник).

⁸² Там же. № 216. С. 139.

⁸³ АСЭИ. Т. II. № 200. С. 130.

мой грамоте, данной 11 сентября 1464 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем митрополиту Филиппу на владения его домовного московского Новинского монастыря в Раменской волости Дмитровского (ранее — Московского) уезда, соответствующее обельное постановление было сформулировано следующим образом: «также к дворскому, ни к десятцкому не тянут в проторы, ни в розметы, ни иные никоторые пошлины им не надобе»⁸⁴. К приведенной формулировке обельного постановления очень близок текст обельного постановления в жалованной тарханно-обельной несудимой грамоте, данной между 1462 и 1485 гг. великим князем Иваном III Дмитрию Лазаревичу на его село Новоселки в Юрьеве Польском: «ни к дворскому, ни к десяцким не тянут и ни в какие проторы и в розметы и иныя никоторыя пошлины не надобет»⁸⁵.

В грамотах начала XVI в. к словам о дворском и десятском прибавлялись слова «с тяглыми людми». Их находим в жалованной льготной и несудимой грамоте, данной 1 августа 1501 г. великим князем Василием Ивановичем, сыном и соправителем Ивана III, игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на двор с полевой, купленные монастырем «в Кашыне на посадъ»⁸⁶; в жалованной тарханно-обельной, несудимой и оброчной грамоте, данной в июле 1502 г. рузским князем Иваном Борисовичем архимандриту Симонова монастыря Вассиану на три села в Вышкоском стане Рузского уезда⁸⁷; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 декабря 1502 г. тем же князем Иваном Борисовичем А. К. Ельчанинову на его две деревни в волости Скирманове Рузского уезда⁸⁸.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 13 декабря 1464 г. великим князем Иваном III митрополиту Филиппу на владения митрополичьей кафедры близ Владимира, упоминание десятских сочетается с указаниями на дворских и пятенщиков: «Также мои дворские и пятенщики, и десяцкие городские в те его села не въежжают, ни всылают ни по что»⁸⁹.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1473 и 1484 гг. великой княгиней Марией, вдовой Василия Темного, митрополиту Геронтию на варницу в Нерехотской волости, десятский назван вместе со становщиками: «ни к становщиком, ни к десятцкому не тянут, ни в какие пошлины, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлины не надобе»⁹⁰. Такое же обельное постановление зафиксировано в жалованной данной, обельной, льготной и несудимой грамоте, данной в 80-е гг. XV в. юхотским (в Ярославле) князем Федором Ивановичем архимандриту ярославского Спасского монастыря Христофору на монастырские земельные владения в Юхотском княжестве⁹¹. Становщики вклю-

⁸⁴ АФЗ и Х. Ч. I. № 86. С. 86.

⁸⁵ АСЗ. Т. I. № 137. С. 107.

⁸⁶ АСЭИ. Т. I. № 637. С. 550 (подлинник).

⁸⁷ АСЭИ. Т. II. № 466. С. 466 (подлинник).

⁸⁸ АСЭИ. Т. III. № 65. С. 97.

⁸⁹ АФЗ и Х. Ч. I. № 210. С. 185.

⁹⁰ Там же. № 264. С. 237.

⁹¹ АСЭИ. Т. III. № 201. С. 212 (подлинник). В этом издании грамота датирована 1463–1478 гг. Уточнение в датировку внес В. Б. Кобрин. См.: *Кобрин В. Б. Землевладельческие*

чены в обычное обельное постановление, упоминающее сотских, дворских и десятских, в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле 1463 г. великим князем Иваном III протопопу московского Архангельского собора Ивану на села Инюгинское и Козельское в Суходоле в Боровске⁹². В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 мая 1481 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Паисию на село Ростокينو под Москвой, добавлено: «ни портново, ни закос не надобе»⁹³.

В двух грамотах 70-х гг. XV в. десятские упоминаются вместе со старостами. Так, в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 20 января 1474 г. великим князем Иваном III митрополиту Геронтию на земли подчинявшихся ему трех церквей в Ликуржской волости Костромского уезда, указывалось, что церковные люди «ни к старосте ликурзскому, ни к десяцким, ни к дворскому костромскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им некоторые пошлины не надобе»⁹⁴.

В такой же грамоте, данной в феврале 1479 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Спасо-Каменного монастыря Логгину на монастырские владения в вологодском Городском стане и в вологодских волостях Кубене, Заозерье, Сяме и Бохтюге, соответствующее обельное постановление сформулировано несколько иначе: «ни к соцким, ни к старостам, ни к десяцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные некоторые им пошлины не надобе»⁹⁵.

Проведенная формальная группировка жалованных грамот, содержащих упоминания десятских, по соответствующим обельным постановлениям не должна быть абсолютизирована. Такая классификация в своем общем виде свидетельствует об определенных исторических закономерностях, тенденциях развития, но в каждом конкретном случае та или иная употребленная в грамоте формула не может восприниматься как абсолютно точное и адекватное отражение действительности.

В самом деле, в февральской грамоте 1479 г. вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого формула обельного постановления весьма редка: «ни к соцким, ни к старостам, ни к десяцким с тяглыми людьми»⁹⁶. Эта грамота дошла в списке XVIII в. Обычная же формула обельного постановления в жалованных грамотах Андрея Меньшого иная: «ни к соцким, ни к дворским, ни к десятским с тяглыми людьми»⁹⁷. Такая формула употреблена в его грамоте от 15 февраля 1476 г. Сомнительно, чтобы за три года в Вологде исчезли дворские и вместо них

права княжат в XV — первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // История СССР. 1981. № 4. С. 38.

⁹² *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 года // Русский дипломатарий. Вып. II. М., 1997. С. 28.

⁹³ АСЭИ. Т. I. № 492. С. 371.

⁹⁴ АФЗ и Х. Ч. I. № 251. С. 215.

⁹⁵ АСЭИ. Т. III. № 269. С. 284.

⁹⁶ АСЭИ. Т. III. № 269. С. 284.

⁹⁷ АСЭИ. Т. II. № 199. С. 129; № 232. С. 153.

появились старосты. Скорее всего, последние появились под пером копиистов XVIII в.

В двух жалованных грамотах того же Андрея Васильевича Меньшого, разделенных несколькими днями (от 6 и 19 декабря 1471 г.), по-разному определен состав лиц, которые не должны накладывать проторов и разметов на живших в Вологде людей Кирилло-Белозерского монастыря. В первой грамоте названы дворянский, пятидесятские и десятские⁹⁸, во второй к ним добавлены сотские⁹⁹. Ясно, что за 13 дней в Вологде не мог появиться институт сотских и принимать все разнообразные нюансы обельных постановлений в жалованных грамотах за точное отражение живой действительности нельзя. Между 1471 и 1475 гг. великий князь Иван III выдал жалованную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю на двор в московском Кремле. Обельное постановление этой грамоты повторяет аналогичное постановление грамоты от 6 декабря 1471 г. тому же монастырю на двор в Вологде¹⁰⁰. По-видимому, вологодская грамота послужила образцом для московской, и упоминание в последней пятидесятских нельзя расценивать как существование данной категории лиц в московском Кремле в 70-е гг. XV в.

Более сложная ситуация вырисовывается при изучении жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю на Троицкий монастырь на Березниках в волости Воре. В грамоте от июля 1471 г. дмитровского князя Юрия Васильевича употреблена формула «ни к сотским, ни к десятским с черными людьми не тянуть»¹⁰¹. 21 февраля 1473 г., т. е. примерно через полтора года, Троице-Сергиеву монастырю выдал жалованную грамоту на то же самое владение великий князь Иван III. Соответствующее обельное постановление приняло в грамоте 1473 г. иной вид: «ни к сотским, ни к дворянским, ни к десятским с черными людьми не тянут»¹⁰². Можно думать, что после смерти 12 сентября 1472 г. дмитровского князя Юрия Васильевича¹⁰³, когда Воря перешла под юрисдикцию великого князя, там появились дворянские Ивана III, что и нашло свое отражение в февральской грамоте 1473 г. Можно также полагать, что разница в обельном постановлении грамот 1471 и 1473 гг. объясняется особенностями оформления жалованных грамот в канцеляриях дмитровского князя и великого князя московского. Дело, однако, осложняется тем, что есть и другие иммунитетные грамоты князя Юрия Дмитровского на земли в волости Воре. В грамоте митрополиту Филиппу, данной этим князем между 1464 и 1472 гг. на земли Ильинского монастыря на р. Воре, в обельном постановлении названы сотский и десятский с черными людьми¹⁰⁴, а в грамоте от 5 июля 1465 г. тому же митрополиту Филиппу на те же самые земли в обельном постановлении названы только дворянский и становщик¹⁰⁵. Если верить списку гра-

⁹⁸ Там же. № 195. С. 126.

⁹⁹ Там же. № 200. С. 130.

¹⁰⁰ Там же. № 216. С. 139.

¹⁰¹ АСЭИ. Т. I. № 401. С. 293.

¹⁰² АСЭИ. Т. I. № 416. С. 305–306.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 243.

¹⁰⁴ *Каштанов С. М.* Указ. соч. № 45. С. 419.

¹⁰⁵ АФЗ и Х. Ч. I. № 71. С. 76.

моты 1465 г., а она сохранилась в составе митрополичьей копийной книги XVI в., в волости Воре дворские были еще при князе Юрии Васильевиче. Но тогда надо заключить, что обельные постановления различали повинности, за которые отвечали дворские и становщики, и повинности, устанавливавшиеся сотскими и десятскими, а сами обельные постановления, даже в своем общем виде, имели избирательный характер, лишь частично освобождая людей иммунитета от натуральных повинностей в пользу князя.

Тем не менее, несмотря на возможный шаблон обельных постановлений рассмотренных жалованных грамот, небрежности и описки в их формулировках, определенные умолчания, некоторые выводы общего характера сделать можно.

Выясняется, что в распоряжении исследователей есть 78 жалованных, в подавляющем большинстве тарханно-обельных и несудимых грамот, где упоминаются десятские. Самая ранняя грамота датируется 10 мая 1404 г., самая поздняя (до времени правления Василия III) — июлем 1505 г. Грамота от 10 мая 1404 г. является единственной грамотой, относящейся к первой половине XV в., и немудрено, что на нее в свое время обратил внимание Н. П. Павлов-Сильванский. Остальные 77 грамот относятся ко второй половине XV — началу XVI в. Из них к 50-м гг. XV в. относятся 4 грамоты, к 60-м гг. — 17 грамот, к 60–70-м гг. — 1, к 60–80 гг. — 1, к 60–90-м гг. — 1, к 70-м гг. — 21, к 70–80-м гг. — 3, к 80-м гг. — 15, к 90-м гг. — 9, к началу XVI в. — 5 грамот. Основное количество грамот приходится на первую половину правления Ивана III, 60–80-е гг. XV в., когда расширение владений московского великого князя шло особенно интенсивно.

От имени великого князя Ивана III выдано 36 грамот, от имени его брата князя Юрия Васильевича дмитровского дано 6 грамот, от имени другого брата Ивана III угличского и звенигородского князя Андрея Васильевича Большого выдано 5 грамот, столько же грамот выдал их брат вологодский князь Андрей Васильевич Меньшой. По 4 грамоты каждый выдали брат Ивана III волоцкий князь Борис Васильевич и сын Бориса Волоцкого рузский князь Иван Борисович. 3 грамоты даны от имени великого князя Василия Васильевича Темного, столько же грамот выдала его вдова великая княгиня Мария Ярославна, 3 грамоты выдал соправитель Ивана III его старший сын Иван Иванович Молодой. 2 грамоты были составлены от имени волоцкого князя Федора Борисовича, 2 — от имени его матери княгини Ульяны (одна — вместе с ее детьми теми же Федором и Иваном). По 1 грамоте дали второй сын Дмитрия Донского звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич; сын Ивана III Василий Иванович, будущий великий князь Василий III; другой сын Ивана III дмитровский и кашинский князь Юрий Иванович; бывший казанский хан Мухаммед-Амин, получивший содержание от Москвы; юхотский (ярославский) князь Федор Иванович.

Хотя подавляющее большинство жалованных грамот, в которых фигурируют десятские, выдано представителями московского княжеского дома, тем не менее нельзя заключать, что институт десятских был распространен исключительно в московских владениях. Одна грамота, данная удельным ярославским князем Федором Ивановичем юхотским, ясно свидетельствует о существовании десятских на территории Ярославского княжества, вне владений московских Калитовичей. Три

грамоты, данные сыном Ивана III Иваном Ивановичем Молодым Троице-Сергиеву монастырю на земли в Торжке, Твери и Кашине в сентябре 1485 г., т. е. сразу же после присоединения к Москве Тверского княжества, указывает на то, что институт десятских функционировал и в Тверском княжестве.

В большинстве грамот — 67 из 78 — десятские упоминаются вместе с сотскими. В 51 грамоте из 78 наряду с десятскими фигурируют и дворские. В 4 грамотах десятские упомянуты вместе со становщиками, а в 3 грамотах — вместе с пятидесятскими. В 2 грамотах десятские перечисляются вместе со старостами и только в 1 грамоте — вместе с пятенщиками. При этом следует, конечно, иметь в виду, что десятские в иммунитетных грамотах перечисляются не только по парам, например, десятские и сотские, но и в более сложных сочетаниях (десятский вместе с дворским, сотским и становщиком). Хотя в ряде случаев приходится сомневаться в точности указаний интересующих нас обельных постановлений жалованных грамот, один вывод принципиального характера очевиден: почти постоянные упоминания в грамотах десятских вместе с сотскими, а также более редкие указания на пятидесятских свидетельствуют о принадлежности всех этих лиц к организации, которая была построена по десятичной, или децимальной, системе. Упоминаемые вместе с десятскими дворские, становщики, старосты и пятенщики являлись лицами княжеской администрации¹⁰⁶, из чего возможно заключение, что десятские и сотские также принадлежали к властным лицам, не выбираемым, а назначаемым князем или его доверенными представителями. Судя по тому, что в 38 грамотах из 78 десятские упоминаются вместе с тяглыми людьми, а еще в 5 грамотах — вместе с черными людьми (сам термин «черные люди» принимаем за синонимический эквивалент термина «тяглые люди»), можно полагать, что децимальная система охватывала тяглых (черных) людей.

Рассмотренные грамоты показывают, что эта система распространялась как на города (Владимир, Вологда, Дмитров, Кашин, Москва)¹⁰⁷, так и на сельскую местность, затрагивая территории Бежецкого Верха, Боровска, Владимира, Вологды, Волока Ламского, Вольской волости, Гороховца, Дмитрова, Звенигорода, Кашина, Каширы, Коломны, Костромы, Можайска, Москвы, Муром, Переяславля Залесского, Перми, Ржевы, Романова, Рузы, Суздаля, Твери, Торжка, Углича, Юрьева Польского, Юхоти, Ярополча и Ярославля. Перечисленный список настолько внушителен, что можно было бы сделать вывод о повсеместном распространении в Северо-Восточной Руси тяглого черного населения и соответствующей

¹⁰⁶ Дворские стояли во главе княжеского хозяйства как в стольном городе, так и на местах. Судя по упоминанию в грамоте 1471 г. костромского дворского, резиденции дворских располагались в городах. См.: АФЗ и Х. Ч. I. № 251. С. 215. Становщики содержали княжеские станы, т. е. тоже имели отношение к княжескому хозяйству. Им были подчинены черные люди. См.: ДДГ. № 11. С. 31. О тождестве становщиков с сотскими см. ниже раздел о сотских. Старосты наряду с тиунами, поселскими и ключниками возглавляли княжеское хозяйство. См.: ДДГ. № 3. С. 14. Пятенщики занимались сбором пятенной пошлыны (за клеймение при продаже и покупке лошадей).

¹⁰⁷ АСЭИ. Т. I. № 312. С. 223; АФЗ и Х. Ч. I. № 210. С. 185; АСЭИ. Т. II. № 195. С. 126; Т. I. № 289. С. 206; № 637. С. 549; Т. II. № 216. С. 139.

шей децимальной его организации. Однако такие центры, как Верея, Галич, Городец Радилов на Волге, Зубцов, Луза, Медынь, Молога, Оболенск, Ростов, Старица, Стародуб, Таруса, Устюг, Устюжна, принадлежавшие к 70–90-м гг. XV в. московским князьям, в этот список не попадают. Конечно, нельзя быть совершенно уверенным в том, что сохранившийся комплекс жалованных грамот с упоминанием десятских представлен полностью, без всяких потерь. Надо полагать, что в свое время таких грамот было больше¹⁰⁸ и они охватывали более обширную территорию. Тем не менее для вывода о повсеместном распространении децимальной системы и, следовательно, тяглого черного населения прочных оснований нет.

Присматриваясь ближе к списку географических пунктов и территорий, где функционировали десятские, можно прийти к некоторым заключениям общего характера. Выясняется, что во многих случаях речь о десятских (и сотских) ведется тогда, когда жалованные грамоты выдаются на села, деревни и пустоши, расположенные в той зоне, которая в конце XV в. и позже стала называться Городным, Городецким или Окологородным станом соответствующего города. Такие сельские поселения фиксируются близ Бежеца¹⁰⁹, Боровска¹¹⁰, Владимира¹¹¹, Вологды¹¹², Волока Ламского¹¹³, Гороховца¹¹⁴, Дмитрова¹¹⁵, Звенигорода¹¹⁶, Коломны¹¹⁷, Москвы¹¹⁸, Переяславля¹¹⁹, Романова¹²⁰, Суздаля¹²¹, Углича¹²², Юрьева

¹⁰⁸ Ср. отсылки в некоторых из рассмотренных 78 грамот на более ранние грамоты предшествовавших князей, которые не сохранились: АСЭИ. Т. I. № 312. С. 223; АФЗ и Х. Ч. I. № 123. С. 114.

¹⁰⁹ АСЭИ. Т. I. № 278. С. 199; № 568. С. 446.

¹¹⁰ *Маишафаров А. В.* Указ. соч. С. 28.

¹¹¹ АФЗ и Х. Ч. I. № 210. С. 185. Перечисленные здесь села Старый Двор, Павловское, Спасское, Деревенька, Бухалова находятся в 20–25 км к северу и к северо-востоку от Владимира.

¹¹² АСЭИ. Т. II. № 266. С. 178; Т. III. № 269. С. 284.

¹¹³ АФЗ и Х. Ч. II. № 3. С. 11; № 4. С. 11; № 14. С. 17; № 17. С. 21; № 18. С. 23; № 21. С. 25; № 34. С. 36.

¹¹⁴ *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 398.

¹¹⁵ АСЭИ. Т. I. № 419. С. 308. Население Повельского стана Дмитрова было подсудно только дмитровским наместникам, а не становщикам или волостелям. См.: Там же. № 529. С. 406–407.

¹¹⁶ АСЭИ. Т. III. № 58. С. 89, 90.

¹¹⁷ Там же. № 72. С. 107.

¹¹⁸ АСЭИ. Т. I. № 492. С. 371. Упомянутое здесь село Ростокинское на р. Яузе в настоящее время входит в состав Сокольнического района г. Москвы.

¹¹⁹ АФЗ и Х. Ч. I. № 123. С. 114. Названное здесь село Добриловское сохранилось и в настоящее время. Оно находится примерно в 9 км к юго-востоку от Переяславля. См.: Карта «Подмосковье». М., 1969.

¹²⁰ АСЭИ. Т. III. № 203. С. 213.

¹²¹ АСЭИ. Т. I. № 388. С. 282. О принадлежности села Шухобала к Суздальскому уезду см.: Там же. № 316. С. 225. Село Шухобал стояло примерно в 22 км к западу от Суздаля. См.: Карта «Владимирская область». М., 1974).

¹²² АСЭИ. Т. III. № 77. С. 110.

Польского¹²³, Ярополча¹²⁴, вероятно, Мурома¹²⁵ и Рузы¹²⁶. Поскольку города являлись центрами княжеской власти, были резиденциями князей и представителей княжеской администрации различных рангов, естественно думать, что не только в городах, но и рядом с ними в сельской местности заводилось княжеское хозяйство, появлялись зависимые от князей тяглые люди, что и отразилось в княжеских жалованных грамотах, упоминающих десятских.

Как свидетельствуют рассматриваемые грамоты, децимальная организация в XV столетии распространялась не только на города и прилежавшие к городам сельские округа, в XIV в. еще называвшиеся городскими уездами¹²⁷, очевидно, потому, что в раннем средневековье объезжались князьями для сбора дани и суда над населением, и в XV в. менявшие это название на городские или околгородные станы, но и на волости, лежавшие за пределами таких уездов — станов. Как показывает исследование территории Московского княжества, которую можно изучать благодаря сохранившимся источникам достаточно детально с 30-х гг. XIV в. (по другим северо-восточным русским княжествам таких источников не сохранилось, и их территории могут исследоваться главным образом ретроспективно на основании поземельных описаний XVI–XVII вв.), в средневековой Руси шел процесс отмирания старых и возникновения новых волостей. Параллельно этому процессу шел процесс образования в волостях княжеских сел, которые с течением времени могли разрастаться в самостоятельные волости. Так, в духовных грамотах великого князя Ивана Ивановича, составленных в 1359 г.¹²⁸, среди коломенских волостей и сел упоминается село Малино. Оно возникло, по-видимому, при Симеоне Гордом, т. к. в завещаниях 1336 и 1339 гг. Ивана Калиты его нет¹²⁹. Село было выделено вдове Симеона Марии Александровне, позднее перешло к Дмитрию Донскому, завещано им своей жене Евдовки Дмитриевне¹³⁰, а от нее перешло к жене великого князя Василия Дмитриевича Софии Витовтов-

¹²³ АСЭИ. Т. I. № 412. С. 301. Село Кучки находилось в 12 км к югу от Юрьева Польского.

¹²⁴ *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 398.

¹²⁵ АСЭИ. Т. I. № 398. С. 290; Т. III. № 109. С. 146. Перечисленные в этих актах села находились, по-видимому, близ Мурома, поскольку в судебном отношении подчинялись только муромским наместникам, а не наместникам вместе с волостелями.

¹²⁶ АСЭИ. Т. II. № 415. С. 446. Упомянутые здесь рузские села также находились на территории, право суда над населением которой принадлежало наместникам Рузы.

¹²⁷ ДДГ. № 3. С. 13.

¹²⁸ ДДГ. № 4. С. 17, 15. О датировке грамоты см.: *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // *Средневековая Русь*. Вып. 5. М., 2004. С. 238–242.

¹²⁹ Там же. № 1. С. 7, 9. О времени написания духовных грамот Ивана Калиты см.: *Кучкин В. А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // *Источниковедение отечественной истории*, М., 1989. Любопытно отметить, что в XVI в. село Малино носило и второе название — Семеновское, а в самом селе стояла церковь Симеона Столпника, что может связываться с возникновением села при Симеоне Гордом. См.: ПКМГ. Ч. I. Отд. 1. СПб., 1872. С. 502.

¹³⁰ ДДГ. № 12. С. 34.

не¹³¹, причем у великой княгини Евдокии Дмитриевны, на 18 лет пережившей мужа¹³², в Коломенском уезде было всего два села, что дает основание предполагать заведение в Малине нужного княгине хозяйства. В XVI в. как административно-территориальная единица существовала уже особая Малинская волость¹³³, начало которой несомненно положило княжеское село Малино. Поскольку подавляющее большинство жалованных грамот великих и удельных князей с упоминанием десятских датируется временем после середины XV в., при отсутствии для большинства территорий более ранних данных трудно решить, распространялась ли десятичная система на волости, существовавшие к середине XV в. уже много десятилетий, если не столетия, или на волости, сформировавшиеся лишь к середине XV в. и продолжавшие образовываться во второй половине названного века. Тем не менее некоторые материалы проливают свет на поставленный вопрос. Речь прежде всего идет о фиксации десятских на тех территориях, точнее, в тех волостях, которые фигурируют в источниках в значительно более раннее время, чем середина XV в. А такими источниками, как отмечалось выше, являются прежде всего московские княжеские духовные, договорные грамоты и акты.

В жалованных грамотах упоминаются десятские в боровской волости Суходоле¹³⁴, в дмитровской волости Раменке¹³⁵, в звенигородских волостях Андреевском и Негуче¹³⁶, коломенской волости Канев¹³⁷, Можайской Поротовской волости¹³⁸, московской волости Воре¹³⁹, рузской волости Скирманове¹⁴⁰. Политико-административное деление второй половины XV в. разбросало эти волости по владениям разных князей московского княжеского дома, но в XIV в. все эти волости входили в состав территории Московского княжества. Волости Суходол, Раменка (Раменье), Негуча, Канев, Воря, Скирманово (Скирмановское), село Андреевское, ко второй половине XV в. давшее наименование отдельной волости (стану), упоминаются уже в первой духовной грамоте 1336 г. Ивана Калиты¹⁴¹. Можайская Поротовская волость впервые упоминается в завещании 1389 г. Дмитрия Донского, но возможно, что она существовала и во времена Ивана Калиты¹⁴².

¹³¹ Там же. № 20. С. 56; № 21. С. 58; № 22. С. 60.

¹³² Дмитрий Донской скончался 19 мая 1389 г., его жена Евдокия Дмитриевна — 7 июня 1407 г. См.: ПСРЛ. Т. XVIII. С. 138; 154.

¹³³ ПКМГ. Ч. I. Отд. I. С. 501.

¹³⁴ *Маишафаров* А. В. Указ. соч. С. 28.

¹³⁵ АФЗ и Х. Ч. I. № 86. С. 86.

¹³⁶ АСЭИ. Т. III. № 58. С. 89, 90. В грамоте названы Андреевский и Негучский станы Звенигорода, но в то же время упомянуты «волостели ондрѣвские и нѣгучские».

¹³⁷ АСЭИ. Т. I. № 527. С. 405; Т. II. № 42. С. 62.

¹³⁸ АСЭИ. Т. I. № 567. С. 445.

¹³⁹ Там же. № 401. С. 294; № 416. С. 306.

¹⁴⁰ АСЭИ. Т. III. № 64. С. 96; № 65. С. 97.

¹⁴¹ ДДГ. № 1. С. 7–9. Волость Раменка стала относиться к дмитровским волостям после смерти Дмитрия Донского. См.: Там же. № 12. С. 34 (состав удела князя Петра Дмитриевича).

¹⁴² Там же. № 12. С. 34. О можайских волостях в общем обезличенном виде говорится во второй духовной грамоте 1339 г. Ивана Калиты. См.: Там же. № 1. С. 9.

Целый ряд волостей, где грамоты второй половины XV в. фиксируют десятских, лежал за пределами территории Московского княжества, как эта территория обрисовывается по источникам 30–50-х гг. XIV в. Таковы владимирская волость Медуши¹⁴³, вологодская волость Тошна¹⁴⁴, волость Вольское¹⁴⁵, дмитровская волость Вышгород¹⁴⁶, костромские волости Ликурги¹⁴⁷ и Нерехта¹⁴⁸, нижегородские волости Гороховец и Ярополч¹⁴⁹, переяславская волость Кинела¹⁵⁰, ржевская волость Кличен¹⁵¹.

Волость Медуши была одной из двух владимирских волостей, которые передавались во владение московскому удельному князю Владимиру Андреевичу. Первый раз она упоминается в источниках в 1390 г.¹⁵² Белозерская волость Вольское, вологодская волость Тошна и дмитровская волость Вышгород впервые упоминаются как московские владения в завещании 1389 г. Дмитрия Донского¹⁵³. В духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406–1407 гг. впервые как московское владение названа костромская волость Нерехта¹⁵⁴. Из договора от 11 марта 1428 г. между великим князем Василием Васильевичем и его дядей князем звенигородским и галицким Юрием Дмитриевичем становится известно, что московские князья по меньшей мере в первой четверти XV в. владели костромской Ликуржской волостью¹⁵⁵. Волость Ярополч была московской уже в 1390 г.¹⁵⁶ Гороховец, судя по всему, стал московским с присоединением к Москве Нижегородского княжества в 1392 г.¹⁵⁷ Волость Кинела в Переяславле Залесском существовала по меньшей мере к началу XV в.¹⁵⁸, она упоминается в первой духовной грамоте 1406–1407 гг. великого князя Василия Дмитриевича как владение его жены Софьи Витовтовны¹⁵⁹. В грамоте 1371 г. упоминается захваченный москвичами Кличен¹⁶⁰. Таким

143 АСЭИ. Т. I. № 312. С. 223; АФЗ и Х. Ч. I. № 212. С. 186.

144 АСЭИ. Т. II. № 199. С. 129.

145 АСЭИ. Т. I. № 341. С. 249.

146 Там же. № 336. С. 243.

147 АФЗ и Х. Ч. I. № 251. С. 215.

148 Там же. № 264. С. 236.

149 *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 398.

150 АСЭИ. Т. I. № 455. С. 341.

151 АСЭИ. Т. II. № 360. С. 353; АФЗ и Х. Ч. II. № 25. С. 28.

152 ДДГ. № 13. С. 37.

153 Там же. № 12. С. 34.

154 Там же. № 20. С. 56.

155 Там же. № 24. С. 64.

156 Там же. № 13. С. 38.

157 *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 215, 231.

158 АСЭИ. Т. I. № 17. С. 34. Грамоты второй четверти XV в. косвенно свидетельствуют о существовании переяславской Кинелы во времена Ивана Калиты, см.: Там же. № 117. С. 93; № 236. С. 166.

159 ДДГ. № 20. С. 56.

160 Русская историческая библиотека. Т. VI. Ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1908, приложения. Стб. 138.

образом, 18 различных волостей, где жалованные грамоты второй половины XV в. фиксируют существование института десятских, являлись или становились московскими владениями по меньшей мере с 1336 г. по 1425 г., продолжая находиться под властью потомков Ивана Калиты и в более позднее время. Такое длительное владение волостями московских династов (от 35 до 150 лет) должно было способствовать заведению там княжеского хозяйства, хотя в нашем распоряжении есть лишь единственный факт, подтверждающий такое соображение. Речь идет о селe Андреевском в Звенигороде, ко второй половине XV в. ставшем центром одноименной волости (стана), первоначально же бывшем княжеским селом. Процесс окняжения территории, т. е. заведения на подвластных князьям землях княжеского хозяйства, из-за отсутствия соответствующих источников оказывается трудноуловимым, но, иллюстрируемый отдельными примерами, он вполне выявляется и должен быть определен как важный социологический фактор. Конечно, окняжение территории могло в разные исторические периоды, особенно в пору усиления Московского княжества, идти и весьма быстрыми темпами, не растягиваясь на столетия или десятилетия. Возможно, так было в отношении вологодских волостей Лоскомы¹⁶¹, Маслены¹⁶² и Пельшемы¹⁶³, кашинских Нерехты¹⁶⁴ и Жабны¹⁶⁵, каширских волости Туров¹⁶⁶ и стана Раставского¹⁶⁷, переяславской волости Кистьмы¹⁶⁸, рузского Вышкоского стана¹⁶⁹, угличских волостей Кинелы¹⁷⁰ и Святицкой¹⁷¹. Впрочем, в нашем распоряжении почти нет данных даже о примерном времени возникновения большинства этих волостей. Допуская самый несогласуемый с предшествовавшими наблюдениями вариант — все перечисленные выше 11 волостей возникли во второй половине XV в., — мы, тем не менее, вправе констатировать, что по совокупным показаниям жалованных грамот второй половины XV в. децимальная организация тяглых людей связана преимущественно с территориями, бывшими длительное время объектами княжеского управления и владения.

Свидетельствуя о наличии института десятских преимущественно во второй половине XV в. во владениях различных князей и на разных территориях, княжеские жалованные грамоты не в состоянии ответить на многие вопросы, связанные с существованием этого института и децимальной системы в целом. И все же некоторые общие характеристики возможны. При этом приходится иметь в виду, что распространяются такие характеристики не только на десятских, но и на лиц других категорий, т. е. сотских, дворских, становщиков, пятидесятских, старост и пя-

¹⁶¹ АСЭИ. Т. II. № 199. С. 129; № 232. С. 154.

¹⁶² Там же. № 266. С. 178.

¹⁶³ АСЭИ. Т. III. № 278. С. 294.

¹⁶⁴ АСЭИ. Т. I. № 653. С. 577.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. № 618. С. 530.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. № 322. С. 231.

¹⁶⁹ АСЭИ. Т. II. № 426. С. 466.

¹⁷⁰ АСЭИ. Т. I. № 323. С. 232, 233.

¹⁷¹ АСЭИ. Т. III. № 85. С. 117.

тенщиков, которые вместе с десятскими называются в иммунитетных грамотах, но по своим функциям от десятских в таких грамотах не разграничиваются. Так, частое упоминание в обельных постановлениях проторов, разметов и пошлин указывает на административные прерогативы десятских и на их организаторские функции. Достаточно редкие в обельных формулах иммунитетных грамот ссылки на «посошное»¹⁷², «воротное»¹⁷³, «поворотное»¹⁷⁴, «подымное»¹⁷⁵, церковные¹⁷⁶, к которым, возможно, относится «розвинское»¹⁷⁷, и посадничьи (в Волоке Ламском и Рузе)¹⁷⁸ пошлины могут свидетельствовать о причастности десятских к сбору различных налогов, причем не только великокняжеских, княжеских и в пользу новгородских посадников, но и некоторых церковных. Упоминания в тех же обельных формулах таких повинностей, как строительство великокняжеских, наместничьих и волостелевых дворов¹⁷⁹, содержание «татарского яму»¹⁸⁰, исполнение «портнова» и «закоса»¹⁸¹, кормление великокняжеских коней и заготовка, скорее всего, для них же сена¹⁸², могут говорить об участии десятских в организации различных работ в пользу князя и его окружения. Но следует еще раз подчеркнуть, что сделанные выводы не могут носить окончательного характера. Состояние рассматриваемых свидетельств таково, что не допускает твердых решений. Необходима корректировка на основании совершенно бесспорных показаний источников.

Конкретные же факты о десятских, содержащиеся в иммунитетных грамотах, крайне скудны. Из 78 грамот только в 2 содержатся очень скромные сведения о реальном функционировании этой системы. Из грамоты 1484 г. З. В. Львову можно сделать вывод о наличии сотских и десятских в Вологде, в Окологородном стане и в Масленской волости¹⁸³. Из грамоты 1474 г. митрополиту Геронтию следует, что в костромской волости Ликурги был староста, а вместе с ним или наряду с ним — десятские¹⁸⁴. Сколь ни единичны такие свидетельства, они позволяют указать на места функционирования перечисленных лиц: сотские находятся в городах или в волостях, в волости живет и староста, десятские вместе с сотскими могут жить в городах, и бесспорно, что они находятся в волостях.

¹⁷² АСЭИ. Т. III. № 109. С. 146.

¹⁷³ АСЭИ. Т. I. № 322. С. 231.

¹⁷⁴ АФЗ и Х. Ч. II. № 18. С. 23.

¹⁷⁵ Там же. № 25. С. 28.

¹⁷⁶ АСЭИ. Т. I. № 388. С. 282; № 518. С. 393; № 519. С. 394; № 653. С. 577; Т. II. № 266. С. 178; Т. III. № 72. С. 107; *Капитанов С. М.* Указ. соч. № 45. С. 419.

¹⁷⁷ АФЗ и Х. Ч. II. № 4. С. 11; № 14. С. 17; № 17. С. 22; № 18. С. 23; № 26. С. 30; № 34. С. 36.

¹⁷⁸ Там же. № 34. С. 36; АСЭИ. Т. II. № 415. С. 446.

¹⁷⁹ АСЭИ. Т. I. № 322. С. 231; № 336. С. 243.

¹⁸⁰ Там же. № 304. С. 214.

¹⁸¹ Там же. № 492. С. 371.

¹⁸² Там же. № 527. С. 405; Т. II. № 216. С. 139.

¹⁸³ АСЭИ. Т. II. № 266. С. 178.

¹⁸⁴ АФЗ и Х. Ч. I. № 251. С. 215.

Заключение о десятских в городе как будто подтверждается свидетельством уже упоминавшейся грамоты от 13 декабря 1464 г. Ивана III митрополиту Филиппу на земли около г. Владимира. Там упоминаются «десяцкие городские», которые в митрополичьи «села не въезжают»¹⁸⁵. Для исследователей, убежденных в том, что десятские всегда были «низшей выборной должностью в сельском самоуправлении»¹⁸⁶, приведенное указание грамоты 1464 г. должно представляться полнейшим нонсенсом. Ведь, согласно этой грамоте, десятские были горожанами и ездили в села, посещать которые им в данном случае просто запрещалось. Как же можно в таком случае говорить о десятском XV в. как выборной сельской должности? Разрыв между учеными представлениями и свидетельством источника здесь налицо. Но заподозрены в истинности могут быть не только исследовательские мнения, но и показания грамоты. А поскольку они единственные из всех 78 рассмотренных княжеских жалованных грамот, то их уникальность не позволяет решить, насколько они правильны. Ведь если писец грамоты совершил опisku, ошибочно написал, например, слово «городские», то вся неповторимость грамоты исчезнет и снимутся все противоречия. Очевидно, что для прояснения картины необходимо привлечение иных источников, содержащих свидетельства о десятских.

Среди этих источников первенствующее значение имеют правые грамоты. В 11 таких грамотах упоминаются десятские¹⁸⁷. Подобные упоминания есть и в 13 разъезжих грамотах¹⁸⁸. Термин «десятский» встречается также в 2 отводных грамотах¹⁸⁹, 1 разводной грамоте¹⁹⁰, 1 докладной разводной грамоте¹⁹¹ и 1 судебном списке¹⁹². 3 из названных источников относятся к 60-м гг. XV в.¹⁹³, 2 — к 60–70-м гг. XV в.¹⁹⁴, 1 — к 60–80-м гг. XV в.¹⁹⁵, 4 — к 70-м гг. XV в.¹⁹⁶, 3 — к 80-м гг.

¹⁸⁵ АФЗ и Х. Ч. I. № 210. С. 185.

¹⁸⁶ Таково определение десятских в «Предметно-терминологических указателях» всех трех томов АСЭИ.

¹⁸⁷ АФЗ и Х. Ч. I. № 103. С. 98; АСЭИ. Т. II. № 375. С. 371; № 370. С. 365; № 381. С. 377; № 229. С. 152; № 400. С. 407; № 332. С. 311; № 404. С. 415, 416; № 492. С. 535; № 493. С. 541; АСЭИ. Т. III. № 48. С. 70. Перечень правых грамот дан в хронологической последовательности.

¹⁸⁸ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. № 8. С. 47–48; АСЭИ. Т. II. № 371. С. 366; Т. I. № 432. С. 322, 323; АФЗ и Х. Ч. I. № 44а. С. 58; № 47. С. 63; № 466. С. 62; № 49. С. 64; АСЭИ. Т. I. № 613. С. 526; Т. II. № 491. С. 531; Т. I. № 632. С. 545; Т. II. № 424. С. 464; Т. I. № 643. С. 561; Т. II. № 429. С. 472. Перечень дан в хронологической последовательности.

¹⁸⁹ АСЭИ. Т. I. № 443. С. 330; АФЗ и Х. Ч. I. № 44. С. 58.

¹⁹⁰ АСЭИ. Т. II. № 298. С. 256.

¹⁹¹ АСЭИ. Т. I. № 544. С. 423.

¹⁹² Там же. № 431. С. 321.

¹⁹³ АФЗ и Х. Ч. I. № 103; АСЭИ. Т. I. № 375, 381.

¹⁹⁴ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты... № 8; АСЭИ. Т. II. № 370.

¹⁹⁵ АСЭИ. Т. II. № 371.

¹⁹⁶ АСЭИ. Т. I. № 431, 432, 443; Т. II. № 229.

XV в.¹⁹⁷, 2 — к 80–90-м гг. XV в.¹⁹⁸, 7 — к 90-м гг. XV в.¹⁹⁹, 2 — к 90-м гг. XV — началу XVI в.²⁰⁰, 5 — к началу XVI в.²⁰¹. Все перечисленные 29 грамот объединяет фиксация земельных владений разных юридических лиц, которые, как правило, предъявляли свои права на одни и те же земельные участки. Происходил судебный процесс, устанавливавший принадлежность земли тому или иному юридическому лицу и определявший границы владений, а судья выдавал свое решение стороне, выигравшей разбирательство. Такое решение и называлось правой грамотой, а иногда — судным списком. Размежевание спорных владений фиксировалось в разъезжих, отводных и разводных грамотах. В таких действиях в разных качествах и участвовали десятские.

Правые грамоты, разъезжие, отводные и подобные им документы, в которых упоминаются десятские, выдавались на земли в Бежецком Верхе (2 грамоты), Белоозере (2 грамоты), Дмитрове (1 грамота), Звенигороде (1 грамота), Москве (15 грамот), Переяславле Залесском (4 грамоты), Плесе (1 грамота) и Суздале (3 грамоты). За двумя исключениями этот список полностью совпадает с приведенным ранее списком тех территориальных центров, на которые выдавались жалованные тарханно-обельные грамоты. Первым исключением является Белоозеро, но следует иметь в виду, что указанная в первом списке Вольская волость была по своему происхождению волостью белозерской и только в результате политико-административных преобразований Дмитрия Донского она стала волостью вологодской. Вторым исключением является Плесо, который в административном отношении подчинялся Костроме, а Кострома фигурирует в первом списке.

Выясняя более детально, на какие именно земли в Бежецком Верхе, Белоозере, Дмитрове, Звенигороде и т. д. выдавались в 60-х гг. XV — начале XVI в. правые, разъезжие и другие грамоты, упоминающие десятских, можно прийти к ожидаемому, но, тем не менее, интересным и важным наблюдениям.

Бежецк. На Бежецкий Верх были выданы 2 грамоты. Одна отводная грамота, данная властям Троице-Сергиева монастыря между 1474 и 1479 гг. писцом угличского князя Андрея Васильевича Большого Иваном Михайловичем Рясой, отводила Люботицкую землю Тутаковской деревни Троице-Сергиева монастыря от «княжей земли от Васкина»²⁰². Присутствие при проведении земельных границ городецкого сотского Палки (Павла), указывает на то, что Люботицкая земля находилась близ Городецка, как первоначально назывался город Бежецк²⁰³. И действительно, Люботицкую землю Тутаковской деревни надо искать в районе села

¹⁹⁷ АСЭИ. Т. I. № 544; Т. II. № 400; АФЗ и Х. Ч. I. № 44а.

¹⁹⁸ АСЭИ. Т. II. № 332, 404.

¹⁹⁹ АФЗ и Х. Ч. I. № 47, 466; АСЭИ. Т. I. № 613; Т. II. № 298, 491, 492, 493.

²⁰⁰ АФЗ и Х. Ч. I. № 49; АСЭИ. Т. I. № 632.

²⁰¹ АСЭИ. Т. II. № 424; Т. I. № 643; Т. II. № 429; Т. III. № 48; АФЗ и Х. Ч. I. № 44.

²⁰² АСЭИ. Т. I. № 443. С. 330.

²⁰³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 91.

Люботичи, стоявшего примерно в 10 км к югу от Бежецка²⁰⁴. Другая грамота на земли в Бежецке, разъезжая, была выдана властям того же Троице-Сергиева монастыря 27 июля 1497 г. Грамота фиксирует размежевание земель монастырской Старосельской деревни и великокняжеской Гудцовской деревни²⁰⁵. Точное местоположение этих деревень установить не удастся, но присутствие среди свидетелей при разъезде земель городецкого сотского Семена Быка, участие в размежевании Павла Мошнина, посельского принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю села Присецкого²⁰⁶, а оно находилось в 12 км южнее Бежецка²⁰⁷, указывают на то, что речь снова идет о территории, непосредственно прилегавшей к городу Бежецку²⁰⁸.

Белоозеро. Правая грамота, выданная около 1490–1492 гг. властям белоозерского Ферапонтова монастыря на деревню Крохинскую, определяет статус владения, располагавшегося рядом с городом Белоозером, стоявшим у «устья ... Шохонского», т. е. у истока р. Шексны из Белого озера²⁰⁹. Примерно в то же время была составлена разводная грамота на «земли и лѣсы» князей Кемских. Речь шла о их владениях по р. Кеме²¹⁰, северо-западному притоку Белого озера.

Дмитров. Полученная крестьянами великокняжеской тяглою деревни Фокинской в 1475/1476 г. правая грамота на пожню у р. Волгуши фиксирует принадлежность пожни этой деревне, а не деревне Кирилло-Белоозерского монастыря Копыловской. Названные географические ориентиры не проясняют местоположения пожни у р. Волгуши. Но упоминания в грамоте р. Яхромы, р. Икши, устьев впадавших в р. Яхрому рр. Волгуши и Каменки²¹¹ ведут к району южнее г. Дмитрова, расположенному примерно в 20 км от города.

Звенигород. Правая грамота, данная между 1462 и 1464 гг. великим князем Иваном III митрополиту Феодосию на пустошь Бортневскую, бывшую в споре с крестьянами княжеского (князя угличского и звенигородского Андрея Васильевича Большого) села Воиславского, решала вопрос о митрополичьих владениях под Звенигородом²¹². Село Воиславское (Выславское), возникшее в период княжения в Звенигороде отца Дмитрия Донского Ивана Ивановича, т. е. между 1340 и 1353 гг., было расположено примерно в 9 км от Звенигорода на р. Москве, очевидно, в городской округе и всегда было княжеским селом²¹³.

²⁰⁴ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 171 (карта).

²⁰⁵ АСЭИ. Т. I. № 613. С. 525.

²⁰⁶ Там же. С. 526, 525.

²⁰⁷ См.: Топографическая карта «Тверская область». [М.], 1992. с. 17

²⁰⁸ Косвенно о принадлежности села Присек и относящихся к нему деревень к околородной территории Городецка свидетельствуют попытки уже упоминавшегося городецкого сотника Палки привлечь крестьян присецких деревень к исполнению повинности по строительству наместничьего двора в Городецке. См.: АСЭИ. Т. I. № 473. С. 358–359.

²⁰⁹ АСЭИ. Т. II. № 332. С. 311, 313.

²¹⁰ Там же. № 298. С. 255–256.

²¹¹ Там же. № 229. С. 150.

²¹² АФЗ и Х. Ч. I. № 103. С. 97, 98.

²¹³ ДДГ. № 4. С. 15, 18; № 95. С. 381.

Москва. Особенно много грамот — 15 — относится к Москве. Более половины из них — 8 — выдано московскому Симонову монастырю. Это представляется закономерным. По свидетельству начала 60-х гг. XV в. келаря Симонова монастыря Никиты, «монастырь Симоновской — государев великого князя»²¹⁴. Московские великие князья имели самое непосредственное отношение к основанию монастыря²¹⁵, и неудивительно, что Иван III оставлял спорные земли за монастырем в своих исконных владениях — близ Москвы. Во всех, не только симоновских, грамотах, относящихся к Москве, говорится о сельских землях. Местоположение некоторых из них определяется прямыми указаниями, содержащимися в самих текстах грамот. Так, правая грамота, выданная между 1490 и 1498 гг. крестьянину московского Симонова монастыря Василию Узкому на землю Заречье, бывшую в споре с крестьянином великого князя Семеном Кожей, четко определяла, что спорная земля находилась «в московском стану Горетове»²¹⁶. Разъезжая грамота, полученная властями московского Симонова монастыря 30 августа 1504 г. и устанавливавшая границы между монастырским Жданским селом и Петровским селом И. Г. Козлова, сохранила указание, что одним из свидетелей межевания был «Жданьского стану сотцкой Гридя Семеновъ сынъ Суковъ»²¹⁷. Тем самым делается очевидным, что речь идет о землях Жданского стана Московского уезда²¹⁸. В отводной грамоте, где упомянуты сотский и десятские, 1510/1511 г. на ямской двор по дороге Москва — Дмитров в 30 верстах от Москвы и в 30 верстах от Дмитрова сообщается, что «поставил ям Захар Румянцов на Селецкой на Дмитровской дорозе на большей, на реке на Уче, на митрополиче земле»²¹⁹. Такое указание имеет в виду митрополичью Селецкую волость Московского уезда.

В остальных московских грамотах подобных прямых указаний нет. Тем не менее примерное географическое положение упоминаемых в таких грамотах московских земель определить можно. Так, в разъезжей грамоте от 7 июня 1486 г., в разъезжей грамоте от октября 1496 г. и в разъезжей грамоте от 1 мая 1497 г. фиксируются митрополичьи земли села Петровского, двух деревень Лихорадовских и селища Голутвинского. Земли эти подходили к р. Уче²²⁰. В копиях в книге 1527—

²¹⁴ АСЭИ. Т. II. № 375. С. 372.

²¹⁵ Кучкин В. А. Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 119—121. Характерно, что многие судебные споры между Симоновым монастырем и черными великокняжескими людьми вершились самим Иваном III и великий князь принимал сторону монастыря не по каким-то, хотя бы и призрачным, юридическим основаниям, а просто по своему желанию, доброхотению по отношению к монастырю.

²¹⁶ АСЭИ. Т. II. № 404. С. 414.

²¹⁷ Там же. № 429. С. 470, 472.

²¹⁸ В более поздних грамотах XVI в. это административное положение села Жданского именно так и определяется. См.: Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 17. С. 24; № 75. С. 88; № 79. С. 92.

²¹⁹ АФЗ и Х. Ч. I. № 44. С. 57. Указания на расстояния от яма до Москвы и до Дмитрова на с. 58.

²²⁰ АФЗ и Х. Ч. I. № 44а. С. 58; № 47. С. 62—68; № 46б. С. 61—62.

1528 г. митрополичьего дома первые две разъезжие грамоты отнесены к документам на владения митрополитов в московской Селецкой волости²²¹. И это отчасти подтверждается тем, что р. Уча, как зафиксировано в отводной грамоте 1510/1511 г., действительно протекала по Селецкой волости. Следовательно, речь идет о земельных участках, расположенных в сравнительной близости от поставленного у р. Учи в 1510–1511 г. ямского двора. Сложнее обстоит дело с названными в разъезжей грамоте, составленной между 1495 и 1511 гг., землями Щеглятевского (видимо, поселения или участка, принадлежавшего митрополиту) и Горяина Елдегина²²². В грамоте прямо не сказано, где находились эти земли. Помогает то, что и эта грамота копиистами XVI в. отнесена к числу селецких; что в других грамотах земля Горяина Елдегина показана граничащей с собственно селецкой (села Сельцы-Троица) землей²²³; что в разъезжей грамоте 1495–1511 гг. среди межевщиков названы лица, которые принимали участие в качестве таковых или свидетелей межевания при разграничении земель в Селецкой волости²²⁴.

В правой грамоте, полученной властями московского Симонова монастыря между 1462 и 1478 гг., упоминаются пашня и луг существовавшей примерно в первой четверти XV в. Лжевской деревни, которую истец Исачко Шаблыка называл черной великого князя, а посельский симоновского села Ивановского Борис Федотов — монастырской. Спорные земли подходили к р. Востохне²²⁵. Известно, что от притока этой реки р. Горетовки (Горедвы) получил свое название Горетовский стан Московского уезда²²⁶. Документы XVI в. подтверждают, что село Ивановское Симонова монастыря находилось в Горетове стане²²⁷.

Тот же Симонов монастырь в период между 1462 и 1485 гг. и в июне 1501 г. получил две разъезжие грамоты, а между 1465 и 1469 гг. — правую грамоту на свои земли, граничившие с черными землями великого князя в районе Верхнего и Нижнего Медвежьих озер²²⁸. Речь идет о районе между современной Балашихой и Щелковым, где в XV в. возникла великокняжеская черная Пехорская волость²²⁹.

²²¹ Там же. С. 56–57. Разъезжая 1497 г. также была в этой копийной книге, но текст ее вырван. См.: Там же. С. 7.

²²² Там же. № 49. С. 63–64.

²²³ Там же. № 46а. С. 60.

²²⁴ В разъезжей грамоте 1495–1511 гг. среди межевщиков названы Кобач, Фомка и Карп Останины, Заня Качаловский, Левко Овдокимов. Они упоминаются и в других грамотах, относящихся к Селецкой волости. См.: АФЗ и Х. Ч. I. № 44а. С. 58; № 46а. С. 61; № 46б. С. 62; № 47. С. 63.

²²⁵ АСЭИ. Т. II. № 370. С. 364.

²²⁶ *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 389–390. Древнейшая зафиксированная в источниках форма названия этой реки — Горетовка. См.: АСЭИ. Т. II. № 404. С. 416; Т. III. № 50. С. 76.

²²⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря. № 75. С. 88; № 79. С. 92.

²²⁸ АСЭИ. Т. II. № 371. С. 365; № 424. С. 464; № 381. С. 377, 380.

²²⁹ Там же. № 381. С. 377.

Около 1463 г. Симонов монастырь получил правую грамоту на селище Куземкино и землю Дернково, которые истцы, некие Корнилко и Ивашко, считали старинной становой тяглою землей великого князя, а симоновские власти — своей, монастырской. Поскольку в спорном деле участвовал посельский симоновского села Быловского Мисаил и в судебном разбирательстве выяснилось, что спорные земли распахивались крестьянами села Быловского²³⁰, ясно, что Куземкино и Дернково находились недалеко от этого села. Само село Быловское стояло близ р. Желетовки и было связано с Шаховым²³¹, давшим название Шаховскому стану Московского уезда. В документах XVI в. положение села Быловского так и определяется: в Шахове стане²³².

Еще одна правая грамота Симонова монастыря, полученная им между 1485 и 1490 гг., упоминает землю Федота Нелидова, которую монастырь считал своей, а некий Ивашка Саврасов, ссылаясь на то, что ему «дал князь великий ту землю осенесь о Покрове святых богородицы», считал черной землей великого князя²³³. Где находилась эта Федотовская земля — неясно. Но исходя из того, что с Ивашкой Саврасовым судился сам архимандрит Симонова монастыря Зосима, ставший 26 сентября 1490 г. митрополитом всея Руси; что оба они предстали на суд великого князя Ивана III; что рядом с землей Федота Нелидова были земли Левково и Якушево, на которых становые крестьяне косили сено «на великого князя конь, на становой»²³⁴, следует признать, что речь идет о земле в одном из московских станов, возможно, находившейся рядом с Симоновым монастырем.

Судный список и разъезжая грамота, полученные около 1474–1475 гг. властями Троице-Сергиева монастыря, утвердили за монастырем землю, которую пахал Михаль Дворянкин, считая ее принадлежавшей к великокняжеской деревне Чекмаковской²³⁵. Земля была расположена близ р. Талицы и, как выяснилось на суде с Михаелем Дворянкиным, давно относилась к троицкому селу Путилову²³⁶. По данным XV в., это село находилось в волости Воре²³⁷.

Таким образом, десятские упоминаются в тех правых и разъезжих грамотах второй половины XV — начала XVI в. на московские земли, которые относятся к волости Воре и к различным местам околгородной московской территории, той самой, что еще в 50-х гг. XIV в. называлась городским уездом.

Переяславль Залесский. Между 1462 и 1471 гг. дьяк великой княгини Марии Ярославны, вдовы Василия Темного, Федор Долматов разъехал землю московского Чудова монастыря села Филипповского с землями села Мележского по

²³⁰ Там же. № 375. С. 370–371.

²³¹ Там же. № 376. С. 374.

²³² Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря. № 17. С. 24; № 75. С. 88; № 79. С. 92.

²³³ АСЭИ. Т. II. № 400. С. 406.

²³⁴ Там же. С. 405, 410, 407.

²³⁵ АСЭИ. Т. I. № 431. С. 320–321; № 432. С. 322–323.

²³⁶ Там же. № 431. С. 321; № 432. С. 323.

²³⁷ АСЭИ. Т. I. № 493. С. 373.

рр. Шерне и Мележе в Маринине слободе Переяславля Залесского. В Филипповском селе жил десятский Конаник ²³⁸.

В 80–90-х гг. XV в. Троице-Сергиев монастырь получил докладную разводную грамоту, зафиксировавшую границу между землями троицкой деревни Свечино и великокняжеской деревни Кипровой. Межа проходила по рр. Исколдому и Нерли, земли обеих деревень относились к Гавинской волости ²³⁹. По данным 1449 г., деревня Свечино относилась к Усольской волости Переяславля Залесского ²⁴⁰.

В 1500–1501 г. состоялся полюбовный разъезд между вотчинником Тимофеем Петровичем Замытским и властями Троице-Сергиева монастыря. Стороны определили границы между монастырскими землями Мериновской и Иванковской, с одной стороны, и Пореевской Т. П. Замытского, с другой. Вотчины Замытских были расположены в Замытье, или Замытском стане Переяславля Залесского ²⁴¹. Поскольку в документе названа р. Нерль ²⁴², очевидно, Волжская, а ниже следующая грамота рядом с селом Копнинским упоминает владения того же Т. П. Замытского, следует полагать, что речь идет о районе к северо-западу от Переяславля.

Разъезжая грамота, данная властям Троице-Сергиева монастыря в 1503–1504 г., разграничивала «землю великого князя Заборской волости с троицкою землею Сергиева монастыря Копнинского села» ²⁴³. Межа проходила по берегу р. Сержи ²⁴⁴. Село Копнинское получило свое название от фамилии бывшего владельца села Варсонофия Борисовича Копнина (при нем оно называлось Никольским), было расположено на р. Нерли Волжской и в XV в. относилось к той же Усольской волости Переяславля Залесского ²⁴⁵. Село сохранилось и поныне и находится примерно в 27 км к северо-западу от Переяславля ²⁴⁶.

Плесо. Завершившийся выдачей правой грамоты 27 февраля 1506 г. спор властей московского Чудова монастыря с И. П. и Ф. П. Солониниными касался пустоши, которую монастырский приказчик Якуш Ильин считал чудовской, а братья Солонинины — «великого князя земли черные Зубцевские деревни» ²⁴⁷. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что рядом со спорной пустошью находилась Потопловская деревня, относившаяся к Клеопинскому селу Чудова монастыря, а все эти поселения располагались близ города Плесо ²⁴⁸.

²³⁸ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты... № 8. С. 47.

²³⁹ АСЭИ. Т. I. № 544. С. 423.

²⁴⁰ Там же. № 224. С. 159–160; ср.: № 457. С. 344.

²⁴¹ *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Переяславский уезд. М., 1966. С. 59, 86–87.

²⁴² АСЭИ. Т. I. № 632. С. 545.

²⁴³ Там же. № 643. С. 560.

²⁴⁴ Там же. С. 561.

²⁴⁵ АСЭИ. Т. I. № 193. С. 138; № 195. С. 139–140.

²⁴⁶ Карта «Подмосковье». М., 1969.

²⁴⁷ АСЭИ. Т. III. № 48. С. 68.

²⁴⁸ Там же. С. 70.

Суздаль. В конце XV в. суздальский Спасо-Евфимьев монастырь получил три документа на свои владения. Первым документом была разъезжая запись 1497/1498 г., фиксирующая границу между монастырскими селищами Анофрейцева, Дрествяного и Поповского и деревней Жаденки князя Даниила Васильевича Щени²⁴⁹. Примерно этим же временем должна быть датирована правая грамота, подтверждавшая права Спасо-Евфимьева монастыря на луга «на усть Подоксы под Холмом», на луг Занемицкий выше Холма вверх по р. Нерле и на селище Аркатьево. Оспаривавший права спасо-евфимьевских старцев на эти угодья посельский князь Б. И. Горбатого Андрей Давыдов доказывал, что луга и селище относятся к княжескому селу Лопатниче, а старцы утверждали, что к монастырскому селу Омутскому²⁵⁰. Несколько иным временем, но близким к концу XV в., датируется правая грамота, данная Спасо-Евфимьеву монастырю на луга «промежь Нерли и Ирмеса, на усть Ирмеса». Эти луга также относились к селу Омутскому, а претендовал на них посельский принадлежавшего князю Даниилу Дмитриевичу Холмскому села Менчакова Игнатий Дым²⁵¹. Все указанные в грамотах места находились близ Суздаля. Жаденки были расположены на левом берегу р. Нерли Клязьминской несколько выше впадения в Нерль р. Печуги, примерно в 20 км от Суздаля. Село Лопатниче стояло на правом берегу левого притока Нерли р. Подоксы, в 12 км к северо-востоку от Суздаля. Спорные луга были расположены по правому берегу р. Нерли против устья р. Подоксы и выше по р. Нерли. Село Омутское стояло на левом берегу р. Нерли несколько ниже впадения в нее р. Ирмеса, в 7 км к северу от Суздаля. Село Менчаково было расположено на левом берегу р. Ирмеса недалеко от устья этой реки, в 10 км к северу от Суздаля. Спорные луга находились на левом берегу Ирмеса и тянулись по р. Нерли, видимо, до устья р. Подоксы, составляя единый сенокосный массив, располагавшийся по правому берегу р. Нерли. Очевидно, что во всех трех грамотах речь идет о землях, находящихся в близости от города Суздаля. Таким образом, более детальная локализация упоминаемых в правых, разъезжих, докладных и других грамотах второй половины XV — начала XVI в., где называются десятские, земель обнаруживает, что большинство этих земель было расположено в городских округах.

Выявленная ранее на основании анализа жалованных тарханно-обельных и несудимых грамот особенность распространения десятичной системы вокруг городов получает, таким образом, новое подтверждение на основании изучения другого вида источников. Эти источники в согласии с рассмотренными прежде указывают на существование десятичной системы в московской волости Воре и в переяславской волости Кистье. В то же время правые и разъезжие грамоты во

²⁴⁹ АСЭИ. Т. II. № 491. С. 531.

²⁵⁰ Там же. № 493. С. 536–537. Эта правая грамота дана по результату суда великокняжеского судьи Василия Аксакова, который в таком качестве разъехал в 1497/1498 г. землю деревни Жаденки; см.: Там же. С. 541. Отсюда примерная датировка правой грамоты на луга и селище Аркатьево.

²⁵¹ Там же. № 492. С. 532. Василий Аксаков выступает в этой грамоте в качестве свидетеля, см.: Там же. С. 533.

многим конкретизируют эту картину, называя иные, по сравнению с жалованными тарханно-обельными грамотами, места околородных станов, где действовали десятские. В Бежецке это Люботицкая земля, расположенная поблизости от р. Мологи. Жалованные же тарханно-обельные грамоты указывают на село Сукромны, стоявшее недалеко от р. Остречины²⁵². В Белоозере это земли на северо-запад от стоявшего при истоке Шексны из оз. Белого города Белоозера и земли, непосредственно примыкавшие к этому городу. В Дмитрове это земли на юг от города, тогда как жалованные грамоты упоминают десятских на землях к северу от него²⁵³. В Звенигороде это земли не к северо-западу от города, где находились Андреевский стан и волость Негуча, а на восток от него близ села Воиславского. В Москве это не только район среднего течения р. Яузы, где, согласно жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте от 19 мая 1481 г., стояло троице-сергиевское село Ростokino, но и район Медвежьих озер, Горетов стан на р. Вскодне, Шахов стан на юго-запад от Москвы по верхнему течению р. Пахры²⁵⁴, Жданский стан к югу от Москвы, митрополичья Селецкая волость на севере московского городского уезда. В Суздале — подгородные монастырские и владельческие села Омуцкое, Лопатниче, Менчаково, деревня Жаденки. Правые и разъезжие грамоты содержат и уникальные указания на существование института десятских около города Плесо, в XV в. административно подчинявшегося Костроме, в возникшей в рамках старой Усольской волости Переяславля Залесского Гавинской волости, в Замытье, а также в Марининой слободе того же Переяславля Залесского, образовавшейся, по видимому, по инициативе великой княгини Софьи Витовтовны примерно во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг. XV в.²⁵⁵

Обнаруженная закономерность функционирования института десятских в городах и близ городов, а не в удаленных и глухих местах русских княжеств XIV–XV столетий, где древний уклад крестьянского мира мог сохраняться долгое время, ясно свидетельствует о том, что в средние века этот институт не был связан с крестьянскими общинами. Если волость Волочек Словенский, представлявшая собой, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, давно сложившуюся крестьянскую общину, в XV в. не сумела уберечься «от цепких рук чернецов богатого монастыря», существовавшего всего с конца XIV в., то как же могли сохраниться во второй половине XV в. такие общины и их выборные органы — десятские — в местах, где с гораздо более раннего времени действовали еще более цепкие князья, их наместники, волостели, праведчики, доводчики, дворские, где находились их личные резиденции и владения? Думается, есть веские основания сомневаться в интерпрета-

²⁵² *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 171.

²⁵³ О расположении дмитровского Повельского стана, о котором говорят жалованные грамоты, см.: *Готье Ю. В.* Указ. соч. и карта.

²⁵⁴ *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979. С. 181, примеч. 32 и карта-вклейка между с. 192–193.

²⁵⁵ Маринина слобода не упоминается в завещаниях великого князя Василия Дмитриевича, но она уже фигурирует в одной из жалованных грамот великого князя Василия Васильевича от ноября 1436 г. См.: АСЭИ. Т. III. № 34. С. 57.

ции средневековой волости как крестьянской общины и приписывать такой общине создание института десятских.

После сделанного географического обзора уместно перейти к рассмотрению вопроса о том, в каком качестве упоминаются в указанном виде источников десятские. Хотя правые, разъезжие, докладные и другие сходные с ними грамоты отразили поземельные споры, сам ход земельных тяжб, а особенно показания сторон были неодинаковыми, а потому деятельность десятских в таких коллизиях вырисовывается с разных сторон. Характеристику десятских следует начать с самых лапидарных сообщений, чтобы затем перейти к наиболее интересным свидетельствам правых и разъезжих грамот.

В судном списке, датируемом временем около 1474–1475 гг., данным Троице-Сергиеву монастырю на поляну в московской волости Воре, упоминается десятский Антип. Он возглавлял знахарей, которые знали рубеж между великокняжескими и монастырскими землями и которые указали эту границу судье великого князя Дмитрию Лазаревичу. Десятский Антип был поставлен перед судьей посельским Ивана III Федором Кокошем, он, следовательно, представлял интерес той стороны, которая спорную поляну считала великокняжеской²⁵⁶.

В разъезжей грамоте, данной Троице-Сергиеву монастырю в те же годы и на ту же поляну, дополнительно указано, что десятский Антип с другими межевщиками был на суде самого великого князя Ивана III и подтвердил перед ним правильность размежевания²⁵⁷. Десятский Антип выступал, таким образом, не только знахарем, межевщиком спорной земли, но и свидетелем на великокняжеском суде.

Отводная грамота, полученная властями Троице-Сергиева монастыря между 1474–1479 г. и зафиксировавшая границу монастырской Люботицкой земли в Бежецком Верхе, среди троицких крестьян, бывших на «отводе», называет десятского Окула Гамина²⁵⁸. Не вполне ясно, что делал Окул Гамин «на отводе»: сам вместе с другими участвовал в размежевании владений или был послухом при размежевании. Поскольку среди лиц, бывших на том же отводе, грамота называет городецкого (г. Бежецка) сотского Палку (Павла), представлявшего интересы другой стороны — владельца Бежецка угличского князя Андрея Васильевича, больше оснований полагать, что присутствовавшие на «отводе» люди были свидетелями размежевания земель, а не самими межевщиками.

В 1475/1476 гг. по повелению Ивана III судьей Семеном Васильевым была выдана правая грамота крестьянам Фокинской деревни в Дмитрове, принадлежавшей великому князю в качестве тяглой. Среди лиц, присутствовавших на суде, произведенном Семеном Васильевым, грамота называет десятского Данилку, представлявшего интересы великокняжеских крестьян²⁵⁹.

Полученная Троице-Сергиевым монастырем в 80–90-х гг. XV в. докладная разводная грамота была составлена десятским переяславской Гавинской волости

²⁵⁶ АСЭИ. Т. I. № 431. С. 324.

²⁵⁷ Там же. № 432. С. 324.

²⁵⁸ АСЭИ. Т. I. № 443. С. 330.

²⁵⁹ АСЭИ. Т. II. № 229. С. 152.

Дмитроком Ивановым с доклада гавинскому волостелю. Действуя от имени всей Гавинской волости, десятский Дмитрок вместе с двумя другими мужами, представлявшими сторону великого князя, и тремя лицами, представлявшими интересы Троице-Сергиева монастыря, размежевал великокняжеские и монастырские земли²⁶⁰.

В начале 90-х гг. XV в. разъездчик Ивана III Иван Окинфов на Белоозере, в Кеме размежевал земли князей Кемских: Ивана Давыдовича и его племянников Данилы, Давыда и Ивана Юрьевичей. При этом «на розводе были с Иваном: Иван Обухов соцкои да Гридя десяцкои, да соцкои Борис Максимов»²⁶¹. Речь идет о землях по р. Кеме к северо-западу от оз. Белого²⁶². Борис Максимов был сотским заозерским²⁶³, т. е. сотским Заозерского стана, располагавшегося на северном берегу Белого озера²⁶⁴, поэтому его участие в разводе земель по северному белозерскому побережью представляется естественным. Несколько иным было положение сотского Ивана Обухова и, что особенно для нас важно и интересно, Гриди десятского.

Согласно правой грамоте, выданной около 1490–1492 гг. (т. е. примерно в те же годы, когда была составлена упомянутая выше разводная) властям белозерского Ферапонтова монастыря на пригородную белозерскую слободку Крохинскую, среди лиц, которым монастырские старцы вчинили иск и которые были ответчиками на суде, проводившемся тремя великокняжескими судьями, был «Гридка десяцкой». Вместе с белозерским сотским Иваном Обуховым и с семью городскими «людьми» г. Белоозера он свидетельствовал о том, что писцы великого князя князь Ф. Ф. Алабыш и Василий Долматов, отписав на Белоозере дворы у монастырей, «те дворы и люди в тех дворех придали к городу, к нам в тягло, да и в сотницу их, господине, городную к нам написали»²⁶⁵. «Гридка десяцкой» прямо указан в числе городских людей²⁶⁶. Ясно, что Гридя был городским белозерским десятским, подчинялся сотскому Ивану Обухову и представлял интересы тяглых жителей Белоозера. В то же время Гриде вместе с белозерским и заозерским сотскими поручалось присутствовать при размежевании земель между князьями-вотчиками совершенно в другом месте бывшего Белозерского княжества и принимать участие в оформлении княжеской разводной грамоты. В этой связи выясняется, что свидетельство упомянутой ранее иммунитетной грамоты 1464 г. Ивана III митрополиту Филиппу на земли около города Владимира о запрещении городским десятскими ездить в околородные села является вполне достоверным. Городские десятские действительно ездили в села. А если так, то их невозможно рассматривать как выборных представителей сельского мира. Очевидно, что происхождение и функции десятских в древности были иными.

²⁶⁰ АСЭИ. Т. I. № 544. С. 423.

²⁶¹ АСЭИ. Т. II. № 298. С. 256.

²⁶² Кучкин В. А. Формирование... С. 311.

²⁶³ АСЭИ. Т. II. № 259. С. 172.

²⁶⁴ Там же. № 316. С. 292.

²⁶⁵ АСЭИ. Т. II. № 332. С. 311.

²⁶⁶ Там же.

Разъезжая грамота от 27 июля 1497 г., устанавливавшая границу великокняжеской земле деревни Гудцовской и земле Троице-Сергиева монастыря деревни Старосельской в Бежецком Верхе, среди свидетелей, присутствовавших «на розъезде», на последнем месте называет Палку (Павла) десятского, представлявшего монастырскую сторону²⁶⁷.

В полюбовной разъезжей грамоте от 1500/1501 г., составленной Т. П. Замытским и Троице-Сергиевским монастырем, среди лиц, присутствовавших на разъезде, назван «становой десяцкой Сенка Палцов»²⁶⁸, по весьма вероятному предположению Ю. Г. Алексеева представлявший Замытский стан Переяславского уезда²⁶⁹. Десятский принял участие в размежевании вотчинных и монастырских земель.

В июне 1501 г. по указной грамоте Ивана III Федор Михайлович Викентьев дал Симонову монастырю разъезжую грамоту, содержащую описание границы монастырской Столешниковской деревни с вотчинной Жагаловской деревней в Пехорском стане у Медвежьих озер. Среди лиц, которые «на розъезде были с Федором Михайловичем и ямы копали и грани клали», грамота называет сотского Ивана Федорова сына Хомутова и пехорского десятского Калинку Степанова сына Першина²⁷⁰. Поскольку в грамоте кроме Хомутова и Першина перечислено еще 17 человек, трудно понять, кто из них был на разъезде в качестве наблюдателя, а кто занимался межеванием. Важно, однако, подчеркнуть, что сотский и десятский принимали участие в размежевании земель даже в том случае, когда речь шла о границах между монастырским и светским вотчинным владениями.

При разъезде около 1503–1504 г. земли Троице-Сергиева монастыря села Копнинского с землей великокняжеской Заборской волости в Переяславле Залеском «межу указывали ... великого князя хрестьяне», всего 6 человек. Первым среди них назван «заборской десяцкой Ермола Дмитриев сын»²⁷¹.

В выданной 30 августа 1504 г. властям Симонова монастыря разъезжей грамоте, зафиксировавшей границу между симоновским Жданским селом и селом Петровским И. Г. Козлова в Московском уезде, указывалось, что при разъезде земель присутствовали Е. П. Арцыбашев, сотский Жданского стана Г. С. Суков, десятский Нестор Перекин и «Деревеньские волости сотник Андрѣико Родионовъ сын»²⁷².

В правой грамоте, выданной 27 февраля 1506 г. властям московского Чудова монастыря на пожню близ города Плесо, бывшую в споре с крестьянами великокняжеской черной деревни Зубцовской, отмечалось, что среди «музей», при кото-

²⁶⁷ АСЭИ. Т. I. № 613. С. 526. Любопытно отметить, что великокняжеская сторона свидетелей отвода была представлена городецким (бежецким) сотником Семеном Быком, а также «леса Клинского сотником» Иваном Тетерей.

²⁶⁸ Там же. № 632. С. 545.

²⁶⁹ Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 30–31.

²⁷⁰ АСЭИ. Т. II. № 424. С. 464.

²⁷¹ АСЭИ. Т. I. № 643. С. 561.

²⁷² АСЭИ. Т. II. № 429. С. 472.

рых вершился суд великокняжеским судьей Иваном Брехом Вельяминовым, был и «десятцкой Лука Мартынов сын»²⁷³.

Другие грамоты дают более разнообразные сведения о десятских. Наиболее интересные данные сохранились в самых ранних правых и разъезжих грамотах.

В начале 60-х гг. XV в. между посельским митрополичьего села Аксиньинского в Звенигороде Вавулой и посельским села Войславского князя угличского и звенигородского Андрея Васильевича Большого Лешью возник спор относительно пустоши Бортеневской. Вавула обвинял Лешу в том, что тот «называет ту пустошь княжщиною», пашет и косит ее своими крестьянами, между тем как пустошь эта — митрополичья. Состоялся суд, который проходил очень обстоятельно, стороны представили своих свидетелей, а старый посельский митрополичьего села Аксиньинского Серапион предъявил и письменный документ: данную грамоту на спорную пустошь. В ходе расследования выяснилось следующее. Спорная пустошь была старинной звенигородской землей. Свое название она получила от Бортена, приданного холопа князя звенигородского и галичского Юрия Дмитриевича. По видимому, он владел пустошью на праве полной собственности, поскольку от него пустошь перешла к некоему Николаю Мишне и Жеребиле, человеку «Иванова ... Володимеровича», возможно, одного из сыновей Владимира Григорьевича Ховрина, у которого были 4 сына с одинаковым именем Иван²⁷⁴. У Мишны и Жеребила пустошь Бортеневскую купил другой холоп князя Юрия Дмитриевича Харя Лагирь. Он превратился в княжеского холопа потому, что женился на Ковернице, «робе» княгини Анастасии, жены Юрия Дмитриевича. От князя Юрия Дмитриевича Харя Лагирь получил село Воиславское. Сам Харя Лагирь жил «на Песку» или в самом Звенигороде, но наезжал жить и в село Воиславское. По словам воиславских крестьян-старожильцев, Харя Лагирь владел Воиславским 10 лет, оставив это село за 20 лет до состоявшегося в начале 60-х гг. XV в. суда. Речь, следовательно, должна идти о делах начала 30-х гг. XV в. и начала 40-х гг. XV в. По свидетельству старого митрополичьего посельского Серапиона, Харя Лагирь дал пустошь Бортеневскую в митрополичий дом за 12 лет до суда, т. е. около 1450 г. Утверждение Серапиона не противоречит предъявленной им данной грамоте Хари Лагирия, которая адресована митрополиту Ионе, занявшему митрополичью кафедру в конце 1448 г.²⁷⁵. По утверждению Серапиона, именно он в качестве посельского распоряжался в течение 12 лет пустошью Бортеневской, косил ее своими крестьянами или отдавал внаем. Крестьяне же села Воиславского настаивали на том, что они «ту землю орали и косили, а и за Савкою, господине, та земля наша была за нашим христианином в выти». На суд были вызваны свидетели свидетелей. Со стороны крестьян села Воиславского это были «люди добрые, дворской звенигородской старой Ларион Слинков, да дворской нынешней Ермола, да Федот

²⁷³ АСЭИ. Т. III. № 48. С. 70.

²⁷⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 446.

²⁷⁵ *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 5.

Стряпко», а со стороны прежнего митрополичьего посельского Серапиона — Степан Кормилицын, Афанасий Тимошкин и Иван Селифонов. Все они были опрошены судьей, из них наиболее интересные показания дал Иван Селифонов. Он сообщил, что знает Бортеневскую землю 50 лет, потому что «тогда яз был при князи при Юрье пятидесятник». Бортеневская земля, по его словам, была «изстарина звенигородцкаа, а к нам, господине, к черным не тянула, ни к бояром». То, что бывший пятидесятский Иван Селифонов назвал звенигородской землей, другие участники судебного разбирательства называли княжщиной, и были правы, поскольку самые ранние свидетельства о селе Воиславском, кстати говоря, не известные тяжущимся сторонам, характеризуют его именно как княжеское село, о чем уже говорилось выше. Эта княжщина находилась под контролем пребывавших в Звенигороде дворянских, которых и призвали в свидетели крестьяне Воиславского села. Но было время, когда княжщина передавалась в держание, очевидно, условное, княжескому холопу-вассалу. От княжщины, а вместе с ней и от боярщины отличалась черная земля. Ее считал «нашей» Иван Селифонов, бывший пятидесятником «при князи при Юрье». Очевидно, будучи пятидесятником, Иван Селифонов должен был знать юридический статус разных околосзвенигородских земель. В этой связи показательно, что среди семи лиц, присутствовавших на судебной тяжбе между посельскими Вавулой и Лешей в начале 60-х гг. XV в., названы «сотник звенигородцкой Найден» и «Деша десяцкой», возглавлявшие, видимо, черных людей и следившие за владельческими изменениями в звенигородской округе²⁷⁶.

Правая грамота, выданная около 1463 г. властям московского Симонова монастыря на селища Куземкино Чететкино и Дернково в районе верхнего течения р. Пахры в пределах московского городского уезда, зафиксировала очень интересное показание Лазаря Копорулина. Лазарь Копорулин вместе со старым десятским Иваном Лыко и тремя другими свидетелями защищал в суде интересы неких Корнилки и Ивашки, которые утверждали, что оба селища исстари являлись землей становой великого князя, тяглой. Лазарь Копорулин, сам старый пятидесятский, свидетельствовал, что за 15 лет до Едигеевой рати, т. е. в 1393 г., на спорных селищах жили Куземка Чететка и Дернко, «а то земли великого князя пустоши становые, — и дань, господине, давали и во все потуги с нами тянули». Тогда на тех землях пятидесятским был отец Лазаря. «И как, господине, отец мой мертв, ино, господине, после Едигеевы рати был яз пятидесятником восемь лет на тех же землях»²⁷⁷. Десятский Лыко и его товарищи подтвердили слова Лазаря. Монастырские же власти утверждали, что селище Куземкино и еще одно, Стрыйнево, дал вкладом Тимофей Дыбин «по себе», а Дернково — тоже «по себе» Василий Михайлович Морозов, но произошло это лет 30 назад, т. е. в начале 30-х гг. XV в. Из этих свидетельств вырисовывается следующая картина. К началу 90-х гг. XIV в. существовала великокняжеская становая (не волостная!) тяглая земля, участками которой владели люди, бывшие под началом пятидесятского, отца Лазаря Копорулина. Они платили дань и «потуги ... тянули». Судя по характеру повинностей,

²⁷⁶ АФЗ и Х. Ч. I. № 103. С. 97–98.

²⁷⁷ АСЭИ. Т. II. № 375. С. 372.

кормленщика на этих землях не было. Участки, которыми владели Куземка Четечка и Дернко, неизвестно каким образом были приобретены в частную собственность Тимофеем Дыбиным и В. М. Морозовым. Пятидесятский в эти сделки не вступался. Сделки, очевидно, были законными, поскольку на суде 1463 г. их никто не оспаривал. Лазарь Копорулин получил свою должность после отца. Случилось ли так по выбору самих становых людей, по приказу князя или просто по наследству, рассматриваемый источник не указывает. Но пробыл Лазарь Копорулин в должности пятидесятского довольно долго — восемь лет. Ему явно подчинялся десятский Ивашка Лыко, который в самой грамоте упомянут после пятидесятского Лазаря. Таким образом, эта грамота приоткрывает некоторые стороны жизнедеятельности децимальной тяглой организации, причем не только руководящих, но и рядовых ее членов. Попутно следует отметить, что среди участников судебного разбирательства 1463 г. грамота на первом месте называет сотского (вероятно, Шаховского стана) Федора Левского²⁷⁸. Этот сотский присутствовал не только при разграничении становой великокняжеской земли и земли Симонова монастыря, но и при отводе этой же монастырской земли от великокняжеской численной земли, т. е. земли, принадлежавшей числякам²⁷⁹. На последних возлагались специфические государственные повинности, они образовывали особую служебную организацию. Прямое отношение сотского и к становым людям великого князя, и к его численным людям, возможно, указывает на тесную генетическую связь децимальной организации тяглых людей с известной по многим источникам служебной организацией числяков.

Правая грамота, данная между 1462 и 1478 гг. тому же Симонову монастырю на спорные луг и пашню Лжевские у реки Входни (Горетов стан Московского городского уезда), указывает, что среди лиц, присутствовавших как на судебном разбирательстве, так и при отводе земли, были Матвейко десятский и сотский Иван Петрович Лугинин²⁸⁰, который, как уточняет упоминавшаяся выше правая грамота 1490–1498 гг., был сотником горетовским²⁸¹. Интересно отметить, что проигравшей стороной в споре с Симоновым монастырем был Исачко Шаблыка попов сын Андреев, который утверждал, что Лжевские луг и пашня — «земля черная великого князя моей деревни»²⁸². Происхождение Исачки Андреева из семьи священнослужителя указывает пути формирования черного тяглого населения, что, кстати говоря, в общем виде предусматривалось еще ярлыком 1267 г. хана Менгу-Тимура, согласно которому на брата и на сына священника, живших вместе с последним, не распространялись налагаемые Ордой повинности, но они требовались и взимались, если попов сын или попов брат отделялись («выстоупилися») от дома священника²⁸³. В споре с монастырем Исачка Андреев опирался не на

²⁷⁸ АСЭИ. Т. II. № 375. С. 374.

²⁷⁹ Там же. № 374. С. 370; № 376. С. 374.

²⁸⁰ Там же. № 370. С. 365.

²⁸¹ Там же. № 404. С. 417.

²⁸² Там же. № 370. С. 364.

²⁸³ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 3. М., 1987. С. 589.

поддержку какой-либо сельской общины, а только на одного знакомого ему знахоря-старожильца Григория Ощеру. Тот хотя и утверждал, что еще за 60 лет до суда Лжевская земля была великокняжеской, но его воспоминания не помогли, и попов сын проиграл спор с монастырем.

Интересные сведения содержит разъезжая грамота, полученная Симоновым монастырем между 1462 и 1485 гг. Грамота зафиксировала границу симоновских владений у одного из упоминавшихся выше озер Медвежьих с землями великого князя. Разъезд был осуществлен дьяком Ивана III, а свидетелями размежевания были «мужи: пехорской сотцкой Юрька Лычев, Гаска десятцкой, Иван повар, Мартын Маковников, Олфер Ревякинской, Михаль Жижнеевской, Перша Исаков, Якуш Бабин, Сысой десятцкой, Бабыня, Федко десятцкой Кошелева стану»²⁸⁴. Наряду с сотским названы трое десятских. Возможно, десятским был и Михаль Жижнеевский. Во всяком случае, в 60-х гг. XV в. вместе с пехорским сотским Юрием Лычевым, известным уже нам десятским Сысоем действовал и «десятцкой бортной Михалко»²⁸⁵, имя которого совпадает с именем Михалы Жижнеевского. Тогда все они выступали от имени всей «волости» «хрестиян Пехорского стану»²⁸⁶. Как бы то ни было, в 60-е гг. XV в. указание на сотского и трех десятских среди свидетелей размежевания в грамоте 1462–1485 гг. является уникальным и представляется весьма симптоматичным. Дело в том, что, кроме сотского, в грамоте названо ровно 10 «мужей»-свидетелей. Возможно, перед нами тот случай, когда при размежевании хозяйственных великокняжеских и монастырских земель присутствовали все руководящие лица Пехорского стана (волости): 10 десятских во главе с сотским. О том, что децимальная система не выросла естественным образом снизу, а целенаправленно создавалась сверху в интересах властных структур, свидетельствует один малозаметный, но характерный штрих. Среди свидетелей назван повар Иван. В крестьянской общине человек с такой специальностью был не нужен, там варить и стряпать могла каждая крестьянская семья. А в организации, обслуживавшей князя или его окружение, человек такой профессии был необходим. Пребывание князя на стане, даже кратковременное, требовало приготовления еды и питья. В данном случае под поваром мог пониматься человек, который варил пиво на княжеском стане — переваре. Московские вари-перевары упоминаются в завещании 1359 г. великого князя Ивана Ивановича²⁸⁷ и в договорных грамотах московских князей XIV в.²⁸⁸. О приготовлении ячменного пива на переварах сообщает новгородская берестяная грамота конца XIV — начала XV в.²⁸⁹.

²⁸⁴ АСЭИ. Т. II. № 371. С. 366.

²⁸⁵ Там же. № 381. С. 377.

²⁸⁶ Там же. С. 380.

²⁸⁷ ДДГ. № 4. С. 17, 15.

²⁸⁸ Там же. № 2. С. 11 («бортници въ перев[ар]ахъ»); № 5. С. 20; № 11. С. 31; № 13. С. 38. Статьи о данщиках в № 5 и в № 13 указывают на тождественность понятий «вара» и «перевара».

²⁸⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 222, грамота № 3. На с. 307 эта грамота датирована 1396–1409 гг. (6 ярус).

Любопытные факты о десятских сообщает правая грамота, полученная властями Симонова монастыря между 1485–1490-ми гг. Речь в ней шла о расположенном недалеко от Москвы земельном участке, который вспахал и засеял Ивашка Саврасов. Ему эту землю дал сам «князь великий ... осенесь о Покрове святяга богородицы», т. е. около 1 октября, и даже выдал на нее особую грамоту²⁹⁰. Однако архимандрит Симонова монастыря Зосима предъявил Ивашке Саврасову иск, утверждая, что распаханная им земля — монастырская. В ходе судебного расследования Ивашка Саврасов представил 4-х свидетелей, утверждавших, что полученная им земля — «великого князя черная». Среди них был десятский Лучка Лазарев, показания которого оказались самыми содержательными. Десятский утверждал, что «дядя мой Онисим Пискло косил то Левково и Якушево на великого князя конь, на становой, [с] становыми крестьяны при сотнике при Степане при Сарычине», который в прошлом участвовал в судебном разбирательстве относительно юридической принадлежности спорных земель²⁹¹. Выясняется, что десятский Лучка был причастен к той категории лиц, которая обслуживала княжеский стан, занимаясь по меньшей мере заготовкой сена для содержавшихся на стане княжеских коней, и что во главе этих становых крестьян стоял сотник. И сотник, и десятский принимали участие (в данном случае — каждый в свое время) в судебных разбирательствах относительно юридического статуса спорных земель.

В спорном деле относительно земли Сонинской в московском Горетове стане, которую Семен Кожа называл старинной землей великого князя тяглою, а монастырский крестьянин Василий Узкий — землей Симонова монастыря, завершившемся выдачей в 90-е гг. XV в. правой грамоты Симонову монастырю, содержатся некоторые уточняющие данные о деятельности десятских и стоявших над ними сотских. В ходе судебного расследования выяснилось, что Сонинская земля получила свое название от имени дяди одного из свидетелей Семена Кожы Василия Ступина. Дядю звали Соней. Василий Ступин знал и границы Сонинской земли. В одном месте они подходили к вымлу, принадлежавшему десятскому Алексею и находившемуся близ р. Горетовки. Когда судьи спросили десятского Алексея: «Чья то земля с тобою в между?», он сказал: «Яз, господине, живу в своей деревне пятьдесят лет, а ту, господине, землю со мною пашут о между монастырьские крестьяня к Болкошину. А того, господине, не ведаю, чья то земля истарины»²⁹². Выясняется, что десятский жил отдельно от остальных, в своей деревне, и хотя жил полвека, не знал, на каких юридических основаниях пользуются соседней с ним землей монастырские крестьяне. Из показания Алексея невозможно заключить, был ли он те пятьдесят лет, что жил в своей деревне, десятским, или отправлял свою должность только в тот год, когда случилось судебное разбирательство. Зато

²⁹⁰ АСЭИ. Т. II. № 400. С. 406. Хотя грамота Ивана III Ивашке Саврасову была предъявлена на суде, в правой грамоте, выданной выигравшему дело Симонову монастырю, ее текст вопреки обыкновению не приведен, видимо, потому, чтобы не подчеркивать произвольность окончательного решения, вынесенного самим Иваном III.

²⁹¹ Там же. С. 407.

²⁹² АСЭИ. Т. II. № 404. С. 416.

показания другого свидетеля со стороны Семена Кожы — Кузьмы Панушина — проливают некоторый свет на вопрос о продолжительности деятельности десятского. Куземка Панушин заявил: «А отец мой, господине, сказывал мне, что был десяткой у трех сотницких, а то, господине, земля великого князя Сонинская истарины тяглая»²⁹³. Выясняется, что десятские пребывали в своей должности весьма длительное время. В правой грамоте названы и старые сотские, видимо, те, при которых десятским был отец Куземки Панушина: Афанасий Сидоров, Федор Карачаров, Тимофей Лунов. Все они в свое время сдавали Сонинскую пустошь «в наем»²⁹⁴. К моменту суда их уже не было в живых, но к суду привлекался в качестве свидетеля действовавший горетовский сотский, уже известный нам Иван Лугинин. Ему был задан вопрос: «Сколь жо давно держищ сотцкое, а та земля Сонинская у тебя в сотнице написана ли?» И сотский ответил: «Сотцкое, господине, за мною лет с тритцать, а в сотнице, господине, тое земли Сонинские нет ...»²⁹⁵. Выясняется, что Иван Лугинин пребывал в своей должности очень долго. Его сотское началось в 60-е гг. XV в. Если до него было трое сотских, а известной временной гранью в показаниях свидетелей по делу о принадлежности Сонинской земли был великий мор, т. е. 1426–1427 гг.²⁹⁶, то можно предполагать, что эти трое сотских держали сотское в конце 20-х — начале 60-х гг. XV в. В таком случае свидетельство Куземки Панушина о своем отце, бывшем десятским при трех сотских, говорит о том, что и должность десятского сохранялась за одним человеком в течение нескольких десятилетий. А такая длительность указывает скорее не на выборность, а на назначаемость десятских и сотских.

Ценные данные о десятских извлекаются из трех грамот суздальского Спасо-Евфимьева монастыря: одной разъезжей и двух правых. Особенностью этих грамот является то, что в них фиксировались границы монастырских земель не с черными тяглыми землями московских великих князей, как было характерно для большинства подобных грамот, а с частными княжескими владениями, по сути дела — с боярщинами, располагавшимися вблизи г. Суздаля. В разъезжей грамоте 1497/1498 г. указывалось, что среди свидетелей разъезда был «городной десяцкой Лева Хомутина»²⁹⁷. Определение «городной десяцкой» подтверждает правильность указания жалованной грамоты от 13 декабря 1464 г. Ивана III митрополиту Филиппу на существование «десяцкой городских» в г. Владимире²⁹⁸. Подтверждается также, что суздальский городской десятский, как и белозерский городской десятский Гридя, как и владимирские городские десятские, имел отношение к определению юридического статуса подгородных земель, вовсе не принадлежавших черным людям. В правой грамоте того же времени среди свидетелей, присутствовавших на суде, назван «десяцкой Конша Завернихин»²⁹⁹. К сожалению, источник

²⁹³ Там же. С. 415.

²⁹⁴ Там же. С. 414.

²⁹⁵ Там же. С. 415.

²⁹⁶ Об этом моровом поветрии см.: ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 168, 169.

²⁹⁷ АСЭИ. Т. II. № 491. С. 531.

²⁹⁸ См. выше. С. 282, 293.

²⁹⁹ АСЭИ. Т. II. № 493. С. 541.

не уточняет, был ли Конша Завернихин городским или сельским десятским. В другой правой грамоте свидетелями судебного разбирательства среди других были «десяцкой Ельсук да Лева Хомутина»³⁰⁰. Десятский снова участвует в суде, но был ли он десятским городским или сельским, источник не указывает. Назван и Лева Хомутина, известный как городской десятский по разъезжей грамоте 1497/1498 г. К сожалению, правая грамота, где Лева Хомутина фигурирует вместе с десятским Ельсуком, не имеет точной даты. Выше уже отмечалось, что она не одновременна с разъезжей 1497/1498 г., а насколько именно близка по времени последней, сказать трудно. Поэтому сложно определить, являлся ли Лева Хомутина десятским в момент составления правой грамоты и в этом ли качестве назван он среди свидетелей судебного разбирательства вместе с десятским Ельсуком. Последний вариант исключать нельзя, но если было именно так, это должно служить важным предостережением при интерпретации правых и разъезжих грамот. Вполне возможно, что писцы таких грамот не указывали или по меньшей мере не всегда указывали должности лиц, присутствовавших при судебном разбирательстве или размежевании земель. Иначе говоря, участие десятских в такого рода делах в реальности было гораздо более частым, чем рисуется источниками. А это, естественно, должно влиять на окончательные суждения о месте и значении децимальной системы в истории средневековой Руси в целом.

Оставляя пока в стороне до особого разбора 5 грамот о десятских в митрополичьей московской Селецкой волости, можно подвести некоторые итоги рассмотрения сведений о десятских в правых, разъезжих, отводных и т. п. грамотах 60-х гг. XV — начала XVI в. Эти источники подтверждают прежнее заключение относительно того, что институт десятских в целом является частью децимальной системы. Десятские были связаны с сотскими и подчинялись им. Существовали еще и пятидесятские, которые, оказывается, действовали не только в городе, как то получается по жалованным тарханно-обельным и несудимым грамотам, но и в окологородных станах. Децимальная система охватывала не только различные категории великокняжеских и княжеских людей, включая т. н. служебные организации, в частности, становых людей, но она была перенята в некоторых митрополичьих (Селецкая волость Московского уезда) и троице-сергиевых (земли в Городецком стане Бежецкого Верха) и чудовских (село Филипповское в Маринине слободе Переяславля Залеского) монастырских владениях. Десятские (часто вместе с сотскими) выступали в судах по земельным тяжбам. Они выполняли роли мужей-послухов при ведении суда, были свидетелями размежевания земли или собственно межевщиками. Эти функции накладывались на них не только тогда, когда земельные споры касались их собственной тяглой, или черной, земли, но и тогда, когда тяжба шла между церковными и светскими землевладельцами, в том числе представителями великокняжеского дворцового ведомства. Участвуя в таких качествах в суде низшей инстанции, десятские могли выступать и в суде самой высокой инстанции — великокняжеском, но там только в качестве свидетелей.

³⁰⁰ Там же. № 491. С. 535.

Сроки пребывания в должности десятских, пятидесятских и сотских были различны. Источники позволяют говорить о длительной (до 30 лет) деятельности десятского, до 8 лет — пятидесятского, до 30 лет — сотского. Такое длительное пребывание в должности скорее указывает на то, что в XV в. эти лица назначались, а отнюдь не выбирались. Есть намек на сохранение должности пятидесятского по наследству. Однако сколь ни ценны эти данные, они касаются должностных лиц децимальной системы и почти не проливают света на характер взаимоотношений этих лиц с рядовыми членами такой организации. Некоторые сведения об этом содержатся в актовых источниках иного рода.

Кроме правых, разъезжих, отводных и разводных грамот, рассмотренных выше, существует еще три вида грамот XV в., где упоминаются десятские и которые позволяют полнее охарактеризовать их деятельность. В данной грамоте Маланьи Львовны, вдовы Алферия Борисова, Троице-Сергиеву монастырю на пустошь и дубраву в Городецком стане Бежецкого Верха, составленной между 1467 и 1474 гг., среди послухов на последнем месте упомянут «Осташко десяткой присецкой»³⁰¹. Ранее его в числе тех же послухов назван «Палка соцкой городецкой»³⁰¹. Определение Евстафия (Осташки) как десятского присецкого примечательно. Данные вдовой Маланьей пустошь и дубрава стали землями села Присецкого³⁰². Это село было владением Троице-Сергиева монастыря уже к началу 30-х гг. XV в.³⁰³. Следовательно, в 60–70-е гг. XV в. присецким десятским можно было назвать только монастырского десятского. Это заключение согласуется с наблюдениями, сделанными ранее: по меньшей мере еще в двух случаях грамоты фиксируют существование в Бежецком Верхе среди крестьян Троицкого монастыря десятских, причем в грамоте от 27 июля 1497 г. речь шла о земле, относившейся к тому же селу Присецкому³⁰⁴. Но особенно примечателен тот факт, что десятский Осташко привлекался в качестве свидетеля при письменном оформлении земельного вклада в монастырь.

Десятских знает жалованная уставная грамота, данная 29 июля 1509 г. дмитровским и кашинским удельным князем Юрием Ивановичем бобровникам Каменского стана в Дмитрове. Бобровники находились в ведении ловчего, его тиунов и доводчиков. Статья 7 грамоты предусматривает, что корм ловчему и людям его аппарата взимается с деревень бобровников дворским «з десятцкими и з добрыми людьми», которые занимаются раскладом корма по деревням, затем собирают его и отвозят в город Дмитров ловчему трижды в год. В грамоте указывается, что делает это «староста с десятцкими»³⁰⁵. Дворский и староста здесь, видимо, синонимы. Конечно, можно думать, что по грамоте 1509 г. дворский только определял размер корма, а собирался он и доставлялся в город под руководством другого должност-

³⁰¹ АСЭИ. Т. I. № 372. С. 271.

³⁰² Там же. № 447. С. 335.

³⁰³ Там же. № 74. С. 65–66. Если грамота датирована по мартовскому летосчислению, то ее дата — 26 сентября 1433 г.

³⁰⁴ Там же. № 443. С. 330; № 613. С. 526.

³⁰⁵ АСЭИ. Т. III. № 27. С. 48.

ного лица — старосты, десятские же были подчинены как дворскому, так и старосте. Однако сохранились документы конца XV в., согласно которым пустоши Кожевниково, Федорково, Ртищево, Васисино, Шуклино, Гридино и починок Сарычкино в Мишутинском стане Переяславля Залесского ведались мишутинскими дворскими³⁰⁶, но в одной грамоте относительно названных земель лицом, ответственным за их принадлежность к стану, был назван мишутинский староста³⁰⁷. Очевидно, что и в данном случае более общее определение «староста» заменило название дворского. Десятские, скорее всего, входили в понятие «лутчих людей», которые упоминаются в статье 21 уставной грамоты 1509 г.: «а без дворьского и без лутчих людей ловчему и его тиуну суда не судити никакова»³⁰⁸. Земельные тяжбы, как можно было убедиться выше при разборе правых и разъезжих грамот, проходили при участии десятских. Возможно, имущественные споры, дела о мелких уголовных преступлениях также вершились в присутствии десятских.

Но уставная грамота 1509 г. раскрывает еще одну функцию этих людей. Десятские вместе с другими лицами раскладывают поборы на деревни, собирают их и отвозят в город ловчему, его тиунам и доводчикам. Несколько высветляется, таким образом, та сторона деятельности десятских, которая была обращена к рядовым тяглым людям. Но в целом десятские предстают как финансовые княжеские агенты, взимая и выплачивая денежные суммы.

Взаимоотношения подобного рода фиксируют и т. н. льготные грамоты. Таких грамот, в которых упоминаются десятские, за XV в. сохранилось всего три. Они датированы мартом 1496 г. и 23 июля 1497 г. (две грамоты). Все они дошли в составе подписного докладного судного списка, полученного властями Троицкого Калязина монастыря 26 января 1504 г. от того самого князя Юрия Ивановича, который 5 годами позже дал жалованную уставную грамоту бобровникам дмитровского Каменского стана. Суть дела, в результате которого был дан судный список, заключалась в следующем. Около 1503 г. власти Калязинского монастыря предъявили иск к 7 крестьянам, жившим в 4 починках Жабенской волости Кашинского уезда, обвиняя их в том, что они захватили землю монастыря и 4 крестьянских починка — монастырские. 7 ответчиков упрямо отрицали все претензии калязинского старца Агафона, утверждая, что они «сѣли ... на тѣ места за великого князя». В ходе расследования, в котором обе стороны явно лукавили, а то и просто лживили, стремясь выиграть процесс, выяснилось, что еще в 1483 г., в период независимости Тверского княжества, тверской великий князь Михаил Борисович разрешил властям Троицкого Калязина монастыря «копити слободу» в осваивавшихся землях по верхнему течению р. Жабны, правого притока Волги. При этом был очерчен рубеж монастырских слободских земель: «по рубеж по Углецкой, да по Бобровники, да по Курышинской рубеж, да по Заозерьской рубеж, да по слободку по Гридинскую, да по слободку по волостную по Жабенскую». Монастырский слободчик для заселения слободы мог звать людей «из зарубежья и из-за боярь

³⁰⁶ АСЭИ. Т. I. № 571. С. 450, 451, 452; № 628. С. 539.

³⁰⁷ Там же. № 61. С. 58 (подпись на грамоте); № 628. С. 539.

³⁰⁸ АСЭИ. Т. III. № 27. С. 49.

здѣшних, а не з выти моее великого князя»³⁰⁹. Под «вытью» тверского великого князя должна подразумеваться какая-то часть земли по верхней Жабне. И действительно, при определении границ земель Калязина монастыря в 1503 г. были названы «земли великого князя Гридинская слободка и волостная слободка Жабенская»³¹⁰, правда, в начале XVI в. это были земли уже не великого князя тверского, а великого князя московского. Тем не менее юридическое различие двух слобод на великокняжеской выти было сохранено: одна слобода (Гридинская) была просто великокняжеской, другая (Жабенская) — великокняжеской волостной. Жившие в начале XVI в. в 4 починках 7 человек и утверждали, что их рядил на эти починки, точнее, на «лѣс на старь», «дворьской Васюк Дѣв жабенской с волостными людьми з добрыми». В доказательство они предъявили судье великого князя Ивана III Андрею Хвостову три льготные грамоты. Одна из них была дана в марте 1496 г. «по слову великого князя Василья Ивановича всяя Руси» дворским Тропыней Гридке (Григорию) и Иванку Степановым детям Трусанова на Матренкино селище. Гридя Степанов сын Трусанов был, очевидно, отцом ответчика 1503 г. Сеньки (Семена) Третьяка Гридина сына Московкина. Гридю Трусанова в 1496 г. рядил в Жабенскую волость дворский Тропыня вместе «з десятцким з Дѣм с Тюшынским да с Семеном с Панеевым, да с Гридею з Савинским»³¹¹. Две льготные грамоты были выданы по слову того же великого князя Василия Ивановича всяя Руси в один день 23 июля 1497 г. В первой из них указывалось, что «Васко дворьской Жабенские волости, да з десятцким з Данилком съ Ячковым, да с Самком с Колцевским, да з Бориском з Задовским» порядили «на лѣс на старь возле Старьское болото» одного из ответчиков 1503 г. Артемку Вострого, предоставив ему 15 лет льготы³¹². Во второй грамоте было записано, что «дворьской Васьян Жабенския волости да з десятцким з Данилком съ Ячковым, да с Омосом з Дмитровым, да с Ъвашком с Шылом» порядили другого ответчика 1503 г. Евдокима Афонина «на лѣс на старь на Зеленой остров», дав ему льготы на 15 лет³¹³.

Льготные грамоты вскрывают, таким образом, еще одну функцию десятских: они участвуют в составлении соглашений (ряда) с людьми, желавшими поселиться в волости, и в предоставлении им земельных наделов. В рассматриваемых грамотах они выступали вместе с дворскими по сути дела как представители великого князя. По слову последнего они вместе сажают на землю новопришельцев и предоставляют им льготу — налоговый иммунитет — на 15 лет. Интересно свидетельство льготных грамот о совместных действиях десятских с дворскими. Оно носит необычный характер и противоречит данным правой грамоты 1462–1464 гг. митрополиту Феодосию на пустошь Хари Лагирия, согласно которой княжеские дворские ведали дворцовыми селами, а десятские представляли княжескую черную тяглую организацию. Думается, что уникальность свидетельства жабинских гра-

³⁰⁹ Там же. № 172. С. 183.

³¹⁰ Там же. С. 185.

³¹¹ Там же. С. 183.

³¹² Там же. С. 182.

³¹³ Там же.

мот 1496–1497 гг. объясняется редкостной ситуацией, имевшей место в Жабенской волости. Ее территория только осваивалась, на великокняжеской выти планировалось создать и собственное княжеское хозяйство, и расселить волость. Отсюда совместные действия должностных лиц разных систем контролировавшегося великокняжеской властью хозяйства. Показания льготных грамот о действиях десятских в сопоставлении с замечанием ответчиков 1503 г. о том, что их принимали в волость жабинский дворский Васюк Деев «с волостными людьми з добрыми», подтверждает высказанную ранее мысль, что в число т. н. «добрых людей» волости должны были входить десятские.

К сожалению, из этих грамот нельзя извлечь бесспорных данных о сроке отправления своих должностей дворскими и десятскими. Грамота 1496 г. называет в качестве дворского и десятского одних лиц, а грамоты 1497 г. — совершенно других. Шла ли речь о смене дворского и десятского через год, было ли в Жабенской волости одновременно несколько дворских и десятских, сказать сложно. Из дошедших источников таких сведений извлечь нельзя. Но любопытно то, что, принимая 23 июля 1497 г. в волость двух новых людей и предоставляя им участки в разных местах, десятский Данила Ячков действовал в обоих случаях с разными «добрыми людьми»: в одном случае с Самком Кольцевским и Борисом Задовским, в другом — с Омосом Дмитровым и Иваном Шилом. Можно предположить, что это были люди, земли которых соседили с теми участками, которые выделялись новоприбылым Артему Вострому и Евдокиму Афонину. Следует также указать на возможную родственную связь упомянутого в льготной грамоте 1496 г. жабенского десятского Дея Тюшинского с жабенским дворским грамот 1497 г. Вассианом (Васюком, Васком, Васьяном) Деевым. Этими данными исчерпываются сведения о десятских в актовом материале Северо-Восточной Руси, но не о децимальной организации как таковой.

В некотором отношении ценный материал содержат документы, относящиеся к митрополичьей Селецкой волости. В свое время относительно этой волости С. Б. Веселовский писал следующее: «Уже в XV в. единство территории волости было разрушено и чересполосно с землями митрополитов и их слуг оказалось довольно значительное количество боярских вотчин. Это дает основание предполагать, что первоначально, в XIV в.³¹⁴, территория волости была значительно больше той, которую мы можем определить по позднейшим актам. Судя по этим актам, большая часть волости находилась в пределах Манатына и Быкова стана Московского княжества; в западной части волость немного захватывала Горетов стан Московского уезда, а в северной части переходила за границу Вышегородского стана Дмитровского уезда. Одно это обстоятельство говорит за то, что территория Селецкой волости была очень древнего происхождения»³¹⁵. Исходя из этих соображений, С. Б. Веселовский утверждал, что Селецкая волость была митрополичьим

³¹⁴ О XIV в. С. Б. Веселовский писал потому, что владения митрополитов, переехавших из Киева во Владимир на Клязьме в 1299 г., в Московском княжестве не могли появиться ранее XIV столетия.

³¹⁵ *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 348.

владением еще при митрополите Алексее (1354–1378 гг.)³¹⁶. Однако полное отсутствие упоминаний этой волости в источниках до 60-х гг. XV в. рисует историю Селецкой волости совершенно в ином свете.

То обстоятельство, что земли этой волости в конце XV — начале XVI в. захватывали как собственно московскую территорию (трех станов, входивших в московский городской уезд XIV–XV вв.), так и дмитровскую (часть Вышегородского стана, впервые упомянутого в 1389 г.), указывает на позднее происхождение митрополичьей Селецкой волости, своим появлением нарушившей более ранние административно-территориальные границы. Показательно и то, что различные акты на владения в Селецкой волости, зафиксированные в митрополичьей копийной книге конца 20-х гг. XVI в., в основном относятся к 90-м гг. XV — 20-м гг. XVI в.³¹⁷. Старшей среди них является грамота 1464–1473 гг.³¹⁸. Очевидно, Селецкая волость являлась новообразованием, таким же, как волость «Пехорского стана» Московского уезда или волости Кистемская и Гавинская, возникшие в пределах старой Усольской волости Переяславля Залесского. Селецкая волость организовывалась митрополитами по типу княжеских черных волостей, т. е. на митрополичьи земли назывались крестьяне, которые собирались в десятки во главе с десятским, а десятки — в сотню во главе с сотским. Уже второй по древности документ на митрополичьи владения в Селецкой волости — разъезжая грамота от 7 июня 1486 г., зафиксировавшая рубеж между митрополичьими Петровской и Лихорадовской землями и землей села Тарикова великокняжеского конюшего князя Ивана Юрьевича Патрикеева, — сообщает, что на разъезде «християн селецких было: десяцкой Конь, да Филис, да брат его Кобачь, да Михал Сварягин, да Карп Березницкой, да Карп Останин, да брат его Фомка, да Заня Качаловской, да Невер Воробьевской, да Измалко Фефилов»³¹⁹. Этих селецких крестьян было ровно 10 человек во главе с десятским Конем. Грамота упоминает еще и старого десятского Евдокима, который размежевал землю митрополичью от земли Василия Лыскова³²⁰. Когда образовался десяток десятского Коня, стоял ли десятский Евдоким во главе этого десятка раньше или он возглавлял когда-то свой десяток, сказать трудно. Можно только отметить, что к 1510–1511 гг. в Селецкой волости было несколько десятских, которых возглавлял сотский Фока³²¹. Через 10 лет после межевания Петровской и Лихорадовской земель случился новый разъезд тех же земель, на этот раз с Марфинской землей Ф. Г. Щибрина. На разъезде в октябре 1496 г. присутствовали «десяцкой Ивашко Конев, да Заня Максимов сын с Качалки, да Левон Носов з Березны, да Бориско Кобачев»³²². Указание грамоты 1496 г., что Заня Максимов жил в месте, которое называлось Качалками, делает понятным

³¹⁶ Там же. С. 336.

³¹⁷ АФЗ и Х. Ч. I. № 43–44, 46, 47–54, 57–69.

³¹⁸ Там же. № 43.

³¹⁹ Там же. № 44а. С. 58.

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же, № 44. С. 58.

³²² Там же. № 47. С. 63.

его прозвище в разъезжей грамоте 1486 г.: Качаловский. Вместе с тем становится очевидным, что прозвище Карпа — Березницкий — связано с местом его проживания — Березной (ср. Левон Носов с Березны в грамоте 1496 г.), а прозвище Невера Воробьевского — с Воробьевым. Но если лица, входившие в десяток, жили в местах, носивших разные названия, это означает, что первоначально десяток строился на основе индивидуального владения жеребьями. Эти жеребьи, по-видимому, могли переходить от одного члена десятка к другому. На это намекает прозвище Невера в разъезжей грамоте 1495–1496 гг. Его имя названо наряду с именами Карпа Останина и Зани Качаловского среди свидетелей разграничения земель в Селецкой волости, но прозвище приведено не Воробьевский, как в грамоте 1486 г., а Березинской³²³. Надо полагать, что к 1495–1496 гг. Невер из Воробьева перешел жить в Березну, где был жеребей его товарища по десятку Карпа. Разъезжая грамота от октября 1496 г. фиксирует представителей следующего поколения членов десятка 1486 г. Это Бориско Кобачев, очевидно, сын Кобача, брата Филиса, грамоты 1486 г., и десятский Ивашка Конев, сын десятского Коня, названного в разъезжей 1486 г. При существовании старых и более опытных членов десятка переход должности десятского к Ивану, сыну Коня, трудно объяснить чем-то иным, кроме получения этой должности по наследству.

Состав межешчиков, упоминаемых в разъезжей грамоте 1495–1511 гг.: «Кобач да Демех Новинские, Фомка Останин, Заня Качаловской, Андреянко Филисов, Левко Овдокимов, Ортемко Старой, Деме Шило (Демешило? — В. К.) плотник, Левко Носов, Карп Останин, Федько Неверов, Ивашко десяцкой»³²⁴, свидетельствует о том, что собранные к 1486 г. в десяток крестьяне укореняются в Селецкой волости. В конце XV — начале XVI в. здесь действуют уже не только старые члены десятка Кобач, Фомка и Карп Останины, Заня Качаловский, но и сыновья их товарищей: Андреянко Филисов, сын Филиса и племянник Кобача, Федька Неверов, сын Невера Воробьевского, десятский Ивашко, т. е. тот же Ивашко Конев. Левка Овдокимов был, вероятно, сыном старого десятского Овдокима. Теряются следы упомянутых в разъезжей грамоте 1486 г. Михаля Сварягина, Карпа Березницкого, Измалки Фефилова. Возможно, они оставили свои жеребья и ушли куда-то на другие места. Но в целом децимальная система, введенная митрополитами в своей новообразованной Селецкой волости, упрочилась, пустила корни, впрочем, чтобы вскоре, уже в XVI в. превратиться в основу поместного землевладения митрополитских детей боярских³²⁵.

Данными о десятских в митрополичьей Селецкой волости конца XV — начала XVI в. исчерпываются сведения о десятских в средневековых актовом источниках, относящихся к Северо-Восточной Руси.

* * *

³²³ Там же. № 46а. С. 61.

³²⁴ Там же. № 49. С. 64.

³²⁵ Ср.: АФЗ и Х. Ч. III. М., 1961. № 42, 106, 187, 214, 225.

Что касается другой Руси — Северо-Западной, то здесь также была распространена десятичная система. Ее низшие звенья — десятки и десятские — фиксируются новгородскими писцовыми книгами конца XV в. Особенно четко проступает десятичная организация на тех новгородских землях, которые еще в пору независимости Великого Новгорода принадлежали князьям, занимавшим новгородский стол. Так, в переписной оброчной книге Деревской пятины 1495 г. описана «Волость великого князя Морева»³²⁶. Центром волости был одноименный погост с церквями Успения богородицы и Николая, двором волостеля, которым был князь Федор Иванович Бельский, обосновавшийся там уже после падения Новгорода³²⁷, дворами его тиунов и доводчиков, а также ямским двором. Кроме того, здесь стояли дворы 5 десятков, в одном из которых жил староста Васко (очевидно, Вассиан), представлявший Крековский десяток. Территория волости Моревы делилась на 12 десятков. Каждый из них состоял из нескольких деревень. Названия десятков: Погостский, Семеновский, Туковский, Толочинский, Селецкий, Бродский, Жабенский, Устьморевский, Крековский, Одоевский, Чепятинский и Бельский³²⁸, показывают, что десятки могли получать свои названия как по личным именам и прозвищам, так и по своему географическому положению (десяток Устьморевский). Десяток Бродский состоял из 16 деревень³²⁹, из такого же количества деревень — десяток Устьморевский³³⁰, а десяток Жабенский — всего из 4³³¹. Такое состояние десятков свидетельствует о имевшей место к концу XV в. деформации десятичной системы в волости Мореве. Вместе с тем нужно отметить факты и иного рода. Так, Селецкий десяток состоял из 11 деревень и 2 починков³³². Но 2 починка и 1 деревня упомянуты в самом конце списка поселений Селецкого десятка. На починках крестьяне «сели ново», а деревня Кузьмино, вероятно, недавно превратилась в деревню из починка, поскольку с нее «старого дохода не было»³³³. За вычетом 2 новых починков и 1 деревни Селецкий десяток насчитывал ровно 10 более старых деревень.

В Семеновском десятке писцовое описание 1495 г. застает 16 деревень и 1 починок³³⁴. Починок носил характерное название Новоселка, и ранее «дохода с него не было»³³⁵. Очевидно, починок был поставлен позднее 16 деревень. Из последних самой крупной была деревня Семеновская, где насчитывалось 9 дворов. В са-

³²⁶ Новгородские писцовые книги. Т. II. СПб., 1862. Стб. 703.

³²⁷ Там же. Стб. 703, 735. Князь Ф. И. Бельский бежал из Литвы в Москву в 1481 г. См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 151, а также с. 283, 287.

³²⁸ Новгородские писцовые книги. Т. II. Стб. 704, 707, 710, 713, 716, 718, 721, 723, 726, 728, 731, 733.

³²⁹ Там же. Стб. 718–721.

³³⁰ Там же. Стб. 723–726.

³³¹ Там же. Стб. 721–723.

³³² Там же. Стб. 716–718.

³³³ Там же. Стб. 718.

³³⁴ Там же. Стб. 707–710.

³³⁵ Там же. Стб. 710.

мом первом жил «Якуш Балагур десяткой»³³⁶. Наименование деревни, ее многодворность, проживание в ней в конце XV в. десятского указывают на то, что когда-то в данном месте жил десятский Семен, давший название и деревне, и всему десятку. Помимо деревни Семеновской в десяток входили деревни Новоселка, Караваево, Лоптово, Голошапово, Федьково, четыре деревни Хлебаловы, Бердниково, Болтухово, Пугачево и Олисеево, где жили княжеские слуги, и две деревни Голицыны. Одинаковые названия деревень Хлебалово и Голицыно свидетельствуют о процессе расселения крестьян из двух первоначальных деревень Хлебалово и Голицыно. Кстати говоря, в одной из деревень Хлебалово ранее жил княжеский слуга³³⁷. Не входили в первоначальный десяток и деревни Пугачево с Олисеевым, которые также принадлежали княжеским слугам. За вычетом этих деревень, трех Хлебаловых и одного Голицына Семеновский десяток будет насчитывать ровно 10 деревень. И хотя дворов в этих 10 деревнях в конце XV в. оказывается значительно больше десяти, первоначальную территориальную структуру Семеновского десятка можно реконструировать. Сама допустимость подобной реконструкции указывает на то, что десятичная система в волости Мореве в конце XV в. отнюдь не являлась «пережитком седой старины», как в свое время утверждал А. Л. Шапиро³³⁸. Создание здесь такой системы должно связываться с княжеской властью, которой Морева и принадлежала. Искусственность десятичного членения населения Моревы подчеркивается тем обстоятельством, что в конце XV в. с каждого десятка, несмотря на значительную разницу в количестве населения разных десятков, продолжали собирать на великого князя по 1 с четкою коробьи гороха, по 1 с четкою коробьи конопля, по 1 с четкою коробьи пшеницы и по 1 пуду меда³³⁹. Судя по берестяным грамотам, сбор натуральных повинностей в коробьях распространяется в Новгородской земле с XIV в.³⁴⁰. Следует заметить, что десятичная система в Мореве пришла на смену системе погостской, остатки которой в конце XV в. обнаруживаются в существовании погоста-места Моревы, который по сути дела превратился в центр волости, где располагался волостель с подчиненным ему аппаратом тиунов и доводчиков.

Великокняжеской была и соседняя с Моревой волость Велиля. Как и Морева, Велиля была дана Иваном III в кормление князю Федору Бельскому³⁴¹, но после прекращения этого кормления велильские земли в отличие от моревских были

³³⁶ Там же. Стб. 707.

³³⁷ Там же. Стб. 709.

³³⁸ Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 55.

³³⁹ Новгородские писцовые книги. Т. II. Стб. 707, 710, 713, 716, 718, 721, 726, 731, 733. Только с Жабенского десятка вместо гороха в том же количестве собиралась рожь, если только слово «рожь» не описка вместо слова «гороха», см.: там же. Стб. 723. Не показан размер сбора в пользу великого князя только с последнего, Бельского десятка (стб. 735). Возможно, здесь просто пропуск копиистов писцовой книги.

³⁴⁰ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 625 (перечень грамот, содержащих слово «коробья»).

³⁴¹ Новгородские писцовые книги. Т. II. Стб. 736.

розданы в поместья разным помещикам. Поместья перекроили территории десятков. Поэтому деление волости Велили на десятки не проступает столь отчетливо, как в Мореве. Тем не менее здесь фиксируются 8 десятков: Погостицкий³⁴², Порецкий³⁴³, Добрецкий³⁴⁴, Иломский³⁴⁵, Замошский³⁴⁶, Ляховицкий³⁴⁷, Онолецкий³⁴⁸ и Голодушский³⁴⁹.

В Погостицком, Добрецком, Порецком и Ляховицком десятках зафиксированы десятские³⁵⁰. Но если в трех последних десятках десятские несли такие же повинности, как и их соседи, рядовые члены десятка, то в Погостицком десятке десятскому уплачивались повинности: 1½ четки ржи и 3 четки овса, а также, вероятно, 2 деньги померного³⁵¹. Последнее означает, что погостицкий десятский, возможно, выполнял функции померщика (отмерщика), которому полагалась особая плата³⁵².

В конце XV в. сохранялось деление на десятки и в еще одной старой новгородской княжеской волости — Холмской. Однако в отличие от Моревы и Велили в Холмской волости, которая писцами 1495 г. называлась также и погостом, существовала несколько иная система административного устройства. Погост делился на станы. Упомянуты Лазаревский, Кунский, Ратновский и Морховский станы³⁵³. Первые три стана делились на десятки. В Лазаревском стане писцовая книга 1495 г. называет Замошский, Лукинский, Хловицкий, Заячков и Стержинский десятки³⁵⁴; в Кунском — Зуевский, Галибинский и Прилуцкий³⁵⁵; в Ратновском — Муравьевский десяток³⁵⁶.

Кроме того, писцами упомянут Куравьевский десяток, но относился ли он к какому-либо стану, неизвестно, может быть, это просто описка или опечатка вместо Муравьевского десятка³⁵⁷. Обращают на себя внимание перечни деревень в станах Холмского погоста без уточняющих пояснений, к каким десяткам они относились³⁵⁸. Если здесь не отразились простые небрежности переписчиков текста, то перед нами, быть может, указание на то, что в станах заводились волости-

342 Там же. Стб. 737.

343 Там же.

344 Там же.

345 Там же. Стб. 742.

346 Там же. Стб. 748.

347 Там же. Стб. 758.

348 Там же. Стб. 771.

349 Там же. Стб. 779.

350 Там же. Стб. 737, 740 (ср. стб. 737), 767.

351 Там же. Стб. 737.

352 Ср.: Там же. Стб. 767–769.

353 Там же. Стб. 827, 836, 842, 844.

354 Там же. Стб. 827, 844, 850, 856, 861.

355 Там же. Стб. 872, 876, 880.

356 Там же. Стб. 842.

357 Там же. Стб. 871.

358 Там же. Стб. 836, 841.

десятки, но не всех станов это касалось в одинаковой степени. Отсюда разное число десятков в станах Холмского погоста-волости и отсутствие десятков в Морховском стане.

В двух десятках Лазаревского стана — Замошском и Стержинском — писцовая книга 1495 г. фиксирует десятских. Они жили в деревнях и несли те же повинности, что и рядовые крестьяне³⁵⁹. В этом отношении их положение было идентичным с положением десятских в Велильской волости.

Архимандрит Сергей (Тихомиров) обратил внимание на существование десятских и в новгородской Водской пятине³⁶⁰. Писцовые книги 1500 г. этой пятины отмечают, что в селе Лахте, относившемся к великокняжеской волости Лахте Городенского погоста Ореховецкого уезда, жил десятский Микулка Якушов с сыновьями Тараском и Ивашкой. Показательно, что в селе насчитывалось 10 дворов³⁶¹. В селе Кулза, входившем в состав волости великого князя «на рѣцѣ Невѣ у моря», жил десятский Игнат Палкин. В селе насчитывалось 15 дворов³⁶². В той же волости в деревне Островок «на Мѣѣ жѣ Левонтьево» был лишь один двор, в котором жили десятский Зехно Захаров и Михал Дмитров³⁶³. Село Лисичье в Карине Носу относилось к Воздвиженскому Корбосельскому погосту. В селе было 28 дворов. В одном из них жил десятский Офонас Спиров³⁶⁴. Несколько десятских фиксируются в Дудоровском погосте. В деревне Сатула в одном дворе с Нестериком Онтушовым жил десятский Илейка. Всего в деревне было 6 дворов³⁶⁵. Деревня Сапогово Толдуга насчитывала 8 дворов. Один занимал десятский Куземка Якушов с сыном Гаврилком³⁶⁶. В деревне Ялгуево проживал десятский Савва Федков. В деревне было 3 двора³⁶⁷. В Ижорском погосте в деревне на Киеале отмечен двор десятского Максимка Федкова с двумя сыновьями. Деревня принадлежала князю Ивану Буйносу Александровичу Ростовскому Хохолкову³⁶⁸. В принадлежавшей князю Андрею Александровичу Ростовскому Хохолкову деревне Ванновичи на Словенской, насчитывавшей 7 дворов, был двор и десятского Данилки Микитина³⁶⁹. Но в деревне на р. Ижоре «на Саюле Сипино» был только один двор десятского Иголы Ескина, который жил там с сыном Игнатом³⁷⁰. В Копорском уезде в Ильинском погосте та же писцовая книга фиксирует оброчное

³⁵⁹ Там же. Стб. 830, 861.

³⁶⁰ *Архимандрит Сергей*. Черты церковно-приходского и монастырского быта по писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. С. 55–56.

³⁶¹ *Временник ОИДР*. Т. XI. М., 1851. С. 117.

³⁶² Там же. С. 119.

³⁶³ Там же. С. 130.

³⁶⁴ Там же. С. 199.

³⁶⁵ Там же. С. 299.

³⁶⁶ Там же. С. 314.

³⁶⁷ Там же. С. 332.

³⁶⁸ Там же. С. 361–362.

³⁶⁹ Там же. С. 371.

³⁷⁰ Там же. С. 413.

село великого князя Ивана III Бегуничи, где жили два человека. Один из них — десятский Ондрейко³⁷¹. В другом копорском погосте — Никольском Суйдовском — село Техутици, принадлежавшее Васюку Теркову, человеку московского боярина В. Б. Тучко Морозова. Среди 13 крестьянских дворов села показан и двор десятского Микифорика Мосеева³⁷². В Ямском уезде книга 1500 г. описывает два погоста «в Чюди». К погосту Воздвиженскому Опольскому относилось село Крестово, где было 20 дворов. В одном из них жил десятский Палка³⁷³. В селе Пумалицах Никольского Толдуцкого погоста жил десятский Олешка Онашкин с сыном Степанком³⁷⁴. Выясняется, что десятские жили как в многодворных селах, причем иногда число дворов в таких селах строго равнялось 10, так и в деревнях, а если деревни были однодворными — отдельно от остальных сельчан. Десятские несли такие же повинности, что и рядовые крестьяне, в частности, платили оброк великому князю. Оброк состоял из денежных взносов, приготовленной еды и питья (пива), а также из разнообразных продуктов сельского хозяйства и охоты (от «пятков» льна до тетеревов)³⁷⁵. Архимандрит Сергий, ограничившись лишь констатацией бытования десятских в отдельных селах и деревнях Водской пятины, предположительно связывал деятельность этих людей лишь со сбором налогов, видел в них помощников старост³⁷⁶. Однако фактов, иллюстрирующих заключения этого исследователя, в использованном им источнике нет. Но в нем сохранились косвенные указания на то, что институт десятских был связан с организацией десятичной системы сельскохозяйственного производства на землях присоединенной к Москве Новгородской республики.

С данными о существовании десятичной системы на княжеских и частновладельческих землях в Новгороде, извлекаемыми из писцовой книги 1495 г. Деревской пятины и писцовой книги 1500 г. Водской пятины, полностью согласуются показания более ранних актовых источников.

Грамота великого князя Ивана Калиты, новгородского посадника Даниила и новгородского тысяцкого Авраама, адресованная колмогорскому посаднику и двинским боярам, датируемая в настоящее время 1329 г.³⁷⁷, передает Печерскую сторону, Кегрольский погост и Волок некоему Михаилу, который «ходить на море въ дватцати человекъ»³⁷⁸. Несколько более поздняя грамота Ивана Калиты печерским сокольникам «Жиле с други» перечисляет 19 сокольников. Все они названы исключительно по именам, лишь один назван по собственному имени и

³⁷¹ Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868. Стб. 592.

³⁷² Там же. Стб. 702.

³⁷³ Там же. Стб. 899.

³⁷⁴ Там же. Стб. 906.

³⁷⁵ Там же. Стб. 703, 899, 900.

³⁷⁶ *Архимандрит Сергий*. Черты церковно-приходского и монастырского быта по писцовой книге Водской пятины 1500 года. С. 56.

³⁷⁷ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 163.

³⁷⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 85. С. 142.

имени отца: «Микитица Ивановъ сынъ»³⁷⁹. Упоминание в косвенной форме Ивана означает, что и он был причастен к той же организации сокольников, насчитывавшей вместе с ним ровно два десятка. Кстати говоря, значительно более поздняя жалованная грамота, данная 25 января 1507 г. московским великим князем Василием III сокольникам, но на сей раз переяславским, также фиксирует у них организацию, состоявшую из двух десятков³⁸⁰.

Возможно, что первоначально из десятка или десятков состояла и организация княжеских старорусских тонников (рыболовов), созданная на новгородских землях при Дмитрии Донском. В сохранившихся жалованных грамотах, полученных ими от московских великих князей Василия Васильевича и его сына Ивана III, указывалось, что «давати им мнѣ, великому князю, по три берковски меду через год, а не будет меду, ино по три рубли»³⁸¹. Как свидетельствуют документы кремлевской находки 1843 г., с одного десятка собиралось по полтора рубля в год. Если тонники были изброчены только медом, который они должны были поставлять к великокняжескому столу на сумму в 3 рубля один раз в два года, тогда тонники были организованы в один десяток. Если они были изброчены не только медом, но и обязаны работой (хотя эта повинность тонников в сохранившихся грамотах специально не оговорена, но могла быть указана в утраченных ими 4 грамотах³⁸²), которую они также должны были выполнять через год, тогда организация тонников состояла из двух десятков.

Другой термин — «десяток» в значении группы людей, фигурирующий в документах кремлевской находки 1843 г., до последнего времени вообще не был известен исследователям средневековой Руси³⁸³.

В 1969 г. в Новгороде была обнаружена берестяная грамота XIV — начала XV в., содержащая следующий текст: «Поклонъ от Федоря и от Коузми и от хого десятиа Сидору и к Мафию. Переми посадници кунами. Неси подяи, а ото в лонихъ в недоборехъ, в нинишнихъ. И проси борца о Петрови дни: лонщи борци»

³⁷⁹ Там же. № 84. С. 142. В. Л. Янин, давая широкую датировку этой грамоты — 1327–1339 гг., в то же время склоняется к мысли, что грамоту нужно относить к 1335 г. См.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 164. Последнее представляется верным, поскольку Иван Калита в этой грамоте в отличие от грамоты № 85 титулуется великим князем всея Руси (что В. Л. Яниным оставлено без внимания), а таким он мог стать только после смерти в 1332 г. владимирского великого князя Александра Васильевича Суздальского. См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 140–141.

³⁸⁰ АСЭИ. Т. III. № 25. С. 46–47.

³⁸¹ Там же. № 13. С. 29; ср. № 21. С. 37.

³⁸² АСЭИ. Т. III. № 21. С. 37, помета на обороте грамоты.

³⁸³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. Стб. 659–660. Уникальное сообщение о десятке, которое сохранила жалованная тарханная и несудимая грамота, данная около 1435–1437 гг. тверскими князьями во главе с тверским великим князем Борисом Александровичем тверскому Отрочу монастырю: «придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его оправдати, ино тогда архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника дает по десятку тверскими кунами» (АСЭИ. Т. III. № 117. С. 154), тем не менее не вполне ясно по своему смыслу: идет ли речь о половниках, организованных в десятки, или в десятках кун собирается некая сумма для татарского посла.

своимъ недоборомъ, а нишний бориць своимъ. В недоборехъ плати ми ся животиною»³⁸⁴. Хотя грамота оказалась весьма трудной для прочтения и истолкования, следует согласиться с издателями, что слова «от хого десятика» следует понимать как «от всего десятка»³⁸⁵. А. В. Арциховский и В. Л. Янин предложили видеть в этом десятке орган республиканского новгородского управления, включавшего 10 сотских³⁸⁶. Думается, что теперь, после обнаружения данных о делении на десятки тяглых людей, в таком допущении нет необходимости. Речь в грамоте идет об уплате недоборов за два года (прошлый и нынешний) чернборцам, начинавшим сбор этого налога с Петрова дня (29 июня). Недобор должны были платить тяглые люди, объединенные в десятку. От их имени и пишут Федор и Кузьма новгородским адресатам, быть может, своим сотским Сидору и Матвею, прося их внести соответствующие куны и обещая расплатиться за этот взнос скотом.

Случайное упоминание в новгородском источнике десятка и полное отсутствие во всех известных к настоящему времени новгородских и псковских актах (речь идет именно об актах, а не о других типах источников) десятских может ставить под сомнение существование десятичной системы в Новгороде и Пскове, ограничивая ее распространение только некоторыми княжествами Северо-Восточной Руси. Однако раннее существование десятичной системы обнаруживается и в новгородских землях. В этом отношении большой интерес представляет берестяная грамота № 253, найденная в 1956 г. на Неревском раскопе в Новгороде, в 7–8 ярусах, датируемых в настоящее время 1369–1396 гг.³⁸⁷. Текст грамоты очень короток: «От Маскима ко десяцянамо. Дать Мелеяну 8 деже, накладо и вещи. А ты, старосто, сбири»³⁸⁸.

Первый издатель грамоты А. В. Арциховский так прокомментировал приведенный текст: «В имени Маскима буквы переставлены. В имени Емельяна отпала первая буква. Небрежностью объясняется противоречие между множественным числом в адресе и единственным числом в приказании. Слово „Десяцянамо“ — дательный падеж множественного числа. В писцовой книге Шелонской пятины конца XV в. упомянута деревня Десятцкое. Грамота адресована ее жителям или жителям другой деревни с подобным названием. Грамота является хозяйственным распоряжением. Емельян должен был получить 8 деж, наклад и вещи»³⁸⁹. Слово «наклад» А. В. Арциховский объяснял как «лихва, проценты», а слово «вещи» — как «вещи», в грамоте же исследователь видел письмо феодала своему ключнику, который кроме сбора хлеба, процентов и вещей должен был еще собрать и ста-

³⁸⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М., 1978. С. 9, 58–59 (грамота № 463). Уточнение правописания некоторых слов сделано А. А. Зализняком. См.: Зализняк А. А. Указ. соч. С. 521.

³⁸⁵ Там же. С. 59.

³⁸⁶ Там же. С. 60.

³⁸⁷ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 годов). М., 1963. С. 80; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). М., 1986. С. 307; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 489.

³⁸⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Указ. соч. С. 80.

³⁸⁹ Там же.

рост³⁹⁰. Поправки в прочтение грамоты внес Л. В. Черепнин. Он предложил читать вместо «вещи» — «верши», т. е. хлеб, зерно, а под словом «старосто» понимать не старост, а старосту, т. е. Емельяна, который упоминался в грамоте³⁹¹. С такой интерпретацией грамоты согласился В. Л. Янин³⁹². Трактовку Л. В. Черепниным слова «старосто» как звательный падеж единственного числа от слова «староста», а не как родительный падеж множественного числа принял А. А. Зализняк³⁹³. Мнения двух авторитетных исследователей в данном случае представляются бесспорными. Что касается других чтений грамоты и общей ее оценки, то они нуждаются в коррективах. Прежде всего, по контексту грамоты запрашивается чтение не «и», а «8», («дать Мелеяну 8 деже, накладо 8 вещи»). Написание цифры без титла, именно цифры «8», встречается в берестяных грамотах³⁹⁴. При таком чтении приказ Максима «ко десяцьянамо» получает четкий и конкретный смысл. Но кто такие «десяцьяне»? Если это жители некоей деревни с названием Десятцкое, как это кажется всем исследователям, тогда в новгородской деревне последней трети XIV в. мы столкнемся с порядками, типичными для русской деревни XVIII–XIX вв.: в деревне действует староста, который подчиняется приказам своего господина, в данном случае Максима. Но существование старосты в деревне XIV в., насчитывавшей, как правило, 1–3 двора, представляется более чем сомнительным. Следует напомнить, что в конце XV в. близ Москвы десяцкии, например, жил в своей деревне, а не вместе с другими крестьянами³⁹⁵. Послание Максима обращено к «десяцьянам», т. е. членам десятка. Им предлагается отдать 8 дежей хлеба, очевидно, в зачет полученных ими «куп» (основной ссуженной суммы — «истины») и соответственно наросшие проценты — «наклад». Все это предписано собрать старосте Емельяну. Перед нами тот же механизм действия десятка, какой обнаруживается по документам кремлевской находки: десятщане отработывают «кupu», с них взимается «истина» и «наклад», сбор осуществляется главой группы. В последнем случае это староста, а не десятский, хотя функции того и другого здесь, очевидно, аналогичны. Самое примечательное заключается в том, что Максим, который обращался к десятщанам с требованием выплат части «кupy» и «наклада», был сотским. Об этом свидетельствует берестяная грамота № 279, обнаруженная в 8 ярусе на той же самой усадьбе Б, что и грамота № 253³⁹⁶. Речь идет о городском дворе, принадлежавшем Максиму Онцифоровичу, происходив-

³⁹⁰ Там же. С. 80–81.

³⁹¹ Черепнин Л. В. Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М., 1969. С. 246, 247.

³⁹² Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 241. В работе 1981 г. В. Л. Янин в интерпретации грамоты № 253 еще полностью следовал за А. В. Арциховским. См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 21.

³⁹³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 299, под словом «староста».

³⁹⁴ См., например, грамоту № 218. О ней: Арциховский А. В., Борковский В. И. Указ. соч. С. 38; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 402–403.

³⁹⁵ АСЭИ. Т. II. № 404. С. 416.

³⁹⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Указ. соч. С. 105; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 498.

шему из известной новгородской посадничьей фамилии Мишиничей-Онцифоровичей³⁹⁷. Таким образом, берестяные грамоты позволяют выявить социальный облик представителей среднего звена десятичной системы — сотских, которые в средние века вовсе не являлись крестьянами, как выбиравшиеся миром сотские XVII–XVIII вв.

Думается, свидетельствами существования в Новгороде десятичной системы являются не только отраженные в берестяных грамотах факты, но и некоторые типы самих документов, написанных на бересте. Так, среди последних довольно многочисленны грамоты, в которых содержится перечень сельскохозяйственных продуктов, взимаемых с разных лиц. При этом нередко упоминаются и «наклады», которые эти лица должны были выплачивать³⁹⁸. Грамота № 119 (1116–1134 гг.), где речь идет о передаче какому-то Юрьевичу 2 гривен без 9 кун для последующей раздачи этих денег людям, возможно, фиксирует наделение людей «купам»³⁹⁹.

Грамота № 298, в которой перечислено несколько лиц (по нашему мнению — 5), скорее всего, не избирательный бюллетень, как интерпретировал эту грамоту А. В. Арциховский⁴⁰⁰, а список людей, составлявших полудесяток. Грамота № 298 датируется 1429–1446 гг.⁴⁰¹. Гораздо древнее грамота № 72 (1268–1281 гг.)⁴⁰², содержащая, по сути дела, подобный же перечень⁴⁰³. Особый интерес представляет грамота № 390, датируемая теми же 1268–1281 гг.: «Бологожь 2 жерьбья. Козьлеско, Плутьць 2 жерьбея. Во Подогореи плисина 2 жьребья. Старо поле, Завьтьрение по Рыдино 2 жеребья. А бороть по руцьи по Голиное и по коняжь людьшико до усть Воломи 2 жьребья. А по Голиное руцье за Ньтьцье и до Колина вохо мое, и за Ивьницу. А Бориславу доругая соторона Нетьца по Цьрьтово руцьи и до вьрховья и по путь Рыдньской»⁴⁰⁴. Тип этого документа ни издателями, ни комментаторами не определен⁴⁰⁵. Это немудрено, потому что похожих текстов до

³⁹⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 7–34.

³⁹⁸ Новгородские берестяные грамоты № 161, 162, 278, 299, 320, 348, 403 и др.

³⁹⁹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 годов). М., 1958. С. 52. О дате грамоты см.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 308. Ср. интерпретацию грамоты А. А. Зализняком, считающим, что деньги раздавались дружине. См.: Зализняк А. А. Указ. соч. С. 249.

⁴⁰⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 годов). С. 128–129.

⁴⁰¹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 307.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М., 1954. С. 72.

⁴⁰⁴ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 годов). М., 1963. С. 91. Поправки к тексту см.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 249; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 410–412.

⁴⁰⁵ Посвятивший географии этой грамоте специальную статью И. Ю. Акундинов предполагает, что грамота зафиксировала раздел земельных владений землевладельцами, по его мнению, предками Борецких. Но цифру в 10 жеребьев И. Ю. Акундинов никак не объясняет. См.: Акундинов И. Ю. Историко-географический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 390 // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 3.

XVI в. нет. Но обращает на себя внимание перечисленные в грамоте ровно 10 жеребьев и то обстоятельство, что все они находятся в ведении одного лица. По-видимому, перед нами десятница — перечень участков, указание их местоположения и границ, что должно было быть под присмотром десятского. Параллель может быть приведена единственная: рассмотренное выше признание конца XV в. сотского московского Горетова стана Ивана Лугинина в том, что спорной Сонинской земли «в сотнице ... нет»⁴⁰⁶, т. е. сотница содержала перечень находившихся в ведении сотского участков с описанием их местонахождения и границ. Очевидно, подобный документ должен был иметь и десятский. Возможно, грамота № 390 и является таким документом.

Крупницы данных о существовании самых низших звеньев десятичной системы в Новгороде не могут расцениваться как показатель малой распространенности такой системы. Сохранились свидетельства иного рода, причем достаточно ранние, XII–XIII вв., которые говорят об обратном. Они будут приведены в разделе о сотских, поскольку содержат сведения не о десятских, а о сотнях и сотских.

Фиксируя распространение десятичной системы в Новгороде как на собственно новгородских землях, так и на землях, выделявшихся новгородцами князьям, необходимо обратить внимание на еще одну важную информацию, которая содержится в новгородских материалах. Если сохранившиеся источники различных территорий Северо-Восточной Руси, свидетельствующие о существовании на этих территориях десятичной организации, относятся ко времени, когда на Северо-Востоке перестал или перестает существовать институт тысяцких и десятичная организация предстает уже в деформированном виде (есть десятские, пятидесятские, сотские, но нет тысяцких), то в Новгороде институт тысяцких сохраняется вплоть до падения Новгородской республики. Хотя этот институт серьезно реформируется в конце XIII — начале XV вв.⁴⁰⁷, тем не менее он остается, и связь тысяцкого с черными людьми фиксируется «Рукописанием» Всеволода, где говорится, что одним из трех старост купеческого объединения при новгородской церкви Ивана на Опоках является тысяцкий «от житыхъ людии и от черных»⁴⁰⁸.

Отмеченные следы существования десятичной системы в Новгороде в XII–XIII столетиях заставляют ставить вопрос, как рано стала складываться такая система.

В этой связи чрезвычайно важным представляется летописный рассказ о праке киевского князя Владимира Святославича, на который уже обращал внимание Н. П. Павлов-Сильванский, пытаясь доказать древнее существование крестьянской общины. Помещенный под 996 годом в Новгородской I летописи младшего извода, Лаврентьевской, Ипатьевской и сходных с ними летописях, рассказ этот привлекает к себе внимание упоминанием лиц, входивших в десятичную систему. Приводим текст рассказа по древнейшей сохранившейся до наших дней лето-

⁴⁰⁶ АСЭИ. Т. II. № 404. С. 415.

⁴⁰⁷ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 77–78.

⁴⁰⁸ НПЛ. С. 508.

писи — Лаврентьевской, список которой датируется 1377 г.: киевский князь Владимир Святославич «се же паки творяше людем своимъ: по вся недѣля оустави на дворѣ въ гридницѣ пирь творити и приходити боляром, и гридем, и съцьскимъ, и десяцьским, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясь, от скота и от звѣрины, бяше по избылью от всего»⁴⁰⁹. Упоминание в статье 996 г. сотских и десятских, определенно входивших в окружение князя (наряду с боярами и гридями — княжескими дружинниками, которые названы ранее сотских и десятских, и нарочитыми мужами, упоминаемыми в самом конце перечня), явно имеет в виду представителей десятичной системы. Конечно, 996 год, датирующий статью, сообщающую о сотских и десятских, весьма условен. А. А. Шахматов показал, что хронологическая сетка, разделившая древнейшие летописные сплошные повествования о минувших временах на погодные статьи, была вставлена в летопись только при составлении предшественника Повести временных лет, т. н. Начального свода в конце XI в.⁴¹⁰ Но сам рассказ о пирах Владимира и участниках этих пиров, согласно исследованию А. А. Шахматова, содержался в древнейшем летописном памятнике времен Ярослава Мудрого — киевском своде 1039 г.⁴¹¹ Очевидно, что рассказ представляет собой не современную летописную запись, а припоминание, но припоминание, сохраненное младшими современниками князя Владимира, и, скорее всего, достаточно реальное в своей основе. Иными словами, сообщение древнейших сохранившихся летописных сводов о сотских и десятских не обязательно относить именно к 996 г., но безусловно к эпохе Владимира Святославича. Поэтому содержащиеся в рассказе сведения можно анализировать более детально, не опасаясь того, что рассмотрению подвергается текст чисто литературного сочинительства, а потому следуемые из такого рассмотрения заключения могут приобрести фантазийный характер.

Среди пригласивших Владимиром Святославичем на воскресные пиры людей на третьем и четвертом местах названы сотские и десятские, сразу же за боярами и гридями и впереди нарочитых мужей. Судя по месту упоминания и по семантике слова, сотские стояли выше десятских, которые, видимо, им подчинялись, а обе эти категории — ниже дружинников князя Владимира, но выше людей нарочитых, т. е. были лицами, достаточно почитаемыми.

Показательно, что, согласно летописному повествованию, сотские и десятские могли приходиться на княжеский двор в любой воскресный день, «при князи и безъ князя». Такое было возможно, если сотские и десятские жили в сравнительной близости от гридницы Владимира, в Киеве или в окрестностях Киева. А это означает, что становление десятичной системы, появление десятских и сотских прежде всего было связано с княжеским городом, а отнюдь не с крестьянским селом, как в свое время полагал Н. П. Павлов-Сильванский. Нет и оснований вслед за

⁴⁰⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 126.

⁴¹⁰ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 361.

⁴¹¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. XX. СПб., 1908. С. 569.

указанным автором искать корни этой системы в IX и более ранних веках восточнославянской истории. Время князя Владимира является древнейшим периодом, когда упоминаются десятские и сотские. Они оказываются лицами, связанными с князем и даже приближенными к нему. Однако для более полной характеристики той системы, к которой принадлежали такие лица, необходимо рассмотреть сохранившийся материал о сотских X–XV вв.

Сотские

Самыми многочисленными источниками, в которых упоминаются сотские, являются жалованные грамоты великих и удельных русских князей и княгинь XV — начала XVI в. Упоминания сотских в жалованных грамотах позволяют осветить определенные стороны их деятельности, которые в других источниках или раскрываются слабо, или вообще не отражаются, хотя трафаретность формуляров жалованных грамот и является плохо преодолеваемым препятствием при стремлении полно и разносторонне представить деятельность этих лиц.

67 княжеских жалованных грамот, в которых вместе с сотскими упоминаются десятские, были проанализированы в предыдущем разделе работы о десятских. Но помимо указанных 67 грамот существует еще 69 жалованных грамот, в которых сотские названы, а десятские нет. С рассмотрения таких грамот и следует начать исследование о древнерусских сотских. Анализ упоминаний этих лиц в других источниках (данных, договорных, докладных, духовных, купчих, льготных, меновных, отводных, правых, разъезжих, указных и уставных грамотах, судебных списках, памятниках законодательства и памятниках летописания), суммарное число которых уступает числу жалованных грамот, будет представлен далее.

Из 69 жалованных грамот, называющих сотских без десятских, 30 грамот сохранилось в подлиннике⁴¹², 1 грамота сохранилась в копии второй половины XV в.⁴¹³, 1 грамота — в копии конца XV в.⁴¹⁴, 7 грамот — в копиях XVI в.⁴¹⁵, 1 грамота — в копии 1529 г.⁴¹⁶, 5 грамот — в копиях 30-х гг. XVI в.⁴¹⁷, 2 грамоты — в копиях середины XVI в.⁴¹⁸, 2 грамоты — в копиях 1580-х гг.⁴¹⁹, 3 грамо-

⁴¹² АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 29, 101, 115, 133, 139, 191, 192, 219, 221, 224, 243, 246, 247, 280, 325, 399, 400, 534, 652; Т. II. М., 1958. № 98, 169, 180, 192, 345, 351, 359, 363, 373, 382; А. В. Маштафаров. Кашинский Сретенский монастырь в документах XV — начала XVII века // РД. Вып. 3. М., 1998. С. 49. № 1.

⁴¹³ АСЭИ. Т. II. № 386.

⁴¹⁴ АСЭИ. Т. I. № 321.

⁴¹⁵ АСЭИ. Т. II. № 103; Т. III. М., 1964. № 180; АФЗ и Х. Ч. I. М., 1951. № 96, 145, 151, 171, 172.

⁴¹⁶ АСЭИ. Т. II. № 489.

⁴¹⁷ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. Грамоты конца XIV — начала XVI в. № 14, 18, 19, 20, 29.

⁴¹⁸ АСЭИ. Т. I. № 105, 254.

⁴¹⁹ Там же. № 44; Каштанов С. М. Указ. соч. № 12.

ты — в копиях конца XVI в.⁴²⁰, 2 грамоты — в копиях XVII в.⁴²¹, 6 грамот — в копиях 1641 г.⁴²², 2 грамоты — в копиях 1672 г.⁴²³, 1 грамота — в копии 1690-х гг.⁴²⁴, 1 грамота — в копии конца XVII — начала XVIII в.⁴²⁵, 3 грамоты — в копиях XVIII в.⁴²⁶, наконец, 2 грамоты дошли до нашего времени в публикациях XIX в.⁴²⁷. Многие грамоты, сохранившиеся в подлинниках, копировались в XVI–XVII вв. Сравнение оригиналов со списками показывает, что копиисты в основном верно воспроизводили оригинальный текст и если допускали ошибки, то не такого рода, что могли бы существенно повлиять на интерпретацию свидетельств источников⁴²⁸. Из этого следует, что сохранившиеся только поздние копии жалованных грамот, упоминающих сотских, достаточно репрезентативны и могут быть использованы для характеристики института сотских.

Самая ранняя из всей группы в 69 грамот — жалованная оброчная, тарханно-обельная и несудимая грамота угличского и радонежского князя Андрея Владимировича игумену Троице-Сергиева монастыря Никону на село Удинское (более известно по своему позднему названию — Прилуцкое) с деревнями в Прилуке в Угличе. Грамота даты не имеет, но указано, что она была написана «коли князь великий князю отдал во Царь, на ту зиму на вербницу»⁴²⁹. «Царь» — недописанное слово «Царьград». Из русских и византийских источников известно, что московский великий князь Василий Дмитриевич выдал свою дочь князю Анну за Иоанна, сына византийского императора Мануила II Палеолога. Русские летописи относят это событие к 1411 г.⁴³⁰. На этом основании грамота Андрея Владимировича датирована издателями первого тома «Актів социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» 1411 г.⁴³¹. Однако самые различные и независимые друг от друга византийские источники свидетельствуют о том, что приезд совсем еще юной, почти девочки, Анны в Константинополь имел место не в 1411, а в 1414 г.⁴³². Последняя дата должна быть признана достоверной и правильной.

⁴²⁰ АСЭИ. Т. I. № 49, 309, 310.

⁴²¹ АСЭИ. Т. III. № 101, 179.

⁴²² АСЭИ. Т. I. № 128, 157, 195, 236, 291, 305.

⁴²³ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря // РД. Вып. 2. М., 1997. С. 12. № 3; С. 13. № 5.

⁴²⁴ Назаров В. Д. Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 18. № 7.

⁴²⁵ АСЭИ. Т. III. № 142.

⁴²⁶ Там же. № 71, 96, 97.

⁴²⁷ Там же. № 253, 291а.

⁴²⁸ См., например, Каишанов С. М. Указ. соч. С. 424. № 52; С. 427. № 56; С. 428. № 58. Более или менее существенные разночтения редки, см.: Там же. С. 424–425. № 53.

⁴²⁹ АСЭИ. Т. I. № 29. С. 41.

⁴³⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 533; Т. IV. Часть I. Вып. 2. Л., 1925. С. 411; Т. XVIII. СПб., 1913. С. 160.

⁴³¹ АСЭИ. Т. I. № 29. С. 42.

⁴³² Кучкин В. А. О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого // От древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 413.

Вербное воскресенье («вербница») в 1414 г. приходилось на 1 апреля⁴³³. Отсюда и дата рассматриваемой грамоты — 1 апреля 1414 г.

Самая поздняя из анализируемых грамот — жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Ивановича игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села Синково, Бунятино, Ведернич, Мисиново, Маринкино, Кончинино, Озерцеко, Жолтиково, Аврамовское, Бебяково с деревнями в Каменском стане и волости Инобаже в Дмитрове — датируется 25 апреля 1504 г.⁴³⁴ Время написания остальных 67 грамот по десятилетиям XV в. распределяется следующим образом: 20-е гг. XV в. — 2 грамоты; 30-е гг. — 5 грамот; 30–40-е гг. — 3; 40-е гг. — 16; 50-е гг. — 14; 60-е гг. — 18; 70-е гг. — 5; 80-е гг. — 3 и 90-е гг. XV в. — 1 грамота. Сравнение с жалованными грамотами, упоминающими десятских, показывает, что такие грамоты гораздо чаще выдавались в 60–80-х гг. XV в. (59 грамот из 78)⁴³⁵, тогда как грамоты с упоминанием сотских (без десятских) чаще выдавались в 40–60-х гг. XV столетия (48 из 69). Такая разница может объясняться тем, что или имела место смена писцов-канцеляристов, ставших более точно указывать лиц, которые могли бы нарушить иммунитет грамотчика (это могли сделать не только сотские, но и десятские), или с восшествием на великокняжеский стол Ивана III начались определенные изменения в организации княжеского хозяйства. Поскольку статистика грамот, упоминающих дворских — лиц, явно причастных к княжескому хозяйству, указывает на 60–80-е гг. XV в. как на время наиболее интенсивной выдачи таких грамот⁴³⁶, второе объяснение представляется более вероятным.

Из 69 грамот подавляющее большинство, 65 грамот, содержат обельное постановление, где и называются сотские. Эти 65 грамот и необходимо проанализировать в первую очередь. Остальные 4 грамоты, в которых обельная статья отсутствует, а сотские упоминаются в других статьях или частях формуляра грамот, будут рассмотрены отдельно в конце раздела.

Ознакомление с названными 65 грамотами обнаруживает, что в них для обозначения сотских употребляются два синонимичных термина: собственно сотский (сотские) и сотник. Как показано было в работе «К генеалогии сотских Северо-Восточной Руси XV — начала XVI вв.», оба термина применяются в актах XV в. для обозначения должности одного и того же человека⁴³⁷, т. е. понятия эти тождественны. В исследуемых грамотах термин сотник встречается гораздо реже, чем термин сотский. Это дает формальное основание рассмотреть сначала грамоты,

⁴³³ Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. Табл. XVI. Пасха в 1414 г. отмечалась 8 апреля.

⁴³⁴ АСЭИ. Т. I. № 652.

⁴³⁵ См. выше с. 281.

⁴³⁶ Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV — начала XVI веков // Древняя Русь. № 1 (7). 2002. С. 106.

⁴³⁷ Кучкин В. А. К генеалогии сотских Северо-Восточной Руси XV — начала XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 114.

содержащие термин сотник. Он есть в самой ранней жалованной грамоте от 1 апреля 1414 г. князя Андрея Владимировича: «ни к дворьскому, ни к сотнику не надобѣ имъ тянути ни во что»⁴³⁸; в жалованной тарханно-обельной, несудимой и на конское пятно грамоте, выданной между 1432–1445 гг. великим князем Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на 4 варницы, двор у Соли Переяславской, деревню на горе Хупане и на починок: «ни къ дворьскому, [ни к сотнику не надобѣ имъ тянути] никоторыми пошлинами»⁴³⁹; в выданной между 25 апреля и 28 сентября 1433 г. жалованной тарханно-обельной, оброчной и несудимой грамоте великого князя Юрия Дмитриевича архимандриту московского Чудова монастыря Феофану на села Лужское, Павловское и Манаково с деревнями в Сурожице (Сурожики) в Москве: «ни к сотнику не надобе им потянуть ни во что же никоторою пошлиною, а ведают свое люди сами, ни корму к Луценскому не дают»⁴⁴⁰; в жалованной тарханно-обельной, оброчной, несудимой и на конское пятно грамоте, выданной между 1434–1447 гг. угличским и галичским князем Дмитрием Юрьевичем игумену (без имени) Троице-Сергиева монастыря на села Удинское (Прилуцкое) и Воздвиженское с деревнями в Кинеле, село Перетержское с деревнями в Кое, деревни Богоявленское, Баскача, Шульгинская и две пустоши Репоховские в Городском стане Переяславля Залесского: «ни къ дворьскому, ни къ сотнику не надобѣ имъ тянути ни во что»⁴⁴¹; в жалованной тарханно-обельной, оброчной и несудимой грамоте, данной между 1447–1462 гг. великим князем Василием Васильевичем архимандриту (без имени) московского Чудова монастыря на села Лужки и Павловское с деревнями в Сурожики в Москве: «ни иная никаторая моя им пошлина не надобе, ни к дворскому, ни к сотнику ...»⁴⁴²; в выданной между 25 июня 1448 г. и 1451 г. великой княгиней Софьей Витовтовной жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на пустоши Сеземские в Масленской волости в Вологде: «ни к сотнику, ни к дворьскому с волостными людьми съ масленьскими не т[яну]т ни в которой проторь»⁴⁴³; в выданной 15 октября 1453 г. великой княгиней Марией Ярославной жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте игумену Богородицкого Благовещенского Киржачского монастыря Протасию на деревню Микулинскую Тутолмина в Маринине слободке в Переяславле Залеском: «ни к сотнику, ни к дворск[ому] не тянут с волостными людьми ни в которой проторь ...»⁴⁴⁴; в выданной 16 февраля 1454 г. великим князем Василием Васильевичем жалованной, безданной, тарханно-обельной и несудимой грамоте игумену (без имени) Троице-Сергиева монастыря на городской двор в г. Костроме: «ни к с[о]тнику, ни к дворскому не тянути ни в которые проторы»⁴⁴⁵; в выдан-

438 АСЭИ. Т. I. № 29. С. 40.

439 АСЭИ. Т. I. № 101. С. 81.

440 Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века... С. 12. № 3.

441 АСЭИ. Т. I. № 115. С. 92.

442 Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века... С. 13. № 5.

443 АСЭИ. Т. II. № 98. С. 59.

444 АСЭИ. Т. I. № 247. С. 176.

445 Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 14. С. 366.

ной 22 февраля 1467 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим жалованной тарханно-обельной, несудимой и безданной грамоте игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на двор в г. Вологде: «а к сотнику к вологодскому их люди с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»⁴⁴⁶.

Обращает на себя внимание, что во всех 9 процитированных грамотах термин сотник употреблен только в единственном числе. В грамотах от 25 апреля — 28 сентября 1433 г. и от 22 февраля 1467 г. только сотник и фигурирует в обельном постановлении. В остальных 7 грамотах вместе с сотником назван и дворский, причем также в единственном числе. Грамота 1434–1462 г. восходит к грамоте от 1 апреля 1414 г. или имеет с ней общий источник, поскольку обельное постановление в этих грамотах идентично. Элемент обельного оборота «ни во что» (этот элемент можно обозначить как элемент а) этих грамот в грамоте 1432–1445 гг. заменен на элемент «никоторыми пошлинами» (такой элемент обозначим как элемент б). Пошлина упомянута также в грамоте 1447–1462 гг., но элемент о пошлине предшествует в ней элементу о дворском и сотнике. Оригинально построение обельного постановления в грамоте от 25 апреля — 28 сентября 1433 г., где среди обезличенных элементов встречается весьма редкое конкретное указание (так называемое *описание*) людям Чудова монастыря: «ни корму к Луценскому не дают». Речь идет об известном с XIV в. селе Луцинском (Лучинском), стоявшем при впадении в р. Истру Малой Истры, в 1389 г. отданном Дмитрием Донским вместе с Сурожиком своему второму сыну Юрию⁴⁴⁷. Луцинское, видимо, было административным центром московской волости Сурожик.

В более поздних грамотах слово «пошлина» не фигурирует. Вместо него появляется слово «протор» («проторы»). Элемент «ни в которыи протор» («ни в которы проторы») следует определить как элемент в. Такой элемент содержит грамоты от 25 июня 1448 — 1451 г., 15 октября 1453 г., 16 февраля 1454 г. Самая поздняя грамота от 22 февраля 1467 г. в обельном постановлении помимо проторов упоминает и розметы. Элемент «ни в розметы» можно обозначить как элемент з. В грамоте также содержится редкое конкретное определение сотника. Он назван вологодским. Речь идет о городском сотнике. Очевидно, владелец Вологды князь Андрей Васильевич Меньшой имел в Вологде одного сотника, в распоряжении которого находились тяглые городские люди. В обельном постановлении грамоты, датируемой 25 июня 1448 — 1451 г., упомянуты волостные люди масленские. В виду имеются жители расположенной близ г. Вологды Масленской волости. Судя по формулировке обельного постановления в этой жалованной грамоте, в определенных отношениях волостными людьми масленскими распоряжались дворский и сотник. Не исключено, что таким сотником мог быть вологодский городской сотник.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть рассматриваемых грамот (5 из 9) была выдана удельными князьями и княгинями. Лишь 4 грамоты даны от имени великих князей. Но Юрий Дмитриевич, занявший на ко-

⁴⁴⁶ АСЭИ. Т. II. № 180. С. 113–114.

⁴⁴⁷ ДДГ. № 12. С. 33; № 14. С. 40.

роткое время московский великокняжеский стол, выдал в 1433 г. грамоту московскому Чудову монастырю на земли не в великом княжении, а в своем отчинном уделе — московской волости Сурожик. На почти те же земли в том же Сурожики выдал в 1447–1462 гг. жалованную грамоту Чудову монастырю и великий князь Василий Васильевич. Следовательно, грамоты, в которых фигурирует сотник, выдавались главным образом на земли во владениях удельных князей. Поскольку владения последних по своим размерам явно уступали владениям великокняжеским, можно думать, что сотник упоминался в единственном, а не во множественном числе по той причине, что он один мог возглавить сравнительно небольшую организацию в том или ином уделе. С другой стороны, употребление в рассмотренных 9 грамотах самого термина сотник вместо сотский может свидетельствовать об определенных особенностях делопроизводства в удельнокняжеских канцеляриях, в раннее время (до начала 60-х гг. XV в.) несколько отличавшегося от делопроизводства великокняжеской канцелярии, поскольку данный термин встречается преимущественно в наиболее старых по времени своего написания жалованных грамотах.

Упоминание в единственном числе уже не сотника, а сотского встречается в 22 грамотах. Они могут быть разделены на три группы, в зависимости от того, кто упоминается в этих грамотах вместе с сотским и каков характер элементов, указывающих, от каких повинностей избавлялись люди лица, получившего жалованную грамоту.

К первой группе может быть отнесена единственная грамота, где в обельном постановлении упоминается только сотский и употреблены элементы *в*, *г* и *б*. В датированной 22 октября 1455 г. жалованной льготной, тарханно-обельной, оброчной и несудимой грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на села Оксиньинское и Грибаново в Звенигородском уезде сотский фигурирует в следующем контексте: «ни к сотскому не тянути ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные никоторые пошлины»⁴⁴⁸.

Вторую группу составляют жалованные грамоты, в которых сотский называется вместе с каким-нибудь другим лицом. Чаще всего таким лицом является дворский, упоминаемый, как и сотский, в единственном числе. Таких грамот насчитывается 14.

Самая ранняя грамота этой группы датируется сентябрем 1439 г. Это жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича, данная игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на село Сватковское с деревнями в Верхдубенском стане в Переяславле Залесском. Обельное постановление этой грамоты имеет следующий вид: «ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни во что, ни иные никоторые пошлины»⁴⁴⁹. Такое же обельное постановление содержится и в выданной 10 мая 1447 г. жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте серпуховско-боровского князя Василия Ярославича игумену Троице-Сергиева монастыря Досифею на двор в г. Дмитрове,

⁴⁴⁸ АФЗ и Х. Ч. I. № 96. С. 92.

⁴⁴⁹ АСЭИ. Т. I. № 139. С. 107.

села и деревни в волостях Вышгород, Инобаж и Воря в Дмитрове и в Москве: «ни к сотцкому, ни к доръскому (так в подлиннике. — В. К.) ни тянут ни во што, ни в которыи пошлыны»⁴⁵⁰. Упоминания сотского и дворского в обеих грамотах дополнены элементами *а* и *б*.

Несколько изменены обельные элементы в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 гг. великим князем Иваном Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на пустоши Подкосово, Мичково, Оглоблино, Шипулино в Березовце «вверхъ Костромского»: «ни к сотскому, ни къ дворскому не тянути ни в чем никоторыи пошлынами, ни иная имъ никоторая пошлына не надобѣ»⁴⁵¹.

В 3 грамотах упоминания сотского и дворского сопровождаются обельными элементами *в*, *г* и *б*. Это жалованная оброчная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича, данная им в 1448–1449 гг. игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на села Шухобалово и Микульское в Суздале: «ни къ дворскому, ни к сотскому не тянут ни в [которые] проторы, ни в розметы, ни иные никоторыи им пошлыны не надобѣ»⁴⁵²; датированная 20 июля 1461 г. жалованная льготная, безданная, тарханно-обельная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на сельце Михайловское и деревню Пупки в Корзенево волости в Москве: «ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни иные никоторые им пошлыны не надобе»⁴⁵³, и датированная 9 июля 1462 г. жалованная льготная, безданная, тарханно-обельная и несудимая грамота того же дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на село Михайловское, сельце Пупки и деревню Лычевскую в Корзенево в Москве: «ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни иные никоторые пошлыны им не надобе»⁴⁵⁴. В одной грамоте данное обельное постановление дополнено оборотом «ни закосных пошлын не дают». Это датированная 27 сентября 1450 г. жалованная тарханно-обельная и несудимая подтверждающая грамота великого князя Василия Васильевича Ивану Петелину на его село Скнятиново с деревнями в Кинеле в Переяславле Залесском: «ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлыны не надобе, ни закосных пошлын не дают»⁴⁵⁵. Интересно отметить, что в более ранней жалованной грамоте, полученной в августе 1443 г. Иваном Петелиным от великого князя Василия Васильевича на то же самое село Скнятиново с деревнями в Кинеле в Переяславле Залесском, сотский не упоминается, вместо него фигурирует становщик: «А дворские и становщики кинельские в то село ко людем не всылают ни по что ни о котором деле, ни о розмете, ни о закосе»⁴⁵⁶.

⁴⁵⁰ Там же. № 191. С. 136.

⁴⁵¹ Там же. № 321. С. 230.

⁴⁵² Там же. № 221. С. 156.

⁴⁵³ Там же. № 291. С. 207.

⁴⁵⁴ Там же. № 305. С. 217.

⁴⁵⁵ Там же. № 236. С. 166.

⁴⁵⁶ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 10. С. 362.

В 2 грамотах элемент «ни в розметы» заменен на элемент «ни в ям». Так читается в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте великого князя Василия Васильевича, данной им между 1449 и 1450 гг. игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на села и деревни в Кинеле в Переяславле Залесском: «ни к сотцкому, ни к дворскому не тянут ни в которы проторы, ни в ям, ни ины им которы пошлины не надобе»⁴⁵⁷, и в повторяющей ее жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте великого князя Ивана Васильевича 1462–1466 гг. игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на села и деревни в той же Кинеле в Переяславле Залесском: «ни к сотцк[о]му, ни к дворскому не тянут ни в которые проторы, ни в ям, ни иные которые им пошли[ны] не надобе»⁴⁵⁸.

Еще в 2 грамотах указывается категория населения, которая (по смыслу обельного постановления) должна подчиняться сотскому и дворскому, но люди иммунитета не должны были нести какие-либо повинности, распространяемые на эту категорию. Так, в выданной 18 октября 1448 г. великим князем Василием Васильевичем жалованной льготной, тарханно-обельной, несудимой и двусрочной грамоте игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на село Грунинское с 14 пустошами в волости Емстне в Костроме говорится: «ни к дворскому, ни к сотцкому не тянут с волостными людьми ни во что, ни иные которые им пошлины не надобет»⁴⁵⁹. К элементам *a* и *b* здесь добавлены слова «не надобет». Но главное заключается в упоминании волостных людей. Выясняется, что сотский наряду с дворским действовал в границах определенной волости. В январской 1488 г. жалованной тарханно-обельной, несудимой, проезжей и с правом на конское пятно грамоте великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Илемну с деревнями Вереяского уезда вместо волостных людей фигурируют черные люди: «къ дворьскому и к сотцкому с черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»⁴⁶⁰. В обельном постановлении здесь использованы элементы *v* и *z*. Особый же интерес вызывает указание на черных людей. Казалось бы, сравнение с предшествующей грамотой говорит за то, что определения «волостные люди» и «черные люди», занимающие одинаковое положение в обельных оборотах, тождественны. Однако упоминания в обельных постановлениях некоторых рассмотренных ранее грамот одновременно сотских, дворских и старост волостных показывает, что население волости состояло из лиц разных юридических категорий и черные люди составляли только часть волостного населения. Но отношение сотского именно к этой части волостного населения показано.

Наконец, 3 грамоты в обельных постановлениях упоминают сотского не вместе с дворским, а вместе с дворецким. Это выданная между 1462 и 1466 гг. жалованная льготная, безданная, тарханно-обельная, несудимая и заповедная (от незваных гостей) грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-

⁴⁵⁷ Там же. № 12. С. 364.

⁴⁵⁸ Там же. № 19. С. 377.

⁴⁵⁹ АСЭИ. Т. I. № 219. С. 154.

⁴⁶⁰ Там же. № 534. С. 410.

Сергиева монастыря Вассиану на все владения Троице-Сергиева монастыря в Радонеже: «ни к сотцкому, ни к дворетцкому не тянут, и ни в которые протори, ни в ям, ни в пятенное тем людем монастырским не надобе»⁴⁶¹; выданная в те же 1462–1466 гг. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая и с правом конского пятна грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря (без имени) на села Семеновское и Сватковское с деревнями в Верхдубенском стане Переяславля Залесского: «ни к сотцкому, ни к дворетцкому не тянут ни во что; ни пятенщика моего не знают, а пятнят те люди и являют у монастырского приказщика; ни иные им некоторые пошлины не надобе»⁴⁶²; данная 1 октября 1462 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая и льготная грамота великого князя Ивана Васильевича своему боярину князю Дмитрию Ивановичу Ряполовскому на купленные им земли за р. Нерлью Караулово, Новое над озером, Ермаково, Хорязиково во Владимире: «ни к сотцкому, ни к дворѣцкому не тянуть некоторыми потуги, ни иные имъ некоторые все пошлины не надобны»⁴⁶³. Все три грамоты дошли в поздних списках. Первые две — в списках конца XVI в., причем в список второй грамоты были сделаны явно поздние и недостоверные вставки, третья грамота сохранилась в списке 90-х гг. XVII в. Это обстоятельство и отсутствие в подлинниках жалованных грамот 60-х гг. XV в. в обельных постановлениях указаний на дворецкого заставляло исследователей считать, что термин дворецкий фигурирует в рассматриваемых грамотах вместо термина дворский. Так молчаливо считали издатели обеих грамот 1462–1466 гг., отметивших, что в копийной книге № 527 грамот Троице-Сергиева монастыря в списке грамоты на владения Троице-Сергиева монастыря в Радонеже в обельном постановлении читается «к дворскому», а в копийной книге № 523 в списке грамоты на земли Троице-Сергиева монастыря в переяславском Верхдубенском стане — соответственно «дворскому»⁴⁶⁴. В. Д. Назаров чтение «дворскому» вообще поместил в основной текст грамоты, правда, указав в примечании, что реальное чтение списка — «дворѣцкому» — ошибочно. И. В. Самодуров также отметил, что упоминание дворецкого вместо дворских в трех рассматриваемых грамотах является опиской копиистов⁴⁶⁵. С мнением исследователей следует согласиться, тем более что обнаруживаются и другие аргументы в пользу их точки зрения. В частности, сохранилась рассмотренная выше жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю на село Сватковское от сентября 1439 г. Там вместе с сотским назван дворский, но не дворецкий⁴⁶⁶. Можно думать, что такая ссылка не правомочна, дворецкий мог появиться в переяславском Верхдубенском стане после 1439 г., что и отразила грамота № 309 1462–1466 гг. Однако сохранилась правая грамота 1495–1499 гг., в

⁴⁶¹ АСЭИ. Т. I. № 309. С. 220.

⁴⁶² Там же. № 310. С. 221.

⁴⁶³ Назаров В. Д. Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. С. 18. № 7. Примеч. 7.

⁴⁶⁴ АСЭИ. Т. I. № 309. С. 221. Примеч. 3; № 310. С. 222. Примеч. 4.

⁴⁶⁵ Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV — начала XVI веков // Древняя Русь. № 1 (7). 2002. С. 102 и примеч. 44.

⁴⁶⁶ АСЭИ. Т. I. № 139. С. 107.

которой истцом выступал поп Григорий, живший в Покровском монастыре⁴⁶⁷. Этот монастырь располагался в селе Сватковском и был приписан к Троице-Сергиеву монастырю⁴⁶⁸. Земли попа Григория, которые он обрабатывал и которые он отстаивал от попыток присвоения со стороны двух жителей переяславского Михайловского стана, на момент спора были расположены в Михайловском стане. Однако старожильцы помнили, что за 70 лет до спора землями владели покровские священники села Сватковского, а по грамоте 1439 г. сватковские земли относились к Верхдубенскому стану. Для нас важно то обстоятельство, что среди старожильцев конца XV в., давших показания в пользу попа Григория, был Михаил, дворский Михайловского стана⁴⁶⁹. Следовательно, в данном районе еще в первой половине XV в. и до конца этого столетия действовали дворские, а не дворецкие. Указание на них в трех грамотах 60-х гг. XV в. действительно надо признать ошибкой позднейших копиистов. Речь должна идти о дворских, и три рассмотренные грамоты должны пополнить число тех жалованных грамот, в которых сотский упоминается вместе с дворским.

К третьей группе грамот могут быть отнесены жалованные грамоты, в обельном постановлении которых сотский называется вместе с двумя другими лицами. Такие обельные постановления обнаруживаются в 7 грамотах. Древнейшей грамотой этой группы и вообще всей выделенной части жалованных грамот (с упоминанием сотского в единственном числе) является датированная 2 июня 1425 г. жалованная несудимая и тарханно-обельная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Никону на село Беклемишево с деревнями Вихорева и Назарьевская, пустошами Фаустовская, Воронинская, Бунково, Олферьево в Кинельском стане Переяславля Залесского, где в обельном постановлении сказано: «ни к дворскому, ни к сотскому, ни к становщику не тянути ничем»⁴⁷⁰. Здесь вместе с сотским и дворским назван еще и становщик. Независимость людей Троице-Сергиева монастыря от этих лиц выражена очень кратко. Такой элемент («ничем») можно определить как элемент *а*. Становщики названы еще в двух грамотах: в выданной 1 марта 1436 г. жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на владения приписного к Троице-Сергиеву монастырю Богородицкого Успенского на Воинове горе монастыря деревню Тимошинскую, пустоши Олпачевскую и Васильевскую в Аргуновской волости в том же Переяславле Залесском: «ни к дворскому, ни к сотскому, ни к становщику не тянут ничем»⁴⁷¹, и в датруемой 1462–1466 гг. по сути дела подтверждающей жалованной тарханно-обельной, несудимой, заповедной и проезжей грамоте великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на владения того же Богородицкого Успенского монастыря на Воинове горе, его

⁴⁶⁷ Там же. № 582. С. 460–461.

⁴⁶⁸ Там же. № 548а. С. 426.

⁴⁶⁹ Там же. № 582. С. 463.

⁴⁷⁰ Там же. № 44. С. 49.

⁴⁷¹ Там же. № 128. С. 99.

деревни Тимошинскую и Олпачевскую и пустошь Василисовскую (в предыдущей грамоте — Васильевскую) в Аргуновской волости в Переяславле Залесском: «ни к сотцкому, ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в какие проторы, ни в розметы ничем»⁴⁷². В грамоте от 1 марта 1436 г. упоминания сотского и двух других должностных лиц дополнены элементом a_1 («ничем» вместо элемента a «ни во что»), в грамоте 1462–1466 гг. — элементами v , z и a_1 .

В двух грамотах сотский назван вместе с дворским и старостой волостным. Это датированная 27 октября 1438 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая и двусрочная грамота великой княгини Софьи Витовтовны игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на владения приписного к Троице-Сергиеву монастырю Богородицкого Благовещенского Киржачского монастыря на деревни Желдыбинская и Селиванкова гора, пустошь Ефремовскую и другие деревни и пустоши в Переяславле Залесском: «ни къ сотскому, ни къ [дворскому, ни к старосте волостному не] тянут ни во што, ни и[ные никоторые пошлины]»⁴⁷³, и датированная 7 октября 1453 г. повторяющая грамоту великой княгини Софьи Витовтовны жалованная тарханно-обельная, несудимая и двусрочная грамота великой княгини Марии Ярославны игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на владения приписного к Троице-Сергиеву монастырю Богородицкого Благовещенского Киржачского монастыря на деревни Желдыбинская и Селиванкова гора, пустошь Ефремовскую и другие деревни и пустоши в Переяславле Залесском: «ни к сотцкому, ни к дворскому, ни к старостѣ волостному не тянут ни во што, ни иные никоторые пошлины»⁴⁷⁴. Указания на должностных лиц дополнены в этих грамотах элементами a и b .

В одной грамоте сотский назван вместе с дворским и пятидесятником. Это выданная 25 марта 1451 г. великим князем Василием Васильевичем жалованная тарханно-обельная и льготная грамота архимандриту Симонова монастыря Геронтию об освобождении на 5 лет монастыря от рублевого оброка, дани и ямского обложения с двух варниц и села Борисовского с деревнями в Соли Галицкой: «также соцкои, ни дворьской, ни пятидесятникъ на тѣх христианѣх яму на них не емлют, ни мечют никоторых проторовъ, ни подводъ в ту пять лѣт»⁴⁷⁵. Из этого обельного постановления, имеющего описательный характер, следует, что сотский и, видимо, подчиненный ему пятидесятник вместе с дворским занимались организацией великокняжеской ямской службы и связанных с ней дел (привлечение людей к исполнению ямской повинности, распределение различных расходов — проторов, поставление на ям подвод).

Нетрафаретный, описательный характер обельных постановлений чрезвычайно редок, но благодаря отсутствию шаблона в таких редких жалованных грамотах четче проявляется статус сотских. Так, датированная 1432–1445 гг. жалованная обельная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сер-

⁴⁷² Каушанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 20. С. 379.

⁴⁷³ АСЭИ. Т. I. № 133. С. 103.

⁴⁷⁴ Там же. № 246. С. 174.

⁴⁷⁵ АСЭИ. Т. II. № 351. С. 347.

гиева монастыря Зиновию на право покупки тяглого двора «служного или черного» («кто им продасть») в городе Переяславле Залесском указывала: «А не надобе им с того двора тянути ни слугами, ни с черными людьми, ни к рыболовом, ни к сотцкому, ни к дворскому не тянути некоторыми пошлинами»⁴⁷⁶. Кроме двух должностных лиц здесь названы категории городского населения (переяславская Рыбная слобода находилась «в Переяславле в городе на посаде»⁴⁷⁷), к исполнению повинностей которых нельзя было привлекать насельников монастырского двора. К сожалению, лапидарность процитированного обельного постановления не позволяет однозначно решить, находились ли эти категории населения под управлением сотского и дворского, или нет. Поскольку в грамоте названы слуги, явно несшие какую-то невоенную службу, а также великокняжеские рыболовы, есть известные основания полагать, что эти категории переяславского населения подчинялись дворскому⁴⁷⁸. Но тогда черные люди должны были подчиняться сотскому. Такое заключение полностью подтверждается свидетельствами договорных грамот московских князей XIV–XV вв., где указывалось: «А которые слуги потягати кь дворскому, а черные люди к сотникумь, тыхъ ны въ службу не приима-ти»⁴⁷⁹. Здесь прямо констатируется, что черные люди находятся под контролем сотского. Учитывая также свидетельство рассмотренной выше жалованной грамоты от января 1488 г. Ивана III игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Илемну можно утверждать, что сотский имел отношение к черным людям как в городе, так и в сельской местности.

Наибольшую часть из 65 грамот, в обельных постановлениях которых фигурируют сотские, составляют 34 грамоты, где сотские упоминаются во множественном числе. Самая ранняя из этой группы грамот — оформленная между 1425 и 1427 гг. жалованная льготная и тарханно-обельная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Никону на села Клевцовское и Грунинское с деревнями в волости Емстне и село Фоминское с деревнями в волости Сорохте в Костроме. В этой грамоте обельное постановление сформулировано следующим образом: «ни к дворским, ни к сотцким [не тянут]»⁴⁸⁰. Одна из самых поздних грамот этой части — данная в мае 1486 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Ивана Ивановича (Молодого) своему боярину Афанасию Ивановичу Шетневу на его владения в Тверской земле — содержала близкое по характеру обельное постановление, включавшее один элемент с описанием: «дворским и сотцким Офонасьевыми людьми не наряжати»⁴⁸¹. И. В. Самодуров, обративший внимание на это обельное постановление и привлечший еще и другие грамоты, содержавшие в обельном постановлении глагол «наряжати», справедливо посчитал, что речь должна идти об организации

⁴⁷⁶ АСЭИ. Т. I. № 105. С. 84.

⁴⁷⁷ АСЭИ. Т. III. № 25. С. 44.

⁴⁷⁸ В начале XVI в. слободой управлял особый волостель стольничего пути, см.: Там же.

⁴⁷⁹ ДДГ. С. 20, 38, 71, 131, 133, 137, 139, 171, 174, 181, 185.

⁴⁸⁰ АСЭИ. Т. I. № 49. С. 53.

⁴⁸¹ АСЭИ. Т. III. № 180. С. 196.

работ, но отнес эту функцию только к дворским⁴⁸². Однако с равным правом эта функция может быть отнесена и к сотским. Также один элемент с описанием в обельном постановлении имеет датированная 21 апреля 1459 г. жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на сельца Коростелево и Наволок с деревнями и пустошами на Волге в Костроме: «ни къ сотским, ни къ дворским не тянут ни в которые проторы на шесть лѣтъ»⁴⁸³.

В других случаях упоминания сотских и дворских в обельных постановлениях сопровождаются двумя элементами, уже известными нам *в* и *г*. Таковы выданная 29 июня 1449 г. жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича Марии Копниной и ее сыну Федору на пустоши Глухово, Измалково, Свечино в Усольской волости («у Соли в пути») в Переяславле Залесском: «ни к дворским, ни к сотским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»⁴⁸⁴, и датированная 10 марта 1455 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на все владения Троице-Сергиева монастыря в Угличе: «ни к дворским, ни к соцским не надобе им тянуть ни в какие протори и в розметы»⁴⁸⁵.

Те же элементы с добавлением слов «до их урочных лет» обнаруживаются в обельном постановлении жалованной несудимой, льготной и тарханно-обельной грамоты великого князя Василия Васильевича, выданной 9 октября 1461 г. князю Илариону (Ларе) Бунаку Михайлову сыну Хотетовскому на сельцо Литвиновское с деревнями на р. Вязьме в Красносельском стане и село Митково с деревнями и пустошами в Волоцком стане в Вязьме: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в которые проторы, ни в розмети до их урочных лет»⁴⁸⁶.

Однако гораздо чаще жалованные грамоты с упоминанием сотских во множественном числе содержат обельные постановления, включающие не два, а три элемента, указывающие на проторы, розметы и пошлыны. Таковы данная 4 декабря 1447 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на село Нефедьевское с деревнями в Угличе: «ни къ сотским, ни къ дворским не надобе им тянути, ни в которы[е] проторы, ни в розметы, ни иные им никоторы пошлыны не надобе»⁴⁸⁷; выданная между 1447 и 1455 гг. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на сельца Микульское и Мериново с деревнями и пустошами в Усольской волости в Переяславле Залесском: «ни

⁴⁸² Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV — начала XVI веков // Древняя Русь. № 1 (7). С. 100–101.

⁴⁸³ АСЭИ. Т. I. № 280. С. 201.

⁴⁸⁴ Там же. № 224. С. 159.

⁴⁸⁵ Там же. № 254. С. 183.

⁴⁸⁶ АСЭИ. Т. III. № 179. С. 195.

⁴⁸⁷ АСЭИ. Т. I. № 192. С. 137.

к сотским, ни к дворским не надобе им тянути, ни в которые протори, ни в розметы, ни иные которые пошлины им не надобе»⁴⁸⁸; датированная 4 марта 1448 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Дионисиева Глушицкого Покровского монастыря Амфилохию на восемь пустошей в Бохтюжской волости в Вологде: «ни к сотским, ни к дворским не надобе им тянуть ни в проторы, ни в розметы, ни в иные ни в которые пошлины»⁴⁸⁹; выданная между 9 марта 1448 г. и 1461 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая и проезжая грамота великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на села Ильинское, Пьяницино, Афинеево, Поелово, Андреевское, Богоявленское, Федоровское и пустошь Кривдинское в Юрьеве Польском: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы и в розметы, ни иные некоторые пошлины им не надобе»⁴⁹⁰; датированная 9 марта 1453 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая, проезжая и трехсрочная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Мартинаиану на деревни и пустоши в Локсомери, село Поповское с деревнями и пустошами в Рождественском стане в Ростове: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в-ыные ни в которые пошлины»⁴⁹¹; датированная 9 сентября 1459 г. жалованная льготная и тарханно-обельная грамота великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на село Веславское во Владимире: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные некоторые пошлины им не надобе...»⁴⁹²; выданная между 1460 и 1461 гг. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича Алексею Краснослепу на пустошь Хоробровскую в Демянской волости в Суздале: «ни к соцким, ни к дворским не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни иные некоторые им пошлины не надобе»⁴⁹³; выданная между 1462 и 1463 гг. жалованная тарханно-обельная, несудимая и проезжая грамота великого князя Ивана Васильевича архимандриту Симонова монастыря Афанасию на села Покровское, Кокоуревское в Заколпье Владимирского уезда, сельцо Никольское, деревни Валуевская и Загаиновская, другие деревни и пустоши во Владимирском уезде: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные некоторые им пошлины не надобѣ»⁴⁹⁴; выданная между 1462 и 1472 гг. жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Васильевича Дмитрию Васильевичу Бобру на его село Старое Ермолинское в волости Вышгороде в Дмитрове: «ни к соцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в-ыные ни в которые пошлины»⁴⁹⁵; датированная 8 августа 1463 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и

⁴⁸⁸ Там же. № 195. С. 140.

⁴⁸⁹ АСЭИ. Т. III. № 253. С. 274.

⁴⁹⁰ АФЗ и Х. Ч. I. № 145. С. 130.

⁴⁹¹ АСЭИ. Т. I. № 243. С. 171.

⁴⁹² АФЗ и Х. Ч. I. № 172. С. 158.

⁴⁹³ АСЭИ. Т. III. № 101. С. 139.

⁴⁹⁴ АСЭИ. Т. II. № 363. С. 357.

⁴⁹⁵ АСЭИ. Т. I. № 325. С. 234.

несудимая грамота великого князя Василия Васильевича архимандриту Никольского Шартомского монастыря Иоанникию на пустошь в Матенской волости в Плесе, а также деревню Григория Ярлыкова в Дору, в Залесье и пустоши в Дору в Плесе: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы; ни иные никоторые пошлины не надобе»⁴⁹⁶; датированная 15 июня 1464 г. жалованная льготная, тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Ивана Васильевича Семену Писарю на село Приданое в Коломне: «ни к сотским, не к дворским не тянут ни в какая проторы, ни в розметы, не иные наши некоторые пошлины не надобна»⁴⁹⁷; датированная 6 декабря 1471 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая и проезжая грамота вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на пустоши в Сяме и покосы по р. Порозобице в Сяме и Заозерье в Вологодском уделе: «також ни к сотьским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные имь никоторые пошлины не надобѣ»⁴⁹⁸.

В обельных постановлениях некоторых жалованных грамот упоминания проторов, розметов и пошлин сопровождаются указаниями на другие повинности (что выражено другими элементами формуляра), от которых освобождаются люди иммуниста. Так, в выданной 27 ноября 1452 г. великим князем Василием Васильевичем жалованной тарханно-обельной, несудимой и проезжей грамоте архимандриту Никольского Шартомского монастыря Александру на двор в г. Плесе и деревню Ярцево в Плесе обельное постановление сформулировано следующим образом: «также те люди все не тянут к сотцким, ни к дворским с тяглыми людьми ни в каков протор, ни в розмет; ни лугу моего не косят, ни коня моего не кормят, никоторые дела им не надобе»⁴⁹⁹. Вместо «пошлин» здесь указаны «дела», особое внимание обращено на освобождение людей грамотчика от заготовки сена и кормления великокняжеских коней, но особый интерес вызывает упоминание тяглых людей. Поскольку речь в грамоте идет о городском дворе и деревне вне городских стен, очевидно, что тяглые люди, подчинявшиеся сотским и дворским, жили как в городе, так и в сельской местности.

Редкое конкретное указание в обельном постановлении встречается в тексте жалованной, тарханно-обельной, льготной и несудимой грамоте, выданной 17 марта 1460 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Афанасию на сельцо Бильцино с деревнями в переяславской волости Кистьме, деревню Рождественскую и пустошь Абакумцевскую в Переяславском уезде, данные в монастырь митрополичьим дьяком Андреем Ярлыком: «ни къ сотцким, ни къ дворьским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы; ни иные никоторые им пошлины не надобѣ, ни двора волостелева на Кисмѣ не ставят»⁵⁰⁰. Обельное постановление дополнено здесь элементом *a* («ни во что») и

⁴⁹⁶ АСЭИ. Т. III. № 97. С. 134.

⁴⁹⁷ Там же. № 71. С. 106.

⁴⁹⁸ АСЭИ. Т. II. № 192. С. 123.

⁴⁹⁹ АСЭИ. Т. III. № 96. С. 133.

⁵⁰⁰ АСЭИ. Т. II. № 359. С. 352.

конкретным пояснением о неучастии монастырских людей в строительстве двора кистемского волостеля. Данное обельное постановление было полностью повторено в жалованной грамоте от 30 октября 1463 г. великого князя Ивана Васильевича архимандриту Симонова монастыря Антонию на те же монастырские владения⁵⁰¹.

Конкретное уточнение содержит обельное постановление в датированной 4 мая 1460 г. жалованной льготной и тарханно-обельной грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на село Порецкое во Владимире: «ни к сотским, ни к дворским к володимерским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им некоторые пошлыны не надобе до того урока до трех годов»⁵⁰². На основании этого текста И. В. Самодуров сделал бесспорный вывод, что дворский определен по городу⁵⁰³. Однако структура фразы такова, что под определением «володимерским» могут пониматься не только дворские, но и сотские. Впрочем, для последнего утверждения необходимы дополнительные показания источников.

В датированной примерно 1465–1469 гг. жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте волоцкого князя Бориса Васильевича архимандриту Симонова монастыря Евсевию на села Кортинское, Кусакинское с деревнями и село Богородицкое Васильевское Неверово с деревнями на Волоке Ламском обельное постановление имеет следующую форму: «ни к сотским, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни порьтного не дают, ни двора не ставят, ни дров не гонят, ни иные некоторые пошлыны им не надобѣ»⁵⁰⁴. Здесь не упомянуты розметы. Вместо них указаны три натуральных повинности. Возможно, что розметы как раз и предусматривали участие населения в различных работах на князя. Но чтобы допущение превратилось в твердый вывод, нужны подкрепляющие сведения.

В самой поздней из грамот этой разновидности — выданной 16 декабря 1470 г. жалованной льготной, тарханно-обельной, оброчной, несудимой, проезжей и с правом конского пятна грамоте дмитровского князя Юрия Васильевича архимандриту Симонова монастыря Досифею на села Васильевское Татищева, Верзеновское с деревнями и деревню Михайловскую в Берендееве в Дмитрове — обельное постановление определяло назначение тарханов: «ни иная некоторая пошлына, ни к соцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, что им дал отец мой князь велики ту дань и со всеми пошлынами к своей церкви святому Василью на полати на поминок своей душе»⁵⁰⁵. Речь, по-видимому, идет о Васильевском приделе в Успенском соборе московского Симонова монастыря, на содержание которого и предназначались передаваемые монастырю дань и пошлыны.

⁵⁰¹ Там же. № 373. С. 367.

⁵⁰² АФЗ и Х. Ч. I. № 171. С. 158.

⁵⁰³ Самодуров И. В. Институт дворских по жалованным грамотам XIV — начала XVI веков // Древняя Русь. № 4 (6). 2001. С. 52. Примеч. 126.

⁵⁰⁴ АСЭИ. Т. II. № 382. С. 381.

⁵⁰⁵ Там же. № 386. С. 387.

В отдельных грамотах, обельное постановление которых состоит из трех элементов, вместо элемента б («никоторыми пошлинами») содержится элемент а («ни во что»). Таковы датированная 11 февраля 1462 г. жалованная тарханно-обельная, льготная и несудимая грамота дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на два двора в г. Дмитрове, села Ведерниче, Бунятино, Синковское с деревнями, сельца Кончинское и Марининское Нестеровское в городских станах Дмитрова, села Васильевское Галичское с деревнями, прикупную деревню Аврамовскую, пустошь Буносковскую, село Новое с деревнями, село Бебяковское в Вышгороде и Инобаже, села Путиловское и Петровское с деревнями, деревни Федоровская Зубачева, Власовская, Жолтиково, Кучковская на Вори в Москве: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни во что, ни в какие проторы и в розметы»⁵⁰⁶; выданная 9 июня 1471 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая, проезжая, с правом конского пятна и оброчная грамота дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на село Куноки с деревнями и пустошами в Серебожской волости в Дмитрове: «ни к соцким, ни к дворским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы»⁵⁰⁷; выданная 25 февраля 1473 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая, с правом конского пятна и проезжая грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на села Ведерниче, Бунятино, Синковское с деревнями, Кончининское с деревнями, Озерецкое с деревнями, сельце Михайловское, деревню Пупки в Корзенева, два двора в городе Дмитрове, села Васильевское Галичское с деревнями, прикупную деревню Аврамовскую, пустошь Буносковскую, село Новое с деревнями, село Бебяково в Вышгороде и Инобаже в Дмитрове, села Путиловское и Петровское с деревнями, село Муромцево, деревни Федоровская Зубачева, Власовская, Желтиково, Кучюковская на Вори в Москве: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы»⁵⁰⁸; датированная 25 апреля 1504 г. жалованная тарханно-обельная, несудимая, с правом конского пятна и проезжая грамота дмитровского князя Юрия Ивановича игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села Синково, Бунятино, Ведерниче, Мисиново, Маринкино, Кончинино, Озерецкое, Жолтиково, Аврамовское, Бебяково с деревнями в Каменском стане и волости Инобаже в Дмитрове: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы»⁵⁰⁹.

В очень редких грамотах обельные постановления вместе с сотскими и дворскими упоминают еще и других должностных лиц. Так, в достаточно ранней жалованной тарханно-обельной, несудимой и проезжей грамоте тверского великого

⁵⁰⁶ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 18. С. 375.

⁵⁰⁷ АСЭИ. Т. I. № 400. С. 292.

⁵⁰⁸ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 29. С. 392. Обельное постановление этой грамоты повторяет обельное постановление упомянутой несколько выше грамоты от 11 февраля 1462 г. Ср.: Там же. № 18. С. 375.

⁵⁰⁹ АСЭИ. Т. I. № 652. С. 576. Это обельное постановление, в свою очередь, повторяет обельное постановление грамоты от 9 июня 1471 г. Ср.: Там же. № 400. С. 292.

князя Бориса Александровича игуменье кашинского Стретенского монастыря Федотии на слободку Иерусалимскую в Кашине и все монастырские владения в Тверском великом княжестве обельное постановление дополнительно упоминает старост: «А дворским, ни соцким, ни старостам теми людьми не наряжати»⁵¹⁰. Нашедший подлинник этой грамоты А. В. Маштафаров датировал ее 1426 г., а содержание грамоты определил как относящееся исключительно к Кашину. Между тем в грамоте ясно сказано о владениях кашинского Стретенского монастыря: «што оу них земле святого Оустретенья в моеи вотчине великом княжене». Речь идет не только о кашинских землях, но вообще о всех великокняжеских землях Бориса Александровича. Поэтому, кстати говоря, упоминаемые в грамоте наместники и волостели названы без каких-либо географических определений. Сомнительна предлагаемая А. В. Маштафаровым дата выдачи грамоты — 1426 г. Борис Александрович занял тверской великокняжеский стол по смерти своего старшего брата Юрия Александровича, последовавшей 26 ноября 1425 г.⁵¹¹ После вокняжения «за мало днии окова князь Борис князя Василья Кашинского»⁵¹². В Кашине, по-видимому, установилась власть тверского великого князя. Это дает некоторые основания относить грамоту к 1426 г. Но успел ли кашинский Стретенский монастырь, до 1426 г. являвшийся удельнокняжеским, приобрести владения в тверских великокняжеских землях, как о том свидетельствует разбираемая грамота? Представляется более вероятным, что грамота выдана после нападения на Кашин 10 сентября 1452 г. Дмитрия Шемяки, который не только осадил город, но и пожег посады, где и находилась Иерусалимская слободка⁵¹³. Скорее всего, льготы Стретенскому монастырю были предоставлены в качестве компенсации за те потери, которые понес монастырь в результате нападения Шемяки. Поэтому датировка этой грамоты в третьем томе «Актвов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» — около 1450 г. — кажется более корректной⁵¹⁴. Это дает основания полагать, что к середине XV в. институт сотских был распространен в разных районах Тверского княжества.

Староста вместе с сотскими и дворскими упоминается и в другой жалованной грамоте. Речь идет о выданной в феврале 1471 г. жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте великой княгини Марии Ярославны игумену Махрищского монастыря Авраамию на село Негловское в волости Маринина слободка в Переяславле Залесском, в которой обельное постановление изложено следующим образом: «ни къ сотским, ни къ дворским, ни к старостѣ не тянут ни в какие проторы и розметы; также им ни иные никоторые пошлины не надобѣ»⁵¹⁵.

⁵¹⁰ Маштафаров А. В. Кашинский Стретенский монастырь в документах XV — начала XVII века // РД. Вып. 3. М., 1998. С. 49. № 1.

⁵¹¹ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 488–489.

⁵¹² ПСРЛ. Т. LXII. СПб., 2002. С. 177.

⁵¹³ Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 311–312.

⁵¹⁴ АСЭИ. Т. III. № 118. С. 155.

⁵¹⁵ АСЭИ. Т. I. № 399. С. 291.

Наконец, данная между 1445 и 1453 гг. жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича архимандриту Симонова монастыря Геронтию на села Весь Егонскую и Кузьмодемьянское с деревнями и пустошами в Бежецком Верхе вместо старост называет становщиков: «ни к сотским, ни къ дворским, ни къ становщиком не тянут ни в какии проторы, ни иньи некоторые пошлыны им не надобѣ»⁵¹⁶.

Столь же редки жалованные грамоты, в обельных постановлениях которых вместе с сотскими упоминаются не дворские, а другие лица. В частности, датированная 4 декабря 1456 г. жалованная льготная, тарханно-обельная, несудимая и проезжая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на село Ивановское с деревнями в волостях Тошне и Лоскоме в Вологде вместо дворских называет старост: «и к сотским, и къ старостам тѣ их люди не тянут ни в проторы, ни в розметы, и ни иные им некоторые пошлыны не надобе»⁵¹⁷. А в датированной 14 июля 1474 г. жалованной тарханно-обельной, несудимой и проезжей грамоте великого князя Ивана Васильевича митрополиту Геронтию на село Добрячево в Юрьевском уезде вместо дворских фигурируют становщики: «ни к сотским, ни к становщиком не тянут ни в какии проторы, ни в розметы, ни иные некоторые им пошлыны не надобе»⁵¹⁸.

Особенно любопытна формулировка обельного постановления в выданной между 1448 и 1462 гг. жалованной тарханно-обельной, оброчной и проезжей грамоте великого князя Василия Васильевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на двор в г. Вологде: «к горожаном и к сотьцкым не тянути ни в которые проторы, ни в розметы, и ни в которые пошлыны»⁵¹⁹. Редкое указание на горожан, повинности которых не распространялись на кирилло-белозерских монастырских людей, сопровождается в этой грамоте не менее редким разъяснением сути дела: «Что есмь дал грамоту свою горожаном вологжаном и сотьцким на их двор на манастырской, а велел есмь был им тянути к ним их людям манастырским, хто у них в том дворе в манастырском живут людей, в всякие проторы, и в розметы, и в все пошлыны, и яз, князь великий, нынеча игумена Касьяна з братьею пожаловал ...»⁵²⁰ и отменил прежние ограничения. Благодаря этому пояснению делается очевидным, что сотские действовали в городе и действовали вместе с горожанами. Однако отдельные указания на горожан и на сотских наводят на мысль, что сотские не входили в одну организацию с горожанами, они представляли интересы особой группы городского населения. С этой точки зрения любопытна характеристика состава городского населения в одной из кормленных грамот концa XV — начала XVI в.: «дѣти боярские, и слуги, и всѣ люди того города»⁵²¹.

⁵¹⁶ АСЭИ. Т. II. № 345. С. 342.

⁵¹⁷ Там же. № 169. С. 106.

⁵¹⁸ АФЗ и Х. Ч. I. № 151. С. 133.

⁵¹⁹ АСЭИ. Т. II. № 103. С. 63.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ АСЭИ. Т. III. № 184. С. 198.

Рассмотренный пример с упоминанием в жалованных грамотах сотских не в обильном постановлении, а в других частях текста грамот является хотя и редким, но не единственным. В древнейшей сохранившейся жалованной грамоте от 1 апреля 1414 г., в которой упоминается сотский без десятского, в обороте об оброке с деревень Троице-Сергиева монастыря сказано, что троицкий игумен (им тогда был Никон) «дает с того села и з деревень оброка сотнику на Юрьевъ день на вешнии три четверти, а на Юрьевъ день на осеннии три четверти»⁵²². Три четверти — это три четверти рубля⁵²³. Вся выплата составляла, таким образом, 1½ рубля в год. Как уже отмечалось, эта сумма шла сотнику, выступавшему или как сборщик княжеского налога, или как получатель такого налога⁵²⁴. Возможное двоякое толкование приведенного текста грамоты заставляет внимательнее рассмотреть оба варианта и остановиться лишь на одном из них.

То, что сотские собирали в сельских станах корм для наместников или пермских князьков, их тиунов и доводчиков, известно⁵²⁵. Такие действия сотских обозначались глаголами «берут ... платят» или «берут ... дают»⁵²⁶. В тексте грамоты 1414 г. подобные глаголы отсутствуют. В источниках также нет указаний на то, чтобы сотским кто-то из высокопоставленных лиц давал корм или оброчные деньги для передачи другому лицу. Нет сведений и о том, чтобы сотские собирали оброки. Оброки взимались при участии казначеев⁵²⁷ или дворецких⁵²⁸. Как правило, оброки вносились один раз в год, а не два, как указано в грамоте 1414 г.⁵²⁹ Таким образом, толковать цитату из грамоты 1414 г. в первом смысле нельзя. В сотском нельзя видеть сборщика следуемого князю оброка.

С другой стороны, источники свидетельствуют, что мелким должностным лицам оброки выплачивались. Существовало даже такое понятие, как праведчиков оброк⁵³⁰. Любопытно свидетельство об оброке одной митрополичьей грамоты: «А дает тот поп в мою казну оброком, с году на год, на Рожество Христово, четверть; а десятинику моему за все его десятинични пошлины, и за кормы, и за осенней проезд, и за явленную куницу дает ему тот же поп на тот же срок, на Рожество Христово, пять алтын, то ему на весь год»⁵³¹. Пять алтын — это тоже оброк, аккумуляровавший различные расходы, которые должен был нести священник при приеме митрополичьего десятичника. Очевидно, что сотский также мог получать за свою деятельность оброчные деньги. Вознаграждение сотскому, указанное в грамоте 1414 г., вполне согласуется с другим свидетельством о получении сотским пошлины. По Уставной грамоте 1397 г. Двинской земли, сотскому вместе с под-

⁵²² АСЭИ. Т. I. № 29. С. 40.

⁵²³ Там же. № 472. С. 358.

⁵²⁴ Кучкин В. А. К генеалогии сотских... С. 113.

⁵²⁵ АСЭИ. Т. III. № 22. С. 38; № 291а. С. 311.

⁵²⁶ Там же; там же.

⁵²⁷ АСЭИ. Т. I. № 345. С. 252; Т. II. № 182. С. 115.

⁵²⁸ АСЭИ. Т. I. № 541. С. 421.

⁵²⁹ Два срока указаны в двух грамотах: АСЭИ. Т. I. № 345. С. 252; Т. II. № 448. С. 489.

⁵³⁰ АСЭИ. Т. III. № 115. С. 151.

⁵³¹ Там же. № 246. С. 265.

войским следовала «пошлинка с лодьи по пузу ржи у гостя»⁵³². Получение сотским денежного и натурального кормов характеризует его как представителя княжеской администрации, а не как выборного главу крестьянской общины.

Характерно и то окружение, в каком предстает сотский в обельных постановлениях жалованных грамот. Из 65 грамот подавляющее большинство — 59 грамот — вместе с сотскими называет дворских. Из этих 59 грамот в 4 вместе с сотскими и дворскими называются еще становщики, еще в 4 дополнительно к сотским и дворским указываются старосты, в двух случаях с определением «волоостной», в 1 грамоте дополнительно назван пятидесятник. Только в 3 грамотах сотский назван один, без указаний на других лиц. В 1 грамоте сотский назван вместе со становщиком, в 1 — вместе со старостой, в 1 — вместе с горожанами. Таким образом, в проанализированных грамотах сотские предстают, за единственным исключением, которое касается горожан, а отнюдь не сельчан, в окружении только княжеских должностных лиц.

4 жалованные грамоты, как было сказано выше, упоминают сотских не в обельных постановлениях, а в других своих разделах. В частности, в данной около 1430–1440-х гг. жалованной купчей грамоте тверского великого князя Бориса Александровича на проданную им Ивану Затыке пустошь Лукшино (в Иворовской волости Старицкого уезда) специально оговаривалось: «А у грамоты был судцкой Олфер»⁵³³. Точно такое же указание на сотского содержится в несколько более поздней (около 1450 г.) другой жалованной купчей грамоте того же тверского великого князя Бориса Александровича на проданную им Захарию Карабузину землю Клобуковскую (в Чудском стане Кашинского уезда): «А у грамоты был соцкой Митус»⁵³⁴. Очевидно, такие упоминания сотских в Тверском княжестве отразили определенную норму. Она заключалась в том, что при продаже земель, принадлежавших великому князю, обязан был присутствовать сотский. Скорее всего, он выступал в качестве представителя великокняжеской власти в том районе, где производилась продажа земли. Видимо, именно он должен был практически вводить нового владельца в обладание приобретенной землей, фиксировать, что отошло от владений князя и что осталось. Во всяком случае, присутствие сотских при оформлении великокняжеских жалованных купчих грамот свидетельствует о связи сотских с великокняжескими владениями, причем эти владения в разных частях Тверского княжества находились под контролем разных сотских. Таким образом, находит дополнительное подтверждение высказанная при анализе жалованной грамоты тверского великого князя Бориса Александровича кашинскому Стретенскому монастырю мысль о распространенности института сотских в Тверском княжестве.

Жалованная льготная грамота, данная в 1497/1498 г. по слову великого князя Василия Ивановича Константином Симанским (гороховским волостелем?) Гавриилу, Кондратию и Степану Семеновым (Сенькиным) детям Кухмырева на дуб-

⁵³² Там же. № 7. С. 22.

⁵³³ АСЭИ. Т. I. № 157. С. 116.

⁵³⁴ АСЭИ. Т. III. № 142. С. 166.

раву на р. Мортке, луг Болонья и деревнище у дубравы и на льготу в 10 лет «не тянута им с христианы с волостными», содержит ссылку на совет с сотским и соседями льготников: «поговоря есми со Фролком с сотским, да с суседы с волостными з гороховскими (названы 4 человека. — В. К.)»⁵³⁵.

Наконец, сотские, точнее, сотники, упоминаются в датируемой 1484/1485 г. жалованной (подтвердительной) грамоте Ивана III жителям Перми Вычегодской на их отчинные владения реками, озерами и угодьями. В начале грамоты сообщается: «Били мне челом, князю великому Ивану, волостные люди пермяки Перми Вычегодские земли и мesty вычегжане, удорены, сысолены сотники Алексей Козак, Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов да Сенка Микитин»⁵³⁶. Похоже, что сотники стояли во главе различных территориальных объединений пермяков: вычегжан, удорян и сысолен. Однако сколько было сотников в каждом из таких объединений, сказать трудно. Грамота не дает на это четкого ответа. В конце грамоты содержатся сведения о функциях пермских сотников и о процедуре занятия этой должности: «А кормы княжи и тивунови и довотчиковы поборы берут в станех сотники волостные да дают им, а самим по тому не входити и [не] засылати. Сотников волостных князи вымские не переменяют сами, а тивунов и довотчиков до году не переменяют»⁵³⁷. Едва ли сотники в Перми в XV в. имели тот же статус, что и сотники-сотские в княжествах Северо-Восточной Руси⁵³⁸. Но два момента кажутся интересными. По свидетельствам жалованной грамоты жителям Перми Вычегодской выясняется, что сотники стояли выше давно известных в русских землях тиунов и доводчиков, а занятие должности сотского зависело не от крестьян-выборщиков, а от верховной власти, причем в Перми — не местной в лице вымских князей, а власти центральной, общерусской.

Теперь, рассмотрев все упоминания сотских в известных к настоящему времени жалованных грамотах, можно подвести некоторые итоги. Сохранившиеся от 10-х гг. XV до начала XVI в. 69 жалованных грамот свидетельствуют о существовании сотских в разных княжествах, землях и центрах Северо-Восточной Руси. Сотские фиксируются в таких городах, как Вологда, Дмитров, Кострома, Переяславль Залесский, Плесо. Их деятельность распространялась и на сельскую местность, затрагивая территории Бежецкого Верха (Весь Егонская на севере Бежецкой земли), Вереи, Владимира (видимо, городской стан, поскольку село стояло «за Нерлью»), Вологды (волости Бохтюга, Заозерье, Лоскома, Масленская, Сяма, Тошна), Волока Ламского, Вязьмы (Волоцкий и Красносельский станы), Галича (Соль Галичская), Дмитрова (волости Берендеева, Вышгород, Инобаж, Серебож, стан Каменский), Звенигорода, Кашина, Коломны, Костромы (волости Березовец,

⁵³⁵ АСЭИ. Т. II. № 489. С. 529.

⁵³⁶ АСЭИ. Т. III. № 291а. С. 308.

⁵³⁷ Там же. С. 311.

⁵³⁸ В XIV в. пермяки управлялись собственными сотниками, как о том свидетельствует написанное Епифанием Премудрым Житие Стефана Пермского. См., например: Житие Стефана Пермского. Сыктывкар. 1993. С. 145–146. Пермские сотники XV в. могли сохранить некоторые функции местных сотников XIV в.

Емсна, Сорохта), Москвы (волости Воря, Корзенева, Радонеж, Сурожик), Переяславля Залесского (Городской стан, Аргуновская волость, Верхдубенский стан, земли по р. Киржач — позднейший Борисоглебский стан, Кинела, Кистьма, Маринина слобода, Соль Переяславская), Перми, Плеса (волости Дор, Матенская), Ростова (Локсомерь, Рождественский стан), Суздаля (городской стан, Деминская волость), Твери, Углича (с. Удинское-Прилуцкое почти на границе с Тверским княжеством), Юрьева Польского, всего 21 административно-территориальной единицы.

В перечисленном списке нет городов Владимира, Кашина, Москвы, сельских территорий Боровска, Вольской волости, Гороховца, Каширы, Можайска, Муром, Ржевы, Романова, Рузы, Торжка, Юхоти, Ярополча и Ярославля, в которых упоминаются десятские. Однако следует иметь в виду, что в жалованных грамотах на села, деревни, починки и пустоши в Боровске⁵³⁹, Вольской волости⁵⁴⁰, Гороховце⁵⁴¹, Кашире⁵⁴², Можайске⁵⁴³, Муроме⁵⁴⁴, Ржеве⁵⁴⁵, Романове⁵⁴⁶, Рузе⁵⁴⁷, Торжке⁵⁴⁸, Ярополче⁵⁴⁹ и Ярославле⁵⁵⁰ десятские упоминаются вместе с сотскими, и, таким образом, территория, где действовали сотские, должна быть увеличена еще на 12 административно-территориальных единиц. В жалованных грамотах, упоминающих сотских без десятских, названы такие города, как Кострома, Переяславль Залесский, Плесо, сельские территории Вереи, Вязьмы, Галича, Плеса, Ростова, где десятские и сотские ранее жалованными тарханно-обельными грамотами не фиксировались⁵⁵¹.

На эти территории выдавали грамоты полтора десятка князей и княгинь: великий князь Василий Васильевич Темный — 32 грамоты, его старший сын и соправитель, а затем самостоятельный великий князь Иван Васильевич (Иван III) — 13, другой сын Василия Васильевича Темного дмитровский князь Юрий Васильевич — 6, великий князь тверской Борис Александрович — 3, вдова Василия Васильевича Темного великая княгиня Мария Ярославна — 3, вдова великого князя Василия Дмитриевича великая княгиня Софья Витовтовна — 2, младший сын Василия Васильевича Темного вологодский князь Андрей Васильевич Меньшой — 2, сын Дмитрия Донского князь звенигородский и галичский Юрий Дмитриевич в

⁵³⁹ *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 года // РД. Вып. 2. М., 1997. № 1. С. 28.

⁵⁴⁰ АСЭИ. Т. I. № 341. С. 249.

⁵⁴¹ *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 32. С. 398.

⁵⁴² АСЭИ. Т. I. № 618. С. 530.

⁵⁴³ Там же. № 567. С. 445.

⁵⁴⁴ АСЭИ. Т. III. № 109. С. 146.

⁵⁴⁵ АСЭИ. Т. II. № 360. С. 353.

⁵⁴⁶ АСЭИ. Т. III. № 203. С. 213–214.

⁵⁴⁷ Там же. № 53а. С. 80.

⁵⁴⁸ АСЭИ. Т. I. № 517. С. 391.

⁵⁴⁹ *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 32. С. 398.

⁵⁵⁰ АСЗ. Т. I. № 312. С. 302.

⁵⁵¹ См. выше раздел о десятских. С. 286.

бытность свою великим князем выдал 1 жалованную грамоту, сын Владимира Серпуховского князь угличский и радонежский Андрей Владимирович — 1, князь угличский и галичский Дмитрий Юрьевич Шемяка — 1, брат Ивана III волоцкий князь Борис Васильевич — 1, князь серпуховский и боровский Василий Ярославич — 1, старший сын Ивана III, его соправитель великий князь Иван Иванович Молодой — 1, сын Ивана III, его соправитель и будущий самостоятельный великий князь Василий Иванович — 1, сын Ивана III дмитровский князь Юрий Иванович — 1. Любопытно отметить, что и жалованные грамоты с упоминанием десятских были выданы 15 правителями, хотя их состав несколько отличался от приведенного⁵⁵².

Несмотря на то, что жалованные грамоты, за 4 исключениями, не называют сотских по именам, что могло бы позволить конкретнее представить этих лиц, их возможные родственные и общественные связи, показания рассмотренных источников в определенных отношениях ничем не заменимы. В первую очередь это касается времени и мест распространения самого института сотских. Неоценимое значение имеют и уникальные свидетельства некоторых жалованных тарханно-обельных грамот. Из них выясняется, что сотские действовали в городах и сельской местности, имея отношение к черным людям, они организовывали работы на князя и на княжество (строительство дворов для управителей-волостелей, заготовление дров, сена для княжеских конских стад, кормление коней, строительство ямских станций, предоставление подвод и т. п.), следили за сделками по продаже княжеской земли, действовали с другими мелкими должностными лицами княжеской администрации, а за свои труды получали корм с населения. В этом отношении они напоминали княжеских кормленщиков — наместников и волостелей с их тиунами, праведчиками и доводчиками.

* * *

Помимо 69 жалованных грамот XV — начала XVI в. Северо-Восточной Руси, в обельных постановлениях которых сотские фигурируют без дополнительных указаний на десятских, в распоряжении исследователей имеются еще 72 опубликованные грамоты того же времени и того же региона, но других видов, в которых также упоминаются только сотские.

Правда, число это следует несколько уменьшить. Дело в том, что во II томе «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» напечатана «Отводная Мих. Дм. с. Глебова (Шапкина), Ив. Головы Семенова с., Захара Микулина землям Кир.-Белоз. м-ря по рр. Кивую и Лымбою от черных земель Кивуйской и Киснемской волостей, на северном берегу Белого оз.»⁵⁵³. Отводная сохранилась в списке начала XVII в. Она написана на четырех столбцах, на обороте имеет рукоприкладство келаря Кирилло-Белозерского монастыря Боголепа, а по столбцовым склейкам — росписи казначея Антония и чернеца Евстафия. Грамота

⁵⁵² См. выше раздел о десятских. С. 285.

⁵⁵³ АСЭИ. Т. II. № 259.

скреплена монастырской печатью игумена Матфея, настоятельствовавшего в монастыре в 1606–1615 гг.⁵⁵⁴. Отводная датирована издателем И. А. Голубцовым 1481/1482 г., хотя и со знаком вопроса⁵⁵⁵. Дата заимствована из начала отводной грамоты, где отмечено: «Лета 6990-го. По великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси, отводил Михайло Дмитриев сын Глебов, да Иван Голова Семенов сын, да Захар Микулин земли кирилловские от великого князя земель в Кивуйце»⁵⁵⁶.

Однако имеющаяся в заголовке грамоты ссылка на «слово» великого князя Ивана Васильевича свидетельствует о том, что отводная составлена позже, поскольку Иван III начал распоряжаться на Белоозере лишь с 1486 г., после кончины верейско-белозерского князя Михаила Андреевича. О позднем составлении отводной говорит и одно указание в основном ее тексте: «А грамоты, господине, у Василья у Долматова»⁵⁵⁷. Дьяк Ивана III Василий Долматов уже после смерти Михаила Андреевича проверял права Кирилло-Белозерского монастыря на его владения и брал у старцев крепостные акты на монастырские земли, а также размежевывал эти земли⁵⁵⁸. Окончательно время составления отводной грамоты проясняется при ее сравнении с т. н. «Отводной записной книгой» Кирилло-Белозерского монастыря 1491/1492 г. От слов «в Кивуйце дер. Олешковская Горнчарова» до слов «сотцкой заозерской Бориско Максимов» включительно текст отводной грамоты 1481/1482 г. (?) полностью повторяет текст «Отводной записной книги» 1491/1492 г.⁵⁵⁹ При этом в отводной грамоте после слов «по соснам» пропущен текст «Отводной записной книги»: «и по березам до Кимху, да поперекъ Кимху Крутымъ ручьемъ»⁵⁶⁰ (типичная т. н. глазная ошибка копииста, пропустившего текст между словами «соснам» и «ручьемъ», оканчивавшимися на одинаковую букву или буквы, в данном случае на «м» или на «мъ»). Но пропустив первое упоминание Крутого ручья, списатель отводной грамоты в дальнейшем сохранил текст своего источника: «тем же потоком Крутымъ»⁵⁶¹, хотя указание на «тот же» ручей, или поток, Крутой при допущенном пропуске явно теряло смысл. Таким образом, отводная 1481/1482 г. (?) просто не существовала. За оригинальный документ XV в. издателем II тома «Актів социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» принята неточная выписка начала XVII в. из документа 1491/1492 г.

Несколько слов надо сказать о дате «Отводной записной книги», где в основном тексте в переводе с буквенных древнерусских цифр на современные арабские стоит дата «90 и 10», и о дате 6990 г. отводной грамоты. Как выяснил И. А. Голубцов, последняя дата также заимствована из «Отводной записной книги», но

⁵⁵⁴ Там же. С. 170, 172.

⁵⁵⁵ Там же. С. 170.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Там же. С. 171.

⁵⁵⁸ Там же. С. 557.

⁵⁵⁹ Там же. № 259. С. 170–172; ср. № 290. С. 242–244.

⁵⁶⁰ Там же. № 259. С. 172; № 290. С. 244.

⁵⁶¹ Там же. № 259. С. 172.

помещенной не в основном тексте этой книги, а на приклеенных позднее первых листах⁵⁶². Необычность написания даты в основном тексте «Отводной записной книги» объясняется не влиянием местных говоров, как в свое время пытался объяснить это Н. П. Успенский⁵⁶³ (записную книгу составляли московские отводчики), а тем, что так современники обозначали страшный для себя 7000 год от т. н. «сотворения мира», когда по их представлениям должен был наступить конец света. Поэтому цифру 7000 заменяли другими, часто цифрами 90 и 10, как и в «Отводной записной книге». Так, в частности, были датированы некоторые русские дипломатические документы, отправленные в 7000 (1491/1492) г. в Крым и Литву⁵⁶⁴. Грамота Ивана III саксонскому курфюрсту Фридриху имела дату «въ лѣто 6990 и 10»⁵⁶⁵, бессмысленную по современным понятиям, но в глазах людей XV в. имевшую прикровенный смысл. Скорее всего, на приклеенных начальных листах «Отводной записной книги» Кирилло-Белозерского монастыря воспроизведена именно эта дата, но в дефектном виде — опущена цифра 10, показавшаяся грубой ошибкой более поздним переписчикам. Получившаяся неверная дата и попала в начало отводной грамоты, заставив И. А. Голубцова предположить, хотя и с большими сомнениями и оговорками, что отводная оформлена в 1481/1482 г.

Следовательно, объектом исследования могут служить не 72, а 71 грамота XV — начала XVI в., упоминающая сотских. Из этого числа 27 грамот дошли в подлинниках⁵⁶⁶, 3 — в современных грамотам списках⁵⁶⁷, 28 — в списках XVI в.⁵⁶⁸, 13 грамот — в списках XVII в.⁵⁶⁹.

Важна характеристика сохранившихся грамот по видам, поскольку от того или иного вида документов зависит, в каком качестве предстают называемые в них сотские. В одном случае сотский может писать саму грамоту и выступать в роли писца, в другом — продавать принадлежащий ему земельный участок (что отражается в купчих грамотах), в третьем — быть свидетелем при определении границ владений (о чем говорят разъезжие грамоты), в четвертом — собирать налоги с населения (что предусматривают указные и уставные грамоты) и т. д. При этом в

⁵⁶² Там же. С. 172. Примечания.

⁵⁶³ Там же. С. 556.

⁵⁶⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1892. С. 53, 56, 61, 68; Т. 41. СПб., 1884. С. 120, 129, 135, 148, 156.

⁵⁶⁵ Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. СПб., 1851. Стб. 93.

⁵⁶⁶ АСЭИ. Т. I. № 257, 266, 385, 430, 515, 532, 607а, 619, 641, 660; Т. II. № 277, 290, 294, 297, 298, 336, 406, 428; Т. III. № 55, 193, 208, 209, 213, 214, 275, 276, 277.

⁵⁶⁷ АСЭИ. Т. I. № 287, 473, 607.

⁵⁶⁸ АСЭИ. Т. I. № 255, 256, 281, 425, 440, 468, 504, 525, 540, 595, 604, 627, 640, 642, 644, 645, 659; Т. II. № 257 (список 1503 г.), 276, 332, 337 (список 1507 г.), 483 (список 1529 г.); Т. III. № 22; АФЗ и Х. Ч. I. № 114, 255, 261; *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 5. С. 347; № 40. С. 409–413.

⁵⁶⁹ АСЭИ. Т. II. № 94, 293, 374, 375, 376, 405, 409, 411, 412, 421, 425; Т. III. № 54; *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря // РД. Вып. 2. М., 1997. № 8. С. 15–19.

определения видов грамот, зафиксированные в научных изданиях средневековых актов, необходимо внести некоторые коррективы. Так, в юридической практике XV в. встречались случаи, когда решение суда по земельным спорам фиксировалось не особым документом — правой грамотой, выдававшейся стороне, выигравшей тяжбу, а записью о судебном решении на обороте того документа, который представлялся в суд и прямо подтверждал владельческие права истца или ответчика на спорную землю. В академических изданиях такие документы печатаются под заголовком и с датой акта, который помещен на лицевой стороне бумажного листа⁵⁷⁰. Текст на оборотной стороне такого листа характеризуется как позднейшая приписка. Между тем речь должна идти о двух документах разного содержания и разного времени, только написанных на одном листе бумаги. Запись о судебном решении на обороте более раннего акта следует рассматривать как особый вид документа. Его можно определять как судная запись. С учетом высказанного замечания, распределение по видам грамот рассматриваемого комплекса в 71 грамоту будет следующим: 21 правая грамота⁵⁷¹, 12 разъезжих грамот⁵⁷², 7 купчих грамот (в том числе т. н. «посильных») ⁵⁷³, 7 указных грамот (сюда следует отнести и грамоты «с прочетом») ⁵⁷⁴, 4 докладных судебных списка ⁵⁷⁵, 4 судебных списка ⁵⁷⁶, 3 разводных грамоты ⁵⁷⁷, 2 меновных грамоты ⁵⁷⁸, 2 судебных записи ⁵⁷⁹, 1 данная грамота ⁵⁸⁰, 1 докладная данная грамота ⁵⁸¹, 1 докладная разъездная грамота ⁵⁸², 1 льготная грамота ⁵⁸³, 1 межевая выпись ⁵⁸⁴, 1 межевая грамота ⁵⁸⁵, 1 отводная грамота ⁵⁸⁶, 1 отводная записная книга ⁵⁸⁷, 1 уставная грамота ⁵⁸⁸.

⁵⁷⁰ АСЭИ. Т. I. № 287; Т. III. № 54.

⁵⁷¹ АСЭИ. Т. I. № 430, 525, 595, 607а; Т. II. № 332, 336, 337, 374, 375, 405, 406, 409, 411, 421, 483; Т. III. № 55, 208, 276; АФЗ и Х. Ч. I. № 114, 261; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 40.

⁵⁷² АСЭИ. Т. I. № 425, 468, 619, 627, 644, 645, 659, 660; Т. II. № 376, 425; Т. III. № 213, 214.

⁵⁷³ АСЭИ. Т. I. № 266, 281; Т. II. № 257, 294, 297; Т. III. № 277; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 5.

⁵⁷⁴ АСЭИ. Т. I. № 473, 532, 641; Т. II. № 276, 277; Т. III. № 193; АФЗ и Х. Ч. I. № 255.

⁵⁷⁵ АСЭИ. Т. I. № 604, 607, 642; Т. III. № 209.

⁵⁷⁶ АСЭИ. Т. I. № 540, 640; Т. II. № 428; *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. № 8.

⁵⁷⁷ АСЭИ. Т. I. № 385, 440; Т. II. № 298.

⁵⁷⁸ АСЭИ. Т. I. № 255, 256.

⁵⁷⁹ АСЭИ. Т. I. № 287; Т. III. № 54.

⁵⁸⁰ АСЭИ. Т. III. № 275.

⁵⁸¹ АСЭИ. Т. I. № 515.

⁵⁸² АСЭИ. Т. I. № 257.

⁵⁸³ АСЭИ. Т. II. № 293.

⁵⁸⁴ АСЭИ. Т. II. № 412.

⁵⁸⁵ АСЭИ. Т. I. № 504.

⁵⁸⁶ АСЭИ. Т. II. № 94.

⁵⁸⁷ АСЭИ. Т. II. № 290.

⁵⁸⁸ АСЭИ. Т. III. № 22.

Самая ранняя грамота этой группы датируется 30–40-ми гг. XV в.⁵⁸⁹, самая поздняя — 1505/1506 годом⁵⁹⁰. По хронологическим периодам они распределяются следующим образом: 30–40-е гг. XV в. — 2; 50-е гг. XV в. — 3⁵⁹¹; 50–60-е гг. XV в. — 2⁵⁹²; 60-е гг. XV в. — 5⁵⁹³; 60–70-е гг. XV в. — 2⁵⁹⁴; 60–80-е гг. XV в. — 2⁵⁹⁵; 70-е гг. XV в. — 4⁵⁹⁶; 70–80-е гг. XV в. — 3⁵⁹⁷; 80-е гг. XV в. — 8⁵⁹⁸; 80–90-е гг. XV в. — 3⁵⁹⁹; 90-е гг. XV в. — 20⁶⁰⁰; 90-е гг. XV — начала XVI в. — 4⁶⁰¹; первое десятилетие XVI в. — 13 грамот⁶⁰². Из приведенного перечня делается очевидным, что подавляющее большинство рассматриваемых грамот сохранилось от относительно позднего времени: 80-х гг. XV в. — первого десятилетия XVI в. (48 грамот из 71).

Что касается географического ареала, который охватывают анализируемые грамоты, то это Северо-Восточная Русь, различные ее города, волости и станы. Перечень этих городов, волостей и станов устанавливается на основании их прямых или косвенных упоминаний в самих рассматриваемых грамотах. Наиболее ясные свидетельства содержат указные грамоты (грамоты «с прочетом»). Так, между 1464 и 1473 гг. Иван III направил «на Кострому наместником моим, и их тиуном, и дворским, и соцким» грамоту с прочетом (адресаты должны были прочитать грамоту, а потом отдать ее монастырскому человеку), требуя не нарушать привилегий Нового (судя по всему, Новинского митрополичьего в Москве) монастыря на костромское село Куликовское⁶⁰³. Очевидно, что в Костроме наряду с другими княжескими должностными лицами действовали и сотские. В 70-е гг. XV в. «вв Бъжицкои Верхъ городецкому сотнику Палкъ» была послана грамота «с прочетом» владельца Бежецкого Верха угличского князя Андрея Васильевича Большого⁶⁰⁴. Прямое указание на Бежецкий Верх очерчивает границы той терри-

⁵⁸⁹ АСЭИ. Т. II. № 94. Тем же периодом датируется еще одна грамота, см.: *Каишанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 5.

⁵⁹⁰ АСЭИ. Т. I. № 660.

⁵⁹¹ АСЭИ. Т. I. № 255, 256, 257.

⁵⁹² АСЭИ. Т. I. № 266, 281.

⁵⁹³ АСЭИ. Т. III. № 55; Т. II. № 374, 375, 376; Т. III. № 193.

⁵⁹⁴ АФЗ и Х. Ч. I. № 255; АСЭИ. Т. I. № 385.

⁵⁹⁵ АСЭИ. Т. I. № 287; Т. III. № 54.

⁵⁹⁶ АСЭИ. Т. I. № 425, 430, 440, 473.

⁵⁹⁷ АФЗ и Х. Ч. I. № 261; АСЭИ. Т. I. № 468; Т. II. № 257.

⁵⁹⁸ АСЭИ. Т. II. № 483, 276, 277; Т. I. № 504, 515, 532, 540; Т. III. № 22.

⁵⁹⁹ АСЭИ. Т. I. № 525; Т. II. № 332, 405.

⁶⁰⁰ АСЭИ. Т. I. № 595, 604, 607, 607а, 619, 627; Т. II. № 290, 293, 409, 411, 412, 297, 298, 421; Т. III. № 208, 209, 275; 276; АФЗ и Х. Ч. I. № 114; *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. № 8.

⁶⁰¹ АСЭИ. Т. II. № 406, 294; Т. III. № 213, 214.

⁶⁰² АСЭИ. Т. I. № 640, 641, 642, 644, 645, 659, 660; Т. II. № 425, 336, 337, 428; Т. III. № 277; *Каишанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 40.

⁶⁰³ АФЗ и Х. Ч. I. № 255. С. 220–221.

⁶⁰⁴ АСЭИ. Т. I. № 473. С. 358–359.

тории, где функционировал Палка, а его определение как «городецкого сотника» подсказывает, что он действовал в Городецке (будущем Бежецком Верхе) — административном центре Бежецкого Верха.

В других случаях определение географических мест, где функционировали сотские, вызывает трудности, иногда достаточно серьезные. Так, в правой «разъездной» грамоте, выданной в 1494 г. властям московского Симонова монастыря судьей Чубаром Федоровичем Безобразовым на межи монастырской деревни Коробовской с селом Сиротинским Ивана Сиротина, среди лиц, присутствовавших «на розезде», назван «сотцкой Болобан Лебедев»⁶⁰⁵. Но в рамках какой административной единицы действовал этот сотский, о каких местах идет речь в грамоте? Помимо указанных пунктов в грамоте упоминается речка Медведица, село Андрея Оклячеева и, видимо, деревня Малевино⁶⁰⁶. Однако все эти ориентиры к какому-то более известному географическому объекту в грамоте не привязаны, и отыскать их невозможно. Помогает одно, на первый взгляд малопримечательное, свидетельство рассматриваемой грамоты. В последней сообщается, что заинтересованным сторонам судья Ч. Ф. Безобразов «учинил срок стати на Москве перед князем Иваном Юрьевичем в той же день по Преображеньеве дни»⁶⁰⁷. Размежевание земель деревни Коробовской с селом Сиротинским происходило именно в «Преображеньев день», т. е. 6 августа⁶⁰⁸. Вызов в Москву на суд большого московского наместника князя И. Ю. Патрикеева монастырских владельцев деревни Коробовской и светского владельца села Сиротинского был назначен на следующий день после «Преображеньева дни», т. е. на 7 августа⁶⁰⁹. Следовательно, сотский Болобан Лебедев присутствовал при размежевании земель, расположенных недалеко от Москвы. Данное заключение подтверждается показаниями более поздних грамот, в которых фигурировала та же Коробовская земля. В частности, в правой грамоте, данной между 1494 г. и январем 1499 г. архимандриту Симонова монастыря Феогносту князем И. Ю. Патрикеевым на Коробовскую землю, указывается, что эта земля находится в московском Ратуеве стане⁶¹⁰. В другой правой грамоте того же времени названы земли у р. Пахры и владения Николо-Угрешского монастыря (село Константиновское), соседние с селцом Коробовским⁶¹¹. Упоминание в одной из грамот жданского посельского Моклока, который знал границу между коробовскими и сиротинскими землями⁶¹², позволяет достаточно точно установить то место, где действовал сотский Болобан Лебедев. Это район современного располо-

⁶⁰⁵ АСЭИ. Т. II. № 409. С. 427, 430.

⁶⁰⁶ Там же. С. 429.

⁶⁰⁷ Там же. С. 430.

⁶⁰⁸ Там же. № 408. С. 427.

⁶⁰⁹ Поэтому дата грамоты № 409 должна быть уточнена: не после 13 августа 1494 г., как показано в издании, а после 7 августа 1494 г. См.: Там же. С. 427 и 430, текст после рубрики «Примечания».

⁶¹⁰ Там же. № 410. С. 431, 433.

⁶¹¹ Там же. № 411. С. 436, 439.

⁶¹² Там же. № 408. С. 426.

женного на р. Пахре села Жданова (к северо-востоку от Подольска, почти рядом с ним) и стоящего на восток от Жданова на р. Рожайке села Константинова⁶¹³.

Около 1450–1460-х гг. некий Александр Ирежский купил за 2 московских рубля и корову в придачу «два жеребья Лукинские пожни в болоте»⁶¹⁴. Установить географию этих пожен по приведенным данным нельзя, но упоминание среди послухов сделки уже знакомого нам Палки, сотника городецкого, указывает, что покупка была осуществлена в Бежецком Верхе.

Вообще нужно заметить, что грамоты, относящиеся к территории Бежецкого Верха, редко упоминают какие-либо поселения или административный центр этой волости. Облегчает локализацию перечисляемых в этих грамотах сельских границ или участков упоминание среди лиц, присутствовавших при покупке земель, как в приведенном выше случае, или при их размежевании, городецких сотских: того же Палки, Быка, Куприяна Кулеберева⁶¹⁵. Установление же общего ареала при привлечении других документов и картографических материалов позволяет установить, что городецкие сотские, как и десятские, действовали в сельской местности близ города Бежецкого Верха: сел Присеки, Люботицы, Сукромны (последнее даже административно входило в Городецкий стан Бежецкого Верха⁶¹⁶), Чудинковской деревни на юг от города, сел Ягренево, Рыбино к северо-западу от города⁶¹⁷.

Следует рассмотреть и другие трудные случаи локализации географических объектов, при упоминании которых в грамотах фигурируют сотские. Так, между 1468 и 1478 гг. по приказу вдовы Василия Темного великой княгини Марии Ярославны были размежеваны земли ее села Озерецкого с землями Сохтеновской и Могильной, принадлежавшими Ивану Травину⁶¹⁸. На размежевании присутствовал «Манатя сотцькой»⁶¹⁹. В заголовке опубликованной грамоты ее публикаторами указано, что речь идет о землях в Дмитровском уезде. Однако в «Указателе географических наименований» к I тому «Актów социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» сообщается, что Могильная земля находилась в Дмитровском уезде, а Сохтеновская — в Переяславском⁶²⁰. В таком случае делает-

⁶¹³ Атлас Московской области. М., 2003. С. 95.

⁶¹⁴ АСЭИ. Т. I. № 281. С. 202.

⁶¹⁵ Там же. № 440. С. 328; № 619. С. 531; № 627. С. 537; № 644. С. 562; № 645. С. 562.

⁶¹⁶ Там же. № 568. С. 446.

⁶¹⁷ Там же и № 440. С. 328; № 619. С. 531 (упоминаются Рыбинская земля и Сменовский вымол; Рыбино и Сменово локализуются по карте, они были расположены рядом в 3–4 км к западу от Бежецка); № 627. С. 537 (упоминается Сукромский лес); № 644. С. 561 (упоминается Чудинковская деревня); Топографическая карта «Тверская область». С. 17, 18. Судя по этой карте, примерно в 2–4 км к северу от Рыбино находились Боркино и Ягренево, упомянутые в купчей 30–40-х гг. XV в., где фигурирует сотник Лапша, названный без определения «городецкий». См.: *Каишанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 5. С. 347. На правом берегу р. Остречины стояла деревня Чудинковская (современная Чудинкова), на одной широте с Сукромнами.

⁶¹⁸ АСЭИ. Т. I. № 385. С. 280.

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ Там же. С. 722, 732.

ся неясным, какой же центр представлял сотский Манатья, и возникает необходимость в уточнении административной принадлежности размежеванных земель.

Факт владения в 60–70-х гг. XV в. вдовствовавшей великой княгиней Марией селом Озерецким подтверждается духовной грамотой ее мужа Василия Темного, составленной между 3 мая 1461 г. и 27 марта 1462 г. В грамоте указывалось, что великий князь после кончины оставляет «своеи княгини Озерецкие села и з деревнями»⁶²¹. В завещании сына Василия Темного Ивана III эти села предназначались его третьему сыну Дмитрию: «А из московских сел даю ему Озерецкие села Старое и Новое з деревнями»⁶²². Выясняется, что и Старое, и Новое Озерецкие села относились не к числу дмитровских или переяславских сел, а к числу московских. Так было и на протяжении по меньшей мере первых семи десятилетий XVI в. Согласно завещанию Василия III, «село у Москвы Озерецкое Старое, село Озерецкое Новое с деревнями и со всеми прикупми» отходили его сыну Юрию⁶²³. В духовной грамоте Ивана IV, составленной в 1572 г., эти села предназначались его сыну Федору: «село Озерецкое Старое да село Озерецкое Новое с деревнями и с припускными деревнями, что припусканы от остаточных деревень, да селцо Кузьево, да селцо Белый Раст и Наузовские деревни, которые списаны с Наузовской деревней, и те селы и деревни сыну моему Федору к селу Озерецкому»⁶²⁴. Местоположение села Озерецкого определяется достаточно точно. Это стоящее близ оз. Нерского село Озерецкое и находящееся в 7 км к северу от него село Белый Раст современного Дмитровского района Московской области⁶²⁵.

Правая грамота, данная между 1485 и 1490 гг. по суду великого князя Ивана Ивановича Молодого властям Троице-Сергиева монастыря, фиксирует принадлежность монастырю пустоши Тевляковской⁶²⁶. Где находилась эта пустошь, в грамоте не говорится. Но в правую грамоту включена более ранняя купчая грамота, из которой следует, что речь идет о волости Верхний Березовец⁶²⁷. Однако в купчей грамоте, в свою очередь, не разъяснено, к какому центру относилась эта волость. Лишь привлекая копии «с списка с судного з Галичского», в которых фигурируют крестьяне залешане и березовчане⁶²⁸, т. е. крестьяне соответствующих волостей, можно понять, что речь идет о волостях Галича, административно подчинявшегося в то время Костроме⁶²⁹. На картах к северу от Галича указано село Олешь, от которого, надо полагать, получила свое название волость Залешье, а еще дальше на север на р. Ноле — село Березовец, по которому определяется положение Березовецкой, или Верхнеберезовецкой, волости⁶³⁰. Очевидно, речь идет

621 ДДГ. № 61. С. 196.

622 Там же. № 89. С. 358.

623 Там же. № 104. С. 440.

624 Там же. С. 442–443.

625 Атлас Московской области. С. 40.

626 АСЭИ. Т. I. № 525. С. 403–404.

627 Там же. С. 403.

628 Там же. № 584, 585. Ср. также № 583, 586–594.

629 Там же. № 585. С. 469; № 587. С. 474; № 590. С. 481.

630 Карта «Костромская область». М., 1966.

о территории, заселение которой происходило относительно поздно. Недаром две волости имели общего старосту, а на волостной земле жил слободчик⁶³¹, в функции которого входила организация великокняжеских слобод для освоения малонаселенных мест.

15 мая 1485 г. вдова Ивана Сабурова Матрена дала вкладом в Троице-Сергиев монастырь «пол-варницы своее купли, а не мужа своего, и с мѣстом, и с водами, и с очапомъ, и со всѣмъ по ряду»⁶³². Одним из послухов данной был сотник Семен⁶³³. Но в каком месте он исполнял свою должность? Грамота никаких известных географических привязок не содержит. Издатели грамоты предположили, что речь в ней идет о половине варницы в Большой Соли. Составители копийных книг Троице-Сергиева монастыря относили грамоту к солигаличским документам⁶³⁴. Представляется, что правы публикаторы. Хотя Троице-Сергиев монастырь имел варницы и варничные места и в Соли Великой (Большой), и в Соли Галичской, данная грамота говорит, скорее, о Соли Великой. В ней назван сотник, как и в грамоте на расположенную рядом с Солюю Великой пустошь Говядовскую⁶³⁵, а среди послухов фигурирует Степан Лапугин, имя которого связывается с именем упоминаемого несколько ранее Патрикаея Лапуги, жителя Большой Соли⁶³⁶.

Сохранилась единственная в своем роде данная (по сути — жалованная) грамота, выданная 9 сентября 1495 г. сотским Лукьяном Антипиным сыном «по великого князя слову И[вана] Васильевича всея Руси» некоему Федору Ивашкову на принадлежавший великому князю участок леса. Федор Ивашков должен был очистить этот участок от леса и превратить его в пожню, с которой можно было бы косить сено. Лес-князщина находился «въ [е]зере в Молотмѣ, вверхъ рѣчки Молотомки»⁶³⁷. О каком районе идет речь, издатель грамоты И. А. Голубцов выяснить не сумел. «Определить местонахождение р. Молотомки и оз. Молотма, — писал он, — не удалось (хотя ясно, что это где-то в районе Кадникова и р. Двиницы)»⁶³⁸. Кадников находится примерно в 40 км к северо-востоку от Вологды. В грамоте указывалось, что сотский Лукьян Антипин дал участок Федору Ивашкову, «поговоря с людьми с добрыми с гороцкими с Семеномъ съ [А]ндрѣевымъ сыномъ с Мицковым да с Родюкою с Матѣевымъ сыномъ»⁶³⁹. Города Кадникова в конце XV в. еще не существовало. Семен и Родюка были жителями другого города, причем такими, кто влиял на распределение земельных участков за пределами городских стен. В каком же городе жили сотский Лукьян Антипин и его советники? Поскольку грамота хранилась в архиве пригородного вологодского Спасо-

631 АСЭИ. Т. I. № 584. С. 466.

632 Там же. № 515. С. 390. Очап — колодезный журавель.

633 Там же.

634 Там же. С. 389, 390.

635 Там же. № 287. С. 205. Пустошь (позднее деревня) Говядовская относилась к Соли Великой (Большой). См.: Там же. № 320. С. 229.

636 Там же. № 287. С. 205.

637 АСЭИ. Т. III. № 275. С. 289.

638 Там же. Примечания.

639 Там же. С. 289.

Прилуцкого монастыря, можно полагать, что этим городом была Вологда. В этой связи интересно отметить, что в то самое время, когда была выдана рассматриваемая грамота, в Вологде жил бывший сотский Семен Мытцов⁶⁴⁰. Одинаковость имени и схожесть прозвищ-фамилий Семена Мытцова и Семена Мицкова позволяют думать, что в различных документах конца XV в. речь идет об одном и том же человеке. Если так, то мы получаем дополнительное указание, что данная грамота от 9 сентября 1495 г. относилась к Вологде и близким к этому городу местам⁶⁴¹.

Остальные 54 грамоты из анализируемого комплекса в 71 грамоту содержат достаточно определенные указания на географию тех мест, где функционировали сотские. С учетом сделанных выше уточнений, эта география предстает в следующем виде: Бежецкий Верх (город и лежавшие недалеко от города сельские поселения)⁶⁴², Белоозеро (город, станы Городецкий, Заозерский и Напорожский, волости Кемь, Федосьин Городок)⁶⁴³, Вологда (город, Окологородье, волости Лоскома, Сяма, Тошна)⁶⁴⁴, Гороховец⁶⁴⁵, Дмитров (город, околородные земли, стан Берендеев)⁶⁴⁶, Звенигород (волости Сурожик, Угож), Коломна (волость Брашева)⁶⁴⁸, Кострома (город, волости Березовец, Нерехта, Соль Великая, Шахова)⁶⁴⁹, Малоярославец (волости Боболь, Ловышин, Передол, Репня, Турьи Горы, Угоцкая)⁶⁵⁰, Можайск (волость Усошская)⁶⁵¹, Москва (город?, волости Корзенов, Радонеж, станы Горетовский, Манатын?, Пехорский, Ратуев, Шахов)⁶⁵², Переяславль Залесский (волости Бармазовская, Мишутинская)⁶⁵³, Углич (село Прилуц-

⁶⁴⁰ АСЭИ. Т. II. № 257. С. 170; № 294. С. 250.

⁶⁴¹ По мнению исследовательницы вологодских поселений И. В. Власовой, любезно сообщенному автору данной работы, озеро Молотма грамоты 1495 г. — это современное озеро Молотовское близ Вологды.

⁶⁴² АСЭИ. Т. I. № 281, 440, 473, 619, 627, 644, 645; *Каишанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 5.

⁶⁴³ АСЭИ. Т. II. № 276, 277, 290, 298, 332, 336, 337; Т. III. № 22.

⁶⁴⁴ АСЭИ. Т. II. № 257, 293, 294, 297; Т. III. № 275, 276, 277. В актах АСЭИ (Т. II. № 294, 297; Т. III. № 277) упоминаются пожни по р. Лосте. Эта река протекала к юго-востоку и востоку от г. Вологды и впадала в р. Лежу — приток р. Вологды (АСЭИ. Т. III. № 277. С. 293, примечания). Поскольку пожни на р. Лосте и рыбные ловли на ней были в ведении лоскомских волостей (АСЭИ. Т. III. № 273. С. 288), земли по течению этой реки можно отнести к административной территории Лоскомской волости.

⁶⁴⁵ АСЭИ. Т. II. № 483.

⁶⁴⁶ АСЭИ. Т. I. № 532; Т. II. № 94, 406.

⁶⁴⁷ АСЭИ. Т. III. № 54, 55; *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. № 8.

⁶⁴⁸ АФЗ и Х. Ч. I. № 114.

⁶⁴⁹ АСЭИ. Т. I. № 287, 515, 525, 540, 640; АФЗ и Х. Ч. I. № 255, 261.

⁶⁵⁰ АСЭИ. Т. I. № 257, 504, 604, 607, 607а, 659.

⁶⁵¹ АСЭИ. Т. II. № 428.

⁶⁵² АСЭИ. Т. I. № 255, 256, 266, 385, 425, 468, 595; Т. II. № 374, 375, 376, 405, 409, 411, 412, 421, 425.

⁶⁵³ АСЭИ. Т. I. № 430, 641, 642.

кое близ рубежа с Кашином)⁶⁵⁴, Ярославль (окологородные земли, волость Жары)⁶⁵⁵.

Данный географический перечень, характеризующий те административные центры, где действовали сотские, значительно уступает перечню, составленному по данным 69 жалованных грамот XV — начала XVI в., в которых сотские упоминаются без десятских (14 городов против 21 и против 33, если учитывать свидетельства грамот, упоминающих сотских вместе с десятскими)⁶⁵⁶. Тем не менее скромный список в 14 городов включает в себя такой город с волостями и станами, как Белоозеро или как волости Малоярославца, где иными источниками сотские не фиксировались. Ранее отсутствовали данные о наличии сотских в звенигородской волости Угож, коломенской волости Брашева, костромских волостях Нерехта, Соль Великая (Большая), Шахова; в можайской Усошской волости, московских станах, переяславских Бармазовской и Мишутинской волостях, ярославской волости Жары. Таким образом, изучаемые грамоты хотя и содержат по сравнению с другими документами относительно немногочисленные сведения о географическом распространении в изучаемую эпоху института сотских, в ряде случаев существенно пополняют данные других источников, расширяя и углубляя общие представления о функционировании сотских в различных центрах Северо-Восточной Руси XV — начала XVI в.

Теперь, когда комплексу в 71 грамоту дана общая характеристика, выяснено, какими видами актов он представлен, установлено, примерно в какие десятилетия оформлялись грамоты, к каким русским городам, волостям и станам они относятся, необходимо перейти к самому главному — характеристике деятельности упоминаемых в грамотах сотских. В основу такой характеристики могут быть положены различные критерии. Можно изучать материал, учитывая, в первую очередь, видовые различия источников. Можно анализировать грамоты комплекса, придерживаясь их хронологии. Наконец, можно рассматривать данные, ориентируясь прежде всего на место деятельности сотских. Последнее представляется наиболее целесообразным, поскольку позволяет установить длительность пребывания сотских в своей должности, преемственность в исполнении служебных обязанностей, положение среди населения определенного города или сельской местности до исполнения должности сотского и после оставления этой должности. Разумеется, видовые и временные различия между документами, влияющие на освещение деятельности сотских, также должны приниматься во внимание. Анализ конкретного материала можно вести в той последовательности, которая представлена приведенным выше географическим перечнем административных центров, в рамках которых функционировали сотские.

Бежецкий Верх. О сотских в Бежецком Верхе свидетельствует одна из двух древнейших грамот рассматриваемого комплекса. В 30–40-е гг. XV в. была составлена купчая грамота, зафиксировавшая приобретение князем Дмитрием Алексан-

⁶⁵⁴ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 40; АСЭИ. Т. I. № 660.

⁶⁵⁵ АСЭИ. Т. III. № 193, 208, 209, 213, 214.

⁶⁵⁶ См. выше с. 350–351.

дровичем Щепой-Ростовским у жены Евфимия Арины и ее сыновей Ивашки, Федота и Гриди пустошей Старое, Ягреново, Фролской и Боркинской с половинами озера Еженого и речки Еженой⁶⁵⁷. Речь шла о землях, озере и реке, находившихся к северо-западу от г. Городецка (Бежецка), на близком расстоянии от него⁶⁵⁸. Среди семи послухов, присутствовавших при оформлении купчей грамоты, был и «Лапша сотник», упомянутый на пятом месте. Судя по тому, что речь шла о пригородных землях, Лапша был городецким сотским.

Следующая по времени грамота, в которой упоминается сотский в Бежецком Верхе, — это составленная в 50–60-х гг. XV в. уже упоминавшаяся ранее купчая Александра Ирежского на две части Лукинской пожни. Продавцом был один из представителей известного рода бежецких вотчинников Головкиных — Иван Анисимович Головкин. Среди четырех послухов, присутствовавших при написании купчей, был и упомянутый на последнем месте «Палка сотник городецкой». Первые же три послуха были вотчинниками: Дмитрий Нефимонтов и Иван и Матвей Никифоровичи Головкины⁶⁵⁹.

«Палка, сотник городецкой» назван и в другом документе — составленной между 1474 и 1478 гг. разводной грамоте на землю принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю села Люботицы (Любочичи). Он фигурирует среди других восьми лиц, присутствовавших при размежевании земли⁶⁶⁰.

Около 70-х гг. XV в. владевший Бежецким Верхом князь Андрей Васильевич Большой направил грамоту «с прочетом» тому же «городецкому сотнику Палкѣ». Это единственная из всех сохранившихся княжеских указных грамот XV — начала XVI в., адресованная лично сотскому. Распоряжения грамоты достаточно конкретны, а потому особенно важны для характеристики деятельности сотских. Князь Андрей Угличский, опираясь на свидетельства монахов Троице-Сергиева монастыря, согласно которым сотский Павел (Палка) велел крестьянам деревень троицкого села Присецкого «на Городецкѣ намѣсничъ дворъ ставити и тянешь деи их во всѣ пошлины, а Присѣцкие деи деревни истарины не тягивали к Городецку ничем», приказывал своему сотскому: «И будет истарины не тягивали Городецку, и ты бы им не нарежал никоторого дѣла; а двора деи истарины намѣснича не дѣлывали; и ты бы оу них грамоты не рушил, а ходил бы еси по их грамотѣ»⁶⁶¹. Княжеское послание ясно определяет статус сотского Павла, называя его не только «городецким», но и фиксируя его главное занятие на момент составления указанной грамоты: строительство в Городецке двора для княжеского наместника. Со-

⁶⁵⁷ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 5. С. 347.

⁶⁵⁸ Топографическая карта «Тверская область». [М.], 1992. С. 17.

⁶⁵⁹ АСЭИ. Т. I. № 281. С. 202. О землевладении Головкиных в Бежецком Верхе см.: *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л. 1947. С. 169–177.

⁶⁶⁰ АСЭИ. Т. I. № 440. С. 328. Сотский Палка присутствовал и при несколько более позднем размежевании Люботицких земель от княжеской земли князя Андрея Васильевича Большого Угличского. См.: Там же. № 443. С. 330. Разбор этой грамоты см. выше, в разделе о десятских. С. 294.

⁶⁶¹ АСЭИ. Т. I. № 473. С. 358–359.

вершенно очевидно, что Павел был городским сотским. Но будучи сотским в городе, Павел для возведения наместничьего двора использовал рабочую силу крестьян, проживавших около Городецка, в селе Присецком, отстоявшем от Городецка всего на 12 км⁶⁶². Очевидно, власть городского сотского распространялась и на население ближайшей к городу сельской округи. Тем не менее, по словам монахов Троице-Сергиева монастыря, которые принял за достоверные князь Андрей Большой, крестьяне села Присецкого никогда не несли повинности по строительству наместничьего двора в Городецке. Возможно, сельская округа Городецка, на которую распространялась власть сотского, в старину была небольшой, и село Присецкое находилось уже за ее пределами, или само Присецкое, оказавшееся в XV в. в руках Троице-Сергиева монастыря, издавна имело какие-то иммунитетные привилегии⁶⁶³, но остается фактом то, что сотский привлекал подгородное сельское население к исполнению трудовых повинностей в городе, а на самого сотского возлагались обязанности по устройству быта в городе княжеского наместника — строительство для него двора с жилыми и хозяйственными постройками, может быть, с домашней церковью, а также местом заключения для преступников.

Грамота также свидетельствует, что городецкий сотский заставлял крестьян деревень Присецкого села тянуть «во всё пошлины». Такой оборот часто встречается не в указных, а в жалованных грамотах, но в чем конкретно выражались такие «пошлины», жалованные грамоты не раскрывают. Нет разъяснения и в рассматриваемой грамоте князя Андрея Большого. Можно только догадываться, что в понятие «пошлина» входила обязанность ставить наместничий двор.

Терминологически интересно еще одно распоряжение угличского князя, отраженное в его указной грамоте сотскому Палке. Князь требовал, чтобы сотский монастырским крестьянам «не нарежал никоторого дѣла». Глагол «наряжати» известен и упоминающим сотских жалованным грамотам, но употребляется в них крайне редко⁶⁶⁴. Зато он гораздо определеннее, чем прилагаемые к сотским такие выражения жалованных грамот, как «ни к сотскому не тянути ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные никоторые пошлины»⁶⁶⁵. Говоря обобщенно, «наряжати» означает организовывать людей для исполнения физических работ, и благодаря употреблению такого глагола при описании действий сотских в некоторых жалованных грамотах можно было заключить, что сотские руководили какими-то трудовыми повинностями населения, хотя твердого вывода сделать было нельзя, поскольку в жалованных грамотах требование «не наряжати» распространилось

⁶⁶² См. выше раздел о десятских. С. 294–295 и примеч. 208.

⁶⁶³ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 75. М. С. Черкасова отмечает, что грамоты XV в. на это село содержат ссылки на грамоты Дмитрия Донского. Возможно, уже в XIV в. на жителей этого принадлежавшего московскому великому князю села не распространялись повинности, которые должно было нести население сельской округи относившегося к Новгороду Городецка.

⁶⁶⁴ АСЭИ. Т. III. № 118. С. 155; № 180. С. 196.

⁶⁶⁵ АФЗ и Х. Ч. I. № 96. С. 92.

не только на сотских, но и на дворских⁶⁶⁶ или на дворских и старост⁶⁶⁷, и заставляло задумываться, подпадали ли под это требование сотские⁶⁶⁸. Указная грамота 70-х гг. XV в., адресованная только сотскому, ясно свидетельствует, что сотский «нарежал» людей для «дѣла» и приводит конкретный пример такого «дѣла» жителя Бежецкого Верха: строительство двора для наместника.

7007 годом от «сотворения мира» датирована разъезжая грамота, зафиксировавшая границу великокняжеской земли Рыбинской с землей Троице-Сергиева монастыря Горбцовым. Поскольку разъезд был произведен по приказу «великого князя Дмитрея Ивановича всея Руси», т. е. Дмитрия-внука, грамота может быть датирована сентябрем–декабром 1498 г. Разъезд начинался «от реки от Еженые», которая упоминается в бежецкой грамоте 30–40-х гг. XV в. Речь, следовательно, идет о землях, с запада прилежавших к Городецку. На разъезде среди восьми наблюдателей присутствовали «сотник городецкой Бык» и «Гридя Павлов, сынъ старого сотника»⁶⁶⁹. Выясняется, что к концу 90-х гг. XV в. сотский в Бежецком Верхе сменился. Вместо действовавшего примерно в 50–70-х гг. XV в. сотского Павла сотским становится Семен Бык⁶⁷⁰. Но не остается забытым и Павел, который назван старым сотником. Только вместо него действует его сын Гридя (Григорий).

Несколько позднее, в 1499/1500 г., представители троице-сергиевых властей в Бежецком Верхе определили границы своих земель с землями Даниила Михайловича Головкина и его сыновей Василия и Кузьмы. Речь шла о Надевском бору и Сукромском лесе, расположенных восточнее троицкого села Присек до р. Остречины⁶⁷¹. На размежевании среди семи послухов были «сотник городецкой Куприян Кузмин сын Кулеберев да старой сотник Бык»⁶⁷². Потерявший должность сотского Бык тем не менее исполнял функции, которые были присущи ему, как сотскому, раньше.

В 1503/1504 г. произошло новое размежевание земель Троице-Сергиева монастыря в Бежецком Верхе. На сей раз разграничивались владения за р. Остречиной, в районе деревни Чудинково. Присланный сопровителем Ивана III его сыном Василием (будущим Василием III) А. И. Мичурин разъехал монастырские земли с землями Григория Матвеевича Головкина. На одном разъезде среди десяти наблюдателей присутствовали «сотник городецкой Бык» и «Онтуш Воробьев в вирицынского место сотника»⁶⁷³. За другим разъездом следили девять свидетелей,

⁶⁶⁶ АСЭИ. Т. III. № 180. С. 196.

⁶⁶⁷ *Маштафаров А. В.* Кашинский Сретенский монастырь в документах XV – начала XVII века // РД. Вып. 3. М., 1998. С. 49. № 1; АСЭИ. Т. III. № 118. С. 155.

⁶⁶⁸ См. выше. С. 340–341, 346.

⁶⁶⁹ АСЭИ. Т. I. № 619. С. 531.

⁶⁷⁰ Имя Быка – Сенька – приведено в разъезжей грамоте от 27 июля 1497 г. См.: Там же. № 613. С. 526.

⁶⁷¹ Там же. № 627. С. 537; *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 171 (карта владений Головкиных в Бежецком Верхе).

⁶⁷² АСЭИ. Т. I. № 627. С. 537.

⁶⁷³ Там же. № 644. С. 562.

но и Семен Бык, и Антон (Онтуш) Воробьев среди них были⁶⁷⁴. Последний подменял вирицынского сотника, однако где находилось Вирицыно (поселение, местность, лес или даже водный объект), неизвестно. Судя по местам размежевания — на восток от р. Остречины. Интересно отметить, что на обоих разъездах присутствовал и Куприян Кузьмин сын Кулеберев, но он упомянут без определения «старый сотник»⁶⁷⁵. Возвращение же на прежнюю должность сотского Быка могло быть связано как с опалой на великого князя Дмитрия-внука, что повлекло пересмотр состава должностных лиц и отставку Куприяна Кулеберева, так и с системой выбора сотских местным населением. Однако за неимением дополнительных данных настаивать на каком-нибудь одном из высказанных соображений не следует.

Белоозеро. Все грамоты, упоминающие сотских на Белоозере, относятся ко времени, когда после смерти в апреле 1486 г. верейско-белозерского князя Михаила Андреевича⁶⁷⁶ Белоозеро перешло от него в руки Ивана III.

Самой ранней грамотой, упоминающей сотских в Белоозере, является выданная в марте 1488 г. Иваном III жалованная уставная грамота жителям г. Белоозера и белозерских станов и волостей. В статье 4 (деление на статьи исследовательское) грамоты указывалось, что при поездке доводчика (судебного чиновника) в станы ему «побора в стану и не брати, имати имъ свои поборъ оу соцкого в городъ»⁶⁷⁷. Очевидно, что в белозерских станах, а грамота называет три таких стана: Городецкий, скорее всего, как будет видно из дальнейшего, связанный с Федосьиным Городком, Напорожский и Заозерский⁶⁷⁸, в функции сотского входил сбор платы доводчикам и выдача ее, но не на месте, а в городе.

Статья 6 грамоты свидетельствует о том, что сотские собирали не только судебные издержки, но и главные поборы в пользу кормленщиков: «А кормы намѣстничьи, и тиуновы, и доводчиковы поборы берут в станѣх сотцкиѣ да платят намѣстником, и тиуном, и доводчиком в городѣ, о Рожестве Христовѣ рождественской кормъ платят, и намѣстником, и тиуномъ, и доводчиковы поборы, а о Петровѣ дни петровьской кормъ платят в городѣ намѣстником, и тиуномъ, и доводчиковы поборы»⁶⁷⁹. Таким образом, именно на сотских возлагались главные обязанности по материальному обеспечению белозерских наместников, их тиунов и доводчиков. Два раза в году, 25 декабря и 29 июня, сотские должны были в г. Белоозере выплачивать кормы и поборы этим лицам. До этого сотские обязаны были собирать нужные выплаты в станах.

Третий, и последний, раз сотские упоминаются в 19 статье уставной белозерской грамоты: «А намѣстником нашим и их тиуном без сотцково и без добрых лю-

⁶⁷⁴ Там же. № 645. С. 562–563.

⁶⁷⁵ Там же. № 644, 645. С. 562, 563.

⁶⁷⁶ ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 217. Михаил Андреевич умер в третью неделю по пасхе. Пасха в 1486 г. была 26 марта. Если в летописной записи имеется в виду третье воскресенье после пасхи, то оно приходилось на 16 апреля.

⁶⁷⁷ АСЭИ. Т. III. № 22. С. 38.

⁶⁷⁸ Там же. С. 40, статья 15.

⁶⁷⁹ Там же. С. 38.

деи и не судити суд»⁶⁸⁰. Выясняется, что без участия сотских был невозможен наместничий или тиунский суд. По грамоте 1488 г. сотские были наделены не только определенными финансовыми прерогативами, но и судебными правами.

Между апрелем 1488 г. и 1490 г. Иван III направил две грамоты «с прочетом» на Белоозеро. Одна грамота адресовалась «на Белоозеро сотнику городскому и всем христианом, и на Городок на Федосьин, и на Въгну, и на Волочек на Слоvensкой, на Ирѣдму, и на Углу, и в Череповесь, и в Кистьнему старостам». Белозерский сотский здесь прямо назван городским. Грамота была ответом на жалобу монахов Кирилло-Белозерского монастыря, которые утверждали, что все перечисленные лица переманивают у них крестьян. Решение великого князя гласило: «И которыи христианин скажется в их серебре виноват, и вы бы их серебро заплатили монастырьское, да их христианина вывезите вон. А хто ся скажет монастырю серебром не виноват, и вы бы по том монастырю в их серебре давали поруку по их воли, кого они знают, а тех бы есте ставили передо мною, перед великим князем на тот же срок, которой срок у вас в моей, великого князя, грамоте в жаловальной писан, Великое заговейно мясное»⁶⁸¹. Такой указ из Москвы не вполне отвечал интересам Кирилло-Белозерского монастыря, поскольку все-таки разрешал сотскому и старостам презывать крестьян из монастырских вотчин, но вносил в механику переязыва (по-видимому, на земли самого Ивана III, с 1486 г. ставшего владельцем Белоозера) достаточно четкие правила. Если с монастырских земель уходили крестьяне, одолжившие серебро у монастыря, но еще не расплатившиеся с ним, то тогда сотскому и старостам предписывалось заплатить крестьянские долги монастырю, а самих крестьян вывезти на княжеские земли. Если крестьяне утверждали, что ничем не обязаны монастырским властям, то их показания должны были подвергнуться проверке: крестьян отдавали сначала на поруки известным в монастыре людям, а затем привозили на суд великого князя в воскресный день перед масленицей (мясное заговенье). Таким образом, городской белозерский сотский выступает в этой грамоте как один из организаторов княжеского хозяйства. Он призывает на княжескую землю людей, в его руках находятся определенные финансовые средства, которыми он мог распоряжаться, расплачиваясь за крестьян — монастырских должников, сотский должен был организовывать поруку и доставку на княжеский суд лиц, отрицавших свою финансовую зависимость от властей Кирилло-Белозерского монастыря. К сожалению, данная грамота не содержит указаний, действовал ли так городской сотский только в городе или еще и в сельской местности.

Вторая грамота «с прочетом» Ивана III предназначалась «на Белоозеро сотнику городскому и всѣм хрестьяном, и на Волочек на Словѣнской, и на Ирѣдму, и на Углу, и в Череповесь, и в Кистьнему старостам и всѣмъ хрестьяном»⁶⁸². Грамота реагировала на жалобу тех же монахов Кирилло-Белозерского монастыря, которые были недовольны тем, что сотский, старосты и все крестьяне посягают на

⁶⁸⁰ Там же. С. 40.

⁶⁸¹ АСЭИ. Т. II. № 276. С. 185.

⁶⁸² Там же. № 277. С. 185–186.

их пахотные и сенокосные земли. Решение Ивана III, отраженное в его указной грамоте, сводилось к тому, что те пашни и сенокосы, которые были в пользовании монастыря до смерти верейско-белозерского князя Михаила Андреевича, должны были оставаться за кирилло-белозерскими старцами, а те пашни и сенокосы, которыми пользовались до кончины того же Михаила Андреевича старосты и крестьяне, должны были оставаться за последними, «доколь ... яз на тѣ земли и пожни своего дозорщыка пошло»⁶⁸³. Из грамоты следует, что городской белозерский сотский нарушал границы монастырских пашенных земель и угодий, перераспределяя их в пользу немонастырских крестьян. Такая деятельность белозерского сотского может свидетельствовать о том, что и переизывы кирилло-белозерских крестьян, о которых говорила предшествовавшая указная грамота, также осуществлялись городским сотским, дававшим этим крестьянам землю в сельской местности.

Несколько раз фигурируют белозерские сотские в уже упоминавшейся «Отводной записной книге» 1491/1492 г. Кирилло-Белозерского монастыря. При отводе земель этого монастыря, расположенных недалеко от него по р. Уломе и у оз. Уломского, присутствовал «Микула Пѣстов соцкои»⁶⁸⁴. Он также был наблюдателем при размежевании кирилло-белозерских земель в волостях Волочке Словенском⁶⁸⁵ и Федосьине Городке⁶⁸⁶, а в Карголоме — вместе с другим сотским Иваном Матшиным⁶⁸⁷. При отводе монастырских земель в волости Кивуе, расположенной на северном берегу Белого озера и числившейся в Заозерском стане⁶⁸⁸, присутствовал «сотцкои заозерскои Бориско Максимов»⁶⁸⁹. Всего в размежевании земель Кирилло-Белозерского монастыря в 1491/1492 г. приняли участие трое сотских, и это число совпадает с числом белозерских станов, указанных в Уставной грамоте Белоозеру 1488 г. Сотский Борис Максимов был «заозерским», т. е. Заозерского стана. Следовательно, Микула Пестов (в ранних грамотах, упоминающих Микулу Пестова, приведено его отчество: «Семеновъ сынъ»)⁶⁹⁰ и Иван Матшин представляли Городецкий и Напорожский станы. Поскольку Микула Пестов присутствовал при разграничении земель в Федосьине Городке, его, по-видимому, следует отождествлять с сотским Городецкого стана. Тогда Иван Матшин должен считаться сотским Напорожского стана. Но как бы там ни было, одно совершенно бесспорно: все три белозерских становых сотских принимали участие как обязательные наблюдатели при проведении больших работ по описанию и

⁶⁸³ Там же. С. 186.

⁶⁸⁴ Там же. № 290. С. 221.

⁶⁸⁵ Там же. С. 225.

⁶⁸⁶ Там же. С. 233, 236, 240. О принадлежности деревни Мигачево к волости Федосьин Городок см.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. С. 92.

⁶⁸⁷ АСЭИ. Т. II. № 290. С. 232. Здесь окончание последнего слова утрачено. Восстанавливается по № 332. С. 314.

⁶⁸⁸ Там же. № 316. С. 292.

⁶⁸⁹ Там же. № 290. С. 244.

⁶⁹⁰ Там же. № 238, 244а.

установлению границ владений в разных волостях Белозерья одного из крупнейших русских монастырей XV в. — Кирилло-Белозерского.

Выше, в разделе о десятских уже приводились некоторые данные, содержащиеся в выданной около 1490–1492 гг. правой грамоте белозерскому Ферапонтову монастырю на располагавшуюся рядом с г. Белоозером слободку Крохинскую⁶⁹¹. Власти Ферапонтова монастыря выиграли спор у жителей Белоозера, которых представляли сотский Иван Обухов, десятский Гридя и еще семь горожан, утверждавших, что Крохинская слобода была «приписана к городу»⁶⁹². При обнаружении приговора судьями первой инстанции Тимофеем Михайловичем Юрло, Михаилом Дмитриевичем Шапкиным и Иваном Головой Семеновым «на суде были сотцкой Иван Матшин, да Микула Пестов сотцкой же, да городской человек Осюта Фомин»⁶⁹³. Данное свидетельство интересно вдвойне. Иван Матшин и Микула Пестов, как было выяснено выше, являлись станowymi белозерскими сотскими. И как таковые они участвуют в суде не только местного наместника или его тиунов, что прокламировала уставная белозерская грамота 1488 г., но и в суде приехавших на Белоозеро представителей великокняжеской власти. В то же время суд идет над сотским города Белоозера, и присутствие в этом суде станowych белозерских сотских свидетельствует о их независимости от сотского городского.

В апреле 1502 г. властями Ферапонтова монастыря была получена правая грамота, согласно которой Крестный наволок при впадении в р. Порозобицу р. Шелекши признавался их собственностью. При вынесении приговора присутствовал «сотцкой Иваш Обухов»⁶⁹⁴. На сей раз городской сотский участвовал в суде, разбиравшем спор о владении в сельской местности.

Вторично Иван Обухов выступил в том же качестве в августе 1502 г., когда состоялся приговор судьи Ивана III Михаила Гневаша Микулина сына Стогинина (с доклада князю В. И. Голенину) о принадлежности леса между реками Сулой и той же Шелекшей не великокняжеским крестьянам, а Ферапонтову монастырю⁶⁹⁵.

Если говорить в целом, то нужно заметить, что белозерские акты содержат уникальный материал о деятельности сотских. Особенно важны положения Уставной белозерской грамоты 1488 г., в законодательном порядке регламентировавшей финансовые и судебные прерогативы сотских. Ценен материал о деятельности городских и станowych сотских, свидетельствующий об их независимости друг от друга и в то же время указывающий на причастность станowych сотских к решению городских дел, а городского сотского — к разграничению земель в сельской местности и переселению крестьян. Материалы, относящиеся к другим центрам, позволяют уточнить и дополнить эту картину.

⁶⁹¹ Там же. № 332. См. выше, с. 303.

⁶⁹² АСЭИ. Т. II. № 332. С. 311.

⁶⁹³ Там же. С. 314.

⁶⁹⁴ Там же. № 336. С. 328.

⁶⁹⁵ Там же. № 337. С. 330.

Вологда. В начале 80-х гг. XV в. вологодский землевладелец Леонтий Злоба Васильев сын Львова купил у Антипы Васильева сына пустошь Минеевскую⁶⁹⁶. Пустошь находилась в вологодской Лоскомской волости⁶⁹⁷. При оформлении купчей присутствовали три послуха, последний из них — «сотцкой Семен Мытцов». Саму же купчую «писал Илеика Семенов сынъ Мытцова сотников»⁶⁹⁸. Очевидно, что речь идет о сотском Лоскомской волости и его сыне. Если присутствие сотского при оформлении сделки может быть истолковано как соблюдение определенной нормы, то привлечение к написанию купчей грамоты двух феодалов сына сотского может расцениваться как случай неординарный, свидетельствующий если не о высоком статусе сотского, то по крайней мере о бытовом признании видного положения его и его семьи со стороны местных землевладельцев.

К Лоскомской волости имеет отношение еще ряд актов. Так, между 1495 и 1505 гг. была составлена купчая грамота на две пожни Утячьего берега р. Лосты, купленные старцем Кирилло-Белозерского монастыря у Семена Мытцова, в 80-х гг. XV в. бывшего лоскомским сотским. Купчую написал «Тимошка соцкой Якимов сынъ Волгина»⁶⁹⁹. В 1498/1499 г. состоялась еще одна покупка пожен на р. Лосте. При оформлении купчей присутствовало пять «мужей». Первым среди них назван «соцкой Тимофѣи Огдокимов сынъ Курдумова», который даже оставил свою подпись на обороте сохранившейся в подлиннике грамоты⁷⁰⁰. Примерно через 4 года, в 1502/1503 г., вновь была совершена сделка по приобретению пожен на р. Лосте. Среди присутствовавших при этом послухов на первом месте назван «сотцкой Иван Голова Васильев сынъ», который расписался на сей раз на лицевой стороне документа⁷⁰¹. Поскольку, как указывалось ранее⁷⁰², земли по р. Лосте входили в состав вологодской Лоскомской волости, всех перечисленных сотских следует относить к лоскомским. Двое из них были свидетелями при совершении сделок, а один даже писал купчую грамоту. Но все сделки не касались крестьян. Покупателями были или чернец Кирилло-Белозерского монастыря, или мелкие вотчинники. За пожни они платили от 5 до 10 рублей.

В вологодской волости Сяма также был сотский. Об этом свидетельствует чрезвычайно редкая льготная грамота, выданная 3 апреля 1493 г. по указу Ивана III и с доклада тиуну сямского волостеля сямским сотским Сидором, «поговоря ... с людьми добрыми с сямляны, з болшими и с меншими», Афанасию и Ивану Фоминым детям на пустошь Гридкину «под двор» с льготами на 12 лет⁷⁰³. Ранее была проанализирована данная грамота от 9 сентября 1495 г. городского вологодского сотского Лукьяна Антипина Федору Ивашкову на участок леса-князщи-

⁶⁹⁶ Там же. № 257. С. 169–170.

⁶⁹⁷ Там же. № 307. С. 263, 265.

⁶⁹⁸ Там же. № 257. С. 170.

⁶⁹⁹ Там же. № 294. С. 250.

⁷⁰⁰ Там же. № 297. С. 255.

⁷⁰¹ АСЭИ. Т. III. № 277. С. 293.

⁷⁰² См. примеч. 233.

⁷⁰³ АСЭИ. Т. II. № 293, С. 249.

ны⁷⁰⁴. Наличие таких грамот свидетельствует о том, что сотские имели право давать жалованные грамоты, они действовали как полномочные представители верховной власти.

В 1499/1500 г. вотчиннику Ивану Сараеву была дана правая грамота на земли его села Сергеевского, бывшие в межах с «великого князя землею черною тяглою Тошенские волости Тартышовские деревни» близ р. Петобоя⁷⁰⁵. На земли села Сергеевского претендовал Ефим Никитин, то ли насельник, то ли владелец деревни Тартышовской⁷⁰⁶. Судья Ивана III Тимофей Иванов сын Микифоров установил, что претензии Ефима неосновательны, и с доклада казначею Дмитрию Владимировичу Овце выдал правую грамоту Ивану Иванову сыну Сараеву. При этом «на обыску были у Тимофея мужи: Онисим Пеструха, да в городского в соцкого место брат его Гридя Васильев сын, да тошенский сотцкой Миша Петров, да Яков Онисимов сын»⁷⁰⁷. Сотские присутствуют при определении владельческой принадлежности земли, причем городского вологодского сотского заменяет его брат, а волостной тошенский сотский принимает участие в обыске сам. Из грамоты делается очевидным, что сотского Лукьяна Антипина, действовавшего в 1495 г., к 1499/1500 г. сменяет в Вологде брат Гридя Васильева, с семьей которого настолько считаются, что великокняжеский судья даже берет себе в помощники при расследовании местного дела брата сотского. С другой стороны, любопытно то, что при сложных делах в волости могли действовать одновременно городской и волостной сотские.

Гороховец. От второй половины 80-х гг. XV в. сохранилась правая грамота, данная с доклада великому князю Ивану Ивановичу Молодому судьей Климентом Наумовым гороховецкому монастырю св. Василия на селища («земли») Горловское, Покровское и Жуковское. У васильевского старца Ивана Вороны право на землю Горловскую оспаривали восемь гороховецких крестьян во главе с Фролом Котовским, который в правой грамоте назывался то сотником, то сотским. Крестьяне утверждали, что земля, которую монастырские власти называли Горловской, на самом деле «земля Хотеновская — великого князя; а пашем ту землю не те перво; а Горловская, господине, земля не то»⁷⁰⁸. Старец Иван Ворона и все восемь гороховецких крестьян были вызваны на суд Ивана Молодого, который присудил не только Горловскую, но и не бывшие в споре Покровскую и Жуковскую земли Васильевскому монастырю⁷⁰⁹.

Где именно находились в Гороховце перечисленные земли, правая грамота не раскрывает. Но сохранилась жалованная льготная грамота, данная в 1497/1498 г. гороховецким волостелем Константином Симанским Гаврилке, Кондратке и Степанке Сенькиным детям Кухмырева на дубраву, луг Болонью на р. Мортке и «де-

⁷⁰⁴ АСЭИ. Т. III. № 275.

⁷⁰⁵ Там же. № 276. С. 290.

⁷⁰⁶ Там же. С. 291.

⁷⁰⁷ Там же. С. 292.

⁷⁰⁸ АСЭИ. Т. II. № 483. С. 523.

⁷⁰⁹ Там же. С. 524.

ревнища» за рекою⁷¹⁰. Братья Кухмыревы — сыновья того крестьянина гороховецкого Васильевского монастыря Сеньки Кухмыря, который в числе других присутствовал на суде Климентия Наумова, выдавшего в 1485–1490 гг. рассмотренную выше правую грамоту Васильевскому монастырю. По-видимому, в последней речь идет о землях близ р. Мортки. Сыновья Семена Кухмыря уходили из-под юрисдикции монастырских властей и переходили, вероятно, в число волостных крестьян, поскольку гороховецкий волостель «дал есми им льготы на десять лет не тянути им с хрестияны с волостными»⁷¹¹. Но прежде, чем выдать новопоселенцам льготную грамоту, Константин Симанский советовался «со Фролком с сотским да с суседы с волостными гороховскими», в числе которых был Родион Коротыгин сын, очевидно, сын того Дмитрока Коротыги, что в 1485–1490 гг. выступал вместе с сотским Фролкой против васильевского старца Ивана Вороны⁷¹². В таком случае делается очевидным, что сотский Фролка обеих гороховецких грамот — одно и то же лицо, сотский Фролка Котовский. По всей видимости, это был гороховецкий волостной сотский, в функции которого входили обязанность следить за использованием великокняжеских земель в Гороховце, их границах и участие в испомещении новых крестьян на этих землях.

Дмитров. В 30–40-х гг. XV в. некий чернец Феодосий и его сын Степан «отвели есмя Федору Одреевичю землю, свою отчину, на Каменке и на Волгуше по Яхрому»⁷¹³. Указание на перечисленные реки ведет к землям Дмитрова, стоявшего на р. Яхроме, р. Волгуше, левому притоку впадавшей в Яхрому Икши, и р. Каменке, другому притоку Яхромы⁷¹⁴. Федор Андреевич — Ф. А. Старко Серкизов, скорее всего, боярин великого князя Василия Дмитриевича⁷¹⁵. Ф. А. Старко Серкизов имел и другие владения в Дмитрове⁷¹⁶. Отводная грамота уступленной Ф. А. Старко Серкизову вотчины чернца Феодосия и его сына Степана была составлена при участии пятерых свидетелей отвода, четвертым из которых был «Ивашко сотник»⁷¹⁷. Был ли Ивашко сотским в г. Дмитрове или сотским в одном из дмитровских станов или волостей, неизвестно. Приходится лишь констатировать факт участия сотского в установлении земельных границ владения, явившегося объектом сделки двух вотчинников.

Между 1486 и 1490 гг. Иван III направил «в Дмитров таможником и мытщиком, сотцкому Шишимору и в Вышегород волостелю Василью Обьеду» грамоту «с прочетом». Названные лица с двух речных судов, принадлежавших Троице-Серги-

⁷¹⁰ Там же. № 489. С. 529. Об этой грамоте см. выше, в разделе о жалованных грамотах.

⁷¹¹ Там же.

⁷¹² Там же. Ср. № 483. С. 522.

⁷¹³ Там же. № 94. С. 56.

⁷¹⁴ Атлас Московской области. С. 27, 40, 41.

⁷¹⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 398.

⁷¹⁶ Там же. С. 406–408.

⁷¹⁷ АСЭИ. Т. II. № № 94. С. 57.

еву монастырю и шедших с рыбой к Троице из Белого озера и с Шексны, «поимали пошлины, а в-ыных деи есте их пошлинах подавали на поруки». Иван III предписал, чтобы «тѣ денги поотдавали назад, а в коих будет ихъ пошлинах подавали на поруки, и вы бы их в тѣх пошлинах с поруки здали. А не имали бы есте съ ихъ судов пошин никаких, а грамот бы есте у них моих великого князя жаловальных не рушили»⁷¹⁸. Из грамоты делается очевидным наличие сотского в самом городе Дмитрове. Этот сотский оказывается причастным к сбору торговых пошин, причем по упоминанию таможенников и мытников следует полагать, что дмитровский сотский определенным образом участвовал во взимании не только собственно торговой пошлины — тамги, но и проезжей торговой пошлины — мыта. Сотский также участвовал в организации поруки — фиксации людей, которые не могли заплатить пошин и называли своих поручителей, отвечавших собственным имуществом за невыполнение финансовых обязательств должников. К сожалению, упоминание в указной грамоте наряду с сотским и других лиц (сборщиков податей и волостеля Вышгорода — дмитровской волости, расположенной южнее г. Дмитрова⁷¹⁹) осложняет вопрос о функциях дмитровского сотского, поскольку из грамоты неясно, что именно должен был делать каждый из адресатов грамоты.

Через несколько лет, примерно в 1490–1500/1501 гг. писец Дмитровского уезда Вас. Мих. Чертенюк-Заболотский выдал властям московского Симонова монастыря правую грамоту на деревни Кузнецово (Кузнечково) и Сорожик (Новое). Эти деревни находились в Берендеевском стане Дмитрова⁷²⁰. В спор с Симоновым монастырем за обладание этими деревнями вступили дмитровские вотчинники И. К., Т. К. и С. К. Булгаковы. В процессе расследования были заслушаны показания берендеевских детей боярских «да волосных людей соцкого Коротня да Полушки Сверчкова, да Михаля Васкова», которые были охарактеризованы как «люди добрые»⁷²¹. Показания были в пользу монастыря, и симоновские старцы выиграли процесс. Свидетель Коротень был, очевидно, берендеевским сотским. Как сотский, он знал, кому принадлежат те или иные земли в Берендееве, а потому был привлечен к тяжбе между духовным и светскими землевладельцами.

Звенигород. В начале 60-х гг. XV в. угличский князь Андрей Васильевич Большой, которому по завещанию его отца великого князя Василия Темного отошел и Звенигород, выдал правую и бессудную грамоту игумену звенигородского Саввина Сторожевского монастыря Евфросину на рыбные ловли в оз. Полецком и в верховьях р. Нары⁷²². Об этих угодьях у властей Сторожевского монастыря шел спор с властями Крутицкого монастыря. В грамоте упоминаются берега Полецкого озера «Осановской да Парютинской», «верьшицо оусть-Нары»⁷²³. На современной карте к юго-западу от Звенигорода в правобережье р. Москвы показано

⁷¹⁸ АСЭИ. Т. I. № 532. С. 409.

⁷¹⁹ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. С. 379.

⁷²⁰ АСЭИ. Т. II. № 406. С. 423.

⁷²¹ Там же.

⁷²² АСЭИ. Т. III. № 55.

⁷²³ Там же. С. 84.

оз. Полецкое, вытекающая из него р. Нара, через несколько километров разливающаяся в Нарские пруды, на юго-восток от оз. Полецкого село Крутицы, а на юго-запад — село Наро-Осаново⁷²⁴. Очевидно, о ловле рыбы в этом районе и велось препирательство между двумя монастырями. На начальном этапе судебного разбора, который вел Дмитрий Давыдович Морозов, среди трех наблюдателей присутствовал «соцкой Иван Сергеев», а на втором этапе, когда интересы Сторожевского монастыря представлял «тивун ихъ Сидоръ», среди четырех послухов на первом месте был назван «сотник оугожской Обрам». Угож — московская волость, относившаяся к Звенигороду и упоминаемая уже в завещаниях Ивана Калиты⁷²⁵, более старая, чем сам Саввин Сторожевский монастырь. Озеро Полецкое и окружающие его земли территориально относились к Угожской волости. Очевидно, что сотский Абрам был волостным сотским. Сотский Иван Сергеев был, скорее всего, сотским того же Угожа, предшественником сотского Абрама. Оба они присутствовали на судебных разбирательствах о владении рыбными промыслами в их волости двумя подмосковными монастырями.

В копии XVII в. сохранилась довольно любопытная данная грамота 40-х гг. XV в., по которой вотчинник Федор Тимофеевич передал Саввину Сторожевскому монастырю «по душе отца моего деревню Самойловскую на Усть-Тростенки, отца своего куплю»⁷²⁶. Река Тростна течет к северо-западу от Звенигорода, вытекает из маленького озера и впадает в Тростенское озеро⁷²⁷. Устьем мог быть назван как исток этой реки, так и место ее впадения. Через несколько десятков лет после сделанного Федором Тимофеевичем вклада, примерно в 70-е гг. XV в., возник спор о принадлежности деревни Самойловской. Результаты судебного разбирательства этого спора были изложены не в особой правой грамоте, как было принято, а в краткой записи на обороте данной грамоты, в чем и состоит любопытная особенность последней. Согласно записи, Иван III оправдал сторожевского игумена Евсевия, «а сотника сурожского Лукьяна Белого и крестьян сурожских ... и во всех сурожан место [велел] обинити, а землю Самойловскую присудить монастырю Сторожевского»⁷²⁸. Сурожик — одна из древнейших волостей Московского княжества⁷²⁹. Из записи следует, что в 70-х гг. XV в. в волости действовал сотский Лукьян Белый, стремившийся у монастырских властей отнять их землю в пользу сурожских крестьян.

Другой сурожский сотский — Митюря Вырыпаев сын — упомянут в более позднем документе. Речь идет о судном списке, данном в 1498/1499 г. с суда писца князя Василия Ивановича Голенина властям московского Чудова монастыря на землю села Лужковского. Эту землю оспаривал у монастыря Кузьма Крюковский, по-видимому, великокняжеский крестьянин. В судном списке, помимо села Луж-

⁷²⁴ Атлас Московской области. С. 71.

⁷²⁵ ДДГ. № 1. С. 7, 9.

⁷²⁶ АСЭИ. Т. III. № 54. С. 82.

⁷²⁷ Атлас Московской области. С. 51.

⁷²⁸ АСЭИ. Т. III. № 54. С. 82.

⁷²⁹ ДДГ. № 1. С. 8, 9.

ковского, упоминаются чудовское село Павловское, великокняжеское село Рождествено и относившаяся к нему деревня Крюковская⁷³⁰. Издатели документа определили, что речь идет о земле близ современного села Павловского «на реке Истре недалеко от поселка Снегири»⁷³¹. Это определение правильно. Оно подтверждается локализацией рядом с Павловским других географических объектов, названных в судном списке. Так, само село Лужковское легко отождествляется с современным селом Лужки, стоящим в 5 км к югу от Павловского в излучине р. Истры. Село Рождествено — находящееся в 13 км к востоку от Павловского село Рождествено. Деревня Крюковская — очевидно, село Крюково в 4 км прямо на восток от Павловского⁷³². Судья князь В. И. Голенин претензии Куземки Крюковского отверг и присудил спорный участок Чудову монастырю, выдав ему и соответствующий документ. При этом на суде В. И. Голенина присутствовали три человека, среди них — «сотской сурожской Митюря Вырыпаев сын», названный на последнем месте⁷³³. Таким образом, отмеченное ранее существование в Звенигороде сотско-го⁷³⁴ сопровождалось наличием сотских и в различных звенигородских волостях.

Коломна. В конце XV в. возник спор между Андреем Пелепелкиным и посельским расположенного в Коломенском уезде митрополичьего села Бисерова Сенькой о принадлежности селища Поповского. Андрей Пелепелкин указывал, что это селище является владением великого князя, а митрополичий посельский утверждал, что Поповское — третье поле села Бисерова. Само село и селище были переданы митрополиту их владельцем Бисером за 50 лет до возникновения спора. Посельский Сенька сослался при разборе дела на старожильцев, среди которых были сотник старый Лазарь и сотник, видимо, действовавший, Степан. Оба они дали показания в пользу посельского, в связи с чем судья, писец великого князя Константин Григорьевич Заболотский, признал иск Андрея Пелепелкина необоснованным и выдал правую грамоту ответчику, митрополичьему посельскому Сеньке. Из грамоты и можно узнать об обстоятельствах дела⁷³⁵. Село Бисерово относилось к Брашевской волости Коломенского уезда⁷³⁶. Отсюда можно заключить, что старый сотский Лазарь и сотский Степан были сотскими коломенской Брашевской волости. Оба они давали показания о владельческой принадлежности одного из селищ этой волости.

Кострома. Примерно в первой половине 60-х гг. XV в. два монаха Троице-Сергиева монастыря прикупили к владениям этого монастыря пустошь Говядовскую и «место варничное оу Соли оу Великие и што х тои земле и х тому месту

⁷³⁰ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. № 8. С. 16.

⁷³¹ Там же. С. 9.

⁷³² Атлас Московской области. С. 53.

⁷³³ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. № 8. С. 18.

⁷³⁴ См. выше с. 306.

⁷³⁵ АФЭ и Х. Ч. I. № 114. С. 106–107.

⁷³⁶ Там же. № 113. С. 105.

варничному потягло истарини»⁷³⁷. Купчая грамота, оформившая сделку, сохранилась в отдельном списке. На обороте списка имеется запись, из которой следует, что на основании купчей «князь велики Иван Вас[и]льевич троецково старьца Ивана Баскакова оправил, а сотника великосольского Ортемка» и еще трех человек обвинил и Говядовскую землю с варничным местом оставил за Троице-Сергиевым монастырем⁷³⁸. Ясно, что суд о принадлежности Говядовской земли состоялся после ее приобретения Троице-Сергиевым монастырем. Однако время этого суда и приговорной записи по нему можно определить лишь приблизительно. Поскольку судебное решение выносил Иван III, можно думать, что это случилось после занятия им великокняжеского стола в 1462 г. В зафиксированном записью титуле Ивана III отсутствует определение «всая Руси», которое стало постоянным с 1485 г.⁷³⁹. Следовательно, суд и приговор по нему состоялись между 1462 и 1485 гг. Тогда в костромской Великосольской волости и действовал сотский Артем, который пытался оспорить право Троице-Сергиева монастыря на владение Говядовской землей и варничным местом в Соли Великой.

Ранее уже говорилось о грамоте с прочетом Ивана III, направленной между 1464 и 1473 гг. «на Кострому наместником моим, и их тиуном, и дворским, и соцким». Речь в ней шла о соблюдении привилегий жителей села Куликовского⁷⁴⁰. Это село было расположено в Минском стане Костромского уезда⁷⁴¹. Сам Минский стан простирался по левому берегу Волги на юго-восток от г. Костромы до устья р. Покши⁷⁴², впадающей в Волгу примерно в 15 км от Костромы. В указной (с прочетом) грамоте фигурировало, следовательно, подгородное костромское село. К нему имели отношение костромские наместники, их тиуны, а также дворские и сотские, но какое — грамота не раскрывает. Неясно также, было ли село Куликовское объектом каких-то действий со стороны сотских костромских городских или сотских становых (волостных) и сколько их было в момент выдачи грамоты. Похоже, что адресаты назывались во множественном числе в расчете на будущее, когда одного наместника или сотского сменял другой, и главное заключалось в общем запрещении должностным лицам названных рангов нарушать права иммунитета — митрополичьего Новинского монастыря, которому принадлежало Куликовское. Такой характер властных распоряжений, естественно, несколько затушевывал реалии тех случаев, которые и вызывали появление указных грамот, а потому позволяет оценивать деятельность сотских не конкретно, а лишь в общем виде.

Между 1473 и 1489 гг. судья Ивана III Иван Сухой выдал правую грамоту митрополичьим крестьянам костромской Вяцкой волости. У них возник спор «с сотником с шаховским с Некрасом с Леоновым». Спор шел о принадлежности

⁷³⁷ АСЭИ. Т. I. № 287. С. 205.

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Кучкин В. А. О времени написания Буслаевской псалтири // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 223–224.

⁷⁴⁰ АФЗ и Х. Ч. I. № 255. С. 220–221.

⁷⁴¹ О местоположении села Куликовского см.: АФЗ и Х. Ч. I. № 258. С. 222.

⁷⁴² Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. С. 386.

селища Павлецово. Сотский Некрас утверждал, что «селищу Павлецово земля великого князя Шаховская, а тянула, господине, та земля к нашей волости к Шахову»⁷⁴³. Митрополичьим крестьянам, жившим в Вяцкой волости, удалось доказать, что эта земля принадлежит им. Вяцкая волость была расположена на юг от Костромы, на правобережье Волги⁷⁴⁴. Очевидно, что волость Шахов, позднее исчезнувшая⁷⁴⁵, находилась рядом. Сотский Некрас Леонов был волостным сотским и посягал на земли соседей-крестьян из другой волости. Любопытно отметить, что на суд самого Ивана III Некрас не явился, а скошенное сено, как выяснилось, на чужой земле, свез в свою волость несмотря на судейский запрет⁷⁴⁶.

Ранее, в разделе, где были разобраны трудные случаи локализации упоминаемых в рассматриваемых грамотах географических мест, было установлено, что датированная 15 мая 1485 г. данная грамота Матрены Сабуровой Троице-Сергиеву монастырю на половину варницы относится к Соли Великой (Большой). При оформлении данной присутствовали четыре послуха. На первом месте среди них назван «сотник Семен»⁷⁴⁷, очевидно, великосольский сотский. Он участвовал в принятии документа, затрагивавшего интересы исключительно землевладельцев.

Между 1485 и 1490 гг. по решению великого князя Ивана Ивановича Молодого великокняжеский судья Иван Котеня выдал правую грамоту властям Троице-Сергиева монастыря на пустошь Тевликовскую, бывшую в споре с крестьянами костромской волости Залешье (Залесской). Староста Залесской волости Андрейка, утверждавший, что спорная пустошь «наша тяглая черная волосная», дополнительно сослался на знахорей — сотского Семена и Степана Понафидина, которые подтвердили, что то «земля волосная тяглая черная Тевликовская; а мы, господине, помним лет за шестдесят»⁷⁴⁸. Несмотря на то, что у монастырской стороны знахорей не оказалось, пустошь присудили ей. Сотский Семен, скорее всего, являлся сотским той же Залесской волости. Любопытно, что он действует вместе со старостой. Это может свидетельствовать о том, что или сотский со временем уступал свои функции старосте, или в волости одновременно действовали и сотский, и староста, представлявшие разные группы волостного населения.

Вероятно, после 7 марта 1490 гг. судья Микула Коробьин рассматривал жалобу властей Троице-Сергиева монастыря на трех крестьян Ивана III, которые поставили три однодворных деревни на земле троицкого села Поемечье⁷⁴⁹. Село это

⁷⁴³ АФЗ и Х. Ч. I. № 261. С. 234.

⁷⁴⁴ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. С. 385.

⁷⁴⁵ В перечне костромских волостей и станов Ю. В. Готье ее не называет. См.: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. С. 385–386.

⁷⁴⁶ АФЗ и Х. Ч. I. № 261. С. 234.

⁷⁴⁷ АСЭИ. Т. I. № 515. С. 390.

⁷⁴⁸ Там же. № 525. С. 403–404.

⁷⁴⁹ Там же. № 540. С. 418. В данном издании грамота датирована 1488–1490 гг., очевидно, по аналогии с тремя другими грамотами, зафиксировавшими судебные разбирательства, касавшиеся владений в Нерехте Троице-Сергиева монастыря, Микулы Коробьина (Там же. № 537, 538, 539). В перечисленных грамотах судьей высшей инстанции выступал великий князь Иван Иванович Молодой, скончавшийся 7 марта 1490 г. Поэтому датировка

находилось в костромской Нерехотской волости⁷⁵⁰. Крестьяне указывали, что спорную землю им дал слободчик Аверкий Клоков. Речь, очевидно, шла о заведении в Нерехте новой великокняжеской слободы. Аверкий Клоков подтвердил слова обвиненных крестьян, что землю давал им он. При этом слободчик сообщил, что точных сведений о принадлежности участков не имел, а исходил из слов прежнего насельника Якуша Карача, который «нынеча ... изшол», но перед уходом сообщил, что «то земля великого князя»⁷⁵¹. В итоге монастырь дело выиграл. При первом судебном разбирательстве, когда давали показания истец и ответчики, а также их свидетели, «на суде были мужи: сотский нерехотской Федко Торопыня» и еще четыре «мужа» и трое «сельских хрестиян»⁷⁵². Федор Торопыня был волостным сотским, но не он защищал интересы великокняжеских крестьян. Это делал слободчик, поскольку эти крестьяне имели особый статус в Нерехотской волости. Сотский только присутствовал в суде низшей инстанции. На окончательный разбор дела, который вел Дмитрий Владимирович Овца, Федор Торопыня приглашен не был.

Еще одно упоминание нерехотского сотского относится уже к началу XVI в. Сохранился судный список костромского писца Григория Романовича Застолбского, данный около 1501/1502 г. властям Троице-Сергиева монастыря на место для варничных дров в Нерехте⁷⁵³. До этого троицкий старец Гавриил пожаловался на некоего Клима Безгачего, который «отсвоил сее зимы» монастырское кладище «и дрова на нем свои учял класти». Ответчик Клим заявил, что «кладище изстарины земля великого князя черная тяглая; а мне, господине, дал то кладище старой сотской Панфил класти дрова, за пусто»⁷⁵⁴. Однако названные Климом четыре свидетеля показали, что старый сотский Анфим, а не Панфил, указал Климу класть дрова совсем в другом месте. В результате Клим Безгачий был об-

этих трех грамот временем между 1488 и 1490 гг. возражений не вызывает, тем более что во всех них косвенно упоминается троицкий игумен Афанасий, настоятельствовавший в монастыре в 1488–1490 гг. (Там же. С. 414 и примечания, 416, 418). Но в грамоте № 540 судьей высшей инстанции выступает Дмитрий Владимирович Овца и не упоминается игумен Афанасий. В грамотах 1488–1490 гг. в суде Микулы Коробьина участвуют «становщик нерехотской Панфил да Полута Сокольников, да Душа, да Логова» (№ 537. С. 414), «становщик нерехотской Панфил да Душа соловар, да Щетина, да Логин соловар» (№ 538. С. 416), «становщик нерехотской Панфил да Логова, да Полута Сокольников» (№ 539. С. 418). Грамота № 540 называет иной состав суда Микулы Коробьина: «сотский нерехотской Федко Торопыня да Павел Душа Терентиев сын, да Олеша Полутин, да Михаль Доронин, да Олфер Парфенов» (С. 419–420). Вместо становщика в этой грамоте назван сотский, остается тот же Душа, но вместо Полуты Сокольникова назван его сын Алеша Полутин. Очевидно, что грамота № 540 должна датироваться более поздним временем, чем грамоты № 537–539.

⁷⁵⁰ Там же. № 369. С. 269.

⁷⁵¹ Там же. № 540. С. 418, 419.

⁷⁵² Там же. С. 420.

⁷⁵³ Там же. № 640. С. 553–554.

⁷⁵⁴ Там же. С. 553.

винен, и дело выиграл троицкий старец Гавриил⁷⁵⁵. Таким образом, выясняется, что нерехотский сотский все-таки распоряжался черной тяглою землей, но в данном случае не пахотной, а землей для складирования дров. Иными словами, сотский мог участвовать и в организации промыслов, в частности, такого, как солеварение.

Обращает на себя внимание имя старого сотского, названное Климом Безгачим, — Панфил. Человек с таким именем в Нерехте был известен. Это действовавший в 1488–1490 гг. становщик Панфил⁷⁵⁶. Его функции были такими же, как и у действовавшего позднее нерехотского сотского Федора Торопыни. А люди, присутствовавшие вместе с Панфилом на суде Микулы Коробьина по земельным тяжбам, давали показания как старожильцы, знавшие о принадлежности спорного варничного кладища, и на суде 1501/1502 г. Г. Р. Застолбского. Это Павел Душа и Шетина Онисимов⁷⁵⁷. Приведенные данные дают определенные основания считать Панфила сотского и Панфила становщика одним и тем же лицом. Возможно, что Панфил был сначала становщиком, а потом стал сотским. Но возможно, что сотский и становщик — два взаимозаменяемых термина, обозначавших один и тот же статус человека. Если так, то интересно свидетельство нерехотского старожильца Ивана Федотова, утверждавшего на суде Микулы Коробьина, что «становщик, господине, Панфил те земли все помнит, да не говорит; а становое держит лет з дватцать»⁷⁵⁸. Если становщик — это сотский, то данное свидетельство является весьма редким прямым указанием на продолжительность деятельности сотского.

Малоярославец. От времени правления великого князя Василия Васильевича сохранилась одна любопытная докладная разъездная грамота. Великокняжеский разъездчик Василий Андреевич должен был размежевать землю «княгинину Офросинию Илеменьскую з великого князя з землями зъ Боболью, съ Турьими горами, съ Ловышиною»⁷⁵⁹. Село и волость Илемна входили в число верейских поселений и волостей. В свое время Илемна принадлежала дмитровскому князю Петру Дмитриевичу, родному дяде Василия II, а после смерти Петра в 1426 г. — его вдове княгине Евфросинии⁷⁶⁰. Именно эта княгиня и имела в виду в докладной разъездной грамоте Василия Андреевича. Боболь, Турьи горы, Ловышина — названия располагавшихся в бассейне р. Лужи, левого притока Протвы, т. н. лужевских волостей, принадлежавших в конце XIV — начале XV в. серпуховскому князю Владимиру Андреевичу⁷⁶¹. Позднее эти волости стали определяться не по р. Луже, а по основанному на этой реке городу Ярославцу, названному так в честь третьего сына Владимира Андреевича Серпуховского князя Ярослава-Афанасия и

⁷⁵⁵ Там же. С. 554.

⁷⁵⁶ См. выше, примеч. 338.

⁷⁵⁷ АСЭИ. Т. I. № 640. С. 554.

⁷⁵⁸ Там же. № 539. С. 418.

⁷⁵⁹ Там же. № 257. С. 185.

⁷⁶⁰ Там же. № 342. С. 250; № 345. С. 252; № 534. С. 410.

⁷⁶¹ ДДГ. № 17. С. 47.

впоследствии переименованному в Малоярославец. При размежевании земель княгини Евфросинии и великого князя Василия Васильевича не обошлось без земельных споров. Они начались в Ловышине. Интересы дмитровской княгини представлял Микула Парфеньев, интересы великого князя — «сотник ловышинской Оульян съ сваею братьею», в число которых включили и «Павлика Юдина сына сотникова». Споры были вынесены на суд великого князя, который присудил спорящим сторонам «поле», т. е. решение разногласий с помощью оружия. Тогда княгиня Евфросиния отказалась от «поля» и от спорных земель, оставив все на «душахъ на тѣх сотницѣх...на боболском сотницѣ...да на турейском сотницѣ на Якушѣ...да на ловышинском сотникѣ на Ульянѣ»⁷⁶². Таким образом, выясняется, что все три великокняжеские волости, с которыми граничила волость Илемна, имели сотских, в обязанность которых входило знание границ их волостей. Ловышинский сотский Ульян и его знахори показали, что спорною землею они владели уже 40 лет⁷⁶³. Это дает основания полагать, что Ловышина и две другие лужевские волости, ранее принадлежавшие Владимиру Серпуховскому и завещавшиеся им своей жене, по меньшей мере к 1422 г. оказались в руках московских великих князей, поскольку великий князь Василий Васильевич скончался в 1462 г. Были ли сотские в Ловышине, Буболе (Боболе) и Туржих горах при Владимире Серпуховском, или они появились там после перехода волостей в руки московских великих князей, сказать трудно. Однако у ловышенского сотского Ульяна, судя по упоминанию Павлика Юдина сына сотникова, явно были предшественники.

Около 1484–1485 гг. князь Михаил Андреевич Верейский и Белозерский дал межевую грамоту игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию, которая зафиксировала границы между монастырским селом Передолом и принадлежавшими князю Михаилу Репенской и Угодской землями. При разграничении владений упоминаются селище Репенское, р. Дирична и р. Протва, в которую впадала Дирична. Эти ориентиры указывают на район левобережья р. Протвы на восток от Малоярославца, где известны левый приток Протвы р. Дирична (Дырышна) и протекавшие поблизости от нее р. Репинка и р. Уготка⁷⁶⁴. На произведенном дьяком князя Михаила Белозерского Иваном Циплей разъезде присутствовало пять человек. Последними названы «сотник угоцкой Игнат Леванидов, сотник репенской Олешка Васюков»⁷⁶⁵. Те же люди были на расспросе у князя Михаила Андреевича, который после беседы с ними утвердил разъездную грамоту. Как и в предыдущем случае, сотские участвовали в определении границ тех волостей, которые они представляли, а кроме того, свидетельствовали о правильности размежевания перед своим князем.

Примерно через десять лет после проведенного размежевания на передольских лугах Троице-Сергиева монастыря, расположенных по р. Протве, стали пасти

⁷⁶² АСЭИ. Т. I. № 257. С. 186.

⁷⁶³ Там же.

⁷⁶⁴ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976. С. 93.

⁷⁶⁵ АСЭИ. Т. I. № 504. С. 384.

свои коровьи и конские стада князя Михаил и Федор Ивановичи Лыкова и их родственники князя Иван и Александр Васильевичи Кашины⁷⁶⁶. Из Троицы великому князю Ивану III посыпались жалобы на потравы. Однажды монастырским властям даже удалось захватить на своих лугах 42 лошади князей Лыковых и Кашиных. В сопровождении понятых людей лошади были отведены на монастырский двор в Передоле⁷⁶⁷. Среди восьми понятых был и «Карп, сотник передолской»⁷⁶⁸. В сентябре 1496 г. приехавший в Передол судья Ивана III Владимир Гаврилович Зверев допросил понятых, в первую очередь Карпа сотского, которые подтвердили историю с арестом княжеских лошадей. При этом на суде В. Г. Зверева был «сотник репенской Олеша Васильев сын Пяткин» и еще два «мужа»⁷⁶⁹. Очевидно, что репенский сотский Олеша Васильев сын Пяткин — одно лицо с репенским сотским Олешкой Васюковым грамоты 1484–1485 гг. Олеша исполнял должность сотского более десяти лет. Он присутствовал не только при размежевании земель, но и при суде по уголовному делу, проводимому приезжим московским великокняжеским судьей. Само дело закончилось приговором князя И. Ю. Патрикеева, обвинившего князей Лыковых и Кашиных в потраве и предписавшего взять с них штраф в пользу монастыря и в пользу судьи⁷⁷⁰.

Вероятно, в том же 1496 г. В. Г. Зверев разбирал еще одну жалобу властей Троице-Сергиева монастыря. На сей раз монастырь жаловался на князя Ивана Глупого Константиновича Оболенского, который пахал селище Зеленево. Троицкий старец Исайя утверждал, что это селище являлось частью земли их села Почапа. Село Почап было расположено близко от упоминавшегося выше села Передола. По данным начала XVI в., оба они входили в состав волости Заячков⁷⁷¹. Местоположение же волости Заячков определяется по относившемуся к этой волости селу Тарутинскому (Тарутину)⁷⁷², ставшему широко известным в войну 1812 г. Князь Иван Оболенский доказывал принадлежность ему селища Зеленево свидетельствами своих старожильцев. Троицкий старец Исайя ссылался на документы и также на свидетельства старожильцев. Среди последних был «Карпъ сотник передолской»⁷⁷³. Он известен по предшествующему документу, согласно которому был понятым при аресте конского стада князей Лыковых и Кашиных и свидетельствовал о потраве передольских лугов. На сей раз вместе с «человеком добрым» Никоником сотский Карп показал следующее: «мы...приѣжжали есмь, господине, ис Передоля с поселским с троецким съ Есипом с Мошниным на Почяп в мужѣх многожды; и то, господине, селищо Зеленево косили и орали на манастырь почяпские хрестьяне; а лѣс, господине, сѣкли и береста драли на деготь,

⁷⁶⁶ Там же. № 604. С. 500–501.

⁷⁶⁷ Там же. С. 501.

⁷⁶⁸ Там же. С. 502.

⁷⁶⁹ Там же.

⁷⁷⁰ Там же. С. 502–503.

⁷⁷¹ Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 135. С. 132.

⁷⁷² ДДГ. № 80. С. 315.

⁷⁷³ АСЭИ. Т. I. № 607. С. 506.

докладывая поселского монастырского; а тому, господине, боле дватцати лѣтъ»⁷⁷⁴. Из этих показаний выясняется, что передольский сотский не принимал участия в сугубо монастырских делах; в частности, заготовки дров и бересты для производства дегтя производились с разрешения не его, а передольского монастырского поселского. Но при решении разного рода конфликтов или при проведении общезначимых мероприятий сотский вместе с поселским приезжал в Почап «в мужѣх» многократно. Сотский Карп хорошо знал местную обстановку, знал, кто косил и пахал спорную землю селища Зеленева, как осваивался близлежащий от Почапа лес. Он это наблюдал в течение более 20 лет. Вполне вероятно, что все эти годы он и пребывал в должности сотского. При судебном разбирательстве, которое вел Владимир Зверев, присутствовали четыре «мужа». Первым среди них назван «Алекси, сотник уготцкой»⁷⁷⁵. Это новый сотский по сравнению с уготским сотским Игнатом Леванидовым проанализированной ранее межевой грамоты 1484–1485 гг. Однако и новый уготский сотский Алексей действует примерно так же, как старый: он присутствует при размежевании границ владений, правда, не собственной Уготской волости, а соседней Передольской.

В октябре 1505 г. разъездчиком Ивана III Борисом Федоровичем Челищевым была выдана разъезжая грамота властям Троице-Сергиева монастыря на межи села Ражкова, принадлежавшего князю Ивану Васильевичу Шемячичу, и монастырского села Почап. При разъезде присутствовали представители князя Ивана Шемячича, в частности его боярин Григорий Федорович Износков, дети боярские и крестьяне великого князя, а также представители «хрестиян Сергиева монастыря»⁷⁷⁶. Последним среди них назван «сотник Гридя Ортемов сын»⁷⁷⁷. Сотским какой административной единицы был Гридя (Григорий) Артемов, установить не удастся. Если он был человеком Троице-Сергиева монастыря, то он мог быть передольским или даже почапским сотским. Однако его упоминание в самом конце списка присутствовавших при разъезде лиц наталкивает на мысль, что Гридя Артемов не принадлежал к числу крестьян Троице-Сергиева монастыря (в противном случае его имя в помещенном в грамоте перечне должно было стоять выше, он не мог быть последним лицом среди монастырских «хрестиян»), а если так, то он мог быть сотским и какой-то соседней с Почапом волости.

Можайск. От времени XV — начала XVI в. сохранился единственный документ, в котором сотский одной из Можайских волостей назван по имени. Речь идет о подписанном судебном списке, выданном в июле 1504 г. с доклада Якову Захарьевичу Кошкину судьей Иваном Оксентьевым властям московского Симонова монастыря. Судное дело возникло из-за споров о принадлежности луга и леса Усошской волости, прилегавших к землям села Ватолинского, которым владел Симонов монастырь, и к землям деревни Филипковской, считавшейся деревней великого кня-

⁷⁷⁴ Там же.

⁷⁷⁵ Там же. С. 509.

⁷⁷⁶ Там же. № 659. С. 584–585.

⁷⁷⁷ Там же. С. 585.

зя⁷⁷⁸. Земли села Ватолинского позднее входили в состав волости Усохи и стана Берестова Можайского уезда⁷⁷⁹. Они располагались по дороге из Можайска в Рузу⁷⁸⁰ и на р. Исконе⁷⁸¹, левом притоке Москвы, примерно в 8–10 км к северо-востоку от Можайска⁷⁸². Судное дело 1504 г. выиграл Симонов монастырь. На суде у Ивана Оксентьева присутствовали шесть человек. Первым из них назван «Усошские волости сотник Федос»⁷⁸³. Участие сотских в подобных делах фиксировалось различными грамотами, относившимися и к другим административным центрам. Но в данном случае интересно то, что истцы — крестьяне Усошской волости — называли спорную землю землей великого князя, но не называли ее черной. Возможно, именно поэтому сотский Федос не оспаривал эту землю у властей Симонова монастыря, а только присутствовал при разборе дела судьей низшей инстанции.

Москва. К московским волостям и станам относится наибольшее число грамот из рассматриваемой группы — 16. Самой ранней является меновная грамота, составленная в 1455 или в 1456 г., в которой зафиксирован обмен пустоши Ионкинской, принадлежавшей Троице-Сергиеву монастырю, на пустошь Белухинскую и селище Хриповское, которыми владел серпуховско-угличский князь Василий Ярославич⁷⁸⁴. Поскольку обмен с властями Троице-Сергиева монастыря был произведен радонежским волостелем князя Василия Ярославича⁷⁸⁵, делается очевидным, что обмененные земли находились в старинной московской волости Радонеж. При написании меновной присутствовали семь послухов. Среди них на пятом месте указан «Логинко сотник»⁷⁸⁶, которого следует считать радонежским сотским. В качестве свидетеля он привлекался при составлении документа, оформившего обмен землями в волости между ее владельцем-князем и монастырем. Сохранился противень рассмотренной грамоты, составленной не для Троице-Сергиева монастыря, а для князя Василия Ярославича. Естественно, там тоже был указан «Логинко сотник»⁷⁸⁷.

Примерно в 1455–1462 гг. троицкий старец Макарий купил в костромском Верхнем Березовце у И. П. Захарьина деревню Оглоблинскую. Среди четырех послухов, присутствовавших при составлении купчей грамоты на деревню Оглоб-

⁷⁷⁸ АСЭИ. Т. II. № 428. С. 468.

⁷⁷⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. № 68. С. 80; № 70. С. 81. В работе Ю. В. Готье указан единый стан Исох и Берестов, но это позднее образование и название. См.: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. С. 388. № 10.

⁷⁸⁰ Там же. № 68. С. 80.

⁷⁸¹ Там же. № 213. С. 258.

⁷⁸² Атлас Московской области. С. 69.

⁷⁸³ АСЭИ. Т. II. № 428. С. 469.

⁷⁸⁴ АСЭИ. Т. I. № 255. С. 184.

⁷⁸⁵ Там же. № 256. С. 185.

⁷⁸⁶ Там же. № 255. С. 184.

⁷⁸⁷ Там же. № 256. С. 185.

линскую, был и «Манатья сотъцкии»⁷⁸⁸. Поскольку купленная деревня находилась в Верхнем Березовце, можно было бы думать, что Манатья — сотский верхнеберезовецкий. Однако покупатель деревни Оглоблинской старец Макарий записал в своей купчей, что «купил есмь ея на Москвѣ». Это маленькое уточнение существенно меняет дело. Делается понятным, почему в числе послухов были казначей Ивана III Евстафий Аракчеев, а также великокняжеский судья и разъездчик Иван Харламов⁷⁸⁹. Очевидно, Манатья был сотским не в костромской волости, а в Москве или в одной из московских волостей. Надо признать, что его статус был достаточно высоким, если его наряду с великокняжескими чиновниками пригласили в свидетели при совершении в Москве сделки, относящейся к далекой костромской деревне.

Около 1463 г. московский Симонов монастырь получил две правые и одну разъездную грамоты. Правые грамоты были выданы великокняжеским судьей Яковом Шацевальцевым с доклада Ивану III. Первая из них подтверждала права Симонова монастыря на земли Власовскую и Левину, относившиеся к монастырскому селу Былову (Быловскому). На эти земли претендовали числяки (численные люди — особая категория великокняжеских служных тяглых людей), которые старались доказать, что спорная земля «великого князя, а наша численная»⁷⁹⁰. Иван III как верховный судья решил дело в пользу монастыря. На суде Якова Шацевальцева, который происходил на спорной земле, присутствовали четыре человека. На первом месте среди них был назван «сотцкой Федор Левской»⁷⁹¹.

Вторая правая грамота Якова Шацевальцева касалась принадлежности селищ Куземки Чететкина и Дернкова. Некие Корнилко и Ивашко, судя по косвенным данным, великокняжеские становые крестьяне, утверждали, что оба селища — «земля великого князя становая, истарины, тяглая». Власти Симонова монастыря доказывали, что эти селища они получили в качестве вклада от Тимофея Дыбина и Василия Михайловича Морозова. Оба селища относились к монастырскому селу Былову⁷⁹². Иван III, от которого зависело окончательное решение, принял сторону монастыря. И здесь на суде Якова Шацевальцева был «сотцкой Федор Левской» и еще пять человек, в том числе «Рука числяк»⁷⁹³, который в предыдущей правой грамоте был среди тех численных людей, что тягались с Симоновым монастырем за земли Власовскую и Левину.

Наконец, разъездная грамота была получена Симоновским монастырем от разъездчика Григория Перфушкова, отмежевавшего селище Влазневское симоновского села Былова от Макаровского селища, которым владел числяк Алексейко. Граница между этими двумя селищами частично шла по пути, «который идет от Былова к Шахову». При размежевании присутствовали симоновский архимандрит

⁷⁸⁸ Там же. № 266. С. 193.

⁷⁸⁹ Там же; Указатель личных имен к т. I АСЭИ.

⁷⁹⁰ АСЭИ. Т. II. № 374. С. 368.

⁷⁹¹ Там же. С. 370.

⁷⁹² Там же. № 375. С. 371.

⁷⁹³ Там же. С. 374.

Антоний, старец Макарий и сам числяк Алексеико. А с разъездчиком Григорием Перфушковым было четверо «великого князя мужей», среди которых первым был назван «Федор Левской сотцкой»⁷⁹⁴. То, что село Былово граничило с землями какого-то великокняжеского стана, ясно из свидетельств второй правой грамоты Симонову монастырю Якова Шацебальцева. Из данных 20-х гг. XVI в. выясняется, что этим станом был Шахов⁷⁹⁵. Селения Былово и Шахово сохранились до сих пор. Они находятся в верхнем течении р. Пахры, близ ее левого берега на расстоянии примерно 3 км друг от друга, недалеко от села Красная Пахра⁷⁹⁶. Очевидно, что сотский Федор Левский был сотским Шахова стана. А поскольку он был не волостным, а становым сотским, присутствовавшим при судебном выяснении принадлежности к стану селищ Куземки Чететкина и Дернкова, делается вероятным, что он являлся шаховским становщиком, но в документах определялся как сотский.

О разводной грамоте 1468–1478 гг. великой княгини Марии Ярославны, зафиксировавшей границы ее села Озерецкого с землями Ивана Травина, уже шла речь выше, при рассмотрении трудных случаев локализации упоминаемых в грамотах географических объектов. Выяснилось, что сотский Манатъя, в числе других лиц присутствовавший при размежевании владений, действовал на московской территории. Следует напомнить, что на московской территории действовал и сотский Манатъя — послух купчей 1455–1462 гг. на деревню Оглоблинскую в костромском Верхнем Березовце. Близкое время двух документов (возможная разница в их написании колеблется от 6 до 23 лет), одинаковость редкого личного имени, тождество должностей позволяют видеть в сотских Манатъях грамот одно лицо. Ю. В. Готье отмечал, что село Озерецкое, позднее ставшее дворцовым, входило в пределы древнего стана Манатъяина, Быкова и Коровина. Этот стан образовался во второй половине XVI в., слившись из указанных первоначальных трех станов в один, но с тройным названием. Впервые же Манатъяин стан как отдельная административно-территориальная единица упоминается в 1504 г.⁷⁹⁷ Поскольку сотский Манатъя в 1468–1478 гг. действовал на той территории, которая несколько позднее стала называться Манатъяиным станом, следует полагать, что стан получил свое название по имени этого сотского. А в таком случае надо признать, что сотский и становщик были одним лицом, сотский выполнял функции становщика.

Примерно в 1474–1475 гг. разъездчик Ивана III Дмитрий Очи размежевал земли села Муромцева, принадлежавшего Троице-Сергиевскому монастырю, и великокняжеской деревни Костковской, лежавшие в старой московской волости Корзнев. За разъездом Дмитрия наблюдали семь человек: корзневский волостель, сын боярский, «сотник корзневской Овсяник Михалев Ядров» и еще четве-

⁷⁹⁴ Там же. № 376. С. 374.

⁷⁹⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря. № 17. С. 24.

⁷⁹⁶ Атлас Московской области. С. 93, 94.

⁷⁹⁷ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. С. 389. № 3; С. 390. № 20; ДДГ. № 95. С. 390.

по лиц⁷⁹⁸. Сотский следил за правильностью проведения границ великокняжеских и монастырских владений.

Несколько позднее, в 1478–1485 гг., тот же Дмитрий Очи вновь размежевал великокняжеские земли и земли Троице-Сергиева монастыря села Климентиевского, на сей раз в волости Радонеж. На разъезде присутствовали девять человек. Третьим назван «Михаль, сотник радонежской»⁷⁹⁹. И в данном случае волостной сотский наблюдает за правильностью размежевания великокняжеских и монастырских владений.

Между 1490 и 1498 гг. великокняжеский судья Василий Никитич Пушкин с доклада князю Ивану Юрьевичу Патрикееву выдал правую грамоту московскому Симонову монастырю на участок леса к селу Ивановскому, который посеял и засеял Никоник Шаблыкин. Село это стояло близ р. Востодни и относилось к Горетову стану Московского уезда⁸⁰⁰. На суде В. Н. Пушкина, проводившегося на спорной земле, присутствовали «Иван сотцкой Лугинин» и еще четыре человека⁸⁰¹. Очевидно, Иван Лугинин был сотским Горетова стана. В его обязанности входило знание границ находившихся в стане владений.

В 90-х гг. XV в. Симонов монастырь получил еще две правые грамоты, но уже на другие земли. В 1494 г. судья Чубар Федорович Безобразов дал монастырским властям правую разъездную грамоту, зафиксировавшую границу между симоновской деревней Коробовской и селом Сиротинским, принадлежавшим маленькому Ивану Остафьеву сыну Сиротина, за которого действовал его отчим Иван Михайлов сын Тверитин⁸⁰². На разъезде Чубара Безобразова присутствовали семь человек. Вторым назван «сотцкой Болобан Лебедев»⁸⁰³.

В другой правой грамоте Симонову монастырю, выданной между 1494 и 1499 гг. судьей Василием Чубаровым сыном Безобразовым с доклада И. Ю. Патрикееву на пожни ставшего уже сельцом, а не деревней, Коробовского, бывшие в споре с вотчинником Андреем Оклячевым, отмечено, что на суде В. Ч. Безобразова было пять человек, а первым из них — «сотцкой Болобан Лебедев»⁸⁰⁴.

Наконец, межевая выпись тех же 1494–1499 гг. на границу симоновского сельца Коробовского и Скитовской деревни Андрея Оклячева зафиксировала, что «коли Василей Чубар межу клал и ямы копал, а туто был сотцкой Болобан Лебедев» и еще семь человек⁸⁰⁵. Ранее было выяснено, что земли деревни, а затем сельца Коробовского находились в Ратуеве стане Московского уезда, располагавшемся к востоку от современного города Подольска. Болобана Лебедева следует считать сотским Ратуева стана. Он присутствовал при разбирательствах, касав-

⁷⁹⁸ АСЭИ. Т. I. № 425. С. 314.

⁷⁹⁹ Там же. № 468. С. 356.

⁸⁰⁰ АСЭИ. Т. II. № 405. С. 417.

⁸⁰¹ Там же. С. 420.

⁸⁰² Там же. № 409. С. 429.

⁸⁰³ Там же. С. 430.

⁸⁰⁴ Там же. № 411. С. 440.

⁸⁰⁵ Там же. № 412. С. 442.

шихся границ коробовских земель, и при их размежевании, причем дело шло о владениях монастыря и его соседей-вотчинников.

Во второй половине 90-х гг. XV в. разгорелся жаркий спор между властями Троице-Сергиева монастыря и неким Степаном Дорогою о селище Козлово в волости Корзенева. Обе стороны имели документы на владение этим селищем, и судье Ивану Кузьмину пришлось решать нелегкую задачу, определяя принадлежность Козлова. Послухи с обеих сторон не соглашались друг с другом и давали разноречивые показания. Тогда троицкий старец Ефрем, представлявший интересы монастыря, посоветовал судье: «Опричь, господине, знахорей, спроси сотника и хрестьян всех Корзенева волости, что то селище изстарини Козлово манастырская земля»⁸⁰⁶. Судья Иван Кузьмин внял совету и «вспросил сотника корзенева Ариста да и хрестьян Корзенева ж волости старожильцев»: «Скажите, брате, в божую правду, чья то земля, на которой стоим, изстарини селище Козлово?». Сотский Арист и шесть старожильцев заявили следующее: «Мы, господине, того не ведаем, куды то селище Козлово тянуло изстарини; а как, господине, запомним, ино то селище Козлово — манастырское, а тянет к селу к Муромцову к манастырскому с 60 лет»⁸⁰⁷. Уникальность ситуации заключалась в том, что сотский Арист вместе с другими шестью «мужами» присутствовал на судебном разбирательстве Ивана Кузьмина⁸⁰⁸, но в то же время должен был давать показания по разбираемому делу, причем показания не в пользу волости (по свидетельству знахорей Степана Дороги, «та земля селище Козловское великого князя изстарини Корзенева волости оброчная»⁸⁰⁹), а в пользу монастыря, которые и склонили чашу весов в пользу одной из сторон. Монастырская сторона выиграла процесс.

Около 1498/1499 г. Симонов монастырь от писца князя Василия Ивановича Голенина получил правую грамоту на деревню Положимолотовскую. За право обладать этой деревней с Симоновым монастырем спорил Ивашко Собака, но тяжбу проиграл, потому что его знахори подтвердили факт давнего владения Положимолотовской деревней монастырем, причислившим ее к своему селу Ивановскому⁸¹⁰. На суде у князя В. И. Голенина присутствовали три человека, среди которых последним назван «соцкой Ивашко Лугинин»⁸¹¹. Это уже упоминавшийся сотский московского Горетова стана Иван Петров сын Лугинин⁸¹².

В 1501/1502 г. писец Александр Алексеев сын Бобошин дал властям Симонова монастыря разъезжую грамоту, устанавливавшую границу монастырской деревни Малаховской «с великого князя землю с становою Савастьяновской дерев-

806 АСЭИ. Т. I. № 595. С. 492.

807 Там же. С. 493.

808 Там же. С. 493, 494.

809 Там же. С. 492.

810 АСЭИ. Т. II. № 421. С. 457–458.

811 Там же. С. 458.

812 Там же. № 370. С. 365 (здесь приведено отчетство Лугинина).

ни»⁸¹³. На разъезде А. А. Бобошина присутствовали десять человек, список которых возглавил «великого князя сотцкой Иван Федоров сын Хомутов»⁸¹⁴. По данным начала XVI в., симоновская деревня Малахово относилась к Пехорскому стану Московского уезда⁸¹⁵. Следовательно, Иван Хомутов был сотским московского Пехорского стана и как таковой фиксировал правильность разграничения монастырских и станových земель.

Переяславль. Около 1474–1475 гг. Троице-Сергиев монастырь получил грамоту с доклада Ивану III судьи Ивана Васильевича Ощеры Сорокоумова-Глебова на селище Кровопусковское⁸¹⁶. Оно было расположено у р. Кунемки и входило в Верхдубенский стан (по р. Дубне, левому притоку Клязьмы) в южных пределах Переяславского уезда⁸¹⁷. Селище принадлежало Троицкому монастырю, но на него претендовал мишутинский сотский Малыга, который на суде И. В. Сорокоумова-Глебова показал, что «селище Кровопусковское земля великого князя волостная Мишутинская. А поорал, господине, и покосил то селище яз»⁸¹⁸. Судебное решение было в пользу монастыря, давно купившего Кровопусковское и предъявившего на него необходимые документы в суде. Защищал ли в данном случае сотский Малыга интересы всей Мишутинской волости, или свои личные (селище распахал и покосил он сам), сказать сложно. Но никаких свидетелей из числа крестьян-мишутинцев, способных подтвердить правоту своего сотского, Малыга не назвал.

Интересна указная грамота Ивана III, направленная им около 1502–1504 гг. своему разъездчику Ивану Яковлю о разъезде земли деревни Панинской переяславской Бармазовской волости от земли деревни Подбережской села Хупани, принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю. Село Хупань локализуется в районе современных сел Купанского и Купани, расположенных примерно в 5–7 км к северу от оз. Переяславского. В своей грамоте великий князь ссылался на показания, которые дал «Окулко сотник». Очевидно, это был бармазовский сотский. Окулко назвал волостной не только деревню Панинскую, но и деревню Подбережскую, потому что там «жил слуга бронной Василь Родивонов». Иван III извещал своего разъездчика, что по наведенным в Москве справкам принадлежность деревни Подбережской Бармазовской волости не подтвердилась, и приказывал отписать ее к Троице-Сергиеву монастырю. В указной грамоте также сообщалось решение великого князя о самовольной обработке Панинской земли некими Медведком и Луней и собранном ими урожае, хранившемся в овинах и копнах. Ивану Яковлю предписывалось: «И ты бы сотцкому бармазовскому, да и христианом тот хлѣбъ на Медвѣдке и на Луне велѣл доправити, обложив со христианы, по колку того

⁸¹³ Там же. № 425. С. 465.

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря. № 4. С. 11.

⁸¹⁶ АСЭИ. Т. I. № 430.

⁸¹⁷ Там же. Заголовок грамоты и с. 319.

⁸¹⁸ Там же. С. 319.

хлѣба с овина сходило и по колку из копны. А которой хлѣбъ стоит на Панинской землѣ, что Луня пахал, и ты бы тот хлѣбъ отдал сотцкому же со христианы»⁸¹⁹. Выясняется, что в функции сотского входили разного рода подсчеты штрафов, конфискация незаконно собранного урожая и, видимо, его распределение между «христианы».

В те же годы Троице-Сергиев монастырь получил еще один документ — докладной судный список, составленный по суду уже знакомого нам Ивана Яковля и с доклада дворецкому Петру Васильевичу Великому Шестунову, о размежевании земель тех же троицкого села Хупани и Бармазовской волости. На сей раз речь шла о другом участке смежной земли. «Бармазовской сотник Окул да Василь Блеклой, и за всю волость» жаловались Ивану Яковлю «на старого сотника на того Степанка на Сергиева на Басиху да на того Кондратика на Кузмина, на троицкого христианина Хупанского села; отдал, господине, тот Басиха половину того селища Дияковского Бармазовские земли великого князя, по ту дорогу Бармазовскую, к Хупанской деревне к Матфеевской тому Кондратику. А нам, господине, тот Басиха в половину того селища Дияковского по ту дорогу и в лес и в пожни вступатися не велит, а сказывает, господине, что по ту дорогу половина того селища Дияковского придал князь великий к Хупанской деревне к Матфеевской». Иван Яковль допросил старого сотского Степана Басиху. Тот «тако рек: Придал, господине, князь великий половину того селища Дьякова по ту дорогу Троицкому монастырю к Хупанской деревне к Матфеевской; а отводил, господине, по ту дорогу от великого князя земли от Бармазовские к Хупанской земле половина того селища Иван Харламов по великого князя грамоте; а яз, господине, на том отводе с-Ьваном был»⁸²⁰. Разъездной грамоты Ивана Харламова в Бармазовской волости не оказалось, но она нашлась в архиве Троице-Сергиева монастыря. Грамота была составлена, скорее всего, между 1478 и 1484 гг.⁸²¹ Среди лиц, присутствовавших на разводе, были «князя великого люди бармазовцы», а между ними — «Степуха Сергеев сын», названный без определения «сотник» или «сотский»⁸²². Впрочем, нельзя исключить, что сотское Степан Сергеев Басиха получил после своего участия в разводе Ивана Харламова. Ознакомившись с грамотой, Иван Яковль предложил пройти по указанным в грамоте границам между землями Бармазовской волости и Троице-Сергиева монастыря. Однако сотский Окул и другие крестьяне Бармазовской волости отказались это сделать, сославшись на то, что «та у них розъезжая грамота лживая», в ней ничего не говорится о спорном Дьяковском селище, и пригрозили самому Ивану Яковлю, что они будут «на тебя бити челом государю великому князю»⁸²³. Тот обещал передать дело на рассмотрение велико-

819 Там же. № 641. С. 555.

820 Там же. № 642. С. 556.

821 Там же. № 330. С. 240, примечания.

822 Там же. № 642. С. 559. Следует обратить внимание на то, что вместе с писцом, как именно его представители, были «люди князя великого», в том числе «Федко туровской и микитской и коведяевской становщик».

823 Там же.

го князя, но заявил, что «без доклада великого князя вас оправить не смею». Окончательное решение, принятое по слову Ивана III дворецким Петром Васильевичем Великим Шестуновым, гласило, что определение границ спорных земель должно быть произведено по развезжей грамоте Ивана Харламова⁸²⁴.

Все изложенное достаточно неординарное дело содержит целый ряд штрихов, ценных для характеристики деятельности сотских. В частности, выясняется, что новый волостной сотский и вся волость великого князя не могут отменить решения старого сотского. Они могут этого добиться только с помощью великокняжеского судьи. Последний допрашивает обоих сотских и других знающих людей, заставляет их показывать границы спорных земель, что они и делают. Но действующий бармазовский сотский отказывается участвовать в уточнении старой границы между монастырскими и волостными землями, поскольку развезжая грамота, описывавшая эти границы, не указывает прямо спорного участка, а потому «лжива». Сотский Окул даже угрожает великокняжескому судье жалобами на него. Однако и он, и старый сотский Басиха предстают на суд высшей инстанции, который принимает достаточно дипломатичное решение, в чем нельзя не видеть влияния твердой позиции великокняжеских крестьян Бармазовской волости во главе со своим новым сотским.

Углич. Две грамоты начала XVI в. сообщают имя сотского, действовавшего в Угличском уезде. В марте 1503 г. дворецкий Константин Григорьевич Заболоцкий выдал правую грамоту двум крестьянам села Прилуцкого Троице-Сергиева монастыря на крестьянина села Павловского Гридьку Тевелегу, укравшего у них сено. Из расспросных речей, прозвучавших на суде К. Г. Заболоцкого, выясняется, что в одну из зимних ночей крестьянин села Павловского Гридька Тевелега перевез к себе в деревню стоявший на лугу стог сена, который принадлежал крестьянам села Прилуцкого братьям Федору и Константину Полуевым⁸²⁵. Речь идет о двух соседних селах, стоявших на левом берегу Волги близ угличско-кашинского рубежа, но, тем не менее, относившихся к Городскому стану Углича⁸²⁶. Потерпевшие, взяв с собой двух прилуцких доводчиков «да христьян добрых людей, сотцкого прилуцкого Микифора» и еще семерых, пошли по следу и по остаткам оброненного сена нашли преступника. Сотский Микифор фигурирует в грамоте как один из «погонных мужей», т. е. отправившихся в погоню за преступником. Сотский участвовал в выемке сена у Гридьки Тевелеги, сравнивал обнаруженное сено с теми образцами, что захватило с собой для опознания братья Полуевы, на суде дворецкого К. Г. Заболоцкого давал показания о краже. На судебном разбирательстве также выяснилось, что прилуцкий сотский давно был знаком с Тевелегой, знал, что он «лихой человек, тать и поклепца, а то ему не первая татьба»⁸²⁷. Из этих свиде-

⁸²⁴ Там же. С. 559–560.

⁸²⁵ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 40. С. 409–410.

⁸²⁶ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 158–159; *Акты Русского государства.* № 6. С. 13–14; № 203. С. 205–206.

⁸²⁷ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 40. С. 410, 411–412, 413.

тельств делается очевидным, что сотский принимал участие в расследовании уголовных дел, причем на самых различных стадиях такого расследования, и был осведомлен, кто и как ведет себя в волости.

Через короткое время прилуцкий сотский Микифор вновь упоминается в источнике. Речь идет о разъездном списке, данном в 1505/1506 г. разъездчиком угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки Митей Кожуховым властям Троице-Сергиева монастыря на их земли уже упоминавшегося села Прилуцкого, граничившие с землями князя Дмитрия Ивановича. В числе лиц, присутствовавших на разъезде, после детей боярских упоминаются «прилуцкие крестьяне» и первым среди них — «Микифор сотцкои»⁸²⁸. На сей раз Микифор выполнял более привычную для сотских функцию, хотя разъезд касался не крестьянских земель, а только княжеских и монастырских.

Ярославль. В 60-е гг. XV в. ярославским наместником князем Иваном Васильевичем Стригой Оболенским «по осподаря своего слову великого князя Ивана Васильевича» была направлена указная грамота в ярославскую волость Жары «къ сътским и къ вьлостным людям»⁸²⁹. Ссылаясь на проведенное им самим в Жарах расследование и свидетельства сотского Мартьянки с двумя другими лицами, ярославский наместник констатировал, что в данной волости три пустоши принадлежали ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю, и требовал от жарских сотских и волостных людей, чтобы они «ся въ тѣ пустоши не вступали ничѣмъ». Из инскрипции грамоты следует, что в расположенной в 35–38 км к северо-востоку от г. Ярославля волости Жары, доходившей до правобережья верхнего течения р. Касти⁸³⁰, было несколько сотских, стоявших во главе живших в волости людей, хотя, возможно, не всех, а лишь определенной части. В конце грамоты было сделано дополнительное указание на правомерность требований ярославского наместника: «А вашего же есмь сотского спрашивал». Из данной отсылки следует, что на самом деле в сельской волости был один сотский, очевидно, упомянутый в тексте грамоты Мартьянко. В его функции входило установление юридической (владельческой) принадлежности участков земель и слежение за неприкосновенностью границ этих участков. Упоминание же сотских Жарской волости во множественном числе, по-видимому, было рассчитано на будущее время, когда сотские должны были смениться, но указная грамота — сохранить свою юридическую силу и для новых сотских.

Другие 4 грамоты, в которых приводится имя ярославского сотского, относятся по сути дела к одному, достаточно узкому хронологическому периоду. Около 1495–1497 гг. ярославский тиун Ивана III Афанасий Дуров с доклада князю Василию Ивановичу, будущему Василию III, выдал правую грамоту властям ярославского Спасо-Преображенского монастыря на пожню Крестцы. Пожня находилась на берегу р. Которосли⁸³¹, правом притоке Волги. При слиянии этих рек и был

⁸²⁸ АСЭИ. Т. I. № 660. С. 588.

⁸²⁹ АСЭИ. Т. III. № 193. С. 206.

⁸³⁰ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. С. 407.

⁸³¹ АСЭИ. Т. III. № 208. С. 217.

основан Ярославль. На пожню претендовал Никита Леонов, владелец соседнего места Зверинца, называя ее Подищей, но дело в суде проиграл⁸³². На судебном разбирательстве, которое проводил Афанасий Дуров, присутствовали шесть человек. Первым из них назван «Горяин соцкои»⁸³³.

В те же 1495–1497 гг. Афанасий Дуров вновь с доклада князю Василию Ивановичу выдал еще одну правую грамоту ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю. Грамота подтверждала владельческие права монастыря на наволоки Татьянин и Сабельнич и соседние травяные (поженные) заросли, расположенные по берегу р. Которосли⁸³⁴. Монастырские права оспаривали братья Карп и Федор Михалевы, которые поставили починок на Сабельниче, но утверждали, что это не спасская земля, а земля Борковской волости⁸³⁵. Спорные наволоки были расположены близ Ярославля, поскольку один из свидетелей братьев Михалевых давал показания не на месте разбирательства, проходившего на оспариваемых землях, а в городе Ярославле⁸³⁶. Михалевы тяжбу проиграли и вынуждены были заплатить штраф. На суде у великокняжеского ярославского тиуна Дурова присутствовало на этот раз семь «мужей». И вновь первым из них был назван тот же «Горяин соцкои»⁸³⁷.

Несколько позднее, примерно в 1495–1501 гг., тот же Спасо-Преображенский монастырь получил две разъезжие грамоты великокняжеского разъездчика Петра Васильева сына Нефимонова. Обе они определяли границы между монастырскими землями деревни Черньской и городской землей Ярославля⁸³⁸. Тексты грамот в целом идентичны, но в одной представителем Спасо-Преображенского монастыря назван старец Александр⁸³⁹, а в другой — старец Леонтий⁸⁴⁰. Отличался и состав «мужей», присутствовавших при разъезде⁸⁴¹. Первым среди этих «мужей» в одной грамоте назван «Горяин Григориевъ сын скотьскои»⁸⁴², а в другой — «Горяин сотьской Григориев сын»⁸⁴³. Совершенно очевидно, что во всех четырех грамотах, полученных ярославским Спасо-Преображенским монастырем в 1495–1501 гг., фигурирует один и тот же сотский — Горяин Григорьев сын. Судя по местоположению тех земель, о принадлежности которых шли судебные разбирательства и в отношении которых происходило уточнение границ, Горяин Григорьев был яро-

⁸³² Там же. С. 217, 219.

⁸³³ Там же. С. 219.

⁸³⁴ Там же. № 209. С. 222, 223.

⁸³⁵ Там же. С. 220.

⁸³⁶ Там же. С. 222.

⁸³⁷ Там же. С. 223.

⁸³⁸ Там же. № 213. С. 227; № 214. С. 229–230. О местоположении названных в грамотах географических объектов см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 293.

⁸³⁹ АСЭИ. Т. III. № 213.

⁸⁴⁰ Там же. № 214.

⁸⁴¹ Там же. № 213. С. 228; № 214. С. 231.

⁸⁴² Там же. № 213. С. 228.

⁸⁴³ Там же. № 214. С. 231.

славским городским сотским. В качестве сотского он принимал участие в судах, которые вел ярославский тиун Ивана III Афанасий Дуров и которые касались ярославских подгородных земель. Горяин Григорьев также присутствовал при отводе собственно городской ярославской земли от околородной. Этим исчерпывается материал о деятельности сотских в грамотах изучаемого комплекса.

Анализ упоминаний сотских в 71 различного вида акте XV — начала XVI в. Северо-Восточной Руси позволяет прийти к некоторым обобщающим наблюдениям и выводам. Если говорить о чисто формальной стороне исследования названных грамот, то следует отметить, что они демонстрируют совсем иное, по сравнению с жалованными грамотами, соотношение между терминами «сотник» и «сотский», обозначающими лиц интересующей нас категории. Термин «сотский» преобладает, он встречается в 37 грамотах⁸⁴⁴. Термин «сотник» встречается в 30 грамотах⁸⁴⁵, чаще, чем в жалованных грамотах, где подобное соотношение выражается цифрами 59 и 10⁸⁴⁶. В 4 грамотах оба термина встречаются одновременно, причем иногда прилагаются к одному и тому же человеку⁸⁴⁷. Это свидетельствует как о равнозначности обоих терминов, так и о том, что в разговорном языке (а он отражался в записях судебного разговора, сохранных многими грамотами) по сравнению с официальным языком жалованных грамот прочнее удерживался термин «сотник».

Другой терминологический вопрос заключается в установлении того, соответствовал ли термину «сотник-сотский» термин «становщик». То, что в станах функционировали сотские, выясняется на основании рассмотренного материала. Но действовал ли там одновременно и параллельно с сотским еще и становщик? Редкие жалованные грамоты, в обельных постановлениях которых одновременно упоминаются и сотские, и становщики, дают как будто положительный ответ на поставленный вопрос. Однако тонкости составления таких единичных жалованных грамот скрыты для исследователей, и какими обстоятельствами, частного или общего порядка, были вызваны подобные одновременные упоминания сотских и становщиков, остается неизвестным. Материал же рассмотренных 71 грамоты других видов позволяет полагать, что сотский по меньшей мере выполнял функции становщика. Это видно из того, что сотский Манатя, действовавший на севере Московского уезда в 60–70-х гг. XV в., положил начало Манатяину стану, впервые упоминаемому в начале XVI в. А если верно отождествление кост-

⁸⁴⁴ АСЭИ. Т. I. № 266, 385, 525, 532, 540, 640, 660; Т. II. № 290, 293, 294, 297, 298, 332, 336, 337, 374, 375, 376, 405, 406, 409, 411, 412, 421, 425; Т. III. № 22, 193, 208, 209, 213, 214, 275, 276, 277; АФЗ и Х. Ч. I. № 255; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 40; *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. № 8.

⁸⁴⁵ АСЭИ. Т. I. № 255, 256, 257, 281, 287, 425, 430, 440, 468, 473, 504, 515, 595, 604, 607, 607а, 619, 627, 642, 644, 645, 659; Т. II. № 94, 276, 277, 428; Т. III. № 54; АФЗ и Х. Ч. I. № 114, 261; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 5.

⁸⁴⁶ См. выше раздел о сотских. С. 331–334, 349.

⁸⁴⁷ АСЭИ. Т. I. № 641. С. 555; Т. II. № 257. С. 170; № 483. С. 523, 524; Т. III. № 55. С. 86.

ромского нерехотского сотского Панфила с жившим в то же время нерехотским становщиком Панфилом, то вопрос можно было бы считать решенным окончательно. К сожалению, мешает это «если». Тем не менее намеки на тождество остаются, однако нужны более определенные данные, чтобы прояснить эту проблему.

Что касается деятельности сотских, то изученные акты в подавляющем большинстве случаев свидетельствуют об их активном участии в разного рода земельных акциях. В этой связи встает вопрос, как сотские, в качестве ли «выборных управителей крестьянских сотен»⁸⁴⁸, в качестве ли представителей иной крестьянской организации — волостной общины, вели себя, когда крестьяне боролись с духовными и светскими феодалами за обладание пахотными, сенокосными, лесными и рыболовными землями и угодьями?

Следует заметить, что материал, позволяющий считать сотских выразителями крестьянских интересов, в рассмотренных грамотах имеется. Так, в 60–80-х гг. XV в. крестьяне Сурожской волости во главе с сотским Лукьяном Белым вели борьбу за деревню Самойловскую с звенигородским Саввина Сторожевским монастырем, но проиграли ее⁸⁴⁹. В конце 80-х гг. XV в. гороховецкие крестьяне, которыми руководил сотский Фрол Котовский, оспаривали у местного Васильевского монастыря землю Горловскую⁸⁵⁰. В начале XVI в. сотский переяславской Бармазовской волости Окул «за всю волость» вел борьбу с Троице-Сергиевым монастырем, а заодно и со старым бармазовским сотским Степаном Басихой за половину селища Дияковского⁸⁵¹. Несколько ранее костромской великосольский сотский Артем с тремя крестьянами доказывал свои права на пустошь и варничное место в Соли Великой⁸⁵², но выступали ли эти лица от имени волости, неизвестно. В середине 70-х гг. XV в. с властями Троице-Сергиева монастыря вел борьбу за селище Крвопусковское сотский переяславской Мишутинской волости Малыга, но, по видимому, сотский проявлял к этому селищу личный интерес⁸⁵³. К данным фактам можно добавить случай, когда Семен, сотский костромской Залесской волости, не будучи непосредственно заинтересованным во владении землей, давал показания в пользу крестьян этой волости⁸⁵⁴. Однако приведенные свидетельства источников, а их можно считать исчерпывающими, если ограничиваться анализируемым материалом, не дают никаких оснований видеть в сотском руководителе или, на худой конец, представителя крестьянской общины или какой-то уходящей корнями в доисторическое прошлое крестьянской сотни. Речь идет о крестьянах, живших в различных волостях на земле великого князя, которую следует трактовать не как государственную, а, скорее, как дворцовую. Эта земля входила в ка-

⁸⁴⁸ Такое определение дано сотским в «Указателях предметно-терминологических» к томам АСЭИ.

⁸⁴⁹ АСЭИ. Т. III. № 54.

⁸⁵⁰ АСЭИ. Т. II. № 483.

⁸⁵¹ АСЭИ. Т. I. № 642.

⁸⁵² Там же. № 287.

⁸⁵³ Там же. № 430.

⁸⁵⁴ Там же. № 525.

честве составляющей в определенную административно-территориальную единицу, волость или стан, где наряду с такой землей были земли бояр, детей боярских, слуг под дворским, численных людей, монастырей, митрополита и т. д.

Для оценки деятельности сотских, их социального статуса имеют значение факты, свидетельствующие о не прокрестьянских, а антикрестьянских позициях сотских. Один пример был приведен ранее. Это поведение старого бармазовского сотского Степана Басихи, вопреки желанию крестьян-бармазовцев уступившего Троице-Сергиеву монастырю часть селища Дьяковского. Во второй половине 90-х гг. XV в. Троице-Сергиев монастырь судился с крестьянином Степаном Дорогой из-за селища Козловского, которое, как утверждал Степан, есть «земля великого князя волостная Корзеневская оброчная». Однако корзеневский сотский Арист, который, казалось бы, должен был заботиться о распространении границ волостной земли, показал, что селище уже 60 лет принадлежит монастырю⁸⁵⁵. Примерно в то же время в коломенской Брашевской волости крестьянин Андрей Пелепелкин спорил с митрополичьим посельским села Бисерова о принадлежности селища Поповского, называя его великокняжеским. Но брашевский сотский Степан и бывший брашевский сотский Лазарь показали, что спорное селище относится к митрополичьим землям села Бисерова⁸⁵⁶. Известен и целый ряд других случаев, когда крестьяне судились с монастырями из-за земли, но не имели никакой поддержки со стороны сотских. Те лишь присутствовали в качестве судных «мужей» при разбирательствах дел, кончавшихся приговорами в пользу монахов⁸⁵⁷.

Однако самое поразительное заключается в том, что сотские в Северо-Восточной Руси в делах, касавшихся вотчинников, землевладельцев как светских, так и духовных, участвовали гораздо чаще, чем в крестьянских спорах с феодалами. Сотские были послухами при покупках земли одних светских вотчинников у других⁸⁵⁸, покупке земли монастырем у светского вотчинника⁸⁵⁹, дарении вотчинником земель монастырю⁸⁶⁰, обмене землями между монастырем и удельным князем⁸⁶¹. Сотские присутствовали при размежевании земель московских правивших династий⁸⁶², вдовствовавшей великой княгини и вотчинника⁸⁶³, монастырских земель с землями великого князя⁸⁶⁴, удельного князя⁸⁶⁵, титуло-

⁸⁵⁵ Там же. № 595. С. 493.

⁸⁵⁶ АФЗ и Х. Ч. I. № 114. С. 106–107.

⁸⁵⁷ АСЭИ. Т. I. № 540; Т. II. № 336, 337, 375, 421, 428; Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря. № 8.

⁸⁵⁸ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 5; АСЭИ. Т. I. № 281; Т. II. № 257, 294; 297; Т. III. № 277.

⁸⁵⁹ АСЭИ. Т. I. № 266.

⁸⁶⁰ Там же. № 515.

⁸⁶¹ Там же. № 255, 256.

⁸⁶² Там же. № 257.

⁸⁶³ Там же. № 385.

⁸⁶⁴ Там же. № 425, 468, 619.

⁸⁶⁵ Там же. № 504, 660.

ванных⁸⁶⁶ и нетитулованных светских землевладельцев⁸⁶⁷; при размежевании земель между вотчинниками⁸⁶⁸, между монастырями⁸⁶⁹, между монастырем и вотчинником⁸⁷⁰; на судебных разбираательствах между монастырем и вотчинниками⁸⁷¹. Не следует забывать и о городских сотских, связанных прежде всего с городом.

Участие сотских в фиксации перераспределения земельных владений и в разрешении различных поземельных споров было естественным, им, согласно жалованным грамотам, надлежало твердо знать, кого они должны были привлекать к «пошлинам, проторам и розметам», а кого нет. А этого можно было достичь, только ясно представляя меняющуюся структуру землевладения в стане или волости, зная, кто приобретал иммунитетные права, а кто таких прав не имел. С другой стороны, функции сотских явно не сводились к такому участию, хотя свидетельства об этом наиболее многочисленны. Показательно, что столь важный памятник местного законодательства, как Белозерская уставная грамота, ничего не говорит об участии сотских в поземельных отношениях, но говорит об их главной обязанности — взимании с населения кормов на содержание управленческого аппарата Белозерья. Из указных грамот становится ясным, что сотские участвовали в бытовом благоустройстве этого аппарата, сборе торговых пошлин, перезыве на великокняжеские земли крестьян из других владений. Новопоселенцам сотские выдавали данные и льготные грамоты.

Благодаря единственному свидетельству мы узнаем, что сотские получали корм⁸⁷². Столь же единственным является свидетельство о наличии у сотского земельной собственности, соразмерной с собственностью вотчинника⁸⁷³. Сколь ни случайны эти данные, но в сочетании с приведенными выше фактами, характеризующими институт сотских, они позволяют утверждать, что в Северо-Восточной Руси сотские относились к мелким местным вотчинникам, княжеским агентам в городах и на периферии этих городов.

* * *

От XV в. есть свидетельства о существовании института сотских также на русском Севере (в новгородских землях) и в Северо-Западной Руси — собственно в Новгороде и Пскове.

⁸⁶⁶ Там же. № 607, 659.

⁸⁶⁷ Там же. № 627, 644.

⁸⁶⁸ АСЭИ. Т. II. № 94.

⁸⁶⁹ АСЭИ. Т. III. № 55.

⁸⁷⁰ АСЭИ. Т. II. № 412.

⁸⁷¹ АСЭИ. Т. I. № 604; Т. II. № 406, 409, 411.

⁸⁷² См. выше. С. 348–349.

⁸⁷³ АСЭИ. Т. I. № 294. Пожни вологодского сотского Семена Мытцова были куплены за 6 рублей. Примерно за такую же сумму продавали свои пожни и лица, которых явно можно причислить к вотчинникам.

Двина. Сохранилось 9 грамот XV столетия, относящихся к принадлежавшей Новгороду Двинской земле, в которых упоминаются сотские. Самая ранняя из них относится, как установил В. Л. Янин, к концу первой четверти XV в., возможно, к 1418–1425 гг.⁸⁷⁴ Это рядная Кирилла Юрьевича с властями Емецкой слободы о невзимании этими властями податей с половников, живших в селе, отданном Кириллом Юрьевичем местному Богородицкому монастырю⁸⁷⁵. Емецкие слобожане были представлены сотским Петром и еще несколькими лицами. Стороны договорились, что на половниках «сочекому и всемь слобъжаномо рьзруба не класти, не правити, и ни скотничихъ куно, ни поралеского, ни кърму, ни во кърторы проторъ, ни въ что». Из рядной следует, что во главе Емецкой слободы стоял сотский. Он отвечал за распределение среди слобожан различных повинностей, налогов и сбор этих налогов. Из последних обращают на себя внимание «скотничие куны». «Скотничихъ» — описка вместо «сотничихъ». Выше уже отмечался случай, когда в одной из грамот, сохранившейся в подлиннике, ярославский сотский Горяин Григорьев сын по ошибке был обозначен как «Горяин Григориевъ сын скотської», а не «сотської». Устранение аналогичной описки в двинской грамоте 1418–1425 гг. позволяет говорить о том, что по меньшей мере в Двинской земле существовал сбор в пользу сотского — особые сотничие куны (деньги), которые, очевидно, шли на оплату деятельности сотского.

Следующая по времени двинская грамота, в которой упоминается сотский, относится к первой половине 40-х гг. XV в.⁸⁷⁶ Это купчая грамота Варфоломея Гавриловича, приобретшего у Антона Тютина и Романа Мартынова половину их земель по р. Большой Юре. Среди трех послухов купчей на последнем месте назван «Федоръ соцкѣи»⁸⁷⁷.

Тем же временем датируется купчая грамота Мелентия на село и двор на Павшине горе в Курье⁸⁷⁸. В числе послухов со стороны продавцов — вдовы Агафона Матрены и их сыновей Василия и Евстафия — на первом месте указан «Микита соцкои»⁸⁷⁹.

К началу 50-х гг. XV в. относится другая купчая грамота Варфоломея Гавриловича, купившего у Дементия и Артемия Окинфовичей их старинные владения по р. Малой Юре⁸⁸⁰. Среди четырех «мужей», присутствовавших при оформлении сделки, на последнем месте назван уже знакомый нам «Федоръ соцкои»⁸⁸¹.

В те же годы⁸⁸² поп Максим купил на Летней стороне (речь должна идти о северо-восточной части Онежского полуострова) у Бориса, Адриана и Парфения

⁸⁷⁴ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 306. № 235.

⁸⁷⁵ ГВНП. С. 226. № 191.

⁸⁷⁶ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 317–318. № 267.

⁸⁷⁷ ГВНП. С. 236. № 208.

⁸⁷⁸ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 319–320. № 271.

⁸⁷⁹ ГВНП. С. 276. № 275.

⁸⁸⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 324. № 287.

⁸⁸¹ ГВНП. С. 235. № 206.

⁸⁸² Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 324. № 288.

Нефедьевых детей треть их отчины и дедины — часть Подмошечной тони и «у путикахъ і у ловищахъ трѣтъ». Первым послухом купли был сотский «Фефилачь Федоровичъ». Он же по требованию продавцов «стоял у печати», т. е., видимо, удостоверял ее подлинность⁸⁸³.

50-ми гг. XV в. датируется закладная грамота Абросима и Лаврентия Васильевых детей Федору Макарову на свое отчинное село с различными угодьями на р. Лодме⁸⁸⁴. При ее оформлении присутствовали 6 человек. Первым из них назван «Иванъ соцкой»⁸⁸⁵.

В то же время была составлена раздельная грамота между Иваном Петровичем и Есипом Терентьевичем, по которой за Иваном Петровичем утверждалось его село на Лисеострове, а за Есипом Терентьевичем — села Матигорское и Ракульское⁸⁸⁶. При составлении раздельной присутствовали три послуха. На первом месте написан «Иванъ Степановиць, сочкеи»⁸⁸⁷.

Также в 50-е гг. XV в. оформили рядную грамоту о земле княжостровцы с Авксентьем Григорьевичем⁸⁸⁸. Среди пяти рядцев, присутствовавших при написании грамоты, на четвертом месте указан «Олекъсандъ Романовичъ, сочкеи»⁸⁸⁹.

Наконец, в купчей грамоте, составленной 9 марта 1472 г., на землю, двор и угодья в Лялине погосте, приобретенные Миней Васильевым у Никона Филимонова сына Белоусова, среди 4 послухов купли на первом месте фигурировал «Василеи Григорьевъ, соцькой»⁸⁹⁰.

Двинские грамоты, датируемые 40–50-ми гг. XV в., фиксируют в Подвинье в указанное время четырех или пяти сотских (пяти в том случае, если сотские Иван и Иван Степанович — разные лица). Это может свидетельствовать о том, что или сотские часто сменялись, на всю Двинскую землю приходился один сотский, или сотских было несколько и они действовали одновременно. Свидетельство самой ранней двинской грамоты о руководстве Емецкой слободы сотским Петром склоняет к второму выводу.

Заонежье. Сохранился единственный документ, свидетельствующий о существовании сотского в заонежских землях Новгорода Великого, на западном берегу Белого моря. Речь идет о купчей грамоте Соловецкого монастыря, зафиксировавшей покупку старцем этого монастыря Макарием у Григория Давыдова участков земли с относящимися к ним угодьями, располагавшихся по рр. Выге, Шуге, Кеме и берегу Белого моря⁸⁹¹. Грамота датируется первой половиной 70-х гг. XV в.⁸⁹².

883 ГВНП. С. 233. № 203.

884 Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 327–329. № 298.

885 ГВНП. С. 229. № 197.

886 Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 329. № 299.

887 ГВНП. С. 191. № 137.

888 Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 329. № 300.

889 ГВНП. С. 192. № 138.

890 Там же. С. 243. № 220.

891 Там же. С. 298. № 303.

892 Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 255. № 182.

Среди трех свидетелей сделки на первом месте назван «Яковъ, скотникъ Марфинъ»⁸⁹³. Комментаторы грамоты В. Ф. Андреев и В. Л. Янин принимают этого Якова за человека Марфы, жены Исаака Борецкого, известной Марфы-посадницы, но никак не объясняют его определения — «скотникъ»⁸⁹⁴. Между тем упоминание Якова первым среди свидетелей указывает на его достаточно высокое общественное положение. В большинстве рассмотренных выше двинских грамот на первом месте среди свидетелей при оформлении подобных сделок упоминался сотский. Есть все основания считать, что и в рассматриваемой грамоте на первом месте назван сотский. Только в его определении допущена описка, такая же, как в самой ранней проанализированной двинской грамоте и в одной из ярославских грамот 1495–1501 г.

Новгород. Датируемая 20-ми гг. XV в. новгородская берестяная грамота № 154 упоминает сотских в связи с передачей одним лицом другому определенной суммы денег и коня. Текст грамоты следует привести полностью, поскольку от его прочтения зависит определение функций упоминаемых в грамоте сотских: «Вспросилъ правищикъ Оманта. Ростѣгалесь Фипе с Ываномъ Стоикомъ, виде ле жсмь и цоле промежи Филипомъ, Иваномъ. Дале Филипе Стоику 7 рублѣ серебромъ и 3 гривень кунъ и конь. А оувѣдактса Стоике в вири и с посадникомъ и с сочкыми. А то сѣ дидалось седнѣ во Велики днь, а то дидалось на погостѣ на торгѣ»⁸⁹⁵. Новейший перевод грамоты на современный русский язык принадлежит А. А. Зализняку: «Спросили праведчики Оманта [по поводу того, что] начал тяжбу Филипп с Иваном Стойком. [Омант сказал]: „Я видел и слышал [то, что произошло] между Филиппом и Иваном. Дал Филипп Стойку три рубля серебром и семь гривен и коня“. [Теперь] Стойко под клятвой рассчитается с посадником и с сотскими. Это происходило сегодня на Пасху; это происходило на погосте, на торговой площади»⁸⁹⁶. Исследователь полагает, что «документ представляет собой протокол судебного разбирательства»⁸⁹⁷. Думается, однако, что характер документа иной. Это уведомление о завершении конфликтного дела, отправленное с некоего погоста в Новгород, вероятно, официальным лицом. В центре конфликта Иван Стойко. До одного из пасхальных дней 20-х гг. XV в. он находился в незавидном положении человека, которому должны были заплатить довольно приличную по тем временам сумму примерно в 4 рубля, но не платили. Видимо, жалоба Стойки и вызвала появление в погосте праведчиков, которые должны были расследовать дело. Но расследования не произошло, поскольку должник Филипп «ростѣгалесь» со своим займодавцем Стойком: Филипп заплатил Стойке 3 рубля серебром, дал 70 гривен кун и коня. Глагол «ростѣгалесь» употреблен здесь не в значении «начал тяжбу», а в значении «разошелся, прекратил тяжбу». С тягавшихся сторон праведчики никаких показаний не снимали. Судебные чиновники

893 ГВНП. С. 298. № 303.

894 Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 255–256.

895 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 562.

896 Там же. С. 563.

897 Там же.

ограничились свидетельством Оманта, который «виделе ксьмь и цюле», что произошло между Филиппом и Стойком, когда это произошло и где. Но Стойко после получения денег и коня должен был уведаться «в вири и с посадникомъ и с сочкыми». Речь должна идти не о выплатах каких-то сумм посаднику и сотским, а о клятвенном подтверждении самим Стойкой получения долга от Филиппа. В целом перевод грамоты может быть таким: «Вопросили праведчики Оманта: „Закончил тяжбу Филипп с Иваном Стойком?“ [Ответил Оманти]: „Видел и знаю, [что произошло между Филиппом и Иваном]. Дал Филипп Стойке 3 рубля серебром и 7 гривен кун, и коня“. А подтвердить клятвенно [это должен сам] Стойко посаднику и сотским. А произошло это сегодня на Пасху и произошло на погосте на торговом месте».

Отраженные в грамоте № 154 отдельные мелкие детали позволяют полнее воссоздать происшедшие события. Некий Филипп оказался должником Ивана Стойки. Его долг мог появиться в результате займа, но скорее всего, речь шла о неуплате Филиппом денег за приобретенную у Ивана Стойки землю. Именно при земельных покупках уплачивалась денежная сумма и давалась пополнка, обычно какое-то домашнее животное, птица или зерно⁸⁹⁸. Как явствует из грамоты № 154, в данном случае это был конь. Покупка совершилась в одном из близких к Новгороду погостов. Об этом говорит указание грамоты на сегодня, бессмысленное, если речь бы шла о каком-нибудь удаленном двинском или даже онежском погосте. С жалобой на неплательщика Филиппа Иван Стойка обратился в Новгород к посаднику и сотским. Очевидно, по их решению на место спора выехали праведчики. Они приехали в тот же день, но опоздали. Филипп успел расплатиться с Иваном Стойкой, причем произошло это в местном административном центре и прилюдно, на торгу. Праведчики не стали расспрашивать Филиппа и Стойку, возможно, уже разъехавшихся по домам, но поговорили с Омантом, скорее всего, авторитетным должностным лицом в погосте, который очень уверенно показал, что Филипп погасил свой долг перед Стойкой. Последнему следовало клятвенно подтвердить это перед посадником и сотскими и тем самым аннулировать свою жалобу на Филиппа. Сотские выступают в данном эпизоде как юридические лица, осуществляющие контроль за правильностью исполнения имущественных сделок, направляющие на расследование праведчиков и действующие не только в городе, но и в погостах, входящих в городскую округу.

В договор марта–мая 1471 г. Новгорода Великого с польским королем Казимиром IV от новгородской стороны была включена специальная статья о сотских: «А сведется віра, убьють сотцкого в селѣ, ино тебѣ взяти полтина; а не сотцкого, ино четырьѣ гривны...»⁸⁹⁹. Очевидно, что речь идет о сотских сельских сотен, подчиненных или Новгороду, или князю, приглашенному на новгородский стол. За убийство такого сотского королю выплачивалась часть штрафа — полтина, что

⁸⁹⁸ См., например: ГВНП. № 123, 124, 125, 133, 134, 135, 136, 140, 141, 143, 151, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163 и т. д.

⁸⁹⁹ Там же. № 77. С. 131. О дате договора см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 188.

составляло пять гривен. За убийство человека более низкого ранга, чем сотский, королю отчислялись четыре гривны, т. е. на 20% меньше. По этой разнице можно судить о том, что и в 70-е г. XV в. сотский продолжал иметь более высокий социальный статус, чем лица других категорий.

Наконец, договор новгородцев с Иваном III, заключенный 11 августа 1471 г., фиксировал судебные полномочия сотских: «А сотцкимъ и рядовичемъ безо князеи великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ»⁹⁰⁰. Выясняется, что сотские имели право суда, сам суд проводился в разных местах (что видно и из берестяной грамоты № 154) и зачастую, видимо, без представителей княжеской или посадничьей власти.

Псков. XIV–XV в. датируется псковская меновная грамота на земли близ р. Дубровки, левого притока р. Великой. Единственными послухами меновной грамоты были «Зиновеи сочке да Макарья сочкѣ»⁹⁰¹. В данном случае можно с полной уверенностью говорить о том, что сотские принимали участие при оформлении земельных сделок.

Псковская Судная грамота, основной текст которой восходит к концу XIV – первой четверти XV в.⁹⁰², в статье 20 предписывала князю, «посадникомъ и сотцкимъ вбыскати», если «кто на кого иметь сачить бою или грабежу по позовници»⁹⁰³. Выясняется, что при возбуждении уголовных дел по фактам разбоя (избиениях и грабежах) псковские сотские наряду с князем и посадником руководили расследованием.

Упоминает сотских и статья 78 Псковской Судной грамоты: «А которому княжему челоуьку ѳздить на между съ сотьскими, ино ему такоже цѣловати крестъ»⁹⁰⁴. Из статьи следует, что сотские ездили «на между», т. е. устанавливали, правильно ли проведены земельные границы, причем такое установление сопровождалось клятвой (целованием креста) со стороны сотских в непредвзятом и объективном разборе дела⁹⁰⁵. Очевидно, что сотские действовали в сельской местности, но были ли сами сотские сельскими или городскими, по статье 78 судить нельзя. Производить земельные размежевания и фиксировать правильность земельных границ могли и городские сотские.

Под 1435, 1461 и 1462 гг. псковские летописи сообщают о дипломатической деятельности псковских сотских. В 1435 г. сотские вместе с посадниками и «добрыми людьми» участвовали в заключении договора с Новгородом⁹⁰⁶. В 1461 г.

⁹⁰⁰ ГВНП. № 27. С. 51.

⁹⁰¹ Там же. № 9. С. 52. О местоположении обмененных участков см. с. 105–106.

⁹⁰² Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. С. 11.

⁹⁰³ Псковская Судная грамота. СПб., 1914. С. 5.

⁹⁰⁴ Там же. С. 18.

⁹⁰⁵ Выражение «ѳздить на между» Ю. Г. Алексеев понимает как участие «в разборе земельных тяжб» (см.: Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. С. 14). Такое понимание естественно, но оно не может быть единственным. «ѳздить на между» можно было и при оформлении купчих или обменных сделок на землю. В другом месте своей работы (С. 38) Ю. Г. Алексеев допускает возможность присутствия сотских при обмене земли.

⁹⁰⁶ Псковские летописи. М., 1955. Вып. II. С. 130.

«целоваша крестъ Зиновеи Михайловичъ и судии, и соцький» приехавшим в Псков немецким послам на грамотах о пятилетнем мире⁹⁰⁷. Тем не менее уже в следующем году «Немци юрьевци посла псковского Кондрата сотцкого и гостя псковского посадиша в погребъ»⁹⁰⁸. Очевидно, что псковские сотские выступали и как полномочные представители Пскова при подписании внешнеполитических договоров, и как послы в другие страны.

В 1480 г. псковичи составили наказ своему посольству, отправлявшемуся на переговоры к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV. Наказ содержал ряд просьб, об исполнении которых королю били челом «посадъники псковъские, и степенъники, и старие посадники, и сынове посадничы, и бояре, и соцькие, и купцы, и житии люди, и весь Псковъ...»⁹⁰⁹. Очевидно, что псковские сотские и в последней четверти XV в. были причастны к внешнеполитической деятельности и к выработке дипломатических документов.

11 июня 1483 г. датируется правая грамота, полученная от псковского наместника Ивана III князя Ярослава Васильевича Стриги-Оболенского, псковских посадников и сотских властями псковского Снеготорского Богородицкого монастыря. Выдачей грамоты закончился суд между названным монастырем и другим псковским монастырем — Козьмы и Дамиана на Гремячей горе. Спор шел о принадлежности р. Перервы. Гремячегорцы утверждали, что река целиком принадлежит им, потому что они ее выкопали. А снеготорцы настаивали на том, что они выкупили шестую часть р. Перервы и через нее ездят из своего монастыря и обратно в монастырь. Оба монастыря были расположены под городом Псковом⁹¹⁰. Река Перерва протекала недалеко от Пскова, потому разбор дела происходил в городе. Дознание вершили князь Я. В. Стрига-Оболенский, посадники и сотские, в соответствии со статьей 20 Псковской Судной грамоты, хотя дело касалось не рукоприкладства или грабежа, а земельной тяжбы. На стороне козьмодемьянских старцев выступал староста Егорьевский Юрий сотский, его товарищи и соседи, снеготорцев же никто не поддерживал. Тем не менее судьи послали «княжого боярина Михаила Чета да и Климету Семеновича сотцкого тое воды в Перерве рекъ досмотрѣти»⁹¹¹. Боярин и сотский все досмотрели «и на лубъ выписали», т. е. сделали чертеж, который представили судьям, а те «велись по лубу». В конце концов спор решился в пользу Снеготорского монастыря.

Из данной этому монастырю правой грамоты следует, что псковские сотские участвовали в судебных разбирательствах по земельным делам, выезжали на места, чтобы установить границы владений, как того и требовала статья 78 Псковской Судной грамоты, исполняли должность старост, только неизвестно каких, территориальных или церковных.

⁹⁰⁷ Там же. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 60.

⁹⁰⁸ Там же. Вып. II. С. 151.

⁹⁰⁹ ГВНП. № 339. С. 325.

⁹¹⁰ *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей. Стб. 390; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях. Т. I. С. 165. № 253.

⁹¹¹ ГВНП. № 340. С. 327.

Если говорить в целом, то свидетельства о сотских, действовавших в Новгороде и в новгородских землях, а также в Пскове, в большинстве случаев фиксируют ту же их функцию, что и сотских в княжествах Северо-Восточной Руси: участие (активное и пассивное) в различных поземельных сделках, будь то продажа или покупка земли, обмен или раздел владений, установление их границ.

Наряду с этим рассмотренные свидетельства указывают и на такие специфические функции новгородских и псковских сотских, как судебные и высшие судебные (соучастие в разборе дел наряду с наместниками великого князя и посадниками), а также на дипломатические функции, вплоть до исполнения роли послов в другие страны (псковские сотские). Все это говорит о явной независимости сотских от крестьянского мира.

Приведенными данными ограничиваются сведения русских источников о сотских XV в., хотя существует несколько духовных и договорных грамот XV в. великих и удельных князей московского дома, в которых сотские упоминаются. Однако статьи о сотских таких грамот повторяют аналогичные статьи более ранних духовных и договорных грамот XIV в., поэтому их лучше рассмотреть при анализе источников XIV в. В целом же свидетельств о сотских в XIV в. сохранилось значительно меньше, чем в XV в.

* * *

Самое позднее из таких свидетельств XIV в. содержится в Жалованной уставной грамоте, данной в 1397 г. великим князем Василием Дмитриевичем Двинской земле. Уже в *inscriptio* грамоты упоминается местный сотский. Великий князь Василий «пожаловал єсмь богарь своих двинских, также сотског(о) и всех своих черных людеи»⁹¹². Следует отметить, что статьи 2, 3, 9 Жалованной уставной грамоты Двинской земле знают о существовании в ней вольных (военных) слуг, дворян и подвойских⁹¹³, но эти категории населения в *inscriptio* грамоты не включены. Поэтому упоминание там сотского, причем одного, приобретает особую значимость. Похоже, что речь идет о великокняжеском сотском в Двинской земле, возглавлявшем черных людей великого князя, а потому имевшем значительный административный и политический вес в обширных пределах Подвинья.

Согласно статье 10 уставной грамоты Двинской земле, «сотскому и подвоискому пошлинка с лодьи по пузу ржи у гостя»⁹¹⁴. Выясняется, что верховная власть представляла сотскому право собирать в свою пользу торговую пошлину зерном. Пошлина было небольшой — один рогожный мешок ржи, но с каждой гостевой ладьи. Такой мешок-пуз весил полтора пуда⁹¹⁵. Поскольку на ладью грузилось

⁹¹² АСЭИ. Т. III. № 7. С. 21.

⁹¹³ Там же.

⁹¹⁴ Там же. С. 22.

⁹¹⁵ Благодарю Л. В. Милова за указание веса пуза ржи.

несколько сот пудов хлеба, пошлина в пользу двинского сотского составляла менее 1% от общего веса товара.

70–80-ми гг. XIV в. датируется новгородская берестяная грамота № 279. Она содержала обращение от старосты Михала и всех пашезерцев «къ сотьс[кы]мъ къ Ма[кс]иму и ко Онании и к Къст...»⁹¹⁶. Содержание грамоты неизвестно, но судя по тому, что пашезерцы обращались сразу к нескольким сотским, надо полагать, что речь шла о каких-то правовых вопросах. Личность одного из трех упомянутых в грамоте сотских устанавливается. Названный первым Максим — это Максим Онцифорович, представитель известной новгородской боярской фамилии Мишиничей-Онцифоровичей⁹¹⁷. Другая берестяная грамота (№ 253; о ней уже шла речь в разделе о десятских) свидетельствует о том, что под началом сотского Максима находились члены десятка — «десясяне», которые должны были выплачивать проценты за взятое взаймы зерно⁹¹⁸. Таким образом, в XIV в. должность сотского в Новгороде исполнялась боярином, который занимался кредитованием объединенных в десяток производителей.

К тем же 70–80-м гг. XIV в. относится купчая грамота литовского князя Скиргайло («Скирмаило») на землю в Пскове по рекам Великой и Мирожу. Грамота была дана от имени «посадника Юрья и от соцких и от всѣх плесковицъ»⁹¹⁹. Как выяснила Л. М. Марасинова, речь в купчей шла о небольшом участке земли к югу от города, почти примыкавшем к Пскову⁹²⁰. Собственником продававшегося окологородного участка выступали власти Пскова и среди них — сотские.

В договоре, заключенном около 1364/1365 г. между московским великим князем Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем, впервые указывается, кого возглавляли сотские: «черные люди к сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ с одного»⁹²¹. Очевидно, что сотни, которыми руководили сотские, состояли из черных людей. Московские князья договаривались сохранять эту категорию населения, не перезывать черных людей на свою службу. Эта норма оставалась действенной в течении почти столетия. Статья о неприкосновенности черных людей, подчинявшихся сотским, включалась во все последующие договоры московских великих князей с их серпуховскими родственниками: 1389 г.⁹²², 1390 г.⁹²³, 1433 г.⁹²⁴, 1447 г.⁹²⁵, 1450–1454 г.⁹²⁶, 1454–1456 г.⁹²⁷. Правда, в договоре 1389 г. вместо

⁹¹⁶ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 498.

⁹¹⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 7–34.

⁹¹⁸ См. выше раздел о десятских. С. 324–326.

⁹¹⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. № 1. С. 46.

⁹²⁰ Там же. С. 98 и схема № 1 на с. 99.

⁹²¹ ДДГ. № 5. С. 20. В тексте по описке дважды повторено слово «ихъ».

⁹²² Там же. № 11. С. 31.

⁹²³ Там же. № 13. С. 38.

⁹²⁴ Там же. № 27. С. 71.

⁹²⁵ Там же. № 45. С. 131, 133, 137, 139.

⁹²⁶ Там же. № 56 С. 171, 174.

сотника в аналогичной статье фигурировал становщик, а во всех последующих договорах — сотский. В договоре 1472 г. Ивана III со своим родным братом углицким князем Андреем Васильевичем в той же статье главой черных людей вновь назван становщик⁹²⁸. Это смешение в официальных договорных княжеских грамотах сотского (сотника) со становщиком весьма показательно. Выше уже приводились свидетельства, из которых следовало, что в XV в. во главе станов стояли сотские (сотские Борис Максимов, Микула Пестов, Иван Матшин во главе трех различных белозерских станов, Федор Левский во главе московского Шахова стана, Иван Лугинин во главе московского Горетова стана, Болобан Лебедев — московского Ратуева, Иван Хомутов — московского Пехорского, с именем сотского Манатъи связана организация московского Манатъина стана), а становщик назывался сотским (Панфил в костромской Нерехте). Теперь все эти разрозненные данные получают твердое подтверждение в более раннем материале, который говорит о том, что сотские уже во второй трети XIV в. стали называться еще и становщиками.

От второй половины XIV в. сохранилась мировая запись о разделе земель на Ригиной горе во Пскове между игуменом псковского Спасского монастыря Федором и попом Евстафием (Остафьем) с товарищами. При оформлении записи присутствовал «Говен сочъский». Другие три свидетеля были с отчествами на -вич, что указывает на их высокое социальное положение⁹²⁹. Очевидно, что в Пскове сотский привлекался к оформлению документа или в качестве должностного лица, призванного зафиксировать правильность разрешения земельного спора, или в качестве человека, имевшего высокий, а потому авторитетный, социальный статус.

Сотские упоминаются во Пскове и в более раннем документе. От начала XIV в. сохранилось дипломатическое послание, направленное из Пскова в немецкую Ригу. Послание было составлено от имени «посадника Сидора, и от Рагуила, и от всѣхъ сътскихъ, и от всѣхъ пльсковиць»⁹³⁰. Следовательно, в Пскове существовала группа сотских, и эти сотские участвовали в дипломатических переговорах с другим государством. Особое внимание следует обратить на содержание послания. Речь в нем шла о выдаче псковичам сбежавшего в Ригу должника Нездильца, который торговал во Пскове, занял 22¹/₂ гривны серебра под поручительство псковича Ивана Головы, но долга не вернул, скрывшись из Пскова⁹³¹. Очевидно, что сотские имели отношение к кредитным операциям, к розыску и наказанию должников.

Указная грамота владимирского князя Андрея Александровича на Двину обращена к местным «к посадником, и къ скотником, и къ старостам»⁹³². Обычно грамота датируется 1294–1304 гг., временем владимирского княжения третьего сына Александра Невского Андрея. В. Л. Яниным предложена более дробная да-

⁹²⁷ Там же. № 58. С. 181, 185.

⁹²⁸ Там же. № 66. С. 215.

⁹²⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. № 2. С. 47.

⁹³⁰ ГВНП. № 332. С. 317.

⁹³¹ Там же. С. 317–318.

⁹³² АСЭИ. Т. III. № 1. С. 15.

тировка, учитывающая отношения князя Андрея с Новгородом: или 1284, или 1294–1296, или около 1298–1304 гг.⁹³³ Эту датировку можно уточнить. Грамота была написана до 27 июля 1304 г., когда скончался князь Андрей Александрович⁹³⁴. Что касается дат более ранних, то в 1284 г. князя Андрея в Новгороде не было. Под 6792 годом новгородская летопись сообщает, что Андрей Александрович заключил союз с Новгородом, но союз этот был оформлен в Торжке. Из Торжка Андрей направился в Северо-Восточную Русь, где вскоре же (до 9 сентября) уступил новгородский стол старшему брату Дмитрию⁹³⁵. Все эти события датируются 1283 г.⁹³⁶. Очевидно, к 1284 г. рассматриваемая грамота отнесена быть не может. Поскольку грамота содержит ссылку «как пошло при моем ѡтцѣ и при моем братѣ»⁹³⁷ (т. е. при отце Андрея Александре Невском и при старшем брате Андрея князе переяславском и владимирском Дмитрие), очевидно, что она составлена после смерти князя Дмитрия Александровича. А князь Дмитрий умер между 1 марта и 18 октября 1294 г.⁹³⁸. Незадолго до смерти Дмитрия Андрей покинул Новгород и отправился в Северо-Восточную Русь⁹³⁹. В 1295 г. он вместе с женой поехал в Орду⁹⁴⁰. Оттуда он вернулся в 1296 г.⁹⁴¹. К тому времени Новгород был уже в руках московского князя Даниила Александровича⁹⁴². Когда именно в Новгороде восстановилась власть Андрея Александровича, сказать трудно. Софийская первая летопись сообщает о поездке князя Андрея в Новгород под 6806 (1298) г., однако связывает эту поездку с несостоявшимся походом Андрея на Переяславль⁹⁴³, который Лаврентьевская летопись датирует 1296/1297 г.⁹⁴⁴. В 1299 г. есть уже бесспорное свидетельство о восстановлении власти Андрея Александровича в Новгороде⁹⁴⁵, но похоже, что сам князь в город в те годы не приезжал. Он появился там весной 1301 г. во главе большого войска, с помощью

⁹³³ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 151–152.

⁹³⁴ НПЛ. С. 91.

⁹³⁵ Там же. С. 325.

⁹³⁶ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 289. В. Л. Янин статью 6792 года Новгородской первой летописи младшего извода принимает, судя по всему, за статью ультрамартовского, т. е. 1283/1284, года, присоединяет к ней данные статьи 6801 года (о посажении Андрея в Новгороде «в недѣлю сыропустную») и выводит отсюда дату пребывания Андрея Александровича в Новгороде — 20 февраля 1284 г. (см.: Янин В. Л. О дате новгородской Синодальной кормчей // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 291).

⁹³⁷ АСЭИ. Т. III. № 1. С. 15.

⁹³⁸ НПЛ. С. 328, под 6802 годом мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 291.

⁹³⁹ Там же.

⁹⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 528.

⁹⁴¹ Там же. Стб. 484, под 6805 годом ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 121.

⁹⁴² Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1. С. 99–101.

⁹⁴³ ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. Стб. 364.

⁹⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 484.

⁹⁴⁵ НПЛ. С. 330.

которого взял и разрушил поставленную на Неве шведскую крепость Ландскрону⁹⁴⁶. Если грамоту связывать с пребыванием князя Андрея Александровича в Новгороде, то лучше всего ее датировать 1301 г., когда новгородцы могли уступить свои права на терскую дань князю⁹⁴⁷, только что избавившему их от шведской угрозы.

Сама грамота сохранилась в копии 1477 г.⁹⁴⁸. Названные в грамоте лица должны были давать с погостов «кормъ и подводы» данщикам князя Андрея. Эти данщики ходили через море и собирали дань морскими птицами на отдаленных землях. Судя по тому, что в грамоте содержался запрет новгородцам ходить «на Терскую сторону», речь шла о княжеской дани с Терского берега — южной оконечности Кольского полуострова. Поскольку данщики князя Андрея ходили «на море», а с птицами шли «с моря», очевидно, что на Терский берег они попадали морем. Морской путь на Терский берег лежал от т. н. «Летнего берега» (северо-восточной части Онежского полуострова) и из Двинской губы Белого моря. В таком случае погосты, с которых данщикам князя Андрея должны были идти корма и предоставляться подводы, были заонежскими и двинскими.

Грамота Андрея Александровича сохранила обращение «къ скотником». Как показал проведенный выше анализ ярославских грамот 1495–1501 гг. и более ранних двинской (1418–1425 гг.) и заонежской (первая половина 70-х гг. XV в.) грамот, написание «скотник» вместо «сотник» было явлением отнюдь не уникальным. Очевидно, что «скотником» грамоты князя Андрея — описка, возможно, позднейшего копииста, исказившего (впрочем, до узнаваемости) слово «сотником». Таким образом, самая ранняя из известных в настоящее время указных княжеских грамот свидетельствует о том, что в новгородских заонежских или двинских погостах в начале XIV в. действовали сотские. На этих сотских, наряду с посадниками и старостами, возлагались обязанности по обеспечению продовольствием и транспортом княжеских данщиков.

* * *

Руководствуясь принципом постепенного перехода от анализа более позднего материала к анализу более раннего, перейдем к рассмотрению свидетельств послемонгольского XIII в. Наиболее поздним из них является рассказ об организации «ста» (сотни, сотен) в западнорусском городе Берестье (современный Брест) в 1289 или в 1290 г., содержащийся в Ипатьевской летописи. В ее галицково-волинской части сообщается о том, как после смерти владимирово-волинского князя Владимира Васильковича (10 декабря 1289 г.) его владения должен был получить двоюродный брат Владимира Мстислав Данилович. Однако на земли волин-

⁹⁴⁶ Там же. С. 331.

⁹⁴⁷ «А как пошло при моѣмъ штицѣ и при моѣмъ братѣ не ходити на Терскую сторону новгородцем, и нынѣ не ходять» (АСЭИ. Т. III. № 1. С. 15).

⁹⁴⁸ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 126–134; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 68–70.

ского князя зарился старший брат Мстислава галицкий князь Лев. Княживший в Белзе и Червене сын Льва Юрий, войдя в сговор с жителями Берестья, ввел в город свои войска и обосновался в нем. Тогда Мстислав пригрозил брату и племяннику приводом татар. Юрий вынужден был оставить город, а активно поддерживавшие его жители Берестья бежали в Дорогичин⁹⁴⁹.

После наведения порядка в освобожденных владениях Мстислав «приѣха в Берестии и рече бошаромъ своимъ: „Есть ли ловчии здѣ?“ Уни же рекоша: „Нету, господине, из вѣка“. Мстислав же рече: „азъ пакъ оуставляю на нѣ ловчее, за ихъ коромолоу, абы мь не позрѣти на нихъ кровь“. И повелѣ писцю своему писати грамоту: „Се азъ князь Мьстиславъ, сынъ королевъ, вноукъ Романовъ, оуставляю ловчее на Берестьяны и в вѣкы за ихъ коромолоу: со ста по двѣ лоукнѣ меду, а по двѣ ѡвцѣ, а по пѣтидцѣть десѣткъвъ лноу, а по стоу хлѣба, а по пѣти цебровъ ѡвса, а по пѣти цебровъ ржи, а по 20 коурь, а по толкоу со всѣаго ста. А на горожанахъ 4 гривны коунъ. А хто мое слово пороушить, а станеть со мноу передъ богомъ“»⁹⁵⁰.

Из приведенного летописного рассказа и княжеской грамоты следует, что князь Мстислав Данилович, не желая проливать кровь изменявших ему жителей Берестья, решил наказать их другим способом. Он организовал у них до тех пор не существовавшее в Берестье «ловчее», т. е. свою охотничью службу. Записанные в эту службу люди, по-видимому, были поделены князем на сотни, на что намекают слова «со всѣаго ста», или же Мстиславом было использовано уже существовавшее деление берестьян на сотни. Судя по размерам самой дешевой продуктовой повинности («а по стоу хлѣба»), сотня состояла из ста человек. С сотни, как определенной единицы, князь Мстислав назначил поборы. Они взимались продуктами сельского хозяйства, в принципе такими же, что и с крестьян новгородских Деревской и Волдской пятин в конце XV в. Размер поборов был невелик. Так, одна овца, судя по составленной в XII в. Пространной редакции Русской Правды, стоила всего 0,1 гривны кун⁹⁵¹. Но если с сотни собирался весьма скромный в денежном выражении налог, то в чем же выражалось наказание Мстиславом жителей Берестья?

Сравнение свидетельств приведенной в летописи грамоты Мстислава с показаниями документов более позднего времени позволяет заключить, что грамота конца XIII в. зафиксировала только корм, который должен был получать княжеский ловчий и его помощники (тиун, доводчик) от объединенных в сотню людей⁹⁵². А кроме того, такие люди обязаны были принимать участие в охоте на лосей, медведей, волков, лисиц, кормить охотников и их собак, давать подводы и проводников⁹⁵³. Возможно, что понизился социальный статус этих людей. Оста-

⁹⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 928–931.

⁹⁵⁰ Там же. Стб. 932.

⁹⁵¹ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 89.

⁹⁵² Ср. свидетельства жалованной грамоты 1506 г. дмитровским бобровникам (АСЭИ. Т. III. № 27. С. 48).

⁹⁵³ Там же. № 42. С. 63; № 92. С. 125–126; Т. II. М., 1958. № 426. С. 466.

ваясь лично свободными, они могли выйти из сотни, но тогда они лишались бы своей земли, как это было в начале XV в. с некоторыми категориями населения, занятого в княжеском охотничьем хозяйстве⁹⁵⁴. Следовательно, учреждение «в вѣкы» князем Мстиславом Даниловичем ловчего в Берестье и связанного с данной отраслью княжеского хозяйства сотенного деления действительно явилось бременем для жителей этого города. Впрочем, не все жители Берестья были записаны в сотни. Оставались еще горожане, которые должны были платить князю 4 гривны кун, по-видимому, каждый в течение года. Как показывает сравнение с выплатами сотни, это был большой налог. Впрочем, он мог носить и единовременный характер.

В составленной в 1268 г. договорной грамоте Новгорода с владимирским князем Ярославом Ярославичем Тверским⁹⁵⁵ впервые встречается статья, указывающая на состав сотен. В этой статье, завершающей текст договора 1268 г., говорится следующее: «А что закладниковъ за Гюргемь на Торожку или за тобою, или за кн[я]гынею, или за мужи твоими: кто купецъ, тотъ въ сто; а кто смердь, а тотъ потягнетъ въ свои погостъ; тако пошло Новегородѣ, отпустите ихъ процъ». ⁹⁵⁶ Выясняется, что в Торжке, где были совместные владения Новгорода и владимирских князей, жили заложившиеся за Юрия⁹⁵⁷, самого князя Ярослава, его жену и бояр жители Новгородской земли. Новгород требовал возвращения этих людей, причем смерды должны были вернуться в свои погосты, а купцы — «въ сто». Данное требование не было единичным. Статьи, содержащие условия «кто купецъ, поидеть въ свое сто; а смѣрдь поидеть в свои погостъ»⁹⁵⁸, сохраняются в новгородских соглашениях с великим князем владимирским Михаилом Ярославичем Тверским 1305–1307 гг.⁹⁵⁹, с тем же Михаилом Ярославичем 1307 г.⁹⁶⁰, с великим князем владимирским Александром Михайловичем Тверским 1327 г.⁹⁶¹, с тверским великим князем Михаилом Александровичем 1371 г.⁹⁶², с московским великим князем Василием Васильевичем 1424 г.⁹⁶³.

⁹⁵⁴ ДДГ. № 17. С. 46 (текст о псарях и бобровниках).

⁹⁵⁵ 1268 годом грамота датирована В. Л. Яниным (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 147–150).

⁹⁵⁶ ГВНП. № 3. С. 13.

⁹⁵⁷ Это князь Юрий Андреевич, сын брата Ярослава Ярославича Андрея Ярославича. Князь Юрий был наместником Ярослава Ярославича в Новгороде. См.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 150.

⁹⁵⁸ ГВНП. № 6. С. 16.

⁹⁵⁹ Там же. О дате грамоты см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 152–154.

⁹⁶⁰ ГВНП. № 9. С. 20; № 10. С. 22. О дате грамоты см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 161–163.

⁹⁶¹ ГВНП. № 14. С. 28. О дате грамоты см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 155.

⁹⁶² ГВНП. № 15. С. 30. О дате грамоты см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 91–94.

⁹⁶³ ГВНП. № 19. С. 36. О дате грамоты см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 173–177.

Еще Н. М. Карамзин высказал мнение, что процитированная статья договоров XIII–XV вв. Новгорода с великими князьями имеет в виду горожан («купцов») и сельчан («смердов»), которые были по-разному организованы: «купцы» распределялись по сотням, а «смерды» — по погостам⁹⁶⁴. Эта точка зрения разделялась и в советской исторической науке⁹⁶⁵. Однако в тех же новгородско-великокняжеских договорных грамотах содержатся статьи, которые заставляют сомневаться в такой четкой разделенности городских и сельских жителей. В более ранней докончальной грамоте Новгорода Великого с тем же владимирским князем Ярославом Ярославичем включено требование новгородцев к владимирскому князю: «а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной весте»⁹⁶⁶. Данное требование представляется несколько странным, если полагать, что «купцы» грамоты — исключительно городские жители и к селам отношения не имели. Еще одна косвенная характеристика «купцов» дана в новгородско-великокняжеском докончании начала XIV в.: «И купчины въ силу не судити въ волости»⁹⁶⁷. Эти две статьи договорных грамот с несомненностью свидетельствуют о пребывании «купцов» в сельской местности (селах и волостях). Конечно, они могли находиться там временно, скажем, по своим торговым делам, и новгородско-великокняжеские соглашения как раз и имели в виду случайное пребывание «купцов» не в городе, а вне его. Выше уже цитировалась одна из двинских грамот 50-х гг. XV в., фиксирувавшая сделку между Авксентием Григорьевичем и княжостровцами. Княжостровцы выкупили у Авксентия Григорьевича принадлежавший ему участок земли и отдали его церкви св. Богородицы. Среди свидетелей совершившегося «ряда» был и «Кузма Тимофѣвичъ, староста купечкеи»⁹⁶⁸. Поскольку Княжостровская волость располагалась на острове в р. Лявле или по ее берегу у устья Северной Двины⁹⁶⁹, где в XV в. никаких городов не было, ясно, что «староста купечкеи» жил в сельской местности. Тем самым становится понятным, почему в договорах XIII — начала XIV в. Новгорода с князьями упоминаются «села», где у «купцов» нельзя было брать повозов, т. е. снаряженных, приготовлен-

⁹⁶⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М.: «Наука», 1992. С. 65, 224, примеч. 133.

⁹⁶⁵ Б. А. Рыбаков полагал, «что под „сотней“ можно подразумевать и купеческую корпорацию, и территориально-профессиональное объединение ремесленников...» (см.: Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 718). «Первоначальным ремесленным объединением» горожан-новгородцев считал сотни М. Н. Тихомиров (см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 133). Л. В. Черепнин признавал сотню объединением городских ремесленников и купцов (см.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. II. С. 77 (раздел написан Л. В. Черепниным)).

⁹⁶⁶ ГВНП. № 2. С. 11. Эта статья имеется и в других докончаниях XIII–XV вв. Новгорода с великими князьями, но без указания на села (см.: Там же. № 3. С. 13; № 6. С. 16; № 7. С. 18; № 9. С. 20; № 10. С. 22; № 14. С. 28; № 15. С. 30; № 19. С. 35).

⁹⁶⁷ Там же. № 7. С. 18.

⁹⁶⁸ Там же.

⁹⁶⁹ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. Прилож. С. 21.

ных для езды верховых коней, и волости, в которых запрещалось насильно этих «купцов» судить. Очевидно, что «купцы» — это не только жители города, но и определенная категория сельского населения. И эта категория сельского населения была распределена в XIII–XV вв. в Новгороде по сотням. О сельском сотском упоминает уже цитировавшийся выше договор марта–мая 1471 г. Новгорода Великого с польским королем Казимиром IV, о постоянном проживании сотских в сельской местности свидетельствует целый ряд актов XV в. Северо-Восточной Руси.

Очень интересные данные о сотских и сотнях содержит новгородский «Уставъ Ярослава князя о мостѣхъ». «Уставъ» датируется 1265–1267 гг.⁹⁷⁰. В нем приводится перечень новгородских сотен: «1-я Давыжа ста, 2 Слѣпчава ста, 3-я Бьыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6 Кондратова ста, 7 Романова ста, 8 Сидорова ста, 9 Гаврилова ста, 10 Княжа ста, 11 Княжа, 12 Ржевьскаа, 13 Бежичкаа, 14 Вочьскаа, 15 Обонискаа, 16 Лускаа, 17 Лопьскаа, 18 Поволховьскаа троирилѣ, 19 Яжолвичьскаа двоирилѣ...»⁹⁷¹. Девять сотен названы по личным именам, одна определена как «княжа». Далее следуют еще девять названий без пояснения, что это названия сотен, но, судя по форме определений (жен. рода, ед. числа), речь все-таки идет о сотнях.

Рассмотрение названий первых девяти сотен показывает, что больше половины таких названий происходит от имен людей, упоминаемых в летописных описаниях событий 1268–1270 гг. Так, в Раковорской битве 1268 г. с немцами пропал без вести новгородский тысяцкий Кондрат⁹⁷². В том же году новгородским тысяцким стал Ратибор Клукович⁹⁷³. В 1270 г. упоминаются новгородские бояре Гаврило Киянинов, Олекса Морткинич и Роман Болдыжевич⁹⁷⁴. Очевидно, что все эти люди стояли во главе сотен, названных по их именам в «Уставе». Если так, то можно говорить, что новгородские сотни возглавлялись сотскими-боярами. Следует также отметить, что, судя по соответствию названий «Кондратова ста», «Ратиборова ста» и имен тысяцких Кондрата и Ратибора, сотские выбирались в тысяцкие. Правда, нет ясных данных относительно того, выбирался ли новгородский тысяцкий обязательно из числа сотских или нет, но попадание в тысяцкие сначала Кондрата, а затем Ратибора заставляет считать реальным первый вариант.

Вернемся, однако, к перечню сотен в «Уставе Ярослава князя о мостѣхъ». Две сотни назывались княжими потому, вероятно, что заранее предназначались князьям, которые приглашались на стол в Новгород. Последние девять сотен, определяемые по различным подчиненным Новгороду территориям, свидетельствуют, что сотни стали организовываться в сельских местностях. Возглавлялись они, скорее всего, местными сотскими.

⁹⁷⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 147.

⁹⁷¹ НПЛ. С. 507.

⁹⁷² Там же. С. 86, 87.

⁹⁷³ Там же. С. 88.

⁹⁷⁴ Там же.

В первой договорной грамоте Новгорода с владимирским князем Ярославом Ярославичем, датируемой 1264 г.⁹⁷⁵, сотские фигурируют в *intitulatio* договора: «[Благосл]овлен[и]е от владыки, поклонь от по[са]д[н]ика [Ми]хаила, и от [т]ы-сяцьскаго Кондрата, и [от] вс[е]хъ соцьскихъ, и [от] всехъ старѣшихъ, и от всего Новагорода...»⁹⁷⁶. Выясняется, что в послемонгольский период в Новгороде существовало несколько сотских одновременно, которые выполняли дипломатические функции и наряду с другими должностными лицами участвовали в выборе князя.

Новгородская берестяная грамота № 294, которая датируется 20–60-ми гг. XIII в., сохранила известие, по-видимому, о новгородском сотском более раннего времени. Однако в этой грамоте читается лишь «[с]оцекоего а пос...»⁹⁷⁷, что интерпретировать крайне трудно. Широкая датировка грамоты не позволяет отнести ее определенно ни к послемонгольскому времени, ни ко времени до нашествия Батыя. Однако сведения других источников, явно относящихся к домонгольскому времени, свидетельствуют о существовании на Руси и в тот период как сотских, так и сотен.

Так, под 1231 г. в Ипатьевской летописи рассказывается о вече, которое собрал в г. Галиче местный князь Даниил Романович, чтобы решить вопрос о войне с белзским князем Александром Всеволодовичем и изменившими Даниилу боярами. На вече присутствовал тысяцкий Даниила Демьян и 18 княжеских отроков. Вече высказалось за войну. На вече выступил сотский Микула, который также поддержал князя: «Господине, не погнетши пчель, медоу не ѣдать»⁹⁷⁸. Сотский Микула, вероятно, был связан с тысяцким Демьяном, являлся, как и он, сторонником князя Даниила, возможно, входил в его окружение, а потому позволял себе говорить хотя и иносказательно, но по смыслу достаточно грубо. Этот сотский, по-видимому, принял участие в походе Даниила на Перемышль, где укрылся белзский князь.

Годом раньше в новгородском летописании встречается упоминание сотен. В 1230 г. новгородцы, в результате бурных событий выбравшие нового посадника и нового тысяцкого, «по стомъ разделиша» имущество, хранившееся в разграбленных ими дворах посадников Семена Борисовича и Внезда Водовика⁹⁷⁹.

Договор 1229 г., заключенный смоленским князем Мстиславом Давыдовичем с Ригой и Готским берегом (Готландом), называет одного из смоленских послов Пантелеем сотским. Так в списках D, E, F этого договора, представляющих собой наиболее раннюю, рижскую редакцию соглашения⁹⁸⁰. В списках А, В, С памятни-

⁹⁷⁵ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 145.

⁹⁷⁶ ГВНП. № 1. С. 9.

⁹⁷⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 426. № 294.

⁹⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 763.

⁹⁷⁹ НПЛ. С. 70.

⁹⁸⁰ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 35, 40, 45. О соотношении списков договора 1229 г. см.: Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 111–112.

ка, или в готландской редакции договора, Пантелей назван «умным мужем»⁹⁸¹. Судя по готландской редакции, сотский Пантелей был вторым человеком в смоленском посольстве после Еремея — «лучшего попа» князя Мстислава Давыдовича.

В 1216 г. перед битвой на Липицком поле торопецкий князь Мстислав Мстиславич послал к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу «Лариона сочскаго» с предложением сепаратного мира. Юрий отверг переговоры. Сотский Ларион передал Мстиславу и новгородцам язвительный ответ владимирского князя на сделанное ему предложение⁹⁸². Случай с сотским Ларионом свидетельствует о том, что сотским давались не только дипломатические поручения, они принимали участие и в боевых действиях.

* * *

Дипломатические функции сотских отмечаются и источниками XII в. В 1197 г. из Новгорода к Всеволоду Большое Гнездо во Владимир отправились «переднии мужи и сътський» просить у него князя на новгородский стол⁹⁸³. В качестве дипломатов действовали несколько сотских. Всеволод дал новгородцам своего племянника Ярослава Владимировича⁹⁸⁴.

Незадолго до этого, в 1195 г., новгородцы посылали «Мирошку посадника и Бориса Жирославиця, Микифора съцьскаго» к Всеволоду Большое Гнездо, прося у него сына на новгородский стол, но тогда в их просьбе было отказано⁹⁸⁵. Сотский Никифор, возможно, новгородский боярин Никифор, который упоминается в летописной статье 1215 г.⁹⁸⁶

Ценные данные о сотских содержит такой памятник права, как «Уставъ великого князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ, и о людѣхъ, и о мѣрилахъ торговыхъ». Сам «Уставъ» является новгородским документом XV в., но в его основе лежат источники XII в. Составление «Устава» приписано великому князю Всеволоду, который «съзваль есмь 10 сочкихъ и старосту Болеслава, и бириця Мирошку, и старосту Иваньскаго Васяту, и погадал есмь съ владыкою и съ своею княгынею, и съ своими боляры, и съ десятию сочскими и съ старостами»⁹⁸⁷. Из этой преамбулы

⁹⁸¹ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. С. 20, 25, 30.

⁹⁸² НПЛ. С. 56.

⁹⁸³ Там же. С. 43 и примеч. 3; ср. с. 236.

⁹⁸⁴ Ю. Г. Алексеев считает, что «переднии мужи сътський» встречали князя Ярослава Владимировича, приехавшего в Новгород в 1198 г. (см.: Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 35). В этом случае сотские обретали бы еще одну функцию. Но летопись говорит о том, что эти люди «идоша из Новгорода» во Владимир к Всеволоду Большое Гнездо.

⁹⁸⁵ НПЛ. С. 42.

⁹⁸⁶ Там же. С. 54. В «Указателе личных имен» к НПЛ Никифоры летописных статей 1195 и 1215 гг. отождествлены без каких-либо оговорок.

⁹⁸⁷ Там же. С. 486.

законодательного акта видно, что сотские в Новгороде представляли собой определенную организацию, насчитывавшую десять человек. С ними советовался князь, следовательно, сотские обладали совещательным правом. Княжеское обсуждение касалось веса продуктов питания, ремесленного сырья, размеров тканей и денежных единиц, из чего следует, что сотские имели отношение к экономике Новгорода. Сотские были причастны к контролю над различными весовыми приборами, мерными образцами для определения длины, следили за людьми, в ведении которых находились такие средства, а в случае нарушения установленных показаний получали треть из конфискованного имущества лица, уличенного в фальсификациях: «а третья треть сочскимъ и Новугороду»⁹⁸⁸. Иными словами, сотские получали часть судебных штрафов, взимавшихся после рассмотрения торговых дел, причем какая-то доля таких штрафов шла всему Новгороду, возможно, на изготовление новых средств измерения.

«Устав» также предписывал «домъ святѣи Софии владыкамъ строити съ сочскими»⁹⁸⁹. Глагол «строити» здесь, скорее всего, употреблен в значении «заботиться». Последнее явно включало в себя удовлетворение различных хозяйственных нужд новгородской архиепископской кафедры, и в этом сотские могли быть полезны. Выявляются, таким образом, не только юридические, но и хозяйственные стороны деятельности сотских.

Сложность оценки приведенных указаний «Устава» заключается в том, что они не одновременны. Если свидетельство о существовании в Новгороде 10 сотских, с которыми советовался князь, может быть отнесено ко времени до 1191 г.⁹⁹⁰, отчисление в пользу сотских трети судебных штрафов может быть датировано примерно тем же временем⁹⁹¹, то участие сотских в «строительстве» дома св. Софии стало возможным после 1156 г.⁹⁹², а перечень различных эталонных предметов-мерил пополнялся вплоть до конца XIII столетия⁹⁹³.

О политической роли сотских свидетельствует рассказ Ипатьевской летописи под 1179 г. В том году смоленский князь Мстислав Ростиславич Храбрый, приглашенный княжить в Новгород, организовал поход на чудскую (эстонскую) землю. Поход оказался успешным. Было захвачено много пленных и скота. Далее летопись сообщает: «Идоуще же емоу (Мстиславу Ростиславичу. — В. К.) с Чюди и вниде во Псковъ и изыма сотьскѣи про Бориса, сыновца своего, зане не хотѣхоутъ сыновца его Бориса»⁹⁹⁴. Борис — это племянник Мстислава князь Мстислав-Борис Романович, в 1223 г., после битвы на р. Калке, погибший в татарском плену, заживо раздавленный телами татар, подложивших его и остальных захваченных

⁹⁸⁸ Там же. С. 487.

⁹⁸⁹ Там же. С. 486.

⁹⁹⁰ Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 91.

⁹⁹¹ Там же. С. 87, 90–91.

⁹⁹² Там же. С. 89.

⁹⁹³ Там же. С. 87–88.

⁹⁹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 608.

русских князей под доски и севших на эти доски обедать⁹⁹⁵. В 1179 г. псковичи не хотели сажать Мстислава-Бориса на псковский стол, и оппозицию князю возглавили сотские. Очевидно, что имелись в виду сотские, проживавшие в самом городе Пскове. Судя по остроте конфликта, сотские оказывали самое серьезное влияние на внешнюю политику Псковской земли. Не исключено, что по своему социальному статусу эти сотские принадлежали к боярам, поскольку именно местные бояре играли, как показывают события XII в. в Киеве, Галиче, Владимире, главную роль в приглашении и смене князей.

Раннее известие о социальном статусе сотских содержит Новгородская первая летопись старшего извода. Под 1118 г. в ней рассказывается о приводе Владимиром Мономахом и его сыном Мстиславом всех новгородских бояр в Киев. Бояре дали крестное целование князьям, а затем были отпущены домой. Но бояре, которые ограбили Даньслава и Ноздречу⁹⁹⁶, были арестованы. Среди них оказался и сотский Ставр⁹⁹⁷. Очевидно, что Ставр исполнял должность сотского, принадлежа к боярской прослойке жителей Новгорода.

Ценные сведения о сотских извлекаются из Повести временных лет и Русской Правды. Речь прежде всего идет об известном рассказе Ипатьевской летописи о киевском восстании 1113 г. 16 апреля названного года скончался киевский князь Святополк Изяславич, двоюродный брат Владимира Мономаха. Он умер где-то за Вышгородом, откуда его тело привезли в Киев и похоронили под городом в созданной им Михайловской Златоверхой церкви. Вдова Святополка, дочь византийского императора Алексея I Комнина Варвара⁹⁹⁸, по смерти мужа раздала богатые дары монастырям, священникам и нищим, но это не спасло киевлян от сильнейшего социального потрясения. «Наоутрия же, — пишет летописец, — въ семы на 10 день свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, на стольть отень и дѣдень“. Се слышавъ Володимеръ плакася велми и не поиде, жая си по братѣ. Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячького, идоша на жида и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру, гл(агол)юще: „Поиди, княже, Киеву. Аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло оуздвигнетъся. То ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жида грабити, и паки ти поидуть на ятровъ твою и на бояры, и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти манастырѣ разъграбить“». Обстановка в Киеве накалилась настолько, что под угрозой разграбления оказались дворы бояр, ятрови Мономаха, т. е. вдовы его двоюродного брата — скончавшегося киевского князя Святополка Изяславича, и монастыри. Опасность дальнейшего распространения восстания вынудила Мономаха срочно отправиться в Киев. «Се же слышавъ, — продолжил летописец, — Володимеръ поиде в Киевъ». По приезде Мономаха в Киев «мятежъ

⁹⁹⁵ НПЛ. С. 63.

⁹⁹⁶ Даньслава и Ноздречу, следует, видимо, причислять к новгородским боярам. Во всяком случае, в Новгороде до конца XII в. сохранялась церковь св. Дмитрия, построенная Ноздречей в Плотничком конце (см.: НПЛ. С. 42).

⁹⁹⁷ НПЛ. С. 21.

⁹⁹⁸ *Donskoi D. Genealogie des Rurikides. Rennes, 1991, p. 33.*

влеже»⁹⁹⁹, т. е. утих. Согласно Лаврентьевской летописи, Владимир Всеволодович приехал в Киев в воскресенье 20 апреля¹⁰⁰⁰. Интерес вызывает как описание восстания собственно летописцем, так и рассказ о произошедшем самих киевлян, отраженный в их втором послании к Владимиру Мономаху. Летописец пишет о разграблении киевлянами двора киевского тысяцкого Путяты, родного брата прежнего воеводы киевской тысячи Яна Вышатича, приближенного боярина князя Святополка Изяславича¹⁰⁰¹, а также о грабеже евреев. Второе послание киевлян Владимиру Мономаху, княжившему в сравнительной близости от Киева в своем отчинном Переяславле, также содержит рассказ о восстании. В послании говорится о нападении киевлян на двор Путяты, хотя не объясняется, кем был Путята, о грабеже евреев, что повторяет сведения самого летописца, но дополнительно сообщает о разграблении дворов сотских.

При этом выясняется несколько фактов, характеризующих сотских. Во-первых, их дворы пострадали от восставших так же, как и двор тысяцкого Путяты. Во-вторых, делается очевидным, что дворы сотских были расположены в самом Киеве или очень близко под Киевом, поскольку киевляне сумели разграбить эти дворы за один день. В-третьих, бесспорен факт принадлежности сотских к людям зажиточным, в их дворах находилось или хранилось то, чем можно было поживиться. В-четвертых, обнаруживается связь, хотя тонкая и по контексту летописи не вполне ясная, сотских с тысяцким. В частности, представляется неслучайным, что в летописном известии об острой вспышке недовольства жителей Киева говорится только о разгроме двора тысяцкого, дворы сотских являются как бы само собой разумеющимся приложением к нему, потому отдельно даже не упомянуты. Наконец, в-пятых, может быть прояснена причина, почему пострадали сотские. Поскольку восставшие ограбили евреев, а последние во всех крупных городах средневековой Европы занимались разменом денег и ссудой их в кредит, беря за это проценты, и Киев, конечно, в этом отношении не был исключением, можно думать, что тяжелые условия займов, связанное с этим обнищание населения и вызвали резкое недовольство евреями киевлян. Что же касается причин их ненависти к тысяцкому и сотским, то здесь ответ хотя и возможен (те же, что и к ростовщикам-евреям), но не столь очевиден.

Он проясняется при обращении к Русской Правде. Еще Н. М. Карамзин, повествуя о киевском восстании 1113 г. и видя его причину в непомерных ростовщических процентах, связал с восстанием 1113 г. «закон», как он выражался, Владимира Мономаха о третьих ростах, включенный в «Устав Ярославов», т. е. Правду Русскую¹⁰⁰². Речь идет об особом разделе Пространной редакции Русской Правды, озаглавленном «Оуоставъ Володимѣрь Всевол(в)дича»¹⁰⁰³, т. е. Владимира Мо-

⁹⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 275–276.

¹⁰⁰⁰ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 290, под 6622 годом ультрамартовским.

¹⁰⁰¹ О Путяте см. ПСРЛ. Т. I. Стб. 272, 274, 280; ПСРЛ. Т. V. Л., 1925. С. 157, под 6614 годом.

¹⁰⁰² Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II–III. М.: Наука, 1991. С. 92–93.

¹⁰⁰³ Правда Русская. М.: Л., 1940. Т. I. С. 110.

номаха. «Оуставъ» начинается с сообщения, что «Володимѣрь Всеволѣдичь по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора Кижѣвскѣ[гѣ] тысячьскѣго, Прокѣпью Бѣлогородскѣгѣ тысячьскѣго, Станислава Переяславскѣгѣ тысячьскѣго, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, **Влгѣва мужа**». Очевидно, что «Оуставъ Володимѣрь Всеволѣдича» был составлен после смерти киевского князя Святополка Изяславича. М. Н. Тихомиров высказывал предположение, что созванное Владимиром Всеволодовичем Мономахом для выработки «Оустава» совещание в селе Берестовом, находившемся близ Киево-Печерского монастыря и являвшемся загородной резиденцией киевских князей, имело место до посажения Мономаха на киевский стол, т. е. до 20 апреля 1113 г.¹⁰⁰⁴. Следовательно, согласно М. Н. Тихомирову, берестовская встреча произошла между 17 и 20 апреля 1113 г., и «Оуставъ» стал непосредственным откликом на события 17 апреля. Но если киевляне послали вторичное приглашение княжить у них Мономаху в его Переяславль после восстания 17 апреля, то тот успевал за столь короткое время лишь собраться и доехать из Переяславля до Киева. Между 18 и 20 апреля 1113 г. не находится дня, в который можно было собраться в Берестовом и выработать новый «Оуставъ». Ясно, что совещание в Берестовом и принятие «Оустава» могло произойти только после занятия Владимиром Мономахом киевского стола. Об этом же свидетельствует сам факт созыва совещания в Берестовом именно Мономахом, исполнение должности киевского тысяцкого Ратибором, а не Путятой, пострадавшим во время восстания 17 апреля и, видимо, отстраненным от своей должности, присутствием в Берестовом белгородского тысяцкого Прокопия, который подчинялся только киевскому князю. В то же время написание «Оустава» последовало вскоре после смерти Святополка Изяславича, поскольку именно это событие отмечено в «Оуставе» как хронологический ориентир.

Хотя в науке высказано мнение, что к данному Уставу должны быть отнесены все статьи Пространной Русской Правды, последующие за приведенным ранее заголовком, т. е. целиком вторая половина памятника¹⁰⁰⁵, большинство исследователей включает в мономахов Устав только статьи 53–66 Пространной Правды (по делению издателей «Правды Русской» 1940 г.)¹⁰⁰⁶. Эти статьи посвящены вопросам о возвращении взятого взаймы долга, о правовом статусе закупа, получившего купу-кредит, и отчасти холопа. Поэтому Устав Владимира Всеволодовича иногда расценивается в научной литературе как Устав о резах и закупках¹⁰⁰⁷.

Статья 1 этого Устава (статья 53 Пространной Правды) после перечня собравшихся в Берестове, который приведен выше, сообщает, что Владимир Моно-

¹⁰⁰⁴ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 98.

¹⁰⁰⁵ Последним из исследователей, придерживавшихся такой точки зрения, был С. В. Юшков. См.: Юшков С. В. Русская Правда. М., 1950. С. 331–338.

¹⁰⁰⁶ Правда Русская. Т. I. С. 110–112 и др.; Т. II. М.; Л., 1947. С. 423–543; ПРП. Вып. I. С. 161.

¹⁰⁰⁷ ПРП. Вып. I. С. 161.

мах вместе с тысячками и боярами «оуоставили до третьяго рѣза, оже кметль въ треть куны; аже кто возьметъ два рѣза, то то ему взати исто; паки ли возьметъ три рѣзы, то иста кму не взати. Аже кто кметль по 10 кунъ ѿ дѣта на гривну, то тогѡ не ѡтмѣтати»¹⁰⁰⁸. Из приведенного постановления сравнительно легко устанавливается смысл последнего распоряжения Владимира Мономаха и его советников: они оставляли в силе обычай брать в год с 1 гривны 10 кун. Из статьи 28 Русской Правды Краткой редакции следует, что 1 гривна равнялась 25 кунам, или 50 резанам¹⁰⁰⁹. Статья 42 («поклон вирный») того же памятника устанавливает, что вирнику при сборе виры в среду и пятницу должны были платить по резане. Такое решение в первой половине XI в. принял Ярослав Мудрый¹⁰¹⁰. В Русской Правде Пространной редакции в том же «Поклоне вирном» вместо резаны фигурирует куна¹⁰¹¹. Очевидно, при сыновьях Ярослава Мудрого, внесших целый ряд дополнений и уточнений в Русскую Правду, соотношение гривны и куны изменилось. Во второй половине XI в. куна стала равной резане, т. е. в 1 гривне оказалось уже не 25, а 50 кун. При указанном соотношении взимание 10 кун с гривны, о чем говорит Устав Владимира Мономаха, означало получение 20% годовых с отданной в долг суммы. Такой размер ростовщического процента был широко распространен в средневековой Руси, причем в течение многих столетий¹⁰¹². Очевидно, и во времена Владимира Мономаха этот процент представлялся приемлемым и кредиторам, и кредитуемым, а потому был оставлен киевским князем и его советниками без изменения. Новации коснулись, по-видимому, случаев, когда кредитор взимал с должника более 20% от ссуженной суммы.

Исходя из подобной мысли, исследователи и пытались разъяснить постановление о резах, предшествовавшее в Уставе Владимира Всеволодовича постановление о незыблемости тех соглашений — «рядов», по которым заимодавец получал 20% от одолженных денег. Наибольшее распространение получили комментарии В. О. Ключевского.

Исходя из того, что слово «рѣзь» означает «процент», а выражение «кметль въ треть куны» имеет в виду получение 50% годовых — «на два третий», В. О. Ключевский гораздо конкретнее своих предшественников разъяснял трудный смысл постановления о резах Владимира Мономаха¹⁰¹³. Не случайно поэтому, что даже в переводе 1910 г. статьи 53 Пространной редакции Русской Правды на современ-

¹⁰⁰⁸ Правда Русская. Т. I. С. 110.

¹⁰⁰⁹ Там же. С. 72, 80. О соотношении названных здесь денежных единиц см.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 82 (комментарий к статье 26).

¹⁰¹⁰ Правда Русская. Т. I. С. 73, 81.

¹⁰¹¹ Там же. С. 105 (статья 9).

¹⁰¹² Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 97 (комментарий к статье 47); Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 225 (комментарий к грамоте № 45); Кучкин В. А. Рубль и его фракции по документальным данным XIV — первой трети XVI вв. // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород, 2001. С. 141–147.

¹⁰¹³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 248.

ный русский язык сильно сказало влияние комментария В. О. Ключевского¹⁰¹⁴, а в учебной литературе советского времени такое толкование статьи 53 было предпочтено всем другим¹⁰¹⁵.

Между тем уже само понимание резов как процентов (здесь В. О. Ключевский шел за своими предшественниками, начиная с историка XVIII в. И. Н. Болтина) противоречит тексту статьи 53. В самом деле, если в постановлении «аже кто возьмет два рѣза, то то ему взати исто» под словом «рѣз» еще можно разуть проценты, поскольку «исто» (или «истину» — одолженную кредитором сумму) заимодавцу еще предстояло вернуть, то клаузула статьи 53 «паки ли возьмет три рѣзы, то иста ему не взати» четко приравнивала 3 реза не к процентам с суммы, а к самой одолженной сумме вместе с наросшими на нее процентами. Очевидно, что термином «рѣз» обозначался не процент, а размер выплаты по погашению долга, включавший в себя как часть взятой взаймы суммы, так и часть следуемых с этой суммы процентов, которые в средневековой Руси обозначались совсем другими терминами: «нам» или «наклад»¹⁰¹⁶.

Что касается выражения «в треть», под которым В. О. Ключевский разумел выплату процента «на два третий», то под ним следует понимать выплату по третям одолженной суммы вместе с оговоренными процентами. Именно такое условие содержится в датируемой 1313–1340 гг. новгородской берестяной грамоте № 45, где лицо, взявшее ссуду в 2,5 рубля, обязывалось вернуть ее с процентами в течение 3 лет, выплачивал кредитору по 13,5 гривен ежегодно¹⁰¹⁷. Очевидно, что постановление Владимира Мономаха о резах регулировало трехгодичные кредитные отношения не прямым путем снижения процентной ставки, а путем отсрочки платежей (при двух взносах сумма кредита погасалась не на третий год, а в последние годы) или аннуляции долга при трех взносах.

Статья 54 Пространной Русской Правды (2 статья Устава Владимира Мономаха) рассматривает вопрос о «купце» (неясно, купце — торговце или человеке, получившем «кupu»), который, взяв чужие деньги, лишился их в результате стихийных бедствий (бурь, пожаров) или во время войны. Такого человека нельзя было продать в холопы, нельзя было и применить к нему какого-либо насилия, он мог оставаться свободным, но с течением времени должен был выплатить свой долг. Если же такой купец терял деньги по собственной вине, пропивал их или проигрывал, то его судьба целиком вверялась в руки заимодавца: подобного должника можно было продать в холопы, но можно было и ждать от него получения долга, правда, в течение более длительного времени.

¹⁰¹⁴ Правда Русская. Т. II. С. 426, перевод (Ст.). Имеется в виду издание «Киевская Русь» (М., 1910) под редакцией В. Н. Сторожева, которому и принадлежит перевод рассматриваемой статьи Русской Правды.

¹⁰¹⁵ ПРП. Вып. I. С. 162–163; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 98. Комментарий к статье 48; Российское законодательство X–XX вв. Т. I. М., 1984. С. 101–102 (комментарий Я. Н. Шапова).

¹⁰¹⁶ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 637.

¹⁰¹⁷ Кучкин В. А. Рубль и гривна по документальным данным XIV–XV вв. С. 42.

Следующая 55 статья регулировала отношения несостоятельного должника со многими кредиторами. Такого человека следовало продать в холопы, конфисковать его имущество. Полученные средства нужно было отдать сначала иноземным и иногородним кредиторам, а затем местным, но среди последних — в первую очередь князю. Если среди кредиторов указывался человек, уже бравший многие резы с должника, то такой заимодавец не получал ничего.

56 статья Пространной Русской Правды рассматривала случаи ухода закупа от своего господина. Если закуп бежал, чтобы скрыться, то он становился полным (обельным) холопом своего господина. Но если он уходил от него открыто на время, чтобы найти деньги или обратиться в суд князя или его представителей, то он оставался свободным, а судьи должны были рассмотреть его дело.

57 статья Пространной Русской Правды посвящена пользованию имуществом определенной категории закупов — ролейных, т. е. работавших на пашне. Если такие закупы получали от кредитора, становившегося их господином, помимо купы еще и орудия пахотного труда — плуги и бороны — и ломали их, то они должны были за такой ущерб платить господину. Но если плугу или бороне наносилось повреждение во время отсутствия закупа, которого господин мог привлечь для исполнения других своих дел, закуп за поломку пахотных орудий не отвечал. Не платил он и за погубленного коня, который в самых древних списках Пространной редакции Русской Правды определен как «воиский конь»¹⁰¹⁸, а в списках Оболенско-Карамзинского вида и Музейского вида (XV в.) Русской Правды — как «своиский конь»¹⁰¹⁹. Если речь шла о собственном коне закупа, как, по-видимому, полагали редакторы поздних видов Русской Правды, то тогда постановление о неплате закупом штрафа за своего погубленного коня становится излишним. Речь, очевидно, должна идти о воинском коне, который был уже непригоден для военного дела в хояйстве господина и передавался за купу для обработки пашни. Смерть такого старого или израненного коня под плугом у закупа не должна была сопровождаться взиманием штрафа с закупа в пользу хозяина коня. Случаи использования бывших военных коней в сельскохозяйственных работах известны по русским материалам более позднего времени¹⁰²⁰.

Статья 58 продолжала тему о правах и обязанностях ролейного закупа. Если господский скот, за которым присматривал закуп, был украден из хлева, то закуп освобождался от штрафа за это. Но если закуп губил скот в поле, не загонял его во двор, не запирали ворота и скот пропадал, то закуп платил штраф. Он платил также и за порчу скота, когда использовал его для своих нужд¹⁰²¹.

Статья 59 Пространной редакции Русской Правды рассматривала другую сторону взаимоотношений закупа и его кредитора — господина. Если статьи 57–58 трактовали вопрос об отношении закупа к имуществу кредитора, то статья 59 регулировала отношение господина к имуществу закупа. Если господин наносил ка-

¹⁰¹⁸ Правда Русская. Т. I. С. 111, 130, 287, 334 и др.

¹⁰¹⁹ Правда Русская. Т. I. С. 355, 381.

¹⁰²⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 101. Л. 359 об.

¹⁰²¹ Правда Русская. Т. I. С. 111.

кой-то урон взятым в качестве купы средствам закупа или его земельному участку-отарице, то он должен был возместить закупа весь ущерб, а за обиду заплатить ему еще 60 кун¹⁰²².

Последующие статьи 60–62 Пространной редакции Русской Правды посвящены личностным отношениям закупа и его кредитора — господина. Наиболее сложна для понимания статья 60: «Паки ли прииметь на немь кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть приналъ, а за обиду платити кму 3 гривны продажи»¹⁰²³. Мнения ученых, изучавших данную статью, разделились. Одни считали, что речь идет о взимаемых кредитором с должника лишних по сравнению с оговоренными ранее сумм, другие усматривали в данной статье запрещение передавать закупа другому лицу за деньги, получаемые с последнего¹⁰²⁴. В первом случае выражение «на немь» статьи 60 должно переводиться как «у него», во втором — как «за него». Предлог «на» в значении предлога «у» не употреблялся, а в значении предлога «за» известен¹⁰²⁵. В этом случае оказываются правы те исследователи, которые усматривали в статье 60 запрещение операций за спиной закупа о передаче его от одного господина к другому. В случае осуществления таких операций деньги, полученные первым хозяином закупа, возвращались второму, а с первого взыскивались еще и 3 гривны продажи в пользу князя. Сам же закуп не получал ничего, очевидно, потому, что менялось его фактическое положение, он обязан был возвращать ссуду новому хозяину, но юридический статус закупа оставался прежним.

Статья 60 тесно связана со статьей 61, запрещавшей господину продавать закупа «обель», т. е. в полное холопство. Превращение закупа в обельного холопа резко меняло его правовое положение, а потому подобное насилие над «наймитом» (термин 61 статьи) наказывалось строже, чем передача закупа другому хозяину: долговые обязательства закупа ликвидировались, а господин должен был заплатить князю 12 гривен «продажи»¹⁰²⁶.

Следующая, 62, статья Пространной Русской Правды рассматривала случаи избияния закупа господином. Такое избияние признавалось законным, если закуп били «за дело». Но если господин избивал закупа по дурости, «не смысла, пьянь» и «без вины», то он должен был платить штраф как за избияние свободно-го человека¹⁰²⁷.

¹⁰²² Там же.

¹⁰²³ Там же.

¹⁰²⁴ Там же. Т. II. С. 516–519. Последние комментаторы статьи 60 Пространной Русской Правды понимают эту статью как запрещающую взимать с должника лишние выплаты. См.: ПРП. Вып. I. С. 166 (А. А. Зимин); Российское законодательство X–XX вв. Т. I. С. 104 (Я. Н. Шапов).

¹⁰²⁵ Срезневский И. И. Указ. соч. Т. II. Стб. 263 (значение 11).

¹⁰²⁶ Правда Русская. Т. I. С. 111.

¹⁰²⁷ Там же. Согласно статьям 29–31 Пространной редакции Русской Правды, человек, избивший другого, должен был заплатить пострадавшему 1 гривну, или 60 кун, за побои, а князю 3 гривны продажи; см.: Там же. С. 106.

В статье 63 устанавливался размер штрафа, который уплачивал господин за покражу его холопом чужого коня.

Статья 64 снова возвращает нас к закупам. Она на более широком материале рассматривает вопрос, поднятый в статье 63, но только применительно к заупу. Если последний крал у кого-то коня или что-то другое, то его господин был волен поступить двояко: он мог заплатить за заупа штраф за украденное, но тогда зауп превращался в его обельного (полного) холопа; но господин мог и отказаться от уплаты штрафа, возместив убытки потерпевшему за счет суммы, вырученной от продажи заупа в холопы, и взяв себе разницу между этой суммой и штрафом за покраденное¹⁰²⁸.

В статье 65 опять рассматривались нормы ответственности холопа, но на этот раз не за кражу, а за избиеение свободного человека.

Последняя статья, относимая исследователями к Уставу о резах и закупех Владимира Мономаха — 66 статья Пространной редакции Русской Правды. Она рассматривает вопрос о послухах и постановляет, что «в малѣ тажѣ по нужи възложити на заупа»¹⁰²⁹, т. е. в мелких судебных исках по необходимости можно было ссылаться на заупа как на свидетеля.

Таков характер 14 статей, относимых большинством исследователей к «Уставу Володимерь Всеволодича». В трех из них (53, 54 и 55) речь идет о порядке выплаты резов — платежей взятых под проценты сумм, возвращении кредита в случае неплатежеспособности взявшего в долг, порядке очередности уплаты долга нескольким кредиторам. 9 статей посвящены положению заупа — свободного человека, взявшего кредит — купу и обязанного эту купу вернуть. Рассматриваются имущественные отношения заупа-наймита и его кредитора-господина, устанавливаются штрафы за нанесение ущерба хозяйству того и другого; в определенные юридические рамки вводятся личные отношения заупа и господина. Зауп не мог уйти от господина, не заплатив ему долга; господин не мог передать заупа другому кредитору и тем более не мог превратить заупа в обельного холопа, но мог наказать (бить) его за дело; бездельное рукоприкладство не допускалось. Заупа можно было привлекать в качестве свидетеля в суде при рассмотрении мелких исков.

Если свести воедино сделанные обобщения относительно 12 из 14 постановлений Устава Владимира Мономаха, то отчетливо проступит одна особенность этих постановлений: регулирование отношений между кредиторами и заемщиками, которые часто называются закупками или наймитами.

Появление после смерти Святополка Изяславича законодательного памятника с таким содержанием нельзя не связывать с киевским восстанием 17 апреля 1113 г. Очевидно, что восставшие пытались добиться решения тех проблем, на которые и вынуждены были реагировать собравшиеся в Берестовом Владимир Мономах, его дружина и боярин Олега Черниговского Иванко Чудинович. А если так, то киевский тысяцкий Путята и киевские сотские должны были быть прича-

¹⁰²⁸ Правда Русская. Т. I. С. 111.

¹⁰²⁹ Там же. С. 112.

стны к выдаче кредитов, причем среди кредиторов мог быть и правивший в Киеве князь Святополк Изяславич, сам большой сребролюбец¹⁰³⁰, собиранию долгов и другим, связанным с ростовщичеством и положением взявших купу людей, делам и проблемам. Возмущение киевлян, особенно закупов, кабальными условиями займов и вызвало ограбление ими не только евреев, но и разгром дворов киевских тысяцкого и сотских в 1113 г.

Итоги

Рассмотрение сохранившихся свидетельств X — начала XVI в., относящихся к десятским и сотским, позволяет охарактеризовать возникновение и последующее развитие этих социальных групп на протяжении более чем пяти столетий. Если для выявления различных фактов, на основании которых можно оценивать деятельность десятских и сотских, приходилось применять логический метод исследования, идя от более массового и известного к редкому и неизвестному, от позднего к раннему, чтобы правильно интерпретировать случайные упоминания, то теперь можно следовать принципу историзма, последовательно выясняя эволюцию институтов десятских и сотских.

На исторической арене десятские и сотские появляются сравнительно поздно, в период существования Древнерусского государства. Никаких признаков связи этих должностных лиц с догосударственным устройством восточнославянского общества не обнаруживается. Институты десятских и возглавлявших их сотских возникают в период, когда в раннегосударственном русском обществе идут важные внутренние преобразования, когда господствующий класс, представленный князьями и их дружинами, отказывается от суливших большую добычу крупных военных походов на богатые соседние страны, походов, приводивших не только к успехам, но и к жестоким неудачам, и переходит к более надежной, не подверженной большим рискам и более интенсивной эксплуатации собственного населения. Из собираемых даней князьями нуждавшейся части этого населения выдавались мелкие ссуды-купы, которые должны были быть отработаны. Такие должники, называемые в разных местах и в разное время закупами, должниками, серебряниками, половниками, организовывались в ячейки-десятки, легко управляемые, удобные как для проведения различных работ, так и для взимания одолженных средств. Во главе таких десятков были поставлены десятские, а во главе более крупного объединения в десять десятков, т. е. сотни, — сотские. Десятские и сотские были людьми из княжеского окружения, первоначально составлявшие целое с боярами, гридями и нарочитыми мужами. Возникновение десятичной хозяйственной системы было связано с городом, основным местом княжеского проживания, а отнюдь не с селом. Это следует из того, что в X–XIII вв. сотские, о которых источники говорят много чаще, чем о десятских, фиксируются исключительно в

¹⁰³⁰ Об этом рассказывается в Киево-Печерском патерике. См.: Древнерусские патерики. М., 1999. С. 53–57, 65.

княжеских стольных городах: Киеве, Новгороде, Пскове, Смоленске, Галиче, а в последующее время — преимущественно в городах и околгородных округах. Яркий пример организации сотни (или ее использования) по княжеской инициативе дает история возникновения в конце XIII в. княжеского охотничьего хозяйства в Берестье.

С развитием княжеского хозяйства, которое удовлетворяло нужды не только одного князя и его семьи, но и обслуживало определенные потребности княжеского двора, т. е. было рассчитано и на личное, и на общественное потребление, децимальная система расширяется и укрепляется. Десятские и сотские стали консолидироваться в особые социальные группы, которые наделялись определенными правами и обязанностями.

Десятские являлись низшей руководящей прослойкой децимальной системы. Они принимали непосредственное участие в призыве на княжескую землю новых поселенцев, наделении их материальными средствами, организации черных людей для исполнения различных натуральных повинностей, в частности, строительных, в сборе налогов с членов своего десятка, наблюдали или сами производили межование земли, даже если границы устанавливались не между сельчанами, а между землями светских или церковных землевладельцев самых высоких рангов, присутствовали на судебных разбирательствах по земельным делам. Как показывает пример с десятским Погостицким десятком новгородской Велильской волости, получавшим померное, десятские, возможно, использовались и в других княжеских службах, выполняя должности померщиков, мытников и подобных им мелких чинов. В XV в. десятские все больше сливаются с крестьянской массой, они несут такие же повинности, что и их рядовые соседи по селам и деревням.

Статус сотских был более высоким. Им подчинялись десятские. Должность сотских занимали, особенно в раннее время, представители боярских фамилий. Главной функцией в деятельности сотских была хозяйственно-административная. Они организовывали производство по сотням, следили, как показывают новгородские материалы, за весом и размерами различных товаров, занимались кредитованием, собирали следуемые с сотен налоги, имели право суда, очевидно, над определенной категорией (или категориями) населения и по определенным юридическим делам, в частности, таким, как затрагивавшим поземельные права, долговые обязательства, представлявшим угрозу жизни и имуществу. Сотские контролировали различные земельные сделки, выступая в качестве «мужей» на суде низшей инстанции и свидетелей-послухов на суде высшей инстанции, доводчиками и послухами при проведении земельных границ. Пополняя численность своих сотен, они имели право выдавать новопоселенцам льготные грамоты от имени князей. Наряду с этим сотские выполняли дипломатические функции, принимая участие в составлении переписки и договоров с иностранными государствами и становясь послами в эти государства. Сотские участвовали также в войнах. Их политический вес, особенно в городах-республиках Новгороде и Пскове, был весьма значителен, от них в определенной степени зависело приглашение на стол того или иного князя. По данным XV в., сотские имели земельные владения, равные по своим размерам небольшой вотчине, получали корм от сельских жителей и тор-

говцев, в новгородских землях в их пользу шел особый налог — сотничьи куны. Пребывание в сотских в течение нескольких десятков лет скорее говорит о значимости сотских, чем об их выборности.

С течением времени децимальная система охватывала все большую территорию. От XIII столетия сохранились данные, свидетельствующие о распространении института сотских на сельскую местность. Прямо об этом говорят показания сотского относившейся к Москве волости Корзнев, который заявил, что о принадлежности селища Козлово Троице-Сергиеву монастырю он знает уже 60 лет, что могло быть только при постоянном проживании сотского в этой волости. Привилегированное положение сельских сотских выражалось в том, что за убийство такого сотского платили на 25% больше, чем за убийство рядового сельчанина.

В XIV столетии намечается слияние должности сотского и должности становщика, который должен был заботиться о строительстве княжеских станов, содержании там построек, обеспечении станов питанием и питьем для людей и кормом для коней. В XV в. исчезает понятие «сто» как определенной организации. Сотский возглавляет стан, который приходит на смену древней сотне. Земли черных людей, из которых эти десятки и сотни состояли, начинают переходить в руки светских и церковных вотчинников. Московская княжеская власть, сосредоточивая в своих руках все больше прав, гораздо меньше заботится о сохранении этих земель и децимальной системы в целом. При обладании большими территориями и ликвидации самостоятельности других княжеств московские правители уже не тратят средств для раздачи ссуд мелким крестьянским хозяйствам. Последние могут производить необходимые продукты не за купы, а по принуждению. Создание централизованного государства в итоге приводит к закрепощению крестьянства.

Генетически десятские и сотские не связаны с крестьянским миром, как некогда казалось Н. П. Павлову-Сильванскому. Их упоминания в источниках X–XV вв. не свидетельствуют о широком распространении в средневековой Руси крестьянской общины. Эти упоминания говорят о существовании княжеского хозяйства, медленно эволюционировавшего на протяжении столетий и резко изменившегося при создании единого Русского государства, когда у правителей-монархов появились совсем другие возможности собственного жизнеобеспечения. Для преобладающего в нашей исторической науке представления о том, что в раннем и развитом средневековье на Руси огромное значение имела крестьянская община, нужны другие факты и другие доказательства.

Исследования, представленные в данной монографии, позволяют сделать ряд новых выводов и отказаться от некоторых представлений, до сих пор распространенных или имеющих хождение в исторической науке.

Анализ данных источников о территориально-политической структуре Руси домонгольского периода подтвердил суждения тех исследователей, кто полагал, что при складывании государства происходило формирование нового территориального деления, нарушавшего пределы этнополитических общностей догосударственной эпохи. Основной административно-территориальной единицей Древнерусского государства («Русской земли», как оно именуется в древнейших источниках) была *волость*. Волость управлялась князем-Рюриковичем под верховной властью князя той же династии, находившегося в столице государства — Киеве. В XI–XII в. крупные волости обретают фактическую независимость от Киева. Независимые волости начинают именоваться *землями*, термином, которым обозначались суверенные государства. В таких землях формируются свои волости, управлявшиеся представителями местных княжеских семейств. Более позднее значение слова «волость» — мелкая территориально-административная единица, охватывающая сельское население, — в домонгольскую эпоху еще не сформировалось. Такое значение термина «волость» сохраняется и в начале XX в. Предлагавшееся в историографии отождествление «волости» с гипотетическими «государством общинного типа», «городом-государством» источниками не подтверждается. Исторические данные свидетельствуют о совсем иных путях складывания и развития Древнерусского государства и иных его социальных корнях.

Рассмотрение свидетельств летописей, житийной литературы, иностранных источников, проведенное в очерке о вече, показало, что в социально-политической жизни Руси принимали участие, и подчас весьма активное, группы населения, явно не входившие в состав княжеско-боярско-дружинной элиты. Выясняется, что это были группы горожан, называвшихся в источниках или по месту своего проживания («кияне», «новгородцы», «ростовцы» и т. д.), или по своему статусу («граждане», «люди градские»). Данных о самостоятельной политической активности сельского населения Древней Руси нет. Концепции о существовании таких социально-политических общностей, как «волощане» (сельские жители) или «людство» (свободное население городов и сел), не подтверждаются; поэто-

му выглядят необоснованными рассуждения относительно общинного народо-властия применительно к средневековой Руси. Центрами ее политической жизни были города; в происходивших там вечевых собраниях участвовали почти исключительно свободные горожане. Этим прежде всего древнерусское вече отличалось в социальном отношении от «народных собраний» догосударственной эпохи.

Очерк о взаимоотношениях князя и дружины, позднее — князя и боярства — тоже заставляет во многом пересмотреть устоявшиеся воззрения. Обычно считается, что в Древней Руси человек, поступавший на княжескую службу, должен был приносить князю клятву верности (в наиболее распространенной форме крестоцелования). Однако выясняется, что в домонгольское время на Руси в такой ситуации особой процедуры клятвы (присяги на верность) не требовалось. Необходимо было произнесение определенных формул, в самом общем смысле выражавших готовность к верной службе князю. Это было отражением архаических традиций дружинного строя. Новым явлением стало распространение в эпоху ордынского господства над русскими землями «присяги подданных» — клятвы, к которой по инициативе верховной власти приводились (часто принудительно) представители знати и более широких кругов населения. С другой стороны, архаические черты обнаруживаются и в порядке ухода дружинников (бояр) с княжеской службы. Древнего происхождения было право покинуть службу в дружине. В домонгольскую эпоху оно признавалось вполне естественным, хотя как норма в правовых актах и летописях специально не формулировалось. На практике стороны были больше заинтересованы в стабильности и преемственности служебных отношений. В то же время при осмыслении книжниками отношений князя и служившей ему знати акцентировались представления об обязанностях последней, и в этом сказывалось влияние христианской идеологии. Порядок поступления на княжескую службу и ухода с нее, принятый в Древней Руси, находит аналогии в средневековой Европе.

Исследование данных о десятских и сотских показало тесное взаимодействие этих групп между собой. Выяснилось, что они представляли единую десятичную систему, начавшую складываться в конце X в. и усложнившуюся по меньшей мере в XIV в. введением должности пятидесятских. С догосударственным строем восточных славян эта система не связана. По своей сути она представляла собой организацию княжеского хозяйства, где трудились т. н. черные люди, получавшие ссуды-купы от княжеской власти и обрабатывавшие эти ссуды, будучи организованы в десятки и в более крупные объединения — сотни. Генезис этой системы был связан с городом, местом пребывания князя. Лишь с течением времени система охватила часть сельского населения. Десятские призывали людей в десятки, налаживали производство, организовывали исполнение натуральных повинностей, позднее им поручалась роль мелких княжеских чиновников. Сотские занимались кредитованием производителей, осуществляли суд, межевание земель, следили за поступлением налогов. Первоначально сотскими были бояре, позднее — представители незнатного, но привилегированного населения. Представителями крестьянского мира десятские и сотские X–XV вв. не были, и их упомина-

ния в источниках нельзя расценивать как косвенные свидетельства существования крестьянской общины в средневековой Руси.

Значительная роль и высокая активность государства в системе общественных отношений, свойственная России в период позднего Средневековья и Нового времени, прослеживается, таким образом, и в домонгольскую эпоху. Суждения о «народовласти» в Древней Руси оснований под собой не имеют. Государственная, княжеская власть, опирающаяся на дружинную знать, создает структуру территориально-административного деления, систему управления. В то же время (в отличие от позднейших эпох) в раннее Средневековье масса рядовых свободных не была устранена из политической жизни, а была способна оказывать на нее воздействие: опоры только на служилый слой князьям было недостаточно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСЗ — Акты служилых землевладельцев
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
- АФЗ и Х — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976
- ИЗ — Исторические записки
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950
- ОИ — Отечественная история
- ОИДР — Общество истории и древностей российских
- ПКМГ — Писцовые книги Московского государства
- ПРП — Памятники русского права
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РД — Русский дипломатарий
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы

- Абрам, сотский 374
 Абросим Васильев с., землевладелец 398
 Абсалон, архиеп. Лундский 263
 Авксентий Григорьевич, землевладелец 398, 410
 Авраам, тысяцкий новгородский 322
 Авраамий, иг. Троице-Сергиева мон-ря 279
 Авраамий, иг. Троицкого Махрищского мон-ря 346
 Авраамий Смоленский, иг. смоленского Богородицкого мон-ря 107, 146, 147
 Агафон, землевладелец 397
 Агафон, старец Калязинского мон-ря 313
 Агафонов Василий, землевладелец 397
 Агафонов Евстафий, землевладелец 397
 Агессен Свен (Aggesen Sven), средневековый датский историк 263–266
- Адриан Нефедьев с., землевладелец 397–398
 Аксаков Василий, судья вел. кн. 300
 Алабыш Федор Федорович, кн. 303
 Александр Васильевич, кн. суздальский и вел. кн. владимирский 323
 Александр Всеволодович, кн. белзский 22, 140, 412
 Александр Михайлович, кн. тверской и вел. кн. владимирский 409
 Александр Романович, сотский 398
 Александр Ярославич Невский, кн. новгородский, владимирский 179, 246, 405, 406
 Александр, архим. Никольского Шартомского мон-ря 343
 Александр, старец ярославского Спасо-Преображенского мон-ря 392

¹ Указатели составлены по принципам, выработанным ответственными редакторами.

В личных именах с XIV в. прозвища и обозначения происхождения (например, территориального) понимаются как фамилии. При указании имен князей из тех территорий, которыми он владел, приводятся только те, которые упоминаются под его властью в тексте книги. Другие светские лица (прежде всего бояре) приводятся тогда, когда это возможно, с указанием территории, с которой главным образом связана фиксируемая источниками жизнь и деятельность данного лица, либо с указанием князя, которому служило данное лицо, либо с иными пояснениями.

Список сокращений указателя лиц: архиеп. — архиепископ, архим. — архимандрит, вел. княг. — великая княгиня, вел. кн. — великий князь, визант. — византийский, еп. — епископ, ж. — жена, иг. — игумен, иг-я — игуменья, имп. — император, кн. — князь, кн-я — князья, княг. — княгиня, кр-н — крестьянин, кр-не — крестьяне, митр. — митрополит, мон-ря — монастыря, с. — сын, св. — святой, см. — смотри, ср. — сравни.

- Алексеев Ю. Г., историк 43, 48, 49, 63, 109, 124, 136, 142, 299, 304, 401, 413
- Алексеев Л. В., историк 24
- Алексей I Комнин, имп. визант. 415
- Алексей IV Ангел, имп. визант. 62, 63, 99
- Алексей V Дука, имп. визант. 62, 63, 133
- Алексей, десятский 309
- Алексей, митр. 316
- Алексей, сотский 382
- Алексейко, числяк 384, 385
- Алешковский М. Х., историк 124, 144
- Амфилохий, иг. Дионисиева Глушицкого Покровского мон-ря 342
- Анастасия, княг., ж. кн. Юрия Дмитриевича 305
- Андреев В. Ф., историк 136
- Андреич, стольник новгородский владычный 141
- Андрей, венгерский королевич, с. Белы III 186
- Андрей Александрович, кн. городецкий и кн. владимирский 272, 405–407
- Андрей Васильевич Большой, кн. угличский и звенигородский 277, 278, 280, 281, 285, 294, 295, 302, 305, 356, 363, 364, 373, 405
- Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский 274, 281, 283–285, 333, 343, 351
- Андрей Владимирович Добрый, кн. владими́ро-во́лынский 47, 85, 235, 255
- Андрей Владимирович, кн. угличский и радонежский, 330, 332, 352
- Андрей Иванович, кн. серпуховский, с. Ивана Калиты 149
- Андрей Иванович, кн. старицкий, с. Ивана III 193
- Андрей Лазаревич, боярин, погибший при осаде Новгорода-Северского 241
- Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владимирский 20, 25, 29, 52, 55, 56, 67–69, 75–77, 89, 90, 93, 95, 183, 185, 213–215, 245, 246, 248, 253, 258
- Андрей Ярославич, кн. владимирский, суздальский 409
- Андрейка, староста 377
- Анкудинов И. Ю., историк 326
- Анна, византийская царица, ж. кн. Владимира Святого 225
- Анна, княжна, дочь вел. кн. Василия I Дмитриевича 330
- Антип, десятский 302
- Антипин Лукьян, сотский 370, 371
- Антоний (Антон), архиеп. новгородский 134, 141
- Антоний, архим. Симонова мон-ря 344, 385
- Антоний, казначей Кирилло-Белозерского мон-ря 352
- Антоний Печерский, иг. Киево-Печерского монастыря 171
- Антонов В. А., историк 330, 332, 354–356, 361, 375, 393, 395
- Антонович В. Б., историк 125
- Анфим, сотский 378
- Аракчеев Евстафий, казначей вел. кн. 384
- Арина, ж. Евфимия, землевладелица 363
- Арист, сотский 387, 395
- Арсений, архиеп. новгородский 141
- Арсений, еп. рязанский 100, 134
- Артамонов Ю. А., историк 171
- Артем (Ортемко), сотский 376, 394
- Артемий, еп. галицкий 105
- Артемий Окинфович, землевладелец 397
- Арциховский А. В., археолог 28, 324, 325, 326
- Арцыбашев Есип Прокофьев с., «муж» на разъезде 304
- Аскольд, варяг 209, 210, 213, 256
- Афанасий Фомин с., кр-н 370
- Афанасий, иг. Симонова мон-ря 278, 342, 343
- Афанасий, иг. Троице-Сергиева мон-ря 378

- Афонин Евдоким, кр-н 314, 315
Африкан, варяг 234
- Бабин Якуш, свидетель при размежевании 308
Бабыня, свидетель при размежевании 308
Базилевич К. В., историк 318
Балагур Якуш, десятский 318
Баламугова Ирина, землевладелица 279
Бальцер О. (Balzer O.), историк 34, 35, 73, 80
Баранов К. В., историк 197, 330, 332, 354–356, 361, 375, 393, 395
Барсов Н. П., историк 10, 23
Басенок Федор Васильевич, боярин московский 192
Басиха Степан Сергеев с., сотский 389, 390, 394, 395
Баскаков Иван, старец Троице-Сергиева мон-ря 376
Батый, хан ордынский 23, 32, 412
Бегунов Ю. К., филолог 20
Безгачий Клим, кр-н 378, 379
Безобразов Чубар Федорович, судья вел. кн. 357, 386
Белоусов Никон Филимонов с., земле-владелец 398
Белый Лукьян, сотский 374, 394
Бельский Федор Иванович, кн. 318, 319
Бenedикт Бор, палатин венгерский 99
Бердников Я. И., историк 272
Бережков Н. Г., историк 47, 68, 85, 99, 178, 241, 406
Березина Кондратко, кр-н 272
Березинской, см. Воробьевской
Березницкой Карп, кр-н 316, 317
Бехер М. (Becher M.), историк 207–208
Бирнбаум Х. (Birnbbaum H.), историк 37
Бисер, землевладелец 375
Бицилли П. М., историк 62
Блеклой Василь, кр-н 389
Блок М., историк 41–43
Блуд, воевода князей Ярополка и Владимира Святославичей 44, 82, 170–172, 188, 190, 211, 213, 249, 268
Бобер Дмитрий Васильевич, землевладелец 276, 342
Бобошин Александр Алексеев с., писец 387, 388
Боголеп, келарь Кирилло-Белозерского мон-ря 352
Богословский М. М., историк 410
Богуслав, новгородец 141
Болеслав I Храбрый, кн. польский 170, 171, 199, 200
Болеслав III Кривоустый, кн. польский 201
Болеслав, староста 413
Болтин И. Н., историк 419
Борецкий Исаак, посадник новгородский 399
Борис Александрович, вел. кн. тверской 323, 346, 349, 351
Борис Васильевич, кн. волоцкий 279, 285, 344, 352
Борис Василькович, кн. ростовский 105
Борис (Роман) Владимирович, кн. ростовский 109, 146, 172, 173, 183, 236
Борис Вячеславич, кн. тмутороканский 226, 237
Борис Жидиславич, боярин суздальский 245, 246, 248, 258–260
Борис Жирославец, посол новгородский 413
Борис Захарыч, боярин смоленский 254
Борис Константинович, кн. нижегородский 187–192, 261
Борис Нефедьев с., землевладелец 397–398
Борис Романович, кн., см. Мстислав-Борис Романович, кн.
Борис Юрьевич, кн. белгородский 52
Бориска, десятский 272
Борислав, землевладелец 326

- Бориславичи, см. Петр Бориславич и Нестер Бориславич
- Борисов Алферий, землевладелец 312
- Борковский В. И., лингвист 324–326
- Боронь П. (Wogon P.), историк 38
- Бортен, холоп 305
- Боян, поэт древнерусский 232
- Бруннер О. (Brunner O.), историк 35
- Буганов В. И., историк 85
- Буданова В. П., историк 9
- Будый, воевода кн. Ярослава Мудрого 170, 171
- Булгаков Ивашка Карпов с., землевладелец 373
- Булгаков Санюк Карпов с., землевладелец 373
- Булгаков Тимошка Карпов с., землевладелец 373
- Буров В. А., археолог 31, 124
- Бут, см. Блуд
- Бутков П. Г., историк 231
- Буяк Ф. (Wujak F.), историк 80, 147
- Бык Семен, сотский 295, 304, 358, 365, 366
- Ваула, посельский 305, 306**
- Варвара, княг., ж. кн. Святополка Изяславича 415
- Варлаам, боярин, иг. киевского Дмитриевского мон-ря 222, 223, 230–232
- Варфоломей Гаврилович, землевладелец 397
- Варяжко, дружинник кн. Ярополка Святославича 171, 172, 211
- Василевский Т. (Wasilewski T.), историк 119, 145
- Василий I Дмитриевич, вел. кн. 187–191, 288, 290, 301, 330, 351, 372, 403
- Василий II Васильевич Темный, вел. кн. 192, 193, 195, 274, 276, 278, 285, 290, 298, 301, 323, 332, 334–336, 338–344, 347, 351, 358, 359, 373, 379, 380, 409
- Василий III Иванович, вел. кн. 149, 181, 193, 196, 282, 285, 314, 323, 349, 352, 359, 365, 391, 392
- Василий Андреевич, разъездчик вел. кн. 379
- Василий Михайлович, кн. кашинский 346
- Василий Олексич, см. Румянец Василий
- Василий Ярославич, кн. серпуховский, угличский, боровский 183, 334, 352, 383
- Василий, нагубник в Великом княжестве Литовском 195, 196
- Василий, с. Баламутовой Ирины 279
- Василь, автор «Повести об ослеплении Василька Тербовльского» 13
- Василь, боярин (?) кн. Давыда Игоревича 13, 84, 215
- Василь, боярин (?), посадник кн. Святополка Изяславича во Владимире-Волынском 240
- Василь Полочанин, боярин (?) в полку кн. Святослава Ольговича 240, 249
- Васильев Антипа, землевладелец 370
- Васильев Мина, землевладелец 398
- Васильев Семен, судья вел. кн. 302
- Василько Володаревич, кн., с. кн. минского Володаря Глебовича 72
- Василько Константинович, кн. ростовский 105
- Василько Романович, кн. владимироволынский 103
- Василько Ростиславич, кн. тербовльский 13, 14, 46, 84, 215, 230
- Василькова, княг., ж. кн. Василька Константиновича ростовского 105
- Васко (Вассиан), староста 318
- Васков Михаль, свидетель на суде 373
- Вассиан, архим. Симонова мон-ря 282
- Вассиан, иг. Троице-Сергиева мон-ря 276–278, 335–338, 341, 345
- Васюков Олешка, см. Пяткин Олеша
- Васильев с.
- Васята, староста 413

- Вацлав (Вячеслав), кн. чешский 72
Великий Шестунов Петр Васильевич, дворецкий 389, 390
Вельтман А. Ф., историк, писатель 232
Вельяминов Иван Васильевич, боярин 272
Вельяминов Иван Брех, судья вел. кн. 305
Вельяминовы, бояре московские 234, 272
Венкус В. (Wenskus R.), историк 206
Веселовский С. Б., историк 156–159, 161, 162, 211, 225, 256, 261, 262, 266, 295, 301, 305, 315, 363, 365, 372
Видукинд Корвейский (Widukind von Korvei), хронист немецкий 199, 200
Викентьев Федор Михайлович, разъездчик вел. кн. 304
Вилкул Т. Л. (Вілкул Т. Л.), историк 38, 61, 68, 106, 117, 126, 142–144, 146
Виноградова В. Л., филолог 176
Винценций (Vincencij), хронист чешский 73
Владимир Андреевич, кн. дорогобужский, внук кн. Владимира Мономаха 52, 55, 89, 174, 175, 185, 217, 255
Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховский 290, 352, 379, 380, 404
Владимир Василькович, кн. владимирово-львовский 179, 407
Владимир (Володимирко) Володаревич, кн. галицкий 51, 52, 66, 85, 86
Владимир Всеволодович Мономах, кн. черниговский, переяславский, киевский 11, 14–16, 30–32, 45–48, 55, 83–85, 93, 109, 116, 121, 146, 184, 217, 233–235, 237–240, 243, 248, 249, 251, 415–419, 422
Владимир Всеволодович, с. Всеволода Большое Гнездо 100, 133
Владимир Давыдович, кн. черниговский, внук Святослава, сына Ярослава Мудрого 65, 118, 250, 258
Владимир Константинович, кн. углицкий, с. кн. Константина Вселоводовича 105
Владимир Мстиславич «Мачешич», кн. владимирово-львовский, киевский, внук Мономаха 31, 51, 52, 66, 118–120, 185, 217, 241–245, 248
Владимир Мстиславич, кн., с. Мстислава Ростиславича, кн. смоленского 102, 254
Владимир Рюрикович, кн. киевский, с. Рюрика Ростиславича 255
Владимир Святославич Святой, кн. киевский 8, 11, 16, 18, 26, 30, 44, 81, 82, 170–172, 211, 218–225, 256, 268, 327–329
Владимир Святославич, кн. новгородский, черниговский, с. кн. Святослава Всеволодовича 98
Владимир Ярославич, кн. новгородский, с. Ярослава Мудрого 14, 211, 222, 226, 237
Владимир Ярославич, кн. галицкий, с. Ярослава Осмомысла 59, 60, 131, 186
Владимир, иг. Троицкого Белопесочского мон-ря 275
Владимировичи (Володимиричи), кн-ясыновья Владимира Мономаха 236, 239
Владимирский-Буданов М. Ф., историк 10, 11, 93, 94, 118, 140, 164
Владислав, боярин галицкий 180
Владислав Воротиславич, боярин кн. Мстислава Изяславича 253, 255
Владислав Лях, боярин князей Ростислава Мстиславича и его сыновей 253, 254, 259, 260
Владислав Янов брат, боярин (?) кн. Михаила Юрьевича 253
Власова И. В., этнограф 361
Внезд, смолянин 89
Внезд Водовик, посадник новгородский 104, 412

- Волгин Тимошка Якимов с., сотский 370
- Володарь Глебович, кн. минский 72
- Володарь Ростиславич, кн. перемышльский 14, 84, 201
- Володимере племя, см. Мономашичи
- Волос Блуткинич, новгородец 103
- Волчий Хвост, боярин киевский 218, 219
- Воробьев Онтуш (Антон), послух 365, 366
- Воробьевской (Березинской) Невер, кр-н 316, 317
- Ворона Иван, старец мон-ря св. Василия в Гороховце 371, 372
- Воронин Н. Н., историк 92, 95, 97
- Воронцов-Вельяминов Б. А., историк 234
- Воротислав, тысяцкий владимирво-лынский 255
- Ворыпаев Злоба Андреев с., землевладелец 280
- Ворыпаев Федор Андреев с., землевладелец 280
- Вострый Артемка, кр-н 314, 315
- Всеволод Глебович, кн. полоцкий 71, 98
- Всеволод Константинович, кн. ярославский 105
- Всеволод (Гавриил) Мстиславич, кн. новгородский, псковский, с. Мстислава Великого 12, 15, 19, 47–49, 65
- Всеволод Мстиславич, кн. новгородский, с. Мстислава Романовича 103
- Всеволод Ольгович, кн. черниговский, киевский 27, 49, 50, 85, 86, 108, 109–113, 116, 184, 185, 211, 243, 249
- Всеволод Святославич, кн. трубчевский и курский 174
- Всеволод [Юрьевич?], кн. 327
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, кн. владимирский 20, 25, 30, 56, 58, 59, 65, 70–72, 93, 98–100, 125–127, 129, 130, 132–134, 177, 178, 186, 245, 246, 251–255, 258, 413
- Всеволод Ярославич, кн. киевский, с. Ярослава Мудрого 13, 14, 18, 47, 225, 226, 228, 232–237, 239, 240
- Всеволодая, княг., ж. кн. Всеволода Ярославича 47
- Всеслав Брючиславич, кн. полоцкий 45, 120, 233
- Вышата, боярин кн-й Ярослава Мудрого, Ростислава Владимировича, Святослава Ярославича, Святополка Изяславича, с. Остромира боярина, отец Яня боярина (одно лицо или два разных) 222–227, 229–233, 237, 260
- Вячеслав, тысяцкий новгородский 141
- Вячеслав Владимирович, кн. туровский, киевский, с. Владимира Мономаха 27, 51, 87, 122, 177, 183, 191, 235, 246, 247
- Гавриил, старец Троице-Сергиева мон-ря 378, 379
- Гавриил Васильевич, боярин кн. Владимира Андреевича дорогобужского 241
- Гаврило, архиеп. новгородский 79
- Гаврило Киянинов, боярин новгородский 411
- Гаврило щитник, новгородец 144
- Галл Аноним (Gall Anonym), хронист польский 108, 145, 147
- Гамин Окул, десятский 302
- Гаска, десятский 308
- Гаспаров Б. М., филолог 174, 176
- Гедеонов С. А., историк 219
- Геза II, король венгерский 21
- Генрих II, имп. Священной Римской империи 200
- Генрих, см. Индрих
- Георгий Шимонович, боярин, тысяцкий суздальский 234, 248, 256
- Геронтий, архим. Симонова мон-ря 339, 347
- Геронтий, митр. 277, 281–283, 292, 347

- Гизель Иннокентий, архимандрит Киево-Печерского мон-ря 230, 231
- Гинкен Г. Г., специалист по ономастике 232
- Гиппиус А. А., филолог, лингвист 80, 142, 211, 219, 227, 232, 241–245
- Глеб (Давыд) Владимирович, кн., с. Владимира Святого 109, 146, 173, 183, 236
- Глеб Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. из рода кн-й рязанских 65
- Глеб Всеславич, кн. минский 27
- Глеб Зеремеевич, боярин галицкий 255
- Глеб Ростиславич, кн. рязанский 30, 68, 178, 185, 245, 246
- Глеб Ростиславич, с. Ростислава Глебовича, внук Глеба Всеславича, кн. друцкий 53, 88
- Глеб Святославич, с. Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, кн. тмутораканский, новгородский 45
- Глеб Юрьевич, кн. переяславский, киевский, с. Юрия Долгорукого 50, 55, 214, 215, 239–240, 246, 251, 253
- Глебовичи, рязанские кн-я 71, 98
- Глебов (Шапкин) Михаил Дмитриевич, отводчик земли 352, 353, 369
- Глядящий Иван Максимов с., землевладелец 275
- Говен, сотский 405
- Голенин Василий Иванович, кн. 369, 374, 375, 387
- Голова Иван, пскович 405
- Головкин Василий Данилович, землевладелец 365
- Головкин Григорий Матвеевич, землевладелец 365
- Головкин Даниил Михайлович, землевладелец 365
- Головкин Иван Анисимович, землевладелец 363
- Головкин Иван Никифорович, землевладелец 363
- Головкин Кузьма Данилович, землевладелец 365
- Головкин Матвей Никифорович, землевладелец 363
- Головкины, землевладельцы 363
- Голубинский Е. Е., историк 125, 132
- Голубцов И. А., историк 276, 353, 354, 360
- Горбатый Борис Иванович, кн. 300
- Гончаров Олешка, землевладелец 353
- Горский А. А. историк 9, 32, 43, 48, 50, 60, 61, 70, 74, 123, 130, 137, 144, 156, 162, 176, 189, 210, 216, 223, 251
- Горяин Григорьев с., сотский 392, 393, 397
- Гостилец на Кузьмадемьяни улице, новгородец 144
- Готье Ю. В., историк 297, 301, 373, 376, 377, 383, 385, 391
- Гранберг Ю. (Granberg J.), историк 38, 79, 86, 96, 97, 109, 115, 118, 138–140
- Граус Ф. (Graus F.), историк 205–206
- Греков Б. Д., историк 36, 37, 45, 67, 74, 94, 124, 223, 224
- Гречин, кандидат в архиеп. Новгорода 79
- Григорий, дворский галицкий 105
- Григорий, поп 338
- Григорий, писец Остромирова евангелия 221, 222, 224, 227
- Григорий, чернец новгородский 79
- Григорий Хотович, боярин кн. Глеба Юрьевича, тысяцкий переяславский (?) 215, 253, 254
- Григорко, кр-н 272
- Гридя Артемов (Ортемов) с., сотский 382
- Гридя Васильев с., послух 371
- Гридя Евфимьев с., землевладелец 363
- Гридя, десятский 303, 310, 369
- Гришина Н. Г., историк 44
- Грушевский (Грушевский) М. С., историк 10, 51, 67, 72, 87, 106, 113, 116, 132, 140, 141, 168, 225

- Гуревич А. Я., историк 121, 209
Гюрги, см. Юрий
Гюрята Рогович, посадник новгородский 242, 243
- Давыд Игоревич, кн. владимировольнский 13, 46, 84, 215
Давыд Ростиславич, кн. смоленский, вышегородский 22, 55, 72, 79, 130, 138, 214, 217, 253, 254
Давыд Святославич, кн. черниговский, внук Ярослава Мудрого 19, 30, 46, 238
Давыдко, кр-н 272
Давыдко, новгородец, стольник софийский 141
Давыдов Андрей, посельский кн. Горбатого Б. И. 300
Давыдов Григорий, землевладелец 398
Давыдовичи, кн-я Изяслав и Владимир 65, 116, 117
Далмат, архиеп. новгородский 143
Даль В. И., писатель 271
Даниил, посадник новгородский 322
Даниил Александрович, кн. московский 406
Даниил Великий, боярин в полку князей Игоря и Святослава Ольговичей 243
Даниил Заточник, писатель древнерусский 134
Даниил Романович, кн. владимировольнский, галицкий 22, 72, 102, 104–106, 139–141, 208, 257, 412
Данилевич В. Е., историк 117
Данилка, десятский 302
Даньслав, боярин (?) новгородский 184, 415
Дворянкин Михаль, кр-н 298
Дев Васюк (Васьян), дворский 314, 315
Дементейко, кр-н 272
Дементий Окинфович, землевладелец 397
- Демян, тысяцкий галицкий 139–141, 412
Дернко, кр-н 306, 307
Дедрик (Детрих) Бернский, герой германского эпоса 62
Деша, десятский 306
Дир, варяг 209, 210, 213, 256
Длугош Ян, хронист польский 217, 220
Дмитр Жирославич, боярин, погибший при осаде Новгорода-Северского 246
Дмитр Завидич, посадник новгородский 240
Дмитр Мирошкинич, посадник новгородский 100, 101
Дмитр Пльсковитин, новгородец 136, 137
Дмитреев Ермола, десятский 304
Дмитриев Л. А., филолог 171
Дмитрий Александрович, кн. переяславский и владимирский 406
Дмитрий Иванович (Дмитрий-внук), вел. кн. 365, 366
Дмитрий Иванович (Донской), вел. кн. 150, 181, 187, 190, 192, 195, 288–290, 294, 295, 323, 333, 351, 364, 404
Дмитрий Иванович (Жилка), кн. угличский 359, 391
Дмитрий Лазаревич, см. Станицев
Дмитрий Лазаревич
Дмитров Михал, кр-н 321
Дмитров Омос, кр-н 314, 315
Добрынюк, киевлянин 120, 121
Добрыня, боярин кн. Владимира Святого 220, 222–224, 233
Добрыня, посадник новгородский 242–243
Добрыня, боярин (?) кн. Изяслава Мстиславича 243
Добрыня Долгий, боярин ростовский 126
Добрыня Рагуилович, боярин кн. Мстислава Великого 242–243, 245
Долматов Василий, дьяк 303, 353

- Долматов Федор, дьяк вел. княг. Марии Ярославны 298
- Донской Д. В. (Donskoi D.), генеалог 415
- Дорога Степан, кр-н 387, 395
- Дорожай, «слуга» кн. Всеволода Юрьевича 255
- Доронин Михаль, «муж» на суде 378
- Досифей, архим. Симонова мон-ря 344
- Дрочила, новгородец 76
- Дрочило Нездылов сын кожевника, новгородец 75
- Дуров Афанасий, тиун вел. кн. 391–393
- Душа, см. Павел Душа
- Душилец, староста на Липне 141
- Дьяконов М. А., историк 23, 35, 68, 80, 153, 154, 158, 161, 268
- Дыбин Тимофей, землевладелец 306, 307, 384
- Дым Игнатий, посельский кн. Холмского Д. Д. 300
- Евгений** (Болховитинов), митр., историк 229
- Евдоким (Овдоким), десятский 316
- Евдокия Дмитриевна, вел. княг., ж. вел. кн. Дмитрия Ивановича 288, 289
- Евсей, архим. Симонова мон-ря 344
- Евсей, иг. Саввина Сторожевского мон-ря 277, 374
- Евстафий (Остафий), поп 405
- Евстафий, чернец Кирилло-Белозерского мон-ря 352
- Евстафий (Осташко), десятский 312
- Евфимий, землевладелец 363
- Евфросин, иг. Саввина Сторожевского мон-ря 276, 373
- Евфросиния, княг., ж. кн. дмитровского Петра Дмитриевича 379, 380
- Еганов (Яганов) Иван, дворянин московский 197
- Едигей, эмир ордынский 306
- Елдегин Горяин, землевладелец 297
- Ельсук, десятский 311
- Ельчанинов Афанасий Константинов с., землевладелец 280, 282
- Емельян, староста (?) 324, 325
- Епифаний Премудрый, агиограф 330, 350
- Еремей, поп 413
- Еремей Глебович, боярин князей Константина и Юрия Всеволодовичей 255, 259
- Ермола, дворский 305
- Ермолова И. Е., историк 9
- Есип Терентьевич, землевладелец 398
- Ескин Игнат, кр-н 321
- Ескин Игола, десятский 321
- Ефрем, старец Троице-Сергиева мон-ря 387
- Ждан-Никола**, вышегородский «старейшина огородником» 236
- Жеребила, землепользователь 305
- Жидислав, боярин, отец Бориса, суздальского боярина, и Марии 248
- Жижневский Михаль, десятский (?) 308
- Жила, сокольник 322
- Жирослав, боярин галицкий 215, 216, 257, 258, 266, 267
- Жирослав, боярин кн. Юрия Долгорукого 50, 241, 246, 247
- Жирослав, посадник новгородский 241
- Жирослав Васильевич, боярин кн. Мстислава Изяславича 240, 247
- Жирослав Иванович, туровский посадник кн. Вячеслава Владимировича 246, 247, 256, 260
- Жирослав Михайлович, боярин кн. Юрия Всеволодовича 246
- Жирослав Нажирович, боярин кн. Ростислава Мстиславича 240
- Жирята, пскович 48
- Заболотский Константин Григорьевич**, дворецкий, писец и судья вел. кн. 375, 390

- Заболотский Никита Львов с., земле-
владелец 274
- Завадская С. В., филолог 108
- Завернин Конша, десятский 310, 311
- Завид, боярин кн. Владимира Мстисла-
вича «Мачешича» 241
- Завид Дмитриевич, боярин, посадник
новгородский 241
- Загошкин Н. П., историк 158
- Задовский Бориска, кр-н 314, 315
- Зайцев А. К., историк 13
- Зализняк А. А., лингвист 28, 75, 76, 122,
166, 169, 308, 319, 324–326, 399,
404, 412, 418, 419
- Замытские, землевладельцы 299
- Замытский Тимофей Петрович, земле-
владелец 299, 304
- Застолбский Григорий Романович, пи-
сец вел. кн. 378, 379
- Затыка Иван, землевладелец 349
- Захаров Зехно, десятский 321
- Захарын Иван Павлов с., землевладе-
лец 383
- Зверев Владимир Гаврилович, судья
вел. кн. 381, 382
- Зверинский В. В., историк 402
- Здеслав Ггеуевич, см. Климент, боярин
- Зимин А. А., историк 236, 421
- Зиновий Михайлович, посадник псков-
ский 402
- Зиновий, иг. Троице-Сергиева мон-ря
332, 334, 338–340
- Зиновий, сотский 401
- Золтан А., лингвист 168, 169
- Зосима, архим. Симонова мон-ря, митр.
298, 309
- Зубачев Федор, землевладелец 345
- Зубрицкий Д. И., историк 140
- Иван**, кн. вяземский 195
- Иван, кн. козельский 195, 196
- Иван III Васильевич, вел. кн. 158, 194,
196, 273–275, 277–286, 293, 295,
296, 302, 303, 308–310, 314, 319,
322, 323, 331, 335–338, 340, 342–
345, 347, 350–354, 356, 359, 360,
365–374, 376, 377, 381, 382, 384,
385, 388, 390, 391, 393, 401, 402, 405
- Иван IV Васильевич Грозный, вел. кн.,
царь 118, 193, 196, 208, 359
- Иван Борисович, кн. руский 279, 280,
282, 285
- Иван Воитишич, боярин киевский 109,
114, 185, 216, 248–250, 254, 259, 260
- Иван Всеволодович, кн. стародубский
61, 100, 133
- Иван Голова Васильев с., сотский 370
- Иван Голова Семенов с., отводчик зем-
ли 352, 353, 369
- Иван Данилович Калита, кн. москов-
ский и вел. кн. владимирский 272,
288–291, 322, 323, 374
- Иван Жирославич, боярин, погибший в
битве на р. Сожице, 231, 246
- Иван Иванович (Красный), кн. москов-
ский и вел. кн. владимирский 149,
288, 295, 308
- Иван Иванович Молодой, с. Ивана III,
вел. кн. 274, 275, 285, 286, 340, 352,
359, 371, 377
- Иван Окинфов, разъездчик вел. кн. 303
- Иван Петрович, землевладелец 398
- Иван Радославич, боярин во Владими-
ро-Суздальской земле 254
- Иван Радославич, боярин в Чернигове
254
- Иван Ростиславич Берладник, кн. Зве-
нигорода-галицкого 85, 86, 186
- Иван Славнович, тысяцкий киевский
255
- Иван Степанович, сотский 398
- Иван Творимирич, боярин кн. Ярослава
Мудрого 231, 241
- Иван Фомин с., кр-н 370
- Иван Халдеевич, воевода галицкий 86
- Иван Юрьевич, см. Патрикеев Иван
Юрьевич
- Иван, повар 308

- Иван, протопоп московского Архангельского собора 283
- Иван, сотский 398
- Иванко, тысяцкий туровский 246–247
- Иванко, кр-н 272
- Иванко Захарыч Козарин, боярин киевский 228, 229
- Иванко попович, новгородец 136, 137
- Иванко Прибышинич опонник, новгородец 136, 137
- Иванко Творимирич, боярин кн. Мстислава Изяславича 241
- Иванко Чудинович, боярин кн. Олега Святославича 238, 239, 244, 259, 260, 417, 422
- Иванов Дмитрок, десятский 303
- Иванов Микитица, сокольник 323
- Иванов С. А., филолог 219
- Ивашка (Ивашко), кр-н 298, 306, 384
- Ивашка Евфимьев с., землевладелец 363
- Ивашко, сотский 372
- Ивина Л. И., историк 301
- Ивор, посол кн. Ярослава Всеволодовича 135
- Ивор Мирославич, боярин кн. Святослава Ольговича 240, 244
- Ивор Юрьевич (Гюргевич), боярин в полку кн. Игоря и Святослава Ольговичей 243, 244
- Игнатий, иг. Кирилло-Белозерского мон-ря 274, 281, 343
- Игнатий, еп. смоленский 146
- Игоревичи, сыновья кн. новгород-северского, черниговского Игоря Святославича 180
- Игорь Ольгович, кн. черниговский, киевский 87, 110–116, 118, 120, 185, 213, 216, 243–245, 249, 250, 254
- Игорь Рюрикович, кн. киевский 219–221
- Игорь Святославич, кн. новгород-северский, черниговский 29, 98, 174, 176, 254
- Износков Григорий Федорович, боярин 382
- Изяслав Владимирович, кн., с. Владимира Мономаха 13, 18
- Изяслав Владимирович, кн. полоцкий 30
- Изяслав Давыдович, кн. киевский, черниговский 65, 87, 117, 215, 250–252
- Изяслав Мстиславич, кн. переяславский, владимири-волинский, киевский, внук Владимира Мономаха 19, 21, 27, 31, 49–53, 55, 65, 66, 87, 113, 116–122, 130, 177–179, 183, 185, 191, 213, 214, 216, 234, 239, 240, 243–245, 247, 249–252, 254, 258, 259
- Изяслав Мстиславич, кн., с. Мстислава Романовича, кн. киевского, внук Романа Ростиславича, кн. киевского 216
- Изяслав Ярославич, кн. киевский, с. Ярослава Мудрого 14, 16, 45, 120, 178, 221–225, 230–233, 235–238
- Иларион, митр. киевский 11
- Илейка, десятский 321
- Ильин Якуш, приказчик Чудова мон-ря 299
- Илья, кр-н 272
- Илья Ярославич, кн. новгородский, с. Ярослава Мудрого 211, 212
- Ингигерд (Ирина), шведская принцесса, ж. кн. Ярослава Мудрого 242
- Индрих (Генрих), кн. польский 179
- Иоаким, архим. суздальского Спасо-Евфимьева мон-ря 274, 278
- Иоанн, еп. Ростовский и Владимирский 99, 127, 186
- Иоанн, боярин кн. Изяслава Ярославича, отец иг. Варлама 222, 223, 230–232
- Иоанн, с. имп. визант. Мануила II Палеолога 330
- Иоанн Скилица, хронист визант. 219
- Иоанникий, архим. Никольского Шартомского мон-ря 343

- Иона, митр. 305, 334, 342, 344
Иосиф, см. Остромир
Ирежский Александр, землевладелец 358, 363
Исаак II Ангел, имп. византийский 62, 99
Исайя, старец Троице-Сергиева мон-ря 381
Исаков Перша, «муж» на разъезде 308
Исакович, см. Алексей IV Ангел
- Кавгадый, посол ордынский 180
Казимир IV, король польский 400, 402, 411
Каин, Библейский персонаж 173
Калачов Н. В., историк 150
Калитовичи, московские кн-я, потомки Ивана Калиты 149, 285
Карабузин Захар, землевладелец 349
Карамзин Н. М., историк 33, 52, 67, 68, 90, 91, 101, 110, 113, 125, 149–151, 214, 226, 228, 231, 410, 416
Карач Якуш, кр-н 378
Карачаров Федор, сотский 310
Карл Великий, имп. Франкского государства 164, 207
Карп, сотский 381, 382
Кары, посол кн. Игоря, сына Рюрика 239
Касьян, иг. Кирилло-Белозерского мон-ря 332, 333, 347
Качаловский Заня, кр-н 297, 316, 317
Кашин Александр Васильевич, кн. 381
Кашин Иван Васильевич, кн. 381
Кашины, кн-я 381
Каштанов С. М., историк 187, 252, 276, 277, 281, 284, 287, 288, 290, 292, 329, 330, 332, 335, 339, 345, 351, 354–356, 358, 361–363, 390, 393, 395
Кемские, кн-я 295, 303
Кемский Давыд Юрьевич, кн. 303
Кемский Даниил Юрьевич, кн. 303
Кемский Иван Давыдович, кн. 303
Кемский Иван Юрьевич, кн. 303
- Киприан, митр. московский 22
Кирилл, еп. ростовский 104, 105
Кирилл, митр. киевский 61
Кирилл Юрьевич, землевладелец 397
Кирпичников А. Н., археолог 144
Киселев Федор Михайлов с., землевладелец 277
Кишкин Л. С., историк 252
Климент, еп. Римский, святой 235
Климент Смолятич (Клим), митр. киевский 117
Климент (Здеслав Ггеуевич), боярин киевский (?) 231, 235
Климентий, кр-н, 272
Климья Семенович, сотский 402
Клоков Аверкий, слободчик 378
Клосс Б. М., историк 188
Клюг Э., историк 346
Ключевский В. О., историк 11, 78, 91, 113, 115, 116, 131, 132, 162, 418, 419
Кнуд I Великий, король датский, английский и норвежский 263–266
Кнуд VI, король датский 263
Кобач, см. Новинский Кобач
Кобачев Бориско, кр-н 316, 317
Кобрин В. Б., историк 282
Кобяк, хан половецкий 176
Ковачев Н., лингвист 232
Коверница, холопка 305
Кожа Семен, кр-н 296, 309, 310
Кожухов Игнатий Александрович, землевладелец 280
Кожухов Митя, разъездчик 391
Козак Алексей, сотский 350
Козлов Иван Григорьев с., землевладелец 296, 304
Козьма Пражский (Cosma Pragensis), хронист чешский 73, 145
Кокош Федор, посельский Ивана III 302
Колцевский Самка, кр-н 314, 315
Колчин Б. А., археолог 143
Конаник, десятский 299

- Кондрат, сотский 402
 Кондрат, тысяцкий новгородский 411, 412
 Конев Ивашко, десятский 316, 317
 Конрад фон Крозигк, еп. Хальберштадтский 62
 Константин (Костянтин), еп. смоленский 130
 Константин Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большого Гнезда, кн. владимирский 99, 100, 102, 103, 127, 133, 255
 Константин Добрынич, посадник кн. Ярослава Мудрого в Новгороде 211, 212, 222–225, 233, 257, 267
 Константин Хотович, боярин кн. Глеба Юрьевича 215
 Кончак, хан половецкий 29
 Конь, десятский 316, 317
 Копанев А. И., историк 368
 Копнин Варсонофий Борисович, земледелец 299
 Копнина Мария, землевладелица 341
 Копрулин Лазарь, пятидесятский 306, 307
 Копыленко М. М., филолог 219
 Кормилицын Степан, свидетель на суде 306
 Корнилко, кр-н 298, 306, 384
 Коробьин Микула, судья вел. кн. 377–379
 Корогодина М. В., историк 198
 Корогень, сотский 373
 Коротыга Дмитрок, кр-н 372
 Коснятин, тысяцкий новгородский 48
 Коснячко, киевский воевода 236
 Коссов Сильвестр (Kossow Silvestr), митр. Киевский, писатель 230, 231
 Костомаров Н. И., историк 10, 11, 23, 103
 Котеня Иван, судья вел. кн. 377
 Котовский Фролко, сотский 350, 371, 372, 394
 Кошкин Яков Захарьевич, боярин 382
 Краснослеп Алексей, землевладелец 342
 Красова А., историк 126
 Крешель К. (Kroeschell K.), историк 205–206
 Кривошеев Ю. В., историк 37, 58, 59, 69, 71, 103, 126, 128, 129
 Крюковский Кузьма, кр-н 374, 375
 Куземка, кр-н 272
 Кузма Тимофеевич, староста купеческий 410
 Кузмин Кондратик, кр-н 389
 Кузнецов А. А., историк 32
 Кузьма, кр-н 323, 324
 Кузьмин Иван, судья вел. кн. 387
 Кулеберев Куприян Кузьмин с., сотский 358, 365, 366
 Кун Г. (Kuhn H.), лингвист, историк 205–206
 Курбский Андрей Михайлович, кн., воевода царя Ивана IV Грозного 208
 Курдумов Тимофей Овдокимов с., сотский 370
 Куря, хан печенежский 176
 Кухмырев Гавриил Семенов с., кр-н 349, 371
 Кухмырев Кондратий Семенов с., кр-н 349, 371
 Кухмырев Степан Семенов с., кр-н 349, 371
 Кухмыревы, кр-не 372
 Кухмырь Сенька, кр-н 372
 Кучкин В. А., историк 19, 30, 31, 43, 77, 102, 109, 119, 130, 149, 180, 189, 191, 228, 231, 238, 248, 272, 288, 290, 296, 303, 323, 330, 331, 348, 376, 390, 392, 406, 407, 409, 412, 418, 419
 Лаврентий Васильев с., землевладелец 398
 Лагирь Харя, холоп 305, 314
 Лазарев Лучка, десятский 309
 Лазарь, боярин (?) кн. Давыда Игоревича 84, 215

- Лазарь, сотский 375, 395
Лазарь, тысяцкий киевский 118
Лазарь Саковский, боярин киевский 241, 248, 249, 259
Лаптева Л. П., историк 73
Лапуга Патрикей, житель Большой Соли 360
Лапугин Степан, послух, житель Большой Соли 360
Лапша, сотский 358, 363
Ларион, сотский 413
Латкин В. Н., историк 46, 128
Лебедев Болобан, сотский 357, 386, 405
Лев Данилович, кн. галичский 408
Лев Диакон, хронист визант. 219
Леванидов Игнат, сотский 380, 382
Левонов Некрас, сотский 376, 377
Левонов Никита, землевладелец 392
Левский Федор, сотский 307, 384, 385, 405
Ле Гофф Ж. (Le Goff J.), историк 202–204, 206, 262
Леонтий, старец ярославского Спасо-Преображенского мон-ря 392
Леонтович Ф. И., историк 164
Лечеевич Л. (Leciejewicz L.), историк 124
Леша, посельский 305, 306
Лимонов Ю. А., историк 36, 57–59, 68, 69, 90, 91, 95, 98, 103, 126–128, 136
Линниченко И. А., историк 51, 52, 110, 113, 125, 201
Литвина А. Ф., филолог 252
Лихачев Д. С., филолог 223, 224, 229
Ловмянский Х. (Łowmiański H.), историк 37, 40, 48, 70, 82, 96, 107, 108, 117, 119, 124
Логгин, иг. Спасо-Каменного мон-ря 283
Логин, соловар 378
Логинко, сотский 383
Логова, участник суда 378
Лугинин Иван Петров с., сотский 307, 310, 327, 386, 387, 405
Лукин П. В., историк 41, 44, 45, 77, 80–82, 85, 101, 109, 121, 122, 136, 139, 144, 178, 199, 210, 239
Лукьян Антипин с., сотский 360
Лукьян, кр-н 272
Лунов Тимофей, сотский 310
Луня, кр-н 388, 389
Лурье Я. С., историк 39, 102, 187
Лыко Иван, десятский 306, 307
Лыков Михаил Иванович, кн. 381
Лыков Федор Иванович, кн. 381
Лыковы, кн-я 381
Лысков Василий, землевладелец 316
Лычев Юрий, сотский 308
Львов Леонтий Злоба Васильев с., землевладелец 279, 292, 370
Любавский М. К., историк 10, 23
Людат Х. (Ludat H.), историк 107
Лют Свенельдич, боярин киевский 219–221, 223, 233
Майоров А. В., историк 37, 72, 84, 99, 106, 117, 131, 132, 140
Макарий, иг. Троице-Сергиева мон-ря 274, 275, 336, 340, 380
Макарий (Булгаков), митр. московский и коломенский, историк 22, 31
Макарий, сотский 401
Макарий, старец Симонова мон-ря 385
Макарий, старец Соловецкого мон-ря 398
Макарий, старец Троице-Сергиева мон-ря 383, 384
Макаров Федор, землевладелец 398
Маковников Мартын, «муж» на разъезде 308
Максим, см. Онцифорович Максим
Максим, поп 397
Максимов Борис, сотский 303, 353, 368, 405
Максимов Заня, кр-н 316
Мал, кн. древлянский 220, 221, 223, 224
Малк Любечанин, отец Малуши ключницы и Добрыни боярина 220–224

- Малуша, ключница Ольги княгини, на-
ложница кн. Святослава Игоревича
220–223
- Мальга, сотский 388, 394
- Мамай, эмир ордынский 181
- Манатья, сотский 358, 359, 384, 385,
393, 405
- Мансика В., филолог 179
- Мануил, еп. смоленский 89
- Мануил II Палеолог, имп. визант. 330
- Мануил Ягольевич, новгородец 135,
136
- Марасинова Л. М., историк 404
- Мария, княг., ж. Всеволода Юрьевича
Большое Гнездо 251, 252
- Мария, ж. боярина Яня Вышатича 227,
231, 232
- Мария, сестра боярина Бориса Жиди-
славича 248
- Мария Александровна, вел. княг.,
ж. вел. кн. Симеона Ивановича 288
- Мария Ярославна, вел. княг., ж. вел. кн.
Василия II Васильевича Темного
274, 282, 285, 298, 332, 339, 346, 351,
358, 359, 385
- Мартиниан, иг. Троице-Сергиева мон-
ря 335, 336, 339, 341, 342
- Мартирий (Мантурий), архиеп. новго-
родский 79, 80, 129
- Мартынов Лука, десятский 305
- Мартынов Роман, землевладелец 397
- Мартьянко, сотский 391
- Марфа (Посадница), ж. Исаака Борец-
кого 399
- Матвей (Мафей), сотский (?) 323, 324
- Матвейко, десятский 307
- Матей Шибутович, боярин ростовский
126
- Матрена, см. Сабурова Матрена
- Матрена, ж. Агафона, землевладелица
397
- Матфей, иг. Кирилло-Белозерского
мон-ря 353
- Матшин Иван, сотский 368, 369, 405
- Мафей, см. Матвей
- Маштафаров А. В., историк 283, 287,
289, 293, 299, 329, 346, 351, 365
- Медведко, кр-н 388
- Медынцева А. А., историк 236, 237
- Меланья (Маланья) Львовна, ж. Алфе-
рия Борисова 312
- Мелентий, землевладелец 397
- Мелеян, см. Емельян
- Менгу-Тимур, хан ордынский 307
- Меровинги, королевская династия у
франков 224
- Мещерский Н. А., филолог 61–63, 133
- Микита, сотский 397
- Микитин Данилка, десятский 321
- Микитин Сенька, сотский 350
- Микифор, сотский в Новгороде 413
- Микифор, сотский в Угличе 390, 391
- Микифор (Никифор) Киянин, боярин,
участник съезда, принявшего
Правду Ярославичей, 236
- Микифор щитник, новгородец 141, 143
- Микифоров Тимофей Иванов с., судья
вел. кн. 371
- Микула, боярин, участник съезда, при-
нявшего Правду Ярославичей, 236
- Микула, сотский галицкий 139, 140, 412
- Микулин Захар, отводчик земли 352,
353
- Милов Л. В., историк 18, 403, 414
- Мирослав, боярин, участник съезда,
принявшего «Устав о резах», 238,
240, 243, 244, 417
- Мирослав, галичанин 140
- Мирослав Андреевич, боярин кн. Все-
волода Ольговича 240, 243
- Мирослав Гюрятинич, посадник новго-
родский, с. Гюряты Роговича 242–
245, 255
- Мирослав (Мирошка) Несдинич, поса-
дик новгородский 101, 133, 413
- Мирослав Хилич внук, боярин в полку
кн. Святослава Ольговича 240, 243,
249

- Мирошка, бирич 413
Мирошкина чадь, приближенные Мирошки Несдинича 133
Мисаил, посельский 298
Мискина (Нискина), см. Мал
Мистиша, см. Мьстиша
Митрофан, еп. владимирский 61
Митрофан, архиеп. новгородский 79, 132
Митус, сотский 349
Митюря Вырыпаев с., сотский 374, 375
Михаил Александрович, вел. кн. тверской 150, 187, 272, 409
Михаил Андреевич, кн. верейский и белозерский 271, 353, 366, 368, 380
Михаил Борисович, вел. кн. тверской 313
Михаил Борисович, боярин владимирский 245, 246
Михаил Всеволодович, кн. черниговский 105
Михаил (Михалко) Степанович, посадник новгородский 132
Михаил (Михалко) Юрьевич, кн. владимирский, с. Юрия Долгорукого 20, 56, 58, 70, 71, 91–93, 186, 245, 253
Михаил Ярославич, кн. тверской и вел. кн. владимирский 119, 180, 191, 409
Михаил, глава княжеских охотников-промысловиков 322
Михаил, дворский 338
Михаил, посадник новгородский 412
Михайловская Н. Г., филолог 15
Михал, староста 404
Михалев Карп, кр-н 392
Михалев Федор, кр-н 392
Михаль, сотский 386
Михн, боярин кн. Андрея Боголюбского 215, 253
Мицков Семен Андреев с., житель Волгоды 360. Ср. Мытцов Семен
Мичурин Андрей Неклюд Иванов с., разъездчик 365
Мишиничи–Онцифоровичи, бояре новгородские 326, 404
Мишня Николай, землевладелец 305
Модзелевский К. (Modzelewski К.), историк 40, 70, 147
Моклок, посельский 357
Молдован А. М., лингвист 12
Молчанов А. А., историк 241, 242
Монгайт А. Л., археолог 100, 101, 143
Мономах, см. Владимир Всеволодович Мономах
Мономаховичи, см. Мономашичи
Мономашичи, кн-я-потомки кн. Владимира Мономаха 87, 113, 116, 118, 247, 250, 255, 257
Морозов Василий Михайлович, землевладелец 306, 307, 384
Морозов Дмитрий Давыдович, судья вел. кн. 374
Морозов Тучко Василий Борисович, боярин 322
Мосеев Микифорик, десятский 322
Московнин Сенька Третьяк Гридин с., кр-н 314
Мошнин Есип, посельский 381
Мошнин Павел, посельский 295
Мстислав Владимирович, кн. черниговский, с. Владимира Святого 13, 220
Мстислав Владимирович Великий, кн. новгородский, киевский 11–13, 15, 16, 18, 53, 121, 184, 242, 243, 245, 249, 415
Мстислав Владимирович, кн. дорогобужский, внук кн. Мстислава Владимировича Великого 248
Мстислав Давыдович, кн. смоленский 412, 413
Мстислав Данилович, кн. луцкий и владими́ро-во́лынский 179, 407–409
Мстислав Изяславич, кн. новгородский, с. Изяслава Ярославича 120, 225
Мстислав Изяславич, кн. владими́ро-во́лынский, киевский, с. Изяслава Мстиславича 31, 50, 55, 66, 89, 155,

- 214, 215, 239–241, 246–247, 253–255
- Мстислав Мстиславич Удатный, кн. трепольский, торопецкий, новгородский, галицкий 23, 29, 30, 72, 102, 134–137, 177, 181, 182, 215, 216, 248, 257, 266, 267, 413
- Мстислав Ростиславич, кн. новгородский, ростовский, внук Юрия Долгорукого 20, 56, 58, 59, 68, 70, 92, 125, 128, 185, 245
- Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. смоленский, внук Мстислава Великого 19, 25, 129, 253, 254, 414
- Мстислав-Борис Романович, кн. смоленский, кн. киевский 216, 414, 415
- Мстислав Юрьевич, кн. новгородский 88, 123
- Мстиславичи, кн-я–сыновья Мстислава Владимировича Великого 246
- Муравьева Л. Л., историк 171
- Мурцуфл, см. Алексей V Дука
- Мухаммед-Амин, хан казанский 275, 285
- Мьстиша (Мистиша) Свенельдич, боярин киевский (?) 220–224, 233
- Мытцов Илейка Семенов с., писец купчей 370
- Мытцов Семен, сотский 361, 370, 396. Ср. Мицков Семен
- Мэтланд Ф., историк 42
- Нажир, боярин, участник съезда, принявшего «Устав о резах», 238, 240, 417
- Назаренко А. В., историк 172–173, 199, 200, 212, 220
- Назаров В. Д., историк 28, 60, 123, 128, 129, 273, 330, 337
- Найден, сотский 306
- Насонов А. Н., историк 10, 19, 24, 47, 57, 58, 69, 86, 91, 97, 98, 111, 113, 115, 123, 126–129, 186, 239, 247, 249, 294
- Наумов Климентий, судья вел. кн. 371, 372
- Неверов Василий, землевладелец 344
- Неверов Федько, кр-н 317
- Негутин на Лубянице, новгородец 144
- Нежата, новгородец 48
- Нежила серебреник, новгородец 144
- Нездилец, купец 405
- Нелидов Федот, землевладелец 298
- Нестер Бориславич, боярин киевский 214, 258
- Нестерова Марина, землевладелица 345
- Нестор, инок Киево-Печерского монастыря, писатель 222, 224, 227, 230, 232
- Нефимонов Петр Васильев с., разъездчик 392
- Нефимонтов Дмитрий, землевладелец 363
- Никита, келарь Симонова монастыря 296
- Никитин Ефим, землевладелец (?) 371
- Никифор, см. Микифор Киянин
- Никифор, см. Микифор, сотский в Новгороде
- Никифора, боярин новгородский 413
- Никола, см. Ждан-Никола
- Никола, киевлянин 237
- Никола, митр. киевский 47, 57
- Никола, см. Николай Каннав
- Николай Каннав, византиец 62, 63
- Никон, инок Киево-Печерского монастыря, писатель (?) 224
- Никон, иг. Троице-Сергиева монастыря 330, 338, 340, 348
- Никоник, кр-н 381
- Новинский Демех, кр-н 317
- Новинский Кобач, кр-н 297, 316, 317
- Новосельцев А. П., историк 10, 156
- Ноздреча (Ноздрьца), боярин новгородский 184, 415
- Носов Левон (Левко), кр-н 316, 317
- Оболенский Иван Глупый Константинович, кн. 381
- Обрам, см. Абрам

- Обухов Иван (Иваш), сотский 303, 369
Объед Василий, волость 372
Овдокимов Левко, кр-н 297, 317
Овца Дмитрий Владимирович, боярин, казначей вел. кн. 371, 378
Ознобиша Василий, землевладелец 277
Оклячев Андрей, землевладелец 357, 386
Оксентьев Иван, судья вел. кн. 382, 383
Окул (Окулка), сотский 388–390, 394
Олав Святой, конунг норвежский 263
Олег, кн. киевский 74
Олег Владимирович, кн. из рода князей рязанских, с. Владимира Глебовича 65
Олег Святославич, кн. древлянский 13, 17, 81, 219, 220
Олег Святославич («Гориславич»), кн. вышгородский, черниговский 13–15, 18, 30, 45, 46, 83, 226, 233, 237–239, 254, 258, 417, 422
Олег Святославич, кн. новгород-северский 28, 67, 88, 89, 98
Олег Ярославич, кн., с. Ярослава Осмомысла 186
Олекса Морткинич, боярин новгородский 411
Олекса Святословец, боярин киевский 215, 254
Олекса, кр-н 272
Олекса, дворский кн. Мстислава Изяславича 254
Олфер, сотский 349
Ольбег Ратиборич, боярин переяславский 235
Ольга (Елена), княг. киевская 81, 220, 221, 236
Ольгерд, вел. кн. литовский 154, 195, 196
Ольговичи, кн-я–сыновья или потомки Олега Святославича, кн. черниговского 71, 87, 88, 113, 114, 116, 118, 239, 244, 245, 247, 249, 250, 257
Ольстин Олексич, боярин черниговский 254
Омант, должностное лицо 399, 400
Онания, новгородец 404
Онашкин Олешка, десятский 322
Онашкин Степанко, кр-н 322
Ондрейко, десятский 322
Онисимов Щетина, свидетель на суде 378, 379
Онкудинов Сидорка, сотский 350
Онтон котельник, новгородец 136, 137
Онтушов Нестерик, кр-н 321
Онцифорович Максим, сотский 324, 325, 404
Ортемко, см. Артем
Ортлиб Цвифальтенский (Ortlieb von Zwiefalten), немецкий хронист 201
Ослядюк, боярин (?) кн. Всеволода Юрьевича 255
Останин Карп, кр-н 297, 316, 317
Останин Фомка, кр-н 297, 316, 317
Осташко, см. Евстафий
Остромир (Иосиф), боярин новгородский 221–227, 231, 233, 237, 260
Оттон, еп. Бамбергский, немецкий миссионер 147
Очи Дмитрий, разъездчик 385, 386
Ощера Григорий, старожилец 308
Ощера Сорокоумов-Глебов Иван Васильевич, судья вел. кн. 388
- Павел (Палка), десятский 304**
Павел (Палка), сотский 294, 302, 312, 356–358, 363, 364
Павел Душа Терентьев с., соловар 378, 379
Павлик Юдин с., свидетель на суде 380
Павлов А. С., историк 195
Павлов Гридя (Григорий), с. сотского 365
Павлов-Сильванский Н. П., историк 152–155, 162, 167, 180, 187, 189, 202–204, 209, 262, 270–273, 285, 301, 327, 328, 422

- Паисий, иг. Покровского мон-ря в Углице 278
- Паисий, иг. Троице-Сергиева мон-ря 277, 283
- Пакослав, воевода польский 104
- Палка, десятский 322
- Палкин Игнат, десятский 321
- Палцов Сенька, десятский 304
- Панеев Семен, кр-н 314
- Пантелей, сотский 412, 413
- Панушин Кузьма, свидетель на суде 310
- Панфил, сотский 378, 379, 394, 405
- Панфил, становщик 378, 379, 394, 405
- Парфений Нефедьев с., землевладелец 397–398
- Парфенов Олфер, свидетель на суде 378
- Парфеньев Микула, человек княг. Евфросинии 380
- Пассек В., историк 23
- Патрикеев Иван Юрьевич, кн. 316, 357, 381, 386
- Паук, посадник и кормилец кн. Владимира Андреевича 89
- Пашуто В. Т., историк 10, 32, 36, 49, 54, 55, 68, 72, 81, 85, 86, 94, 104, 106, 109, 111, 114, 118, 122, 127, 128, 131, 132, 134–140, 155, 156, 182, 331
- Пелепелкин Андрей, кр-н 375, 395
- Перекин Нестор, десятский 304
- Перенег, боярин, участник съезда, принявшего Правду Ярославичей, 236
- Перфушков Григорий, разъездчик 384
- Першин Калинка Степанов с., десятский 304
- Пестов Микула Семенов с., сотский 368, 369, 405
- Пеструха (?) Яков Онисимов с., послух 371
- Пеструха Онисим, послух 371
- Петелин Иван, землевладелец 335
- Петр, митр. владимирский 21, 22
- Петр Влостович, вельможа польский 200
- Петр Бориславич, боярин киевский 154, 214, 258
- Петр Дмитриевич, кн. дмитровский 289, 379
- Петр Ильич, боярин кн. Святослава Ольговича 230, 254
- Петр Ослядюкович, боярин Юрия Всеволодовича 255
- Петр, сотский 397, 398
- Петров А. В., историк 130
- Петров Миша, послух 371
- Петрухин В. Я., археолог, историк 84, 128
- Пешак М. М., лингвист 169
- Пипин Короткий, король франкский 224
- Писарев (Писарь) Семен, землевладелец 277, 343
- Пискло Онисим, кр-н 309
- Платонов С. Ф., историк 11
- Плахонін А., историк 46
- Плигузов А. И., историк 127
- Погодин М. П., историк 23, 33, 34, 150, 156, 159, 160, 162, 211, 222, 226, 228, 231, 235, 241, 244, 246–248, 254, 255, 262
- Подвигина Н. Л., историк 143
- Подлипчук Ю. В., историк 232
- Полуев Константин, кр-н 390
- Полуев Федор, кр-н 390
- Полутин Олеша, свидетель на суде 378
- Понафидин Степан, знахорь 377
- Поникарп, новгородец 76
- Попов А., историк 164
- Попов Н. А., историк 197
- Поппэ А. (Рорре А.), историк 166, 221, 224, 225, 229, 231
- Порей, боярин кн-й Ростислава Владимировича и Всеволода Ярославича (?) 222, 225, 226, 233, 260
- Порфирий (Перфурий), еп. черниговский 71
- Пресняков А. Е., историк 10, 23, 24, 35, 39, 60, 70, 94, 124, 128, 130, 162, 223

- Претич, воевода кн. Святослава Игоревича 82, 166
- Приселков М. Д., историк 69, 188, 210, 226, 228
- Прозоровский Д. И., историк 221, 222, 226, 231
- Прокопий, тысяцкий белгородский 238, 240, 244, 417
- Прокопий, боярин новгородский, с. Мирослава Гюрятинича, 244, 245
- Прохор, иг. Богоявленского монастыря в Москве 276
- Прохор, монах Киево-Печерского монастыря 212
- Прохоров Г. М., филолог 22
- Путша, «болярец» в Вышгороде на службе кн. Святополка Владимировича Окаянного 64, 172, 173, 178
- Путята, тысяцкий киевский 222, 223, 228–230, 233, 260, 415–417, 422
- Пушкарева Н. Л., историк 146
- Пушкин Василий Никитич, судья вел. кн. 386
- Пяткин Олеша Васильев с., сотский 380, 381
- Рагуил Добрынич**, боярин кн. Владимира Мстиславича «Мачешича» 242–245
- Рагуил, посадник ладожский 242, 243
- Рагуил, пскович 405
- Радил, тысяцкий вышегородский 254
- Радил, киевлянин 120, 121, 254
- Радинос, византиец 62
- Ранке Л. фон, историк 112
- Рапов О. М., историк 31
- Расмуссен К., историк 136
- Ратибор Клукович, тысяцкий новгородский 411
- Ратибор, тысяцкий киевский 235, 237, 238, 251, 417
- Ратша, тиун кн. Всеволода Ольговича 113, 115
- Ревякинский Олфер, «муж» на разъезде 308
- Рёгнвальд (Rögnvaldr) Ульвссон, ярл, вельможа шведский 242, 244
- Рикёр П., философ 41
- Рогволод, кн. полоцкий 13, 15, 19
- Рогволод Борисович, кн. полоцкий 49, 53, 54, 88, 123
- Рогов А. И., историк 72
- Родивонов Василь, слуга бронный 388
- Родион Коротыгин с., кр-н 372
- Родионов Андрейко, сотский 304
- Родюка Матвеев с., житель Вологды 360
- Розанов С. П., историк 107
- Рознег, новгородец 77
- Роман Болдыжевич, боярин новгородский 411
- Роман Глебович, кн. рязанский, с. кн. Глеба Ростиславича 178
- Роман Игоревич, кн. Звенигорода Галицкого 102
- Роман Михайлович, тысяцкий владимирский 246
- Роман Мстиславич, кн. владимирволинский, галицкий 21, 55, 56, 59, 408
- Роман Ростиславич, кн. смоленский, киевский 89, 215, 216, 253, 257
- Роман Святославич, кн. тмутороканский 226
- Романовичи, кн-я Даниил и Василько 140
- Ронин В. К., историк 108
- Ростислав Владимирович, кн. тмутороканский 30, 222, 225, 226
- Ростислав Глебович, кн. полоцкий 53, 54, 78, 88, 123
- Ростислав Иванович, кн., с. Ивана Ростиславича Берладника 186
- Ростислав Михайлович, кн. новгородский, черниговский 105
- Ростислав Мстиславич, кн. смоленский, киевский 29–31, 174, 175, 177, 215, 247, 251, 253, 254

- Ростислав Юрьевич, кн. переяславский 20, 50
- Ростислав Ярославич, кн. рязанский 66
- Ростиславичи, сыновья Ростислава Мстиславича, кн. смоленского 101, 215, 253, 254
- Ростиславичи, сыновья Ростислава Юрьевича, кн. переяславского 56–58, 68, 70, 71, 91, 92, 126, 183, 246
- Ростиславичи, сыновья Ростислава Владимировича, кн. тмутороканского 84
- Ростиславляя, княг., ж. кн. Ростислава Юрьевича 92
- Ростовский Хохолков Андрей Александрович, кн. 321
- Ростовский Хохолков Иван Буйнос Александрович, кн. 321
- Ртищев Василий Васильев с., землевладелец 279
- Рука, числяк 384
- Румянец Василий, боярин нижегородский 188–192
- Румянец Захар, строитель яма 296
- Русина О., историк 31
- Рыбаков Б. А., археолог, историк 19, 24, 32, 140, 221, 224, 410
- Рычка (Ричка) В. М., историк 11
- Рюрик, кн. варяжский, новгородский 15, 209–210, 213, 256
- Рюрик Ростиславич, кн. киевский, внук Мстислава Владимировича Великого 22, 130, 248, 253–255
- Рюриковичи, кн.-я–потомки Рюрика 155, 167, 174, 175, 177, 180, 183, 195, 212, 215–218, 222–225, 239, 248, 251, 256, 257, 259, 260
- Рюсс Х. (Rüß H.), историк 160–162, 196
- Ряполовский Дмитрий Иванович, кн. 337
- Ряса Иван Михайлович, писец Бежецкого Верха 294
- Сабуров Иван, землевладелец 360
- Сабурова Матрена, землевладелица 360, 377
- Савва, иг. Саввина Сторожевского монастыря 273
- Савинский Гридя, кр-н 314
- Савка, кр-н 305
- Саврасов Ивашка, кр-н 298, 309
- Саксон Грамматик, хронист датский 263, 264, 266
- Саломея, княг., ж. Болеслава Кривоуского, кн. польского 201
- Самодуров И. В., историк 331, 337, 340, 341, 344
- Самоквасов Д. Я., историк 10
- Сараев Иван Иванов с., землевладелец 371
- Сарычин Степан, сотский 309
- Сварягин Михал, кр-н 316, 317
- Сбыслав Жирославич, боярин кн. Мстислава Изяславича 247
- Свенельд, боярин киевский 13, 218–221, 223, 229, 233, 259, 260
- Свердлов М. Б., историк 16, 77, 78, 95, 97, 140, 156, 162, 223, 236, 238, 241, 242, 246
- Сверчков Полушка, свидетель на суде 373
- Святополк Владимирович Окаянный, кн. киевский 15, 45, 64, 170, 172, 173, 175, 178, 199, 200, 218
- Святополк Изяславич, кн. киевский 13, 15, 31, 45–47, 83, 84, 109, 212, 228, 230, 232, 233, 237, 238, 240, 248, 415–417, 422, 423
- Святополк Мстиславич, кн. новгородский, с. Мстислава Великого 27, 48, 66, 109, 110
- Святослав Всеволодович, кн. черниговский, киевский, с. Всеволода Ольговича 22, 27, 28, 80, 98, 117, 118, 130, 138, 241, 257
- Святослав Всеволодович, кн., с. Всеволода Большое Гнездо 61, 99, 100, 132, 133, 138

- Святослав Глебович, кн. рязанский 71, 98
- Святослав Игоревич, кн. киевский, внук Рюрика 17, 81, 82, 176, 219, 223, 260
- Святослав Ольгович, кн. новгород-северский, черниговский 19, 27, 28, 53, 65, 109, 112, 113, 115, 116, 118, 183, 185, 217, 230, 243–245, 247, 249, 250, 254, 255, 258
- Святослав Ростиславич, кн. новгородский 54, 76, 79, 89
- Святослав Ярославич, кн. черниговский, киевский 14, 15, 30, 226–228, 232, 236–238
- Сдеслав (Здеслав) Жирославич, боярин трепольский 248
- Седов В. В., археолог 24, 25
- Селифонов Иван, пятидесятский 306
- Семен Борисович, посадник новгородский 412
- Семен, десятский 318
- Семен, сотский в Залесье 377, 394
- Семен, сотский в Соли Великой 360, 377
- Семенник, десятский 272
- Семьюн Петрилович, терский данник, новгородец 137
- Сенька, посельский митрополичий 375
- Серапион, иг. Троице-Сергиева мон-ря 275, 282, 331, 345
- Серапион, посельский 305, 306
- Сергеев Иван, сотский 374
- Сергеевич В. И., историк 11, 34–36, 68, 92, 93, 95, 96, 111, 113, 120, 145, 146, 149, 151–154, 158, 159, 187–193, 262
- Сергий (Тихомиров), архим., историк 321, 322
- Сергий Радонежский, иг. Троице-Сергиева мон-ря 330
- Середонин С. М., историк 10, 23
- Сидор, посадник псковский 405
- Сидор, сотский 323, 324, 370
- Сидор, тиун Савина-Сторожевского мон-ря 374
- Сидоров Афанасий, сотский 310
- Симанский Константин, волость 349, 371, 372
- Симеон Иванович (Гордый), кн. московский и вел. кн. владимирский 149, 288
- Симон, иг. Троице-Сергиева мон-ря 275
- Симон, иг. Владимирского Рождественского мон-ря 99
- Симон, еп. Владимирский и Суздальский 233–234
- Сиротин Иван Остафьев с., землевладелец 357, 386
- Сквайрс Е. Р., филолог 166, 167
- Скиргайло (Скирмаило), кн. литовский 404
- Скомонд, воевода литовский 23
- Славн, боярин кн. Владимира Андреевича 255
- Славн Борисович, боярин кн. Рюрика Ростиславича 254, 255
- Славята, боярин кн. Святополка Изяславича 248, 259
- Слинков Ларион, дворский 305
- Смирницкая О. А., филолог 263
- Смолицкая Г. П., лингвист 380
- Снорри Стурлусон, древнеисландский писатель 263
- Собака Ивашка, кр-н 387
- Соболевский А. И., филолог, лингвист 168
- Согомонов А. Ю., социолог 42
- Сокольников Полута, участник суда 378
- Соловьев А. В., историк 221, 223
- Соловьев С. М., историк 10, 23, 34, 49, 52, 67, 90, 91, 110, 111, 113, 125, 140, 150, 151, 156, 162, 214, 225, 226, 228, 237, 241, 243, 246, 253, 259
- Солонинин Ивашко Петелин с., кр-н 299
- Солонинин Федька Петелин с., кр-н 299

- Соня, кр-н 309
Сороколетов Ф. П., лингвист 143
Софья Витовтовна, вел. княг., ж. вел. кн. Василия I Дмитриевича 288, 290, 301, 332, 339, 351
Спиридон, архиеп. новгородский 142
Спиридон, иг. Троице-Сергиева мон-ря 276, 277, 281, 345
Спиров Офонас, десятский 321
Срезневский И. И., лингвист 9, 92, 107, 221, 227, 323, 421
Ставр, сотский новгородский 184, 415
Станислав Тукович (Тудкович), тысяцкий переяславский (Переяславля Южного) 238–240, 244, 260, 417
Станиславич, боярин кн. Глеба Юрьевича 240, 257
Станищев Дмитрий Лазаревич, землевладелец, судья вел. кн. 282, 302
Старко Серкизов Федор Андреевич, боярин 372
Старой Ортемко, кр-н 317
Степан, десятский 272
Степан, с. чернеца Феодосия 372
Степан, сотский 375, 395
Степанец, боярин киевский 215
Степен Милятич, боярин кн. Изяслава Давыдовича 215
Степан Твердиславич, новгородец 103, 135
Стефан Пермский, еп. пермский 350
Стефанида, ж. Шеина В. М. 274
Стефанович П. С., историк 132, 160, 165, 167, 201, 205, 208, 214, 217, 260
Стогинин Михаил Гневаш Микулин с., судья вел. кн. 369
Стойко Иван, кредитор 399, 400
Столярова Л. В., историк 222
Сторожев В. Н., историк 419
Стрига Оболенский Иван Васильевич, кн. 391
Стрига Оболенский Ярослав Васильевич, кн. 402
Строев П. М., историк 305, 402
Струве П. Б., историк 74, 159
Стряпко Федот, свидетель на суде 305–306
Судимир, новгородец 141
Судислав, боярин галицкий 72
Судислав Владимирович, кн., с. кн. Владимира Святого 16, 17, 167
Суков Гридя Семенов с., сотский 296, 304
Сумникова Т. А., лингвист 248
Сусед Иван, землевладелец 280
Сухой Иван, судья вел. кн. 376
Сысой, десятский 308
Сюзюмов М. М., историк 219
Тассило, герцог баварский 207
Тацит Публий (Гай) Корнелий, историк древнеримский 206
Татищев Василий, землевладелец 344
Твердислав Михалкович, посадник новгородский 103, 138
Тверитин Иван Михайлов, землевладелец 386
Тевелега Гридька, кр-н 390
Тетеря Иван, сотский 304
Тимошкин Афанасий, свидетель на суде 306
Титмар Мерзбургский (Thietmar von Merseburg), хронист немецкий 172, 199, 200
Тихомиров М. Н., историк 36, 37, 49, 67, 69, 74, 91, 101, 109, 111, 113–115, 118, 143, 154, 163, 184, 236, 238, 408, 410, 417–419
Толочко А. П., историк 11
Толочко П. П., археолог, историк 36, 84, 111, 112, 114
Томсен В., лингвист 219, 242
Торопыня Федко, сотский 378, 379
Тохтамыш, хан Золотой Орды 189
Травин Иван, землевладелец 358, 385
Трильмих В. (Trillmich W.), историк 199
Тропыня, дворский 314
Троцкий И. М., историк 49, 123, 124

- Трусанов Гридя Степанов с., кр-н 314
Трусанов Иванка Степанов с., кр-н 314
Тудор, тиун кн. Всеволода Ольговича 115
Туки, боярин кн. Изяслава и Всеволода Ярославичей 235, 237, 239, 240, 259, 260
Тупиков Н. М., историк 239, 243
Туряк, дружинник кн. Давыда Игоревича 84
Тютин Антон, землевладелец 397
Тушинский Дей, десятский 314, 315
- Уайт Х., историк 41
Уваров П. Ю., историк 42
Узкий Василий, кр-н 296, 309
Улеб, тысяцкий киевский 114, 185, 216, 244, 248–250, 254, 259, 260
Ульян, сотский 380
Ульяна, княг., ж. кн. волоцкого Бориса Васильевича 279, 280, 285
Ум Федор, детский кн. Ярослава Всеволодовича 144
Успенский Н. П., лингвист 354
Успенский Ф. Б., филолог 252
Устинов Кироска, сотский 350
- Фасмер М., лингвист 16, 196
Февр Л., историк 42
Фед Якунович, тысяцкий новгородский тысяцкий 144
Федера Романовна, см. Федора Романовна
Федко, десятский 308
Федко, становщик 389
Федков Максимка, десятский 321
Федков Савва, десятский 321
Федор, еп. ростовский 20, 89
Федор Борисович, кн. волоцкий 279, 280, 285
Федор Иванович, кн. юхотский 282, 285
Федор Иванович, царь 359
Федор Ивашков с., кр-н 360, 370
- Федор Тимофеевич, землевладелец 374
Федор, иг. Спасского мон-ря в Пскове 405
Федор, кр-н 323, 324
Федор, с. Марии Копниной 341
Федор, сотский 397
Федора Романовна, княг., ж. кн. Владимира Ярославича галицкого 60
Федорец, см. Федор, еп. ростовский
Федоров-Давыдов Г. А., археолог 418
Федос, сотский 383
Федот Евфимьев с., землевладелец 363
Федотия, иг-я Стретенского мон-ря в Кашине 346
Федотов Борис, посельский 297
Федотов Иван, кр-н 379
Феннел Дж., историк 127, 128
Феогност, архим. Симонова мон-ря 280, 357
Феогност, митр. московский 22
Феодосий, иг. Чудова мон-ря 277
Феодосий, митр. 278, 295, 314
Феодосий, чернец 372
Феодосий Печерский, иг. Киево-Печерского мон-ря 61, 212, 222, 227, 228, 230–235
Феофан, иг. Чудова мон-ря 332
Феофана, ж. боярина Остромира 222, 223, 225
Фердинанд С. Н., филолог 166, 167
Фефилат Федорович, сотский 398
Фефилов Измалко, кр-н 316, 317
Филипп, должник 399, 400
Филипп, митр. 281, 282, 284, 293, 303, 310
Филис, кр-н 316, 317
Филисов Андряенко, кр-н 317
Филофей, еп. пермский 281
Флоря Б. Н., историк 43, 48, 108, 123, 124, 135, 145, 198, 414
Фока, сотский 316
Фома Ратиборич, боярин кн. Владимира Мономаха 235
Фомин Осюта, житель Вологды 369

- Франклин С. (Franklin S.), филолог 139, 146
- Фрейданк Д. (Freydank D.), филолог 62
- Фрейденберг М. М., историк 101
- Фридрих, курфюрст саксонский 354
- Фролко, см. Котовский Фролко
- Фроянов И. Я., историк 10, 16, 37, 49, 64, 67–70, 72, 74, 77, 83–85, 87, 94, 95, 111, 112, 114, 115, 117–120, 126, 141, 142, 156, 184, 224, 247
- Фуко М., философ 41
- Жарламов Иван, судья вел. кн. 384, 389, 390
- Хвал, воевода литовский 19
- Хвостов Андрей, судья вел. кн. 314
- Хельман М. (Hellmann M.), историк 159–160, 162
- Хлебников Н. П., историк 11, 35, 110
- Ховрин Владимир Григорьевич, земле-владелец 305
- Ховрин Иван Владимирович, землевла-делец 305
- Холмский Даниил Дмитриевич, кн. 194, 300
- Хомутина Лев, десятский 310, 311
- Хомутов Иван Федоров, сотский 304, 388, 405
- Хорошкевич А. Л., историк 127, 166, 330
- Хот Григоревич, наместник кн. Яросла-ва Всеволодовича 135
- Хотеговский Иларион (Ларя) Бунак Михайлов с., кн. 341
- Христофор, архим. Спасского мон-ря в Ярославле 274, 282
- Цернак К. (Zernack K.), историк 37, 38, 49, 74, 79, 86, 87, 94–97, 112, 115, 120, 139
- Ципля Иван, дьяк 380
- Чапонос, посол кн. Ярослава Всеволо-довича 135
- Челищев Борис Федорович, разъездчик 382
- Черепнин Л. В., историк 10, 11, 24, 32, 36, 45–47, 58, 64, 69, 70, 77, 79, 82, 83, 91, 95, 97, 104, 109, 111, 114, 118, 120, 122, 127, 128, 139, 141, 155, 156, 189, 192, 325, 331, 410
- Черкасова М. С., историк 364
- Чернов С. З., археолог, историк 30
- Чертенко-Заболотский Василий Ми-хайлович, писец Дмитрова 373
- Чет Михаил, боярин 402
- Чечетка Куземка, кр-н 306, 307, 384, 385
- Чудин, боярин киевский, посадник вы-шегородский 235–238, 259, 260
- Шаблыка** Исаак с. Андреев, землевла-делец 297, 307
- Шаблыкин Никоник, землевладелец 386
- Шапиро А. Л., историк 319
- Шапкин, см. Глебов Михаил Дмитрие-вич
- Шахматов А. А., лингвист, филолог, историк 69, 170–172, 210, 211, 218–221, 223, 224, 227–229, 328
- Шацевальцев Яков, судья вел. кн. 384
- Шварн, боярин киевский 250–253, 260
- Шеин Василий Михайлович, боярин 274
- Шеин Дмитрий Васильевич, с. Шеина В. М. 274
- Шемяка Дмитрий Юрьевич, кн. углич-ский и галичский, вел. кн. 192, 193, 195, 332, 346, 352
- Шемячич Иван Васильевич, кн. 382
- Шепард Д., историк 146
- Шетнев Афанасий Иванович, боярин 340
- Шило Деме (Демех?, Демешило?), плот-ник 317
- Шило Ивашка, кр-н 314, 315

- Шимон (Симон), варяг на службе киевских князей 234
- Шишимор, сотский 372
- Шмидт К. Р. (Schmidt K. R.), историк 74, 107, 143, 144, 210
- Шпилевский С. М., историк 118
- Шрёдер Ф. Й. (Schröder F. J.), историк 199–200
- Штыхов Г. В., археолог 95, 117
- Щапов Я. Н.**, историк 132, 419, 421
- Щеня Даниил Васильевич, кн. 300
- Щепа-Ростовский Дмитрий Александрович, кн. 362–363
- Щибрин Федор Глебов с., землевладелец 316
- Эгиль**, исландец, герой саги 263
- Юрий Александрович**, вел. кн. тверской 346
- Юрий Андреевич**, кн., наместник в Новгороде 409
- Юрий Васильевич**, кн. дмитровский 276, 278, 281, 282, 284, 285, 335, 342, 344, 345, 351
- Юрий Васильевич**, кн., с. Василия III 359
- Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий**, кн. суздальский 20, 27, 30, 50–53, 65–67, 87, 116, 118, 121, 123, 130, 134, 177, 185, 216, 234, 239, 241, 245–247, 250, 251, 255, 258
- Юрий (Георгий) Всеволодович**, кн. владимирский 32, 61, 100, 102, 103, 127, 133, 137, 146, 186, 246, 255, 413
- Юрий Данилович**, кн. московский 180
- Юрий Дмитриевич**, кн. звенигородский и галицкий, вел. кн. 273, 285, 290, 305, 306, 332, 333, 351
- Юрий Иванович**, посадник новгородский 134, 135
- Юрий Иванович**, кн. дмитровский и кашинский 149, 193, 197, 275, 285, 312, 313, 331, 345, 352
- Юрий Львович**, кн. белзский, галицко-волынский 22, 179, 408
- Юрий (Гюрги) Прокопич**, боярин в полку князей Игоря и Святослава Ольговичей 240, 243, 244
- Юрий Ярославич**, кн. туровский, с. Ярослава Святополчича, кн. владимироволынского, внук Святополка Изяславича, кн. киевского 246
- Юрий**, посадник псковский 404
- Юрий**, священник церкви св. Иоанна Предтечи на Торговище в Новгороде 135
- Юрий**, сотский 402
- Юрло Тимофей Михайлович**, судья вел. кн. 369
- Юрьевич**, денежный раздатчик 326
- Юрьевичи**, сыновья кн. Юрия Долгорукого Михалко и Всеволод 70, 91, 125
- Юшков С. В.**, историк 10, 11, 36, 68, 74, 84, 94, 113, 115, 118, 417
- Ягайло-Владислав**, кн. литовский 168, 196
- Ядров Овсяник Михалев**, сотский 385
- Яков Онисимов с.**, см. Пеструха Яков Онисимов с.
- Яков**, сотский 399
- Яковенко Н. Н.**, историк 143
- Яковль Иван**, разведчик 388, 389
- Якун**, варяг на службе Ярослава Мудрого 234
- Якун**, тысяцкий новгородский 134, 135
- Якун Мирославич**, боярин, посадник новгородский, внук Гюряты Роговича 242–245, 255
- Якун Моисеевич**, новгородец 141, 143
- Якуш**, сотский 380
- Якушов Гаврилка**, кр-н 321
- Якушов Ивашка**, кр-н 321
- Якушов Куземка**, десятский 321

- Якушов Микулка, десятский 321
 Якушов Тараска, кр-н 321
 Янин В. Л., археолог, историк 28, 31, 36, 37, 48, 136, 139, 143, 184, 212, 224, 225, 235, 243, 308, 322–327, 397–400, 404–407, 409, 411, 412, 418
 Янь (Ян) Вышатич, боярин, «воевода киевской тысячи» 74, 222–233, 238, 259, 260, 416
 Ярлох (Герлах), хронист чешский 73
 Ярлык Андрей, дьяк митрополичий 343
 Ярлыков Григорий, землевладелец 343
 Яромир (Ярямир), новгородец 76
 Ярополк Владимирович, кн. киевский, с. Владимира Мономаха 13, 27, 30, 48, 65, 239, 240
 Ярополк Изяславич, кн. владимировольнский 13, 16, 27
 Ярополк Ростиславич, кн. владимирский 20, 25, 56, 57, 68, 70, 71, 92, 185, 245, 253, 254
 Ярополк Святославич, кн. киевский 13, 44, 81, 82, 170–171, 190, 211, 219–220
 Ярослав–Афанасий, кн. малоярославецкий и хотунский 379
 Ярослав Владимирович Мудрый, кн. киевский 13, 14, 16, 18, 44, 45, 82–84, 167, 170, 171, 177, 211, 212, 218, 222–224, 227, 232–234, 237, 241, 242, 257, 258, 328, 416, 418
 Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицкий 21, 25, 59, 66, 130, 131, 155, 178, 186
 Ярослав Владимирович, кн. новгородский 130, 413
 Ярослав Всеволодович, кн. переяславский (Переяславля Залесского), новгородский 29, 79, 99, 100, 102, 134–136, 141, 144
 Ярослав Изяславич, кн. луцкий 21, 121, 125
 Ярослав Мстиславич, кн., внук Юрия Долгорукого 58
 Ярослав Святополчич, кн. владимировольнский 47, 85, 217, 235
 Ярослав Святославич, кн. муромский 30
 Ярослав Ярославич, кн. новгородский, тверской, владимирский 20, 25, 119, 409–412
 Ярославичи, сыновья Ярослава Мудрого 167, 226, 233, 236, 237
 Ярославов Василий Алексеев с., землевладелец 277
 Ярославов Леонтий Алексеев с., землевладелец 277
 Ячков Данилка, десятский 314, 315
- Alef G. (Алеф Г.), историк 160
 Aubin H. (Аубин Г.), историк 107
- Balzer O., см. Бальцер О.
 Becher M., см. Бехер М.
 Berger T. (Бергер Т.), лингвист 24
 Birnbaum H., см. Бирнбаум Х.
 Boroń P., см. Боронь П.
 Bretholz V. (Бретхольц Б.), филолог 144
 Brunner H. (Бруннер Г.), историк 205
 Brunner O., см. Бруннер О.
 Vujak F., см. Буяк Ф.
 Burgers J. W. J. (Бёргерс Дж.), лингвист 200
- Choc P. (Хоц П.), историк 145
 Christiansen A. E. (Кристиансен А.), историк 264
 Christiansen E. (Кристиансен Э.), историк 264
 Clausen V. L. (Клаусен Б.), историк 265
 Cosma Pragensis, см. Козьма Пражский
- Dewey H. W. (Дьюи Х.), историк 194
 Du Cange Ch. (Дю Канж Ш.), лингвист 200
- Esders S. (Эсдерс Ш.), историк 206
 Favre L. (Фавр Л.), лингвист 200

- Franklin S., см. Франклин С.
Freydank D., см. Фрейданк Д.
- Gall Аноним, см. Галл Аноним
Gelting M. (Гелтинг М.), историк 265–266
Goehrke С. (Гёрке К.) историк 123, 136
Granberg J., см. Гранберг Ю.
Graus F., см. Граус Ф.
- Hallbach U. (Хальбах У.), историк 160
Helbig H. (Хельбиг Г.), историк 208
Heller K. (Хеллер К.), историк 160
Hellmann M., см. Хельман М.
Holenstein A. (Холенштайн А.), историк 164, 207
Holtzmann R. (Хольтцман Р.), филолог 199
- Imsen S. (Имсен С.), историк 263
- Jakobson R. (Якобсон Р.), лингвист, филолог 227
Jørgensen A. N. (Йоргенсен А.), историк 265
Jørgensen P. J. (Йоргенсен П.), историк 264
- Kempgen S. (Кемпген С.), лингвист 242
König E. (Кёниг Э.), историк 201
Kossow Silvestr, см. Коссов Сильвестр
Krekić B. (Крекич Б.), историк 37
Kroeschell K., см. Крёшель К.
Kroman E. (Кроман Э.), историк 264
Kuhn H., см. Кун Г.
Kutrzeba S. (Кутшеба С.), историк 80
- Leciejewicz L., см. Лечеевич Л.
Le Goff J., см. Ле Гофф Ж.
Lehfeldt W. (Лефельдт В.), лингвист 242
Leuschner J. (Лойшнер Й.), историк 124
Levy-Brühl H. (Леви-Брюль А.), этнолог 164
Łowmiański H., см. Ловмянский Х.
- Lübke Ch. (Любке К.), историк 160
Ludat H., см. Людат Х.
- Magnou-Nortier E. (Ману-Нортье Э.), историк 207
Maleczyński K. (Малечинский К.), историк 108
Malingoudis J. (Малингуди Я.), историк 145
Mitteis H. (Миттайс Г.), историк 205
Modzelewski K., см. Модзелевский К.
Mühle E. (Мюле Э.), историк 124
Müller K. D. (Мюллер К. Д.), историк 201
Müller L. (Мюллер Л.), историк 227
- Niermeyer J. F. (Нирмейер Й.), лингвист 200
Nuorluoto J. (Нуорлуото Ю.), филолог 242
- Ortlieb von Zwiefalten, см. Ортлиб Цвифальтенский
- Pohl W. (Поль В.), историк 205
Porpe A., см. Поппэ А.
Prodi P. (Проди П.), историк 165
- Riis Th. (Риис Т.), историк 265
Rögnvaldr, см. Рёгнвальд
Rüß H., см. Рюсс Х.
- Schlesinger W. (Шлезингер В.), историк 205
Schmidt K. R., см. Шмидт К. Р.
Schröder F. J., см. Шрёдер Ф. Й.
Schweier U. (Швайер У.), лингвист 242
Schwerin von C. (Шверин фон К.), историк 264
Stender-Petersen A. (Стендер-Петерсен А.), историк 227
Sven Aggesen, см. Аггесен Свен
- Thietmar von Merseburg, см. Титмар Мерзебургский

Trillmich W., см. Трильмих В.

Vajs J. (Вайс Й.), филолог 73

Van de Kieft C. (Ван де Кифт С.), лингвист 200

Verdier R. (Вердьє Р.), этнолог 164

Vernadsky G. (Вернадский Г.), историк 10

Vincencij, см. Винценций

Waitz G. (Вайц Г.), историк 205

Wallbach L. (Вальбах Л.), историк 20

Wasilewski T., см. Василевский Т.

Wenskus R., см. Венкус В.

Widukind von Korvei, см. Видукинд Корвейский

Zernack K., см. Цернак К.

Žmudzki P. (Жмудзки П.), историк 213

- Абакумцевская, пуст. 343
 Аврамовская, дер. 345
 Аврамовское, с. в Дмитрове 331, 345
 Австрия, страна 73
 Агнянская земля 12
 Азия 117
 Аксиньинское, с. в Звенигороде 305
 Альта, р. 234
 Англия, страна 12, 263
 Андреевское, с. в Юрьеве Польском 342
 Андреевское, с., стан и волость в Звени-
 городе 276, 289, 291, 301
 Анофрейцево, с-ще 300
 Аргуновская, волость в Переяславле
 Залесском 338, 339, 351
 Аркатьево, с-ще 300
 Аттика, область в древней Греции 94
 Афинеево, с. в Юрьеве Польском 342
 Африка 117
- Балашиха, г. 297
 Бармазовская, волость в Переяславле
 Залесском 361, 362, 388, 389, 390,
 394
- Бармазовская, дорога 389
 Баскача, дер. 332
 Бебяковское (Бебяково), с. в Дмитрове
 331, 345
 Бегунич, с. в Ильинском погосте
 322
 Бежецк (Бежецкий Верх, Городецк),
 г. и терр. 275, 276, 278, 286, 287, 294,
 295, 301, 302, 304, 311, 312, 347, 350,
 356–358, 361–365
 Бежецкий у. 275
 Бежицкая, сотня 411
 Беклемишево, с. в Переяславле Залес-
 ском 338
 Белавежа (Белая Вежа), г. 87
 Белгино, с. в Звенигороде 273
 Белгород, г. на р. Ирпень около Киева
 16, 52, 98, 253, 255
 Белгород, г. в Рязанской земле 100
 Белз, г. 22, 408
 Белзская и Червенская земля 22, 25
 Белое, море 398, 407
 Белое, оз. 295, 301, 303, 352, 368, 373
 Белозерское княжество 303

¹ Местоположение пустошей, селищ и местностей не определяется. Местоположение слобод и сёл определяются по городу, под которым подразумевается центр с территорией, подчинённой ему в административном отношении.

Список сокращений: админ. — административный, г. — город, гос-во — государство, дер. — деревня, дерр. — деревни, местн. — местность, о-в — остров, оз. — озеро, п-ва — полуострова, п-ов — полуостров, пог. — погост, поч. — починок, пуст. — пустошь, р. — река, с. — село, сев.-вост. — северо-восточный, см. — смотри, соврем. — современный, ср. — сравни, с-цо — сельцо, с-ще — селище, терр. — территория, у. — уезд.

- Белозерье, регион 396
Белоозеро, г. и терр. 74, 222, 226–228, 294, 301, 303, 353, 361, 362, 366, 367
Белухинская, пуст. 383Белый Раст, с-цо в Москве 359
Бельский десяток, админ. терр. в волости Мореве 318
Бельчица, г. под Полоцком 54
Бердниково, дер. 319
Березна, дер. (?) 316, 317
Березняки, местн. в волости Воре 276
Березовец (Верхний Березовец, Березовецкая, Верхнеберезовецкая), волость в Костроме 335, 350, 359, 361, 383–385
Березовец, с. в Костроме 359
Берендеево (Берендеев), стан и волость в Дмитрове 344, 350, 361, 373
Берестов, волость в Можайске 383
Берестово, с. под Киевом 237–238, 417, 422
Берестье (Брест), г. и терр. 13, 18, 407–409, 424
Бисерово, с. в Коломне 375, 395
Боболь (Буболь), волость в Луже, позднее в Малоярославце 361, 379, 380
Бобровники, с. или местн. на угличско-тверском рубеже 313
Боголюбово, резиденция княжеская 90
Богородицкое, с. в Волоке Ламском 344
Богоявленское, дер. 332
Богоявленское, с. в Юрьеве Польском 342
Болгарская земля 12
Болеслав, г. в Чехии 72
Болкошино, дер. 309
Бологожь, местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
Болонья, луг 350, 371
Болтухово, дер. 319
Большая Соль см. Соль Великая (Большая)
Большая Юра, р. 397
Борисовское, с. в Можайске 275
Борисовское, с. в Соли Галицкой 339
Борисовское, с. в Ярославле 277
Борисоглебский, стан в Переяславле Залесском 351
Боркино, с. в Бежецком Верхе 358
Боркинская, пуст. 363
Борковская, волость в Ярославле 392
Боровск, г. и терр. 283, 286, 287, 351
Бортеневская, пуст., земля 295, 305, 306
Бохмач (Бахмач), г. 87
Бохтюжская (Бохтюга), волость в Вологде 283, 342, 350
Брашевская (Брашева), волость в Коломне 361, 362, 375, 395
Брест см. Берестье
Бродский десяток, админ. терр. в волости Мореве 318
Бужск, г. 18
Бунково, пуст. 338
Буносовская, пуст. 345
Бунятино, с. в Дмитрове 331, 345
Бухалово, с. во Владимире 287
Быков, стан в Москве 315, 385
Быловское (Былово), с. в Москве 298, 384, 385
Быльдино, с-цо в Переяславле Залесском 343
Валуевская, дер. 342
Ванновичи на Словенской, дер. в Ижорском погосте 321
Василев, г. 55
Васильевская (Василисовская), пуст. 338, 339
Васильевское Галичское, с. в Дмитрове 345
Васисино, пуст. 313
Васкина, земля 294
Ватолинская, с. в Можайске 382, 383
Ведерниче, с. в Дмитрове 331, 345
Великая Соль см. Соль Великая (Большая)
Великая, р. 401, 404
Великий Новгород см. Новгород

- Великосольская см. Соль Великая (Большая)
- Велильская (Велиля), волость новгородская 319 — 321, 424
- Венгрия, страна 12, 60, 73
- Верей, г. и терр. 287, 350, 351
- Верзневское, с. в Дмитрове 344
Верейский у. 336
- Верхдубенский, стан в Переяславле Залесском 334, 337, 338, 351, 388
- Верхнее Медвежье, оз. 297
- Верхний Березовец см. Березовец
- Весь Егонская, с. в Бежецком Верхе 347, 350
- Византия, страна 12, 63, 73, 74, 99, 222, 226, 248, 256
- Вирицыно, местн. или водный объект 366
- Витебск, г. 72
- Вихорева, дер. 338
- Владимир, г. и терр. (на Клязьме), г. 20, 21, 36, 56–58, 60, 61, 67–71, 78, 89–92, 95–97, 99, 100, 102, 103, 126–129, 134, 137, 146, 178, 186, 246, 248, 277, 278, 282, 286, 287, 293, 303, 310, 315, 337, 342, 344, 350, 351, 413, 415
- Владимир-Волынский, г. 17, 31, 47, 51, 56, 84, 85, 168, 217, 247, 255
- Владими́ро-Волы́нское кня́жество 21, 22, 217, 235, 260
- Владими́ро-Суздальская земля 36, 57, 59, 68, 69, 90, 91, 95, 98, 126, 178, 127, 136, 254, 255
- Владими́ро-Суздальская Русь, см. Влади́миро-Суздальская земля
- Владимирская волость (Владими́ра-Волы́нского) 27
- Владимирская земля (Владими́ра-Волы́нского) 21, 25
- Владимирская (Владими́ра-на-Клязьме) земля 56, 57, 61, 70, 127, 129, 133
- Владимирский (на Клязьме) у. 278, 342
- Влазневское, с-ще 384
- Власовская, дер. 345
- Власовская, земля 384
- Вогнема, волость в Белоозере 367
- Водская пяттина, часть новгородской терр. 321, 322, 408
- Водская, сотня 411
- Воздвиженский Карбосельский погост в Ореховцеком у. 321
- Воздвиженский Опольский погост в Ямском у. 322
- Воздвиженское, с. в Переяславле Залесском 332
- Воиславское (Выславское), с. в Звенигороде 295, 301, 305, 306
- Волга, р. 58, 287, 313, 341, 376, 377, 390, 391
- Волгуша, р. 295, 372
- Волин, г. 124
- Вологда, г. и терр. 274, 281, 283, 284, 286, 287, 292, 332, 333, 342, 347, 350, 360, 361, 370, 371
- Вологда, р. 361
- Вологодский удел 343
- Волок Ламский (Волок, Волоколамск), г. и терр. 279, 280, 286, 287, 292, 344, 350
- Волок см. Волоколамск
- Волок, владение Новгорода Великого на севере 322
- Волоколамский у. 280
- Волома (Волма), р. 326
- Волоцкий см. Волоколамский
- Волоцкий, стан в Вязьме 341, 350
- Волочек Словенский, волость в Белоозере 301, 367, 368
- Волошская земля 12
- Волхов, р. 88
- Волы́нская (Вельны́нская) земля 21, 22, 25, 31
- Волынь, регион 22, 24, 246
- Вольское, волость в Белоозере, позднее в Вологде 274, 286, 290, 294, 351
- Воробьева, дер. (?) 317
- Воронинская, пуст. 338

- Вороновская, пуст. 274
 Воря, волость в Москве 276, 281, 284, 285, 289, 298, 300, 302, 335, 345, 351
 Воря, р. 281, 284
 Воскресенское, с. в Переяславле Залесском 279
 Восточная Европа 60, 80, 81, 101, 123, 127, 147
 Вроцлав, г. 108, 147
 Всеволож, г. 87
 Всеславское, с. во Владимире 342
 Вскходня, р. 297, 301, 307, 386
 Вымь, р. 281
 Вычегда, р. 281
 Вышгород, г. под Киевом 16, 48, 51, 55, 64, 109, 110, 111, 115, 172, 217, 236, 238, 253, 254, 415
 Вышгородская (Вышгород), стан (волость) в Дмитрове 275, 279, 290, 315, 316, 335, 342, 345, 350, 372, 373
 Вышкоский, стан в Рузе 282, 291
 Вязьма, г. и терр. 341, 350, 351
 Вязьма, р. 341
 Вятичи, славянская общность 12, 24
 Вятичи, терр. 12, 28
 Вяцкая, волость в Костроме 376
- Гавинская, волость в Переяславле Залесском 299, 301–303, 316
 Галибинский десяток, админ. терр. в Кунском стане 320
 Галич (Мерский), г. и терр. 287, 350, 351, 359
 Галич, г. на Днестре 22, 59, 60, 85, 99, 105, 106, 131, 141, 149, 178, 208, 213, 215, 216, 412, 415, 424
 Галичина, регион 22
 Галицкая (на Днестре) земля 21, 22, 24, 30, 99, 131, 255, 260
 Галицко-Волынская земля 72, 84, 99, 106, 132 140, 199
 Галицко-Волынская Русь, см. Галицко-Волынская земля
 Галицко-Волынское княжество 22, 25
- Галицкое княжество 22, 140, 217, 260
 Галичско-Русское княжество, см. Галицкое княжество
 Ганза, объединение торговых городов 166
 Германия, страна 107
 Глухово, пуст. 341
 Глядящее, с. в Муроме 275
 Говядовская, пуст., дер. 360, 375, 376
 Голиной, ручей 326
 Голицыно, дер. 319
 Голицыны, дерр. 319
 Голодушский десяток, админ. терр. в волости Велиле 320
 Голошапово, дер. 319
 Голутвинское, с-ще 296
 Горбцова, земля 365
 Горетва (Горетовка, Горедва), р. 297, 309
 Горетовский (Горетов), стан в Москве 296, 297, 301, 307, 309, 315, 327, 361, 386, 387, 405
 Горловское, с-ще 371, 394
 Городен, г. 18
 Городецкий, погост в Ореховецком у. 321
 Городец Радилов, г. и терр. 58, 287
 Городецк см. Бежецкий Верх
 Городецкий (Городской), стан в Угличе 276, 390
 Городецкий, стан в Бежецком Верхе 275, 276, 311, 312, 358
 Городецкий, стан в Белоозере 361, 366, 368
 Городище, с. в Старой Русе 28
 Городище (Рюриково), резиденция княжеская в Новгородской земле 54
 Городный (Городецкий, Городской, Окологородный), общие названия станов, расположенных вокруг городов 287
 Городской, стан в Суздале 351
 Городской, стан в Вологде 283. Ср. Окологородный стан в Вологде

- Городской, стан в Переяславле Залеском 332, 351
Гороховец, г. и терр. 277, 286, 287, 290, 351, 361, 371, 372
Готский берег (Готланд), о-в 412
Гремячая, гора 402
Греция, страна 37, 94
Греческая земля (Греки) 12, 224, 236, 239
Грибаново, с. в Звенигороде 334
Гридино, пуст. 313
Гридинская, слобода в Кашине 313, 314
Гридкина, пуст. 370
Грунинское, с. в Костроме 336, 340
Гудцовская, дер. 295, 304
- Далмация, область на Балканах 101
Дания, страна 263–265
Двиница, р. 360
Двинская губа (Белого моря) 407
Двинская земля (Двина), регион 348, 397, 398, 403, 405
Дедославль, г. 65
Дементьево, с. в Угличе 280
Деминская волость в Суздале 342, 351
Деревенька, с. в Юрьеве Польском 276
Деревенька, с. во Владимире 287
Деревеньская, волость в Москве 304
Деревы, терр. 12, 13
Деревская волость 27
Деревская земля 12
Деревская пятина, часть новгородской терр. 318, 322, 408
Дерново, с-ще, земля 298, 306, 384, 385
Десятцкое, дер. 324, 325
Дирична (Дырышна), р. 380
Дьяковское (Дьяковское, Дьяково), с-ще 389, 394, 395
Дмитров, г. и терр. 276, 278, 286, 287, 294–296, 301, 302, 312, 331, 334, 335, 342, 344, 345, 350, 361, 372, 373
Дмитровский, район Московской обл. 359
Дмитровский у. 274, 275, 279, 282, 315, 358, 373
Днепр, р. 82, 250
Добрецкий десяток, админ. терр. в волости Велиле 320
Добриловское, с. в Переяславле Залеском 278, 287
Добрый, г. 134
Добрячево, с. в Юрьеве Польском 347
Дор, волость в Плесе 343, 351
Дорогичин, г. и терр. 408
Дорогобуж, г. 18, 185, 214
Дорожичь (Дорогожичь), урочище близ Киева 51
Доростол, г. 219
Древляне, славянская общность 12, 24
Древнерусское гос-во 8, 11, 23, 26, 111, 155, 423, 426
Древняя Русь 7, 8, 24, 36–39, 41, 43, 46, 64, 67, 78, 80, 81, 85, 87, 92, 101, 102, 108, 115, 118, 119, 120, 127, 128, 131, 132, 142, 146, 147, 151, 152, 153, 162, 165, 167–169, 173, 175, 187, 191, 199–201, 208, 212, 220, 221, 235, 239, 246, 248, 267, 269, 426–428
Дреговичи, славянская общность 24
Дреговичи, терр. 12
Дрествяное, с-ще 300
Друцк (Друтск, Дрьютск), г. 53, 54, 88
Дубна, р. 388
Дубровка, р. 401
Дубровна с. на р. Кунье в Торопца 144
Дудоровский, погост в Ореховецком у. 321
Дулебы, славянская общность 24
Думинское, с. в Дмитрове 274
Дунай, р. 85, 228, 229, 235
Дьяковское см. Дьяковское
Дятелинское, с. в Дмитрове 276
- Европа 7, 8, 40, 70, 207, 208, 262, 416, 427
Египетская земля 12
Ежена, р. 363, 365

- Еженое, оз. 363
 Емецкая (Емца), слобода в Двинской земле 397, 398
 Емстна, волость в Костроме 336, 340, 351
 Еренга, р. 281
 Ермаково, земля 337
 Ефремовская, пуст. 339
- Жабенская (Жабна), волость в Кашине** 275, 291, 313, 315
 Жабенская, слобода в Кашине 313, 314
 Жабенский десяток, админ. терр. в волости Мореве 318
 Жабна, р. 313, 314
 Жагаловская, дер. 304
 Жаденки, дер. 300, 301
 Жары, волость в Ярославле 362, 391
 Жданский, стан в Москве 296, 301, 304
 Жданское (Жданово), с. в Москве 296, 304, 358
 Желдыбинская, дер. 339
 Желетовка, р. 298
 Жолтиково (Желтиково), дер. 345
 Жолтиково, с. в Дмитрове 331, 345
 Жуковское, с-ще 371
- Заборская, волость в Переяславле Залесском 299, 304
 Заволочье, регион 76
 Завытьерние, местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
 Загаиновская, дер. 342
 Загородский конец (в Новгороде) 137
 Заколпье, волость во Владимире 342
 Залесье, местн. 343
 Залесье (Залеская), волость в Костроме 359, 377, 394
 Замошский десяток, админ. терр. в волости Велице 320
 Замошский десяток, админ. терр. в Лазаревском стане 320, 321
 Замошье, волость в Рузе 273
- Замытский (Замытье), стан в Переяславле Залесском 299, 301, 304
 Занемицкий, луг 300
 Заозерский, рубеж 313
 Заозерский, стан в Белоозере 303, 361, 366, 368
 Заозерье, волость в Вологде 283, 343, 350
 Заонежье, регион 398
 Западная Европа 42, 62, 154, 164, 165, 169, 204, 207
 Западная Русь 195
 Зареческ, г. 51, 228
 Заречье, земля 296
 Зарубский брод на Днепре 250, 252
 Захарьинское, с. в Коломне 277
 Заячков десяток, админ. терр. в Лазаревском стане 320
 Заячков, волость в Малоярославце 381
 Звенигород (московский), г. и терр. 273, 276, 286, 287, 289, 291, 294, 295, 301, 305, 306, 350, 361, 373–375
 Звенигород (галицкий), г. 85, 86, 102
 Звенигородский (Звенигорода московского) у. 281, 334
 Зверинец, пожня (?) 392
 Зеленево, с-ще 381, 382
 Зеленый остров, лес в волости Жабенской 314
 Зубцевская, дер. 299, 304
 Зубцов, г. и терр. 287
 Зуевский десяток, админ. терр. в Кунском стане 320
- Иванковская, земля** 299
 Ивановский, стан в Бежецком Верхе 275
 Ивановское, с. в Вологде 274, 347
 Ивановское, с. в Москве 297, 386, 387
 Ивановское, с. в Кашине 275
 Иворовская, волость в Старице 349
 Ивница, местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
 Иерусалимская земля 12
 Иерусалимская, слобода в Кашине 346

- Ижора, р. 321
Ижорский, погост в Ореховецком у. 321
Измалково, пуст. 341
Иколдом, р. 299
Икша, р. 295, 372
Илемна, с. в Верее 336, 340
Илемна, с. и волость в Луже 379, 380
Иломский десяток, админ. терр. в волости Велиле 320
Ильинский, погост в Копорском у. 321
Ильинское, с. в Юрьеве Польском 342
Инева, р. 273
Инобаж, волость в Дмитрове 331, 335, 345, 350
Иноутинское, с. в Боровске 283
Ионкинская, пуст. 373
Ирдма, волость в Белоозере 367
Ирмес, р. 300
Искона, р. 383
Исох и Берестов, стан в Можайске 383
Истра, р. 375
Италия, страна 12
- Кадников, г. 360**
Калиш, г. в Польше 104
Калка, р. 414
Каменка, р. 295, 372
Каменский, стан в Дмитрове 312, 313, 331, 345, 350
Канев, волость в Коломне 277, 289
Караваево, дер. 319
Караулово, земля 337
Карголом, волость в Белоозере 368
Карин Нос, местн. в Ореховецком у. 321
Каринское, с. в Звенигороде 276
Касть, р. 391
Качалка, с. в волость Селецкой 316
Кашин, г. и терр. 275, 282, 286, 346, 350, 351, 362
Кашинский у. 275, 313, 349
Кашира, г. и терр. 275, 286, 351
Кегрольский, погост 322
Кемь, волость в Белоозере 303, 361
Кемь, р. 295, 303
- Кивуй, р. 352
Кивуйская (Кивуй, Кивуйца) волость в Белоозере 352, 353, 368
Киев, г. и терр. 14, 15, 17, 26–28, 32, 35–37, 40, 44–53, 55, 60, 61, 65–67, 74, 75, 81–83, 87–89, 93, 95, 97, 109–112, 114–116, 118, 120, 122, 123, 125, 130, 134, 138, 146, 166, 170–172, 175, 178, 183, 184, 199, 210, 212–216, 219, 220, 224, 227, 228, 230, 232–243, 245, 246, 248–251, 253–255, 258–260, 315, 328, 415, 416, 423, 424, 426
Киевская волость 14, 16, 27
Киевская земля (Киевщина) 21, 24, 31, 35, 39, 50, 51, 66, 67, 93, 199, 216, 238, 258–259
Киевская Русь, другое название Древнерусского гос-ва 9, 36, 37, 64, 67–69, 73, 82, 87, 94, 95, 111, 113, 124, 140, 142, 168, 223–224, 247, 252
Киевское государство, см. Киевская Русь
Киевское княжество 19, 26, 27, 31, 32
Кимх, урочище 353
Кинельская (Кинела), волость в Переяславле Залесском 277, 279, 290, 332, 335, 336, 338, 351
Кинельский (Кинела), стан в Угличе 276, 278, 291
Кипроватая, дер. 299
Киржач, р. 351
Киснемская (Кистнема), волость в Белоозере 352, 367
Кистемская (Кистьма), волость в Переяславле Залесском 278, 291, 300, 316, 343, 351
Клевцовское, с. в Костроме 340
Клеопинское, с. в Плесе 299
Клеческ, г. 18
Климентиевское, с. в Радонеже 386
Клин, г. (?) и терр. в Новгородской земле 65
Клинский, лес в Бежецком Верхе 304

- Кличенская (Кличен), волость в Ржеве 278, 280, 290
- Клобуковская, земля 349
- Клязьма, р. 315, 388
- Княжостровская, волость в Двинской земле 410
- Кожевниково, пуст. 313
- Козельское, с. в Боровске 283
- Козлово (Козловское), с-ще 387, 425
- Козьлеско, местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
- Кой, волость в Переяславле Залесском 332
- Кокоуревское, с. во Владимире 342
- Колин, местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
- Колакша, р. 245
- Коломенский у. 277, 280, 289, 375
- Коломна, г. и терр. 277, 286, 287, 343, 350, 361, 375
- Колтеск (Колтеск городок), г. 65
- Кольский, п-ов 407
- Конный торг, место в Константинополе 133
- Константиновское (Константиново), с. в Москве 357, 358
- Константинополь см. Царьград
- Кончининское (Кончинино), с. в Дмитрове 331, 345
- Копнинское (Никольское), с. в Переяславле Залесском 299, 304
- Копорский у. 321
- Копыловская, дер. 295
- Корзнев, волость в Москве 335, 345, 351, 361, 385, 387, 395, 425
- Коробовская, дер. (земля, с-цо) 357, 386
- Коровин, стан в Москве 385
- Коростелево, с-цо в Костроме 341
- Кортинское, с. в Волоке Ламском 344
- Костковская, дер. 385
- Кострома, г. и терр. 286, 294, 301, 332, 336, 340, 341, 350, 351, 356, 359, 361, 375–377
- Костромская область 359
- Костромской у. 283, 376
- Которосль, р. 391, 392
- Краков, г. 179
- Красная Пахра, с. 385
- Красносельский, стан в Вязьме 341, 350
- Крековский десяток, админ. терр. в волости Мореве 318
- Кремль московский 272, 281, 284
- Крестный, навалок 369
- Крестово, с. в Воздвиженском Опольском погосте 322
- Крестцы, пожня 391
- Кривдинское, пуст. 342
- Кривичи, славянская общность 24
- Кривичи, терр. 12
- Кривопусковское, с-ще 388, 394
- Крохинская, дер. и слобода в Белоозере 295, 303
- Крутицы, с. в Звенигороде 374
- Крутой, ручей 353
- Крым, п-ов 354
- Крюковская (соврем. с. Крюково), дер. 375
- Кубена, волость в Вологде 283
- Куземкино Чечеткино, с-ще 298, 306
- Куземский, стан в Муроме 275
- Кузмадемьяна улица (в Новгороде) 144
- Кузмино, дер. 318
- Кузнецово (Кузнечково), дер. 373
- Кузьмодемьянское, с. в Бежецком Верхне 347
- Кузьево, с-цо в Москве 359
- Кулачка, р. 137
- Кулза, с. 321
- Куликовское, с. в Костроме 356, 376
- Кунемка, р. 388
- Куноки, с. в Дмитрове 345
- Кунский, стан в волости Холмской 320
- Купанское, с. в Переяславле Залесском 388
- Купань, с. в Переяславле Залесском 388
- Куровское, с. в Можайске 275
- Курск, г. 17

- Курышинский, рубеж 313
Курья, волость в Двинской земле 397
Кусакинское, с. в Волоке Ламском 344
Куткобала, стан в Угличе 276
Кучки, с. в Юрьеве Польском 276, 288
Кучковская (Кучюковская), дер. 345
- Ладога, г. 54, 79, 93, 242
Лазаревский, стан в волости Холмской 320, 321
Ландскрона, г. 407
Лахта, волость Ореховецкого у. 321
Лахта, с. Ореховецкого у. 321
Левина, земля 384
Левково, земля 298, 309
Лежа, р. 361
Летний берег, сев.-вост. часть Онежского п-ва 407
Лжевская, земля 308
Лжевская, дер. 297
Лжевская, пашня 307
Лжевский, луг 307
Ликуржская (Ликурги), волость в Костроме 283, 290, 292
Липица, р. 102, 136, 137, 144, 146
Липицкое, поле 413
Лисеостров, волость в Двинской земле 398
Лисичье, с. в Водской пятине 321
Листвен, г. 234
Литва (Великое княжество Литовское), страна 42, 105, 194–198, 318, 354
Литвиновское, с-цо в Вязьме 341
Лихорадовская, земля 316
Лихорадовские, дерр. 296
Лобановское, с. в Можайске 275
Ловать, р. 144
Ловышин (Ловышина), волость в Луже, позднее в Малоярославце 361, 379, 380
Лодма, р. 398
Локношский, стан в Волоке Ламском 280
Локсомерь, местн. в Ростове 342, 351
- Лопатниче, с. в Суздале 300, 301
Лоптово, дер. 319
Лопьская, сотня 411
Лоскома, волость в Вологде 274, 291, 347, 350, 361, 370
Лоста, р. 361, 370
Лужа, г. и терр. 287
Лужа, р. 379
Лужки, с. в волости Сурожик 332
Лужковское (соврем. Лужки), с. в Звенигороде 374
Лужское, с. в волости Сурожик 332
Луки г. в Новгородской земле 123
Лукинская, пожня 358, 363
Лукинский десяток, админ. терр. в Лазаревском стане 320
Лукшино, пуст. 349
Луцк, г. 84
Луцкая волость 27
Луцкая, сотня 411
Луцкое княжество 21
Лучинское (Луценское), с. в волости Сурожик 332, 333
Лымбой, р. 352
Лычевская, дер. 335
Любеч, г. 174, 218
Людин конец (в Новгороде) 103, 138
Любачев, г. 22
Люботицкая, земля в Бежецком Верхе 301, 302
Люботичи (Люботицы, Любочичи), с. в Бежецком Верхе 294, 295, 358, 363
Лявля, р. 410
Лядская земля 12
Лялин, пог. в Двинской земле 398
Ляховицкий десяток, админ. терр. в волости Велиле 320
- Макаровское, с-ще 384
Малаховская (Малахово), дер. 387, 388
Малая Истра, р. 333
Малая Юра, р. 397
Малевино, дер. 357
Малино, с. в Коломне 288, 289

- Малинская, волость в Коломне 289
Малоярославец, г. и терр. 361, 362, 379, 380
Манаково, с. в волости Сурожик 332
Манатын, стан в Москве 315, 361, 385, 393, 405
Маринина, слобода в Переяславле Залесском 299, 301, 311, 332, 346, 351
Маринкино, с. в Дмитрове 331, 345
Марфинская, земля 316
Масленская (Маслена), волость в Вологде 279, 291, 292, 332, 333, 350
Матвеевская, дер. 280
Матенская, волость в Плесе 343, 351
Матигорское, с. в Двинской земле 398
Матренкино, с-ще 314
Матфеевская, дер. 389
Медведица, р. под Москвой 357
Медведково, дер. 280
Медвежий Угол, волость в Суздале 274
Медвежи, озера 301, 304, 308. См. также Верхнее Медвежье оз. и Нижнее Медвежье оз.
Медна, с. в Твери 274, 275
Медуши, волость во Владимире 277, 278, 290
Медынь, г. и терр. 287
Мележа, р. 299
Мележское, с. в Маринине слободе 298
Менчаково, с. в Суздале 300, 301
Мериново, с-цо в Переяславле Залесском 341
Мериновская, земля 299
Мера, финно-угорская общность 24
Мигачево, дер. 368
Микульское, с. в Суздале 277, 335
Микульское, с-цо в Переяславле Залесском 341
Милевск, г. в Чехии 73
Милятино, с. в Переяславле Залесском 278
Минеевская, пуст. 370
Минск, г. 18, 74
Минский, стан в Костроме 376
Мирожа, р. 404
Мисиново, с. в Дмитрове 331, 345
Митково, с. в Вязьме 341
Митрополичье, с. в Коломне 277
Михайловская, дер. 344
Михайловский, стан в Переяславле Залесском 338
Михайловское, с. в волости Корзенов 335, 345
Михайловское, с. в Дмитрове 275
Мичково, пуст. 335
Мичск, г. 52
Мишутинский (Мишутин), стан и волость в Переяславле Залесском 313, 361, 362, 388, 394
Могильная, земля 358
Можайск г. и терр. 286, 351, 361, 382, 383
Можайский у. 275, 383
Молога, г. и терр. 287
Молога, р. 301
Молотомка, р. 360
Молотомо (Молотма, Молотовское), оз. 360, 361
Монастыри:
Богородицкий Благовещенский Киржачский 332, 339
Богородицкий Успенский на Воинове горе 338
Богородицкий в Емецкой соборе 397
Богоявленский в Москве 276
Борисоглебский в Переяславле Залесском 278
Варваринский в Новгороде 54, 79
Васильевский в Гороховце 371, 372, 394
Дионисиев Глушицкий Покровский 342
Дмитриевский в Киеве 222, 230, 231
Ильинский в волости Воре 281, 284
Иосифо-Волоколамский 279, 280
Киево-Печерский под Киевом 27, 61, 212, 222, 227–231, 233–235, 417

- Кирилло-Белозерский (Кириллов)
270, 274, 281, 284, 295, 332, 333,
343, 347, 352–354, 367, 368, 370
- Козьмы и Дамиана на Гремячей горе
в Пскове 402
- Крутицкий в Звенигороде (москов-
ском) 373
- Махрицкий 346
- Новинский (Новый) в Москве 356,
376
- Никольский Шартомский 343
- Никола-Угрешский 357
- Никольский Мокрый на р. Сухоне
274
- Отроч в Твери 323
- Покровский в с. Сватковском 338
- Покровский в Угличе 278
- Саввин Сторожевский 273, 276, 373,
374, 394
- Симонов в Москве 278, 280, 282,
296–298, 304, 306–309, 339, 342–
344, 347, 357, 373–388
- Славятин в Переяславле-Русском
248
- Снетогорский Богородицкий в
Пскове 402
- Соловецкий 398
- Спасо-Евфимьев в Суздале 274, 278,
300, 310, 330, 337
- Спасо-Каменный в Вологде 283
- Спасо-Преображенский в Ярославле
274, 282, 391, 392
- Спасо-Прилуцкий в Вологде 360–
361
- Спаский в Пскове 405
- Сретенский в Кашине 329, 346, 349,
365
- Троице-Сергиев (Троица) 274, 275,
278, 279, 281–284, 294, 295, 298,
299, 302–304, 312, 330–332, 334–
342, 345, 348, 359, 360, 363–365,
372–373, 373, 375–377, 380–383,
385–391, 394, 395, 420, 425
- Троицкий Белопесочный 275
- Троицкий Калязин 313, 314
- Троицкий в Березниках в волости
Воре 276, 281, 284
- Цвифальтенский в Швабии 201
- Федоров в Киеве 120
- Ферапонтов 270, 295, 303, 369
- Чудов в Москве 298, 299, 304, 330,
332–334, 354–356, 361, 374, 375,
393, 395
- Моравин (Моравин), г. в Новгород-
ской земле 144
- Морева, волость новгородская 318–320
- Мортка, р. 350, 371, 372
- Морховский, стан в волости Холмской
320, 321
- Москва, г. и терр. 30, 37, 56, 149, 152,
187–189, 192–196, 261, 267, 272,
283, 285–287, 290, 294, 296, 301,
309, 318, 322, 325, 331, 332, 335, 345,
351, 356, 357, 361, 367, 383, 384, 388,
425
- Москва, р. 295, 373, 383
- Московское государство 197
- Московское княжество 187, 189, 196,
198, 206, 208
- Московское царство 48, 123
- Московская область 358, 359, 372, 374,
375, 383, 385
- Московский у. 282, 296, 297, 304, 307,
311, 315, 316, 386, 388, 393
- Московское княжество (княжение) 288,
290, 291, 315, 374
- Муравино, с. в Суздале 277
- Муравьевский (Куравьевский?) деся-
ток, админ. терр. в Ратновском стане
320
- Муром, г. и терр. 13, 15, 17, 212, 286,
288, 351
- Мурома, финно-угорская общность 24
- Муромская земля 13, 18, 23–25
- Муромский у. 275
- Муромское княжество 30, 31
- Муромцево, с. в волости Воре 345, 385,
387

- Мшага, р. 76
 Мья, р. 321
 Мясншевское, с. в Переяславле Залеском 277, 278
- На** Киале, дер. в Ижорском погосте 321
 На Саюле Сипино, дер. в Ижорском погосте 321
 Наволок, с-цо в Костроме 341
 Надеевский, бор 365
 Назарьевская, дер. 338
 Напорожский, стан в Белоозере 361, 366, 368
 Нара, р. 273, 373, 374
 Наро-Осаново, с. в Звенигороде 374
 Нарские, пруды 374
 Наузовская, дер. 359
 Наузовские, дерр. 359
 Нахабна, р. 273
 Небльская волость 27
 Нева, р. 321, 407
 Негловское, с. в Маринине слободе 346
 Негуча, стан и волость в Звенигороде 289, 301
 Некиматово, с. в Коломне 280
 Неревский конец в Новгороде 138
 Нерехотская (Нерехта), стан и волость в Костроме 282, 290, 361, 362, 377–379, 405
 Нерехотский (Нерехта), стан и волость в Кашине 275, 291
 Нерль (Волжская), р. 299
 Нерль (Клязьминская), р. 300, 337, 350
 Нестеровское, с. в Ярославле 277
 Нетеча (Ньтьце), местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
 Нефедьевское, с. в Угличе 341
 Нижегородское княжество 153, 189, 192
 Нижнее Медвежье, оз. 297
 Нижний Новгород, г. и терр. 152, 187–191, 418
 Никитское, с. в Переяславле Залеском 278
- Никольский Суйдовский, погост в Копорском у. 322
 Никольский Толдуцкий, погост Ямско-го у. 322
 Никольское, с-цо во Владимире 342
 Никольское см. Копнинское
 Новгород (Великий) (Новгородская «республика»), г. и терр. 14, 15, 17, 22, 26, 27, 29–32, 37, 42–45, 47, 48, 49, 54, 55, 58, 59, 68, 74, 76–79, 82, 88, 89, 92, 93, 95, 97, 99–101, 103, 109, 110, 119, 121–124, 129, 130, 132–139, 141–144, 149, 166, 177, 182–184, 186, 210–213, 222, 224–226, 233, 237, 242–245, 255, 318, 322–324, 326, 327, 364, 396–401, 403, 404, 406, 407, 409–415, 424
 Новгород-Северский, г. 27, 29, 98, 174, 217, 241, 258
 Новгородская волость (Новгорода Великого) 14, 16, 19, 27, 31
 Новгородская (Новгорода-Северского) волость 27
 Новгородская земля, терр. под управлением Новгорода Великого 19, 24, 29–31, 65, 65, 90, 99, 101, 103, 104, 137, 140, 255, 319, 409
 Новгородская область 19
 Новое над озером, земля 337
 Новое, с. в Дмитрове 345
 Новоселка, дер. 319
 Новоселка, поч. 318
 Новоселки, с. в Юрьеве Польском 282
 Новоторжский у. 275
 Ноля, р. 359
 Норвегия, страна 262–263
 Нормандия, регион 166
 Носов, г. на р. Руде в Переяславской (Южной) земле 50
 Нуткобала см. Куткобала
- Оболенск, г. и терр. 287
 Обонежская, сотня 411
 Овруч, г. 17

- Оглоблино (Оглоблинская), пуст., дер.
335, 383–385
- Одоевский десяток, админ. терр. в волости Морева 318
- Озерецкое Новое, с. в Москве 359
- Озерецкое Старое, с. в Москве 359
- Озерецкое, с. в Дмитрове 331, 345
- Озерецкое, с. в Москве 358, 359, 385
- Ока, р. 212, 380
- Окологородный (Окологородье), стан в Вологде 279, 292, 361. Ср. Городской стан в Вологде
- Оксиньинское, с. в Звенигороде 334
- Олешь, с. в Костроме 359
- Олисево, дер. 319
- Олпачевская, пуст. 338, 339
- Олферьево, пуст. 338
- Омутское (Омуцкое), с. в Суздале 300, 301
- Ондреевское см. Андреевское
- Онежский, п-ов 397, 407
- Онолецкий десяток, админ. терр. в волости Велиле 320
- Опоки, местн. в Новгороде Великом 327
- Орда (Золотая Орда), гос-во 187–189, 190, 307, 323, 406
- Ореховецкий у. 321
- Осановской, берег оз. Полецкого 373
- Остречина, р. 301, 358, 365, 366
- Остров, г. в Киевской земле 110, 111
- Островок, дер. на Мье 321
- Отчищево, с. в Волоке Ламском 279
- Отъездец, терр. в Твери 275
- Павлецово, с-ще 377**
- Павловское, с. в волости Сурожик 332
- Павловское, с. в Звенигороде 375
- Павловское, с. в Угличе 390
- Павловское, с. во Владимире 287
- Павшина гора, с. в Двинской земле 397
- Панинская, дер., земля 388, 389
- Парютинской, берег оз. Полецкого 373
- Пахра, р. 301, 306, 357, 358, 385
- Пельшема (Пельшемская), волость в Вологде 274, 291
- Передол (Передольская), с. и волость в Малоярославце 361, 380–382
- Перемышь (Московский), г. и терр. 412
- Перемышь, г. в Галицкой земле 14, 17, 22, 30, 131, 180
- Перемышльская (Перемышла галицкого) земля 23, 25
- Перемышльское (Перемышла галицкого) княжество 225
- Перерва, р. 402
- Пересопница, г. 51
- Перетержское, с. в Переяславле Залеском 332
- Перетержское, с. в Угличе 275–276
- Переяславец-на-Дунае (Малый Преслав), г. 81, 82, 219
- Переяславль (Залесский), г. и терр. 56, 78, 96, 97, 102, 134, 133, 278, 286, 287, 290, 294, 298, 299, 301, 304, 311, 313, 316, 332, 334–341, 346, 350, 351, 361, 388, 406
- Переяславль Русский (Южный), г. и терр. 14, 15, 17, 19, 27, 32, 49, 50, 65, 113, 215, 235, 239, 240, 248, 249, 251, 416, 417
- Переяславская (Переяславля Русского) волость 27
- Переяславская (Переяславля Русского) земля 249
- Переяславский (Переяславля Залесского) у. 277–279, 304, 343, 358, 388
- Переяславское (Переяславля Русского) княжество 19, 26, 31, 32
- Переяславское, оз. 388
- Пермь Вычегодская, регион 350
- Пермь, г. и терр. 286, 350, 351
- Перьская земля 12
- Песок, местн. в Звенигороде 305
- Пестово, с. в Кашине 275
- Петобой, р. 371
- Петровская, земля 316

- Петровское, с. в волости Воре 345
 Петровское, с. в Москве 296, 304
 Петровское, с. в Селецкой волости 296
 Пехорская (Пехорка), волость и стан в
 Москве 297, 304, 308, 316, 361, 388,
 405
 Печерская сторона, земли по р. Печере
 322
 Печуга, р. 300
 Пинск, г. 13
 Пинская земля 23, 25, 31
 Пиригов, стан в Бежецком Верхе 275
 Плесо, г. и терр. 294, 299, 301, 304, 343,
 350, 351
 Плотницкий конец, часть г. Новгорода
 Великого 415
 Плуть, местн. у впадения р. Волмы в
 Мсту 326
 Повельский, стан в Дмитрове 274, 275,
 287, 301
 Поволжье, регион 418
 Поволховская, сотня 411
 Погорина, терр. по р. Горыни 13
 Погостицкий десяток, админ. терр. в
 волости Велиле 320, 424
 Погостский десяток, админ. терр. в во-
 лости Мореве 318
 Подбережская, дер. 388
 Подвинье см. Двинская земля
 Подище, пожня 392
 Подкосово, пуст. 335
 Подмошечная, тоня 398
 Подогорье, местн. у впадения р. Волмы
 в Мсту 326
 Подокса, р. 300
 Подол (Подолье), местн. в г. Киев 51,
 113
 Подольск, г. 358, 386
 Подонье, регион 25
 Поелово, с. в Юрьеве Польском 342
 Поемечье, с. в Костроме 377
 Покровское, с. в Волоке Ламском 279
 Покровское, с. во Владимире 342
 Покровское, с-ще 371
 Покша, р. 376
 Полецкое, оз. 373, 374
 Половецкая земля («Половцы») 75
 Положимолотовская, дер. 387
 Полоцк, г. 13, 16, 17, 30, 49, 53, 54, 78,
 88, 95, 97, 123, 166, 167, 169
 Полоцкая земля 19, 24, 30, 53, 88, 95,
 117
 Польская земля 12
 Польша, страна 12, 40, 45, 80, 96, 103,
 108, 145, 189, 201, 237
 Польша Великая, область в Польше 80
 Поляне, славянская общность 24
 Поляне, терр. 12
 Полянка, с. в Волоке Ламском 280
 Помезания, область в земле пруссов 81
 Поморье (Западное), регион на Балтий-
 ском побережье 107, 124, 147
 Поповское, с. в Ростове 342
 Поповское, с-ще 300, 375, 395
 Пореевская, земля 299
 Порецкий десяток, админ. терр. в во-
 лости Велиле 320
 Порецкое, с. во Владимире 344
 Порозобица, р. 343, 369
 Порозобицкое, оз. 270
 Пороговская, волость в Можайске 275,
 289
 Посемье, терр. по р. Сейму 29, 98
 Потопловская, дер. 299
 Почап, с. в Малоярославце 381, 382
 Пошехонье, волость 274
 Прага, г. 73
 Приданое, с. в Коломне 343
 Прилук, местн. в Угличе 330
 Прилуцкий десяток, админ. терр. в Кун-
 ском стане 320
 Прилуцкое (Удинское), с. в Угличе 275,
 330, 332, 351, 361, 390, 391
 Присецкое (Присеки), с. в Бежецком
 Верхе 275, 295, 312, 358, 363–365
 Пронск, г. 71, 98
 Проня, р. 133
 Протасьево, с. в Дмитрове 279

- Протва, р. 379, 380
Прусская улица в Новгороде 104
Псков (Псковская «республика»), г. и
терр. 16, 17, 19, 31, 42, 43, 48, 93,
123, 137, 166, 182, 183, 186, 322, 324,
396, 401–405, 414, 415, 424
Псковская земля 24, 415
Пугачево, дер. 319
Пумалицы, с. в Никольском Толдучком
погосте 322
Пупки, дер. 335, 345
Путиловское (Путилово), с. в волости
Воре 298, 345
Пьяницино, с. в Юрьеве Польском 342
- Р**
Радимичи, славянская общность 24
Радонеж, волость в Москве 337, 351,
361, 383, 386
Ражково, с. в Малоярославце 382
Ракульское, с. в Двинской земле 398
Раменская (Раменка, Раменье), волость
в Москве, позднее в Дмитрове 282,
289
Раставский, стан в Кашире 275, 291
Ратновский, стан в волости Холмской
320
Ратуев, стан в Москве 357, 361, 386,
405
Репенка, р. 380
Репенская, земля 380
Репенское, с-ще 380
Репня, волость в Малоярославце 361
Репховские, пустоши 332
Ржева, г. и терр. 280, 286, 351
Ржевская, сотня 411
Ржевский у. 278
Рига, г. и терр. 166, 167, 405, 412
Ригина, гора 405
Рим, г. 99
Родня, г. 44
Рожайка, р. 358
Рождественская, дер. 343
Рождественский, стан в Ростове 342,
351
Рождественское, с. в Угличе 275
Рожевство (соврем. Рождествено), с. в
Звенигороде 375
Романов, г. и терр. 274, 286, 287,
351
Ромейская земля 12
Российское государство, см. Россия
Россия, страна и гос-во 38, 39, 42, 52,
62, 67, 68, 85, 91, 109, 113, 123, 125,
150, 151, 154, 159, 164, 167, 198, 208,
229, 262, 326, 330, 414
Ростов, г. и терр. 13, 15, 17, 20, 21, 30,
36, 56, 58, 59, 78, 92, 95–97, 105, 126,
127, 212, 287, 342, 351
Ростово-Суздальская волость 68
Ростово-Суздальская земля 57, 185,
186, 245
Ростовская волость 13, 28
Ростовская земля 18, 20, 21, 24, 25, 28,
56, 57, 89, 90, 92, 97, 105
Ростовская область 16
Ростокино (Ростокинское), с. на р. Яузе
под Москвой 283, 287, 301
Ртищево, пуст. 313
Руготинская, дер. 279
Руда, р. 50
Руза, г. и терр. 273, 280, 286, 288, 292,
351, 383
Русский у. 280, 282
Русская волость 27
Русская земля 12, 18, 19, 23, 31, 32, 46,
47, 58, 66, 80, 111, 129, 174, 176, 177,
236, 253, 255, 258, 426
Русское государство 146, 149, 177, 189,
207, 219, 381, 390, 425
Русь, страна 7–9, 11, 12, 14, 18, 23–25,
32, 37, 38, 43, 45, 48, 49, 59, 61, 71–
73, 84, 93, 103, 108, 126–128, 130,
132, 134, 136, 139–141, 146, 148,
151, 153–162, 166, 169, 170, 181,
182, 184, 187, 189, 193, 197, 198, 201,
202, 204, 205, 207–209, 213, 219,
225–226, 232, 242–244, 248, 250,
252, 254–256, 260, 262, 264, 265,

- 267, 270, 272, 273, 288, 298, 311, 314, 323, 330, 354, 376, 406, 410, 412, 413, 418, 419, 425–428
- Рыбино, с. в Бежецком Верхе 358
- Рыбинская, земля 358, 365
- Рыбная, слобода в Переяславле Залеском 340
- Рыдино, местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
- Рыдньской, путь 326
- Рязанская волость 27
- Рязанская земля 23–25, 100
- Рязанское княжество 31
- Рязань, г. 71, 92, 100, 134
- Сабельнич, наволок 392
- Савастьяновская, дер. 387
- Саков, г. 249
- Самойловская, дер. 374, 394
- Сан, р. 66
- Сапогово Толдуга, дер. в Дудоровском погосте 321
- Сарычкино, поч. 313
- Сатула, дер. 321
- Сватковское, с. в Переяславле Залеском 334, 337, 338
- Свечино, пуст., дер. 299, 341
- Святицкая, волость в Угличе 280, 291
- Северная Двина, р. 410
- Северная Европа 147, 264, 265
- Северо-Восточная Русь (Северо-Восток) 19, 21, 23, 58–60, 70, 77, 78, 91, 96, 98, 128, 129, 195, 228, 241, 257, 261, 286, 290, 301, 315, 317, 324, 327, 330, 331, 350, 352, 353, 356, 358, 362, 363, 365, 390, 392, 393, 395, 396, 403, 405, 411
- Северо-Западная Россия 319, 396
- Северо-Западная Русь 77, 318
- Северяне, славянская общность 24
- Сеземские, пустоши 332
- Селецкая дмитровская, дорога 296
- Селецкая, митрополичья волость в Москве 296, 297, 301, 311, 315–317
- Селецкий десяток, админ. терр. в волости Морева 318
- Селиванкова гора, дер. 339
- село у Василия Святого в Замощье 273
- Сельцы–Троица, с., центр Селецкой волости 297
- Семеновская, дер. 318
- Семеновский десяток, админ. терр. в волости Морева 318
- Семеновское см. Малино
- Семеновское, с. в Переяславле Залеском 337
- Сергеевское, с. в Вологде 371
- Серебожская (Серебож), волость в Дмитрове 345, 350
- Сереть, р. 66
- Сержа, р. 299
- Сестринский, стан в Волоке Ламском 279
- Синковское (Синково), с. в Дмитрове 331, 345
- Сиротинское, с. в Москве 357, 386
- Скирмановская (Скирманово), волость в Рузе 280, 282, 289
- Скитовская, дер. 386
- Скнятино (Скнятиново), с. в Переяславле Залеском 277, 335
- Словене, славянская общность 12, 24
- Словенская земля 12
- Словенский Волочек, волость в Белозеро 270
- Словенское, оз. 270
- Слуцк, г. 53
- Сменов, с. в Бежецком Верхе 358
- Сменовский вымол 358
- Смоленск, г. и терр. 17, 31, 50, 72, 89, 95, 97, 130, 146, 253, 424
- Смоленская волость 27, 29
- Смоленская земля 22, 24, 31
- Смоленское княжество 30
- Снегири, поселок в Московской области 375
- Сожица, р. 225, 231, 237, 246
- Сокольнический район г. Москвы 287

- Соль Великая (Большая), волость в Костроме 360–362, 375–377, 394
- Соль Галичская (Солигалич), г. и терр. 339, 350, 360
- Соль Переяславская, г. и терр. 332, 351
- Соль см. Усольская
- Сонинская, земля 309, 310, 327
- Сорожик (Новое), дер. 373
- Сорохта, волость в Костроме 340, 351
- Софийская сторона в Новгороде 88
- Софийский двор в Киеве 118–120
- Сохтневская, земля 358
- Спасское, с. в Дмитрове 276
- Спасское, с. во Владимире 287
- Спировская, дер. 279
- Среднее Поднепровье, регион 17
- Старая Руса, г. и терр. 28
- Старица, г. и терр. 287
- Старицкий у. 349
- Старо Поле, местн. у впадения р. Волмы в Мсту 326
- Стародуб (на р. Клязьме), г. и терр. 88, 287
- Старое Ермолинское, с. в Дмитрове 342
- Старое, пуст. 363
- Старосельская, дер. 295, 304
- Старское, болото 314
- Старый Двор, с. во Владимире 287
- Стержинский десяток, админ. терр. в Лазаревском стане 320, 321
- Столешниковская, дер. 304
- Стрыйнево, с-ще 306
- Суздаль, г. и терр. 20, 21, 30, 36, 58, 59, 78, 92, 95–97, 213, 234, 245–247, 274, 277, 278, 286, 287, 294, 300, 301, 310, 335, 342, 351
- Суздальская земля 20, 21, 23, 24, 30, 67, 75, 213, 234
- Суздальская волость 95
- Суздальщина, см. Суздальская земля
- Суздальский у. 277
- Сукромное (Сукромны), с. в Бежецком Верхе 276, 301, 358
- Сукромский, лес 358, 365
- Супой, р. 239
- Сурожик (Сурожиц), волость в Москве 332–334, 351, 361, 374, 394
- Сусла, р. 369
- Суходол, волость в Боровске 283, 289
- Сухона, р. 274
- Сяма, волость в Вологде 283, 343, 350, 361, 370
- Талица, р. 298
- Тариково, с. в Москве 316
- Тартышевская, дер. 371
- Таруса, г. и терр. 287
- Тарутинское (Тарутино), с. в Малоярославце 381
- Татьянин, наволок 392
- Тверская земля 340
- Тверская область 358, 363
- Тверское княжество 286, 313, 346, 349, 351
- Тверской у. 275
- Тверца (Тъхверца), р. 135
- Тверь, г. и терр. 274, 286, 351
- Тевликовская, пуст. 359, 377
- Теребовль, г. 13, 17, 22, 30, 66
- Теребовльское княжество 225
- Терский берег, южная часть Кольского п-ва 407
- Тетерев, р. 52
- Тимошинская, дер. 338, 339
- Тмуторокань, г. 17, 222, 225, 226, 233, 235, 237
- Толочинский десяток, админ. терр. в волости Мореве 318
- Торговая сторона в Новгороде 88
- Торговище, местн. в Новгороде 134
- Торжок, г. и терр. 26, 27, 29, 30, 31, 79, 135, 286, 351, 405, 409
- Торопецкая волость 27, 144
- Тошна (Тошенская), волость в Вологде 274, 290, 347, 350, 361, 371
- Треполь, г. 248
- Тростенское, оз. 374

- Тростна, р. 374
 Туковский десяток, админ. терр. в волости Морева 318
 Турийск, г. 84
 Туров, г. 13, 15, 17, 27, 233, 247
 Турово-Пинское (Туровское) княжество 24, 31
 Туровская (Туров), волость в Кашире 275, 291
 Турьи горы, волость в Луже, позднее в Малоярославце 361, 379, 380
 Тутаковская, дер. 294
- Уветичи, г. 14, 235
 Увоть, р. 274
 Угла, волость в Белоозере 367
 Углич, г. и терр. 278, 286, 287, 330, 341, 351, 361, 390
 Угличский, рубеж 313
 Угличский у. 276
 Угодская, земля 380
 Угож, волость в Звенигороде 361, 362, 374
 Угорская земля 12, 21
 Угорские горы 23
 Угорское, урочище в Киеве 110, 111
 Уготка, р. 380
 Угоцкая (Угодская, Уготская), волость в Малоярославце 361, 382
 Удинское см. Прилуцкое (Удинское)
 Украина, страна 225, 231
 Улома, р. 368
 Уломское, оз. 368
 Уненж, г. 87
 Усольская (Соль), волость в Переяславле Залесском 299, 301, 316, 341
 Усошская (Усохи), волость в Можайске 361, 362, 382, 383
 Успенское, с. в Волоке Ламском 280
 Устьморевский десяток, админ. терр. в волости Морева 318
 Устюг, г. и терр. 287
 Устюжна, г. и терр. 287
 Утячий, берег р. Лосты 370
- Уча, р. 296, 297
 Уша, р. 52, 66
- Фаустовская, пуст. 338
 Федорково, пуст. 313
 Федоровское, с. в Суздале 278
 Федоровское, с. в Юрьеве Польском 342
 Федосьин Городок, волость в Белоозере 361, 366–368
 Федотовская, земля 298
 Федьково, дер. 319
 Филиппковская, дер. 382
 Филипповское, с. в Маринине слободе 298, 299, 311
 Филипповское, с. в Ярославле 277
 Фокинская, дер. 302
 Фоминское, с. в Костроме 340
 Франкское королевство 207
 Фрольская, пуст. 363
- Халдейская земля 12
 Ханаанская земля 12
 Хлебалово, дер. 319
 Хлебаловы, дерр. 319
 Хловицкий десяток, админ. терр. в Лазаревском стане 320
 Холм, г. 105
 Холмская, волость в Новгороде Великом 320, 321
 Хорваты, славянская общность 24
 Хоробровская, пуст. 342
 Хорязиково, земля 337
 Хотеновская, земля 371
 Хотынка, р. 76
 Хриповское, с-ще 383
 Хупань, гора 332
 Хупань, с. в Переяславле Залесском 388, 389. Ср. Купань
 Хутын (Хутино) местн. под Новгородом 141
- Царьград (Константинополь), г., столица Византийской империи 61–63, 99, 133, 166, 209, 330

Центральная Европа 147

Церкви:

- Архангельский собор в Москве 283, 351
Богородицы в волости Княжостровской 410
Богородицы в Ростове 105
Богородицы Старая в Полоцке 54
Васильевский придел в Успенском соборе Симонова монастыря 344
Дмитриевская в Новгороде Великом 415
Дмитриевская в Суздале 234
Иоанна Предтечи на Опоках (на Торговище) в Новгороде 134, 327
Михайловская Златоверхая в Михайловском монастыре в Киеве 415
Никольская в погосте Мореве 318
Николо-Дворищенский собор на Ярославове Дворище в Новгороде 138
Симеона Столпника в с. Малино 288
Сорока мучеников Севастийских в Новгороде 138
Софийский собор в Киеве 53, 79, 117–122
Софийский собор в Константинополе 62, 63
Софийский собор в Новгороде 79, 80, 121, 135, 141, 414, 237
Спасский собор в Переяславле Суздальском 134
Турова божница в Киеве 112–115
Успения Богородицы в погосте Мореве 318
Успенский собор во Владимире-на-Клязьме (церковь Богородицы «Златоверхая») 56, 57, 89, 92, 93, 133
Успенский собор в Симоновом монастыре 344
Успенский собор в Киево-Печерском монастыре 233

Църьтово см. Чертов

- Чекмаковская, дер. 298
Чепятинский десяток, админ. терр. в волости Мореве 318
Червен, г. и терр. 22, 235, 408
Череповесь, волость в Белоозере 367
Чернигов, г. 14, 17, 27, 28, 87, 116, 117, 120, 183, 226, 228, 237, 247, 254
Черниговская волость 27, 28, 98
Черниговская земля 19, 24, 30, 31, 65, 87
Черниговское княжество 19, 30, 31
Черное море 125
Чернская, дер. 392
Чертов (Църьтово), ручей 326
Чехия, страна 72, 73, 252
Чудинковская (Чудинкова), дер. 358, 365
Чудское оз. 179
Чудской, стан в Кашине 349
Чудь, финно-угорская общность 19, 414
- Шахова** (Шаховская), волость в Костроме 361, 362, 377
Шахово, с. в Москве 298, 384, 385
Шаховской (Шахов), стан в Москве 298, 301, 307, 361, 385, 405
Швабия, регион 201
Шедашка, р. 100, 133
Шексна, р. 295, 301, 373
Шелекса, р. 369
Шелонская пятина, часть новгородской терр. 324
Шелонь, р. 76
Шерна, р. 299
Шипино, волость в Бежецком Верхе 278
Шипулино, пуст. 335
Шуклино, пуст. 313
Шульгинская, дер. 332
Шумер, страна древневосточная 37
Шумск, г. 89
Шухобал (Шухобалово), с. в Суздале 277, 287, 335

- Щеглятевское**, с. или дер. 297
Щелково, район г. Москвы 297
Щецин, г. 124
- Юго-Западная Русь** 59, 105
Южная Русь 19, 239, 241, 243, 245–247, 250, 252
Юрьев Польской, г. и терр. 282, 286–288, 342, 351
Юрьев Польской (Юрьевский) у. 276, 347
Юхотское княжество 282
Юхоть, с., центр Юхотского княжества 286, 351
- Ягреново**, пуст., с. в Бежецком Верхе 358, 363
Якушево, земля 298, 309
- Ялгуево**, дер. в Дудоровском погосте 321
Ямской у. 322
Ярополч, г. и терр. 277, 286, 288, 290, 351
Ярославец см. Малоярославец
Ярославль двор в Киеве 53, 112–115
Ярославль двор в Новгороде («княж двор») 103, 104, 121, 133–135, 141
Ярославль, г. и терр. 21, 282, 286, 351, 391, 392
Ярославское княжество 285
Ярцево, дер. 343
Ярцевская, дер. 279
Ярышево, с. в Суздале 277
Яуза, р. 287, 301
Яхрома, р. 295, 372

Научное издание

А.А. Горский, В.А. Кучкин, П.В. Лукин, П.С. Стефанович

**Древняя Русь:
Очерки политического и социального строя**

Издательство «Индрик»

Корректор-редактор *М. В. Архиреев*
Оригинал-макет *И. В. Заика*
Оформление *А. С. Старчеус*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная.
30,00 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 1327

Отпечатано с оригинал-макета
В ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6